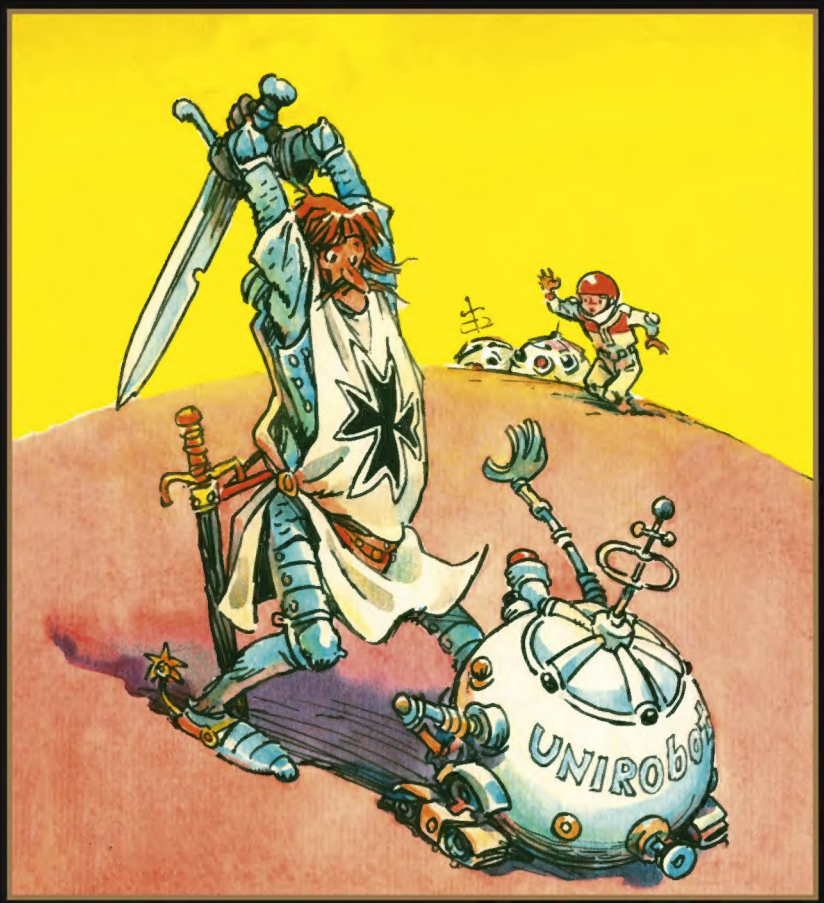
Кир БУЛЫЧЁВ

ПРИКЛЮЧЕНИЯ АЛИСЫ

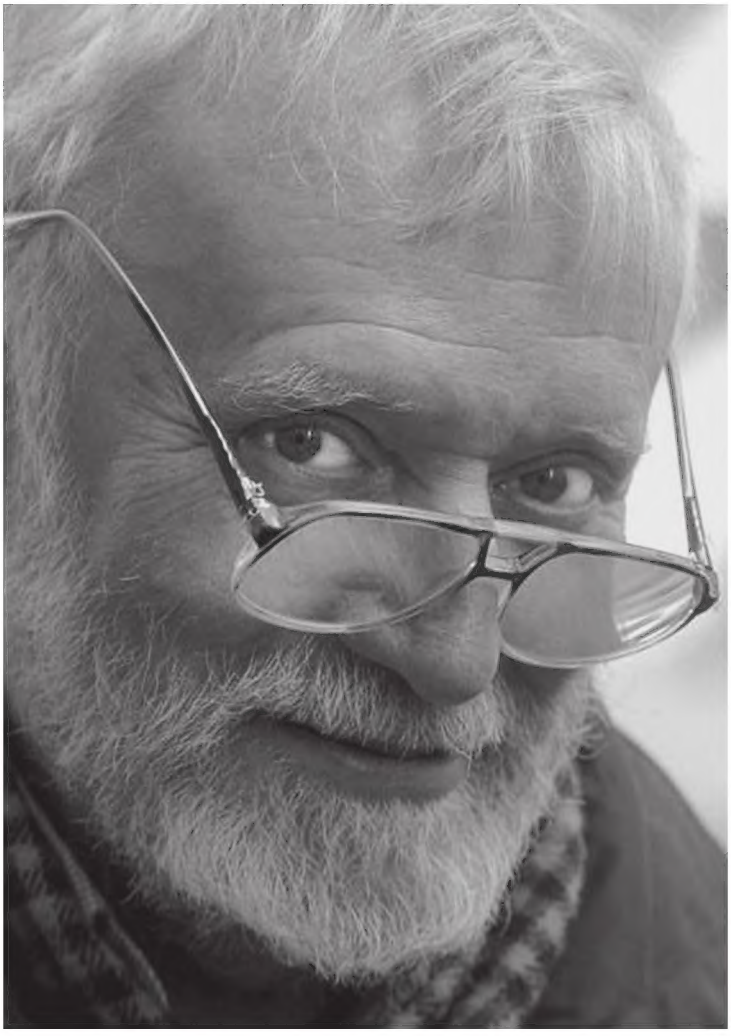


Свыше 150 иллюстраций Евгения Мигунова к повестям и рассказам «Клад Наполеона», «Война с лилипутами», «Золотой медвежонок», «Настоящее кино», «Алиса и крестоносцы», «Излучатель доброты», «Дети динозавров» и «Сыщик Алиса»

БИБЛИОТЕКА МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Кир Булычёв

Приключения Алисы III



Кир Булычёв
(1934–2003)

Кир Булычёв

Приключения Алисы

Иллюстрации
Евгения Мигунова

Творческое объединение
Алькор

Совместный проект издательства СЗКЭО
и переплетной компании
ООО «Творческое объединение „Алькор“»

Санкт-Петербург
СЗКЭО

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6
Б90

Первые 100 пронумерованных экземпляров
от общего тиража данного издания переплетены мастерами
ручного переплета ООО «Творческое объединение „Алькор“»

Классический европейский переплет выполнен
из натуральной кожи особой выделки растительного дубления.
Инкрустация кожаной вставкой с полноцветной печатью.
Тиснение блинтовое, золотой и цветной фольгой.
6 бинтов на корешке ручной обработки.
Использовано шелковое лясе, золоченый каптал из натуральной кожи,
форзац и нахзац выполнены из дизайнерской бумаги Malmero
с тиснением орнамента золотой фольгой. Обработка блока
с трех сторон методом механического торшонирования
с нанесением золотой матовой полиграфической фольги горячим способом.
Оформление обложки пронумерованных экземпляров
разработано в ООО «Творческое объединение „Алькор“»

Б90 **Булычёв К. Приключения Алисы.** — Санкт-Петербург: СЗКЭО, 2023. — 768 с.: ил.

Третья книга в серии БМЛ о приключениях Алисы Селезневой — героини, придуманной писателем-фантастом И. В. Можейко, который обычно выступал под псевдонимом Кир Булычёв — включает пять повестей: «Война с лилипутами», «Алиса и крестоносцы», «Излучатель доброты», «Дети динозавров» и «Сыщик Алиса», а также три рассказа: «Клад Наполеона», «Золотой медвежонок» и «Настоящее кино». Рисунки в этой книге выполнены талантливым художником и новатором отечественной мультипликации Е. Т. Мигуновым.

ISBN 978-5-9603-0952-3 (7БЦ)
ISBN 978-5-9603-0953-0 (Кожаный переплет)

© СЗКЭО, 2023
© К. Булычёв, наследники, 2023
© Е. Т. Мигунов, наследники, 2023

Клад Наполеона

Алиса открыла дневник и записала:

«8 октября. Суббота. Сегодня ночью я стала кладоискательницей. Я разбирала бабушкин книжный шкаф и нашла там старинную книгу о Наполеоне. Я так зачиталась, что чуть не забыла лечь спать. Из этой книги я узнала, что, когда Наполеон отступал от Москвы в 1812 году и его догнала зима, он решил отделаться от сокровищ, которые вез из Кремля. Обоз с драгоценностями мешал его войску быстро бежать.

Французы нашли в лесу глубокое Сумлевское озеро и сбросили в него все ящики. Они надеялись, что следующим летом вернутся и завоюют Россию, но, конечно, не вернулись.

С тех пор в озере много раз искали этот клад, но не нашли. Даже неизвестно точно, в том ли озере надо искать. Да и само Сумлевское озеро глубокое, может, драгоценности погрузились в ил.

Я бы не стала кладоискателем, если бы не вспомнила, что в прошлом году была на Сумлевском озере. Мы туда летали с отцом за грибами. Я помню, как сидела на берегу этого озера и представляла, каким оно было в сказочные времена. В нем могла жить русалка, а на берегу сидел старый леший и любовался, глядя, как она плавает.

Я так точно представила себе это озеро, что совсем не удивилась тому, что в нем может таиться клад. И мне захотелось его найти.

И тогда я подумала – ведь клад не нашли раньше, потому что у старых кладоискателей не было космического скафандра. А у меня он есть. Настоящий скафандр с прожектором, лазерным резаком, в котором не только в лесное озеро можно спуститься, но даже в жерло вулкана.

Поэтому для меня найти клад совсем несложно.

Так что завтра с утра я лечу за кладом Наполеона».

Кончив писать, Алиса спрятала дневник в секретный ящик стола, потому что дневник был ее самой секретной вещью. В нем она писала только правду, и о себе и о других. А людям, даже самым умным, не всегда приятно узнать о себе всю правду.

На рассвете Алиса вышла на кухню, прошептала домработнику, что скоро вернется, сделала себе два бутерброда, налила в термос горячего чаю. Потом велела домработнику отнести термос и бутерброды, а также большой пластиковый мешок для сокровищ к флаеру. А сама сняла в шкафу космический скафандр, проверила лазер и прожектор и поспешила на улицу.

Шел мелкий дождик, в лужах плавали желтые листья. Домработник укладывал в открытую дверь флаера термос и пакет с бутербродами. Он ничего не понял и спросил:

– На какую планету собралась?

– За грибами, – ответила Алиса.

Домработник был сплетником и путаником. Если сказать ему о кладе, через час Алису начнут искать в Париже или на острове Святой Елены, где Наполеон, как известно, умер.

– Не срывай мухоморов, – сказал домработник на прощание. – Они ядовитые.

Алиса поблагодарила его и подняла флаер в воздух.

В городе ранним субботним утром движение в воздухе небольшое, а за Москвой встречаются только грузовые флаеры да яркие пузыри грибников, которые далеко от города не отлетают.

Добралась Алиса до лесного озера часа через два, из-за того, что пришлось покружить над лесами, прежде чем она отыскала то озеро, что ей требовалось.

Под мелким серым дождем озеро казалось совсем не таинственным, и трудно было поверить, что там, в глубине, могут таиться сокровища.

Алиса опустилась у самой воды, позавтракала, не вылезая под дождь, потом не спеша облачилась в скафандр. С каждой минутой ей все меньше верилось, что из ее затеи что-нибудь выйдет.

Хлюпая тяжелыми башмаками по грязи и раздвигая тростник, Алиса вошла в серую воду. Испуганная лягушка отпрыгнула в сторону. Ноги увязали, и каждый шаг давался с трудом. Вода поднялась до колен, потом до пояса, двигаться стало еще труднее. Когда вода дошла до горла, Алиса оглянулась. Флаер ярким пятном стоял на фоне почти голых деревьев. Было пустынно и скучно.

«И что я сюда полезла? – подумала Алиса. – Мало мне было приключений на далеких планетах? Вот завязну в этом глухом озере, и никто меня не найдет. Найдут, – успокоила она себя, – по флаеру найдут». И с этой мыслью она шагнула вперед, дно круто пошло вниз, Алиса потеряла равновесие и села на дно, сразу глубоко уйдя в тину. Ил поднялся тучей, стало совсем темно, и Алиса включила прожектор. Этот прожектор, хоть и маленький, линза как человеческий глаз, выручал Алису на самых диких планетах, посылая свой тонкий луч на десять километров вверх. Но тут он был почти бессилен. Так что передвигаться приходилось ощупью. Неудивительно, что никто не смог в этой каше отыскать клад.

Дно было неровным, начали встречаться большие камни. И каждый раз Алиса надеялась, что это не камень, а ящик. Один из камней она даже разрезала лазерным лучом, вода засветилась голубым, страшноватым светом, и камень развалился, медленно, нехотя... Обе его половинки сразу скрылись в тине. Конечно, подумала Алиса, здесь нужен очень могучий насос, чтобы очистить озеро от тины.

Можно было бы вылезать, но Алиса из чистого упрямства продолжала пробираться по дну. Она уже забралась глубоко.

И вдруг впереди Алиса увидела зеленоватое светящееся пятно.

Она замерла. Что это могло быть?

Пятно, увеличиваясь, медленно двигалось навстречу.

Алиса включила внешний микрофон. Она, разумеется, не испугалась, потому что русалкам в этой грязи не выжить. Вернее всего, кто-то про-

летел над озером, увидел на берегу пустой флаер, забеспокоился и отправился искать утопленника.

А может, это другой кладоискатель?

«Алиса, – услышала она. Голос прозвучал близко. Как будто кто-то подошел к самому уху. – Это ты?»

«Так и есть, – догадалась Алиса. – Глупый домработник поднял панику, и ее ищут».

– Кто здесь? – спросила Алиса.

И тут она увидела – кто.

Навстречу ей легко, как по воздуху, двигалась другая девочка, в короткой белой тунике, окруженная зеленоватым сиянием. Она была без скафандра, лицо ее было веселым и очень знакомым.

– Ты кто? Русалка? – спросила Алиса.

– Я пришла. Ты меня пригласила, и я пришла. Я давно хотела с тобой увидеться. Мне о тебе столько рассказывали!

Алиса поняла, что другая девочка окружена силовым полем и потому ей вода не страшна. «Может, инопланетянка? Но откуда она меня знает?»

Словно угадав ее мысли, девочка сказала:

– Я не инопланетянка, хотя живу на Альдебаране. В наше время это не важно. Сегодня я на Земле, завтра я на Марсе, послезавтра я уже на Сириусе.

– Но я тебя не знаю. Откуда ты знаешь меня?

– Потому что я твоя прапраправнучка. И меня тоже зовут Алиса. В твою честь.

Девочка подошла, вернее подплыла совсем близко. Она не касалась ногами дна.

– Но почему ты тут? – Алиса все еще не понимала, что случилось, да и трудно ей было поверить, что ее прапраправнучка встретилась именно на дне Сумлевского озера.

– Я читала твой дневник, – сказала девочка. – Раньше мне его не давали, пока я не подросла, а теперь дали. И я в нем прочитала, что ты сегодня будешь на дне этого озера и приглашаешь меня на свидание. Мне стало так интересно увидеться с тобой, что я тут же собралась и прилетела. Это ведь не очень просто – между нами сотни лет. Но я все о тебе знаю и очень стараюсь тебе подражать.

– Но я ничего не знаю о тебе. Как я могла тебя пригласить сюда?

– Ты кто? Русалка? – спросила Алиса.

– Разве это так важно? – спросила вторая девочка. – Может, мы поговорим?

– Тогда давай вылезем из озера, – сказала Алиса. – Тут очень неудобно.

– К сожалению, я не могу этого сделать, – сказала прапраправнучка. – Мне категорически запрещено появляться в прошлом. Поэтому я могу видеться с тобой только здесь, на дне озера.

– Надо же придумать такое неудобное место, – сказала Алиса. – Но все равно мне очень приятно с тобой познакомиться. Знаешь, я раньше вела дневник от случая к случаю и по целому месяцу в него не заглядывала. А теперь, пожалуй, буду писать почаще.

– Конечно, будешь, – согласилась девочка. – Потому что у нас дома лежит пять томов твоих дневников. Это удивительное чтение. Ты жила в странное и даже первобытное время, когда людям, чтобы пролететь Галактику, надо было потратить несколько месяцев, когда еще были болезни, встречались космические пираты – ах, какое это было романтическое время!

– Вот чепуха! – рассмеялась Алиса. – Я всегда думала, что наше время слишком обыкновенное. Самый конец двадцать первого века! То ли дело сто лет назад, когда люди еще только выходили в космос и собирались лететь к Марсу. Тогда людей подстерегали опасности и трудности. Моей бабушке, которая была маленькой в 1990 году, требовался целый час, чтобы долететь до Ленинграда. А мой прадедушка поднялся на Эверест, и о нем писали в газетах. Вот тогда жили настоящие герои!

– Все на свете относительно, – сказала девочка. – У нас, в двадцать четвертом веке, скажу тебе, жить просто неинтересно. Мы даже в школу не ходим.

– А как же?

– Уже сейчас я знаю столько, сколько ты будешь знать, когда кончишь школу. Я могу в мгновение ока перелететь на любую планету. Сейчас мы осваиваем другую галактику. Так в моей жизни нет никакой романтики.

– Другая галактика! – воскликнула Алиса. – Хотела бы я там побывать.

– А я хотела бы остаться в твоем романтическом, трудном и опасном двадцать первом веке. Слушай, давай поменяемся. Ты полетишь ко мне, а я побуду здесь.

– Ну что ж, – ответила Алиса. – Я не против.

– Нет, – вздохнула девочка из двадцать четвертого века. – Это невозможно: мы не совершаем таких легкомысленных поступков. Это несо-

лидно. Я читаю твои дневники как приключенческий роман. Но знаю, что для меня это только роман. Слушай, у тебя нет ничего поесть? А то я так спешила к тебе, что забыла позавтракать.

– У меня остался бутерброд и чай в термосе. Но это в моем флаере, который стоит на берегу. Хочешь, я поднимусь туда, а ты подождешь?

– Зачем? Если можно взять, то я возьму.

– А как же... – но Алиса не успела договорить, как в руках девочки оказался ее термос и бутерброд. Причем Алиса могла поклясться, что ее прапраправнучка не двинулась с места.

– Мы так много можем, – сказала девочка печально, – что даже неинтересно.

Она отпила из термоса и начала жевать бутерброд.

– Хорошо еще, – посочувствовала ей Алиса, – что тебе надо есть. А то было бы совсем скучно.

– Честно говоря, – ответила девочка, – если нужно, я могу прожить месяц без еды.

Девочка доела бутерброд, и за эту минуту Алиса успела придумать тысячу вопросов, которые надо было задать прапраправнучке. Но та, отправив пустой термос обратно во флаер, сказала:

– Прости, прапрапрабабушка, но я читаю мысли и потому заранее могу тебе сказать, что на некоторые твои вопросы я ответить не могу, а на некоторые могла бы, но ты ничего не поймешь. Не сердись. К тому же мне пора. Через шесть минут и двадцать три секунды я вылетаю в Крабовидную туманность, а мне еще надо собраться и попрощаться с друзьями.

– Жалко, – сказала Алиса. – Но ничего не поделаешь. Беги, а то опоздаешь. Передавай привет Крабовидной туманности.

– Я рада, что встретилась с тобой. Может, еще увидимся.

Девочка начала медленно растворяться.

– Стой! – крикнула Алиса. – Я забыла спросить: клад в этом озере есть?

– Клад не в этом озере... – голос девочки растворялся, исчезал, утихал. – Клад в...

Но где, Алиса так и не услышала.

Яркая вспышка света возникла на том месте, где только что была прапраправнучка. И только бурая вода колыхалась вокруг.

«Ну что ж, – подумала Алиса, – может, она и права. Человеку интересно забраться в озеро и искать в нем клад. А ей, прапраправнучке, достаточно взглянуть сверху и понять, что никакого клада и нет».

И, что самое удивительное, хоть Алиса теперь знала, что никакого клада в озере нет, она еще полчаса упрямо шла по дну, пока не перешла все озеро и не вылезла на том берегу. И, конечно, ничего не нашла.

Потом она обошла озеро вокруг, набрала много красивых желтых листьев, у трухлявого пня нашла семейку опят, а когда забралась во флаер и поднялась в небо, то еще несколько минут летела не домой, а рядом со стаей диких гусей, которые улетали к югу.

Дома она отдала грибы домработнику и поставила термос на место.

Все еще спали.

Алиса прошла к себе в комнату, открыла дневник и записала в нем:

«9 октября. Воскресенье. Сегодня я искала клад на дне Сумлевского озера. Клада я не нашла, но встретилась с одной очень интересной девочкой, которую тоже зовут Алиса. И если она когда-нибудь будет читать этот дневник, она догадается, кого я имею в виду. И мы с ней увидимся».

Война с лилипутами

Часть первая
СРАЖЕНИЕ В КУСТАХ

Глава первая
СУДЬБА ХРИСТОФОРА КОЛУМБА

Алисе было жалко Колумба.

Он с риском для жизни переплыл Атлантический океан, не испугался ни жары, ни бурь, ни плохого характера трусливых матросов. Он открыл Америку, хотя и думал, что это всего-навсего Индия. Он высаживался на неведомых островах, ступал тяжелой ногой на золотой песок под тень кокосовых пальм. Он набрал полные трюмы товаров. Он вернулся в Испанию.

Его встретили, поздравили и тут же обратились к своим обычным делам. Кто зарабатывал деньги, кто стремился к титулам, кто воровал, кто казнил, кто строчил доносы – у всех были свои дела, и никому не было дела до Христофора Колумба, который открыл Америку. Потом, через несколько лет, его вообще посадили в тюрьму по гадкому и лживому доносу – такие были времена и нравы.

Алиса представляла себе, как Колумб бродит по своему кабинету или по тюремной камере, смотрит в окно на прохожих и умоляет их: «Ну посмотрите на меня!» А никто на него не смотрит, никто не знает о его подвигах!

Представляя себе эту грустную картину, Алиса подошла к окну своей комнаты, посмотрела на прохожих и стала мысленно умолять их: «Ну кто-нибудь, пожалуйста, поглядите наверх! Здесь я, Алиса Селезнева! За последний год я опускалась на дно Тихого океана, открыла Атлантиду, спасла последних атлантов, побывала на планете Пять-четыре, стала принцессой, а недавно побывала в центре Земли, ни минуты у меня не было спокойной. Тысячи человек славят меня как самую отважную девочку во Вселенной, другие удивляются моим мужеству и талантам. Но дома, в Москве, никому и дела нет до моих подвигов. Все заняты своими хлопотами. И даже намерены посадить меня под домашний арест, как несчастного Колумба. Тут уж невольно задумаешься, а достойно ли человечество жить одновременно со мной?»

Стояла жара, воздух был неподвижен, и листья за окном вяло повисли, ожидая, когда же наступит вечер. До темноты оставалось недолго, но неизвестно, принесет ли она прохладу.

«Сейчас соберутся все взрослые, и начнется несправедливый и жестокий суд над отважной путешественницей».

Не успела Алиса так подумать, как в комнату вошел домашний робот Поля, который нянчил Алису еще во младенчестве.

Правая рука его покоилась на широкой черной перевязи. Вчера робот поскользнулся на банановой корке, которую сам при уборке забыл на полу, упал, ушиб руку и решил, что сломал ее. Он отказался вызывать ремонтников и занялся самолечением. Зрелище, конечно, комическое, но Поля так давно живет среди людей, что считает себя человеком.

– Алиса, – мрачно сказал Поля, – бабушка Лукреция спрашивает, какие котлеты готовить – рыбные или мясные.

– Все равно, – ответила Алиса.

– Так и доложим, – сказал Поля, которому бабушка не нравилась. Бабушка приехала из Симферополя погостить и сразу забрала дома всю власть. Она считала Полю обыкновенным домработником, чем глубоко его обижала.

Раздался звонок – вернулась с работы мама. Папа приехал следом.

– Алиса, – мрачно сказал Поля, – бабушка Лукреция спрашивает, какие котлеты готовить – рыбные или мясные.

Обычно они возвращались домой куда позже, но сегодня – Алиса об этом догадывалась – предстоит суд над несчастным Христофором Колумбом, то есть над Алисой. Вот все и сбежались.

«Ну что ж, суд так суд, – подумала Алиса. – С королями адмиралы не спорят. Они ждут своего часа и тогда поднимаются на мостик, встают у штурвала и смело подставляют лицо бурям и штормам».

– Алиса, – сказала мама, заглядывая в комнату, – ты отдала шторы в химчистку?

Не дело для человека сдавать шторы в химчистку – этим занимается домашний робот. Но Алиса и тут не стала спорить. А ответила тихо:

– Извини, мама, я не успела. Но их уже сдал Поля.

Вошел папа и с деланой бодростью сообщил, что в зоопарке начали нестись выкумсы и крокумсы. Алиса и не подозревала, кто такие выкумсы и крокумсы. Она уже год как не была у отца в зоопарке.

Тут из кухни выскочила шустрая симферопольская бабушка Лукреция и сказала, что обед готов.

Все пошли обедать. Бабушка все время говорила, что котлеты не получились, пирог подгорел и вообще никуда не годится, а все остальные тут же начинали с бабушкой спорить, потому что бабушке хотелось, чтобы ее хвалили.

Алиса знала, что Поля готовит лучше, чем симферопольская бабушка, а может быть, она просто привыкла к тому, как готовит робот. Возможно, и родители так думали, но все повторяли:

– Что ты, бабушка! Мы никогда не пробовали такого вкусного пирога!

– Бабушка, у тебя самые вкусные в мире котлеты.

Поля слушал эти похвалы мрачно, отворачивался, страдал от ревности, но из комнаты не уходил. Он переводил взгляд с Алисы на маму, с мамы на папу – все надеялся, что кто-нибудь защитит его честь. Но никто не защитил.

Не надо думать, что симферопольская бабушка Лукреция была стареньким одуванчиком, эдакой божьей коровкой.

В доме Селезневых она появилась две недели назад. Вечером открылась дверь, и возникла пожилая женщина очень маленького роста, стройная и большеглазая. Бабушка впорхнула в квартиру и заставила папу, который не видел ее десять лет, признать в ней свою тетю Лукрецию. Потом вошла в гостиную, поставила посреди нее свой объемистый пухлый чемодан и сообщила, что приехала в Москву по делам, пробудет здесь две

или три недели, пока Тиберия не восстановят в училище, что она не выносит гостиницы, а летать каждый день обратно в Симферополь, чтобы там ночевать, не желает. Так что она приняла решение пожить пока у Селезневых и хочет спросить их...

Тут голос бабушки стал строг: «Довольны ли Селезневы ее приездом, не стеснит ли она их своим присутствием?»

Селезневы – папа, мама, Алиса и робот Поля – тут же заявили во всеуслышание, что счастливы тем, что бабушка Лукреция избрала их дом своим временным пристанищем.

Бабушка оказалась деятельной и вездесущей. Раньше Алиса не задумывалась над этим словом, а может, и не знала его. А теперь поняла, что оно означает. Бабушка Лукреция умела одновременно существовать в самых различных местах. Если она была дома и готовила обед, к негодованию Поли, оставшегося без привычной работы, она могла в то же время по двум видеофонам отстаивать права своего Тиберия, которого выгнал злодей Пуччини-2.

Злодей Пуччини-2 работает директором Московского циркового училища. Некогда он со своим близнецом братом Пуччини-1 выступал с группой дрессированных носорогов. Носороги кувыркались, стояли на рогах и пели простые песни, сами себе отбивая такт на больших барабанах – тамтамах. Оставив арену, он занялся воспитанием будущих цирковых талантов, но проявил себя тираном и самодуром, потому что выгнал Тиберия.

Бабушка, без всякого сомнения, навела бы порядок в цирковом училище, но Пуччини-2 улетел инспектировать цирк на Паталипутре, а затем намеревался посетить тайный союз шпагоглотателей на Альдебаране. Обещал вернуться в среду, затем сообщил, что задержится до понедельника... И вот так – третью неделю!

Любая обыкновенная бабушка, прежде чем нападать на Пуччини-2, сначала бы провидеофонила ему из Симферополя, договорилась о встрече, а потом бы уж прилетала. Но бабушка Лукреция заявила, что Пуччини-2 можно взять только внезапным налетом. Вот она и сидела у Селезневых, ожидая возвращения директора, чтобы внезапно напасть на него и восстановить справедливость.

Вообще-то она была милой, доброй бабушкой и умела не только жарить котлеты, но и жонглировать семью горящими предметами, делать стойку на одной руке, показывать карточные фокусы и развязывать любые узлы.

Этого у бабушки не отнимешь. Она намекала на то, что карточные фокусы для нее – не предел, но все в доме были заняты своими делами, все торопились и опаздывали, поэтому бабушка за две недели так и не смогла отловить слушателя или зрителя.

Алисе тоже было не до бабушкиных фокусов. Она ждала, что же придумает испанская правящая камарилья в лице ее родителей для того, чтобы оставить Колумба дома и забыть о его подвигах и открытиях.

Родительский заговор раскрылся за чаем.

– Алисочка, – сказал отец невинным голосом, – как ты смотришь на то, чтобы навестить в Каугури тетю Аустру?

– Спасибо, – сразу догадалась Алиса, – у меня так много дел на биостанции! Мне хотелось бы заняться селекцией вьющихся растений на Марсе.

– Ой! – сказала симферопольская бабушка. Она прониклась уважением к внучке, которая собирается заняться селекцией.

– Замечательно, – сказала мама. – У тети Аустры ты как раз и займешься селекцией. Тетя Аустра разводит артишоки. Это лучшие в Латвии артишоки, они получили медаль на выставке в Брюсселе. Неужели ты забыла об этом, Алисочка?

«Ну, мамочка, я тебе это предательство припомню», – мысленно ответила Алиса. Но заставила себя улыбнуться и сказать:

– Только не артишоки! У меня на них аллергия!

– Аллергия! – ахнула симферопольская бабушка. – Какой ужас!

– Где же ты ее подхватила? – спросил папа, который, разумеется, Алисе не поверил.

– Она у меня в крови, – сказала Алиса печально. – И это неизлечимо.

– На берегу моря! – сказала мама. – Я тебе завидую. Свежий морской воздух, никуда не надо спешить...

– Может, ты поедешь вместо меня? – спросила Алиса. – Ты же любишь разводить артишоки.

– Совершенно не представляю, что это такое, – призналась мама. – Это такие кролики?

– Черненькие, – сказала Алиса.

– Не слушай ее, – вмешался папа. – Артишоки – это растения. И дело, конечно же, не в них, а в том, что с нами вчера разговаривал ваш школьный доктор.

– ...и сказал, что его беспокоит состояние моего здоровья.

– Так точно, – сказал папа.

– Он вчера уже с родителями Аркаши Сапожкова разговаривал и с Пашкиной мамой. И точно в таких же выражениях.

– Алиса, если тебе двенадцать лет, – сказал папа, – это еще не значит, что ты разбираешься в медицине лучше школьного врача.

«Как это скучно, – подумала Алиса. – Они же в самом деле очень беспокоятся о моем здоровье, им кажется, что мне опасно летать на другие планеты и спускаться к центру Земли в первую очередь потому, что я могу схватить насморк. И наш милый школьный доктор, который сам никогда в жизни не отъезжал от Москвы дальше Калуги, потому что он единственный ребеночек у мамочки и она его берегла от микробов как зеницу ока, верит, что нам нужен покой». И тут Алисе пригрезился мореплаватель Христофор Колумб, которому королева Изабелла приказала пойти к придворному врачу, а тот утверждал, что в океане очень опасно, а открывать новые острова – самоубийство, ведь на них миазмы и москиты!

– Ты в самом опасном переходном возрасте, – сказала мама. – Вытянулась, меня уже догнала, одни кости.

– А ты хотела пухленькую доченьку, – ответила Алиса.

– Алиса! – сказала мама строго.

– Но главное, что сказал доктор, и я с ним совершенно согласен, – вмешался отец, – тебе нужен нормальный отдых!

– И нормальное питание, – вмешалась бабушка из Симферополя.

– Да, и нормальное питание!

– Я совершенно нормально питалась, – сказала Алиса, и ей стало смешно – не все ли равно, как и чем питается человек! Если сказать, что ей пришлось съесть за прошлый месяц – мама бы умерла от ужаса! А что ты можешь поделать, если приходится опускаться на дно Тихого океана, чтобы открыть Атлантиду и обедать с атлантами? А что вы прикажете есть на планете Пять-четыре, где ничего съедобного не водится и даже живые шары обходятся только воздухом?

– Ты питаешься неизвестно чем, – продолжал отец, – спишь неизвестно где, гуляешь неизвестно с кем!

Он даже отодвинул недопитую чашку – так расстроился.

– И еще скажи, папочка, – ответила Алиса, которой конечно же лучше было помолчать – все равно взрослых, если уж они решили заботиться о твоем здоровье, не переспоришь, – скажи мне, чтобы я поменьше сражалась с драконами, стреляла из бластера, билась на лазерных мечах и бегала наперегонки с черным медведем.

– Она стреляет из бластера! – ахнула симферопольская бабушка.

– И у меня есть подруга, Ирия Гай, которая чемпион своей планеты по боксу и альпинизму.

– И она тоже стреляет из бластера, – тихонько сказала симферопольская бабушка, и на ее глаза навернулись слезы.

– Я полагаю, что ты сейчас специально пугаешь родителей. И сильно преувеличиваешь, – сказал отец. Но голос его был неуверенным.

– Преувеличивает, – сказала мама.

– А ведь вы так недавно были молодыми! – сказала Алиса, глядя на своих родителей, которых, правда, никто еще не считал пожилыми. – Мне трудно поверить, что ты, папочка, забирался внутрь космического кита, чтобы узнать, отчего у него болит живот. А потом прожил три месяца на ветках самой высокой сосны на планете Марош, чтобы узнать, как размножаются тамошние орлы.

– Папа и тебя брал в экспедиции, – сказала мама. – И никто не собирался растить из тебя тепличное растение. Только во всем надо знать меру.

– Разве я не знаю?

– Ты вся покрыта шрамами и царапинами. Не подросток, а бродячий котенок!

– Алису нельзя отпускать к тете Аустре, – сказал домработник Поля. Он стоял в углу и ничего не делал, так как считал себя раненым. – Она тут же сбежит от тети, а тетя старенькая и ее не догонит.

– Этого еще не хватало! – воскликнула Алиса. – Зачем мне убегать от тети Аустры?

– Затем, чтобы переплыть через море в Швецию.

– Но зачем мне переплывать через море в Швецию?

– Чтобы утонуть на полдороге, – сказал Поля и засмеялся.

– Я больше так не могу, – сказала симферопольская бабушка. – Это не ребенок, а самоубийца.

– Школьный доктор, – заявил папа, – категорически против любых путешествий.

– А что же мне можно?

– Тебе можно провести август в средней полосе России, на чистом воздухе, желательно под Москвой. И учти, что доктор совершенно категоричен.

– Но если я останусь под Москвой, меня не пошлют пропалывать артишоки к тете Аустре?

– А ты останешься? – удивилась мама, которая не ожидала, что Алиса капитулирует так скоро.

– Да, может быть, – сказала Алиса. – И в самом деле, я с детства не жила на даче под Москвой. Наверное, в этом есть свои прелести.

Вы бы видели, какая радость охватила родных Алисы Селезневой, включая робота Полю и симферопольскую бабушку.

– И в космос ни ногой? – спросила симферопольская бабушка.

– Ни ногой, – согласилась Алиса.

По комнате пронесся порыв ветра – это присутствующие облегченно вздохнули.

Затем, перебивая друг друга и даже забыв о том, что Алиса сидит за тем же столом, взрослые начали обсуждать, куда бы поехать Алисе. Но она, послушав их, сказала:

– Я поживу на даче у Аркаши Сапожкова. Дача у него близко, в Кратове. И мне не скучно там будет. Пашка Гераскин тоже туда собирался.

Идею Алисы встретили одобрительными возгласами, и на радостях никто не подумал, как это подозрительно: не только Алиса, но и Аркаша Сапожков, и Пашка Гераскин добровольно едут на дачу, как самые обыкновенные маменькины дочки и сыночки. Им бы подумать и встревожиться. Хотя бы потому, что над кроватью Алисы висел лозунг, написанный Пашкой: «Покой нам только снится!»

Вдруг бабушка из Симферополя спохватилась:

– А где будут родители твоего друга?

– Аркашины родители – заядлые туристы, они ушли с братьями Аркаши в поход по речкам Горного Алтая.

Конечно, мама с папой предпочли бы, чтобы Аркашина дача кишмя кишела бы его тетушками и дедушками, чтобы не спускать глаз с их дочки, но все понимали, что спокойнее жить на даче, чем улететь на какой-нибудь Альдебаран.

На том и порешили.

Алиса прошла к себе в комнату, легла на диван, включила видик и подумала: «Вот я перехитрила родителей, сделала как мне хотелось, вот я готова к новым опасным приключениям, и никто меня уже не остановит. Может быть, я совершу еще несколько подвигов и переживу смертельный бой с пиратами или драконами – все может быть... А потом мы сядем за стол, и папа с мамой будут говорить на обыкновенные темы и беспокоиться о моем здоровье. Их жизнь такая скучная, они так окон-

чательно и бесповоротно забыли о собственной молодости, что думают, будто Алиса – маленькая девочка-шалунья, с которой ничего плохого не случится. Так им и роботу Поле удобнее. А жаль. Иногда так хочется рассказать правду о невероятных и страшных приключениях. Но Алиса ничего не станет рассказывать дома – не поймут, только перепугаются. Вот, наверное, и Христофор Колумб своей старушке маме о штормах и смерчах – ни слова. И старушка мама была уверена, что он плавает по спокойному морю, не отходя далеко от берега».

Глава вторая
ПО СЛЕДАМ ГУЛЛИВЕРА

На следующее утро позвонил Пашка Гераскин.

– Как у тебя? – спросил он.

– Все в порядке, – ответила Алиса. – Доктор рекомендовал мне провести остаток каникул на даче и отдыхать на свежем воздухе. Мы решили, что я поеду на дачу к Аркаше Сапожкову, чтобы там и дышать.

– Счастливая, – сказал Пашка. – Моя мама сразу почуяла неладное. «Что, – спрашивает, – потянуло тебя к спокойной жизни? Может, ты тяжко болен? Дай, – говорит, – лоб пощупаю». Понимаешь?

– А ты?

– Я сказал чистую правду. Я сказал, что у нас летняя практика и каждый должен совершить необычное путешествие. Мы с тобой свое уже совершили.

– Даже три, – сказала Алиса.

– А Аркаша только сейчас подготовился. И ему нужны помощники. Мама сразу спрашивает: «Зачем? Это опасно?»

– Ну и хитрая она у тебя! – сказала Алиса.

– И не говори. Будь моя воля, я выбрал бы себе другую, попроще.

– И что ты ей ответил?

– Опять же чистую правду. Что Аркаша собирается написать цикл картин с натуры. А что мне мама ответила?

– Наверное, она ответила, что ты и огурца не можешь нарисовать. Какой из тебя помощник художнику?

Пашка вздохнул, и на экране видеофона было видно, как он расстроен. Алиса почувствовала его настроение и быстро спросила:

– Я тебя обидела?

– Я сам виноват, – вздохнул Пашка. – Если даже ты считаешь меня бездарным, значит, так оно и есть.

По всему было видно, что сам Пашка себя бездарным не считал.

– Не всем же быть художниками, – сказала Алиса.

– Погоди, я не досказал... В общем... мама выпытала.

– Ничего страшного, – сказала Алиса.

– Ничего? А если она взяла с меня слово?

– Какое слово?

– Я сказал, что Аркаша особенный художник. Он хочет рисовать микрокартины, но с натуры. Для этого он должен уменьшиться в пятьдесят раз. Мама как закричит: «Я с самого начала догадывалась, что это добром не кончится! Ты обязательно решил уменьшиться вместе с Аркашей, чтобы вас вместе склевал первый встречный воробей». Я ей говорю: «Мама, это только Аркаша уменьшится, а мы с Алисой будем за ним следить именно для того, чтобы его не склевал воробей».

– В общем, она тебе не поверила.

– Нет. И взяла с меня слово, что ни при каких обстоятельствах я не стану уменьшаться в пятьдесят раз. А ты знаешь – я человек слова.

– Человек, который слишком много говорит, – сказала Алиса, – и обязательно проговаривается...

В начале каникул каждый в классе выбрал себе необыкновенное путешествие. Алиса с Пашкой решили опуститься на дно Тихого океана в центре атолла Мооруту, где во время Второй мировой войны был потоплен японский транспортный конвой, что вез добычу, награбленную японскими солдатами в Индонезии, Бирме и Сингапуре.

Это путешествие, которое началось мирно и спокойно, привело к стольким приключениям, что теперь даже трудно вообразить, что все они произошли за считаные недели.

Вернувшись домой, Алиса узнала, что все ее одноклассники разъехались по разным концам Земли, чтобы совершить необычные путешествия. Только Аркаша Сапожков, который решил путешествовать вокруг собственной дачи, еще и не начинал путешествия.

Причин тому было несколько. Одна из них заключалась в том, что Аркаша был медлительным и задумчивым. Он обязательно должен все проверить, а потом перепроверить и еще раз обдумать.

В чем же была Аркашина идея?

Все художники, рассуждал он, рисуют только такие вещи, которые соответствуют человеческому росту. А если художнику надо нарисовать что-то маленькое, он вооружается лупами, микроскопами, предметными стеклами и перестает быть художником. Художники создали миллионы человеческих портретов. Но ни одного портрета гусеницы или комара. И если уменьшиться до размеров гусеницы, можно будет написать ее портрет. А если станешь маленьким, как комар, то увидишь, что и у него есть лицо. Может быть, неприятное и даже страшноватое, но лицо.

Вот и придумал Аркаша путешествие под названием «Путешествие микрохудожника в Страну дремучих трав».

«В Стране дремучих трав» – название одной старой книжки, герои которой стали такими маленькими, что для них травы казались дремучим лесом. Есть и другие книги о таких лилипутах. Еще несколько сот лет назад английский писатель Джонатан Свифт написал повесть о Гулливере, который сначала попал к лилипутам, а потом оказался среди гигантов. А помните повесть «Путешествие Нильса с дикими гусями»? Там мальчик Нильс обидел гнома, тот превратил его в лилипута, и Нильс отправился в полет на шее своего друга – гуся Мартина.

Но одно дело – художественная литература, сказки и фантастика, совсем другое – настоящая жизнь. Объявив еще в мае на классном собрании, что он намерен отправиться в путешествие вокруг собственной дачи, Аркаша еще не знал, как он это осуществит.

Он послал запрос в Центральный информаторий, а тот обратился в Галактический справочный центр. Не может быть, рассуждал Аркаша, чтобы в великой Галактике, населенной миллионами цивилизаций, никто не придумал средства для уменьшения или увеличения живых существ.

И вот через две недели пришел ответ – и не с Альдебарана, не с созвездия Гончих Псов и даже не с Марса, а из города Бостона, из физического института имени Айзека Азимова – знаменитого американского писателя XX века. В том институте давно бились над тем, как воплотить в жизнь одну давнюю идею Азимова. В своем романе «Космическое путешествие» он рассказал, как целая бригада врачей была уменьшена в тысячу раз, чтобы в специально сделанной микроскопической лодке, которая может путешествовать по кровеносным сосудам, добраться до мозга и совершить там операцию и спасти человека.

Узнав о работе американских ученых, Аркаша вылетел в Бостон. Несмотря на то что он был всего-навсего школьником, ученые разрешили

ему ознакомиться с их работой и показали Аркаше рабочую модель своей машины. Пока что она могла уменьшить человека в пятьдесят раз. Для медиков этого было недостаточно. Для Аркаши – в самый раз. Уменьшенный Аркаша станет в три сантиметра высотой.

В июле азимовцы смонтировали опытную кабину у Аркаши на даче, но потом им пришлось срочно улететь по своим делам.

И вот тогда Алиса с Пашкой, вернувшись со звезд, согласились помочь другу. Но поставили такое условие: когда Аркаша закончит свое путешествие, он разрешит Пашке и Алисе тоже побывать в Стране дремучих трав.

Это путешествие, как понимала Алиса, могло оказаться опаснее и страшнее, чем полет к дальним звездам или плен у космических пиратов. Потому что враги и убийцы в мире насекомых куда более жестоки и быстры, чем любые разумные твари Галактики.

Честно говоря, Алиса предпочла бы улететь на Паталипутру или даже угодить в логово космических пиратов – только бы не попасть в зубы какой-нибудь гадкой сколопендре.

Но кому признаешься, что тебе страшно? Пашке, который лишь улыбнется снисходительно и начнет точить свою шпагу? Или Аркаше, который убежден, что настоящий ученый не может ничего бояться, потому что настоящему ученому некогда бояться – надо изучать окружающий мир?

...Наутро Алису собирали на дачу к Аркаше, словно капитана Гаттераса на Северный полюс. Симферопольская бабушка испекла пирожков, домработник Поля тоже испек пирожков. И мама, разумеется, испекла пирожков. Алиса понимала, что делали они это не столько из любви к Алисе, сколько для того, чтобы доказать друг дружке, чьи пирожки самые лучшие. Даже удивительно, что папа не испек пирожков.

Для Алисы набрали целую сумку вкусных вещей. Мама объяснила, что это не только для Алисочки, но и для ее приятелей. Поля положил в сумку запасные сапожки, плащ и рад был положить и скафандр и шубу – только они в сумку не лезли.

Алиса была спокойна и доброжелательна. Ни с кем не спорила, все улыбалась, ни от чего не отказывалась. А когда она согласилась взять с собой аптечку, которую привезла из Симферополя бабушка и которую теперь пожертвовала внучке, мама сказала:

– Мне все это не нравится.

– Почему? – спросила Алиса.

– Я тебя не узнаю.

– А я узнаю, – сказал папа, который уже спешил на работу в Космический зоопарк. – Когда Алиса тихая, значит, готовится большая каверза.

– Папа! – возмущенно пискнула Алиса.

Но папу так легко не проведешь. Он только махнул рукой, сел во флаер и был таков.

– Сразу провидеофонь, как приедешь, – предупредила мама.

– Я буду ждать твоего звонка, – сказала симферопольская бабушка.

– Может быть, я отправляюсь в жерло вулкана, а не на дачу? – съязвила Алиса.

Но никто ее не услышал.

Глава третья
ПЕРЕД ПУТЕШЕСТВИЕМ

Это была старая-престарая дача, ее построил еще Аркашин прадедушка, который привез откуда-то толстые, в обхват, бревна. С тех пор прошло уже сто лет, и три поколения семейства Сапожковых собирались заняться хозяйством: развести на даче огород и сад, да еще розарий и альпинарий. Но надолго их усилий не хватило. Так что на большом дачном участке было всего понемножку: там росли три старые яблони, которые давали только кислые дички; заросли одичавшей малины были совершенно непроходимы, да к тому же подступы к ним были заняты лесом крапивы; по бокам узкой заросшей дорожки, что вела от покосившейся калитки к веранде, тянулись кусты пионов, роз, хризантем и иных цветов, которые высаживали здесь сменявшие друг друга ботаники-любители.

За дачей начинался густой лес и тянулся до самого Уральского хребта. Дача Сапожковых подходила для любых опытов – она была последней в поселке.

Пашка прилетел раньше Алисы. Он уже успел повесить гамак и, раздевшись до плавок, дремал в нем. Иногда он просыпался и давал Аркаше указания.

Аркаша заканчивал испытания уменьшительной кабины. Основную работу сделали техники из Азимовского института, но кое-какие мелочи остались на долю Аркаши.

Кабина стояла на траве перед верандой. Она представляла собой полосатую красную с белым бочку в метр высотой и такого же диаметра.

Сбоку открывался люк, через который можно влезть внутрь кабины. Там помещалось сиденье и перед ним – пульт управления. Влезши в кабину, ты мог усесться, прижав подбородок к коленям. Пульт оказывался тогда перед глазами.

Аркаша показал Алисе, как забираться в кабину. Алиса спросила:

– А почему она такая тесная?

– В Бостоне ее специально сделали для нас – подростков. Чем меньше кабина, тем меньше энергии она потребляет, тем легче ее наполнять.

– Зачем ее наполнять?

– Разве я тебе не сказал? Когда кабина начинает работать, ее наполняет особый газ – иначе как клетки твоего тела догадаются, что им надо уменьшиться?

– А он безвредный? – спросила Алиса.

– Алиса, не бойся, тебя никто не заставляет превращаться в насекомое! – закричал Пашка из гамака.

И тут же вывалился из него и, отмахиваясь руками, бросился кругами бегать по лужайке.

– Что с тобой? – спросила Алиса.

– Это чудовище какое-то! – закричал Пашка. – И еще кусается!

– Это не чудовище, а оса, – ответил Аркаша. – И учти, что сейчас ты в сто раз больше осы. А представь себе, что вы с ней почти сравняетесь.

– Зачем?

– Чтобы сражаться на равных. У нее шпага и у тебя шпага.

Наконец Пашка отогнал осу и вернулся к гамаку.

– Мне надо подумать, – сказал он оттуда.

– Я знаю, что ты придумаешь, – ответила Алиса.

– Что?

– Тебя ждут неотложные дела на Северном полюсе.

– Ты хочешь сказать, что я струсил?

– Пашка, не веди себя как первоклассник, – сказал Аркаша. – Никто не заставляет тебя становиться маленьким, как муха, и сражаться с осами. Это, по крайней мере, неостроумно. Жизнь можно положить за более стоящее дело.

Пашка обрадовался такой поддержке.

– Вот именно! – воскликнул он. – Что может быть глупее, чем кончить жизнь в паутине крестовика или в челюстях майского жука! Не для того нас растили родители.

Но никуда Пашка не улетел, а улегся в гамак и закрыл глаза.

Аркаша показал на пульт:

– Я герметично закрываю кабину, затем впускаю газ и вдыхаю его три минуты. Под действием газа в моих клетках происходят изменения – клетки как бы съеживаются, хотя и остаются по составу и строению точно такими же, как прежде. И я начинаю уменьшаться.

– И получится?

– Когда они испытывали, – сказал Аркаша, – то поместили в кабину морскую свинку. Морская свинка уменьшилась в пятьдесят раз.

– И что дальше?

– Убежала.

– А где она теперь?

– Не знаю, – вздохнул Аркаша.

– Ой! – сказала Алиса. – Значит, она в траве бегает?

– Может быть.

– И я на нее могу наступить?

– Все может быть, – сказал Аркаша. – Мне это очень неприятно. Извини.

Они помолчали. Алиса присела на корточки. Она раздвигала травинки, смотрела вниз, стараясь разглядеть, нет ли там морской свинки с муху размером.

– Больше вы никого не уменьшали? – спросила Алиса. – В порядке опыта.

– Почти никого, – вздохнул Аркаша.

– Если ты скажешь про собаку...

– Нет, сначала они провели испытания на курице...

– И курица тоже?!

– Может быть, – сказал Аркаша.

– Аркаша боится, что ему там будет скучно, – заметил Пашка, который все, конечно же, слышал.

– Я постараюсь их найти и вернуть в большой мир, – сказал Аркаша.

– Ладно, – кивнула Алиса, – рассказывай дальше.

– А что рассказывать? Когда ты уменьшился до предела, то ты спускаешься сюда...

Аркаша вылез из кабины, затем показал на круглое отверстие посреди сиденья в старинный пятак диаметром.

– Погляди внимательно, – сказал Аркаша.

Алиса нагнулась. И увидела, что от этого круглого отверстия вниз ведет труба, на стенках которой видны махонькие скобы – как будто это шахта для оловянного солдатика.

– Это для... тебя? – спросила Алиса.

– Вот именно, – улыбнулся Аркаша. – Когда я стану лилипутом, я спущусь по этой лестнице вниз...

Аркаша повел Алису вокруг кабины и показал, что с другой ее стороны, у самой земли, есть еще одно отверстие.

– А тут я выйду, – сказал он.

– Как все здорово придумано! – воскликнула Алиса.

– Еще бы, – сказал Аркаша, – целый институт работал!

– А когда ты возвращаешься...

– Все то же самое, только в обратном порядке. Я должен войти сюда, подняться по скобам на сиденье, нажать на кнопку, и кабина начнет наполняться антигазом.

– Чем?

– Условно говоря – антигазом. Газом-увеличителем.

– Ясно. И ты снова большой. А сколько это продолжается?

– Каждая процедура занимает несколько минут – ведь это же не волшебство, а научный процесс. Да еще надо отдохнуть, прийти в себя.

– Откуда знаешь? – спросил Пашка. – Пробовал?

– Куда торопиться, – ответил Аркаша. – Азимовцы сказали.

– Давай я попробую, – попросила Алиса.

– Погоди, рано!

– Аркаша ни за что не уступит пальмы первенства, – сказал Пашка.

– Я специально занимался этим, – сообщил Аркаша. – Целый курс прошел. А Пашка всегда думает, что он умнее всех...

– Не думаю, а знаю, – откликнулся Пашка.

– Он тебе завидует, – улыбнулась Алиса.

– Завидовать клопу? Ничего интересного, – возразил Пашка. – Я понимаю – увеличиться раз в пятьдесят.

– И никто тебе не страшен! – сказал Аркаша.

– Вот именно! Берешь слона двумя пальцами...

– А зачем? – спросила Алиса.

– Ясное дело зачем, – сразу нашелся Гераскин. – Чтобы перенести его через реку Ганг и спасти от пожара в джунглях.

– Паша, от тебя и при нормальном росте человечеству несладко приходится. А от восьмидесятиметрового Гераскина все взвоют! – сказала Алиса.

– Хорошо, я остаюсь как есть – золотая середина. А вы как хотите – уменьшайтесь, увеличивайтесь, толстейте, худейте! Все равно я – повелитель Галактики!

И с этими гордыми словами Павел Гераскин отвернулся от друзей.

Аркаша с Алисой стали готовиться к походу в мир насекомых. Аркаша намеревался там рисовать – это была главная его задача. А чтобы рисовать, надо взять с собой краски, кисти, карандаши и прочие принадлежности. Но беда в том, что под действием газа уменьшаются лишь живые ткани. Что же касается вещей неживых – а кисти и краски, как известно, относятся к ним, – они остаются прежними. Даже самая маленькая кисточка стала бы для Аркаши подобна шесту для прыжков, а в ванночке для акварели он смог бы уместиться как в ванне.

Так что Алиса и Аркаша вначале устроили специальную базу.

Такую, как устраивал, например, путешественник Амундсен, когда шел к Южному полюсу.

Уменьшившись, Аркаша не собирался сидеть возле веранды, где стояла кабина, которую нельзя было смонтировать далеко от дома – она должна была постоянно находиться под наблюдением.

Аркаша решил, что, уменьшившись, он пройдет тропинкой до небольшого прудика, что поблескивает сквозь ветви живой изгороди. Там, на высоком берегу, он и устроит основную базу. База состояла из закрытой картонной коробки из-под ботинок, в которой Алиса аккуратно вырезала отверстие для входа. Конечно, романтичнее было бы построить шалаш, но коробка все-таки надежнее. Там, в безопасности от дождя, ветра и нежеланных гостей, сложили стопки нарезанных листиков тонкой бумаги, которые для Аркаши станут толстыми листами картона. Туда же поставили поделенную на квадратики коробочку с красками, кастрюлю, которую Алиса одолжила у своей куклы, коробочку с булавками, моток тонкой лески и катушку шелковых ниток, заостренную пилочку для ногтей и другие вещи, собранные по дому Алисой и Аркашей, которые могли бы пригодиться миниатюрному человечку в одинокой жизни в травяном лесу. Когда Алиса складывала добро в коробку, неожиданно появился Пашка, который, оказывается, тоже трудился. Из куска сосновой коры он вырезал лодочку длиной в пядь, такую легкую, что ее мог бы поднять

и лилипут. В нее он вставил палочку-мачту и сделал парус из листа бумаги. Лодку пришвартовали к берегу прудика.

Наконец Аркаша сказал:

– Хватит! Вы хотите, чтобы я потратил неделю на устройство безопасной и скучной жизни.

– А ты хочешь рисковать? – спросила Алиса.

– В умеренных пределах – да, – ответил Аркаша.

– Правильно, – сказал Пашка. – Без риска нет жизни.

Алиса между тем приоткрыла коробку из-под ботинок и положила внутрь большой кусок ваты.

– Это еще зачем? – спросил Аркаша.

– Во-первых, это мягко, а тебе надо на чем-то спать. А во-вторых, ночью будет холодно, а ты совсем раздет.

– Как так – совсем раздет?

– Пока ты не придумаешь себе одежды, – сказала Алиса, – тебе придется походить голым.

– А ты будешь смотреть? – вдруг смутился Аркаша.

Пашка буквально зашелся от хохота, а Алиса достала из кармана маленькую тряпочку.

– Была у меня любимая куколка, – сказала Алиса. – Звали ее Дашей. Она убежала из дома с одним гномом. А платье от нее осталось... Ты бери, не стесняйся, ведь стрекозам и паукам совершенно все равно – девочка ты или мальчик.

Аркаша подумал ровно пять секунд, потом сказал:

– Ладно уж, клади возле кабины.

Алиса присела на корточки и положила кукольное платьице на землю возле отверстия, что вело из кабины наружу.

Глава четвертая
КЛЮЧ НА СТАРТ!

Пора было расставаться с Аркашей. Время уже клонилось к вечеру. Они стояли втроем возле кабины. Вдруг Алисе стало грустно: ну ладно бы шел человек на риск ради высоких идеалов или спасения какой-нибудь несчастной планеты. А то он собирается рисковать жизнью ради рисунков, которые, может быть, никому и не нужны.

– А я с тобой не согласен, – сказал тут Пашка Гераскин, у которого иногда прорезаются совершенно невероятные телепатические способности. – Нельзя делить подвиги на нужные и ненужные. Может быть, в своих картинах Аркаша сделает великое открытие.

– Паша, не преувеличивай, – смутился Аркаша.

– Помолчи, путешественник голопузый! – оборвал его Пашка. – Мы не знаем, что увижу я, когда отправлюсь в Страну дремучих трав. Мы совершаем рывок вперед, шаг в неизвестность. До нас только герои фантастических повестей жили как свои среди бабочек и кузнечиков. Теперь этим займемся мы, самые обыкновенные люди двадцать первого века. Да я не променяю такое путешествие на пять полетов к Альфа Центавра! Что такое космос по сравнению с настоящими джунглями Земли! Долой космос! Да здравствует родной микромир!

Если поверить Пашке, получалось, что он к космосу относится отвратительно – сам не летает и другим не велит.

Наступила пауза. Аркаша несмело поглядел на Алису, потом на Пашку.

– Я пошел, да? – спросил он.

– Может, возьмешь сахара с собой? – спросила Алиса.

– Ты хочешь погубить эксперимент в зародыше! – возмутился Пашка. – Каждый член нашей экспедиции сам добывает себе пищу! И как только ты попросишь есть, значит, ты сдался.

Пашка был прав – так они договорились с самого начала. В травяном царстве все живут робинзонами... каждый живет сам по себе, помощи ни у кого не просит, только в случае настоящей, реальной опасности можно вызвать товарищей на подмогу. Для этого есть браслет-сигнализатор, чудо микротехники, оставленный азимовцами.

– Тогда поешь еще чего-нибудь, – предложила Алиса. – На дорожку.

– Ну что ты говоришь! – взмолился Аркаша. – Ты же знаешь, что уменьшаться надо натощак.

– Ключ на старт! – закричал Пашка. – Ничего не забыл?

– Вроде ничего.

Аркаша спустился с веранды. Он был в одних трусах и чуть поеживался от вечерней прохлады.

Перед открытым люком кабины, которая казалась такой чужой на зеленой поляне на фоне могучих сосен, Аркаша остановился и обернулся к товарищам.

– Вы обо мне не думайте, – сказал он, – ничего со мной не случится.

– А мы и не думаем, – ответил Пашка.

– Мы в гости к тебе приходить будем, – сказала Алиса.

– Только не пугайте меня, – засмеялся Аркаша. – Я ведь буду маленький. На меня и наступить ненароком можно.

– Ты с ума сошел! – испугалась Алиса. – Не смей даже так шутить.

Аркаша протянул Алисе руку, и в этот момент зазвонил видеофон.

Звонок был настолько неожиданным и резким, что друзья вздрогнули и замерли.

– Может, не подходить? – спросила Алиса. – Мы гулять ушли...

– Боишься, что дома узнали про наши опыты?

– Боюсь.

Видеофон продолжал отчаянно звенеть.

– Опасность, мой друг, – сказал Пашка, отправляясь к дому, – надо встречать лицом к лицу. Иначе догонит сзади.

Произнеся такой афоризм, Пашка поднялся на веранду и прошел в комнату.

Было так тихо, что ребята слышали каждое Пашкино слово.

– Да, мама, – произнес Пашка. – Все хорошо, мама. Собираемся ужинать, мама.

– Простая проверка, – сказал Аркаша.

Алиса тоже поняла, что Пашкина мама волнуется, ей трудно поверить, что ее непутевый сын мирно живет на даче и не пускается ни в какие авантюры.

– Они пошли за грибами, – слышен был голос Пашки. – Скоро придут. А я? Я читаю «Графа Монте-Кристо», в библиотеке взял, так приятно почитать добрую старинную книгу.

– Ты только послушай! – прошептал Аркаша. – Какой у нас друг! Он умеет читать!

Алиса прикрыла рот ладонью, чтобы не засмеяться. Ведь она ушла за грибами.

– Хорошо, мама, – говорил Пашка, – обязательно, мама, все будет хорошо, мама.

Он отключил экран и вернулся к друзьям несколько смущенный, потому что они все слышали.

– Понимаете, – сказал он, – с пожилыми людьми очень трудно. Они остались далеко в прошлом...

– Твоей пожилой маме уже, наверное, тридцать лет, – съязвила Алиса, делая вид, что сочувствует Пашке.

– Тридцать три, – уточнил Пашка. – Между нами пропасть.

– Ну что же, – сказал Аркаша, – пошли, а? А то я так сегодня и не уменьшусь.

Но только они сделали несколько шагов к кабине, как снова зазвенел видеофон. На этот раз к аппарату подбежал Аркаша:

– Алиса, это тебя!

– Ну вот, – сказал Пашка. – Кто-то надо мной смеялся? Теперь и я посмеюсь.

На экране видеофона виднелось большеглазое треугольное лицо симферопольской бабушки.

– Алисочка! – сказала бабушка встревоженным голосом. – Кто тебя окружает?

– Меня? Никто.

– Кто подходил к видеофону? Он совершенно голый, как дикий индеец!

– Это мой друг Аркаша. Он собрался в лес...

– В лес? В таком виде?

– Скажи, что я купаться пошел! – зашипел Аркаша.

– Он купаться собрался, – сказала Алиса. – А почему ты звонишь?

– Случилось нечто ужасное, – сказала бабушка.

– Что еще? С кем?

– С тобой. Ты забыла пирожки с капустой.

– Всего-то?

– Я их пекла со вчерашнего дня. Чувствую, что у меня никогда больше не получатся такие пирожки.

– Ничего, я специально прилечу к тебе в Симферополь, когда ты их будешь печь.

– Нет! Я сейчас же лечу к тебе. Скажи, какой номер у вашей дачи, или встреть меня на флаерной станции.

Пока ее друзья корчились у веранды от хохота, Алиса умоляла симферопольскую бабушку не прилетать, потому что пожилому человеку уже поздно летать на флаере – в Москве бабушки вообще не летают на флаерах позже шести вечера. К тому же у Аркашиной дачи нет номера, а сама Алиса только что объелась пирогами, которые привез Пашка...

Наконец смертельно обиженная бабушка, не прощаясь, отключила аппарат, а Алиса сказала:

– Перестаньте хохотать. Ничего смешного я не вижу.

И когда Пашка с Аркашей пришли в себя, она добавила:

– Сегодняшний день можно занести в мою личную книжку рекордов Гиннесса – мне еще в жизни не приходилось столько врать и выслушивать столько же неправды.

– Цель оправдывает средства, – сказал Пашка. – Если бы ты сказала бабушке правду, что Аркаша через десять минут станет ростом с оловянного солдатика, а ты готовишься через неделю последовать его примеру и пожить немного на равных среди муравьев и кузнечиков, она прискакала бы сюда на боевом коне в сопровождении всей твоей семьи...

– Это я понимаю... но врать плохо.

– Очень плохо, – сказал Аркаша. – Я замерз. Пошли же, наконец!

У кабины все попрощались.

Затем Аркаша открыл люк и залез внутрь.

– К полету готов? – спросил Пашка.

– К полету готов!

– Задраить люки! – приказал Пашка, который изображал из себя руководителя полета.

– Есть задраить люки! – сказал Аркаша.

Он закрыл изнутри люк, и кабина сразу стала безмолвной, чужой, неживой, как камень.

– А сколько ждать? – спросил Пашка.

– Он сказал – несколько минут.

– Надо было точнее спросить, – сказал Пашка.

Алиса присела на траву возле кабины так, чтобы видеть маленькое круглое отверстие у самой земли.

– Ты чего? – спросил Пашка.

– Он выйдет вот отсюда, – показала Алиса на отверстие.

Пашка тоже уселся на траву. Кабина молчала.

– Странно, – произнес Пашка. – Только что я ему руку жал, не чужой человек, семь лет вместе учимся. И вдруг такое с ним случится!

– Ты не гордись, – сказала Алиса. – С тобой это тоже может случиться.

– Тонкое наблюдение, – отметил Пашка и, встав на четвереньки, попытался заглянуть в маленькое отверстие.

И тут же в ужасе отпрянул!

Как бы ты себя ни готовил, все равно от неожиданности можно перепугаться.

Из отверстия буквально выкатился на траву миниатюрный человечек. А так как таких человечков не бывает, у Пашки было ощущение, словно перед его носом выскочила мышь.

А Аркаша, выпав из длинного скользкого туннеля на свет, увидел перед собой огромную страшную оскаленную морду. Ему ведь никогда раньше не приходилось видеть людей в пятьдесят раз больше его. Поэтому ему и в голову не пришло, что он видит человека, а тем более Пашку.

Так что Алиса, которая наблюдала эту сцену со стороны, к удивлению своему, увидела, как лилипут Аркаша кинулся обратно в норку, а Пашка отпрыгнул почти к самому лесу.

Поняв, в чем дело, Алиса едва удержалась, чтобы не рассмеяться.

– А я его за мышь принял, – сказал Пашка, – или за тарантула.

Из отверстия в кабине выглянул голенький Аркаша.

– Какой я тебе тарантул! – пискнул он обиженно. Оказалось, что его пронзительный голосок можно разобрать в тишине сада. – А я думал, что ты мамонт.

– Мальчики, – сказала Алиса, – не надо ссориться.

– Отвернись! – пропищал Аркаша.

Стараясь не улыбаться, Алиса отвернулась. Ей было видно лицо Пашки, и когда оно стало расплываться в широкой улыбке, она поняла, что причиной тому – вид Аркаши.

– Можно обернуться? – спросила Алиса.

– Оборачивайся, – ответил за Аркашу Пашка.

Алиса обернулась, Аркаша стоял у кабины, придерживая руками слишком длинное кукольное платье.

Он что-то кричал, но Алиса не разобрала слов.

Алиса обернулась, Аркаша стоял у кабины, придерживая руками слишком длинное кукольное платье.

– Потерпи секундочку, – сказала Алиса. – Где у тебя ножницы?

– В большой комнате. На столе, – вспомнил Пашка.

Алиса сбегала за ножницами и, вернувшись, велела Аркаше снять платье.

– Я тебе сделаю чудесную набедренную повязку, – сказала она.

Через пять минут Аркаша был более-менее готов к тому, чтобы продолжить путешествие.

– Интересно? – спросил Пашка.

Аркаша показал под ноги, и Алиса поняла, что для него песчинки на тропинке были острыми камнями. А никакой обуви у Аркаши не было.

– Может, вернешься? – спросила Алиса. – А завтра что-нибудь придумаем.

Аркаша только отмахнулся.

– Он прав, – сказала Алиса. – Нужно человеку привыкнуть.

Они стояли у кабины и смотрели, как человечек ростом со спичку медленно уходит от них, поджимая ножки, потому что идет босиком по острым камням.

Аркаша остановился, запрокинул голову, посмотрел на друзей. Видно, они показались ему не настоящими существами, а порождениями страшного сна, и он махнул рукой, чтобы они уходили.

Конечно же, они не ушли. До прудика, на берегу которого стояла коробка из-под ботинок, было метров тридцать-сорок. Надо было идти по тропинке до отверстия в живой изгороди и там, свернув направо, идти вдоль нее, пока земля не начнет снижаться к пруду. Что за дорога – полсотни шагов? Десять секунд бегом. Но не для Аркаши Сапожкова, отважного путешественника, которому еще идти и идти – пока он достигнет убежища.

– Я теперь понимаю, – сказала Алиса, – что значит: человек – царь природы.

– А что?

– А то, что я могу пойти пешком через лес даже ночью, и все животные уступят мне дорогу.

– То ли уступят, то ли нет, – ответил Пашка. – Кабан может по глупости не знать, что ты – царь природы, волку об этом не рассказали, а медведь болел, когда это проходили.

– У тебя столько же шансов встретиться в дачном лесу с медведем или кабаном, как и с бенгальским тигром, – сказала Алиса.

Тут она увидела, как большая стрекоза, что не спеша летела мимо, обнаружила что-то впереди и пошла снижаться над тропинкой там, где шагал Аркаша.

Алиса не выдержала и рванулась вперед.

Стрекоза испуганно взмыла в небо, а она в несколько прыжков достигла забора – Аркаши нигде не было видно!

– Пашка! – закричала Алиса. – Он пропал! – Она выглянула за изгородь – тоже пусто. Может, Аркаша спрятался в траве?

Пашка не догонял ее. Он стоял в десяти метрах сзади.

– Просто чудо, – сказал он, – что Аркаша остался жив. Нет ничего опаснее для человека, чем стадо взбесившихся слонов.

– Что ты имеешь в виду? – спросила Алиса.

– А то, что тебе надо медленно и осторожно вернуться обратно и научиться глядеть под ноги. Твое счастье, что Аркаша успел отпрыгнуть в траву, когда ты пробежала рядом с ним.

– Что ты говоришь! – испугалась Алиса. У нее коленки ослабли. Неужели так могло быть? Значит, Аркаша еще шел по тропинке... а она думала... Представляете... она в самом деле могла наступить на друга!

На цыпочках, пошатываясь от страха, Алиса подошла к Пашке и остановилась в двух шагах. И тут она увидела Аркашу. Он стоял на самом краю тропинки и при виде Алисы поднял кверху кулачки.

– Прости, Аркаша, – сказала Алиса с чувством. – Я испугалась, что на тебя стрекоза нападет.

– И решила: лучше сама затопчу, чем врагам отдам, – добавил Пашка.

Алисе хотелось плакать.

Она присела на корточки перед Аркашей, чтобы разглядеть его лицо. Рот Аркаши раскрывался, но писк был неразличим.

– И не пытайся понять, – сказал Пашка. – Представляешь, как мало воздуха умещается в его легких – не из чего образоваться звуку.

– Давай отнесем его до коробки! – взмолилась Алиса.

– Не теряй присутствия духа, – возразил Пашка. – Если ты начнешь в такой форме проявлять заботу о друге, то я обещаю, что сам отнесу тебя в коробку, когда подойдет твоя очередь.

– Как так отнесешь? – Алиса выпрямилась и гневно поглядела на Пашку.

– Возьму двумя пальцами, – Пашка показал ей, как возьмет ее, – подниму в воздух и понесу. А ты будешь болтать ножками-макаронками.

– Ты только посмей! – Алиса кинулась было на Пашку, чтобы научить его манерам, но вспомнила, что где-то под ногами прячется несчастный Аркаша, и замерла как громом пораженная.

А Аркаша поглядел на друзей – теперь чужих и опасных чудовищ, будто заколдованных страшным волшебником, и быстро зашагал дальше, надеясь, видно, что у них хватит сообразительности больше за ним не ходить.

Они постояли на тропинке, глядя, как Аркаша дошел до изгороди, миновал ее, повернул направо и исчез из виду. Сколько это заняло времени – трудно сказать. Может быть, три минуты, а может, и все пятнадцать.

– Пошли на веранду, – сказал Пашка. – Он обещал дать нам сигнал, когда устроится.

– Нет, погоди минутку.

Алиса сошла с тропинки, пробежала по траве к изгороди и встала на цыпочки, чтобы заглянуть поверх нее. Пашка последовал за Алисой.

Оттуда, где они находились, был виден прудик, поросший травой склон и стоявшая там коробка из-под ботинок.

Вот показался и Аркаша. Не глядя по сторонам, он шел по тропинке, которая казалась ему широкой дорогой. Он немного прихрамывал и опирался на копье, которое Алисе недавно служило всего-навсего булавкой.

Идти ему оставалось немного – уже начался спуск к пруду.

Не доходя до коробки, Аркаша остановился и стал сверху глядеть на пруд. Его первое путешествие заканчивалось.

– Ну что, пошли домой или посмотрим? – прошептала Алиса.

И в этот момент Пашка вскочил на ноги и отчаянно закричал:

– Беги, Аркашка!

То ли Аркаша услышал крик Пашки, то ли сам почувствовал опасность, но он отчаянно прыгнул в сторону. Только тогда Алиса поняла, в чем дело: над местом, где только что стоял Сапожков, пронеслась ворона и, не поймав добычу, взмыла вверх.

Аркаша кинулся бежать к коробке. Набедренная повязка размоталась и тянулась за ним, как длинный флаг.

– Она же могла его унести! – сказала Алиса.

– Точно. Он у нее в клюве бы уместился.

– Пашка, – сказала Алиса, – давай этот опыт кончать. Надо вернуть Аркашу.

– Почему? – спросил Пашка. – Разве случилось что-то неожиданное?

– Но ему грозят страшные опасности!

– Когда я пойду на его место, мне тоже будут грозить опасности.

– Вот я и говорю.

– Ты – свободный человек. Тебя никто не уговаривает уменьшаться.

– Я не о себе думаю. Вы с Аркашей такие неосторожные.

– Если ты про ворону, то мы с Аркашей это обсуждали. Надо все время поглядывать в небо.

– Если бы ты не крикнул...

– Если бы я не крикнул, он бы все равно успел. Я его знаю. И не забывай, что он вооружен.

– Ты имеешь в виду булавку?

– Это оружие не хуже любого другого.

Разговаривая, они поглядывали на коробку. Аркаша добежал до нее и обернулся. Он помахал рукой и исчез в отверстии. Видно было, как он закрывает за собой картонную дверь.

– Все, – сказал Пашка, – представление закончено.

– Тогда бежим в дом, сейчас будет связь.

В комнате на столе стоял передатчик, сделанный азимовцами. В нем уже загорелась зеленая лампочка.

– Центр на связи! – крикнул Пашка, подбегая к приемнику и включая вызов.

– Вы зачем за мной следили? – послышался тонкий голосок.

– Если бы не следили, тебя бы ворона склевала, – сказал Пашка.

– Я ее и без тебя видел, – сказал Аркаша. – Я очень прошу, не подглядывайте, а то я себя человеком не чувствую.

– Ладно, обещаем, – сказал Пашка. – Только и ты веди себя осторожнее. Не высовывайся.

– Тебе удобно, не холодно? – спросила Алиса.

Она подумала: мы разговариваем, будто Аркаша, по крайней мере, в Гималаях. А ведь можно выбежать из дома и поглядеть на него.

– Я специально ушел сюда, – пропищал Аркаша, – чтобы мне не задавали глупых вопросов: скушал ли я кашку, надел ли я пальтишко.

– Ты получше дверь закрой, – сказала Алиса, сделав вид, что не услышала его слов. – Мало ли какая змея заберется.

– Змеи, по крайней мере, не дают советов, – сказал Аркаша. – До связи.

– А когда будет связь?

– Связь будет утром в восемь ноль-ноль, – последовал ответ. – И прошу меня не беспокоить.

– Погоди, не отключай, – попросила Алиса. – Ты расскажи нам, как ты себя чувствуешь... ну как ты все видишь...

– Это очень интересно, – сказал Аркаша. – Сама вскоре узнаешь. Ведь нельзя же слепому рассказать про то, как выглядят цветы.

– Тебе не холодно?

– Ты опять за свое! – послышался гневный ответ Аркаши, и связь прервалась.

– Он прав, – сказал Пашка. – Я даже не знал, что в тебе такой сильный материнский инстинкт.

– Я просто беспокоюсь.

– Вот именно. В этом разница между мужчиной и женщиной. Мужчина хочет побыть в одиночестве, а женщина хочет все время давать указания.

– Пашка, это нечестно!

– Двенадцать лет Пашка. И если меня не съест комар, то стану Павлом Николаевичем. И как старший...

– Ты старше меня на один месяц!

– И как старший утверждаю: через неделю ты сама окажешься в травяном царстве. И увидишь, что все опасности сильно преувеличены. Знаешь почему? Потому что ты переживаешь за Аркашу. Когда переживаешь за другого, опасности всегда увеличиваются в десять раз.

– Я пойду поставлю чай, – сказала Алиса.

– Иди, только не думай при этом, какой Аркаша бедненький, потому что у него нет сладкого чая. Скоро он вернется и выпьет сразу двадцать чашек.

Когда Алиса через десять минут принесла чай, Пашка лежал на диване и читал старый латинско-русский словарь. В последнее время у него появилась идея побывать в Римской империи.

Он прошел к столу и взял чашку, не отрываясь от книги. Алисе пить не хотелось. Она смотрела на лес, в котором песчинкой затерялся Аркаша.

– А я знаю, чего тебе хочется, – вдруг сказал Пашка.

– Чего?

– Тебе хочется тихонько сбегать на берег прудика, открыть крышку коробки из-под ботинок и поглядеть, как там маленький Аркашенька спит на кусочке ваты.

– Хочется, – призналась Алиса. – Мне за него страшно.

– Хочешь погладить его пальчиком?

– Нет, – сказала Алиса. – Не хочу. Ты что будешь делать?

– Ты же видишь, я занимаюсь латынью.

Но Пашка Алису обманул. Он взобрался на балкон второго этажа, взял старый бинокль, с которым дедушка Аркаши служил на флоте, и смотрел оттуда на прудик и коробку из-под ботинок, чтобы с Аркашей ничего не случилось.

После ужина Алиса и Пашка по очереди осторожно подбирались к изгороди и глядели из-за укрытия на коробку. Они видели, как Аркаша выходил к прудику, как на него напали комары и он, отмахиваясь, убежал от них и спрятался в коробке.

Тогда комары накинулись на наблюдателей.

– Больше он сегодня не выйдет, – сказал Пашка, отбиваясь от комаров.

– Значит, и мы с тобой можем спать спокойно, – сказала Алиса.

Они вернулись на дачу, но спать не легли, а долго разговаривали, смотрели видик, потом провидеофонили своим домашним – как будто жили на полярной станции. Симферопольская бабушка грозилась приехать утром с пирожками.

А перед сном Пашка все же вызвал Аркашу.

– Помощь не требуется? – спросил он.

– Спокойной ночи, – сказал Аркаша.

Глава пятая
НАПАДЕНИЕ СКУНУСИКА

Утром Алиса проснулась от громкого веселого голоса:

– Алисочка! Ты где? Вставать пора! Ваша мама пришла, молочка принесла! Бее-э-э-э!

Алиса вскочила с дивана, на котором спала, и выбежала на веранду, еще не сообразив, что за козочка к ним пожаловала.

Солнце встало, и лучи его били прямо в лицо, птицы оглушительно чирикали и пели, насекомые жужжали, скрипели, пищали, роса высохла на цветах и траве, и оттого в саду был густой зеленый аромат.

Перед верандой стояла бабушка из Симферополя с большой корзинкой в руке.

– Насилу вас отыскала, – сказала бабушка. – Ты мне не рада?

– Доброе утро, – сказала Алиса без всякой радости. – А мама с папой сюда не собираются?

– Нет, они до воскресенья не приедут, – ответила наивная бабушка. – До воскресенья только я буду к вам ездить.

– Зачем?

– Ясное дело зачем. Кормить, одежду привозить, могу и приготовить чего-нибудь вкусненького. От бабушки всегда польза есть. Небось без робота живете, и посуда немытая.

Это была катастрофа.

Тут проснулся Пашка, прибежал на шум, познакомился с бабушкой.

– Нет! – сказал он, узнав о планах симферопольской бабушки. – Ни за что! Алиса, ты же знаешь, что скунсики не выносят постороннего присутствия. Среди них начинаются жуткие нервные эпидемии! Ваше появление, Лукреция Ивановна, обязательно приведет к экологической трагедии.

– Что он говорит? – спросила симферопольская бабушка.

Но Алиса уже поняла Пашкину подсказку. Это была единственная возможность отправить бабушку домой без скандала.

– Разве я тебе не говорила? – сказала она лисичкиным голоском, сбегая с веранды и принимая из бабушкиных рук корзинку с пирожками. – Паша Гераскин проводит здесь очень сложные опыты со скунсиками. Они такие нервные! Они требуют полного спокойствия – ни одного лишнего человека. Иначе...

– Иначе – смерть, – сказал Пашка. – Вчера к нам случайно забрела корова – они так перепугались, что шесть штук околели за ночь. Шесть штук!

– А во всей Вселенной насчитывается лишь восемьсот сорок две, – подхватила Алиса.

– Восемьсот сорок четыре, – поправил Алису Пашка. – Но я не гарантирую, что, услыша голос незнакомой бабушки, они не станут кидаться в пруд.

– Кидаться в пруд? – растерянно спросила бабушка.

– Да, так они выражают свой протест, – сказал Пашка.

– А... кто они такие?

– Вы не знаете, кто такие скунусики?

– Я газет не читаю, – призналась бабушка, – но ведь Алисочка могла бы и сказать. А она нам сказала, что отдыхать едет. Я же думала и вправду отдыхать едет... А если эти скунусики ее растерзают?

– Никогда! – ответил Пашка. – Это я вам гарантирую.

– Пока сама не увижу, – заявила бабушка, – не уйду отсюда. Вы – народ молодой, безответственный, а твой друг, Алисочка, по глазам вижу, первостатейный враль. И тебя врать учит.

– Я? Ее? – возмутился Пашка. – Да она сама сто очков вперед кому угодно даст.

– И плохой ты джентльмен, Паша, – добавила бабушка. – Даже не понимаю, как тебе доверили разводить скунусиков. Ты же их испортишь. Давай, показывай. Не верю я, что ты о них хорошо заботишься.

– Они спят, бабушка, – сказал Пашка. – Я же сказал, что их нельзя беспокоить.

– Ох, грехи наши тяжкие, – вздохнула бабушка и, видно, собралась уходить. Но что-то в ее поведении Алису смущало – бабушка на глазах стала слишком простоватой, почти сказочной бабусей. А ведь еще вчера она была самой обыкновенной пожилой женщиной, которая пудрила носик, собираясь в консерваторию.

Но ни взглядом, ни словом Алиса не успела предостеречь Пашку, потому что вдруг бабушка подняла к небу руки, словно защищаясь от какой-то опасности, и Алиса увидела, что из листвы на бабушку бросилось отвратительное создание, какого раньше ей видеть не приходилось. Оно было похоже на летучую мышь размером с кошку, у него был длинный голый цеплючий хвост и сильные, покрытые чешуей, зеленые лапы с длинными когтями.

– На помощь! – закричала бабуся. – Уберите своих скунусиков!

Но Пашка и Алиса стояли как молнией пораженные. Ведь скунусики были плодом воображения Пашки Гераскина, и, ясное дело, никогда раньше никому не приходилось видеть воображаемых животных. Впрочем, чудища, напавшего на симферопольскую бабушку, они тоже никогда не видели.

Зрелище было жуткое: маленькая сухонькая симферопольская бабушка носилась по лужайке перед дачей, чудище пикировало на нее, и бабушка еле успевала увертываться от растопыренных когтей.

Первым пришел в себя Пашка. Он оглянулся в поисках оружия и увидел возле веранды грабли. Одним прыжком Пашка перемахнул через перила веранды, схватил грабли и стал отгонять чудище от уставшей бегать бабушки. Чудище старалось схватиться за зубцы грабель или вцепиться в Пашку, но Пашка махал так энергично, что оно вынуждено было отступить и погнаться за симферопольской бабушкой. Пашка побежал за чудищем. Они мчались по тропинке, Алиса – за ними, они по очереди перемахнули через живую изгородь, и тут Алиса поняла, что все они намерены пробежать через коробку из-под ботинок.

И растоптать ее.

Алисе ничего не оставалось, как кинуться вперед, обогнать остальных, подхватить коробку и броситься, прижимая ее к груди, в кусты.

Остальные продолжали сражаться.

Из своего укрытия Алиса заметила, как зубцы грабель пронзают чудище, но никакого вреда ему не причиняют.

В коробке кто-то задвигался. Алиса спохватилась, что разбудила Аркашу.

– Аркаша, спокойно, – сказала она, нагнувшись к коробке. – Не обращай внимания, спи. Сейчас Пашка управится со скунусиком, и я поставлю тебя на место.

В ответ послышался возмущенный писк.

– Я понимаю, что противно, когда тебя будят таким образом, но пойми – они обязательно бы тебя растоптали.

И тут Алиса ахнула: из-за отскочившей от Пашки бабушки вылетели еще два чудища и кинулись на Пашку.

– Сзади, Пашка! – крикнула Алиса.

Пашка еле успел обернуться и отмахнуться от новых врагов.

Три чудища нападали на него яростно и быстро. Пашке приходилось вертеть граблями, как пропеллером, и силы его были на исходе.

– Аркаш, я тебя пока отставлю, – сказала Алиса, ставя коробку на землю и оглядываясь в поисках какой-нибудь палки.

Пашка уже шатался от усталости – еще минута, и он вынужден будет опустить руки. Тут ему и конец – чудища его не пощадят.

«Как глупо, – подумала Алиса, – пройти всю Галактику и погибнуть под Москвой, на даче старого друга, от чудищ, которые почему-то прилетели вслед за симферопольской бабушкой. А почему они прилетели вслед за бабушкой?»

Чудище старалось схватиться за зубцы
грабель или вцепиться в Пашку.

Алиса не нашла ничего более солидного, чем сухая сосновая ветка. С ней она и кинулась на помощь Пашке.

Но именно в этот момент твари улетели – так же внезапно, как появились, словно растворились в воздухе.

Пашка, не веря своим глазам, крутил головой. Потом уронил тяжелые грабли и сел на траву рядом с ними. Симферопольская бабушка вылезла из кустов, где она пряталась.

– Ужасти-то какие, – сказала она. – Я уж думала – помрем мы все.

– А что это было? – спросила Алиса, ни к кому не обращаясь.

– Как что? – сказала бабушка. – Так твой дружок сказывал: скунусики! Какие не подохли от волнения и переживаний, те вот и разлетались!

– Какие еще скунусики! – воскликнул в сердцах Пашка. – Нет никаких скунусиков.

– Все померли? – спросила симферопольская бабушка.

– Никто не помирал! Нет их и не было.

– А куда ж делись?

– Я их придумал!

– Ой, как нехорошо старуху пугать, – расстроилась симферопольская бабушка. – Ты их придумал, а они чуть меня не заклевали.

– Скунусики, которых я придумал, не могут вас заклевать! – пытался втолковать Пашка непонятливой бабушке. – Нет их, понимаете?

– А с кем же ты воевал?

– Не знаю.

– Так ты же со скунусиками воевал.

– А вы откуда знаете? – спросила Алиса.

– А кто их, подлецов, не знает, – удивилась симферопольская бабушка, – очень они нервные. Как какая бабуся приедет, они сразу дохнут...

Бабушка поглядела вокруг, вздохнула и добавила:

– Я в молодости и не таких делала.

– Бабушка! – воскликнула Алиса. – Это ты чудищ сделала, да? Это был гипноз?

– Какой такой гипноз? – возразила бабушка. – Это голографические почки. Мое изобретение. Я всегда с собой их в сумке таскаю.

Бабушка вытащила из сумки маленький орешек, меньше лесного.

– Подвижные голограммы с программным управлением, – сказала она звонким театральным голосом. – Мы сжимаем двумя пальцами почку, приводя ее в действие...

Бабушка подкинула в воздух орешек, и на его месте образовался немалого размера дракон, который был во всем натурален. Он медленно поворачивал головой, как бы разыскивая жертву. А бабушка тем временем подкинула в воздух второй орешек, и он превратился в молодого рыцаря на белом коне. Рыцарь был вооружен длинным копьем и готов к бою. Дракон тоже не трусил – он ударил по земле хвостом и двинулся навстречу противнику. Удивительно только, что вся эта сцена происходила в мертвой тишине.

– Я с этой программой, – сказала бабушка, – всю Галактику облетела. А уж что касается каких-то там банальных скунусиков, то я их с собой кучей ношу. – Бабушка подкинула горошину, и еще одно чудище начало порхать над сражающимися драконом и рыцарем. – Мне они для чего нужны? Мне они нужны, чтобы кошек отгонять, – закончила бабушка, – а то они моего попугая дразнят.

Затем она при молчаливом изумлении присутствовавших щелкнула три раза пальцами. Дракон скукожился, собрался в точку. Еще раз щелкнула пальцами – и рыцарь вернулся в скорлупку. Наконец спрятался в горошине и скунусик.

– Мне пора, – сказала бабушка. – Надеюсь, что Паша не очень устал махать граблями.

– Это моя обычная зарядка, – мрачно сказал Пашка, который не выносил, если над ним смеялись.

– До свидания, – сказала бабушка. – Если захотите пирожков, позвоните мне, я всегда буду рада испечь вам чего-нибудь вкусненького.

– Прости нас, – сказала Алиса.

– За что? Мы квиты, – ответила бабушка. – Вы хотели меня обмануть, чтобы я поскорее отсюда улетела. Я тоже вас обманула, сделав видимость страшилищ, с которыми вы сражались, как с настоящими. Но главное – не сбежали. Так что теперь я за вас спокойна.

Сказав так, симферопольская бабушка попрощалась и пошла к своему флаеру, что стоял на дачной улочке.

– А я с самого начала понял, что это голограммы, – сказал Пашка. – Но решил: а почему бы мне не размяться?

– Скунусик, – сказала Алиса, – типичный скунусик.

– А что?

– Нет более лживых насекомых, чем скунусики. Наше счастье, Павел Гераскин, что у моей симферопольской бабушки есть чувство юмора.

Пашка отвернулся и стал смотреть на спокойную гладь прудика. Вдруг глаза его стали круглыми.

– Алиса! – воскликнул он. – Где Аркашин дом? Она его унесла!

– Не беспокойся! – сказала Алиса, доставая из кустов коробку из-под ботинок. – Просто ты так прыгал, что наверняка бы растоптал Аркашу.

– А я испугался. Мне в ней показалось что-то зловещее. Понимаешь, она все время изображала какую-то древнюю бабусю из леса, а я видел перед собой нормальную женщину. И это меня насторожило.

– Недостаточно насторожило, иначе бы ты не стал врать про скунсиков.

– А славных скунсиков она умеет делать! – рассмеялся тут Пашка. – Надо было у нее парочку попросить. Я бы из них сделал себе личную охрану. На особо опасных планетах.

– Потом попросишь, – сказала Алиса, ставя коробку на место.

Тут же из дверцы выскочил голенький Аркаша ростом со спичку и, подпрыгивая от негодования, стал грозить Алисе кулачком.

– Аркаша, спокойно, – сказал Пашка. – Тебя же защищали. Больше тебя никто не будет обижать.

Но Аркаша не унимался – видно, сильно рассердился.

– Тогда пойди и надень штаны, – сказал Пашка. – Неприлично выступать перед девушкой в таком виде.

Эти слова подействовали на Аркашу. Он тут же кинулся обратно в коробку.

Так начался второй день экспедиции в Страну дремучих трав.

Глава шестая
МОРДАШКИН, ПОЩАДИ РЕБЕНКА!

День продолжался куда обычнее, чем начался.

Аркаша, высказав на утреннем сеансе связи все, что думает об Алисе, взял большую булавку и пошел искать волоски для кисточек. Для этого он решил воспользоваться паутиной. А так как пауки могли возражать против грабежа, Аркаша искал паутину старую, брошенную. Алиса попыталась предостеречь Аркашу, чтобы он был поосторожнее с пауками – а то попадешь в паутину, запутаешься, вот тебе и конец придет...

Выслушав такое предостережение, Аркаша отключил связь, а Пашка в ответ на Алисины упреки сказал, что Аркаша абсолютно прав. Ни один мужчина не выдержит такой опеки.

На пульте в комнате горел зеленый огонек – все в порядке. Аркаша обещал далеко от коробки не отходить. Пашка пошел купаться – но не на маленький прудик, на берегу которого стоял дом Аркаши, а на озеро, за километр. И сказал, что вернется к обеду. Алиса стала было готовить обед, но не могла не думать об Аркаше. Ей все чудилось, что он лезет по паутине, а громадный паук-крестовик, а то и тарантул подстерегает Аркашу.

Наконец Алиса не выдержала. Она притушила плиту и тихонько, надеясь, что Аркаша ее не заметит, начала подкрадываться к его убежищу. Все-таки лучше быть рядом и, если надо, прогнать тарантула.

Алиса прокралась вдоль изгороди – она понимала, что ей куда труднее увидеть Аркашу, чем Аркаше увидеть ее. Муравей всегда скорее заметит медведя, чем медведь – муравья. Алиса опасалась приблизиться к прудику, чтобы не вызвать новой вспышки Аркашиного гнева.

Когда до прудика, отделенного от нее живой изгородью, оставалось совсем чуть-чуть, Алиса легла на землю и поползла по-пластунски. Порой она останавливалась и прислушивалась. За изгородь она заходить не смела, потому что Аркаша, конечно же, услышит шум, который она поднимает. Она проползла еще немного, так что теперь между ней и коробкой был только прудик – почти круглый, метров пять в диаметре. Один берег, на котором стояла коробка из-под ботинок, был высоким и крутым, а с той стороны, где ползла Алиса, он был совсем плоским, зарос осокой, из которой поднимались стрелы камыша.

Утренний мир прудика и леса был деловитым, шумным и даже крикливым – кто только не летал, не ползал и не плавал вокруг. Каково Аркаше – ему все время приходится быть настороже.

На руке у него браслетик – чудо техники. По нему Аркашу всегда можно найти.

Алиса чуть приподнялась над травой, чтобы получше разглядеть дальний берег, и тут замерла: она увидела Аркашу, разглядела его, высмотрела крошку, когда он, волоча за собой как трос паутинку, пытался оторвать ее от сети.

Но, по крайней мере, Алисе стало спокойней – Аркаша жив-здоров. Очень хотелось помочь ему оторвать и отнести в коробку паутину,

но нельзя. Остается только лежать в траве, терпеть комариные укусы и мысленно уговаривать пауков не нападать на человечка.

Прошло минут десять, прежде чем Аркаша справился с паутиной, но когда он потащил добычу домой, Алисе пришлось тихонько уползти, а то бы он ее обязательно увидел.

Пашке, когда тот вернулся, искупавшись, она о своих переживаниях рассказывать не стала.

– Жизнь постепенно входит в обычное русло, – сказал Пашка. Он прошел к пульту и вызвал Аркашу.

Аркаша долго не отвечал – минуты три.

– Ты что, заснул? – удивился Пашка.

– А зачем вызываешь?

– Контрольный вызов, – сказал Пашка. – Это же естественно.

– Тогда считай, что я спал.

– Это ложь, исследователь Сапожков, – сказал Пашка. – Вы попросту сняли браслет-передатчик, в чем выразилось ваше легкомыслие.

– Почему ты так думаешь?

– Потому что ни один нормальный человек не может все время таскать такой браслет. Но пойми, Сапожков, ты находишься в зоне повышенного риска, и мы несем за тебя ответственность.

– Перед кем?

– Перед твоими родителями, перед всеми твоими многочисленными родственниками и, наконец, перед человечеством, которое мечтает увидеть мини-картины, созданные гением Сапожкова.

Пашка говорил так серьезно, что Аркаша оторопел. По крайней мере, он молчал минут пять. Потом сказал:

– Все равно не буду таскать браслет. Он тяжелый. Он мне мешает.

– Тогда я прерываю эксперимент, – заявил Пашка.

– Это еще как?

– Как? Проще простого. Алиса, сбегай к прудику, там возле коробки из-под ботинок бегает мелкое существо чуть побольше муравья. С ужасным, вздорным характером.

– И что надо сделать, командор? – спросила Алиса.

– Возьми его двумя пальцами, принеси сюда, сунь в кабину и запусти в нее увеличивающий газ.

– Я спрячусь! – донесся Аркашин голосок. – Вы меня не найдете.

– Тогда, исследователь Селезнева, я попрошу вас отыскать беглеца, но не увеличивать его, а посадить в ванну. На три дня.

– А воду напускать?

– Насчет воды мы с вами решим позже.

– Сдаюсь! – засмеялся Аркаша. – Ладно уж, буду таскать этот браслетище. Из уважения к страданиям Пашки.

– А теперь докладывай, как провел день, – сказал Пашка.

– День еще не кончился, – ответил Аркаша. – Но события были. Сначала я искал старую паутину. Потратил, наверное, целый час.

– Нашел? – спросил Пашка.

– Нашел, еле живой ушел. Я ее стал резать, а на ней такие липкие комки – на них жертвы и попадаются. Я тоже немножко попался... Хорошо еще, что хозяин не поспел...

– Кисточки сделал?

– Сделал, только они очень мягкие. Я тут придумал пожестче. Я видел на одной гусенице волоски – как раз, что мне нужно. Я собрался ее искать, когда Пашка меня вызвал.

– Только осторожнее! – взмолилась Алиса.

– Обещаю, – сказал Аркаша. – Да и что может случиться? Я же возле коробки... Ой! На помощь!

И больше ни звука.

Алиса от растерянности помедлила, может быть, пять секунд – не больше. Пашка – ни секунды. Еще не оборвался крик о помощи, как он перемахнул через перила веранды и помчался большими прыжками по тропинке.

Но когда Алиса догнала его, стоявшего между изгородью и коробкой из-под ботинок, вокруг было пусто – ни следа Аркаши.

– Тш-ш-ш, – предупредил Пашка. – Он где-то здесь, он же рядом с коробкой...

– Я боюсь, – прошептала Алиса.

– Ти-ш-ше!

Но вокруг и без того было тихо, если не считать жужжания насекомых и пения птиц.

«Зачем трава такая высокая? – подумала Алиса. – Здесь человека не разглядишь...» Вот что-то шевельнулось в траве.

Алиса кинулась было туда, но Пашка прошептал:

– Нет, я видел, это Мордашкин играет.

Мордашкин был соседским котенком, добрым, ласковым, пушистым.

Пашка начал осторожно двигаться в другую сторону. Но Алиса остановилась. Котенок Мордашкин! Ведь он – только для нее с Пашкой котенок. А для Аркаши... разве он котенок для Аркаши?

Алиса быстро шагнула в ту сторону. Котенок Мордашкин возился в невысокой мягкой траве. Он лежал, прижавшись животом к земле, резко поводя хвостом из стороны в сторону. Передние лапы его были протянуты вперед, как у египетского сфинкса, а между ними металось какое-то маленькое существо – может быть, мышонок, вставший на задние лапы. Вот этот мышонок кинулся вправо – Мордашкин играючи приподнял лапку и наподдал мышонку так, что тот упал.

И пока медленно поднимался, Мордашкин, склонив голову, весело глядел на жертву.

– Негодяй! – закричала Алиса. – Сейчас же брось! Ты что, с ума сошел! Ты что, не видишь, что это человек?

Котенок поднял голову – глаза у него были отчаянные. Он понял только, что у него хотят отобрать игрушку. Быстрым движением котенок схватил Аркашу зубами и кинулся бежать, столбиком подняв хвост.

– Пашка! – кричала Алиса, метнувшись за котенком. – Он здесь!

Пашка уже все понял. В два прыжка он опередил Алису и перепугал котенка до смерти. Но Мордашкин решил не сдаваться. Он сам нашел и поймал человечка – зачем он должен его отдавать?

Они обогнули пруд, вбежали в березовую рощу.

Котенок хотел было взобраться на березу, но сообразил, что с Аркашей в зубах ему это сделать труднее.

– Гони к пруду! – крикнул Пашка.

Алиса отрезала котенку дорогу к густому кустарнику, куда он хотел было спрятаться, и пришлось Мордашкину бежать к прудику. Алиса и Пашка сближались.

И тут котенок понял, что его не оставят в покое, и отпустил Аркашу. Тот упал в воду у самого берега. Мордашкин не спеша потрусил домой, будто его ничто не интересовало.

Пашка по-вратарски упал вперед, чтобы дотянуться в прыжке до Аркаши. Но опоздал. Аркаша бесчувственно, не сопротивляясь и даже не двигаясь, стал опускаться под воду.

Какая-то небольшая птица, решив, видно, что это червяк, спикировала сверху, но не успела его схватить и, чуть не коснувшись воды, взлетела вверх. Алиса увидела, как к Аркашиному телу из глубины воды плывет серебряный окунек. Но тут Пашка подвел ладони под Аркашу и осторожно, но быстро вытащил его из воды.

Он сел, держа сомкнутые ладони перед собой, как будто протягивал Алисе драгоценность, и Алиса хотела было взять Аркашу из рук Пашки, чтобы понять, жив ли он...

И в тот момент, когда руки Пашки и Алисы встретились, Аркаша вдруг оперся ручками о ладонь друга, медленно сел и начал кашлять. Алисе, как под увеличительным стеклом, было видно, что Аркаше очень плохо!

– Эх, хлопнуть бы его по спине как следует! – произнес Пашка.

– И думать не смей! – ответила Алиса. Великое облегчение овладело ею. Аркаша жив и даже цел!

Постепенно Аркаша успокоился – кашель прошел, и Павел отнес его к коробке.

Аркаша с трудом сделал три шага до входа в свой дом, закинул голову, поглядел на друзей, потом показал рукой в сторону дачи и скрылся в коробке.

Алисе хотелось снять с коробки крышку и поглядеть, как Аркаша будет там устраиваться, но Пашка сказал:

– Пошли домой. Он будет с нами по связи говорить.

Они поднялись на террасу. Аркаша уже был на связи.

– Все в порядке, – сказал он. – Я даже не разбит, и крови нет. Честное слово. Сейчас полежу немножко, отдышусь и снова за дела.

– Аркаша, миленький, – попросила Алиса, – давай мы тебя увеличим, ну хотя бы на полчасика.

– Зачем?

– Посмотрим, где ты раненый. Ты же побывал в когтях льва! Сейчас у тебя шок, поэтому ты еще не чувствуешь боли.

– Мордашкин не делал мне больно, – сказал Аркаша. – Может быть, от меня все-таки пахнет человеком.

– Но он тебя ронял, – сказала Алиса.

– Не будем спорить, – ответил Аркаша тоном настоящего мужчины. – Если мне будет плохо, я вернусь и сам приму решение. А сейчас отстаньте от меня на полчаса. Добро?

– Отстали, уже отстали, – сказал Пашка. – Но дай нам слово, что будешь смотреть по сторонам.

– Даю слово, – сказал Аркаша. – А то в следующий раз Мордашкин утащит меня и загрызет. Бр-р-р!

Алисе стало так жутко, что она вышла из комнаты. Ее друг находился в зубах хищника, и тот мог спокойно его загрызть. Совершенно спокойно. Котенок Мордашкин загрыз семиклассника Аркадия Сапожкова!

– Алиса, – позвал ее Пашка, который быстро умел успокаиваться. – Что у нас с тобой на обед?

Глава седьмая
АРКАША ИСЧЕЗ!

До вечера ничего особенного не произошло. Аркаша браслета не снимал и все время поддерживал связь с Алисой.

Пашка, видя, что все пришло в норму, снова ушел купаться, потом занялся своими делами – он начал уже готовиться к тому дню, когда и сам уменьшится до размеров Аркаши. И соответственно своему характеру решил как следует вооружиться. Он забрался в мастерскую, которую Аркашин дедушка устроил в сарайчике за домом, и там принялся выпиливать себе меч меньше двух сантиметров длиной.

Аркаша тем временем отыскал неподалеку от своего убежища заросли клевера и, выбрав цветы пониже, нагибал их к себе и высасывал из них нектар. Потом утверждал, что это очень вкусно. А когда стало прохладнее, он уселся на берегу прудика и нарисовал первый в мире микропейзаж, автор которого в сидячем положении возвышался лишь на два сантиметра над землей.

Порисовав, Аркаша пошел погулять к прудику. Алиса категорически возражала против того, чтобы он выходил на открытое место – в любой момент может прилететь ворона или вернется Мордашкин. Но Аркаша сказал, что он будет настороже и не выпустит из рук большой булавки.

Зловредный Мордашкин возник в окрестностях коробки ближе к вечеру и решил немного поохотиться на Аркашу. Аркаша благоразумно отступил к коробке.

– Странно это, – сказал он Алисе по связи. – Я вижу Мордашкина, знаю, что это котенок, что он сейчас сидит на том берегу прудика и об-

лизывает лапу. Вроде бы все обыкновенно. Но сейчас он углядел меня и вместо того, чтобы подойти к моей ноге и приласкаться, как положено, он несется схватить меня и растерзать...

На этом Аркаша закончил свой монолог, потому что ему пришлось спрятаться в коробке. Мордашкин не выдержал.

– Мордашкин, не смей качать мой дом! – услышала Алиса голос Аркаши.

Алисе все-таки пришлось сбегать к прудику и отогнать Мордашкина, который хотел забраться в коробку и достать оттуда Аркашу.

Она шлепнула Мордашкина и предупредила его по-честному:

– Смотри, когда Аркаша станет большим, он тебе покажет!

Котенок отбежал, уселся и стал смотреть на Алису, склонив голову набок. И тут Алиса поняла: этот негодяй каким-то образом догадался, что и она сама через несколько дней станет маленькой и будет жить в этой коробке. А если так, то он не прочь поохотиться и на Алису.

Перед сном Алиса еще разок поговорила с Аркашей, который сидел у входа и при вечернем свете записывал свои мысли в дневник обломком тонкого чертежного грифеля.

За ночь тоже ничего не случилось.

Аркаша проснулся рано и сообщил, что хорошо выспался, только пришлось забаррикадировать вход в коробку, потому что туда проникли два комара. И пока он их не победил, о сне нечего было и думать. Комары улетели на рассвете, и тогда Аркаша заснул.

Пашка после завтрака помчался на флаерную станцию – ему надо было сгонять в Москву в Исторический музей, чтобы взять там рисунок арбалета.

Алиса отыскала в шкафу тоненькие тряпочки и сшила из них плащики и для себя и для Аркаши с Пашкой. Плащики были устроены очень просто: материя складывалась пополам, наверху прорезалось отверстие для головы, и с боков плащики были прихвачены ниткой, так что руки оставались голыми – они немного походили на плащи, которые носили три мушкетера.

Потом Алиса вызвала Аркашу на связь и спросила, не голодный ли он? Она готова принести ему завтрак.

Аркаша с негодованием отказался, заявив, что он не в детском саду.

– Ладно, – сказала Алиса, – я и не ждала, что ты согласишься. У меня есть для тебя подарок – я сшила тебе плащ. Принести?

– Вот это здорово! – обрадовался Аркаша. – Принеси, пожалуйста. Я как раз мастерю себе сандалии из коры.

Алиса прошла на кухню, принесла оттуда чай и сгущенное молоко. И только хотела сесть за стол, как случайно взгляд ее упал на пульт. Там горела красная лампочка – сигнал тревоги.

Алиса кинулась к пульту, включила вызов:

– Аркаша, откликнись! Аркаша, что с тобой?

Молчание.

– Аркаша, не молчи, пожалуйста!

Молчание.

Алиса кубарем скатилась с веранды, добежала до прудика. Где Мордашкин? Его надо было запереть.

И тут она увидела, что Мордашкин сидит на бочке для дождевой воды и умывается.

Значит, не котенок! Почему-то она почувствовала облегчение.

Вот и коробка.

– Аркаша!

Алиса знала, что Аркаша разговаривал с ней из своего укрытия. И это было всего пять минут назад.

Алиса сняла с коробки крышку.

В коробке никого не было.

Но даже с первого взгляда было ясно, что там произошло отчаянное сражение: ватная постель Аркаши разорвана в клочья, листы бумаги раскиданы и помяты, коробочки и ванночки с красками опрокинуты, разломанный браслет связи валяется у входа.

Значит, кто-то смог проникнуть в небольшую дверцу, внутрь коробки, кто-то, кто был сильнее Аркаши. Этот таинственный незнакомец одолел Аркашу и утащил его. Мордашкин или другой котенок в дверь бы не пролез. Не пролезла бы и птица. Змея?

Алиса даже зажмурилась – так явственно представила себе гадюку, которая вползает в открытую дверь коробки, обвивает своими кольцами беспомощного Аркашу и уносит его... Погоди! Алиса открыла глаза. Но ведь у нас гадюки не водятся! Даже маленькие! Змея могла напасть на Аркашу, но не могла унести его... Кто? Какое-то животное?

Но дверца в коробке была так мала, что вряд ли кто-нибудь крупнее, чем мышь-полевка, мог туда пробраться...

Что же я теряю время?

Надо искать вокруг... по следам. Земля влажная – наверняка на ней остались следы!

Алиса присела на корточки, стала разглядывать землю вокруг коробки. Вроде бы были следы – махонькие углубления в земле. А может быть, это и не следы? Надо притащить сильную лупу... Но есть ли на даче сильная лупа? Вряд ли. По крайней мере, за последние два дня Алиса не видела никакой лупы. Вот примяты травинки – но разве разберешь? Для того чтобы понять, как двигалась спичка через джунгли травинок, надо быть такой же спичкой, а не спичечной фабрикой.

Алиса на цыпочках, глядя под ноги – только бы не наступить на друга, вышла на берег прудика и огляделась, снова присела на корточки и, склонив голову к самой траве, заглянула под нижние ветки кустов, в гущу трав. Она разводила пальцами стебли и через несколько минут напрасных поисков поняла, что Аркашу она так не найдет и не спасет. И чем яснее она это понимала, тем жутче ей было: пропадет Аркаша навсегда – в когтях ли кота, в пасти змеи или в клюве вороны. Как ты объяснишь это Аркашиным родителям, которые буквально молятся на сыночка? Да, скажешь ты, мы оставили его без присмотра в мире дремучих трав и даже не знаем, что с ним случилось. Но неужели вам не было ясно, как опасно безоружному человечку одному жить в траве? Почему вы не остановили его силой, после того как на него напал котенок?

Нет, поняла Алиса, она не может вернуться в Москву и увидеть старших Сапожковых, не сможет поглядеть в глаза своей учительнице Светлане и друзьям в классе и на биостанции...

– Аркаша! – закричала Алиса изо всей силы. Хотя отлично понимала, что, даже если Аркаша сможет откликнуться, она не услышит его голоса.

Может, и в самом деле Аркашу тащит себе в нору какой-нибудь барсук, а пленник старается оставить следы: вот он сделал зарубку на стволе – то есть на травинке, вот он кинул камень – то есть песчинку.

И Алиса так явственно себе это представила, что тут же помчалась обратно к дому. Как она могла потерять столько времени! Единственный выход, единственное спасение для Аркаши – стать такой же, как он, чтобы видеть все глазами лилипута. Только так его можно спасти.

Через минуту Алиса уже была в комнате. Она метнулась к пульту, на котором все горел красный огонек тревоги, потом в другую комнату, схватила свой плащик, который сшила так недавно, потом кинулась к столику, за которым вчера вечером Пашка мастерил для себя меч. Вот

он – чуть больше ногтя, – только бы не потерять его... Алиса завернула меч в плащик. Все это и еще булавка, которая пригодится в том мире, да кусочек шоколадки...

Время шло. Уже прошло почти десять минут, как пропал Аркаша. А каждая секунда могла решить его судьбу. Алиса не стала думать – забыла ли она чего-нибудь или нет...

Только выбегая с веранды, поняла: забыла! Обязательно надо оставить записку Пашке. Ведь он ничего не знает.

Алиса включила видик и сказала, глядя на экран:

– Пашка, Аркаша исчез! Я ухожу туда, чтобы его искать. Оставайся на связи – твоя помощь может оказаться решающей. Родителям – ни слова!

Алиса выбежала к красно-белой полосатой кабине, что мирно стояла перед верандой, как пограничная будка.

Она открыла люк и хотела было забраться внутрь. Но сообразила, что из этого ничего не выйдет. Ведь если в самом деле она станет маленькой, как Аркаша, то ее буквально погребет под собой ее нынешний костюм – брюки и куртка, носки и тапочки, наручные часы придавят ее, а заколка в коротких волосах пронзит, как сабля.

Алиса положила заколку на траву, разулась, потом оглянулась – никого поблизости, даже любопытного Мордашкина нет. И все равно было неловко раздеваться догола. Алиса даже сделала шаг, чтобы спрятаться за кабину, – но ведь неизвестно, с какой стороны раздеваться безопаснее.

«Алиса, – сказала она себе, – ты с ума сошла – терять время на такие глупые рассуждения! Три-четыре-пять!» Она скинула все с себя и нырнула в темное нутро кабины.

Металл сиденья был холодный, даже садиться неприятно. Очень тесно, коленки упирались в стенку, мешал угол пульта. Главное было – не потерять то, что держала в горсточке, – плащ, шоколадку, меч и булавку.

Алиса нажала на кнопку «Люк». Люк закрылся и чмокнул, присасываясь к оболочке. «Как бы тут не задохнуться», – подумала Алиса, но тут же в темной кабинке запахло свежими огурцами. «Странно, – подумала Алиса, – а скоро они пустят газ?» Но газа не было – только запах огурцов все усиливался, словно кто-то рядом их резал для салата. В кабине было не совсем темно – стены слегка светились, и пульт был зеленым, словно заполненный подсвеченной водой. Стрелка содержания газа в воздухе поднялась почти до предела.

Значит, я дышу газом, поняла Алиса, и это он так пахнет. Что ж, это правильно. Хуже было бы, если бы газ пахнул чесноком или аммиаком. Интересно, сколько времени займет уменьшение? Алиса совсем не боялась – наоборот, она спешила, она подгоняла время. Она понимала, как много от нее теперь зависит.

Но хронометр на пульте не спеша отсчитывал секунды, ничего интересного не происходило, и в голову начали проникать посторонние мысли: а вдруг сейчас снова заявится симферопольская бабушка? Войдет в комнату, прочтет Алисину записку – представляете, какой поднимется гомон вокруг! Они же все кинутся искать пропавшую девочку, пустят собак по следу...

Пульт почему-то увеличился и начал отодвигаться от Алисы, поднимаясь кверху. Наверное, от плохого освещения у нее начались зрительные галлюцинации. Пульт медленно уплывал вверх, – и вот она уже смотрит на него снизу. Как это могло случиться?..

Ну до чего же ты, Алисочка, глупая! Забыла, зачем забралась в эту кабину? Газ действует! Ты теперь стала меньше ростом, чем была.

Алиса попыталась встать, и ей это отлично удалось – она даже не доставала головой до верха кабины. Она подняла руку, чтобы дотронуться до потолка, но рука не достала, и с каждой секундой потолок уходил все дальше, словно Алиса опускалась вниз, стоя на какой-то платформе.

И тут стало страшно. Сама не ожидала, что испугается, но испугалась – от неуверенности в том, удастся ли вернуться в свой размер и в свой мир, мало ли что случится? Вдруг останешься крохотулей. Два лилипутика на всей планете – она и Аркаша, будут они жить в коробке из-под ботинок, выращивать тлей, бегать от пчел, смертельно бояться кота, а со всех сторон к ним будут приезжать экскурсии, смотреть на них сквозь специальные увеличительные стекла и протягивать сквозь решетку крошки хлеба. А на решетке конечно же будет надпись: «Кормить Алису и Аркашу строго запрещается. У них из-за вас хроническое расстройство желудка». Мама будет приходить каждый день, сидеть в сторонке и тихо плакать...

Алисе стало так себя жалко, что она чуть не расплакалась. Но плакать было некогда – Алиса понимала, что, как только уменьшение закончится, надо бежать к Аркаше на выручку.

Но когда оно закончится? Оказалось, что вокруг нет ни одного ориентира, по которому можно было бы догадаться, какого ты размера.

К тому же свет совсем ослаб и неясно было – где верх, где низ, где выход. Что-то мягкое и громоздкое мешало смотреть – Алиса стала отталкивать эту груду материи, наткнулась на здоровенную железяку – хорошо еще, что тупую. Какой-то дурак подсунул сюда это барахло... И тут же голова сообразила: какой дурак мог подложить, если всего несколько минут назад Алиса еле уместилась в эту кабину, сжимая в кулачке свое добро... Так это ее добро! Это ее плащ, меч и копье. А где же шоколад? Еще растает – хороша она будет, вся в шоколаде!

Алиса расправила плащ – он был великоват, но не очень. Можно было одеваться.

Она быстро продела голову в отверстие – какая грубая ткань, просто дерюга!

И меч... Она подняла меч. Тяжелый, страшно неудобный. Как мог Пашка так неаккуратно сделать рукоять – держать невозможно! «Ах какая я глупая! – подумала Алиса. – Я совсем забыла взять плащ, который сшила для Аркаши!»

Ворча про себя, Алиса подобрала с пола пакет с куском шоколада – пакет еле вместился в карман, пришитый спереди плаща. Алиса стала похожа на маму-кенгуру.

Раздался щелчок. Запах свежих огурцов пропал. Высоко-высоко, куда уплыл пульт, что-то звякнуло. И тут же в полу, в бывшем сиденье, открылся люк – раньше его не было видно, и Алиса о нем забыла.

Она подошла к люку – это был глубочайший колодец, к стене которого были приклеены скобы.

– Эй! – крикнула Алиса вниз.

Эхо отозвалось:

– Э-э-эй...

Как неудобно – и булавка, и меч, и пакет с шоколадом, – так никогда не спуститься. А спускаться надо... давай посчитаем: высота от сиденья до земли примерно сорок сантиметров. Значит, десять раз мой теперешний рост. Если сорвешься, костей не соберешь!

Алиса легла на живот, опустила ноги вниз, нащупала пальцами скобу и перенесла на нее вес тела. Потом подобрала лежавшие на краю меч и копье –

тяжеленные железяки, которые всего пять минут назад были такими маленькими, что приходилось сжимать их в кулаке, чтобы не потерять.

Алиса спускалась медленно – в одной руке меч и булавка, а другой она держалась за выступы. Пакет с шоколадом в кармане страшно мешал, цепляясь за выступы... Она проклинала саму себя – надо же иметь такую садовую голову, кочан капусты, чтобы тащить все тяжести с собой в кабину, вместо того чтобы оставить их на земле у выхода, как делает любой нормальный человек!

Когда Алиса поняла, что больше не сможет сделать ни одного движения, ей пришла в голову интересная мысль: а почему она должна тащить эти жутко тяжелые железяки в руке и погибать от этого, когда тот же самый меч и булавка могут отлично путешествовать вниз своим ходом. Придя к такому выводу, Алиса разжала пальцы, и ее оружие со звоном и гулом, ударяясь о стенки колодца, полетело вниз, и вскоре звон этот закончился громкими ударами – теперь меч и булавка ждали ее внизу.

Остаток спуска превратился в легкую прогулку. Внизу она подобрала оружие, которое уже не казалось таким тяжелым.

Выход из кабины открылся, как только Алиса подошла к нему. В глаза, отвыкшие от яркого света, ударило солнце.

Одним лилипутом на свете стало больше – Алиса вошла в Страну дремучих трав.

Глава восьмая
В ПОИСКАХ АРКАШИ

Ощущение было невероятное. Даже обидно, что ей приходится выходить в этот мир при таких печальных обстоятельствах.

Казалось, что даже небо стало куда выше. Впрочем, это было единственным, что связывало Алису с прошлым, – небо. Больше ничего узнать было нельзя.

И не в том дело, что одна вещь стала больше, а другая много больше, – просто все стало настолько иным, что и сравнивать-то было не с чем.

Алиса стояла возле гигантской красной с белым полосатой башни, которая возвышалась над лесом, вызывавшим в памяти заросли тропического бамбука, которые она видела в Индии.

Эти растения покачивались, шевелились, потому что были лишены твердых стволов, к тому же они кишели различного рода существами,

большей частью небольшими, но среди них попадались и гиганты – ростом с Алису и даже больше.

Алиса отлично понимала, что она смотрит на заросли травы, окаймлявшие тропинку, но глаза отказывались верить, что трава может вымахать высотой в трехэтажный дом.

Алиса как бы оказалась в двух мирах. Первый – ее память. Она помнила о том, как эта тропинка, как эта трава и даже кабина выглядят с точки зрения обыкновенного человека. Но совсем иное предстало сейчас перед Алисой.

Вот узкая тропинка. Как странно было слышать, когда Аркаша жаловался, что на ней – острые камни. И в самом деле мягкая земля оказалась состоящей из различного размера камней, семян, веточек, сосновых иголок, устилавших тропинку. А вот бежит существо ростом с небольшую собаку – с громадной сверкающей головой и короткими жвалами. Оно шевелит усами и враждебно смотрит на Алису: вот-вот кинется в атаку. Алиса отступила и подобрала с земли меч. Ведь эта злобная собака – рыжий лесной муравей, который больно кусает больших людей. Каково же от такого укуса будет Алисе?

Она наклонила копье-булавку и замерла. Муравей посмотрел на него, потом, наверное, решил, что у Алисы такое жало, нехотя побежал в сторону и скрылся в стене травянистых деревьев.

«Ну хорошо, осматриваться будем потом, – сказала себе Алиса. – Сколько уже прошло времени с тех пор, как пропал Аркаша? Может быть, целый час. Теперь у меня нет часов – придется разбираться по солнцу».

Громадная тень закрыла небо. Повернув копье острием к небу, Алиса по острым камням кинулась с дороги.

Она думала, что это – птица. Но оказалось – всего-навсего бабочка, которая спустилась подивиться Алисой. Красивая бабочка-адмирал. Голова у нее, как голова Алисы, только глаза в несколько раз больше.

Понимая, что стоять на тропинке – значит привлекать к себе внимание жителей травяного леса, Алиса побежала, поджимая пальцы ног, чтобы меньше резало камешками, к изгороди, которая поднималась спереди высокой зеленой стеной, будто обрывом гигантской горы.

Алиса знала, что до изгороди двадцать метров, но теперь ее шаг – сантиметр, значит, путь удлинился до двух километров. Да еще надо миновать несколько метров до коробки.

И какой же дурак поставил коробку так далеко от кабины? Все из-за этого прудика!

Алиса семенила к изгороди, а та приближалась так медленно, словно до нее было километров сто. К тому же все время приходилось быть настороже. А это даже к лучшему – некогда думать о камнях и палках.

Один раз к ней спикировала стрекоза, потом Алиса встретила сразу десяток муравьев, но они, к счастью, не обратили на нее внимания.

Наконец она добралась до изгороди. Та нависала над ней миллионами листьев, каждый из которых мог бы послужить Алисе одеялом. Листья поднимались к небу, к самым облакам, хотя Алиса в то же время отлично помнила, что живая изгородь, окружавшая дачу Сапожковых, высотой чуть больше метра.

За изгородью тропинка почти пропала среди густых бамбуковых зарослей, и камни на ней стали крупнее и острей – так что пришлось идти по обочине.

Алиса остановилась и перевела дух. Идти оставалось немного – белые стены здания без окон были видны сквозь зеленые стволы. Хорошо, что она знает – это коробка из-под ботинок. Иначе никогда бы не сообразила, кто и почему воздвиг здесь такое странное сооружение.

Ноги уже были изрезаны камнями, но Алиса все же продолжала идти вперед. Она опиралась на копье и волочила за собой меч, который хотелось бросить, но нельзя: неизвестно еще, с кем придется сражаться.

Стена коробки нависла над Алисой. Теперь надо было обогнуть ее, чтобы отыскать вход. А ведь недавно она глядела на эту коробку сверху, даже снимала с нее крышку одной рукой, без всякого усилия... Алиса дотянулась до стены и постучала в нее. Стена была толстой, неровной, сплетенной из крупных волокон.

Еще несколько шагов, и можно будет отдохнуть...

Алиса завернула за угол и увидела, что возле входа в коробку сидит на задних лапах гигантское существо, более всего напоминающее ископаемого ящера.

Заостренная, вытянутая вперед морда была плотоядно направлена в сторону Алисы – видно, чудовище почуяло ее заранее.

Черные глаза чудовища ярко сверкали. Они были невелики по сравнению с мордой, покрытой толстой щетиной. Круглые метровые уши чуть шевелились, прислушиваясь к Алисиным движениям, могучие лапы, оканчивающиеся страшными саблями когтей, способных одним ударом разорвать Алису пополам, легко несли на себе округлое крепкое тело, высотой в слона, но куда более массивное. Спина и бока ящера были по-

крыты могучими копьями – тысячи острых концов торчали во все стороны, готовые вонзиться в невинного странника.

Алиса от неожиданности замерла, прижавшись спиной к стене белого дома, и усталой рукой приподняла копье-булавку, понимая, насколько слабо ее оружие против этого гиганта.

Гигант сморщил подвижный мокрый нос, фыркнул и вместо того, чтобы наброситься на Алису, отступил на шаг, развернулся и неуклюже кинулся наутек.

И только глядя ему вслед, Алиса поняла, что ее перепугал самый обыкновенный ежик, а она, в свою очередь, еще больше испугала этого храбреца.

Как же Алиса могла не узнать ежа? И тут же она поняла – ведь никогда еще ей не приходилось смотреть на него снизу, никогда не приходилось встречать ежика, который в несколько раз больше ее, у которого каждая иголка ей по пояс, а носик – не меньше ее головы. Попробуйте хотя бы мысленно увеличить невинного ежика до такого размера, и потом посмотрим, кто из нас куда убежит...

Глядя вслед ежику, Алиса не смогла даже обрадоваться – так она устала. И ноги заболели вновь. Она перевалилась через высокий порожек коробки и без сил растянулась на твердом полу.

Наверное, от усталости, боли и пережитого страха Алиса впала в какое-то забытье – словно задремала. Но ненадолго. Как только ее дыхание стало реже и сердце перестало трепыхаться, она села и первым делом поглядела, что у нее со ступнями.

Оказалось – ничего страшного. Правда, они были исцарапаны, в одном месте даже сочилась кровь – но все это пустяки.

Алиса поднялась и стала осматриваться.

Вокруг все разгромлено, перевернуто. Кто-то чужой неожиданно напал на Аркашу. Почему Аркаша позволил этому врагу проникнуть внутрь дома? Не ждал опасности? Удивился, но не испугался? Иначе бы он воспользовался браслетом, который Алиса нашла на полу. Браслет связи был поломан, будто его нарочно растоптали.

Алиса подняла его – ремешок, которым он крепился к руке, был разорван. Представьте себе кошку или крысу, даже очень большую, но зачем ей срывать браслет с руки Аркаши и топтать его?

Конечно, ответ на это у Алисы был. Всегда есть что ответить на подобный вопрос: «Это получилось случайно».

Заостренная, вытянутая вперед морда была плотоядно направлена в сторону Алисы – видно, чудовище почуяло ее заранее.

Ведь случайности бывают такие нелепые и немыслимые, что нарочно не устроишь.

Алиса голову могла дать на отсечение, что Аркаша сражался – это она увидела еще сверху. Теперь она могла увидеть следы сражения с другой точки зрения, будто была его участницей.

Она обошла всю коробку в надежде увидеть какой-нибудь знак, оставленный Аркашей. Записку или предмет, значение которого понятно лишь друзьям, но ничего такого не увидела. Да и понятно: тот, кто напал на Аркашу, действовал быстро и решительно.

Честно говоря, когда Алиса обыскивала коробку, больше всего она боялась увидеть пятна крови. Ведь, если на Аркашу напал хищник, он мог его и сожрать. А если он его сожрал, то бесследно сделать это невозможно – что-то да останется.

Но крови в коробке не было – это означало, что враг выволок Аркашу наружу и потащил к себе в берлогу.

Значит, остается надежда, что Аркаша жив.

Если так, то надо думать, куда его могли потащить.

Алиса осмотрела пол возле входа. И хоть там было натоптано – и Аркашей, и самой Алисой, но ей показалось, что она видит и чужие следы – продолговатые, расширяющиеся спереди и узкие сзади. Как будто их оставил маленький утенок, надевший ботиночки.

Какое животное или насекомое могло оставить такие следы? Причем не два, не три – таких следов было немало. Многоножка? Но разве у нас водятся такие большие и агрессивные многоножки?

Надо идти по следам.

Но тут же Алиса сообразила, что, прежде чем пускаться в дорогу, следует что-то придумать с обувью: босиком по этой стране бегать нельзя. Алиса разворошила постель Аркаши, вытащив из нее два куска ваты, которая оказалась грубой массой толстых волокон, затем примотала вату к ногам. Конечно, такие ватные подошвы будут недолговечными, но на первое время они помогут.

Выйдя из коробки, Алиса внимательно оглядела землю у входа в нее, стараясь не затоптать следы. Многочисленные утиные следы вели вправо по берегу прудика.

Алисе удалось увидеть среди этих следов и следы человеческие. Это ее обрадовало – значит, Аркаша шел своими ногами, может, и не добровольно, но самостоятельно. Его не съели, а взяли в плен...

«Ну что за чепуха лезет мне в голову? – подумала Алиса. – Какой еще плен? Мы с Аркашей единственные разумные существа в Стране дремучих трав!»

Глава девятая
В ПЛЕНУ У ЛИЛИПУТОВ

Сначала Алиса шла быстро. Правда, ватные лапти были не очень удобными, и веревки, которыми они были примотаны к ногам, резали икры, но все равно ей было несравнимо лучше, чем раньше.

Тропинка кончилась большим овальным углублением. Алиса не сразу догадалась, что это ее собственный след, оставленный здесь час назад. Перед этим углублением утиные следы и след Аркаши свернули в травяные джунгли. Дальше идти стало труднее, потому что стебли травы стояли тесно, порой переплетаясь. Здесь было куда жарче, чем на открытом воздухе, по траве ползали различные тли, блохи и другая насекомая мелочь, которая мелочью для Алисы не была: когда тля размером с кулак, а червяк тебя длиннее, то лучше вовсе не сравнивать.

В большинстве случаев насекомые были заняты своими делами и на вторжение Алисы не обращали внимания, а те, что поменьше, старались убраться с ее пути. Но один назойливый жук неизвестно с какими намерениями вздумал гоняться за Алисой. У него были длинные усы, закрученные так залихватски, словно это был не жук, а старинный полководец Буденный, который только что слез с боевого коня.

Алиса выставила копье, и жук замер, уткнувшись лбом в острие булавки. Но как только Алиса опустила оружие, он тут же снова кинулся к ней.

В иной ситуации Алиса бы от него убежала, но сейчас она боялась потерять следы, и ей приходилось отбиваться.

Это жука страшно рассердило.

В очередной раз наткнувшись на копье, он поднялся на задние лапы, отвел усищи назад и брызнул в Алису желтой жидкостью. Отскочить она не успела – нападение было слишком неожиданным, только отклонилась в сторону.

И, о ужас! Часть жидкости попала ей на плечо и локоть, и отвратительный запах, наполнивший заросли, словно приклеился к ней.

А жук, торжествуя, не спеша отправился прочь. Даже ни разу не обернулся.

Алиса побрела дальше. В этой жаре запахи усиливались, и, как назло, нигде не видно воды, чтобы умыться.

Ладно, надо терпеть – это не самое большое горе.

Постепенно стало темнее. Подняв голову, Алиса увидела, что над травяными бамбуковыми джунглями навис зеленый потолок. Алиса вспомнила, что за коробкой, если пройти небольшую лужайку, начинается густой кустарник, который ей сейчас кажется высочайшим лесом.

Здесь, в тропической чаще, царил зловещий полумрак. Высоко в небе перекликались невидимые птицы, травяные джунгли росли здесь кущами, и чем дальше уходила Алиса в глубь чащи, тем влажнее становилась почва под ногами и чаще встречались моховые деревья и гигантские лишайники...

Следы Аркаши и его врагов были видны отчетливо там, где они пересекали участки голой влажной земли. Так что Алисе было нетрудно идти по следам.

Один раз пришлось задержаться – дорогу ей неспешно пересекала большая гусеница. Она была составлена из двух десятков блестящих желтых бочек, каждая из которых покоилась на двух толстых, заканчивающихся когтями, коротких ногах. И когда гусеница подтягивала хвост и, сжимаясь, поднимала дугой среднюю часть, ножки топорщились высоко над головой. Наверное, и в обычной жизни эта гусеница была велика, а тут она представлялась королевой гусениц. В ней была своеобразная красота и тупость, направленная лишь на то, чтобы порадовать собственный желудок, набить все бочки едой. Алису гусеница даже не испугала. Алиса стояла довольно близко от нее, но конечно же гусеница, спешившая сменить столовую, не обратила на несъедобную с ее точки зрения Алису никакого внимания.

Алиса так загляделась на гусеницу, что пропустила тот момент, когда из чащи вышел человек и окликнул ее на непонятном языке.

Она даже зажмурилась, потом протерла глаза.

Но ничего не изменилось: между двух травяных стволов стоял человек чуть больше Алисы ростом, одетый в черный костюм, с какой-то блестящей штукой в руке – может, даже пистолетом, и говорил, обращаясь к ней.

– Ну и дела! – сказала Алиса. – Вот никогда не думала, что на Земле есть еще неоткрытые племена.

Человек крикнул тонким злым голосом.

– Неужели Аркаша у вас в руках? – спросила Алиса.

Алиса выставила копье, и жук замер,
уткнувшись лбом в острие булавки.

И в этот момент ее кто-то больно ударил сзади по голове.

От неожиданности Алиса выронила копье и схватилась за голову.

Обернувшись, она увидела улыбающееся жестокое лицо – и тут же ее ударили в висок.

– Еще чего не хватало! – воскликнула Алиса.

Она развернулась и как следует дала сдачи бандиту. А так как тот, видно, не привык, чтобы ему отвечали, он ахнул и сел на землю.

– Кто еще? – спросила Алиса.

Но тут она поняла, что шутки с жителями травяных лесов плохи. Мужчина, стоявший перед ней, поднял пистолет. Раздался выстрел, и травинка у самой головы Алисы резко покачнулась, пробитая пулей.

Алиса не стала ждать следующего выстрела, а кинулась в чащу. Она забилась в бурелом сухой травы, надеясь, что ее не увидят.

Вокруг слышен был шорох, негромкие голоса, шаги, треск сучьев – ее искали.

Алиса неподвижно сидела на корточках.

Шаги приближались. Алиса почувствовала, что к ее укрытию подошло несколько человек. Она старалась не дышать.

– Эш! – раздался совсем близко крик.

«Это ко мне не относится», – успокоила себя Алиса.

Совсем рядом засмеялись.

Потом сквозь траву и сухие ветви протянулся острый клинок и легонько ткнул Алису в плечо.

– Э-э-э-э-ш-ш-ш-ш! – протянул чей-то голос.

Совсем рядом снова засмеялись.

Алиса поняла, что ее разыскали, и попыталась рвануться назад.

Но тут же спиной наткнулась на другой острый клинок.

– Ладно, – сказала Алиса. – Я сдаюсь.

Она медленно поднялась, так чтобы ее видели, вышла из зарослей.

– Та-тара, – сказал мужчина с мечом и пистолетом в руке.

Он показал на пояс Алисы.

Господи, а она совсем забыла! На поясе висел выкованный Пашкой меч.

Алиса вытащила его. Перед ней стояло уже человек шесть-семь, все в темных костюмах, с саблями и пистолетами – серьезный народ. Некоторые в касках с длинными козырьками, так что глаза скрывались в темноте, и это было неприятно.

Между двух травяных стволов стоял человек чуть больше Алисы ростом, одетый в черный костюм, с какой-то блестящей штукой в руке.

Алиса бросила меч на землю. Он косо вошел в мокрую почву. Один из нападающих с трудом вытащил его и попытался поднять. Меч был ему тяжел. Странно – взрослые мужчины, кажутся нормальными, а ведь Алиса поднимала меч без труда. И тогда же Алиса обратила внимание на то, что те люди двигались чуть замедленно и как-то неуверенно, будто они ходили под водой, когда тебе каждый шаг дается с дополнительным трудом оттого, что надо преодолеть сопротивление воды.

Один из них, в каске, козырек которой лежал на носу, и поэтому ему приходилось закидывать голову, чтобы увидеть Алису, указал на нее пальцем и произнес небольшую речь, которую Алиса, разумеется, не поняла и даже пожалела, что рядом нет Аркаши с его гениальной способностью понимать и мгновенно выучивать новые языки. Аркаша любил повторять:

«Трудно выучить первый язык. Второй – дается с немалым трудом. В третьем ты уже встречаешь кое-что знакомое, а двадцатый ты знаешь заранее – надо только выяснить мелкие детали».

Алиса, как и каждый человек в двадцать первом веке, знала, конечно, несколько земных языков, говорила на космолингве, могла объясниться на Паталипутре и среди брастаков. Но способности к языкам у нее были самые средние.

– Вы откуда? – спросила Алиса на космолингве, после того как человек с козырьком закончил речь.

– Это тебя не касается! – ответил человек в каске.

Так что оказалось, языкового барьера не существует.

– Пошли! – крикнул бандит.

Когда они пошли, Алиса обратила внимание, что на ногах у них были непривычной формы короткие сапоги, ступни которых расширялись, и оттого следы получались похожими на утиные. Алиса уже и без этого поняла, что Аркаша попал в плен к этим существам, а теперь она убедилась в этом окончательно.

Вокруг становилось все темнее – они все более углублялись в кустарник. Когда-то на этом месте стоял домик, но он давным-давно сгорел,

остатки балок и кирпичей заросли бурьяном, потом на этой почве поднялись кусты, и росли они так густо, что не дали там приняться ни одному дереву.

За те несколько минут, пока они двигались к центру зарослей, Алиса догадалась, что встретилась с инопланетянами. Во-первых, нигде на Земле нет людей такого размера, как эти. Еще можно с трудом допустить, что миниатюрные дикари сохранились в каком-нибудь непроходимом тропическом лесу Амазонки. Но эти-то были не дикари! Они облачены в мундиры, шлемы, у них не только сабли, но и пистолеты. А для того чтобы сделать пистолет, надо, по крайней мере, изобрести порох и научиться плавить металлы. А этого в джунглях Амазонки, а тем более в джунглях Подмосковья не может случиться.

Встречу с инопланетянами вряд ли можно было назвать дружественной. Лет сто назад какой-нибудь писатель-фантаст обязательно написал бы о том, как приятно встречаться с братьями по разуму, как они любят нам помогать. Но у Алисы был большой жизненный опыт, и она знала, что в космосе живут самые различные цивилизации – и добрые, и жестокие. Конечно же, существует Галактический совет, который разбирает все случаи нападений, недоразумений, грабежа и стычек. Но порой суд запаздывает, а патрульный крейсер, который должен навести порядок, прилетает слишком поздно.

Алиса вышла на небольшую прогалину в зарослях. На невероятной высоте ее сплошным шатром перекрывали зеленые листья, но внизу росли совсем небольшие кусты – они и скрывали космический корабль незваных гостей. Конечно же, космический корабль!

Корабль был неплохо замаскирован. Его не увидишь, пока не подойдешь вплотную. Он представлял собой пирамиду со стесанными углами, вершина которой поднималась... Алиса затруднялась сказать, на сколько, но, наверное, не ниже, чем на высоту десятиэтажного дома. Только не настоящего десятиэтажного дома, а такого, в котором могла бы жить миниатюрная Алиса. То есть, если перевести размеры корабля в нормальные сантиметры, высотой он был примерно в полметра.

Навстречу Алисе открылся люк, и оттуда вышло еще несколько человек в черных мундирах. Они заговорили с теми, кто привел Алису. О ней самой на минуту забыли, зато заинтересовались мечом, который притащили к кораблю двое мужчин покрепче. Инопланетяне цокали язычками, ахали, спорили, стучали пальчиками по клинку... Затем из корабля выско-

чил худой человек – весь мундир в нашивках и позументах – и закричал что-то на непонятном Алисе языке.

Алису повели внутрь корабля. Если снаружи он был сильно избит, исцарапан, обожжен, очевидно, от долгого путешествия, то внутри корабль оказался страшно скучным и пустынным. Серые стены коридоров, темно-серые люки, круглые одинаковые лампы под потолком. Эта картина оживлялась лишь надписями и хулиганскими картинками, выцарапанными на стенах. Будто на корабле летали испорченные дети. Через несколько шагов коридор расширился – наверх вел неподвижный эскалатор. Алиса шла покорно, ведь каждый шаг, как она надеялась, приближал ее к Аркаше.

...Снова короткий коридор, который оканчивается нишей, забранной решеткой. За решеткой на полу сидит Аркаша в лохмотьях, что остались от набедренной повязки. Перед ним кучка палочек. С внешней стороны решетки стоят две девушки в длинных сиреневых платьях. Они очень внимательно смотрят на Аркашу и что-то записывают в блокноты. За их спинами – толпа инопланетян, смолкшая при появлении Алисы.

– Эй, Аркаша! – воскликнула Алиса. – Наконец-то я тебя нашла!

Аркаша оторвался от палочек, вскочил, придерживая руками повязку, кинулся к решетке, но, вместо того чтобы обрадоваться появлению подруги, рассердился:

– Еще чего не хватало! Ты зачем пришла? Ты понимаешь, как ты рискуешь?

– Аркаша, значит, я не должна была обращать внимания на то, что ты пропал? А вдруг это Мордашкин? И он тебя нечаянно придушил?

– При чем тут Мордашкин! – сказал Аркаша. – Мне удалось отыскать неизвестную мини-цивилизацию. Это открытие галактического масштаба! Потребовались вся моя деликатность и дипломатичность, чтобы наладить с ними контакт. И как только что-то начало получаться, появляешься ты!

– Значит, это не они тебя поймали, а ты их нашел?

– Разумеется! Я им поддался! – ответил Аркаша в традициях нахала Гераскина.

Они разговаривали через решетку, как будто рядом никого не было. Это хозяевам корабля надоело. Алису стали подталкивать к решетке. Распахнулась железная дверь...

– Только не сопротивляйся, – предупредил Аркаша. – Ничего страшного. Они прилетели сюда завоевать Землю и поработить нас всех. Сначала нас с тобой изучат, как местных туземцев. Это очень интересно!

– Ты хочешь, чтобы меня считали дикой женщиной?

– Совершенно дикой.

– А потом покорили?

– Я не думаю, что им удастся нас покорить, но как интересно, если они попробуют это сделать!

– Но это невозможно!

– Тебе так кажется, а им – иначе. Они думают, что мы все – лилипуты.

Алису грубо затолкнули в клетку. За решеткой собралось уже человек двадцать, они шумно обсуждали пленников, один из людей в темном мундире даже показал Алисе кусок хлеба. Остальные засмеялись. Кусок хлеба влетел в клетку и упал к ногам Алисы.

– Вот это мне не нравится, – сказал Аркаша. Он нагнулся, подобрал кусок с пола и ловко запустил им в того, кто смеялся громче всех. Обиженный схватился за саблю, принялся вопить, остальные засмеялись еще громче, точно так же, как смеется толпа грубых, невоспитанных зрителей в зоопарке, когда верблюд плюнет в самого нахального зрителя.

Раздался пронзительный звонок – хоть уши затыкай.

– Что это? – удивилась Алиса.

Аркаша пожал плечами:

– Я тут всего час сижу, а может, и того меньше. При мне еще не звонили.

Он сделал шаг к решетке и стал прислушиваться к оживившимся лилипутам.

– Ясно, – сказал он наконец, – звонят к обеду, и это для них – святое. К тому же они соскучились жевать сухари и консервы, а сегодня их кормят свежей едой. Им не терпится ее отведать.

Оживленно разговаривая, зрители ушли. Остались лишь две фигуры в сиреневых платьях до пола.

– Это ученые дамы, – сказал Аркаша. – Им уходить нельзя, они меня изучают. Младшие научные сотрудники без степени.

– Как это изучают? – спросила Алиса.

– Очень просто. Видишь эти палочки? Я их должен складывать. Если я буду хорошо складывать – получу конфетку. Плохо – убьют!

– Аркаша, что ты говоришь!

– Я бы мог у них спросить подтверждения, – сказал Аркаша, – но мне не хочется открывать карты. Пускай они думают, что мы дикие люди и не понимаем их языка. Пускай они нас не стесняются...

– Эй! – приказала одна из девиц, показывая на палочки, разбросанные на полу перед Аркашей. Вторая кинула еще пригоршню палочек перед Алисой.

– Думай, Алиса, думай, – сказал Аркаша. – Если ты сможешь сложить из этих палочек квадрат, тебе дадут поесть. Ты голодная?

– Да ты что! Я же недавно завтракала.

– Счастливая. А мне завтрак только снится.

Девицы защебетали, торопя пленников.

– Велят думать, – сказал Аркаша.

– Как же я забыла! – воскликнула Алиса. – Все случилось так неожиданно, что я забыла про шоколад.

– Шоколад?

– Я тебе принесла шоколаду, – сказала Алиса.

Она вытащила из кармана в плаще пакет с комком шоколада. От этого военные девицы вообще пришли в крайнее негодование. У одной из них была палка – она просунула палку в решетку и норовила дотянуться до Алисы. Алиса передала шоколад Аркаше.

– Никогда в жизни еще не видел такого большого куска шоколада, – заявил он.

Аркаша вгрызся в шоколад, а девицы опомнились и принялись требовать, чтобы он занимался делом.

– У меня обеденный перерыв! – сказал Аркаша.

Девицы ответили взрывом негодования.

– А ты им дай по шоколадке, – сказала Алиса.

– А не жалко?

– Разве можно жалеть что-нибудь для девочек? – удивилась Алиса.

– Ты права, у них с шоколадом перебои.

Аркаша отломил кусок шоколада и, разделив его пополам, протянул сквозь решетку. Шоколад уже подтаял и пачкал пальцы.

Одна девушка отшатнулась от страшного оплывшего коричневого куска, а Аркаша весело сказал:

– Эй, гляди, я ем и до сих пор живой!

Вторая девица, на вид постарше, протянула палец, мазнула им по куску, потом поднесла к носу, долго нюхала, а ее товарка смотрела на нее, отставив ладонь с куском шоколада.

Наконец старшая девица не выдержала, лизнула... еще раз лизнула.

И вдруг совершила неожиданный поступок: быстрым движением она выхватила кусок шоколада у младшей и начала запихивать его в рот.

Младшая запищала, не сразу осознала, что же произошло. Потом облизала свои пальцы и поняла, чего же она лишилась!

Она кинулась на напарницу, стала вырывать из ее рук подтаявший шоколад, та спешила запихнуть остаток его в рот, а младшая совала ей в рот пальцы, стараясь выцарапать сладкую массу. Старшая кусалась, но кусаться и одновременно жевать шоколад – это ой как трудно!

– Может, им еще дать? – спросила Алиса.

– Не надо баловать. Они же дикие люди. Они еще сильнее захотят завоевать Землю, чтобы есть шоколад от пуза.

– Это очень наивно.

– Для нас – да. Для них – нет.

Военные девицы долизывали шоколад.

Они опьянели от шоколада, глаза стали мутными, движения неуверенными.

В таком виде их и застал офицер, который явился с проверкой.

С первого взгляда он понял, что пленники делом не занимаются, а девицы находятся в каком-то странном состоянии.

Не тратя времени понапрасну, начальник начал кричать на девиц, а они только отмахивались от него, под влиянием шоколада начисто забыв о военной выправке и дисциплине.

Офицер решил проверить, что же произошло на самом деле, и приказал Аркаше откусить и сжевать кусочек подозрительного вещества. Военные девицы глядели, как Аркаша жует шоколад, и стонали от желания продолжить пир, хотя и были полны сладким по уши.

Увидев, что Аркаша остался жив, офицер тоже откушал шоколада. В отличие от девиц, он был человечек дисциплинированный, смог оторваться от лакомства и, забрав остаток, покинул помещение. Ушли и перекормленные девицы.

– Времени у нас мало, – сказал Аркаша.

– Надо бежать, – сказала Алиса.

– Плохое Пашкино воспитание, – сказал Аркаша. – Чуть что – сразу бежать, хватать, стрелять, принимать меры.

– А ты что предлагаешь?

– Я, как всегда, предлагаю думать, – ответил Аркаша. – Я убежден, что сейчас убегать куда опаснее, чем оставаться.

Глава десятая
ЗАВОЕВАТЕЛИ ЗЕМЛИ

Вскоре вернулся офицер и привел с собой начальника в генеральском чине.

– Выходи! – приказал офицер, не сомневаясь, что любое существо в Галактике должно беспрекословно выполнять его приказы.

Алиса и Аркаша подчинились.

– Не забудь, – напомнил Аркаша Алисе, – мы с тобой отсталые, но мирные дикари, которые населяют эти места.

– Что ты дикарь, – сказала Алиса, – они поверят... – Аркаша и в самом деле выглядел диким существом – босиком, в набедренной повязке, лохматый и худой. – Но меня трудно принять за дикарку, – сказала Алиса.

– Посмотрим, – не стал спорить Аркаша. – Если ты думаешь, что твой плащ – вершина портновского искусства, а твои сапожки сделаны лучшими сапожниками Вселенной, ты глубоко заблуждаешься.

Их ввели в большое помещение, которое на инопланетном корабле исполняло роль кают-компании. У дальней стены на возвышении стоял круглый стол. Вокруг него восседало несколько военных в пышно расшитых мундирах, украшенных множеством орденов и значков. От этого стола, как лучи от солнца, расходились еще десять столов. За ними сидели рядовые обитатели корабля – все в военной униформе, со значками и позументами.

При виде пленников никто и бровью не повел – все были заняты едой.

В центре, уперев в пленников тяжелый взгляд, сидел лилипут с квадратной челюстью, через все лицо – косой шрам. Даже за столом он не снял каски с железным козырьком. На эполетах у него были вышиты кометы.

Справа от командира восседал старичок, увешанный значками так густо, что под ними не было видно мундира. У старичка были удивительные

усы – напомаженные, покрытые лаком, такие твердые, что на их концах висели маленькие золотые колокольчики, которые тонко позвякивали в такт, когда старичок открывал рот или поводил головой.

Слева от командира сидела рыжеволосая женщина средних лет, широкоплечая, полногрудая, упитанная, веселая, которая беспрестанно жевала. Она тоже была в мундире, который не застегивался – видно, шили его, когда она не была еще такой толстой.

За столом сидели и другие орденоносные начальники, но Алиса не успела их рассмотреть.

У главных персон губы и щеки были измазаны шоколадом. Видно, они втроем и сожрали остатки.

Между столом быстро пробегали плохо одетые, оборванные люди, которые разносили блюда с пищей и кувшины с напитками. Алиса обратила внимание на черноглазую худенькую девушку, которая не отрываясь глядела на Алису, затем споткнулась о валявшуюся на полу кость и чуть не выронила блюдо, но усатый старичок успел перегнуться через стол и подхватить его. Поставив блюдо на стол, он уцепился тонкими пальцами за ухо девушки и дернул. Девушка заплакала, а соседи старика за столом расхохотались.

Человек со шрамом поднял руку, призывая своих товарищей к тишине.

– Слушайте и поражайтесь, ничтожные дикари! – выкрикнул он на космолингве. – С этого мгновения вы мои подданные! Радуйтесь!

Алиса с Аркашей молчали.

– Вам понятно? – спросил старик с напомаженными усами.

– Здравствуйте, – смиренно сказала Алиса. Она решила – пускай командует Аркаша. Он первый попал в плен.

– Первые выводы таковы, – сообщил старикашка. – Мои научные сотрудницы доложили, что туземцы способны сложить из палочек крест, но перед квадратом останавливаются в растерянности. Следовательно, они еще не люди.

– Это какие сотрудницы? Которые половину сладостей сожрали? – строго спросила толстуха.

– Мои сотрудницы, – ответил старичок злым голосом, – пожертвовали собой ради науки. Это разведчицы высокого класса.

– Ладно, ладно, – сказал главный начальник. – Не ссорьтесь, птенчики. Здесь я решаю – кто прав, а кто виноват.

Его слова, сказанные громче, чем было необходимо, вызвали в зале бурю восторга. Военные поднимались со своих мест, тянули вверх руки, звенели медалями и кричали:

– Вперед! Вселенная принадлежит нам!

– Ты будешь женщина, – сказал главный военный, показывая на Алису толстым корявым пальцем, на котором блестело несколько перстней. – А ты – мужчина. – Он показал на Аркашу. Сказал он это так важно, будто до этого Аркаша был лягушкой, а Алиса – муравьем. А теперь они назначены на должности мужчины и женщины.

Аркаша смиренно спросил:

– А ты кто будешь?

– Молодец! – обрадовался главный военный. – Славно спрашиваешь. Умница. Я – командующий непобедимым и грозным кораблем «Месть» флота Его Величества, я – суперадмирал!

И в зале поднялся восторженный рев. Он долго не стихал. Наконец адмирал жестом прекратил восторги подчиненных, а наивный Аркаша спросил:

– Любят вас, что ли?

– Любят! – заявила толстая женщина и, поднявшись с места, крепко обняла адмирала.

– Это – моя Боевая Подруга, – пояснил адмирал, похлопав толстуху по спине. – А это, – другой рукой он похлопал по плечу старикашку, – наш знаменитый и великий теоретик, любимец народа профессор Как-тебя.

На этот раз военные в зале не кричали.

– Профессора меньше любят, – сказал Аркаша.

– Куда как меньше, – согласился адмирал. – Меня больше. И я думаю, что они правы.

– А это все ваши подчиненные? – спросил Аркаша.

– Это мои соратники! Боевые псы! Волки войны! Шакалы космоса! Пантеры Вселенной!

Вновь поднялся страшный рев. Как они стучали каблуками! Как рявкали! Как стонали!

– Я думаю, что вы прилетели нас завоевывать, – сказал Аркаша.

– Кто тебе сказал? – сразу насторожился адмирал.

– Рано дикарям об этом знать, – сказал профессор.

Алиса почувствовала неладное – она нечаянно кинула взгляд на профессора и увидела в его остром взоре недоверие и настороженность. Ар-

– Слушайте и поражайтесь, ничтожные дикари! – выкрикнул он на космолингве. – С этого мгновения вы мои подданные! Радуйтесь!

каша перегнул палку – он решил, что их окружают глупые солдафоны, которых легко одурачить.

– Вы живете в лесу? – хитренько спросил профессор, облизывая длинным языком шоколад с морщинистых щечек.

– Конечно, мы живем в лесу, – сказал Аркаша. – Где же нам еще жить?

– И вы кушаете сладкие вещи? – спросил старичок.

Адмирал и его Боевая Подруга замерли.

– Кушаем, – сказал Аркаша, не чувствуя подвоха.

– Хорошо живете, – сказал старичок. – А где ваш город?

– Какой город? – спросил Аркаша.

– Такой дикий, что не знает, что такое город, – удивился старичок.

– Очень дикий, – согласилась Боевая Подруга. – Надо ему всыпать ударов сто, тогда сразу поумнеет.

– Это интересная идея, – сказал старик. – Как вы думаете?

В зале раздались разрозненные крики:

– Выпорем!

Затем они слились в общий крик. Солдаты ритмично колотили кулаками по длинным столам и скандировали:

– Вы-по-рем! Вы-по-рем!

И в этом крике была такая дикая ярость, что Алисе стало не по себе.

– Ну хватит, хватит, мои молодцы! – остановил их адмирал. – Нужно будет – и голову отрубим... Ну что, продолжим допрос?

Зал постепенно успокоился.

– Значит, вы, дикари, живете в лесу? – спросил адмирал.

Аркаша кивнул.

– И нет у вас заводов и фабрик?

– Нет, – сказал Аркаша. – Откуда им взяться?

– А это что? – Резким движением адмирал дернул за край набедренной повязки Аркаши, и та размоталась. Аркаша остался совершенно голым.

Адмирал брезгливо поднял ткань над столом.

– Что ты скажешь, моя прекрасная Подруга? – обратился он к соседке.

– А то скажу, что ткань грубая, – ответила Подруга. – Но сделана на станке. И покрашена синтетической краской.

– Я так и думал, – сказал адмирал.

– Он такой же дикарь, – заметил старичок, – как я крокодил.

– Весь мой жизненный опыт говорит, – сказал адмирал, – что перед нами лазутчики и шпионы.

– Придется вас казнить, – заявила Боевая Подруга и расхохоталась.

– Это еще почему? – спросила Алиса, стараясь изобразить возмущение. Хотя у нее похолодело в груди. Эти бандиты совершенно не умели шутить.

– А потому, – вмешался профессор, – что мы прибыли к вам как друзья. Но вместо милых, добрых туземцев видим шпионов и лазутчиков.

– Но мы же к вам не приставали! – воскликнул Аркаша. – Вы же сами на нас напали.

– Это не так, – сказал старичок. – Это вы заставили наших смелых и честных солдат на себя нападать.

– Как так? – не понял Аркаша.

– А зачем вы ходили по временно оккупированной нами территории? Зачем вы полезли в запретную зону?

– Там не было написано!

– Не было? – Адмирал был удивлен и рассержен. – Как так не было написано? Вы обязаны были написать! Кто отвечает за надписи?

В дальнем конце стола вскочил офицер.

– Надписи были готовы, ваше могущество, – сказал он. – Только установка немного задержалась, потому что мы не знали местного языка.

– Вы должны были ставить надписи на нашем языке! – закричал старичок. – Сколько раз вам говорить одно и то же! Пускай они учат наш язык! Вот когда они нас завоюют, тогда пускай и ставят свои надписи и вывески!

– Как так они нас завоюют? – рассердился адмирал на профессора. – Кто нас завоюет?

– Это я в теоретическом плане, – испугался старик.

– Десять розог! – приказал адмирал.

– Нет, только не это! – закричал старичок. – Такое унижение я не перенесу! На глазах у рабов!

– А ну кыш отсюда! – гаркнул адмирал на оборванцев, которые разносили еду. Те разбежались по углам. Затем адмирал показал на Аркашу, который сидел на корточках, съежившись, потому что оказался совсем голым в такой компании, и добавил: – А штаны отдашь ему!

Под улюлюканье военных старичок покорно разделся, потом дрожащей рукой протянул свои штаны – все в галунах и позументах – Аркаше, а тот покорно их принял и надел.

Солдат принес кнут на длинной толстой рукоятке.

К удивлению Алисы, со своего места поднялась Боевая Подруга и, взяв кнут, жестом показала старичку-теоретику, что ему надо встать на четвереньки.

Многие вскочили со своих мест, шум в зале стоял невообразимый.

Боевая Подруга принялась хлестать старичка, а все остальные, включая адмирала, отсчитывали удары, и, что было очень странным, старичок тоже отсчитывал удары.

Алиса увидела, что из-за угла за наказанием наблюдает черноглазая кудрявая девушка-рабыня. Глаза ее горели от восторга, губы считали удары, а ладошки прихлопывали в такт. «Ох и не любят вас ваши рабы!» – подумала Алиса. Впрочем, старик был сам виноват.

Когда экзекуция закончилась, профессор, прихрамывая и сутулясь, ушел прочь из зала. Вслед ему кричали и улюлюкали, но он даже не обернулся. Алисе стало жалко его – нельзя же так над людьми издеваться!

Но о старике все сразу забыли.

Адмирал поднялся на стул, чтобы его лучше было видно, и отставил ногу в блестящем сапоге. Он держал в руке кружку с пивом.

– Слава нам, непобедимым! – закричал он.

– Слава! Слава! Слава! – безумствовали солдаты.

– Как зовут твою ничтожную планетку? – закричал адмирал, обращаясь к Аркаше.

– Земля, – ответил Аркаша.

– Земля – ты наша рабыня! – завопил адмирал.

И он начал петь:

– Мы тебя растопчем!

– Раз-два, раз-два! – вторили ему солдаты, стуча кружками о столы.

– Мы тебя смешаем с пылью!

– Раз-два! Раз-два!

Алиса подвинулась к Аркаше, который стоял, придерживая штаны.

– Пора бежать, – сказала она.

Но Аркаша не успел даже ответить.

Между ними возникла рыжая голова Боевой Подруги.

– Убежать успеете, – сказала Боевая Подруга. Она все еще держала в руке кнут, которым порола старика профессора. – Сначала поговорим.

Она толкнула Алису в спину, чтобы та шла вперед.

Возникший справа солдат подтолкнул Аркашу.

Через минуту они были в низкой комнате, где вдоль стен тянулись узкие диваны, а пол был устлан ковром.

По комнате ходил профессор. Он был уже в других штанах.

– Садитесь, – сказала Боевая Подруга.

– Хорошо тебе так говорить, а я сесть не могу, – ты же меня в кровь испорола.

– Так тебе и надо, – ответила Боевая Подруга.

Она бухнулась на диван и вытянула ноги, затянутые в черные кожаные штаны и сапоги.

– Вернемся домой, – сказал старичок, – напишу на тебя жалобу в суд. Заплатишь мне штраф как миленькая.

– Да разве ты будешь ждать возвращения? – ухмыльнулась Боевая Подруга. – Ты же каждый день на меня телеграммы-жалобы строчишь. Хорошо еще, что радисты у меня в кармане.

Старичок рассердился так, что принялся бегать по комнате. Но Боевая Подруга не обращала на него никакого внимания.

– Ну что, мои дикари, – сказала она, разглядывая Алису и Аркашу. – Будем врать и изворачиваться или поговорим как разведчик с разведчиком?

– Что вы имеете в виду? – спросил Аркаша.

Вид у него был потешный. Штаны старика, украшенные позументами и галунами, были ему велики, и он их придерживал двумя руками, чтобы не потерять.

– А то мы имеем в виду, – сказал старичок, – что вы дикарей только в кино видели. Признавайтесь!

– А если не признаемся? – спросил Аркаша.

– Смерть ваша будет ужасна! – зарычала Боевая Подруга.

– Подружка шутит, – сказал старичок. – Ничего вам не угрожает, кроме адмирала, без которого мы, к сожалению, не можем обойтись. Мы-то вас не тронем. Мы – интеллигентные, образованные люди...

– Мы вернем вас адмиралу, – заявила Боевая Подруга. – Он в гневе безрассуден.

– Отдавайте, – сказал Аркаша. – Но тогда ни один из вас не уйдет отсюда живым.

– Вот такого разговора мы ждали, – сказал старичок. – Это уже беседа равных. Выкладывайте ваши карты на стол.

– Мы живем здесь, в лесу, – начал Аркаша.

– Только без этого, – перебила его Боевая Подруга.

Тут дверь распахнулась, и большими шагами вошел адмирал.

Если он и был пьян, то теперь это не чувствовалось. Взгляд его был ясен, руки не дрожали, шаги были уверенны.

– Простите, господа, – начал он. – Пришлось задержаться. Мои воины немного разыгрались. Ну просто псы!

– Зато верные, – вставила Боевая Подруга.

– Может быть, – рассеянно ответил адмирал. Потом обернулся к старичку: – Не беспокоит?

– Терплю, – отозвался старичок.

– Не мог я тебя не выпороть, – сказал адмирал устало. – Ты же глупость брякнул, непатриотично вел себя при народе.

– Стар я стал унижения переносить, – сказал старичок, но адмирал уже отвернулся от него и спросил у Боевой Подруги:

– Ну и как наши гости? Что рассказывают?

– Этих двоих к нам подослали. И теперь ждут их возвращения.

– Вернее всего, со всех сторон к нам уже подтягиваются войска, – добавил старичок.

Адмирал обернулся к пленникам. Он стоял, широко расставив ноги и набычившись. Шрам на щеке покраснел.

– А вы что скажете? – спросил он. – Прав мой старик или врет?

Алиса поглядела на Аркашу. Она не знала, как себя вести. Может, у Аркаши есть линия поведения? Если бы сейчас спросили у Алисы, что делать, она бы точно ответила – рассказать правду, объяснить этим лилипутикам, что они ошиблись, что им никогда не завоевать Землю. Пускай лучше улетают к себе.

– Зря вы время тратите, адмирал, – сказал Аркаша. – Ничего вам с нами не поделать, зато за нарушение галактического мира вам придется отвечать по закону.

– Юноша, – насупился адмирал, – боюсь, что цивилизация, к которой ты принадлежишь, не знает, что бывают законы женские и законы мужские. Законы женские охраняют дом и помогают растить детей. Законы мужчин учат захватывать, покорять, отнимать и завоевывать.

– Зачем? – спросила Алиса.

– Молчать, когда я говорю! Только мужской закон ведет к прогрессу, только в мужском законе есть смысл жизни. Те планеты, на которых царит

женский закон, обязательно становятся рабами мужских планет. Мы идем от планеты к планете, от звезды к звезде! Все планеты у нас под ногами. Каждый, кто встанет против нас, будет растоптан сапогами!

– Хорошо, – сказал Аркаша. – Вот, к примеру, вы нас завоевали. А потом что?

– Мы завоюем всю вашу планету, мы покорим вас! Вы станете нашими рабами!

– А потом?

– Потом мы покорим соседнюю с вами планету.

– А потом?

– Мы живем и, значит, двигаемся, – сказал старичок-теоретик. – Мы впитываем в себя знания и силу покоренных. После каждого завоевания мы становимся сильнее. И наступит день, когда мы станем самыми сильными во Вселенной. Это наша судьба!

– А вдруг вы встретите кого-то, кто сильнее вас? – спросил Аркаша.

– Это немыслимо, – сказал старичок. – Давно уже вычислено и известно каждому разумному человеку, что солдаты нашей армии – самые высокие и сильные разумные существа во всей Вселенной.

– Значит, выше вас не бывает?

– Природа бы не допустила этого, – сказал профессор.

– Это даже смешно, – сказала Боевая Подруга. – Да известно ли вам, недомерки, что я – победительница конкурса на самую сильную женщину Вселенной?

– Вас надо познакомить с моей симферопольской бабушкой, – заметила Алиса.

– И что тогда?

– Тогда бы вы заняли второе место.

За дверью раздался общий крик, будто завывала стая волков.

– Пора, – сказал тогда адмирал. – Пора собираться. Мои мальчики готовы к бою.

– Если их не пустить в атаку, они весь корабль разнесут, – захихикал старичок.

– Что будем делать с пленниками? – спросила Боевая Подруга. – Казним?

– Нет, они сначала укажут нам дорогу.

– Куда? – спросила Алиса.

– К тому месту, где нас ждет вражеская армия, – ответил адмирал.

– Но мы не знаем, где вас ждет вражеская армия. Боюсь, что ее вам не отыскать, – сказал Аркаша.

– А если отыщете, – добавила Алиса, – то вам не поздоровится.

– Она меня, по-моему, запугивает! – рявкнул адмирал.

Он распахнул дверь, и в комнату ворвался водопад криков и звон оружия. Оказывается, покончив с обедом и пивом, солдаты адмирала достали пистолеты и широкие загнутые сабли, а некоторые – короткие металлические дубинки с шипами. Воины топали ногами, распевали боевые песни. «Как хорошо, – подумала Алиса, – что они всего-навсего лилипуты».

Оборванные рабы, что прислуживали им, жались к стенам. Уже знакомая Алисе черноглазая курчавая рабыня выглядывала из-под стола и от страха шмыгала носом. Алиса улыбнулась ей. Та в ответ улыбнулась сквозь слезы.

Когда солдаты увидели в дверях адмирала, они завопили хором.

– Я поведу вас! – закричал громовым голосом адмирал.

– У-у-у-у! – кричали воины.

– Мы захватим эту жалкую планетку!

– О-о-о-о!

– Будет хлестать кровь!

– А-а-а!

– Тигры космоса никогда не отступают!

Неожиданно адмирал обернулся к Аркаше, и Алисе показалось, что в его глазах загорелась усмешка.

– Этот паршивый пленник, – крикнул он громче прежнего, – поведет нас к вражеской крепости!

– У-у-у! – радовались солдаты.

– А эту женщину, – адмирал показал на Алису, – получит тот, кто первым поднимется на стены их крепости!

– А-а-а!

– Три дня на разграбление! Вперед!

Построившись в колонну по четыре, солдаты, громыхая оружием, стали выходить из корабля.

– Подождите пока здесь, – сказал адмирал пленникам. – И не вздумайте убегать – бежать вам некуда.

Адмирал быстро пошел вслед за солдатами, за ним поспешила Боевая Подруга. Старичок тоже побежал следом, но через несколько шагов, за-

пыхавшись, остановился и уселся у опустевшего стола. Подвинул к себе кружку с пивом и начал жадно пить мелкими глотками.

– Положение осложняется, – сказал Аркаша.

– Еще бы, – согласилась Алиса. – Не представляю, где ты возьмешь для них крепость, чтобы они смогли ее штурмовать.

– Думаю предложить им большой муравейник, – сказал Аркаша.

– Муравьев жалко.

– А мне – тебя.

– Меня?!

– Станешь женой одного из этих безобразников. Придется сидеть в его пещере, пока он будет завоевывать новые замки.

– Но я не соглашусь, – сказала Алиса. – Я ему скажу: «Разрешите, пожалуйста, сперва закончить среднюю школу».

– Ни в коем случае! – засмеялся Аркаша. – А то он тогда завоюет нашу школу, и нам негде будет учиться.

Сейчас, когда всех этих кричащих потных солдат не было рядом, приключение казалось не таким уж и страшным. С минуты на минуту вернется Пашка...

– Не надо недооценивать нашего адмирала, – сказал старичок-теоретик, который, оказывается, не только пил пиво, но и все слышал. – Он только кажется таким легкомысленным и крикливым.

– Но что ему нужно? – спросила Алиса. – Ведь воевать глупо!

– Наивная психология, молодые люди, – сказал старичок. – Адмирал не знает другого ремесла, кроме войны, и другого способа производить продукты, кроме грабежа. Он – первобытная обезьяна, вооруженная пушкой. Поэтому он страшно опасен. Вы улыбаетесь, потому что не знаете, во что он превратил планету Крик-окрак. Пройдет немало лет, прежде чем она залечит раны.

– Если он хотел грабить, зачем же разорять?

– Для адмирала и его солдат высшая доблесть – убить другого, высшая радость – взять штурмом и сжечь чужой город, высшая добыча – захватить рабыню.

– Не сегодня-завтра его поймают или убьют!

– Вы ошибаетесь, – сказал старик-теоретик. – Управы на адмирала нет. Против него вынесены обвинительные приговоры на двадцати планетах, он везде объявлен вне закона – от Черной дыры до Альдебарана. Но он свиреп, скор и безжалостен. Пока патрульные крейсера телепают

от звезды к звезде, адмирал уже тут как тут. И летит себе дальше! Любуйтесь, как он действует: три часа назад прилетел сюда, через час уже имел первого пленника, через два часа – двух пленных. Через три начал штурм вашего города! – Глаза старичка горели, щеки раскраснелись. Он гордился своим адмиралом.

– Какого еще города! – в сердцах воскликнул Аркаша. – Да вы понимаете...

– Мы все понимаем! Пока здесь шел пир и допросы, разведчики обнаружили в нескольких километрах отсюда громадный замок...

– Наверное, они нашу дачу нашли, – сказал Аркаша по-русски.

– Ну и пускай ее завоюют, – сказала Алиса.

– Я за Пашку беспокоюсь.

– Почему?

– Он может не разобраться – наступит еще на завоевателей...

– Не говори глупостей, – возразила Алиса. – Пашка будет беспокоиться за нас с тобой, он даже на муравья не наступит.

В этот момент завыла сирена. Она визжала отчаянно, от ее звука начинали болеть зубы.

– Тревога! На нас напали! – закричал старый профессор.

И выбежал в коридор.

Алиса и Аркаша – за ним. Может, это пришел им на выручку Пашка?

Глава одиннадцатая
ГИБЕЛЬ МОРДАШКИНА

...Перед закамуфлированной пирамидой корабля были выстроены войска.

Солдаты и офицеры стояли стройными рядами, готовые к бою.

По бокам цепи солдат Алиса увидела две машины с раструбами. Чуть сзади строя стояли два вездехода. В один поднялся адмирал и встал в открытом люке. Его примеру последовала Боевая Подруга.

Старичку тоже хотелось залезть в вездеход, но места там не нашлось. Пришлось ему остаться рядом с пленниками.

День был в полном разгаре. В вышине порхали птицы, реяли стрекозы, дневная лесная жизнь не замечала того, что на нижнем этаже леса выстроилась целая армия, готовая к бою.

По бокам цепи солдат Алиса увидела две машины с раструбами. Чуть сзади строя стояли два вездехода.

Подул ветер, наклонил траву, отвел в сторону листья кустарника, и Алиса на секунду увидела вдали край дачной крыши. Где же Пашка?

– Хорошо бы Пашка не спешил, – сказал Аркаша.

– Почему? – Алиса удивилась, как Аркаша угадал ее мысли.

– Мы сейчас не можем его предупредить.

– А что ему грозит?

Аркаша не успел ответить, потому что зеленый кузнечик, прыгая по своим делам, выскочил на поляну и увидел строй адмиральской армии. Перепугавшись, он взмыл вверх и пролетел низко над солдатами.

И тут солдаты показали, что у них неплохая выучка.

Они схватились за пистолеты и пулеметы, и сотни стволов стали извергать огонь и пули – словно это был не кузнечик, а вражеский аэроплан, летящий на бреющем полете.

Кузнечик словно налетел на невидимую преграду, замер в воздухе, перевернулся и, продырявленный десятками пуль, рухнул на землю. Солдаты разбежались.

– Славно, мальчики, славно! – крикнул адмирал.

Солдаты окружили кузнечика, который казался им настоящим чудовищем.

– В строй! – крикнул адмирал. – К бою готовьсь!

И тут Алиса почувствовала, что на них надвигается нечто громадное и страшное. Стебли зашевелились, как от приближающейся бури, за ними мелькало что-то темное, и в движении громадного тела была страшная беззвучность...

– Пашка? – спросил сам себя Аркаша. И сам себе ответил: – Нет.

Раздвинув лапой стебли, на краю поляны появился невероятных размеров зверь, похожий на коричневого, увеличенного стократно тигра. Супертигр приоткрыл пасть, в которой мог уместиться человек, и облизал алым языком белые зубы.

Строй воинов отшатнулся. Алиса схватила Аркашу за руку.

– Не узнаешь? – спросил Аркаша, который отлично умеет владеть собой в сложных обстоятельствах.

– Нет...

– Это же Мордашкин!

Конечно, это котенок, тот негодяй, который преследовал Аркашу, а теперь набрел на целую армию мышат, с которыми намерен расправиться.

– Ой, – сказала Алиса. – Они его могут убить.

Супертигр приоткрыл пасть, в которой мог уместиться человек, и облизал алым языком белые зубы.

– Надеюсь, они только отпугнут его, – сказал Аркаша. – В любом случае мы ничем ему помочь не можем.

– Я ему скажу, чтобы уходил.

– А он тебя в благодарность проглотит, – возразил Аркаша и крепко взял Алису за руку.

– Вот это добыча! – закричал адмирал. Видно, он и в самом деле ничего не боялся.

Котенок обернулся на этот писк и склонил голову.

– Где наш профессор? – крикнул адмирал.

– Нет, не надо! – закричал старик.

– Надо, – засмеялся адмирал. – Ты мне надоел. А ну дайте ему саблю.

Под смех солдат старик, которому сунули в руку саблю, пошел на подкашивающихся ногах навстречу котенку.

Котенок смотрел на него с любопытством.

– Если он отступит, стреляйте ему в спину! – крикнул адмирал.

Боевая Подруга расхохоталась так, что чуть не выпала из вездехода.

Старик шатался от страха.

Котенок решил, что мышка слишком наглая. Он поднялся и пошел к старику. Не доходя несколько шагов, Мордашкин остановился, хвост его дернулся. Котенок был настороже.

Старик издали замахнулся саблей, но так и замер.

– Вперед! – кричал адмирал. – Вперед, трус проклятый! Чему ты меня учил всю жизнь? Ты учил нападать, убивать и грабить во славу богов победы! Учи нас теперь своим примером!

Солдаты замерли. Им стало страшно – котенок, нависший над профессором, закрывал полнеба, а сам ничего не понимал, кроме того, что перед ним добыча, которой можно поиграть.

Мордашкин поднял лапу и дотронулся до старика. Тот отчаянно отмахнулся саблей. Видно, котенку стало больно. Он сердито зашипел и наподдал лапой старику. Тот отлетел в сторону и упал, как мягкая кукла. Сотни глоток ахнули от страха. А глупый котенок решил, что надо догнать игрушку, и прыгнул за стариком.

Солдаты ринулись в разные стороны. А адмирал вдруг закричал:

– Пушки отравляющего газа, пли!

Из раструбов, которые были установлены на машинах, стоявших по бокам солдатского строя, вылетели струи желтого дыма, которые, расширяясь, потянулись к котенку.

Котенок как раз положил лапу на лежавшего на земле старика.

– Адмирал! – крикнула Боевая Подруга. – Старичок-то, может, еще жив! Отравишь его, в недобрый час.

– Ничего, он свое отыграл, – ответил адмирал.

Котенок почувствовал неприятный запах, отвел морду в сторону и стал отступать.

Он успел сделать всего несколько шагов, как задние лапы у него подкосились. Мордашкин упал и, дернувшись, замер.

– Почему не надеваете противогазы? – кричал адмирал. – Сколько вас учить!

Сам он первым натянул противогаз.

Солдаты поспешили надеть противогазы. Котенок лежал неподвижно. Старичок пытался приподняться... потом упал и замер.

– Отважные герои! – Голос адмирала звучал глухо. – Вперед, на врага! Уничтожим его смелым ударом!

Адмирал дал сигнал, его вездеход, набирая скорость, пошел вперед. В руке адмирала неизвестно откуда оказалась сверкающая сабля.

Вездеход развернулся возле неподвижного котенка, адмирал вытянул вперед саблю и проткнул ею шкуру мертвого животного.

– Я его убил! – закричал он.

В противогазе адмирал казался крысой в мундире.

Он махал над головой окровавленной саблей.

Сотни солдат в противогазах кинулись к котенку. Глухо звучал их рев:

– Слава адмиралу, победителю страшного супертигра!

– Слава!

– Хорош победитель, – мрачно сказал Аркаша. – Пошли отсюда.

– Куда?

– Подальше, – сказал Аркаша. – Пока они заняты своими подвигами. С ними не знаешь, что будет через три минуты.

– Ты прав, – согласилась Алиса. – Надо срочно становиться большими. А то они еще чего натворят.

– Главное – предупредить Пашку. А то вдруг он сюда придет. А газ у них, как ты видишь, смертельный.

Вездеход, в башне которого стояла Боевая Подруга, тоже похожая на крысу, только очень толстую, выехал перед строем безумствующих от восторга воинов.

– Я прочту вам поэму, рожденную сейчас в моем сердце! – закричала Боевая Подруга. – В честь победителя супертигров!

Адмирал перескочил из танковой башни на голову котенка. Он встал, уперев в шерсть свою саблю и подняв кулак свободной руки к небу.

– Как ты велик, почти достал до звезд! – декламировала Боевая Подруга. – Твой меч звенит, как колокол Вселенной...

– Какой этот адмирал маленький, ничтожненький, – сказала Алиса.

– Маленькие тоже бывают опасными, – возразил Аркаша.

Они побежали в заросли.

Никто не заметил их бегства. Но как только Алиса и Аркаша оказались в тени травяных стволов, они услышали, что за ними кто-то бежит.

– Скорее! – велел Аркаша. Но Алиса и без него знала, что надо спешить.

Шаги сзади не отставали. Кто-то настигал их.

– Стойте! – послышался голос. – Это я, Заури, не бросайте меня!

Черноволосая девушка-рабыня, которую Алиса заметила раньше, догнала их.

– Я не хочу больше оставаться у этих бандитов и убийц, – сказала она. – Мне страшно. Возьмите меня с собой.

– Бежим вместе, – предложил Аркаша. – Только не отставай.

Алиса протянула руку девушке, и они вместе стали пробираться сквозь заросли.

Глава двенадцатая
ГЕРАСКИН ВСТУПАЕТ В БОЙ

Пашка Гераскин вернулся на дачу раньше, чем рассчитывал.

Он бы еще посидел в библиотеке, если бы не увидел, случайно выглянув в окно, симферопольскую бабушку Лукрецию, которая мирно загребала пыль шлепанцами с загнутыми носками, неся в руке вчерашнюю корзиночку.

«Опять... – в ужасе подумал Пашка. – Опять пирожки, опять это странное стремление совать нос не в свои дела!»

Конечно, эгоист на Пашкином месте спрятался бы в библиотеке и переждал бы визит симферопольской бабушки, оставив ей на растерзание Алису.

Но Пашка был настоящим другом. Он увидел, что бабушка не спешила к стоянке флаеров, а направилась в кондитерскую – не иначе как купит сейчас там пирог и выдаст его за свой... Бывают же такие тщеславные бабушки! И все ради того, чтоб Пашка с Алисой ее похвалили.

Он проскользнул за спиной бабушки, добежал до стоянки флаеров, схватил первый попавшийся и рванул к даче. Надо было предупредить Алису – они еще успеют скрыться в лесу и переждать там визит старой дамы.

Отправив флаер на автоматике обратно на стоянку, Пашка вбежал на веранду и крикнул:

– Алиса! Ты где?

Никто не откликнулся.

– Алиса! – крикнул Пашка, обернувшись к саду.

Нет ответа.

Пашка вбежал в комнату. И тут увидел видеозаписку Алисы.

Просмотрев ее, он сразу позабыл о бабушке Лукреции и побежал по тропинке к коробке из-под ботинок, в надежде увидеть там если не друзей, то хоть какой-нибудь знак, оставленный Алисой.

Понятно, что в коробке было пусто, зато стрелу, указывающую на кустарник, Пашка сразу увидел.

Он медленно пошел в ту сторону, после каждого шага раздвигая траву и кусты и стараясь что-нибудь увидеть. Но ничего не увидел, а только спугнул котенка Мордашкина, который охотился в тех местах на кузнечиков.

Тогда Пашка пришел к такому же выводу, как в свое время Алиса. Уж очень велика разница в размерах между ним и Аркашей. Что может понять великан, для которого лес – трава по щиколотку, в жизни кузнечиков, обитающих в том лесу?

Конечно, читателю, который знает, что случилось с Аркашей и Алисой, легко осуждать Пашку или говорить, что он поступил неосмотрительно. Но Пашка очень волновался, даже больше волновался за Алису, чем за Сапожкова, – все-таки миниатюрная девочка, ростом в три сантиметра, одна в диком, кишащем гигантскими тварями лесу!

Так что Пашка, недолго думая, кинулся к полосатой кабине, влез в нее и впустил уменьшающий газ.

Если Алиса, хоть и в спешке, но вооружилась, приготовилась к путешествию, то Пашка об этом не думал.

И только когда он уже уменьшался, он понял, что натворил. Он чуть не задохнулся под громадной грудой собственной одежды, которая заполнила внутренность кабины.

Но Пашка не стал возвращаться в исходное состояние, чтобы исправить свои ошибки, а, спустившись на землю, понесся к коробке из-под ботинок.

Разумеется, ему тут же изрезало ноги камнями, и этими же камнями он отбивался от комара, который, как вампир в страшном сне, пикировал на него, стремясь вонзить в Пашку жало, способное достать до сердца.

Через несколько минут Пашка уже был возле коробки из-под ботинок, и там ему пришлось замереть, потому что он опять увидел Мордашкина, который резвился на берегу прудика и готов был поиграть и с лилипутом.

Наконец Мордашкин побежал дальше, и Пашка еще не знал, что тот бежит навстречу собственной смерти. Гераскин подождал, пока котенок скрылся с глаз, и потом пошел следом. Он слышал издали странный шум, будто кричали сотни людей, но решил, что это шумит ветер. Раза два ему пришлось остановиться – так было больно ступням. Он постарался примотать к ногам кусочки листьев – но волокна сразу порвались.

Пашка вышел к прогалине, у которой скрывался космический корабль пришельцев, слишком поздно. Мордашкин был уже мертв, и, облепив его, солдаты пытались снять с него шкуру, чтобы сделать дома, на родной планете, чучело супертигра. Того самого, которого собственноручно, в бою один на один, убил саблей господин адмирал.

Пашка остановился на краю зарослей, пораженный увиденным. Он готов был увидеть логово хищника, муравейник... любую опасность – только не маленький космический корабль, на котором прилетели существа такого же, как он, спичечного размера. Это было слишком невероятно! Так не бывает!

Но именно так и было.

Пашка решил не двигаться и понаблюдать за событиями. Он увидел вездеходы, машины с раструбами и самого адмирала, который руководил снятием шкуры с котенка. Сообразив, что Мордашкин погиб, Пашка страшно опечалился, что такой милый и веселый котенок больше уже с ним не поиграет, и было совершенно непонятно, как спичечные существа могли погубить его. Впрочем, подумал он, ведь люди же перебили всех мамонтов на земле, хотя были куда меньше их ростом.

Пашка сообразил, что, вернее всего, Аркаша и Алиса попали к этим людям в плен. Но если они в плену, то надо проникнуть на корабль и все узнать.

Проникнуть на корабль можно двумя способами.

Первый – вернуться к кабине, увеличиться, снова прийти к кораблю пришельцев, потрясти его как следует и достать оттуда Алису с Аркашей. У этого способа были недостатки. Во-первых, он был долгим. Пока ты доковыляешь до кабины, да превратишься снова в человека, да еще раз вернешься, инопланетяне могут три раза улететь. К тому же Пашка не был уверен, что его друзья спрятаны в корабле.

Второй способ – остаться маленьким и проникнуть в корабль.

Но как это сделать?

Солдаты нестройно пели боевые песни и свежевали котенка. По поляне кругами ездил небольшой вездеход, из люка которого, высунувшись по пояс, торчала толстая женщина с развевающимися рыжими волосами и декламировала стихи на непонятном языке...

Пашка решил добраться до корабля перебежками, скрываясь за травяными стеблями. Все рассчитав, он быстро пробежал к кочке мха и затаился среди жестких темных ветвей. Следующий шаг был сложнее – надо было проползти под носом у солдат, которые окружили котенка...

Но Пашка не успел этого сделать.

С другого края прогалины послышались громкие крики. Поглядев туда, Пашка увидел, что куча солдат тащит из зарослей Алису, Аркашу и неизвестную Пашке оборванную черноволосую девушку. Солдаты хохотали, шумели, толкали и били пленников.

– Ну что, убежали? – завопила на космолингве толстая рыжая женщина, направляя вездеход к пленникам. – Кого обмануть вздумали!

Сурового вида мужчина со шрамом через все лицо, в роскошном черном мундире, который до того командовал разделкой котенка, выхватил саблю и зарычал:

– Мы подарили вам жизнь, ничтожные! А вы посмели нас обмануть!

Он обернулся к толпе солдат:

– Что мы сделаем с этими непокорными рабами?

– Смерть! – зарычали солдаты. – Убей их, адмирал!

Пашка из своего укрытия увидел, как испугалась девушка в лохмотьях, стоявшая между Аркашей и Алисой. Алиса обняла ее за плечи и прижала к себе.

– Я повинуюсь вашей воле, мои отважные солдаты! – воскликнул адмирал. – Начинай, Боевая Подруга!

Он сложил руки на груди и смотрел, как солдаты в мгновение ока привязали пленников к толстым стеблям травы.

– Я первая! – закричала Боевая Подруга.

Она выхватила кинжал и соскочила на землю.

– Спорю, – заявила она, – что одним ударом снесу голову вот этой девчонке, – она показала на Алису.

– Если ты сможешь это сделать, – сказал адмирал, – то мы дадим тебе почетное звание Железной Руки!

– Железная Рука! Героиня! – кричали солдаты. – Она хочет совершить подвиг. С одного удара срубить голову дракону!

Боевая Подруга занесла саблю над головой, и Пашка понял, что больше отсиживаться в укрытии ему нельзя.

Он выскочил на открытое место, кинулся к ничего не подозревающему адмиралу, выхватил у него из руки пистолет и потащил адмирала к вездеходу. Прижавшись к нему спиной, Пашка приставил ствол пистолета к виску адмирала.

Адмирал завопил, будто Пашка его зарезал.

– Пашка! – закричала Алиса. – Молодец!

Адмирал бился в руках Гераскина – вот-вот вырвется.

– Стоять! – крикнул Пашка. – Не двигаться! Всем не двигаться! А то я тут же вашего адмирала пристрелю.

– Только не это! – возразил адмирал. – Я очень нужен народу.

Толпа солдат окружала Пашку полукольцом – солдаты скалились от злобы, но подойти не смели.

– Сейчас же развяжите пленных! – приказал Пашка.

Никто не двинулся с места.

– Если вам не жалко вашего адмирала...

– Ну скорее отвяжите их, неужели вам не жалко вашего адмирала? – закричал адмирал.

Несколько солдат неуверенно двинулись к пленникам.

Чтобы поторопить их, Пашка сказал:

– Считаю до трех!

– За что? – завопил адмирал. – Я хороший! Я никого не убил.

– Он хороший! – запищала Боевая Подруга. – Он меня любит.

– Да за одного Мордашкина, – Пашка указал пистолетом в ту сторону, где лежал котенок, – тебя достаточно убить!

– Они убийцы! – крикнула черноглазая девушка в лохмотьях.

Солдаты отвязали ее первой, и она помогала развязывать руки Аркаше и Алисе.

Схватив адмирала сзади за шею, Пашка начал отступать к друзьям, но адмирал сопротивлялся, сдвинуть его с места не удавалось.

– В машину, быстро! – крикнул Пашка друзьям.

Девушка-рабыня, за ней Алиса забрались в вездеход.

– Быстро! Мне его трудно держать! Заводи мотор, Аркаша!

Аркаша полез вверх, нога его скользнула по броне. Гераскин поднял руку, чтобы ему помочь, и адмирал, воспользовавшись тем, что Пашка ослабил хватку, вырвался и громадными прыжками помчался к своим солдатам.

Пашка понял, что быстрота – единственный шанс спастись.

– Вперед! – крикнул он, прыгая в вездеход.

– А как вперед? – спросил Аркаша. – Я никогда не управлял этой машиной.

– Пусти, – сказал Пашка.

– Ой! – Алиса, выглянув из вездехода, увидела, как обе машины с газовыми раструбами начали разворачиваться. Солдаты надевали противогазы.

– Они пускают ядовитый газ!

Но и Пашка ничего не мог поделать. Он никогда в жизни не видел такого вездехода. Он нажимал на кнопки, вездеход вздрагивал, ревел, но не двигался с места.

– Надо сдаваться, – произнес Аркаша, который смотрел в щель, – они уже готовы нас задушить.

– Еще чего не хватало! – возмутился Пашка.

– Ты не видел, как погиб Мордашкин, – сказала Алиса.

– У нас женщины на борту, – добавил Аркаша.

Он осторожно высунулся из верхнего люка и закричал:

– Мы сдаемся!

В ответ раздались выстрелы – пули застучали по броне, Аркаша спрыгнул вниз в тесное чрево вездехода...

– Тогда прощай, Алиса, – сказал Аркаша.

– Я боюсь, – заплакала черноглазая рабыня Заури. – Я не хочу умирать!

– Я его заведу, я его обязательно заведу! – повторял Пашка.

Вездеход не двигался с места...

– Все! – воскликнул Аркаша.

И тут невероятные крики раздались над поляной.

Глава тринадцатая
БАБУШКИНЫ ДРАКОНЫ И СКУНУСИКИ

– Что такое? – удивился Аркаша. – Куда они побежали?

Он осторожно приоткрыл люк. Над самой поляной, едва не касаясь когтями земли, летали страшные твари – летучие драконы, вампиры, саранча, гарпии и скунусики, крылья которых были больше корабля. Воздух потемнел и стал малиновым, будто в него влили ведро варенья.

Солдаты бросались в разные стороны, пытаясь уйти. Одни мчались к космическому кораблю, другие стреляли в небо, но пули были бессильны против чудовищ.

Аркаша успел увидеть, как адмирал бросился к газовой машине и, потрясая кулаками, требовал начать стрельбу, но тут сверху на машину спикировал дракон, и она помчалась к кораблю.

Тут адмирал увидел, что мимо него проносится вездеход, в котором сидит Боевая Подруга. Адмирал поднял руки – возьми меня!

Но Боевая Подруга на него даже не посмотрела – так она спешила к кораблю.

Некоторые солдаты еще пытались отстреливаться, но чудовища, которых становилось все больше и которые носились, вопя и скрежеща, были неуязвимы.

Спотыкаясь и отталкивая своих подчиненных, адмирал одним из последних забрался в корабль.

Быстро закрывается люк. Когти чудовищ скользят по стальным бокам корабля...

И тут в мгновение ока, как туча в грозовой день, которая тает через минуту после того, как излилась ливнем, все чудовища исчезли, пропала малиновая дымка, и наступила тишина.

И в полном изумлении ребята смотрели из вездехода, как на поляну вышла громадная великанша, каждая ступня которой была больше вездехода, а голова скрывалась где-то в облаках.

Великанша в два шага пересекла обширную поляну и наклонилась к космическому кораблю.

Гигантскими руками, каждый палец которых был в два человеческих роста, великанша приподняла пирамиду – космический корабль завоевателей – и вдруг, поднатужившись, толкнула его, словно ядро, и корабль взвился в небо, полетел, неуклюже переворачиваясь, и готов был грохнуться на Землю, но тут наконец включились его двигатели... Каким-то чудом он удержался в воздухе и, покачавшись над поляной, начал набирать скорость...

И вот, превратившись в точку, корабль пропал.

Лишь белый след напоминал о нем.

– Ничего не понимаю, – удивился Аркаша.

– А я кое-что начинаю понимать, – сказал Пашка. – Я эту великаншу видел возле кондитерской.

Конечно же, на помощь им пришла симферопольская бабушка!

Они вылезли из вездехода и махали руками, чтобы бабушка их заметила, но та их пока не видела. Она глядела в небо, наблюдая за удаляющимся кораблем.

На земле среди камней валялись пистолеты и шлемы смелых воинов, громадной горой шерсти поднимался мертвый Мордашкин. Поодаль виднелись брошенные вездеходы и газовые машины. А еще дальше – десантный катер.

Аркаша, подвернувший ногу, стоял неподалеку, опираясь о палку. Пашка подобрал пистолет и уже примеривался стрелять из него в цель. Черноглазая рабыня Заури подошла к Алисе и присела возле нее на корточки.

– Ты не убитая? – спросила она.

Прямо перед глазами Алисы поднимался блестящий светлый купол высотой с двухэтажный дом. Никакое воображение не могло бы помочь Алисе, если бы она не знала, что купол – округлый носок бабушкиной туфли, а колонна, уходящая в небо, – всего-навсего нога Лукреции Ивановны.

Колонна качнулась, купол медленно оторвался от земли и, кинув тень на Алису и рабыню Заури, поплыл над землей. Стал виден его фундамент, а попросту говоря, подошва туфли с прилипшими к ней песчинками, сучками и сосновыми иголками.

– Берегись! – крикнула Алиса и, дернув рабыню Заури за руку, отскочила вместе с ней в сторону. И вовремя. От подошвы, проплывавшей в небе, оторвался камень и с шумом, который, конечно же, бабушка Лукреция не уловила, упал вниз.

– Скорей бы вернуться в нормальный вид! – воскликнула Алиса. – Так не хочется погибнуть от удара песчинкой.

– Если она посмеет кинуть в тебя булыжником, – заявил Пашка, поднимая пистолет пришельцев, – она получит пулю в лоб.

– И даже не почешется, – сказал Аркаша.

Разглядеть бабушку можно было, лишь когда она отходила подальше. И вот сейчас, сделав несколько шагов в сторону лежавшего на земле Мордашкина, бабушка присела рядом с погибшим котенком, и ее сразу стало видно.

– А где их профессор? – спросил Аркаша. – Он же тоже погиб.

– Его взяли с собой, – сказала рабыня Заури. – Я видела, как они его тащили.

Они смотрели, как бабушка Лукреция осторожно подняла с земли тело котенка – пушистое облако поплыло над головами.

Бабушка быстро пошла прочь, только грохот ее подошв по тропинке долго не утихал в жарком воздухе.

– Вот жалость, – сказал Аркаша. – Сил нет пешком ходить.

– А нам и не надо пешком, – сообщил Пашка. – Есть вездеход.

– Мы уже проверили. Никто из нас не умеет им управлять.

– В бою – может быть, – сказал Пашка. – Но в спокойной обстановке не может быть никакой тайны. Все машины, построенные для гуманоидов, действуют по схожим законам.

– Странная великанша, – заметила Заури. – Ничего не сказала, а ушла. Ведь они могут вернуться и нас убить!

На ее больших черных глазах появились слезы.

– Ну уж, вернуться они не рискнут! – засмеялся Аркаша. – Они теперь недели две будут летать куда угодно, только подальше от Земли. Они же и не подозревали, что на свете бывают такие гиганты, как бабушка.

– Я тоже не подозревала, пока вы мне не сказали, – призналась Заури. – Как же она ходит? Как же кости ее держат?

Пашка рассмеялся, а Алиса сказала:

– В самом-то деле мы все такие, как она.

– И ты? – Заури была изумлена. Как будто Алиса предала ее.

Конечно же, на помощь им пришла симферопольская бабушка!

– И я, и Аркаша, и Пашка. Мы все нормальные.

– Норм-мальные?

И Заури принялась рыдать.

– Ты что? – удивился Пашка.

– А ты поставь себя на ее место, – сказала Алиса. – Ей же кажется, что она попала из огня да в полымя!

– Лучше я вернусь в рабство, – воскликнула Заури, – чем жить среди таких страшилищ!

– Ничего страшного, – сказал Пашка, стоявший возле вездехода. – Через полчаса ты будешь такая же, как и мы!

– Я?

– Как так? – не понял Аркаша. – Что ты хочешь сказать?

– Не оставим же мы Заури здесь! – воскликнул Пашка. – Она пойдет в кабину и вместе с нами увеличится.

– Это же идея! – обрадовалась Алиса. – Конечно же, если мы смогли стать лилипутами, то и ты сможешь стать обыкновенной вместе с нами.

– Я и сейчас обыкновенная, – сказала Заури. – Я боюсь стать гигантской – меня уж точно кости не выдержат.

Пашка протянул руку Заури.

– Здравствуй! – сказал он.

Рабыня неуверенно протянула ему руку.

Пашка сжал ее пальцы.

– Ой, больно, ты что делаешь! – рассердилась Заури и резко дернула руку. Пашка не отпускал.

Рабыня отчаянно стала дергать и наконец вырвала руку у Пашки.

Она отбежала на два шага.

– Ты какой-то странный, – сказала она обиженно.

– Я не странный, – ответил Пашка. – Я хотел проверить, отличаются ли твои кости от моих. Оказывается, ничем не отличаются. Ты только чуть-чуть меня слабее.

Конечно же, Пашка не убедил рабыню. Она горько расплакалась, потому что убежала с корабля, чтобы ее больше не угнетали, а Пашка ее ужасно угнетает. Вот когда она найдет своего отца, он тут же отрубит Пашке голову. И правильно сделает.

Алиса не сердилась на бабушку из Симферополя, которая убежала от них. Она понимала, что бабушка пытается оживить котенка. Если

она дрессировщица, то обязательно проходила ветеринарное искусство и знает, как лечить животных. И если осталась хоть микроскопическая надежда – надо попытаться.

Стало темнее. Как будто грозовое облако надвинулось на них. Возвращалась бабушка Лукреция.

Она несла в руках большой белый дом – коробку из-под ботинок, которую подобрала на берегу пруда.

Она внимательно смотрела под ноги, чтобы на кого-нибудь не наступить.

Потом присела на корточки и тут же увидела Алису и Заури.

Сильными тонкими пальцами бабушка подхватила Алису, потом Заури, перенесла их в коробку, посадила на вату и тут увидела мальчиков. Аркаша с Пашей тоже совершили путешествие по воздуху.

Потом дом поднялся почти к облакам и, покачиваясь, полетел к кабине.

Бабушка Лукреция заглядывала внутрь и улыбалась им.

Глаза ее были размером с человека, а ресницы – как сабли.

– Лукреция Пантагрюэлевна, – сказала Алиса.

– Что? – спросила бабушка, увидев, что Алисин рот движется, но не разобрав писка.

Вопрос бабушки чуть не оказался роковым. От воздуха, вылетавшего изо рта гиганта, все в коробке попадали с ног. Пришлось бабушке поставить коробку на землю и дать возможность друзьям прийти в себя и поругать бабушку. Она виновато улыбалась и молчала.

Потом все же снова подняла коробку в воздух и поставила уже возле красной с белым кабины.

Бабушка выпрямилась, и голос ее долетел из сказочных высот:

– Начинайте увеличение! А я принесу вам одежду. И буду ждать.

– А не кажется тебе странным, – спросил Пашка, – что твоя симферопольская бабушка знает откуда-то нашу самую главную тайну: для чего здесь стоит кабина?

– После того как она увидела нас в таком виде, – ответила Алиса, – вряд ли ей трудно было сложить два и два. Кто пойдет первым?

– Ты и пойдешь, – сказал Аркаша.

– Почему?

– Потому что ты девочка.

– Тогда пускай идет Заури.

– Нет! – закричала рабыня. – Ни за что! Лучше смерть!

– Вот видишь, – сказал Пашка. – Она же боится, что, как только увеличится, все ее косточки треснут.

– Да, боюсь...

– Иди, Алиса, – сказал Аркаша. – Ты ее встретишь там, наверху.

– А если Заури начнет разваливаться, ты уж собери ее в кучку! – добавил Пашка коварно.

– Нет! – перепугалась Заури. – Лучше я здесь поживу!

– Где? В зарослях? – спросил Пашка. – Это самое лучшее решение. Гляди!

Пашка подобрал с земли песчинку размером с его кулак и кинул ее в заросли. Оттуда выскочил бурый жук и пролетел низко над головами. Если бы у лилипутов были свои автомобили, то жук был бы размером как раз с автомобиль.

– Что же мне делать? – Заури прижала кулачки к груди.

– Сначала ничего не делать, – сказал Пашка. – А спокойно глядеть на то, что делает Алиса.

Алиса улыбнулась рабыне и подумала: «Какое счастье быть нормального размера! Никакой жук тебе не страшен. И муравей тебе не враг...»

Нагнувшись, Алиса вошла в круглое отверстие в стене кабины, из которого вел ход наверх, в сиденье кресла.

Алисе потребовалось минут пятнадцать, чтобы взобраться по лестнице, напустить в кабину увеличительного газа и стать снова нормальным человеком. Остальным было скучно ждать. Пашка, который совершенно не способен долго стоять на месте, отправился было в заросли в поисках подвигов, но Заури умолила его не бросать ее: ей было страшно. Одному Аркаше ее не защитить. Если Аркаше было обидно слушать такие слова, он и виду не подал – понимал, что лучше потерпеть, зато Пашка не встретится с тарантулом.

Пришла симферопольская бабушка и принесла шорты и майку Алисы.

– Не бойся, Заури, – сказала Алиса, и голос ее доносился сверху, как отдаленные раскаты грома. – Я тебя жду!

Заури вздрогнула и обернулась к Пашке.

Алиса еще не успела обуться и стояла босиком. Пашка подошел к большому пальцу ее ноги, подпрыгнул и сел на него верхом.

– Но! – закричал он. – Поехали!

Палец начал подниматься в воздух. Пашка вцепился в него, ему было страшно, но он и виду не подал.

– Ты чего не лезешь? – спросил он сверху у Заури.

– Страшно.

– Ладно уж, – сказал тогда Пашка. – Я за тобой залезу и буду тебе давать руководящие указания. Опускай меня, Алиска!

Он ударил кулаком по пальцу, Алиса медленно опустила Пашку возле кабины.

– Спасибо за прогулку, – сказал Пашка.

Конечно же, путешествие Заури по кабине заняло куда больше времени, чем увеличение Алисы. И только через полчаса рабыня присоединилась к Алисе. Хорошо, что рядом с ними была бабушка. Она увидела, что Заури закрыла глаза ладонями и покачивается – вот-вот упадет в обморок. Она подхватила ее.

– Что с тобой, девочка? – спросила бабушка.

– Так высоко, – прошептала Заури, – так далеко от земли... Если я упаду, я разобьюсь на кусочки.

– А ты посиди на траве, – сказала бабушка. – Тогда твои глаза будут ближе к земле.

Алиса принесла черноглазой рабыне свое платье, вид которого вернул Заури к жизни.

– Это мне? – воскликнула она. – Навсегда?

– Как хочешь.

Заури тут же успокоилась, и к тому времени, когда появился увеличенный Пашка, а потом Аркаша, она уже ожила, осмелела и даже улыбалась.

– Неужели и я была такая? – спросила Заури, глядя на муравья.

– Нет, это тебе приснилось, – ответил Пашка.

И тут Заури в первый раз рассмеялась.

Часть вторая
КТО Я?

Глава первая
РАССКАЗ МАЛЕНЬКОЙ РАБЫНИ

Вечером, когда все волнения улеглись и увеличенная до нормальных человеческих размеров рабыня Заури уже забыла о том, что ее кости не выдержат и треснут под тяжестью тела, а котенок Мордашкин, которого, ко всеобщей радости, бабушка Лукреция оживила, резвился на поляне, все сидели за столом на веранде и пили чай.

Алисе казалось, что она пробыла в лилипутском облике много дней, а чай в последний раз пила чуть ли не в прошлом году. Что же касается Заури, то ей сначала чай не понравился, и только после того, как Пашка щедрой рукой всыпал ей в чашку семь ложек сахара, она признала, что чай – вполне сносный напиток, хоть и уступает марасанге, которую пьют на сиенде господина Панченги Мулити.

Спорить с ней никто не стал.

– Какая ты хорошенькая, – сказала бабушка Лукреция, любуясь рабыней Заури. И в самом деле – вымывшись и переодевшись из платья в Алисины брюки и Аркашину гавайскую рубашку, Заури оказалась на-

стоящей красавицей. Лицо у нее было смуглым, глаза темно-карими, волосы иссиня-черными, блестящими и тяжелыми – казалось, что их потоки оттягивают голову назад и шее трудно удерживать такой груз.

– Мне говорили об этом, – вежливо ответила Заури. – А на корабле капитан сказал, что готов на мне жениться.

– Еще чего не хватало! – воскликнул Пашка. – Сколько же тебе, прости, лет?

– Откуда мне знать? – удивилась Заури. – Мне никто об этом не рассказывал.

– А ты в школу ходила? – спросил Пашка.

– Конечно, ходила, – ответила девушка. – Всю зиму ходила.

– А ты хоть знаешь, как твоя планета называется?

– Я не знаю, как называется вся планета, – сказала Заури, – но наша сиенда называется «Розовые Водопады».

– И там есть розовые водопады? – спросил Пашка.

– Конечно, – удивилась девушка. – Три розовых водопада. И один красный.

– Почему?

– Потому что в них падает кровь с неба.

– Ничего себе, спасли на свою голову! – возмутился Пашка. – Это же совершенно темное существо.

И тут-то Заури ударилась в рев. Она рыдала минут пятнадцать, и никто не мог ее остановить и утешить.

Сквозь потоки слез она говорила, что теперь ей уже никогда не найти своей сиенды, что ее превратили в урода и что ей теперь не отыскать себе мужа, потому что все настоящие мужчины стали меньше ее мизинца. А она попала к грубым и невежественным людям, которые не знают даже, что такое Розовые Водопады и сиенда господина Панченги.

– Хватит! – не выдержал наконец Пашка. – Сейчас я сам разревусь.

– А почему? – спросила Заури и тут же перестала рыдать.

– Не выношу женских слез.

– Тебе меня жалко?

– Конечно, жалко!

– Тогда я не буду плакать, потому что ты мне понравился с первого взгляда.

– А вот это лишнее! – вмешалась Алиса, которой слова рабыни совсем не понравились.

– Он тебе самой нравится, – сказала рабыня.

Алиса встала из-за стола и спустилась в сад.

– Алиска, не обращай внимания! – крикнул вслед Пашка.

А симферопольская бабушка заметила:

– Пускай Алиса погуляет, каждому человеку иногда хочется побыть одному.

«Спасибо тебе, бабуля, – сказала про себя Алиса. – Хоть ты и немолодая, но что-то еще в жизни понимаешь».

Алиса обошла кабину. Лес погрузился в сумерки, и небо стало бесцветным и бездонным. Заквакала лягушка в прудике. Алиса вдруг улыбнулась – ничего себе соседство было у Аркаши! Взрослая лягушка человечка одной левой с ног собьет!

Алисе было слышно, о чем шел разговор на веранде.

– А почему ты оказалась на том корабле? – спросила симферопольская бабушка.

Алиса остановилась у сосны и обернулась – отсюда было видно, как висевшая над столом лампа освещает лица и отражается в начищенном боку самовара.

– Потому что меня захватили, – ответила Заури.

– А давно?

– Может быть, давно, – сказала девушка.

Она поднялась из-за стола и спросила Пашку:

– Можно я возьму такой круглый фрукт?

Она показала на вазу с яблоками, что стояла на столе.

– Зачем? – спросил Аркаша.

– Мне надо тренироваться, – сказала девушка. – А то господин цирковой хозяин меня не возьмет.

– Сплошные тайны и недомолвки, – проворчал Пашка. – Вместо благодарности.

– Я тебя, Паша, не понимаю, – возразила Заури. – Разве я не благодарна всем вам и особенно тебе? Я очень благодарна. Я сказала – спасибо! Но это было раньше. А теперь уже другая жизнь. Я не могу всю жизнь ходить за тобой и говорить: «Спасибо, Пашенька, спасибо, спаситель, спасибо, спаси меня снова!»

Девушка взяла из вазы четыре яблока и, отойдя от стола, начала их подкидывать в воздух. Это у нее получалось очень ловко.

– Осторожнее, – предупредил Аркаша, – чашки разобьешь.

– Я не уроню, – ответила Заури. И сделала несколько шагов к перилам веранды, не переставая подкидывать яблоки.

Алиса обратила внимание на то, как бабушка внимательно смотрит на Заури.

– Кто тебя учил? – спросила она наконец.

Заури, не прекращая жонглировать, сделала сальто назад.

– Оп-ляля! – воскликнула бабушка.

Еще сальто – Заури чудом не ударилась ногами о косяк двери, собралась в комочек, подлетела к самому потолку и, что удивительно, не уронила при том ни одного яблока. Под потолком распрямилась ласточкой и через мгновение уже сидела на перилах веранды нога на ногу, как ни в чем не бывало продолжая жонглировать яблоками.

Аркаша и Пашка захлопали в ладоши.

– Ты гений, Заури! – закричал Пашка. – Тебе в цирке выступать надо!

– Рано ей еще выступать, – ответила за рабыню симферопольская бабушка.

– Конечно, рано, – согласилась Заури.

– Садись за стол, – сказала бабушка, – положи яблоки на место и постарайся вспомнить.

– Я ничего не помню!

– Каждый человек что-то помнит. Где ты раньше жила?

Заури вернулась к столу, положила яблоки в вазу.

– Я жила на сиенде, – сказала она. – Наша сиенда лежит на берегу реки Врог в провинции Альела на нашей планете.

– На какой?

– Я не знаю, как вы ее называете, но у нас на сиенде ее никак не называли. Зачем называть свой дом домом?

– А что такое сиенда?

– Сиенда – это место, где живут, где сеют зерно и сажают деревья.

– Как здесь? – Аркаша обвел рукой вокруг себя.

– Нет, что ты! Сиенда – это очень большое место. Там живет тысяча человек, может, даже больше.

– А кто там начальник? – спросил Пашка.

– Как так – начальник?

– Кто говорит – что делать, куда везти, куда ставить...

– Господин Панченга Мулити, кто же еще? – удивилась девушка. – Он и говорит, он награждает и наказывает.

– И твои родители тоже там живут?

– Не надо меня расстраивать. – Заури шмыгнула носом. – Я никогда не видела ни мамы, ни папы!

– Они умерли?

– Я не знаю, что с ними случилось. И нет ни одного человека, который захотел бы сказать мне правду! Сколько я себя помню – я всегда только презренная рабыня. Меня можно обидеть, избить, продать и даже убить.

– Так не бывает! – возмутился Пашка.

– Все бывает в нашей Галактике, – возразила бабушка. – Галактика большая, разные люди, разные обычаи...

– Неужели тебе никто не сказал, откуда ты появилась на этой самой сиенде? – спросила Алиса, подходя к веранде.

– А там много таких, как я. Нас так и зовут – найденыши. Только неизвестно, где нас нашли, кто нашел. Мне кажется, что я иногда вижу маму во сне. Но лица ее никак не могу разобрать.

– И больше ничего? – спросил Аркаша.

– Я помню, как ходила в поле собирать колоски, как пропалывала курпицу, как собирала ягоды выри, я помню, как стирала и гладила. Но все это – уже на сиенде.

– А почему ты не спросила у взрослых?

– У каких взрослых? – печально улыбнулась Заури.

– Ну там же есть воспитатели, учителя, врачи...

– Зачем воспитатели и врачи рабам? Если раб умрет, на его место придет другой. Вот и все.

– Позор! – произнес Пашка.

– А я к этому привыкла, – сказала Заури. – Я и не знаю другой жизни. Когда я была поменьше, я иногда спрашивала у надсмотрщика: «Кто я такая? Откуда я? Где мои отец и мать?»

– А он?

– А он бил меня за это. Такие вопросы задавать нельзя.

– И больше спросить было не у кого?

– Мы жили в большом доме, где была одна комната. В этой комнате стояло сто кроватей. Мы все там были одинаковыми – никто из нас не знал своих родителей. И мы были уверены, что родились в этой самой комнате. Там у нас был уголок для самых маленьких. Иногда утром мы просыпались, а на свободной кровати лежит новенький малыш. Мы думали, что он появился, пока мы спали.

– Странно, – сказал Пашка. – В наши дни в цивилизованном обществе этого не бывает.

– А кто тебе сказал, что она жила в цивилизованном обществе? – спросил Аркаша.

– Погодите, мальчики, – сказала Алиса. – Не мешайте Заури рассказывать. Ведь интересно!

– Я не знаю, что рассказывать. Я же другой жизни не знала, для меня это все было обыкновенно...

– Тогда рассказывай по порядку. Какой был у тебя день. Кто вас кормил, кто вас будил, как вы ели, что делали потом, – сказала бабушка.

– Будили нас колоколом, – сказала Заури. – Колокол начал бить – скорей вскакивай. И беги мыться. Потому что умывальников мало, а умыться надо всем. Не успел первым к умывальнику, можешь остаться без завтрака. Утренний суп и кашу принесут, а потом унесут. Кто опоздал, тот голодный.

– Я бы лучше не мылся, – сказал Пашка.

– А госпожа Чистоль придет! Она у всех руки проверяет и ногти. У кого грязные – десять плетей, не хочешь? Настоящие плетки, не игрушечные.

– Что? Вас били? – возмутился Пашка. – Детей били?

– И правильно делали, – сказала рабыня. – Если нас не бить, мы распустимся, вообще ничего делать не будем. Я это знаю. Человек только из-под палки и работает.

– А ты здесь яблоками жонглировала, – спросила Алиса, – тоже из-под палки?

– Если не тренироваться, – рассудительно ответила девушка, – то разучишься. А разучишься, никому не будешь нужна. Вот тебя и отправят в подземелье горную пряжу чесать. Там ты от кашля и помрешь. Там все помирают.

– Темная сила! – сказал Пашка. – Откуда только тебя привезли!

– Погоди, Пашка, не мешай человеку, – остановила его Алиса.

– Я могу и не рассказывать, – заявила девушка. – Чего я буду рассказывать, все равно твой Паша не верит.

– Рассказывай, – смилостивился Пашка. – Только коротко и правдиво.

– А я по-другому и не умею.

Девушка хлопнула себя по щеке – убила комара. Потянулась, зевнула, прикрыв рот ладошкой – видно, хотела спать, но не могла признаться в этом, потому что остальным было интересно слушать ее рассказ.

– Потом нас всех, – продолжала Заури, – и сытых и голодных, гнали на работу. До обеда. Кого в поле, кого в мастерские – каждому работа найдется, даже самому немощному, даже самому маленькому.

– А какая работа?

– Обыкновенная. Тростник резать, грядки перекапывать, вредителей с листьев собирать, мешки с удобрениями носить – мало ли работы в поле?

– И за вами взрослые смотрели?

– Не дети же! – Заури даже рассмеялась. – Потом, как пообедали, кто обратно на работу, а кто в школу. Я в школу ходила, я умная, потому и живая, а которые глупые и в школу не ходили, они обязательно помирали – от усталости. А я в школу ходила, вот теперь считать умею и немного читаю.

– Значит, ты в школе училась читать и писать?

– Я в школе много чему училась, – сказала девушка. – В школе человека на все пробуют – вдруг в нем выгодная способность отыщется, и тогда его можно будет дорого продать. Нас и считать учили, и рисовать, и бегать, и прыгать – все пробовали.

– А ты хотела отличиться? – спросила бабушка.

– Конечно. Я хотела, чтобы меня продали.

– Зачем? – удивился Пашка. – Ведь это унизительно!

– А ты хотел, чтобы я на всю жизнь осталась на сиенде, чтобы каждый день до самой смерти гнула спину над грядками и рассадой? Чтобы меня бил кнутом надсмотрщик? У нас, у рабов, одна надежда – чтобы тебя выгодно продали. На другую планету. А я мечтала еще, что попаду в другой мир, что стану сама богатая и куплю билет на звездный корабль, буду на нем летать от планеты к планете и буду искать моих папу и маму. Они, наверное, и не знают, что я живая. Они, наверное, думают, что я давно уже умерла... – И Заури снова зарыдала.

Все ждали, пока она успокоится. «И это странно, – подумала Алиса. – Такого быть не может! Сидит на веранде Аркашиной дачи девушка, очень красивая, худенькая, черноволосая, и плачет, потому что она – рабыня и даже не знает, есть ли у нее родители».

– А как получилось, что ты стала жонглировать? – спросила бабушка Лукреция.

– Очень просто, – сказала Заури. – Мы проходили спортивные испытания. Прыгали, бегали, подтягивались, кидали разные предметы. Господин наставник развития тела приказал мне гнуться и прыгать. А потом

дал шарики кидать. И потом говорит: «Очень интересно, в этой паршивке что-то есть». Он доложил моей комнатной госпоже, а комнатная госпожа самому Панченге Мулити, господину хозяину сиенды.

– А потом?

– Давайте перенесем разговор на завтра, – предложила симферопольская бабушка. – Уже совсем поздно, а у нас был такой длинный и трудный день.

– Нет, бабушка, пожалуйста! – взмолилась Алиса. – Еще совсем немножко осталось. А завтра некогда будет.

Бабушка развела руками.

– Давай рассказывай! – велел Пашка рабыне.

– Мне сразу лучше стало жить, – продолжала девушка. Она даже закрыла глаза, так ей приятно было вспоминать те дни, что последовали за открытием ее таланта. – Меня стали кормить лучше других. Мне мясо стали давать и сахар, представляете?

– Представляю, – сказал Пашка.

– От сахара только вред один, – вставил Аркаша. – Многие врачи советуют не есть сахара.

– Плохие врачи, – сказала Заури. – Вы их не слушайте.

– Значит, тебя отделили от остальных детей? – спросила бабушка.

– Да. Так всегда делают. Если видят, что рабыня выгодная, что ее можно будет хорошо продать, ее обязательно отделяют.

– А куда можно человека продать? – спросил Аркаша.

– У нас на планете много желающих. И даже с других планет на сиенду приезжали. Мало ли кому люди нужны.

– Сумасшедший дом, – сказал Пашка. – Сколько живу, столько удивляюсь и возмущаюсь. Человечество уже освоило половину Вселенной, наука ушла так далеко, что не видит собственного хвоста. А где-то в уголках таятся дикие нравы, рабские планеты и какие-то страшные разбойники. Нет, я решил твердо – иду в Патрульное училище! Буду патрульным разведчиком! Посвящу жизнь борьбе со всякими подонками и мучителями.

– А пока лучше кончи школу, – сказала Алиса. – Светлана очень тобой недовольна. И знаешь почему?

– И знать не хочу. В конце концов, не все ли равно, где ставить запятые. Я их совсем скоро отменю – и людям удобнее, и учителям.

– Кто же тебя учил, девочка? – спросила симферопольская бабушка у рабыни.

– Сначала наставник с нашей сиенды, а потом господин Панченга Мулити призвал из города наставника Трибуци. Он меня учил. И еще меня стали учить космолингве.

– Расскажи, пожалуйста, подробнее, – попросила симферопольская бабушка, – чему же тебя учил наставник из города?

– Как чему? Все тому же. Он учил меня кидать круглые вещи – яблоки, шары, а потом палки, булавы и даже горящие факелы. Три, четыре и так далее. Я могу кидать девять яблок – только небольших.

Все смотрели на бабушку и ждали, что она еще скажет. Но бабушка ничего больше не сказала. Она сидела за столом и смотрела перед собой, глубоко задумавшись.

– Досказывать? – спросила наконец Заури.

– Расскажи, как ты попала на тот корабль, – попросил Аркаша.

– Господин наставник из города не заставлял меня работать в поле и бил меня очень редко, только когда я теряла предметы, которыми жонглировала. Хороший наставник.

– Ничего себе хороший, – проворчал Пашка. – Дай срок, я до него доберусь!

– Нет, хороший! Ты не знаешь, какие бывают плохие, – сказала Заури. – Он меня все учил и учил. А потом позвал к себе, а там стоит совсем незнакомый господин. Такой странный господин, что я даже сначала испугалась. У него очень черные и густые брови, глаза светлые-светлые, а нос...

– А нос вот такой! – неожиданно вмешалась бабушка и показала двумя загнутыми пальцами, какой горбатый нос у того человека.

– Ты что-то знаешь, бабушка? – спросила Алиса.

– Нет, только подозреваю, – ответила та.

– Господин показался мне страшным, – продолжала Заури. – Он велел показать, что я умею делать. Я очень старалась и от страха уронила одну булаву. Мой наставник хотел меня побить, а тот, с черными бровями и сломанным носом, приказал меня не трогать. И вообще пальцем до меня не дотронулся. Он сказал, что я ему подхожу. И улетел к себе. А мне дал конфету, честное слово! Я до сих пор фантик храню...

Девушка провела пальцами по груди, но тут вспомнила, что она уже совсем не та, что была вчера, и если ее фантик и сохранился, то в тех лохмотьях, которые она оставила у кабины.

Заури сразу опечалилась. Алиса сказала:

– Ничего страшного. Завтра утром ты найдешь свое бывшее платье, оно никому не нужно и лежит возле кабины. И возьмешь оттуда свой фантик. Если, конечно, найдешь его.

– А почему не найду?

– Потому что он очень маленький.

Заури вздохнула – видно, ей в самом деле жалко было фантик. Потом она закончила свой рассказ:

– Господин Панченга Мулити долго разговаривал с наставником, потом мой хозяин сказал, что меня посылают учиться в Галактическое цирковое училище. Чтобы я вела себя там хорошо и слушалась господина начальника. Потому что он вложил большие деньги в мое образование и надеется, что я верну ему этот долг. Я ему была так благодарна... я поцеловала его сапог...

– Что? – грозно возопил Пашка.

– Так полагается, – сказала Заури, – в этом нет ничего особенного. Другие рабыни, постарше, еще больше делают... Мне дали провожатых до космодрома, там посадили на лайнер, и я летела и летела... Это было очень интересно. Вы не представляете, что такое космический лайнер!

– Представляем, – сказал Пашка.

– Тогда тем более – вы понимаете. Меня кормили три раза в день. Так не бывает!

– Да, так не бывает, – согласился Пашка, который решил больше с этой девушкой не спорить.

– Мы летели, и вдруг – звон! Что-то гремит, а капитан корабля велит всем оставаться в каютах, потому что на нас напали! Мы все испугались и попрятались по кабинам. А потом было совсем страшно, потому что какие-то чужие люди с пистолетами врывались в кабины, вытаскивали нас, обыскивали и все отнимали. А если кто-то сопротивлялся, они убивали его. Я сама видела!

– Может, не надо рассказывать, ты так волнуешься, деточка, – сказала бабушка.

– Нет, я расскажу. Мне лучше рассказать, чтобы вы тоже все знали. Они многих убили, и там была кровь... А тех, кто остался живой, собрали в кают-компании – это такая столовая на корабле – и сказали, что мы теперь будем рабами. Все возмутились, и плакали, и просили этого не делать. Только я не просила, потому что для меня в том не было ничего удивительного. Я и без того всю жизнь была рабыней. Только жалко было, что я не попаду в цирковое училище.

Заури замолчала.

Все остальные тоже молчали. Через минуту, наверное, Алиса спросила:

– А что было дальше?

– Ничего, – сказала Заури. Она даже удивилась такому вопросу.

– Как так – ничего?

– Я снова стала рабыней. Только не на сиенде, а на корабле, – сказала девушка. – Я мыла посуду, подметала пол, делала всякую неприятную работу. Только я не переживала и не сердилась. Я знала, что нужно терпеть. И если долго терпишь, будет лучше. А другие не умели терпеть. И тогда эти люди, которых вы называете бандитами, их наказывали – они их убивали, а некоторые сами умирали или убивались. И потом нас почти не осталось...

– И долго же вы так летели? – спросил Аркаша.

– Я не знаю, – сказала Заури. – Только могу сказать, что прошло много дней.

– Да, прошло много дней, – согласилась бабушка, глядя с печалью на Заури. – Мне нужно вас покинуть, – вдруг сказала она. – Мне надо срочно выяснить некоторые необъяснимые вещи, разрешить непонятные загадки. Как только я что-нибудь пойму, я сразу же вам сообщу.

– Тебя проводить до стоянки флаеров? – спросила Алиса.

– Нет, – отказалась бабушка, – не надо меня провожать. Я же не просто бабушка, а бывшая дрессировщица тигров.

– Нет, я провожу, – произнес Пашка и стал подниматься из-за стола. Но пока он поднимался, Лукреция Ивановна исчезла, растворилась в воздухе.

– Не знаю, как вы, – сказал тогда Пашка, – но я немного посплю. Минут шестьсот. У меня выдался трудный день.

Все согласились, что уже пора спать. Алиса с Заури легли наверху, на диване, а мальчики внизу. Одеял не хватило, было прохладно. Девочки обнялись и накрылись одним одеялом.

Алисе не спалось – уж очень удивительным и волнующим оказался прошедший день.

И тут она услышала внизу на веранде чьи-то шаги. Она сразу узнала по шагам Аркашу.

Алиса спросила тихо:

– Аркаш, ты чего не спишь?

– Я думаю о великом открытии в истории Галактики.

Алиса ответила не сразу. Потом сказала:

– Я тебя понимаю. Это в самом деле великое открытие.

– Какое еще открытие? – услышали они сонный голос Пашки.

– А такое, что в Галактике есть две цивилизации – одна в пятьдесят раз меньше другой, и каждая из них населяет целые планеты, летает на космических кораблях, и живут они бок о бок. Но до сегодняшнего дня – и это самое невероятное – они даже не подозревали о существовании друг дружки.

Глава вторая
СНОВА ЛИЛИПУТЫ!

С утра все разбежались в разные стороны.

Аркаша сказал, что он временно откладывает свое путешествие – ему надо вернуться на два дня в Москву. Пашка пригласил Заури вечером в цирк, чтобы она могла оценить мастерство московских жонглеров, и распрощался до вечера. Алиса повезла Заури домой – девушку надо было по-человечески одеть и показать врачу. Мало ли какой вред нанесла ее детскому организму жизнь на сиенде и на бандитском корабле!

Все Заури было в диковинку: и машины, и флаеры, и играющие в саду дети, и одежды – ведь она, кроме рабской плантации и пассажирского космического корабля, ничего в жизни не видела.

А когда приехали к Алисе домой, Заури была просто потрясена.

Во-первых, тем, что у Алисы есть своя комната.

Во-вторых, роботом-домработником Полей, который встретил их в дверях и спросил:

– Обед ставить? В шестой раз суп подогреваю.

Заури сначала ахнула от удивления, а может, даже и от испуга, потому что Поля хоть и домашний робот, но не очень похож на человека. Скорее он напоминает увеличенную во много раз консервную банку с футбольным мячом вместо головы.

В-третьих, рабыню, конечно же, потрясло Алисино богатство. Ведь у Алисы оказался целый шкаф разных одежд – от сарафана до зимнего комбинезона и меховой малицы. А так как девочки были почти одного роста, хотя, судя по всему, Заури была года на два постарше, то рабыня забыла обо всем, даже о своих пропавших родителях. За час она переме-

рила половину Алисиного гардероба. Робот Поля страшно обрадовался тому, что его не гонят и на него не кричат, как обычно. Он стал давать советы, потом подключил видик к информаторию, набрал код Парижа и стал показывать, какие сейчас в Париже моды. Этим он все перепутал в хорошенькой головке жонглерши, и Заури чуть было не ударилась в слезы оттого, что не знает, как ей красивее одеться.

В конце концов Заури заявила, что из Алисиного гардероба ей ничего не подходит. Ведь она не школьница, а будущая великая актриса!

Пришлось им отправиться на флаере в магазин и взять с собой Полю, который изображал из себя знатока женской моды. К обеду они вернулись домой с чемоданом, набитым платьями, блузками и другими вещами для рабыни Заури, и, если бы жонглерша не проголодалась, они бы побывали и в парикмахерской.

Дома они по достоинству оценили кулинарные таланты Поли и после обеда улеглись на широком Алисином диване.

– Спасибо, – искренне сказала Заури, которая, конечно, замучила Алису своими капризами и требованиями. Но гостья есть гостья, да и не каждый день тебе выпадает счастливый жребий обрадовать настоящую рабыню с другой планеты.

Вдруг Заури замерла, глядя в одну точку. Глаза ее стали медленно наполняться слезами. Она всхлипнула. Кончик носа стал краснеть. Слеза сорвалась и покатилась по щеке...

– Что ты? Что с тобой? – встревожилась Алиса.

– Как ты не понимаешь! – заревела рабыня. – Ведь я побуду у тебя, и мне надо будет возвращаться в свой маленький размер! И все мои платья и туфли я оставлю тебе! А сама опять надену свои лохмотья.

– Да что ты, не расстраивайся! – утешала ее Алиса. – Все эти вещи останутся твоими. Когда захочешь, ты сможешь прилетать ко мне, увеличиваться снова до моего размера и ходить в этих одеждах.

– Правда?

– Чистая правда! А пока ты будешь учиться в цирковом училище, ты сможешь одеваться как пожелаешь.

Заури перестала плакать, порозовела, глазищи ее заблестели.

И тут же тень вновь скользнула по ее лицу.

– Но они все у меня отнимут!

– Кто?

– Господин Панченга Мулити.

Заури сначала ахнула от удивления, а может, даже и от испуга, потому что Поля хоть и домашний робот.

– Но он же тебе больше не хозяин. Мы не признаем рабства.

– Рабство есть везде.

Алиса не успела ответить, как раздался сигнал видеофона. Звонил Аркаша.

– Ого! – сказал он, увидев переодетую Заури. – Наша рабыня стала первой красавицей Москвы! Тебе надо участвовать в конкурсе «Мисс Москва»!

– Правда, ты не шутишь? – воскликнула Заури. – Я в самом деле такая красивая?

– Разумеется, – вмешался домработник Поля. – Я лично давал ей советы, как стать красивой.

– Нет, – сказала Алиса, – к сожалению, твоя победа в конкурсе «Мисс Москва» будет недействительной.

– Это еще почему?

– Потому что ты меньше мизинца самой маленькой из твоих соперниц. Представь себе: все красавицы стоят в ряд, а перед тобой – большое увеличительное стекло.

– Перестань надо мной смеяться! – обиделась Заури. – Это я раньше была маленькой, а теперь я гигантская. Как ты.

– И хочешь остаться такой большой?

– Я еще подумаю, – ответила Заури. – Конечно, мне лучше кое-где быть большой, а кое-где маленькой.

– Браво, Заури! – засмеялась Алиса. – Ты уже не боишься, что твои косточки треснут.

– А что с ними сделается! – отмахнулась Заури.

И тут же обернулась к зеркалу проверить, насколько она красива в новом платье.

Аркаша сказал, что он сделал запрос в Центральный информаторий. И там ему ответили, что во всей Галактике нет ни одной планеты, на которой жили бы лилипуты размером со спичку. И никогда ни один человек не встречал такого лилипута.

– Не может быть! – сказала Алиса.

А Заури на всякий случай начала реветь.

Рыдания ее были такими горькими, что Аркаша сказал:

– Ну ладно, пока... я побежал...

Он, как и все мужчины, не выносил женских слез. А Заури оказалась чемпионкой мира по умению заплакать в нужный момент.

– Заури! – сказала Алиса. – Сейчас же перестань рыдать, а то ты испортишь слезами платье!

– Я мимо капаю, – ответила Заури, продолжая плакать дальше.

– Но что тебя сейчас так расстроило?

– Они говорят, что лилипутских планет нет, значит, и моей планеты нет. И моей сиенды нет, и моих папы и мамы нет, и даже господина Панченги Мулити нет! – Тут уж слезы хлынули таким потоком, что Алисе пришлось принести для рабыни полотенце, которое промокло минут через пять.

– Погоди! – пыталась прервать рыдания Алиса. – Но ведь ты есть!

– А я теперь неправильного размера! Я теперь уродка. Меня мама не узнает!

– Мы можем тебя сделать лилипуткой в три минуты, – ответила Алиса.

– Тебе хорошо рассуждать! А сама потом на меня наступишь. Лучше я потерплю. – Заури даже плакать на минутку перестала. – Только я совсем немного потерплю. А то моя мама состарится или умрет, и я ее не успею увидеть. Ты, пожалуйста, Алиса, придумай что-нибудь поскорее.

– Что придумывать, – сказала Алиса. – Придумывай – не придумывай, надо лететь на твою сиенду к господину Панченге.

– Зачем? Он злой!

– А кто еще знает, откуда тебя привезли? Только он. Наверное, у него документы сохранились.

Заури от радости захлопала в ладоши.

– Летим! – закричала она. – Скорее летим!

– Во-первых, – остановила ее восторг Алиса, – мы не знаем, куда лететь. Ведь такой планеты нет...

– А во-вторых? – спросила Заури, приготовившись плакать, но отложив начало рыданий на минутку.

– А во-вторых, даже если бы мы знали, где твоя сиенда, туда надо лететь маленькими.

– Почему? Я не хочу уменьшаться. Я хочу быть большой и сказать господину Панченге: «Не отдашь мои документы, не скажешь, где моя мама, я на тебя наступлю... Нет, лучше я тебя одним пальцем раздавлю!.. Нет, лучше наступлю!»

– Стой, стой! – пыталась остановить разбушевавшуюся рабыню Алиса. – Растоптать его ты сможешь, но вот документы твои – такие маленькие, что читать их придется под микроскопом.

– Да, – согласилась Заури. Она поняла, что все это означает. – Даже если мы с тобой возьмем эти документы и растопчем господина Панченгу Мулити, нам надо возвращаться сюда и снова становиться маленькими, потому что, если я приеду к маме такой большой, я ее до смерти испугаю!

– А что, если с самого начала стать маленькой? – предложила Алиса. – Если с Земли прилететь на сиенду лилипуткой? Тогда к маме ты тоже попадешь маленькой.

– Нет! – закричала тут Заури так громко, что робот Поля въехал в комнату и грозно сказал Алисе:

– Перестань мучить несчастного ребенка!

– Я ее не мучаю, – сказала Алиса. – Скорее она меня мучает. То она спешит лететь на поиски своей мамы, то она, видите ли, передумала. Ну скажи, почему ты сейчас отказываешься уменьшаться?

– Потому что у меня никогда раньше не было таких чудесных платьев. Я уменьшусь, и у меня снова их не будет.

– Мама тебе сошьет новые.

– А вдруг мама шить не умеет?

– Сама научишься.

– Нет, лучше я сначала изношу эти платья, а потом мы полетим искать мою мамочку.

– Ну что ты об этом думаешь? – спросила Алиса у робота, который стоял в дверях и покачивал круглой головой.

– Я думаю, что рабыню надо пожалеть, а не смеяться над ней. Если человек больше любит платья, чем свою маму, – это его болезнь, а не развлечение.

– Я? Не люблю маму? – Заури была вне себя от возмущения. – Да я все эти проклятые платья сейчас выброшу в окно!

Она схватила одежду в охапку и подбежала к открытому окну.

И остановилась.

– Ну чего же ты? – спросила Алиса. – Давай кидай!

– Не могу, – ответила Заури, – я боюсь попасть кому-нибудь на голову.

– Если учесть, что это окно выходит в сад и там никто не ходит, – сказал робот Поля, – то о прохожих можно не думать.

Рабыня Заури бросила платья на пол, а сама села в кресло, чтобы поплакать.

Алиса ей не мешала. Робот тоже молчал.

Вдруг совершенно спокойным голосом, будто и не рыдала вовсе, Заури произнесла:

– Мне нельзя на сиенду.

– Почему? – спросила Алиса.

– Потому что я рабыня и никто меня не отпускал. Как мы приедем, хозяин Панченга сразу велит схватить меня, бросить в подвал и заковать в цепи.

– Он не имеет права, – заявил робот Поля.

– А он не знает ничего про ваше право, – сказала рабыня. – Он делает что хочет.

– Я думаю, – продолжал робот Поля, – вам надо сообщить о ситуации инспектору Крому, затем вместе с ним заявиться на ту планету, всех негодяев арестовать, рабство отменить, сиенду сжечь и рабов отправить в санаторий.

– Это хорошая мысль, – отметила Алиса. – Но, к сожалению, она не очень практичная. Потому что мы не знаем, где родители Заури. А вдруг они тоже в плену у Панченги, только на другой сиенде или еще где-нибудь. Ведь инспектор Кром прилетит на военно-патрульном корабле...

– А у господина Панченги есть свои корабли, получше, чем ваш крейсер! – возразила девушка.

– Помолчи, – сказала Алиса. – Я, кажется, придумала. Сколько стоит рабыня на вашей планете?

– Очень дорого, – ответила Заури.

– А сколько все-таки?

– Тысячу кредитов.

– А сколько стоит один кредит? Что можно на него купить?

– На кредит можно целого барана купить.

– Значит, ты стоишь столько, сколько тысяча баранов?

– Это немыслимо дорого, – сказал робот. – За такую капризную рабыню не дадут и барана.

– Ты забыл, что у меня великий талант! – возмутилась Заури. – Я же умею кидать девять предметов!

Алиса выдвинула ящик письменного стола и вынула оттуда коробку с любимыми украшениями и драгоценностями. Там были изумрудный перстень, подаренный ей в Атлантиде, ожерелье из бриллиантов, полученное на память о планете Пять-четыре, и другие красивые сувениры. Заури даже заныла от восхищения.

– Как ты думаешь, – спросила Алиса, – этого нам хватит?

– Для чего?

– Для того, чтобы тебя купить.

– А зачем меня покупать? Лучше подари мне все это!

– Если не хочешь искать своих родителей, то бери.

Заури сделала движение к коробке, но тут же поняла, какой плохой она кажется Алисе, и сказала:

– Конечно, хватит. На всю сиенду хватит. А кто тогда будет моим хозяином?

– Хочешь, я буду?

– Нет, только не ты! – взмолилась рабыня. – Ты будешь меня иголками колоть.

– Я? Иголками? Я никого никогда не колола иголками.

– Это потому, что у тебя раньше не было рабыни. А как я стану твоей рабыней, тебе сразу захочется колоть меня иголками.

– Ну хорошо, будь тогда Пашкиной рабыней.

– Ни в коем случае! Он захочет со мной целоваться!

– Заури, ты мне смертельно надоела. Ты хочешь, чтобы я тебя выкупила из рабства?

– А чьей рабыней я стану?

– Еще один такой глупый вопрос, и я никуда с тобой не лечу. Пойми же – у нас нет рабства. Мы даже не знаем, что такое рабство!

– Неправда. Вот Поля – твой раб! Ты ему приказываешь, а он не смеет тебя не послушаться.

– Теоретически, – сказал робот, – меня можно рассматривать как раба Алисы и всего ее семейства. Но, по сути дела, я допускаю, что все обстоит наоборот и они являются моими рабами!

– Хватит, – Алиса собрала драгоценности в плоскую коробку.

– А может быть, ты одна слетаешь? – спросила Заури. – Я тебя тут подожду.

– Так кто тебя мне продаст, если тебя не будет? Кто мне поверит?

– Никто.

– Тогда летим.

– Я боюсь.

– Ничего не случится. Мы оставим Поле наши координаты, и, если что случится, нас сразу найдут. Не бойся. Ты же сама говоришь, что хозяева сиенды не грабители и не бандиты. Они выращивают и продают рабов.

Значит, они любят деньги. Мы выкупим тебя, а потом спросим у главного начальника, кто ты такая и как попала на планету.

– И мы узнаем, где моя мама?

– Собирайся, Заури.

– А на чем мы полетим?

– Ты еще не догадалась?

– Нет. Откуда мне знать? Я никогда еще не летала на ваших кораблях.

– И куда же мы прилетим на нашем корабле?

– На планету... Ой, они же там все маленькие!

– Конечно же, мы не можем лететь туда в настоящем виде. Мы должны уменьшиться.

– А как же драгоценности?

– Для этого я отобрала бриллианты. Они маленькие, а стоят очень дорого.

– Но у нас же нет такого маленького кораблика!

– У нас есть такой маленький кораблик. Кораблик, компьютер которого наверняка знает координаты планеты, где находится сиенда.

– Где же этот корабль?

– На веранде Аркашиной дачи.

– На даче?

– Вот именно. Это планетарный катер с корабля бандитов, который они оставили, когда бабушка выбросила их с Земли.

– И мы в нем поместимся?

– Попробуем, – ответила Алиса.

– И я с вами, – сказал Поля.

– Нет, голубчик, – возразила Алиса. – У тебя куда более трудное задание. Ты должен остаться здесь, хранить нашу тайну, а в случае нужды организовать спасательную экспедицию.

– Рад стараться! – ответил робот.

– А в чем же мы полетим? – грустно спросила Заури. – Я уж привыкла красиво одеваться.

Алиса велела домработнику притащить с антресолей ящик с куклами, до которого Алиса не дотрагивалась уже больше года, но мама не хотела выкидывать эти воспоминания о детстве.

Поля приволок большой ящик, поставил его посреди комнаты, вытер его влажной тряпкой и спросил:

– Захотелось перед дорогой поиграть в куклы?

– Разумеется, – сказала Алиса. – И еще немного пошить.

Алиса торопила Заури, которая, на счастье, оказалась хорошей рукодельницей. Алиса боялась, что с работы вернутся взрослые и тогда убежать будет труднее. Они перешили себе по платью. Напоследок Алиса сшила рюкзачок для бриллиантов и сложила в него ценности.

Поля проводил девочек до дверей. Он стоял понуро, не глядел на Алису.

– Ты что, чем-то недоволен? – спросила Алиса.

– Настоящий мужчина всегда недоволен, – вздохнул робот, – если женщины уходят в бой, а он остается на кухне.

– Твой бой еще впереди, – ответила Алиса.

Глава третья
ЛЕТИМ К РАБОВЛАДЕЛЬЦАМ!

Девочки вернулись на дачу раньше всех.

– Это лучше, – сказала Алиса. – А то Аркаша стал бы задавать вопросы, а Пашка наверняка бы увязался за нами.

– Ну и пускай бы увязался, – сказала Заури. – Мне он нравится.

– Я сама управлюсь, – сухо ответила Алиса. – Чего тут особенного – приехала, купила рабыню и уехала. А Пашка только напутает.

– Хорошо, – согласилась Заури, – когда я вернусь, я буду дружить с Пашкой. А когда окажется, что мои родители – короли или императоры, то Пашку от меня клещами не оторвешь.

– Это еще почему? – удивилась Алиса.

– Мужчины обожают принцесс! – ответила Заури.

– Ты так думаешь? – Алиса поднялась в дом. Машины и планетарный катер стояли на столе. Алиса взяла катер в руки. Он оказался тяжелым, хоть и был сделан из сверхлегких сплавов. В нормальном виде он весил бы больше тонны. А если разделить этот вес на пятьдесят, можно понять, почему Алиса с трудом его приподняла.

– Помоги мне! – сказала она рабыне. Вдвоем девочки дотащили катер до кабины и поставили его на землю.

– Жалко, я не показала тебе моего диплома, – сказала Алиса рабыне, которая часто дышала – устала нести катер.

– Какого диплома? – спросила Заури.

– Диплома, что я наследная принцесса одной империи. И могу туда полететь в любой момент.

– Ты? Принцесса? – Заури ужасно удивилась и не поверила. – Ты совсем не похожа!

– А кто похож?

– Если кто и похож, то это я! – сказала рабыня. – Ты посмотри, какая я красивая и изящная. Все это отмечают.

– Настоящая принцесса совсем необязательно красивая.

– Но желательно, – сказала Заури. Она оглянулась. – Даже зеркальца нет! Я не привыкла обходиться без зеркал.

– Если твоя мама окажется простым инженером, а твой папа просто писателем или механиком, ты расстроишься?

– Ни в коем случае не расстроюсь! – Заури счастливо улыбнулась, показав свои прекрасные жемчужные зубки. – Ведь я-то знаю, что на самом деле они король и королева.

Алиса уже понимала, что спорить с рабыней – только время тратить попусту.

– Раздевайся, – сказала она. – Пора лететь.

Она свернула в кулек перешитые кукольные платья и держала их наготове. Заури поглядела на них, потом кинула взгляд на платье, надетое на ней.

– Подожди, Алисочка, – шелковым голоском произнесла она. – Может, попробуем лететь в наших платьях?

– Ты же знаешь – они упадут с нас и погребут под собой.

– А может быть, не погребут? В виде исключения?

– Почему для нас должно быть исключение?

– А потому что на моем корабле и на сиенде все ходят в своей одежде, и хоть бы что!

– Они же не уменьшались! Они всегда были такими!

– А ты уверена?

– Заури, я от тебя устала. Я понимаю – тебе хочется любой ценой показать всем на сиенде, в каком красивом платье ты ходила на Земле. Вот ты и хитришь.

Заури тяжело вздохнула. Больше у нее не осталось никаких аргументов.

– Ты одевала своих кукол в самые уродливые платья в мире, – проворчала она наконец.

– Давай не будем спорить, – сказала Алиса. – Мне нужно вернуться обратно, прежде чем родители спохватятся.

Заури вздохнула и начала раздеваться. Раздевшись, она завернула свою одежду в простыню, а сверток отнесла в комнату и засунула под диван.

– Теперь никто не найдет, – сказала она, как пират, который закопал на необитаемом острове громадный клад.

Оставшись совсем голой, Заури вернулась к Алисе, которая сидела на веранде, писала письмо Аркаше, и спросила:

– Ты хочешь меня до смерти застудить?

Алиса рассмеялась и велела Заури завернуться в простыню. И сама, когда разделась, поступила так же.

Они подошли к кабине.

– Мы теперь с тобой привидения, – сказала Заури. – Давай останемся здесь до ночи, и когда Аркаша приедет, мы выскочим из кустов и закричим: «Ууу-ууу!»

– И что дальше? – спросила Алиса.

– Дальше он брякнется в обморок! А мы его водой обольем и скажем: «Что-то ты трусоват, Аркаша!»

– У тебя буйное воображение, – сказала Алиса. – Иди первой.

– Почему я всегда первой? А что, если там в кабине паук? Он меня съест.

– Заурочка, честное слово, некогда! Я должна убедиться, что ты уменьшилась нормально.

– Меня никто не любит, – заявила Заури, капнула слезами, но больше спорить не стала, а влезла в кабину.

Прежде чем Алиса закрыла люк, Заури успела сказать маленькую речь:

– Ты думаешь, что ты лучше, умнее и главнее меня? Ты глубоко ошибаешься. Вот сейчас мы снова станем нормального человеческого размера, и тогда я перестану бояться, что мои несчастные косточки вот-вот рассыплются от жуткой тяжести моего громадного тела. Тогда я снова стану веселой и беззаботной!

– Счастливого пути, – сказала Алиса. – Ты должна нажать вот на эту кнопку, а потом спустишься...

– Помню, помню, не маленькая! – раздраженно ответила Заури и захлопнула крышку люка.

Заури появилась из нижнего отверстия кабины только через двадцать минут. Алиса вся изнервничалась – мало ли что может случиться с не-

смышленышем. Но обошлось – вот Заури выползает из люка и, подняв руку, машет Алисе.

Алиса наклонилась и осторожно положила рядом с лилипуточкой мешочек с их вещами и рюкзак с алмазами и сама забралась в кабину.

Путь этот уже стал привычным. Закрывается люк, ты нажимаешь на кнопку, которая пускает газ. Вот и газ пошел – ты чувствуешь его свежий запах. Потом потолок кабины начинает быстро стремиться вверх и тесная камера превращается в громадный гулкий зал. Алиса поднимается и идет к открытому в сиденье люку. Лестница вниз кажется бесконечной, даже ноги устают – но и ей приходит конец.

И вот, раскрыв нижний люк, Алиса выпрыгивает на землю возле кабины.

И хоть она уже бывала маленькой, привыкнуть к этому нельзя.

Все изменилось в мире – все стало огромным и даже страшным. Все, кроме рабыни Заури, которая осталась такого же нормального роста, как и Алиса. И можно забыть на минутку, что обе девочки – лилипуточки.

– Что ты делаешь! – воскликнула Алиса. – Кто-нибудь увидит...

Оказалось, ожидая Алису, рабыня соскучилась и решила поглядеть, как увеличились алмазы. Она развязала мешок, и большие, каждый с кулак, сверкающие драгоценные камни покатились по земле.

Договорить Алиса не успела. Стало темно – нечто громадное, со свистом разрезающее воздух, опустилось сверху. Девочки упали на землю... Зажмурились от страха...

Шум, скрежет, снова свист... Стало светло.

Алиса вскочила первой и кинулась к мешку. Так и есть – одного бриллианта не хватает.

– Твое счастье! – крикнула Алиса, подхватывая мешок и лихорадочно засовывая в него тяжелые сверкающие камни. – Твое счастье, что это была не ворона, а какая-то маленькая птица. Ворона заодно с камнями склевала бы и тебя.

– Я не хотела... – заныла рабыня. – Я только посмотреть хотела.

– Хорошо еще, что я успела! А то бы остались мы без бриллиантов. На что бы мы тебя выкупали?

– Не сердись, Алисочка, – продолжала хныкать рабыня. – Я же не знала, какие здесь страшные звери водятся. У меня дома все птички маленькие, они поют песни, а орлы летают высоко и никогда не бросаются на людей. А здесь у вас все такие страшные!

– Конечно же, – сказала Алиса. – Ведь каждая планета устроена для ее обитателей. По размеру. Там, где маленькие люди, там и маленькие птицы. Это называется гармония.

– Не знаю, как что называется. Давай скорей отсюда улетим. Жду не дождусь, когда вернемся на сиенду.

– Ты даже согласна снова стать рабыней?

– Я не хочу быть рабыней, но лучше быть рабыней, чем жить в твоем гигантском мире!

– Ну, тогда полетели, – вздохнула Алиса. – Ни одно доброе дело не остается безнаказанным.

– Что ты сказала?

– Это очень старинная шутливая поговорка.

Алиса первой забралась внутрь планетарного катера. Теперь, когда она стала маленькой, катер превратился в настоящий космический корабль, летающее блюдце, в котором отлично разместились бы и десять человек. К счастью, он был устроен примерно так же, как и земные корабли. В нем был кубрик для экипажа и небольшой отсек управления.

Алиса втащила в катер тяжелый мешок, в котором была одежда, а также рюкзак с бриллиантами. Она бросила его посреди кубрика и сказала Заури:

– Одевайся первой.

Заури послушно раскрыла мешок.

– А можно я твое голубенькое возьму? – спросила она.

– Бери, бери, – ответила Алиса. Она прошла к пульту управления, уселась в пилотское кресло и включила пульт. Энергия была. И хоть некоторые надписи были сделаны на непонятном языке космических бандитов, никаких тайн для Алисы в катере не оказалось.

Она сразу отыскала и информаторий – справочный экран.

Алиса рассуждала так: раз в Галактике есть неизвестные нам лилипутские планеты, то они-то друг о дружке знают! Значит, у них есть свои звездные карты, свои заправочные станции и свои опасные перекрестки. И хоть рабыня не знает, как называется ее планета, – не беда. На карте обязательно будет показана планета Заури, надо только задать информаторию правильные вопросы!

– На какой планете находится сиенда Панченги Мулити? – спросила Алиса на космолингве.

Алиса наклонилась и осторожно положила рядом с лилипуточкой мешочек с их вещами и рюкзак с алмазами и сама забралась в кабину.

Информаторий искал ответ меньше минуты. Потом на экране загорелась надпись на космолингве: «Информация строго секретная».

– Этого еще не хватало! – возмутилась Алиса. – Оказывается, у лилипутов тоже есть военные тайны.

– Давай я попробую спросить на языке нашей планеты, – предложила Заури. – Ты мне только скажи, куда говорить?

Но на вопрос рабыни экран ответил такой же надписью – лишь на другом языке.

– Я сейчас буду плакать, – предупредила Заури. – И никто меня не пожалеет.

– Я-то точно тебя жалеть не буду, потому что ты своим ревом мешаешь мне думать.

– А ты подумала, что я – сирота? – Голос рабыни дрожал.

Алиса не ответила, а Заури отложила рев на будущее. На самом деле она совсем не хотела мешать Алисе.

«Так, – подумала Алиса. – Все же я – человек, а катер – машина. И только машина. Значит, я могу его перехитрить. Надо только задавать нужные вопросы».

– Почему информация о сиенде господина Панченги секретна? – спросила Алиса.

На этот раз информаторий думал больше минуты, прежде чем ответил: «Я не могу дать координаты Резервной базы снабжения».

– Вот и замечательно! – сказала Алиса.

– Что же делать? – Заури еле удерживала слезы. – Нам теперь никогда не попасть на сиенду!

– Наоборот. Мы туда попадем без всяких приключений. Потому что сейчас я задам правильный вопрос, и информаторий на него может даже не отвечать...

– Я ничего не понимаю!

– Курс на Резервную базу снабжения! – приказала Алиса катеру. – На максимальной скорости! Опускаемся у сиенды Панченги Мулити. Как поняли?

– Приказ понял. Начинаю исполнение, – ответил катер.

– Сколько займет полет?

– Один большой прыжок. Вместе с разгоном и торможением – четыре часа.

– Исполняйте, – велела Алиса и выключила микрофон.

– Ты гений, – сказала Заури. – Я бы не догадалась.

– В этом не было ничего сложного, – заметила Алиса, которая, впрочем, была собой довольна.

Глава четвертая
КАК КУПИТЬ РАБЫНЮ?

Полет был как полет. Как и положено в двадцать первом веке. Ведь не в другую Галактику летели, а в своей же – от звезды к звезде. Так что это путешествие было нетрудным и неопасным, не то что путешествие вокруг Аркашиной дачи.

От того, что катер был в пятьдесят раз меньше обычного, ничего, в принципе, не менялось.

За время полета Заури приготовила обед, но показала себя никуда не годной хозяйкой. Пришлось вместо подгоревшего жаркого есть бутерброды. Потом она забралась в стенной шкаф и отыскала там скафандры, которые ей очень понравились, и рабыня начала думать, как бы перешить скафандр в модный костюм. Она все еще думала, когда их катер подлетел к планете Ноотри – первой в жизни Алисы планете, которую населяют лилипуты.

Переведя корабль на орбиту вокруг планеты, Алиса уже представляла себе, как они с Аркашей напишут доклад о лилипутских цивилизациях Галактики и выступят на научном конгрессе. Бородатые земные академики будут хлопать в ладоши, а зеленые слизистые плюхи с Кавари будут пускать к небу радужные пузыри восторга.

Алиса не успела додумать свою мечту, как уже пора было садиться.

По ее приказу катер опустился в поле, неподалеку от сиенды, с которой родом рабыня Заури.

Корабль медленно сел в лесу, схожем с бамбуковым – тонкие зеленые стволы поднимались высоко в небо и покачивались под ветром. Небо было сумрачным, по нему бежали сизые тучи, и в воздухе чувствовалась влажность.

При посадке Алиса видела дорогу, которая вела к сиенде – группе белых домиков. Теперь им надо было выйти на ту дорогу.

Заури, конечно же, задержалась. В последний момент она передумала надевать голубое платье и решила надеть красное, чтобы еще больше удивить своих бывших подруг по рабскому общежитию.

Алиса спрыгнула на землю одна.

Сквозь стволы бамбука была видна широкая, как поле, дорога. Движения по ней не было – придется, видно, идти до сиенды пешком. Ну ничего, даже полезно размяться после полета.

Высоко в небе летали птицы.

– Ну что же мы стоим? – раздался голос. Это Заури кончила свой туалет и теперь делала вид, что задержка произошла вовсе не из-за нее.

На Алисе и Заури были самодельные сандалии – еще на даче они вырезали подошвы из пластика и приспособили к ним нитки. Подошвы получились тяжелыми, а нитки резали ноги.

– Скажи, Алисочка, – спросила Заури кошачьим голоском, – а у тебя не найдется одного лишнего бриллиантика? Самого маленького?

– Зачем?

– Мы бы сейчас купили на него настоящие туфли и шляпы – а то здесь считается не очень приличным для порядочной женщины ходить без шляпы.

– Хорошо, – согласилась Алиса. Конечно же, шляпа ее не волновала, но надеть настоящие туфли хотелось.

Раздвинув гибкие стволы, они вышли на широкую дорогу. Покатые красные крыши крайних домов сиенды виднелись на горизонте.

– Ну и далеко же ты села от сиенды! – возмутилась Заури. – Я не дойду.

– Странно, – сказала Алиса. – Я приказала катеру сесть в трехстах метрах от крайнего дома.

– Здесь целых триста километров, – сказала рабыня.

Алиса собралась было вернуться к катеру и перелететь на нем поближе к сиенде, как вдруг почувствовала, что земля под ногами мерно сотрясается.

– Это что? – испугалась Заури. – Землетрясение?

– Не знаю, – сказала Алиса. – Такое впечатление, что идет стадо слонов. Причем все они шагают в ногу.

– Бежим! – крикнула Заури. – Улетим отсюда!

Они кинулись прочь с дороги. И вовремя.

Невиданное гигантское животное показалось на ней. Такого чудовища Алисе не приходилось видеть даже во сне.

Ростом оно было выше десятиэтажного дома, каждая лапа его была толще и больше колонны Большого театра, тело было покрыто шерстью – если можно назвать шерстью лохмы толстых веревок длиной с удава-анаконду. Но самое страшное – это пасть чудовища, которая не оставляла сомнений, что оно – хищник. Красная пропасть, окруженная метровыми заостренными зубами, нависала над тропинкой, и ясно было, что никуда не денешься от этих зубищ!

Чудовище с паровозным шумом втянуло в себя воздух и повернуло в сторону девочек черный блестящий нос с человека величиной. Злобные глазищи сверкали – чудовище увидело добычу!

С рыком, сотрясшим воздух, оно рванулось к девочкам, и убегать было поздно. Рядом с Алисой что-то упало, но сама она не могла даже двинуться. Бывает, что ужас, охвативший человека, становится так велик, что человек каменеет.

И тут случилось чудо!

Когда зубы чудовища дотянулись до Алисы, оно резко взмыло на задние лапы, а передними замахало в воздухе, натужно рыча. Чудовище пыталось дотянуться до Алисы зубами, но неведомая сила влекла его прочь, как будто оно было привязано к машине, спешившей промчаться мимо.

Страшный громовой вой потряс воздух – чудовище стонало от желания сожрать добычу, но преодолеть сопротивление не могло.

И тут из космической высоты до Заури донесся громовой голос:

– Иди, иди, малышка! За каждой гусеницей не набегаешься!

И только тогда девочки увидели, что шею чудовища стягивает ошейник, от которого тянется цепь, как у корабельного якоря. Другой конец цепи держит чудовище вдвое большее, чем первое. Этим чудовищем был человек, который и вел по тропинке свою собаку.

Собака прохожего увидела маленьких девочек и захотела их сожрать. А человек не разрешил собаке останавливаться и пожирать всякую гадость. И этим, сам того не зная, спас Алису и Заури от смерти.

Дорога еще сотрясалась от удаляющихся шагов, как Алиса обернулась к Заури и сказала дрожащим голосом:

– Не бойся, это человек...

И увидела, что ее подруга лежит на дороге без чувств.

Алиса оттащила Заури под сень травы – теперь уже ясно было, что вокруг всего-навсего трава, а не заросли бамбука.

Значит, произошла роковая ошибка – катер привез их на планету, которая принадлежала нормальному Алисиному миру. А не к миру лилипутов. И лишь по чистой счастливой случайности Алиса и Заури остались живы.

– Заури! – Алиса ударила рабыню по щеке, та открыла глаза и сразу зажмурилась. – Не притворяйся, ты жива, и я жива. И нам нужно срочно на катер. Мы должны отсюда улететь.

– На катер? – Заури сразу ожила. Она вскочила и первой добежала до катера.

Алиса задраила люк.

– Ты поняла, что случилось? – спросила она.

– Нет. Только очень испугалась.

– Мы ошиблись планетой. Может быть, катер нас обманул.

– Разве катер может обманывать?

– Его можно запрограммировать, чтобы он хранил тайну.

– Что же теперь делать?

– Надо искать другую планету. Хорошенько подумай, Заури, что ты знаешь о своей планете?

– Давай сначала поднимемся повыше, – сказала Заури. – А то вдруг это чудовище вернется?

– Ты права, лучше не рисковать, – согласилась Алиса и подняла катер на орбиту.

Тем временем Заури рассказала, что знала о планете, на которой она была рабыней. Оказалось, что на ней есть два материка, и посреди океана у Северного полюса поднимается великий вулкан Ао. Больше она ничего вспомнить не смогла, потому что на уроках не слушала учителя, а глазела на какого-то Кукуцу, который был красивый!

Алиса смотрела на экран. Перед глазами медленно поворачивалась планета. На экране были видны два материка, окруженные океанами, и даже небольшой остров у Северного полюса, над которым висело громадное черное облако – там извергался вулкан.

Странно. Выходит, что это та самая планета, но другого размера!

– А ты позвони вниз и спроси, в чем дело! – подсказала Заури.

– Ты права, – сказала Алиса. – Глупо пролететь так далеко и вернуться несолоно хлебавши.

Алиса включила космическую связь и вызвала справочное бюро планеты, вокруг которой они летали.

Чудовище с паровозным шумом втянуло в себя воздух и повернуло в сторону девочек черный блестящий нос с человека величиной.

– Здравствуйте, – ответили из справочной. – Чем могу быть вам полезен?

– Дайте нам ваши координаты, – попросила Алиса.

– Странный вопрос. Вы же находитесь на орбите вокруг нашей планеты.

– Вы в этом уверены?

– Так же, как в том, что сегодня утром завтракал, – ответили снизу. – Может, вы дети? Может, вы украли боевой космический катер и теперь хулиганите?

– Нет, – сказала Алиса, – мы не дети. Но мы, очевидно, заблудились. Скажите, пожалуйста, вы какого размера?

– Еще более глупый вопрос, – прозвучал ответ. – Мы самого нормального размера.

– Конечно же, вы правы, извините. – Алиса даже покраснела. Наверное, на планете решили, что она сбежала из детского сада.

– Спроси про меня, – подсказала Заури.

Но Алиса и сама уже догадалась.

– Простите за беспокойство, – сказала она. – Вы не можете сказать, есть ли на вашей уважаемой планете сиенда «Розовые Водопады»?

– Одну минутку, – ответил голос. И почти тут же продолжал: – На северном континенте есть сиенда «Розовые Водопады».

– А кто хозяин этой сиенды?

– Хозяин сиенды «Розовые Водопады» уважаемый Панченга Мулити, известный филантроп, друг детей.

– А чем занимаются на этой сиенде?

– Это особенная сиенда, – ответил голос. – Господин Панченга Мулити устроил там детский дом. Он собирает сирот и дает им кров и воспитание.

– Он самый, – сказала Алиса, обернувшись к Заури. – Что будем делать?

– Я ничего не понимаю, – ответила та.

Алиса снова обратилась к справочному бюро:

– Простите, у вас на планете все люди одного роста? Или есть разные?

– А, это опять глупый катер? Отвечаю – у нас на планете есть люди разного роста и размера, есть толстяки и карлики, кривые и горбатые, хромые и лысые. У нас на планете есть все! А у вас?

– Нет, так мы ничего не узнаем... – вздохнула Алиса.

– Но они признались, что там есть Панченга Мулити, – сказала Заури.

– Если это не его большой двойник, – вздохнула Алиса.

– Как так двойник?

– Я подозреваю, что мы живем в Галактике, которая имеет близнеца. Только этот близнец в пятьдесят раз меньше, чем первый брат. И все в них одинаково. Только в разных размерах. Есть две планеты, на которых живут два Панченги Мулити – только один ростом в четыре сантиметра, а второй в два метра.

– Что ты говоришь! – воскликнула Заури. – Это значит, что меня тоже две? И тебя?

– А почему бы и нет?

– Но какие из нас настоящие?

– Обе настоящие.

– И понимать не хочу. Только голову чепухой забивать, – сказала рабыня Заури.

В этот момент в рубке раздался новый голос. Чем-то знакомый, взвизгивающий, резкий, взволнованный.

– Катер 8976–2, отзовись!

– Катер 8976–2 на связи, – ответила Алиса.

– Ваши координаты!

– Зачем они вам? – удивилась Алиса.

– У меня есть для вас важные новости. Иду на сближение.

– Ой, не надо, – прошептала Заури. – Мне этот голос знаком.

– Мне тоже, – сказала Алиса.

– Вы меня хорошо слышите? – спросил голос.

– А кто вы такой? – спросила Алиса.

– Вы очень обрадуетесь, когда меня увидите, – сказал голос. – Я ваш старый знакомый.

Послышался смех.

– Кто меня вызывает? – спросила Алиса у справочного бюро планеты.

– Я не поставлен об этом в известность, – ответило то.

Заури совсем испугалась.

– Алисочка, – стала просить она, – пожалуйста, давай отсюда улетим.

Видно, тот, кто разговаривал с ними, услышал просьбу Заури.

– И не пытайтесь, – произнес он. – Наша скорость куда больше вашей. Никуда вы от нас не денетесь. А будете сопротивляться – отдадим вас в галактический суд за воровство.

– Нас? За воровство? – удивилась Алиса.

– Разумеется. Откуда у вас катер, на котором вы летаете, как в своей детской коляске? Вы его украли!

– Это адмирал! – узнала Заури. – Это бандит!

– Адмирал – правильно, а бандит – очень грубо, – ответил голос.

Он снова засмеялся.

– Вы засечены, – сказал он наконец. – Вам никуда не деться. Ждите нас на орбите.

– Алисочка, бежим!

– Убежать мы не сможем. Он прав, – прошептала Алиса. – Но мы попытаемся опуститься на планету и спрятаться там в лесу.

– Так давай же!

– Садись в кресло. Будут перегрузки!

Алиса включила двигатели и начала резкий спуск к планете.

Но приземлиться они не успели.

Корабль адмирала – серая пирамида, та самая, которую так решительно выкинула с Земли симферопольская бабушка, настиг их у входа в атмосферу. Во время погони Алиса снова вызвала справочное бюро.

– Говорит катер 8976–2. Мы подверглись нападению неизвестного пиратского судна. Вы меня слышите?

– В пределах видимости нет ни одного неопознанного судна, – ответил голос.

– Кто же за мной гонится?

– За вами никто не гонится, – ответил голос.

На экране появилось лицо адмирала.

– Крошки, – сказал он, – хватит этих игрушек. Тормозите, а то подстрелим.

– Алисочка, не спорь с ним! – взмолилась Заури.

– Я сдаюсь, – произнесла Алиса. Впервые в жизни ей пришлось сдаться.

Глава пятая
ГИГАНТЫ И ЛИЛИПУТЫ

Когда бандиты с корабля-пирамиды загнали свой спасательный катер в ангар, Алису и хныкающую Заури провели под охраной на капитанский мостик корабля, который располагался в верхней части пирамиды.

Адмирал и его верная Боевая Подруга ждали их там.

– Спасибо, – сказал адмирал, увидев девочек. – Большое человеческое спасибо. В неравной и героической борьбе с гигантскими монстрами мы вынуждены были отступить, как отступает человек перед лицом тайфуна, чтобы, пользуясь разумом и хитростью, вернуться победителем. Но раньше, чем я успел продумать все детали реванша, судьба подарила мне вас, козочки! Вы сами прыгнули в суп. Дайте я вас расцелую!

И с этими словами адмирал, перекосив в зловещей усмешке физиономию, изуродованную шрамом, направился к Алисе. Алиса отбежала в угол, а стоявшие на мостике офицеры хохотали, умирали от смеха, а громче всех визжала Боевая Подруга.

Заури на всякий случай начала рыдать, но на нее никто не обращал внимания.

– Только посмейте дотронуться до меня! – сказала Алиса. – Вас один раз уже выкинули с планеты, как нашкодившего котенка. Так я вам гарантирую, что вас выкинут отовсюду!

– Она еще смеет мне угрожать! – закричал адмирал, но остановился. – Как она смеет угрожать мне, непобедимому и великому?

– Она не смеет! – закричали офицеры.

– Вот видишь – ты не смеешь, а все равно угрожаешь. Это никуда не годится.

– Я предупредила, – сказала Алиса. – И могу сказать вам со всей ответственностью: я такого же роста, как и та женщина, которая вышвырнула вас с Земли. Сейчас я уменьшилась временно, чтобы помочь моей подруге.

– Это правда, – дрожащим голосом подтвердила Заури.

– А ты молчи, ничтожная рабыня! – закричала на нее Боевая Подруга.

Но крик получился не очень уверенным.

– А я сейчас, – сказал адмирал грозно, – свяжусь со старшим братом и получу инструкции. И тогда сотру тебя в порошок.

– Давно пора было получить инструкции. А то вы без инструкций все время ошибаетесь, – сказала Алиса.

– Вызывай! – приказал адмирал.

Сидевший в пилотском кресле офицер ответил:

– Сиенда на связи.

Адмирал уселся во второе кресло. На экране появилось толстое лицо с заплывшими подслеповатыми глазками, низким лбом, над которым навис ежик черных волос.

– Это он! – ахнула Заури. – Это мой господин!

– Панченга Мулити на связи, – сказал толсторожий человек, лениво шевеля толстыми, как помидоры, губами. – Кто меня беспокоит?

– Это я, твой младший брат, Скулити, – ответил адмирал.

– Братишка! – Лицо Панченги собралось в мягкий кулак. – Ты куда исчез? Почему не докладываешь? Хочешь, чтобы я тебя разлюбил?

– Не хочу! – быстро ответил адмирал. – Но произошло столько непредвиденных событий...

– Докладывай. Только быстро, – сказал хозяин сиенды.

– Как ты знаешь, рейд проведен удачно...

– Удачно? Кто просил тебя перебить пассажиров лайнера?

– Мне не нужны свидетели.

– А ты знаешь, что на борту была моя рабыня Заури?

– Она жива, я взял ее к себе.

– Молодец. Не забудь ее вернуть.

– Она сбежала.

– Это обо мне, – прошептала Заури Алисе. – Помнит меня хозяин. Потому что я талантливая.

– Куда сбежала? – рассердился хозяин сиенды.

В ответ адмирал громко расхохотался.

– Недалеко сбежала. Тут она, поймали.

– Ладно, я тебя готов простить, но скажи, зачем сюда пожаловал? Тебе же строго-настрого приказано – сюда ни под каким видом! Ты меня не знаешь, я тебя не знаю!

– Мне нужно было срочно встретиться с тобой! Мы обнаружили расу гигантов. Людей, которые во много раз больше нас. Они населяют несколько планет, и мы вступили с ними в неравный бой.

– Не мели чепухи, – сказал хозяин сиенды, – таких гигантов не бывает. Их бы кости не выдержали.

– Вот видишь! – неожиданно вмешалась в разговор Заури. – Я тоже так думала. А оказывается – ничего. Когда я была гигантской, мои кости меня отлично держали.

– Ты была гигантской? Это что, цирковой фокус?

– Это самая обыкновенная наука. Алиса может подтвердить.

– Так, – медленно произнес Панченга Мулити. – А ну-ка, спускайтесь возле моей сиенды! Я тебя жду, адмирал, со всеми пленниками и объяснениями.

– Слушаюсь, брат! – воскликнул тот. – Немедленный спуск на площадку перед дворцом хозяина сиенды «Розовые Водопады»!

– Слушаюсь, адмирал, – ответил пилот.

Корабль бандитов, увеличив скорость, пошел по касательной вниз. Он прорезал облака – внизу побежали зеленые поля.

– Ты трепещешь? – спросила Боевая Подруга у Алисы.

– Нет, я удивляюсь, – сказала Алиса. – И жду громких испуганных криков вашего адмирала.

– Это еще почему? – Боевая Подруга смотрела на Алису с опаской.

– Вы сейчас узнаете. Боюсь, что вас ждет большой сюрприз.

– Ну скажи какой, скажи, пожалуйста!

– Это не та планета, на которую вы летели, и не тот господин Панченга, который вам нужен, – сказала Заури.

– Глупая шутка! – отрезал адмирал. – Держитесь! Мягкая посадка!

Корабль тряхнуло. Все упали.

– Поздравляю с мягкой посадкой, – сказал адмирал. – Вызвать караул! За мной следуют Боевая Подруга и пленники.

Люк был открыт. Около него стояли стражники.

– А может быть, нам все показалось? – спросила Заури.

Выглянув из люка и увидев густые высокие заросли травы, Алиса уверенно ответила:

– Ничего нам не показалось!

Адмирал стоял рядом с ними. Вокруг – офицеры.

– Где дворец господина Панченги, черная дыра его побери! – закричал адмирал. – Я расстреляю навигатора! Где он сажает корабль?

– До дворца метров двадцать, адмирал, – сказала Алиса, – но трава мешает его разглядеть!

Земля дрогнула.

– Вот и ваш брат – Панченга Мулити, – сказала Алиса.

На фоне голубого неба появилась гигантская фигура человека, в котором издали можно было узнать того толстяка, который только что был на экране. Но с каждым шагом голова его уходила все выше в небо.

– Все внутрь! – закричал адмирал. – Срочный подъем! Нас предали!

– Поздно, – сказала Алиса. – Он вас уже увидел и очень удивляется.

Толстый человек начал опускаться на четвереньки, как в замедленной съемке – живот мешал ему двигаться быстрее. Он тяжело дышал, и воз-

дух вырывался из его рта с таким свистом и шумом, словно разыгралась буря. Ему трудно было устоять на ногах.

Адмирал кинулся со всех ног в пирамиду, но в люке произошла такая толкотня, что спрятаться в корабль не было никакой возможности.

Господин Панченга Мулити отличался крайней сообразительностью и присутствием духа. Усевшись на землю перед пирамидой, он надел очки и принялся внимательно вглядываться в сцену из жизни перепуганных лилипутов, которая разыгрывалась перед его глазами.

Его неимоверных размеров рука с толстыми пальцами медленно опустилась в груду солдатиков и разбросала людишек, затем палец раздвинул кучку шевелящихся, по-комариному визжащих бандитов, вытащил из нее адмирала и поднес к глазам. Алиса подумала, что она видела в детстве эту картинку: Гулливер разговаривает с лилипутами.

– Ты ли это? – зарычал в небе голосище Панченги Мулити. – Ты ли это, мой бравый и отважный адмирал?

В ответ маленький человечек что-то верещал, но разобрать слов было нельзя.

– Кто же тебя заколдовал, мой Скулити? Скажи мне его имя! Я ему лично оторву голову.

Панченга приблизил ухо к голове адмирала, который метался, размахивая руками, по его ладони, но ничего не услышал.

– Что же делать? – произнес он задумчиво. – Как же мне понять твой писк? А ну-ка, давай я буду тебе задавать вопросы, а ты вместо согласия поднимай ручки вверх. А если хочешь сказать «нет», то разведи их в стороны. Понял?

Человечек на ладони поднял ручки кверху.

– Вот и умница.

Голос громадного рабовладельца гремел как будто с облаков и был таким низким, что порой казался шумом горного обвала, в котором было трудно разобрать слова.

Те из солдатиков, что не успели забраться в корабль, остановились, сообразив, что эта громада – брат их адмирала, а Боевая Подруга подошла к Алисе и спросила:

– Как же это его угораздило?

– Кого? – спросила Алиса.

Земля дрогнула.
– Вот и ваш брат – Панченга Мулити, – сказала Алиса.

– Панченгу, ясно кого. Был человек как человек, толстоват только. А пока нас не было – вон какой вымахал! Наверное, кушал много. Или ты его заколдовала?

– А вы тоже хотите такой большой стать? – спросила Алиса у рыжей толстухи.

– Точно! – ответила Боевая Подруга. – То-то я тогда повеселюсь, пограблю, помучаю! Ради славы и чести великого рыцарства!

– Нет, – сказала Алиса. – Лучше вы оставайтесь как есть. Так от вас меньше вреда.

Тем временем рабовладелец расспрашивал адмирала:

– Ты заболел, что ли, или усох? Тебя заколдовали, да?

Адмирал энергично развел ручки и начал ими крутить.

– Сам заболел! – завопила Боевая Подруга. – Заболел и распух!

Но рабовладелец ее не услышал.

– Ты не тот Панченга! – закричал адмирал. Видно, только сейчас догадался. И кинулся бежать с ладони, забыв, что ладонь висит над землей на высоте пятого этажа.

В последний момент рабовладелец схватил адмирала за ногу. И снова поставил на место.

– Рассказывай все по порядку, – приказал он.

Адмирал что-то пропищал в ответ.

И в этот момент раздался другой голос – звонкий и ясный. Рядом с рабовладельцем возник другой человек. И хоть трудно от подошв ботинок гиганта разглядеть человека ростом с тридцатиэтажный небоскреб, Алиса поняла, что он худ, черноволос, чернобров, большой крючковатый нос придавал ему сходство с птицей. Одет он был в зеленый комбинезон, и на груди были нашиты какие-то знаки, но какие, разобрать с такого расстояния было невозможно.

– Я сам расскажу тебе правду! – загремел голос чернобрового человека. – Они полетели грабить и убивать. Они хотели завоевать Землю, но им это не удалось. И больше им никогда ничего не удастся. Они обречены отныне воевать с муравьями и побеждать комаров. Так же, как и ты, страшный толстый паук!

– Как ты смеешь так говорить! – зарычал толстяк, и губы его надулись, как красные пиявки. – Я тебя убью.

Толстяк Панченга скинул с ладони адмирала, тот полетел вниз и с криком рухнул на землю. Алиса увидела, как толстые пальцы толстяка лезут

– Ты ли это? – зарычал в небе голосище Панченги Мулити. – Ты ли это, мой бравый и отважный адмирал?

в задний карман штанов, который был оттопырен, потому что в нем лежал пистолет.

– Осторожнее! – закричала Алиса. – Он вооружен.

Но чернобровый человек заметил это раньше Алисы. Он протянул вперед руку и сказал:

– Замри!

И рабовладелец окаменел в нелепой, кривой позе – сам согнут пополам, одна рука закинута назад к карману, а вторая вытянута вперед, словно он просит милостыни.

– Вы мне все надоели, – сказал чернобровый мужчина. – Совершенно распустились.

– Я не виноват... – рычал Панченга Мулити, – я нечаянно, отпусти меня, у меня спина затекла!

– Нет, потерпишь! Сначала мне нужно найти двух девочек – Алису Селезневу и Заури. Где они?

– Я не знаю, – завыл рабовладелец, – я не видел!

– Тогда навсегда останешься согнутым!

– Одну я видел... мою воспитанницу, мою любимую девочку Заури. Она была где-то там... А кто такая Алиса Селезнева, я не представляю.

– Эй! – воскликнул чернобровый мужчина. – Где вы, мои отважные птенчики?

И в этот момент он увидел Алису и Заури, которые подпрыгивали и махали руками, чтобы чернобровый человек их увидел.

С неба на землю рядом с Алисой опустилась ладонь размером с волейбольную площадку. Ладонь легла на землю, и голос приказал:

– Переходите, девочки, на руку, мне нужно отделить вас от этой компании.

Алиса тут же взобралась на ладонь, которая оказалась мягкой, но покрытой канавками, как будто гофрированная. Потом она протянула руку, чтобы помочь Заури.

– Не пойду, – вдруг захныкала красавица, – я упаду.

Но все же на ладонь залезла, и девочки уселись в углублении между светлых, изборожденных узкими траншеями холмов. Тут же рука поднялась в воздух. Подул свежий ветер.

– Как будто мы едем в ковше экскаватора, – сказала Алиса.

– А ты ездила когда-нибудь в ковше экскаватора? – спросила рабыня.

– Нет, но это легко представить.

Впереди по курсу медленного полета в воздухе появилось гигантское человеческое лицо. Ладонь остановилась, не доезжая до лица.

– Я рад вас видеть, девочки, – сказал громадный рот. А громадный глаз подмигнул им. – Путешествие заканчивается. Держитесь!

Чернобровый закрыл глаза и медленно произнес:

– Галлия омни дивизи ин партрес трес. Екзеги монумент эрре перенниус. Регаликве ситу – будь все, как быть должно!

И в это же мгновение земля понеслась куда-то вниз, облака приблизились, голова закружилась так, что впору потерять сознание.

А когда, переведя дух, Алиса все же открыла глаза, она поняла, что сидит на низенькой жидкой травке у ног высокого стройного чернобрового мужчины в комбинезоне, который протягивает ей руку, чтобы помочь подняться. Вторую руку мужчина протянул Заури, которая вдруг начала рыдать, повторяя:

– Господин Пуччини, господин Пуччини, я не виновата, что опоздала к началу занятий в училище! Я больше не буду. У меня нет родителей, я беспомощная рабыня. Не наказывайте меня!

– Кто тебя наказывает! – возмутился господин Пуччини-2. – Из-за тебя я вторую неделю не сплю, не ем, я потерял пять кило, у меня ни одного здорового нерва не осталось, и все из-за тебя – негодная девчонка!

– Все погибло! – зарыдала еще громче Заури. – Он меня никогда не купит в рабство. А я так хотела стать его рабыней!

– Еще чего не хватало! – возмутился господин Пуччини-2. – Мне не нужны рабыни! Мне нужны цирковые таланты! Я считал тебя моей студенткой и потому морально отвечаю за твою судьбу.

– А зачем вы сделали меня такой большой! Мне уже надоело! – продолжала рыдать рабыня. – Я хочу снова быть обыкновенной, как все.

– Как кто? – спросил Пуччини-2. – Как эти самые пираты? Или как этот рабовладелец, по которому виселица плачет?

И он показал на рабовладельца Панченгу Мулити, который все еще стоял, окаменев и согнувшись вдвое.

– Пощадите! – взмолился рабовладелец. – Пощадите меня! Я не виноват! Я ничего не знаю! У меня никогда не было рабов! Я не знаю никаких бандитов. Я живу тихо, воспитываю детишек на моей сиенде, творю добро...

– Ты хочешь знать правду? – Пуччини был страшно разгневан. – У вас с этими бандитами была отличная компания! Вас трое. Все три

Панченги. Ты оседлал эту планету, второй брат командует бандитским кораблем. Где таится ваш папаша – пока неизвестно. Но скоро найдут и его...

«В общем, этого и следовало ожидать, – подумала Алиса. – Если ты рабовладелец, то, значит, заодно и грабитель, а если ты грабитель, то, значит, ты в свободное от грабежей время занимаешься подделкой денег или пишешь анонимные доносы на соседей. Хороших преступников после Робина Гуда не было».

Боевая Подруга, которая слышала этот монолог, стоя посреди площадки возле корабля, подняла свой бластер и начала стрелять в Пуччини. Тот не сразу понял, что его обстреливают, почесал ногу, в которую попадали пули, а потом сообразил и возмутился:

– Ты мне все брюки прожжешь, разбойница!

Он указал на нее пальцем и сказал:

– Замри!

И Алиса увидела, как фигурка Боевой Подруги замерла с поднятой рукой. Стрельба прекратилась.

– Твой братец адмирал рыскал по космосу в поисках добычи, – продолжал Пуччини. – Он нападал на мирные космические корабли, грабил их, убивал экипажи и пассажиров. Не убивали они только маленьких детей. Их свозили сюда, на полудикую и почти ненаселенную планету. Официально здесь располагался приют для сирот. Ни одному нормальному человеку и в голову не могло прийти, что под видом детского приюта скрывается лагерь рабов, где маленькие дети и подростки под палящими лучами солнца с утра до вечера обрабатывают поля марихуаны и опиумного мака, а также растительных ядов.

Здесь же, в подземельях твоего дворца, Панченга Мулити, хранятся миллионы золотых монет и тысячи бриллиантов – это все награбленное вашей семейкой добро! И все под видом детского приюта! Какой стыд!

– Мне стыдно, я больше не буду! – завопил полусогнутый рабовладелец. – Это меня папа заставил. Он сказал, что меня убьет, если я не буду хранить его драгоценности. А детишек я брал из жалости...

– Я хотел бы тебе поверить, толстый мошенник, – сказал Пуччини-2, – но факты – упрямая вещь. И они говорят против тебя. Я уже знаю, что многие дети росли и погибали на твоих плантациях, а тех, у кого был какой-нибудь редкий талант, ты выгодно продавал.

– Я никого не продавал. Разве я вам продал рабыню Заури?

– Ты сказал, что я могу взять ее в свое училище, если выплачу в фонд твоего приюта на нужды детишек десять тысяч золотых кредитов. Это было? Или эта расписка написана не тобой?

Пуччини вытащил из кармана белую бумажку и помахал ею перед носом Панченги Мулити. Тот попытался отвернуться, чтобы не смотреть на нее, и от резкого движения окончательно потерял равновесие и неуклюже упал. Упал и остался так лежать. Лишь открывал рот, как рыба, попавшая на сушу.

– Ему, наверное, плохо, – сказала Алиса.

– Не надо было обжираться пирожными и жирной свининой, – сказал Пуччини.

– Я хочу вернуться в человеческий вид, – сказала Заури. – Я устала быть великаншей.

– Почему ты решила, что ты не в человеческом виде? – спросил чернобровый Пуччини-2.

– Сначала я была маленькой, – сказала Заури.

– А ты что думаешь? – спросил Пуччини у Алисы.

– Я подозреваю... – сказала Алиса. И она рассказала директору циркового училища (а она давно уже догадалась, что он и есть тот самый Пуччини-2, на которого так сердилась на Земле симферопольская бабушка) о своей гипотезе, будто вся Галактика двойная – одна половина в пятьдесят раз меньше другой. И на каждую Алису есть махонькая Алиса, и на каждого громадного рабовладельца где-то живет лилипут-рабовладелец. Но до сих пор эти две Галактики не подозревали друг о друге и шли совершенно отдельными путями. Но когда адмирал напал на Землю, то тайна открылась.

Пуччини слушал рассказ Алисы внимательно, будто забыл о том, что происходит вокруг, потом неожиданно улыбнулся:

– До сих пор я думал, что мне все ясно. А теперь мне все неясно. Скажи, Алиса, а ты на самом деле какого размера, большого или маленького?

– Я? Такая, как сейчас.

– А почему ты была маленькой?

– Потому что специально уменьшилась.

– Сама уменьшилась?

– Мы вместе с Заури уменьшались, – сказала Алиса. – Можете у нее спросить.

– Удивительно. А ты, Заури, какого на самом деле размера?

– Я в самом деле настоящая, как вот эти. – И рабыня показала на землю, где, задрав головы, стояли и слушали их разговор солдаты и офицеры бандитского корабля.

– Ты откуда об этом знаешь? – спросил Пуччини.

– Потому что я на этом корабле летала.

– Значит, так... – сказал сам себе высокий худой Пуччини и начал большими шагами мерить полянку, не опасаясь случайно раздавить кого-нибудь из адмиральской команды. Он бормотал под нос, а девочки провожали его глазами. – Эта, значит, нормального... а эта, значит, уменьшенного... а эта, значит, нормального...

– А ты, значит, сошел с ума, – послышался мелодичный женский голос, и с неба, с облаков, пользуясь своей широченной юбкой, как парашютом, не спеша спустилась симферопольская бабушка Лукреция. – Я тебя спрашиваю, Пуччини-2, – сказала она громко, когда ноги ее коснулись земли, – ты сошел с ума или ты не сошел с ума?

– Лукреция! – ахнул Пуччини. – Какими судьбами?

– Навожу порядок, – заявила симферопольская бабушка. – Ты наверняка опять все перепутал. Без меня вам не разобраться.

– Я не перепутал, но меня кто-то пытается запутать. А это у них не выйдет! – И чернобровый Пуччини-2 сердито покосился на Алису.

– Бабушка! – воскликнула Алиса. – Что ты делаешь так далеко от дома? В твоем возрасте это вредно.

– А что ты знаешь о моем возрасте? – удивленно спросила бабушка. – Я прошла три курса полного омоложения тела и души. Я сама не представляю, сколько мне лет. А впрочем, это все пустяки.

Бабушка не спеша оглянулась и увидела пирамиду космического корабля бандитов.

– Ну вот, – сказала она. – Опять двадцать пять! Я же собственноручно выкинула вас с Земли. А вы сюда прилетели! Ну что мне, снова вас кидать? – Бабушка махнула рукой и спросила: – А где же здешний рабовладелец Панченга Мулити?

– Вон там лежит, отдыхает, – ответил Пуччини. – Он оказался не очень смелым. – Фокусник показал на поляну, где должен был лежать рабовладелец. Но его там не было. – Вот пройдоха! – воскликнул Пуччини. – Но далеко ему не убежать.

На этот раз фокусник ошибся. Как потом стало известно, Панченга Мулити дополз кустами до спрятанного в чаще корабля и улетел на нем к своему папе.

– Простите, – сказала Алиса, – мы с вами не решили самую главную задачу: кто из нас какого размера?

– Разве в этом есть какая-нибудь тайна? – удивилась бабушка Лукреция. – В этом нет никакой тайны.

– Я хочу знать, наконец, какого я размера! Я же не знаю, какие мне платья покупать! – закричала рабыня Заури.

– А разве тебе твой размер не нравится?

– Мне все нравится, но я не знаю, какого размера мои папа и мама, а они не знают, какого я размера!

– Знаешь, Лукреция, – сказал Пуччини симферопольской бабушке, – Алиса высказала странную гипотезу, будто существуют две Галактики, маленькая и большая, есть две Лукреции, два Симферополя и даже два меня – один в пятьдесят раз меньше другого. Как тебе это нравится?

– Совершенно не нравится, – сказала симферопольская бабушка. – Но меня утешает то, что все люди одного размера. Маленьких людей и маленьких планет не бывает.

– Как так не бывает! – удивилась Алиса. – А это что?

Она показала на пирамиду космического корабля. Солдаты Панченгов уже скрылись в нем, и люк медленно закрывался.

– Кстати, что это такое? – строго спросила симферопольская бабушка у директора циркового училища.

Неожиданно тот потупился и отвернулся.

– Нет, ты не отворачивайся, не отворачивайся! – рассердилась бабушка. – Ты мне отвечай! Кто это натворил? Почему этот корабль такой маленький? Почему люди в нем такие ничтожные?

– Ну, погорячился, – ответил наконец Пуччини. – Со всяким бывает. Но пойми меня правильно! Как ты знаешь, Лукреция, я много летаю по Галактике и разыскиваю таланты. Настоящих талантов мало, и долг учителя – отыскать неограненный алмаз в куче пустой породы. Вот и носишься по гостиницам и пересадочным станциям. Но порой жизнь вознаграждает тебя за неимоверные усилия. Так случилось недавно со мной. На этой вот планете мне показали девочку-сироту, талант которой был бесспорен. Это будущая звезда... не говоря уж о ее удивительных внешних данных!

Широким жестом сеятеля директор Пуччини показал на Заури. Та потупилась и покраснела.

– Я имел сложные переговоры с директором приюта, в котором жила эта девочка. Конечно же, в то время я еще не знал, что она – рабыня. Мне лишь сказали, что она – сирота. Поймите, я и не подозревал, что все сироты – жертвы Панченги Мулити. Что родители этих детей убиты бандитами его брата. И, не зная, откуда они родом, под выдуманными именами они проводят жизнь на плантациях сиенды, а весь мир думает о Панченге как о благородном педагоге. Знаете ли вы, что в прошлом году он летал на всемирную конференцию по воспитанию трудных детей?

Алиса не отрываясь смотрела на Пуччини и потому пропустила момент, который чуть не оказался для всех роковым: воспользовавшись тем, что никто за ними не наблюдал, бандиты адмирала закрыли люки в своем космическом корабле и подняли его в воздух. Набрав высоту, адмирал направил корабль прямо в голову Пуччини, и тот наверняка бы погиб, если бы симферопольская бабушка не успела подставить ладонь на пути бандитского крейсера. Крейсер ударился о ее руку, как о стену, потерял высоту, но у самой земли выровнялся и полетел прочь, покачиваясь, как хромой шакал.

– Большое спасибо, Лукреция, – произнес господин Пуччини, склоняясь к руке симферопольской бабушки и галантно целуя ее. – Ты спасла мне жизнь.

– Во второй раз, – спокойно ответила бабушка, глядя вслед кораблю. – В первый раз, когда ты сорвался из-под купола. Ты был воздушным гимнастом, а я партерной акробаткой...

– И тогда все в цирке поняли, что ты не просто акробатка, а ученица великих цирковых магов, обладающая редким талантом повелевать вещами.

– А потом выяснилось, что и ты обладаешь этим талантом. Потому я жду окончания твоего рассказа.

– Мой рассказ заканчивается, – сказал господин Пуччини. – Договорившись с Панченгой, я заплатил ему кучу денег на содержание приюта. Затем я отбыл к себе домой на Землю, где меня ждали ученики. Но неожиданно мной овладело беспокойство. Я места себе не находил. Снова и снова я вспоминал неприятную физиономию этого толстяка, его бегающие глазки и чувствовал: во всей этой истории что-то неладно.

Девочке, на которую я возлагал столько надежд, что-то угрожает. А я привык доверять интуиции. Наконец я не выдержал, бросился в кос-

мопорт, нанял там небольшой корабль и полетел навстречу моей будущей воспитаннице.

– Спасибо, учитель, – проворковала Заури, глядя на Пуччини сверкающими преданными глазами.

Пуччини погладил рабыню по склоненной к нему головке.

– Когда я прилетел на Альдебаран, я узнал, что корабль, на котором летит Заури, опаздывает. Но должен быть с минуты на минуту. Минуты текли, превращались в часы, а корабля все не было. Так прошла ночь. Наутро я вылетел на поиски пропавшего лайнера. Его искали многие корабли, и уже через три часа удалось найти спасательную капсулу с лайнера, в которой было два пассажира. Они рассказали, что на лайнер напал бандитский корабль, которым командовал некий адмирал Панченга. Корабль был ограблен, затем бандиты начали убивать пассажиров и членов экипажа. Они вели себя ужасно: убивали безоружных, получали наслаждение от мучений своих беззащитных жертв. Двоим из пассажиров чудом удалось убежать и спастись в капсуле.

– Так и было! – воскликнула, обливаясь слезами, Заури. – Я все это видела! Меня они с самого начала отделили от остальных. Наверное, потому, что я сказала на первом же допросе, что я – рабыня Заури и принадлежу великому господину Панченге Мулити. Меня перевезли на их крейсер и отправили мыть посуду. Разграбив пассажирский корабль, они взорвали его. Чтобы замести следы.

– Этого им сделать не удалось, – сказал директор Пуччини-2. – Все преступления в конце концов раскрываются. Патрульные корабли бросились на поиски крейсера адмирала Панченги. Но как найдешь бандита в просторах Галактики...

– Значит, они остались безнаказанными? – спросила Заури.

– Ты же только что была у них в плену, – ответила Алиса. – К сожалению, пока они на свободе.

– Но все же я их нашел! Я догнал их в открытом космосе.

– И ничего не сделали? – удивилась Алиса.

– А что я мог сделать? Я был один. Мой корабль был не вооружен. Да и не могу я стрелять! Я артист, а не полицейский.

– Даже если это преступники? – спросила Алиса. – Даже если это убийцы?

– Даже так, – признался Пуччини-2. – Но при виде их у меня родился замечательный план, – сказал директор циркового училища. – План,

достойный настоящего мага и волшебника... Нет, я не могу сказать, что я сделал!..

Пуччини-2 отошел в сторону и стал смотреть в небо.

– Марио, – строго сказала бабушка Лукреция, – посмотри мне в глаза.

– Я смотрю, – сказал Пуччини-2, но не обернулся.

– Какой у тебя был план? Что ты сделал с кораблем бандитов? Ты же не мог их убить? Но ты хотел поймать их живыми. Я права?

– Ты, как всегда, права, Лукреция.

– Значит, ты намерен был совершить какой-то фокус. Какой?

– Не важно.

– Нет, важно. Ты его совершил?

– Да, – понурил голову директор циркового училища.

– Но потом упустил их?

– Не представляю, как это случилось!

– Так что ты сделал? Отвечай быстро.

– Я их успел уменьшить, – прошептал маг и чародей. – В пятьдесят раз. Только так я мог их привезти на суд.

– Это нарушение цирковых законов! Фокусник, маг и чародей не имеет права наносить людям вред, даже если они плохие люди. А ты их уменьшил!

– Ну какой же вред! – воскликнул Пуччини-2. – Они этого даже не заметили.

Алиса сделала шаг вперед.

– Скажите, пожалуйста, – спросила она, – если корабль и всех его пассажиров уважаемый фокусник и маг Пуччини уменьшил в пятьдесят раз, значит, Галактика всего одна? И нет у нее близнеца в пятьдесят раз мельче?

– Правильно, девочка, – сказал Пуччини-2. – Конечно же, Галактика одна! И все люди в ней примерно одного размера.

– Как же так? – Заури была не согласна с фокусником. – Это неправда. Я ведь была на том корабле. Мы совсем не уменьшились.

– А как вы могли это заметить? – вежливо спросил Пуччини-2. – Ведь в открытом космосе вам не с чем было сравнивать ваши размеры.

– Неправда, – вспомнила Алиса, – когда мы становились в пятьдесят раз меньше, все с нас падало – ведь вещи не уменьшались!

– В вашей научной физической кабине вещи не уменьшаются, – ответила за своего друга симферопольская бабушка. – Но ведь мой друг все делает совершенно ненаучно.

– А я думала, что уменьшаться можно только научным путем, – сказала Алиса.

– Ты еще не все знаешь, – ответил Пуччини-2. – Приходи ко мне в цирк. Я покажу тебе такие ненаучные фокусы, что ты ахнешь!

– Мой друг Марио, – сказала симферопольская бабушка, – обладатель золотой волшебной палочки, которую дают раз в пять лет на своем съезде фокусники Галактики самому достойному из магов.

– Я буду у вас учиться, – сказала Заури. – Я стану самой лучшей вашей ученицей. Только вы мне скажите честно: большая я или маленькая?

– Ты такая, как сейчас, – ответила Алиса.

Глава шестая
ТАЙНА ОСТАЕТСЯ ТАЙНОЙ

Перед тем как покинуть планету, они пошли на сиенду господина Панченги и объявили всем рабам и маленьким рабыням, что отныне они свободны и завтра к ним прилетят настоящие воспитатели, повара и учителя.

Пуччини-2 приказал надсмотрщикам выполнять до завтра свои обязанности, но никого не бить и не обижать. Потом он пошел в кабинет рабовладельца Панченги Мулити.

Бабушка Лукреция, Алиса и Заури уже были там.

– А жалко, что моя теория о двух галактиках неправильная, – сказала Алиса. – Как приятно знать, что у тебя есть двойник. Я бы отыскала маленькую Алису и заботилась бы о ней.

– Твое счастье, что ты большая, а она – маленькая, – улыбнулся Пуччини-2. – А представляешь, если бы все было наоборот?

– А что?

– Тогда бы она о тебе заботилась. И даже носила бы в кармане.

Алиса засмеялась и больше о своей гипотезе никому не рассказывала.

Бабушка и Заури просматривали картотеку рабов сиенды Панченги, надеясь отыскать в ней настоящее имя и адрес Заури.

Лукреция Ивановна подошла к большому, до потолка, сейфу и попыталась его открыть.

– Ключей нет, – сказала она. – Он их взял с собой.

– А ты открой его волшебным способом, – решил Пуччини-2.

– Твоя правда! – сказала бабушка. Она отошла на три шага, протянула вперед руки и начала бормотать.

От ее бормотания сейф начал вздрагивать и трястись – тяжелая стальная дверь чуть выгибалась, будто ее тянули не слова маленькой хрупкой женщины, а трактор.

Бабушке было очень трудно. Даже пот выступил на лбу.

Наконец руки ее опустились, и она призналась:

– Стара стала. Не могу.

– Для женщины совсем неплохо, – сказал Пуччини. – Ты давно не тренировалась. А если бы тренировалась, обязательно бы открыла. А теперь – смотрите!

Словно нехотя, лениво и медленно Пуччини-2 поднял руку и указал пальцем на замок сейфа.

– Откройся, – сказал он.

Сейф сопротивлялся полминуты, не больше. Он даже подпрыгивал на месте. И вдруг с резким шумом дверь распахнулась настежь, и из сейфа посыпались пачки денег со всех планет Галактики, драгоценности и монеты.

Алиса сказала:

– Мой мешочек с бриллиантами пропал бы здесь.

– Какой мешочек? – спросил Пуччини-2.

Алиса рассказала, что она намеревалась выкупить Заури из неволи и собрала свои бриллианты.

– Ничего, – сказал Пуччини-2, заглядывая в сейф и разбирая коробки с бумагами. – Часто чем богаче человек, тем жаднее. Панченга взял бы у тебя твои бриллианты. Но вот отдал бы он тебе Заури – большой вопрос.

Пуччини-2 вытащил из сейфа длинную пластиковую коробку с несколькими отделениями, отнес ее на стол. Тонкими сухими пальцами он перебирал карточки – их было множество.

– А вот и нужная нам ячейка, – сказал он.

Пуччини нашел нужную карточку. К ней была приклеена фотография Заури и написано: «Передана в цирковое училище за десять тысяч кредитов».

Пуччини-2 перевернул карточку. На другой ее стороне была приклеена фотография маленькой девочки.

– Вот такой ты сюда попала, – сказал фокусник. – Похожа?

– Она совсем не изменилась, – улыбнулась Алиса.

Но Заури не интересовала собственная фотография. Она сунула носик в ящик в поисках других фотографий и документов.

– Где же все? – спросила она.

– Как видишь, больше здесь ничего нет.

– А кто моя мама?

– К сожалению... – произнес Пуччини виновато, – к сожалению, этого мы пока не знаем.

– Не смейте так говорить! – рассердилась рабыня. – Я же не сама родилась! Меня где-то нашли! Меня украли из какого-то королевского дворца. Почему вы скрываете от меня...

Она начала громко рыдать. А остальные стояли вокруг и молчали – разве отыщешь слова утешения для девочки, которая не знает, кто ее родители.

– Послушай, – произнесла наконец Алиса, – мы доберемся до братьев Панченгов – кто-то из них наверняка знает.

Но Заури продолжала плакать.

Часть третья
ПОГОНЯ ЗА ПРОШЛЫМ

Глава первая
КЕНТАВР ИЗ ЦИРКА

– Я вами недоволен, – сказал космический инспектор Кром.

Он не шутил. Он и на самом деле был сердит.

Инспектора можно было понять. К нему заявились две девочки. Светловолосую и голубоглазую он уже встречал. Ее звали Алисой Селезневой, она жила на Земле, училась в седьмом классе и увлекалась биологией. Вторую, кудрявую, смуглую, которую звали Заури, он никогда раньше не видел. С какой она планеты, инспектор не знал. Впрочем, не знала об этом и сама Заури. А возможно, никто во всей Галактике.

Тайна, которую принесли инспектору посетительницы, могла быть разрешена день назад. Но этого не случилось.

Девочки рассказали инспектору, что Заури, сколько помнит себя, была рабыней, лишь два дня назад освобожденной от жестокой власти рабовладельца Панченги Мулити и его родственников. Этим негодяям удалось столько лет обманывать всех вокруг, потому что свое рабское хозяйство они называли приютом для детей, потерянных в космосе. На самом-то деле дети терялись в космосе только потому, что на корабль, где они ле-

тели вместе с родителями или друзьями, нападали бандиты. Бандитами командовал младший брат рабовладельца. Взрослых они убивали или выкидывали за борт, а детей свозили на сиенду Панченги, где они трудились с утра до вечера, вспахивая землю, пропалывая картошку и ремонтируя компьютеры. Наиболее талантливых из них Панченги продавали. Окружающим эта продажа не казалась продажей. Допустим, если кто-то из подросших детей имел музыкальный талант, Панченга Мулити отвозил его в консерваторию и просил принять на обучение, а за это требовал денежек, чтобы кормить сироток, которых он содержит за свой счет на своей прекрасной сиенде. И, конечно же, все платили такому доброму благородному толстяку. «Моим сироткам нужны новые видеофоны», «Мои сиротки так скучают без новых компьютерных игр», «Мои сиротки хотели бы колбаски...» – говорил он всем. Неловко отказывать сироткам – вот все и платили.

А те музыканты, художники, портные, сапожники, математики, лингвисты и другие таланты, что вырвались из сиенды Панченги Мулити, всю жизнь молчали о прошлом. И если их спрашивали, каково жить на сиенде Панченги Мулити, они замолкали, отворачивались, и в глазах у них возникал страх. Не хотели они вспоминать о своем сиротском детстве на сиенде толстого Панченги Мулити. К тому же рабовладелец предупреждал каждого, кто покидал сиенду: «Откроешь пасть, мой братишка отыщет тебя и глаза выколет». И все знали, что это не шутка.

Теперь обман Панченги был разоблачен. Но никто из освобожденных детей не помнил, что случилось с их родителями, – почти все они попали на сиенду малышами, а у тех, кто был постарше, стерли память.

Корабль, на котором бандитствовали Панченги, еще вчера был в руках Алисиной бабушки Лукреции Ивановны. Но та, бывшая фокусница и член галактического братства магов и волшебников, вместо того чтобы передать разбойников ближайшему патрульному крейсеру, размахнулась и закинула корабль далеко в небо. И негодяи улетели.

Вот из-за этого и расстраивался инспектор Кром.

– У них на корабле наверняка сохранились какие-нибудь документы, хотя бы судовой журнал. И мы смогли бы узнать, где и когда побывали грабители. Мы смогли бы без труда вычислить, на какие пассажирские космические корабли они нападали. А теперь где их искать? – говорил инспектор.

Инспектор Кром, худой и такой высокий человек, что страшно было, не переломится ли он пополам, поднялся с кресла, подошел к окну своего кабинета в Галактическом центре и, сложив на груди руки, задумался.

Алиса привела сюда Заури сразу после того, как владелец сиенды сбежал на своем корабле. Они просидели у инспектора больше часа, но так и не придумали пока, что же делать дальше.

Ведь наверняка у Заури были родители, была планета, где она родилась. Может быть, ее отец и мать погибли от руки бандитов, но остались другие родственники – братья, сестры, тети, дяди или дедушка с бабушкой.

– Сложность еще и в том, – сказал инспектор, – что прошло много лет.

Заури смахнула слезу.

– Ну хоть что-нибудь ты должна помнить! – воскликнул тогда инспектор. – Даже маленькие дети что-то сохраняют в памяти.

– Я помню только сиенду, – сказала, всхлипнув, рабыня.

– Тогда я предлагаю для начала, – сказал инспектор, – просветить Заури мозг.

– Ой! – воскликнула, испугавшись, рабыня. – Это больно!

– Ничего подобного. Твой мозг просветят специальными лучами, и если в нем есть спящие воспоминания, мы их постараемся проявить.

– Соглашайся! – сказала Алиса. – Это же интересно.

– И не будет больно?

– Даже не будет щекотно, – улыбнулся инспектор. – Мы часто применяем такой метод, когда человек забыл что-то очень важное. Только три дня назад у нас был директор центральной ювелирной фабрики. Он забыл, куда положил ключи от входа.

– И вспомнил?

– Вспомнил, – сказал инспектор. – А заодно вспомнил, что должен был позавчера навестить друга, у которого день рождения.

– Навестил? – спросила Алиса.

– Нет, не навестил, – вздохнул инспектор. – Его друг пять лет назад умер.

Наконец Заури согласилась пройти испытание. Инспектор Кром вызвал доктора, который должен был все подготовить, а Алиса тем временем отправилась на космодром проводить бабушку Лукрецию и сказать ей, что немного задержится, пока не выяснится загадка Заури.

Бабушка Лукреция вместе с бывшим магом и дрессировщиком носорогов Пуччини-2 ждали ее у голубого фонтана посреди зала ожидания. Алиса увидела их издали, потому что фокусники, как всегда, страшно ссо-

рились. Они махали руками, а их воображение все время рождало чудовищ, которые вылетали из рукавов и взмывали кверху. К тому времени, когда Алиса подбежала к старым фокусникам, люстра над их головой была обсажена гарпиями, стервятниками, птеродактилями, летающими бегемотиками и неизвестными науке тварями.

Алиса уже знала, в чем причина постоянного спора между старыми друзьями. Весной Пуччини-2 выгнал из циркового училища кентавра Тиберия. Да, да, самого настоящего кентавра – до пояса человека с руками, а дальше – могучего коня. Этот кентавр появился на свет по недоразумению – его выдумала бабушка Лукреция для своих выступлений, а потом материализовала. Ведь она была фокусником высшего магического разряда! Никто не запрещает фокусникам выдумывать и показывать зрителям любых чудовищ или, скажем, единорогов. Но после окончания выступления чудовище должно раствориться, исчезнуть! Ведь оно ненастоящее! Оно только кажется настоящим. Однажды после представления бабушка, как и положено, сказала кентавру:

– Исчезни!

А кентавр не исчез.

– Послушай, – сказала бабушка Лукреция. – Это уже никуда не годится. Что обо мне подумают мои коллеги? Что я не могу дематериализовать какое-то привидение?

– Вот это ты зря, – сказал кентавр, который страшно обиделся, что он – привидение. Для доказательства обратного он тут же нагадил на пол. А если бы вы знали, как это делают кентавры, вы бы тут же перестали смеяться.

Бабушка бросилась за ним убирать, жутко расстроилась, а кентавр отправился пастись. В тот вечер они выступали в Аргентине, цирк стоял в парке, и кентавр отлично погулял на воле.

Всю ночь бабушка билась над заклинаниями, но никому о своем позоре не рассказала. А как известно, любую ошибку цирковых волшебников можно исправить лишь в первый день. В десять раз труднее это сделать на второй день и почти невозможно через неделю. Если бы бабушке Лукреции не было стыдно перед коллегами, если бы она в ту же ночь вызвала к себе на помощь Пуччини-2, все бы, может, и обошлось. А она старалась все сделать сама.

Утром бабушка проснулась от призывного ржания кентавра, который желал репетировать. Оказывается, он не только умел говорить, но и обо-

жал выступать и считал себя великим артистом. Из-за этого, как он потом признавался, он и не захотел растворяться в воздухе.

В конце концов, бабушке пришлось сделать вид, что этот кентавр всегда работал у нее в аттракционе, она назвала его Тиберием в память о коварном и спесивом римском императоре и даже привязалась к нему. Кентавр был, конечно, не гениальным, но вполне сносным артистом. Он умел ходить по натянутой проволоке под куполом цирка, отлично работал на задних ногах, считал до ста, танцевал вальс – не много для кентавра, но все же и такие артисты на земле не валяются.

Когда бабушка Лукреция вернулась домой в Симферополь и вышла на пенсию, Тиберий некоторое время пожил в сарае возле ее зеленого домика в Симеизе, даже интересовался сельским хозяйством и вытоптал всю редиску. Но вскоре это ему страшно надоело, тем более что у него случился несчастный роман с соседской коровой Зорькой, которая бросила его и предпочла цирковому артисту банального быка Василия. Так что кентавр мучился, переживал и в конце концов взмолился:

– Коллега Лукреция! Хочу овладеть профессией. Хочу работать! Я еще не стар!

– Зачем?

– Хочу выступать в настоящем цирке, хочу побывать на разных планетах, надеюсь, что найду мир, где живут подобные мне существа. Не может же быть, чтобы природа создала меня только один раз и не сделала для меня подругу.

Честно говоря, бабушка Лукреция, которая была добрым человеком, уже несколько раз пыталась создать для Тиберия подругу, но все опытные образцы существовали не больше пяти минут и растворялись в воздухе.

Бабушка Лукреция так и не посмела сознаться своим коллегам, что Тиберий – ее роковая ошибка. Иначе бы они страшно рассердились на нее за нарушение закона магов и, вернее всего, выгнали бы из лиги, а Тиберия наверняка сдали бы в зоопарк.

Поддавшись на уговоры несчастного Тиберия, бабушка попросила своего старого друга Пуччини-2 принять кентавра в цирковое училище, чтобы у него была специальность жонглера или хотя бы канатоходца. Она сказала Пуччини, что встретила Тиберия на одной отдаленной планете. Пуччини-2 никогда ничему не удивлялся. Он взял кентавра к себе и поселил в цирковой конюшне. Кентавру это не понравилось – все уче-

ники и артисты жили в гостинице или по своим домам, а он в конюшне с обыкновенными животными!

Так что нет ничего удивительного, что кентавр на всех обижался, учился плохо, а вскоре обнаружилось, что он вообще не умеет читать и писать, даже подписывается с трудом – ставит два креста. Лекции по эстетике он, конечно, прогуливал, завел роман с одной кобылкой в конюшне, за что был бит другими жеребцами, чуть не затоптал самого Пуччини-2, когда тот поставил ему двойку на экзамене по жонглированию. Кончилось все это тем, что кентавра отчислили из училища и отправили с позором в Симферополь.

Тиберий заявился к Лукреции и такого ей наплел о гонениях, которым его подвергал тиран и угнетатель Пуччини-2, что бабушка Лукреция кинулась в Москву добиться восстановления ее любимчика в училище, а заодно рассказать Пуччини-2, что она о нем думает.

И вот теперь на космодроме Галактического центра в ожидании корабля на Землю Пуччини-2 и его бывшая подруга, а ныне заклятая врагиня Лукреция Ивановна стояли у голубого фонтана и так громко ссорились, что инопланетяне, которых немало было в космопорте, далеко обходили их стороной. Воображаемые чудовища взлетали над их головами и усаживались на люстру, а то и вовсе летали под потолком, крича и стрекоча. Разумеется, многие пугались, и как раз тогда, когда в зале появилась Алиса, туда вбежал местный блюститель порядка в синем мундире, с шестью дубинами в шести коротких щупальцах.

– Убрать! – закричал он издали. – Дети есть пугаются! Есть обморок.

– Ах! – воскликнула Лукреция Ивановна. – Откуда здесь эта гадость?

– Это мы с тобой натворили, – сказал Пуччини-2. – Давай их ликвидируем.

Алиса стояла и смотрела, как фокусники произносили нужные заклинания и щелкали пальцами, чтобы чудовища исчезли. Последнее чудовище, стервятник ростом с корову, созданный бабушкой Лукрецией, никак не желал дематериализоваться, летал над головами и отвратительно вопил.

– Погоди, – сказал Пуччини-2, – вижу, что ты за годы на пенсии многое подзабыла.

Он щелкнул пальцами, сказал несколько волшебных слов, и птица, хлопнув, как лопнувший воздушный шарик, исчезла. Лишь одно перышко размером с Алису некоторое время еще летало над фонтаном.

Бабушка Лукреция была удручена очередным провалом. Ей совсем не хотелось, чтобы Пуччини-2 заподозрил, что Тиберий не настоящий, а воображаемый кентавр, и потому при виде Алисы она поспешила воскликнуть:

– Алиса, девочка! Почему так долго?

– Бабушка, – сказала Алиса самым нежным из голосов, которыми владела, – миленькая, мне придется на часок задержаться. Я полечу следующим рейсом!

– Этого еще не хватало! – возмутилась бабушка. – А что я скажу твоим родителям?

– Ты ничего не успеешь сказать, как я уже приду домой.

– А что тебя задерживает?

Алиса рассказала фокусникам, как инспектор Кром предложил рабыне Заури проверить, что сохранилось у нее в памяти.

– А она боится оставаться одна.

– Я тоже остаюсь, – сказала бабушка.

– Не надо, – сказала Алиса ласково.

– И в самом деле, – сказал Пуччини-2, – оставь детей в покое. Они без тебя разберутся.

Затем он обернулся к Алисе, подмигнул ей и добавил:

– Смотри, чтобы к ужину не опаздывать!

– На корабле ужин вкуснее, – ответила Алиса.

– Что ты говоришь! – закричала бабушка. – Я тебе сделаю такой ужин, который ни один корабельный кок не осилит.

Но тут Пуччини-2 увел из зала свою подругу, и Алиса осталась одна.

Глава вторая
ВОСПОМИНАНИЯ О НЕВОЛЕ

Алиса вернулась к инспектору Крому в тот момент, когда обследование Заури закончилось, и Кром вместе с рабыней ждали Алису, чтобы просмотреть пленку.

Кроме них, в небольшом смотровом зале был доктор, который и просвечивал мозг рабыни.

– Ну как, не больно было? – спросила Алиса у Заури.

– Не больно, но все равно щекотало, – укоризненно сказала Заури. – Я очень боюсь.

Пуччини-2 и его бывшая подруга, а ныне заклятая врагиня Лукреция Ивановна стояли у голубого фонтана и громко ссорились.

– Ну чего же ты теперь-то боишься? Все позади! – сказал инспектор.

– Вы ничего не знаете. Вы не знаете, какое у меня было прошлое! Вдруг я его забыла, потому что была преступницей, воровкой или даже убийцей?

– Рано тебе, – усомнилась Алиса.

– Бывают жуткие дети, они уже в пять лет совершают преступления, – возразила рабыня. – Я слышала о таких. И вообще, вдруг я окажусь дочкой дьявола?

– Может, тогда не будем смотреть пленку и разойдемся? – спросил инспектор, которому надоели все эти разговоры.

– Начинаем! – сказала Алиса и ободряюще пожала руку рабыне. Она понимала, что та волнуется и никто из взрослых мужчин не может понять ее.

– К сожалению, – сказал доктор, который расшифровывал воспоминания рабыни, – результаты нашего обследования негативны. Почти ничего не удалось узнать.

Свет в зале померк. Экран загорелся зеленоватым светом. По нему пробегали полосы, светлые зигзаги. Порой он становился светлее, порой – почти черным.

– Это что такое? – спросил инспектор Кром.

– Мы вычислили биологический возраст девочки, – прозвучал голос доктора. Самого его не было видно. – Оказалось, что ей по земным меркам четырнадцать с половиной лет. Развитие девочки было замедленным, – продолжал доктор, – из-за плохих условий жизни.

– Ничего страшного, – сказал инспектор Кром. – Догонишь остальных.

– Мне и так нравится, – сказала обиженно Заури. – Мужчины больше любят маленьких женщин, они им кажутся беззащитными.

– Заури! – воскликнул инспектор Кром. – Тебе еще рано об этом думать.

– О будущем никогда не рано думать, – возразила рабыня. – А то замуж не выйдешь. Мне старшие рабыни все, что нужно, рассказывали.

Инспектор вздохнул, и они снова стали смотреть на экран, на котором ничего интересного не появлялось.

– Разумеется, – сказал доктор, – мы сняли мгновенный снимок с памяти девочки, а затем компьютер проследил его минута за минутой – все четырнадцать с половиной лет. Затем он снова спрессовал изображение так, что мы видим год за минуту.

– Мы уже проглядели минут пять, – сказала Алиса.

– И так будет продолжаться двенадцать лет, поверьте мне, – сказал доктор.

– Тогда, может, и не стоит тратить время? – спросил инспектор.

– Не стоит, – согласился доктор. – Но я хочу показать тот момент, когда девочка вернула себе память. Это случилось два года назад. Смотрите! – сказал доктор, и Алиса от неожиданности ахнула.

Экран ярко вспыхнул – он показывал яркий солнечный день, голубое небо и зеленую листву.

– Обратите внимание, – произнес доктор, – первым воспоминанием ребенка стала именно плантация.

Изображение на экране изменилось. Теперь они увидели засеянное поле, где поднимались зеленые ростки. Вдоль зеленых рядов шли дети в серых халатах и, наклоняясь, пропалывали грядки.

– Это наша сиенда! – воскликнула рабыня. – Это морковное поле! Сейчас вы увидите нашу надсмотрщицу. У нее такая плетка!..

В поле зрения появилась лениво идущая женщина с плетью в руке. Вот она поравнялась с одной из работающих девочек, еле-еле приподняла плеть, конец которой взвился в воздух и тут же опустился на обнаженное детское плечо.

Девочка ахнула и попыталась спрятаться от следующего удара.

– Ее зовут Толстая Берта. В прошлом году она обожралась слив и подохла! – сказала рабыня Заури.

– Заури, хорошие девочки так не выражаются, – сказал инспектор.

– Какая же я хорошая? – удивилась рабыня. – Если бы я была хорошая, были бы у меня папа и мама, как у всех хороших. Видно, я нехорошая, если меня бросили или потеряли, как говорил господин Панченга.

– Ты же отлично знаешь, – сказал инспектор, – что, вернее всего, тебя украли, и твои родители в этом совсем не виноваты.

– Если их при том не убили, – сказала рабыня, всхлипывая.

И никто не нашелся, что ответить. Все понимали, что у девочки было тяжелое детство и ей нужно сочувствовать, а не ругать.

– Мы дали компьютеру такое задание, – сказал доктор. – Проглядеть два последних года, сохранившиеся в памяти девочки, и отобрать все кадры, которые могут представлять интерес.

– И много оказалось таких кадров? – спросил инспектор.

– Раз-два – и обчелся.

– Какие у нас кадры! – сказала рабыня. – У нас все одинаково было. И люди одинаковые, и еда одинаковая, и одежда тоже одинаковая.

– Все это очень странно, – сказал инспектор Кром, подняв руку, чтобы экран на время выключили. – Девочке пятнадцатый год. Почему она помнит только последние два года жизни? А что было раньше?

– Наверное, то же самое, – сказала Заури.

– А что, если тебя привезли на сиенду только два года назад? – спросил инспектор Кром.

– А где же я все остальные годы жила? – ответила вопросом рабыня.

– Вот это мы и попытаемся проверить, – сказал инспектор. – Включайте!

– Включаю, – произнес доктор.

На экране замельтешили цветные полосы. Потом вместо них возникла вечерняя картина. Возле низкого бедного барака стояли несколько девочек в длинных серых платьях.

– Наш дом! – воскликнула рабыня. – Там моя койка стоит! Все как на самом деле!

Быстрыми шагами из-за угла барака вышел сутулый, с длинными волосатыми руками и оттого похожий на гориллу здоровяк в черном кожаном костюме. В руке у него была сучковатая дубинка. Он шел, переваливаясь и широко улыбаясь, так что были видны все его желтые зубы.

Девочки кинулись внутрь барака. Лишь одна из них – Алиса не сразу узнала в ней Заури – замерла, покорно опустив голову.

Именно к ней приближался, переваливаясь, рабовладелец.

– Это он, – прошептала в ужасе Заури. Видно, даже здесь, в безопасности, вдали от плантации, она не могла избавиться от ужаса при виде хозяина сиенды.

Панченга Мулити протянул вперед широкую ладонь, которая заканчивалась такими короткими и толстыми пальцами, словно это были и не пальцы вовсе, а сардельки.

– Давай назад! – закричал он.

Та Заури, которая сидела в зале рядом с Алисой, заплакала.

Другая Заури, что стояла на экране возле барака, дрожащей тонкой рукой распустила шнурки, которыми было скреплено у шеи ее платье, запустила пальцы за пазуху и вытащила оттуда три ореха.

– Что это такое? – не поняла Алиса.

– Это орехи гари, – сказала рабыня. – Они почти спелые. Мы их собирали. Но рабам их есть нельзя. И нельзя уносить с собой. Но я была такая голодная... Ай!

Заури вскрикнула, потому что на экране дубинка легко, словно играючи, дотронулась до плеча рабыни, и та упала, схватившись рукой за плечо, – ей было очень больно.

Алиса обняла Заури, стараясь ее утешить.

– Не смотри, – повторяла она, – отвернись.

– Может, выключить? – спросил доктор.

– Нет, – возразил инспектор Кром. – От того, что мы увидим здесь, может зависеть судьба девочки и ее родных.

Заури не смотрела на экран – она спрятала лицо в коленях Алисы.

Панченга обливал девочку грязными ругательствами... Алиса хотела попросить выключить, но доктор предупредил:

– Слушайте!

И они услышали:

– Вонючая воровка, жалкая побирушка, – рычал рабовладелец, пиная девочку сапогом. – Если ты еще хоть раз посмеешь поднять лапу на господское добро, то окажешься в клетке похуже твоих папаши и мамаши!

– Слышали? – спросил доктор.

– Слышали, – ответил Кром. – А ну-ка прокрути еще разок.

– ...окажешься в клетке похуже твоих папаши и мамаши! – повторил Панченга.

– Они живы! – закричала девочка. – Они живы.

– Вернее всего, ты права, – сказал инспектор. – По крайней мере, он говорит о них как о живых. Когда это было?

– Этот разговор состоялся полтора года назад, – сказал доктор. – Нужна более точная дата?

– Нет, – ответил Кром.

– Это было давно-давно, – сказала рабыня. – Я помню. У меня тогда неделю плечо болело. А доктора на сиенде нет.

– Неужели работорговцы останутся безнаказанными? – удивилась Алиса.

– Сейчас на сиенде работает специальная комиссия по защите детей, – ответил инспектор и обратился к доктору: – Есть что-нибудь еще?

– Есть еще один кадр, который я бы хотел вам показать. Это случилось на сиенде чуть меньше года назад.

Теперь они увидели на экране солнечный день. Меж полей тянулась пыльная дорога. По ней шел странного вида человек в старом дорожном костюме, с сумкой через плечо. У него была курчавая борода, длинные волосы и широкополая шляпа.

– Это еще кто такой? – спросила Алиса.

– Я его помню! – воскликнула рабыня. – Я его помню!

– Не шумите, всё увидите, – сказал Кром.

Дорога повернула, и возле нее обнаружился обложенный бетонными плитами источник, у которого стояла рабыня Заури и пила воду из жестяной погнутой кружки. Рядом, прямо на земле, в пыли, сидели другие маленькие рабыни.

– Жарко было, просто ужас, – вспомнила Заури.

– Что это вы такие грязные? – весело спросил странник, приглядываясь к девочкам. – Сколько я по планетам хожу, таких еще не видел.

– А мы здесь работаем, – ответила Заури.

– Таким маленьким в куклы надо играть, а не работать. Дашь напиться, кроха?

Заури, как зачарованная, протянула страннику кружку. Он подставил ее под струю, лившуюся из ржавой железной трубы, наполнил водой и начал жадно пить. Маленькие рабыни смотрели на него не отрываясь.

– Спасибо, – сказал путник, возвращая кружку. – А до вашей этой самой сиенды... далеко еще?

– Вон там, – сказала Заури. – Вас проводить?

– А ты не боишься?

– А чего мне бояться?

– Ну проводи... Постой-постой, что-то мне твое лицо знакомо? А ты меня не помнишь?

– Нет, – сказала Заури.

– А ты никогда на «Квадрате» не летала?

– Чего?

– Нет, наверное, обознался. Твои папа и мама где?

– Не знаю...

– А как ты сюда попала?

– Не знаю...

– Голову готов поставить на кон, что ты – Лара Коралли...

– Не знаю... – На глаза у девочки начали наворачиваться слезы.

– И родинка на шее. Точно как у Ларочки.

И тут послышался грубый голос:

– Эй, ты чего с ним разговариваешь?

К ним подходила надсмотрщица Берта.

– А что, нельзя разговаривать? – спросил странник.

– Нельзя. Больница здесь для малолетних идиоток, – ухмыльнулась надсмотрщица. – Чего здесь делаешь?

– Да машина моя что-то барахлит. Пришлось вон там, на поле, приземлиться. Вот и иду, ищу, где у вас механик.

– Покажи удостоверение или какой-нибудь документ. А вдруг ты разбойник? Мы здесь разбойников не любим. Чуть что – к стенке. У нас же дети! Заботиться надо, правда?

Надсмотрщица все время отвратительно улыбалась.

– Ладно, ты только покажи мне, где механик, – сказал странник.

– А вы брысь! – рявкнула на рабынь надсмотрщица. – Быстро по местам!

Девочки побежали в поле.

– Скажи мне, приятельница, – спросил путник, – вон ту девчушку, с кружкой, как зовут? Не Ларой?

– Нет, Заури она, – ответила надсмотрщица.

– Она местная?

– Местная, местная. Мы все местные.

Путник пожал плечами.

Экран погас...

– Вот этот человек нам может помочь! – сказал инспектор.

– Как его найти? – спросила Алиса.

– Я его помню, – сказала Заури. – Я так хотела его увидеть, но, когда он улетал, меня в бараке заперли. Я как сейчас помню.

– Может быть, этот человек – наша главная надежда, – сказал Кром. – Так что вы отдыхайте, погуляйте пока, а я дам задание компьютеру связаться с Центральным информаторием Галактики и по внешности, одежде, особенностям этого человека провести исследование и попытаться определить и отыскать его среди ста миллиардов гуманоидов в нашей Галактике. Боюсь, что это работа долгая. Придется потерпеть. Но не будем терять надежды.

На этом сеанс закончился, и все разошлись.

Доктор предложил девочкам пообедать у него, но они отказались. Алиса уже бывала в Галактическом центре, и ей хотелось показать новой подруге его чудеса.

Галактический центр – это столица нашей Галактики, хотя мало кто на свете может сказать: «Я отсюда родом». Когда-то, много лет назад, решено было устроить космический город, где могли бы встречаться жители разных планет, где можно было бы вырабатывать общие правила для звездных миров, не допускать беззаконий, насилия и войн. Для этого была выбрана пустая, никому не принадлежавшая планета, где построили город и космопорт. Постепенно этот город, который на всех языках называли Центром, разросся так, что его здания и переходы заняли целый континент. Все остальные участки суши были превращены в заповедники, куда с каждой из планет, входившей в Галактическое содружество, привезли растения и животных. Получилось множество различных заповедников. Если у тебя нет времени или возможности прилететь, скажем, на Паталипутру или на планету Брастаков, ты можешь побывать в Галактическом центре и увидеть малую Паталипутру.

В заповедниках они побывать не успели, зато Алиса показала новой подруге Музей истории Галактики, по которому посетители передвигаются только во флаерах, потому что там нет ни одного зала меньше километра в длину. А центральный зал, который называется «Возникновение Галактики», протянулся на шестнадцать километров, а высотой достигает трех километров.

Потом Алиса повела Заури в картинную галерею, оттуда в Музей восковых фигур, где собраны все знаменитости всех планет. Она показала ей Наполеона, Эйнштейна, Марию Стюарт, Гомера – но, честно говоря, к этому времени рабыня так устала, что с трудом отличала Шекспира от Юлия Цезаря и ей было совсем неинтересно, чем занимался этот самый Шекспир.

Когда Заури уже не чувствовала под собой ног и взмолилась о пощаде, Алиса полетела с ней обедать в ресторанчик, который находился на самой вершине Небесной башни. Они обедали и смотрели вниз на город и космодром, с которого поднимались корабли таких различных цветов, форм и назначений, что у непривычного человека кружилась голова.

Они разговаривали обо всем на свете, хоть и устали. Алиса предложила Заури пожить у нее дома до тех пор, пока она не устроится в цирковое училище.

– Я не смогу спокойно жить и учиться, – сказала Заури, – пока не узнаю о судьбе моих родителей. Как ты думаешь, почему господин Панченга сказал про клетку?

– Может быть, в переносном смысле?

– Что это значит?

– Что твои родители сидят где-то в тюрьме или в ссылке, откуда не могут вырваться.

– Ой! – расстроилась Заури. – Я сижу в ресторане, ем огуречное варенье, ореховые котлеты и другие вкусные вещи, а моя голодная мамочка сидит в подземной норе и не видит даже света!

Заури произнесла эту фразу таким голосом, словно Алиса была во всем виновата.

– Ничего, – сказала Алиса, понимая, что обижаться на сиротку, которой так не повезло в жизни, нельзя. – Сейчас большой компьютер ищет того мужчину, который тебя узнал.

– А если он не найдет?

– Погоди, – сказала Алиса. – Давай попробуем выяснить. Может быть, уже что-то известно?

– Что известно?

– Инспектор Кром сказал, что даст задание Центральному информаторию. Но у инспектора много других дел, и, вернее всего, он еще не спрашивал информаторий, нашли человека или нет. И мы это сделаем раньше инспектора.

– Как?

– Сейчас увидишь.

Они спустились вниз из ресторана, и Алиса остановилась перед небольшой тумбой метровой высоты, над которой возвышался стеклянный колпак, защищавший ее от непогоды.

– Знаешь, что это такое? – спросила Алиса.

– Я видела такие на улицах, – ответила рабыня, – но не задумывалась.

– Это справочное бюро. Любая информация, которая может тебе понадобиться, заключена в информатории. А справочное бюро – его продолжение. Ты можешь узнать, какая завтра будет погода, сколько сейчас градусов, где можно достать белого сенбернара, где живет самый лучший парикмахер во Вселенной, и заодно можешь спросить – готов ли ответ на вопрос, который три часа назад задал галактический инспектор Кром Центральному информаторию.

– Не может быть, – ахнула рабыня. – И тебе тоже ответят?

– А чем я хуже любого другого человека? – удивилась Алиса. – Если я знаю, как набрать запрос на пульте справочного бюро, значит, я могу получить информацию. Это же так просто.

– У вас все просто, – проворчала рабыня. – Да только для своих.

Алиса откинула стеклянный колпак и набрала на пульте сигнал запроса. Приятным мужским голосом справочное бюро спросило:

– Чем могу вам служить?

– Мне нужна информация, которую запросил сегодня в двенадцать ноль шесть местного времени галактический инспектор Кром у Центрального информатория.

– Прошу уточнить, – произнес голос. – Чего касалась эта информация?

– Информация касалась личности неизвестного путника, который год назад очутился на сиенде Панченги Мулити. Очевидно, у него случилась поломка в космическом корабле.

– Подождите, пожалуйста, – сказало справочное бюро. – Я запрашиваю центральную. Чего вы желаете, чтобы вам не скучно было ждать? Кофе, мороженое, сок?

– Два мороженых, – сказала Алиса.

Рабыня смотрела на справочное бюро, широко раскрыв от удивления глаза.

Сбоку в тумбе выдвинулась полочка с двумя вафельными стаканчиками, полными сливочного мороженого.

– Спасибо, – сказала Алиса.

– Кушайте, пожалуйста, – ответило справочное бюро. – Вас позовут.

– Странный народ. Они же на нас работают, а еще мороженым кормят! – сказала рабыня.

Девочки не успели доесть мороженое, как послышался веселый трезвон колокольчика.

– Вы спрашивали, – раздался мужской голос, – о запросе инспектора Крома?

– Это я, – сказала Алиса.

– Ответ готов, – сказал голос. – Но инспектор Кром его не получил.

– Почему?

– Потому что инспектора срочно вызвали в Управление пассажирских перевозок.

– Тогда вы можете сообщить ответ мне, – сказала Алиса. – Меня зовут Алиса Селезнева. Я семиклассница с Земли.

– Спасибо за информацию, – сказало справочное бюро. – Сообщаю вам, что человека, который год назад был на сиенде Панченги Мулити, зовут Фока Грант. О нем известно, что он служил на исследовательских

кораблях в космических экспедициях. Но последние пять лет он занимается свободным поиском корня мандрагоры на неисследованных планетах и астероидах. В Галактическом центре не бывает. Порой заезжает за припасами и оборудованием на Парадиз. Там его можно встретить либо в конторе «Прескиди и К°», либо в салуне «Синий флаг на желтой мачте». Его фотографию десятилетней давности, подробности его биографии, образцы почерка и другие сведения вы можете получить в Центральном информатории, где лежит пакет на имя инспектора Крома.

– Большое спасибо, – сказала Алиса.

Она обернулась к рабыне. Личико Заури было измазано мороженым до самых ушей, но притом она умудрялась тихо лить слезы.

– Что теперь тебя огорчило? – спросила Алиса.

– Хорошо тебе, – ответила рабыня. – Кто теперь будет искать Фоку Гранта?

– Его найти проще простого, – сказала Алиса. – Полететь на Парадиз...

– Никто не полетит на Парадиз, – сказала девушка. – Потому что никому не интересно, есть у меня родители или их нет.

– Перестань ныть, – сказала Алиса. – Я уже подумала, а почему бы нам с тобой, раз есть свободный вечер, не найти этого Фоку Гранта и не спросить его, где твоя мама?

– Неужели ты согласна ради меня на такой подвиг? – сквозь слезы спросила рабыня.

– Я не считаю это подвигом, – сказала Алиса. – Мы с тобой быстренько слетаем на Парадиз, и дело с концом.

Рабыня кинулась целовать Алису и всю ее измазала липким растаявшим мороженым.

Глава третья
ОДНОДНЕВКИ ФОКИ ГРАНТА

Девочкам повезло. Именно в тот день добраться до затерянной в глубинах космоса планетки Парадиз оказалось несложно.

Через полчаса отчаливал громадный пассажирский лайнер «Левиафан», который вез смену зимовщикам на Ледяные астероиды. И хоть Парадиз принадлежит иной звездной системе, силы притяжения двух звезд, вокруг которых он обращается, заставляют его раз в три месяца

залетать внутрь системы Ледяных астероидов. И тогда тамошние зимовщики летают на Парадиз за грибами и ягодами.

Когда молодые и шумные зимовщики узнали, что рабыня Заури ищет родителей, а Алиса помогает ей, они настолько прониклись сочувствием к девочкам, что первым же делом, как те добрались до цели, дали Алисе планетарный катер, чтобы, не теряя ни минутки, девочки поскорее могли добраться до таинственного Фоки Гранта. Больше того, планетарному катеру они дали программу, как быстрее отыскать Гранта, которого некоторые из зимовщиков уже встречали.

Пообедав на «Левиафане», девочки перешли на борт катера, и через сорок минут полета между Ледяными астероидами катер подлетел к зеленой планете. Вся она была покрыта лесами, даже океанам не хватило места – вместо них планета была изрезана множеством полноводных рек, которые впадали в обширные зеленые болота или озера, заросшие тростником.

Подчиняясь своей программе, катер с «Левиафана» промчался, снижаясь, над джунглями, затем завис над небольшой поляной на берегу реки.

– Объект по прозвищу «Фока-однодневка» находится на поверхности планеты точно под нами! – сообщил Алисе катер. – Что будем делать?

– Приказываю садиться, – сказала Алиса.

Катер медленно опустился на открытом месте, но Алиса с Заури не успели даже подойти к люку, как увидели, что снаружи к катеру летят удивительные и ужасные притом насекомые, похожие на комаров, но размером с большую собаку.

Насекомые отчаянно махали прозрачными ломкими крыльями, отломанные куски которых медленно кружились в воздухе.

– Что им нужно? – спросила Алиса у катера.

– Не бойтесь, – ответил катер, который бывал на планете уже не первый раз и знал все о ее фауне и флоре, – это однодневки. Они не кусаются. Только пищат. Выходите смело и не слушайте их.

– А разве они умеют говорить? – спросила Заури.

Катер хмыкнул, будто собирался засмеяться, да раздумал.

Зато люк раскрылся, и внутрь катера буквально ворвалась волна душистых ароматов зеленой планеты и вторая, следом, волна оглушительного писка и скрипа, который издавали однодневки.

– Я не пойду, – сказала Заури. – Они меня съедят.

– Но катер же сказал, что они безопасны, – возразила Алиса, направляясь к люку.

Однодневки внутрь катера не забирались, но мельтешили, суетились, толкались у входа.

– Мы знаем, что они безопасны, – задумчиво сказала рабыня, – катер знает, что они безопасны. А разве они знают об этом? Они же ведут себя как очень опасные.

– Выходите, выходите, – сказал катер.

Алиса первой шагнула вперед, и когда однодневки поняли, что она их не боится, они всей стаей ринулись прочь, но пищать не перестали.

Заури так и не вышла. Она остановилась в люке и спросила оттуда:

– Дождика нет?

– Дождика? – Алиса не поняла ее. Погода была отличная, и это было видно из люка.

– Дождик может начаться в любую секунду, – сообщила рабыня. – В таком случае я промочу ноги и умру от простуды.

– Ясно, – сказала Алиса. – Тебя никто не заставляет выходить из катера. Подожди меня здесь.

– Ты только осторожнее, – сказала Заури. – Чуть что – сразу обратно.

Однодневки вились над Алисой, задевали ее крыльями и ногами, глаза их были как стеклянные – без всякого смысла.

Впереди, под сенью раскидистых деревьев, Алиса увидела маленький легкий домик с большими распахнутыми окнами. Дверь в дом была также открыта, и на ступеньках сидели три громадные однодневки ростом с Алису. Они были печальны и даже не взлетели, когда Алиса приблизилась. Только обратили к ней свои огромные глаза и замерли, как неживые.

– Здравствуйте! – крикнула Алиса. – Можно к вам?

Никто ей не ответил.

Алиса заглянула в раскрытое окно. Внутри была просторная комната, половину которой занимал длинный и широкий рабочий стол. На нем стояли приборы, микроскоп, химические сосуды. Посреди стола расположилась однодневка, которая при виде Алисы перепугалась, подняла крылья, попыталась взлететь, ударилась головой о потолок, сломала крылья и упала под стол.

– Что же ты такая неловкая? – сказала Алиса. – Я совсем не хотела тебя пугать.

Однодневки, что сидели на ступеньках, лениво взмахнули крыльями, словно отпугивали Алису, но не знали толком, как это делается.

Алисе не было смысла заходить в дом без хозяина. Она обернулась к Заури, которая стояла в открытом люке катера, и крикнула ей:

– Хозяина нет дома. Я пойду в лес, поищу его. Спроси у катера, здесь водятся тигры?

Катер ответил сразу – он ведь слышал каждое слово, сказанное Алисой:

– Тигров здесь мало, и они травоядные. Едят в основном лилии.

– Значит, они не тигры, – вмешалась рабыня, – а коровы или тюлени.

– Но лилии на этой планете бегают быстрее лошади, – сказал катер.

– Тогда это не лилии, – сказала Заури, – а олени. Ты, катер, такой необразованный.

– Простите, – спросил ехидно катер, – а где вы сумели получить такое замечательное образование?

– Что вы этим хотите сказать? – сердито спросила рабыня.

Алиса не стала слушать, как они спорят, а пошла по тропинке в лес. Но не успела пройти и нескольких шагов, как услышала впереди треск ветки.

На тропинке показался пожилой, загорелый до черноты седой человек, который нес на плече длинный сверток.

Над головой этого человека кружилась целая стая однодневок. Они пищали, скрипели и верещали так, словно он унес у них последний кусочек хлеба. По очереди однодневки пикировали на человека с неба. Но человек не обращал на насекомых никакого внимания и при этом напевал...

Тут он увидел Алису.

Остановился и замолчал.

– Гости! – воскликнул он громовым голосом. – Ко мне в гости приехали прекрасные дамы! У нас праздник!

Ответом на эти слова был такой всплеск писка и верещания взбешенных однодневок, что рабыня Заури спряталась в катер.

– Как вы мне надоели! – сказал в сердцах седой загорелый мужчина и протянул Алисе руку.

– Фока Грант, – сказал он. – К вашим услугам. Рад приветствовать вас на борту моей планетки! Что за счастливый случай привел вас ко мне?

– Меня зовут Алиса Селезнева. Мы прилетели сюда вместе с Заури, которая была рабыней на сиенде Панченги Мулити. Мы прилетели, потому что надеемся на вашу помощь.

– Гости! – воскликнул он громовым голосом. – Ко мне в гости приехали прекрасные дамы! У нас праздник!

– Панченга Мулити... – задумчиво произнес Фока Грант, – сиенда... что-то я вспоминаю...

Но вспомнить он не успел, потому что целая стая однодневок ринулась на длинный мешок, который он нес на плече, и насекомые стали тонкими коготками рвать ткань, чтобы забраться внутрь мешка.

– Кыш, проклятые! – прикрикнул на насекомых Фока Грант, но без злости, а как прикрикивает мать на детишек, которые хотят схватить со сковороды пирожок и могут обжечь пальчики. – Вы заходите, заходите, – сказал Фока. – Лучше в доме говорить. А то эти твари не дадут нам ни секунды пожить спокойно.

– А почему они на вас так злобно нападают? – спросила Алиса.

– Не злобно, – улыбнулся Фока, – они жить хотят... Очень хотят жить. Но не понимают... многого еще не понимают.

Фраза была загадочной.

Фока первым поднялся по ступенькам в дом. Две гигантские однодневки встретили его, как истосковавшиеся по хозяину собаки. Они покачивали головами, сверкали глазищами и поднимали кверху прозрачные крылья.

– Не обращайте на них внимания, – сказал Фока. – Идите за мной.

Алиса зажмурилась на секунду – эти однодневки были все-таки очень противными. А когда она открыла глаза, то оказалось, что однодневки кинулись следом за Фокой Грантом, помешали друг дружке в дверях, запутались в ногах и крыльях и упали под ноги к Алисе. Она чуть было их не затоптала, пришлось остановиться на пороге и ждать, пока однодневки распутаются и втиснутся внутрь.

Фока прикрыл окна, потому что другие однодневки уже протискивались в них, потом схватил со стола салфетку и стал махать ею, отгоняя назойливых тварей, рвавшихся почему-то к длинному мешку, который Фока сбросил на пол в углу комнаты, но Фока все же смог их отогнать. И когда они, сопротивляясь, вылетели в окно, он окончательно закрыл его, а десятки тварей принялись биться о стекло. Алиса подумала, что это такие большие комары, и представила, что снова стала лилипуточкой.

– Никогда не видела таких громадных комаров.

– Они называются однодневками, – сказал Фока.

– Все равно комары, – сказала Алиса.

– А где твоя подруга? – спросил Фока.

– Она испугалась однодневок, – сказала Алиса. – И осталась на катере.

– Ах, какая незадача! – расстроился Грант. – А они такие безвредные, ты не представляешь! Давай позовем твою подругу! Я вас чаем угощу.

– Мы лучше пойдем к нам на катер, – сказала Алиса. – У нас тоже есть чай, настоящий, земной, азербайджанский.

– Неужели азербайджанский! – обрадовался Фока Грант. – Это же лучший чай во всей Галактике. Я с удовольствием пойду к вам в гости. Вот только сейчас спрячу получше корешки от однодневок.

С этими словами Фока Грант развернул мешок, и в нем обнаружились длинные голубые корни.

Стук в окна резко усилился. Алисе даже показалось, что однодневки вот-вот разобьют коготками стекла, хотя, конечно же, это было невозможно. Но дергались и бились они так, словно от этого зависела их жизнь.

– Что с ними? – спросила Алиса.

– И не спрашивай, – Фока Грант махнул рукой. – Уж и сам не знаю, что делать, впору вообще улетать из этих мест. Пойдем отсюда. Спрячемся у вас на катере, чаю попьем, а вы мне расскажете, что же вас сюда привело... Уж очень мне знакомы эти слова – сиенда Панченги Мулити!

Фока Грант выпустил Алису из дома первой и, пока она, отмахиваясь от назойливых однодневок, перебегала через поляну, закрыл дверь и поспешил за ней.

– Они любят эти голубые корни? – спросила Алиса.

– Не то слово! – ответил Фока.

Рабыня Заури ждала их у люка в катер. Она открыла его пошире, чтобы они могли войти.

При виде девушки глаза Фоки Гранта расширились.

– Это ты! – воскликнул он.

– Да, это я, – согласилась Заури. – Только я не знаю, кого вы имеете в виду.

– Ты не помнишь меня? – спросил Фока Грант.

– Ваше лицо мне кажется знакомым, – сказала рабыня, – но я не совсем помню почему.

– Это она! – воскликнул Фока Грант, оборачиваясь к Алисе. – Конечно же, это она!

– Расскажите нам, кого вы имеете в виду, – попросила Алиса. – Дело в том, что моя подруга Заури не помнит своих родителей. И даже не знает, как ее зовут и откуда она родом! Когда-то ее отняли у родителей, которых, возможно, убили.

– Не может быть! – воскликнул Фока Грант. – Я в это никогда не поверю! Твои родители, Ларочка, живы!

– Ларочка? – Глаза рабыни загорелись. – Вы уверены, что это мое имя?

– Вне всякого сомнения, – ответил Фока Грант. – Так вас назвали пятнадцать лет назад.

– Но кто меня назвал? Умоляю, откройте мне тайну моего рождения! – закричала рабыня, и обильные слезы полились из ее прекрасных глаз.

– Садитесь, Фока, – сказала Алиса. – Мы сейчас приготовим вам чаю. Заури, успокойся, пожалуйста.

– Я тебе не Заури! Не смей называть меня этим отвратительным рабским именем, которое мне дали на рабской сиенде. Я Ларочка! Я родилась с гордым именем Лара, и я умру Ларой!

– Хорошо, – согласилась Алиса, стараясь не улыбаться. – Хорошо, Лара... как тебя по отчеству?

– Карловна, – подсказал Фока Грант. – Лара Карловна Коралли. Я летел вместе с Карлом и Салли на корабле «Квадрат», когда ты родилась! Карл и Салли были космонавтами-исследователями, а я радистом-связистом. А капитаном у нас был чех Водичка.

Голос Фоки Гранта стал задушевным, тихим, музыкальным. Глаза затуманились – он вспоминал...

Алиса быстро поставила чайник и достала из стенного шкафа чашки.

Рабыня Заури-Лара сидела напротив Фоки и ждала, когда он продолжит рассказ.

– Как славно мы летали вместе, – продолжал Фока Грант. – Твои родители были космическими изобретателями. Славный Йозеф Водичка вел корабль, ты играла в куклы, а я поддерживал связь и следил за двигателем...

– Дальше! – попросила рабыня, потому что пауза затянулась.

– Дальше? Совершенно не представляю, что было дальше, – сказал Фока Грант. – Честное слово.

– Как так? – воскликнули девочки хором. – Этого быть не может! Вы же не рассказали, где родители Заури-Лары!

– Родители Лары? Я не знаю.

– А где их дом? – спросила Алиса.

– На Земле, – ответил Фока Грант. – Это такая небольшая планетка в Солнечной системе. Добраться туда нетрудно...

– Не надо, – сказала Алиса. – Я знаю, где находится Земля, потому что я там живу.

– Не может быть! – обрадовался Фока Грант. – Моя бабушка родом с Земли. Так что мы с вами практически земляки. Скажите, а правду рассказывают, что по улицам земных городов зимой ходят белые медведи?

– Да погодите вы! – закричала рабыня Заури-Лара. – Как вы можете обсуждать всякие пустые проблемы, когда вы не ответили мне на главный вопрос: где мои родители?

– Извини, – сказал Фока Грант. – Я отвлекся – мне так редко приходилось встречать настоящих землян. Ты спрашивала о своих родителях? Ты хочешь поглядеть на их фотографии?

– Конечно!

– Тогда пошли ко мне в дом, я покажу тебе альбом.

– Правильно, – сказала Алиса. – А потом мы с вами попьем чаю. Ведь Лара так переживает. Она столько лет жила без родителей, а сейчас она вот-вот их увидит!

Рабыня волновалась так, что у нее тряслись руки и дергались губы. А уж о глазах и говорить не приходится – из них текли потоки слез.

Фока Грант был смущен.

– Мне надо было с самого начала догадаться, – сказал он. – Но я сам убежденный холостяк, у меня никогда не было детей, и я, честно сказать, не выношу детского писка. Я даже на нашем корабле мало общался с Ларой, все ждал, когда она подрастет и научится играть в шахматы. Ведь только после того, как человек научится играть в шахматы, он становится человеком.

– Значит, когда обезьяна научилась играть в шахматы, она стала человеком? – спросила Алиса.

– Вот именно! – радостно согласился Фока Грант.

– А я умею играть в шахматы? – спросила рабыня.

– Разве ты забыла, как я тебя учил? – ахнул Фока Грант. – Как мы всегда играли в шахматы с твоей мамой Салли Коралли и твоим папой Карлом Коралли? А ты стояла рядом, глядела на нас своими смышлеными глазенками.

Рабыня нахмурилась, стараясь припомнить, потом развела руками.

– Нет, – сказала она. – Я даже не помню, что такое шахматы. Значит, я еще не произошла от обезьяны?

– Произошла, – ответил Фока Грант. – Гарантирую.

Они возвращались к домику Гранта.

Алиса спросила его:

– А почему вы расстались с родителями Заури?

– Я решил провести остаток дней на этой планете.

– Зачем?

– Чтобы сказочно разбогатеть.

– И вы разбогатели?

– Почти разбогател, – сказал Фока Грант.

И тут он остановился и закричал:

– Что вы наделали! Вы меня разорили! Я вас всех перестреляю!

Он бросился к своему дому.

Тут Алиса увидела, что окно раскрыто и в ответ на крик Фоки Гранта из окна, толкаясь и сшибая друг дружку, вырываются громадные ломкие однодневки. Некоторые держат в лапках голубые корешки.

Фока распахнул дверь, и еще несколько однодневок выскочило оттуда.

Когда девочки вошли в домик Фоки, они увидели, что его хозяин стоит посреди комнаты, бессильно опустив руки. На полу лежат несколько затоптанных однодневок и разорванный, растерзанный длинный мешок, который он принес недавно...

– Что случилось, Фока? – спросила Алиса.

– Я снова разорен! – ответил Фока Грант. – Полгода моей работы впустую... Я готов плакать.

Но он не заплакал, а стал собирать с пола голубые корешки. Девочки помогали ему. Рабыня даже плакать перестала. Они спешили – и правильно делали, потому что в окна и дверь снова полезли однодневки...

– Вы хоть расскажите нам, – попросила Алиса, – что здесь происходит. Ведь так трудно, когда ничего не понимаешь!

– Как вам сказать, – ответил Фока Грант. – Оказывается, что если ты все предусмотрел, это не означает, что ты предусмотрел все. Ясно?

Алисе было не ясно, а рабыня ждала, когда ей покажут фотографии ее родителей, и не старалась понять.

– Я много лет вел жизнь космического бродяги, жил без родного дома, как лист, который гонит ветер, – грустно сказал Фока. – Я думал, что так будет до пенсии – благо команда мне попалась хорошая. Я имею в виду ваших родителей, Лара, и капитана Водичку. И вот произошло удивительное событие. Однажды случайная встреча изменила всю мою жизнь. Было это на астероиде Пересадка. Остановились мы там на неделю – надо было кое-что подштопать на борту. Жил я тихо, отдыхал. Только не хва-

тало хорошего партнера в шахматы. Тут прилетает небольшой кораблик. На борту его седой, но совсем еще не старый, крепкий человек.

Летит, говорит, с планеты Парадиз к себе домой в систему Барнарда. На Пересадке остановился на три дня – ждет попутного лайнера. Выяснилось, что он не только умеет играть в шахматы, но за долгие месяцы на Парадизе истосковался по ним. И знаете, мы с ним сели за игру утром и просидели трое суток. Сами понимаете, что мы не только играли, но и разговаривали. И рассказал мне тот старик, что провел два года на Парадизе, искал там и копал, резал и сушил корень мандрагоры. Но не той мандрагоры, которую древние алхимики искали, а местной, парадизной. Этот корешок дарит человеку и любому живому существу бессмертие. На некоторых планетах этот корень покупают по весу алмазов. За грамм корня – грамм алмазов. Представляете?

– И вы полетели сюда? – спросила Алиса.

– Не так все просто, подруга, – ответил Фока Грант. – Наверное, я не решился бы на такую резкую перемену в работе и судьбе, если бы старатель не подарил мне свой дом на этой планетке и не рассказал, как искать в лесу, как и с какими особыми заклинаниями выкапывать корень мандрагоры... На прощание он велел мне беречься от однодневок. Этого предупреждения я не понял и не обратил на него внимания... Я решил попытать счастья и попрощался с моими товарищами по кораблю. С тех пор я живу и тружусь впустую на этой проклятой планетке.

– А сколько времени прошло с тех пор? – спросила Алиса.

– Сколько? Больше десяти лет!

Тут Фока вспомнил об обещании, открыл свой сундучок и вытащил оттуда стопку фотографий. Одну из них он тут же подарил Ларе. Без всякого сомнения, это была она – счастливая смеющаяся девочка лет трех. Она стояла между двумя молодыми, красивыми космонавтами – мужчиной и женщиной. Сбоку был виден усатый краснощекий мужчина в мундире.

– Это моя мама, – прошептала Заури-Лара.

– Да, это Салли Коралли, – подтвердил Фока Грант.

– А это мой папа...

– Да, это славный изобретатель и исследователь Карл Коралли, – сказал Фока Грант.

– Но я их не помню! – в ужасе воскликнула девушка. – Как это могло случиться?

– Это делалось и делается негодяями пиратами, – сказала Алиса. – Им нужно было, чтобы ты случайно не вспомнила, кто ты и откуда. Не написала бы письмо в Службу галактической безопасности, не захотела бы убежать. И они стерли твою память. Ты думала, что ничего в жизни, кроме сиенды, не видела.

– А я видела... – прошептала рабыня, проводя пальцами по фотографии.

– Какие негодяи! – сказал Фока. – Если бы я тогда догадался, что они с тобой сделали, я бы камня на камне от сиенды не оставил! О, я старый осел! – расстроился Фока.

– А это кто? – Алиса показала на краснощекого усача.

– Это наш бравый капитан Водичка.

В этот момент в открывшееся окно влетело сразу несколько однодневок.

– Ну уж нет! – бросился им навстречу Фока.

Он махал руками, как мельница крыльями, он крушил насекомых, ломал им крылья. Попытки однодневок пробиться к остаткам голубых корешков провалились.

Выгнав их и закрыв окно, Фока завернул корешки в тряпку и спрятал в стол.

– Это ваша добыча? – спросила Алиса.

– Да, это и есть корень мандрагоры. Мое проклятие!

– Разве вы не разбогатели?

– Я беден, как и прежде. И все потому, что не прислушался к предупреждению старика, который мне оставил свой дом.

– Так что же случилось? – спросила Алиса.

– Однодневки... – вздохнул старатель. – Их здесь много, и размером они не больше комара... Они выходят на свет утром, порхают весь день и умирают к вечеру от старости. Я на них и внимания не обратил. И не заметил, что когда я принес свою первую добычу и разложил ее сушиться на столе, несколько однодневок прилетели и принялись ползать по корешкам. Я не заметил, конечно, что большинство однодневок вечером умерли, как им и положено, но несколько остались жить, потому что поели моего корня. За ночь они выросли вдвое, а утром вновь набросились на корень бессмертия.

– И с тех пор...

– С тех пор они всеми правдами и неправдами каждый день жрут все, что я собираю и выращиваю. Они стали дьявольски хитрыми! Они выросли в тысячу раз. Они уже не однодневки, а трехлетки! Они уже больше меня ростом!

– Их надо было всех передавить, – мрачно сказала Лара. – А корешки продать людям!

– Я так и хотел сделать, – сказал Фока.

– А почему не сделали?

Фока отвернулся от девочек, вздохнул и сказал:

– Жалко их стало.

– Кого? – не поняла Алиса. – Насекомых?

– Для вас это просто насекомые, может, даже противные, а я их уже давно каждую в лицо знаю. И я понимаю – они же умные стали, они жить хотят, у них теперь и дети, и внуки есть.

– Значит, вы теперь все силы тратите на то, чтобы кормить этих комариных уродов? – воскликнула рабыня.

– Ну не только их...

Фока Грант показал на закрытое окно. Алиса поднялась и подошла к нему. За окном на поляне собралось немало животных различного вида и размера – были там и тигры, и собаки, и змеи, и птицы...

– Ждут, негодяи! – сказал Фока. – Я их готов всех перебить!

– И вместо этого кормите корешками?

Фока пожал плечами.

– Я знаю, что нужно сделать, – сказала Заури-Лара. – Вы полетите с нами к моим родителям. Где они сейчас?

– Дома, на Земле, их нет, – сказал Фока Грант. – Я раза три пытался их отыскать – посылал им открытки к Новому году, справлялся в информатории. Но нигде и следа не нашел. Наверное, с ними случилось что-то ужасное!

– Не смейте так говорить! – закричала рабыня. – Я их все равно найду. Алиса, не слушай этого злого человека!

– Погоди, – сказала Алиса. – Может быть, вы знаете еще кого-нибудь, кто может нам помочь? Вы говорили, что на корабле еще был капитан?

– Капитан Водичка! Я его с тех пор не видел, но мне рассказывал один зимовщик с Ледяного астероида, что на краю пустыни Паска на Вальпургее есть ресторан «Воды Водички» и гостиница. Хозяин там некий

капитан Водичка. Я как раз собирался слетать туда и проверить, не мой ли это старый приятель. Но как улетишь, когда столько живых существ ждут от тебя продолжения жизни!

– Нет, – сказала рабыня. – Вы должны лететь с нами, Фока.

– Почему?

– Потому что нельзя быть кормильцем насекомых! Потому что надо вернуться к жизни! Потому что вы должны мне помочь!

– Правильно! – сказал старатель. – Полетели! Почему я должен тратить остаток своей жизни на кормление диких тварей? Нет, вы мне скажите – почему?

Он принялся быстро кидать в чемодан вещи, а за окном поднялся стон и вой, будто местные твари догадались, что их спаситель уезжает.

Все вместе они вышли на лужайку. На ней воцарилась гробовая тишина.

– Прощайте, эгоисты, – сказал Фока Грант сотням однодневок, бабочек, стрекоз и прочих насекомых и иных созданий громадного и умеренного размера, всех цветов радуги и изощренных форм. – Хватит мне вас спасать. Все равно бессмертия не бывает!

Существа молчали.

Они даже не удерживали его. Лишь некоторые, которые были посмелее, протягивали лапки и дотрагивались до штанин Фоки Гранта.

А когда он миновал лужайку, то, обернувшись, увидел, как одно за другим животные и насекомые ложатся на траву, вытягивают ножки и начинают ждать смерти. И все это в полной тишине. И вообще на планете исчезли все звуки – перестали петь птицы, щебетать и пищать насекомые, и даже затих ветер.

– Идите, идите, не оглядывайтесь и не обращайте внимания. Они нарочно, – сказала Заури-Лара.

Они дошли до катера.

– Улетаете? – спросил катер. – И правильно. Человек не должен жертвовать жизнью ради низших тварей.

Рабыня зашла в катер. Алиса ждала, когда за ней последует Фока.

– Ну? – спросила рабыня. – Сколько же вас ждать?

– Я останусь, ладно? – сказал вдруг старатель. – Я еще немного здесь поживу, может, они сами научатся корешки разводить...

Алисе стало ясно, что никуда отсюда Фока не улетит.

Глава четвертая
РЕСТОРАН «ВОДЫ ВОДИЧКИ»

– Передавайте привет капитану, – сказал на прощанье старатель Фока Грант. Он стоял на поляне, подняв руку, а вокруг него расположились, как на старинной фотографии, сотни однодневок и иных существ с планетки Парадиз, которые очень хотели жить.

До Вальпургеи катер домчал за считаные часы.

Вальпургея относится к группе Ледяных астероидов, которые вращаются вокруг почти совсем погасшей звезды Блум, но далеко не все они покрыты льдом. Они такие безрадостные, пустынные и ненаселенные, что кажутся ледяными. Несмотря на такую непривлекательность, Ледяные астероиды очень популярны среди туристов и старателей, ученых и авантюристов. Дело в том, что эти астероиды – остатки некогда расколовшейся громадной и весьма богатой планеты. Раскололась она не из-за войны или бедствия, а потому что две звезды, вокруг которых она вращалась, растащили ее на части. Одна из звезд от такого усилия взорвалась, а вторая почти погасла. Так что извечная борьба звезд, как это всегда бывает, никому не принесла радости.

Но оттого, что планета развалилась, как перезревший плод инжира, и население эвакуировалось оттуда спешно, то многого жители ее, конечно же, взять с собой не смогли. Через много тысяч лет после этого на астероид попала первая экспедиция. И представляете, как удивились разведчики, когда на мертвом Ледяном астероиде они отыскали развалины могучих замков, остатки алмазных шахт – следы могучей цивилизации.

К тому же, расколовшись на куски и превратившись в целый рой астероидов, планета показала всем, что было в ее глубинах. А там скрывались несметные сокровища...

Вскоре астероиды стали желанным местом для ученых и авантюристов. Жизнь там кипела, но не всегда мирно. Даже патрульные крейсера Галактического центра, которые дежурили возле астероидов, не всегда успевали вмешаться, если возникал конфликт из-за богатой добычи.

Конечно, многие в Галактическом центре и на Земле говорили, что астероиды вообще надо закрыть для кладоискателей, но инспектор Кром доказал своему начальству, что лучше оставить все как есть – пускай лучше авантюристы, которым не сидится дома, проводят свои отпуска и свобод-

ное время на астероидах под надзором патрулей, чем будут шалить или бесчинствовать на нормальных планетах. Тем более что кладоискатели никогда не приставали к зимовщикам – ученым, которые жили на астероидах и изучали их. Каждый занимался своим делом...

Одним из таких мест был ресторан под названием «Воды Водички», построенный на краю пустыни Паска, которая покрывала чуть ли не половину неровной поверхности самого большого из астероидов. Именно туда, к прохладительным напиткам пана Водички, стремились кладоискатели и авантюристы, проведя несколько недель в пустыне, где днем температура поднимается до ста градусов и даже закипает вода, а ночью падает до тридцати градусов мороза. И, конечно, ни один человек не сунулся бы на эту раскаленную ледышку или на ледяную сковородку, если бы в пустыне не были раскиданы засыпанные песками древние города, замки и храмы живших здесь людей, в которых, если повезет, можно отыскать сокровища, а если не повезет, то сложить голову.

Кладоискатели там встречались разные. И такие, что провели здесь уже много лет, обгорели и почернели под солнцем, тысячу раз облезли от мороза, но так и не смогли поймать свою жар-птицу. Были там и новички, еще совсем зеленые, наивные, мечтающие о быстром счастье и сказочной удаче. Мало кто из них выживал. Кто остался жив, убегали обратно, к флаерам, ваннам и прохладным магазинам. А многие погибали – замерзали, сгорали, попадали на обед к песчаным драконам и электрическим гусеницам. К тому же в глубине пустыни, неизвестно чем и как, жили небольшие племена и банды разбойников, которые подстерегали путешественников, грабили их и убивали.

Если ты идешь из пустыни, в которой, возможно, бедствовал много дней, то ты обязательно мечтаешь о свежем лимонаде, холодном пиве, горячих сосисках или каком-нибудь блюде, которое известно только на твоей планете. И мечта эта становилась былью в тот момент, когда странник видел, как над барханами появлялась остроконечная крыша заведения пана Водички. Тогда твой верный верблюд или упрямый йароврон ускорял усталые шаги и сам ты находил в себе новые силы... Еще немного, и ты уже бежишь, торопишься, увязая в горячем или ледяном песке, – осталось так немного, и перед тобой откроется дверь в ресторан, и ты увидишь за кассой улыбающееся круглое усатое лицо пана Водички. Но, честно говоря, чехи не часто залетают на этот астероид, потому что любят свой край и редко покидают Землю.

Пан Водичка внимательно наблюдает за всем, что происходит в зале. Ему драки и ссоры не нужны. Если инспектор Кром узнает о том, что здесь творятся безобразия, галактический патруль быстренько закроет «Воды Водички» и вместо ресторана установит сто автоматов по продаже газированной воды – с него станется!

Опытный взгляд пана Водички ничего не пропустит. Вот он видит, как скупщики окружили только что вернувшихся из пустыни двух японцев и пытаются узнать, что же принесли кладоискатели с собой, но пока ничего не добились. Видно, японцы ждут своих людей... А вон молодой человек с маленькой головкой на длинной шее – видно, родом с Пилагеи – рассматривает мятую-перемятую карту, которую подсовывает ему ушан с Паталипутры и доказывает, что именно эта карта говорит, где спрятал свои сокровища известный бродяга и пират Полугус Земфирский. Пилагеец кивает головой, глаза у него обалделые. Вот-вот он полезет за бумажником, а пан Водичка улыбается – он-то знает, что уважаемый Полугус Земфирский, открыватель сказочной Пенелопы, никогда не был бродягой и пиратом.

А пилагейца Водичке не жалко: пусть лучше его, дурачка, здесь в ресторане объегорят, проведут за нос, облапошат, чем он сунется в настоящую пустыню и погибнет ни за грош. Лучше, если он, разоренный, но живой прилетит обратно домой и будет всю жизнь рассказывать детям и внукам, как он чуть было не отыскал сокровища самого Полугуса Земфирского.

Вот открылась дверь, видно, кто-то еще пожаловал.

Нет, это гости не из пустыни. Совсем еще дети – две девочки. Наверное, подумал Водичка, это дети зимовщиков – как всегда, зимовщикам что-то нужно. Может быть, кончилась соль. Или перловая крупа. Зимовщики – соседи Водички и по-соседски обращаются к нему за помощью. Да и сам пан Водичка, чуть что, сразу посылает за подмогой к зимовщикам – то свет починить, то компьютер исправить, то за доской или листом пластика... Мало ли какая помощь может понадобиться!

Две девочки уверенно вошли в дымный шумный салун. Одна из них, беленькая, на вид ей лет двенадцать, держит себя уверенно, не робеет. Крутит головой, ищет кого-то. Вот к девочкам подкатил робот-официант. Девочка что-то говорит ему, и робот показывает на пана Водичку. Так и знал – к нему от соседей!

Пан Водичка поднялся со своего высокого вертящегося стула и направился к гостьям. Он всегда был верен правилу: хозяин дома должен быть

вежливым даже с самым незначительным гостем. Пан Водичка, если к нему приходили, всегда спешил встретить гостя на полпути, проводить к столу, улыбнуться и сказать несколько теплых слов – недаром даже самые отпетые убийцы и негодяи никогда не поднимали руки на Водичку. Впрочем, говорят, однажды так случилось, но этот человек на следующий день уже лежал в больнице со сломанной рукой.

Хозяин ресторана должен все видеть вокруг и запоминать. Вот поднимается при виде девочек молодой человек, худой, очкастый. Из романтиков-кладоискателей. Такие плохо кончают, если не успевают убежать домой. Что он пьет? Малиновый сок? И еще читает? С ума сойти!

– Чем могу служить? – спросил пан Водичка, подходя к девочкам и вглядываясь в знакомое лицо второй девочки, постарше.

Она была черноволосой, очень хорошенькой, с бледным капризным лицом... «Где же я видел ее? – мучился пан Водичка. – Голову могу дать на отсечение, что я ее видел!»

– Здравствуйте, – сказала беленькая девочка. – Вы пан Водичка?

– К вашим услугам, пани.

– Меня зовут Алиса Селезнева, а это моя подруга, имя которой вам должно быть известно. Это Лара Коралли!

Прекрасная Лара шмыгнула носом, и на глазах у нее появились слезы.

– Как же я не догадался, старый дурак! – воскликнул пан Водичка. – Как же я мог не догадаться! Конечно же, ты – Ларочка! Ты дочка Салли и Карла, не так ли?

– Да! – ответила Лара. – Но скажите мне немедленно: где мой папа? Где моя мама? Неужели они в самом деле меня бросили?

– Успокойся, девочка! – уговаривал ее пан Водичка.

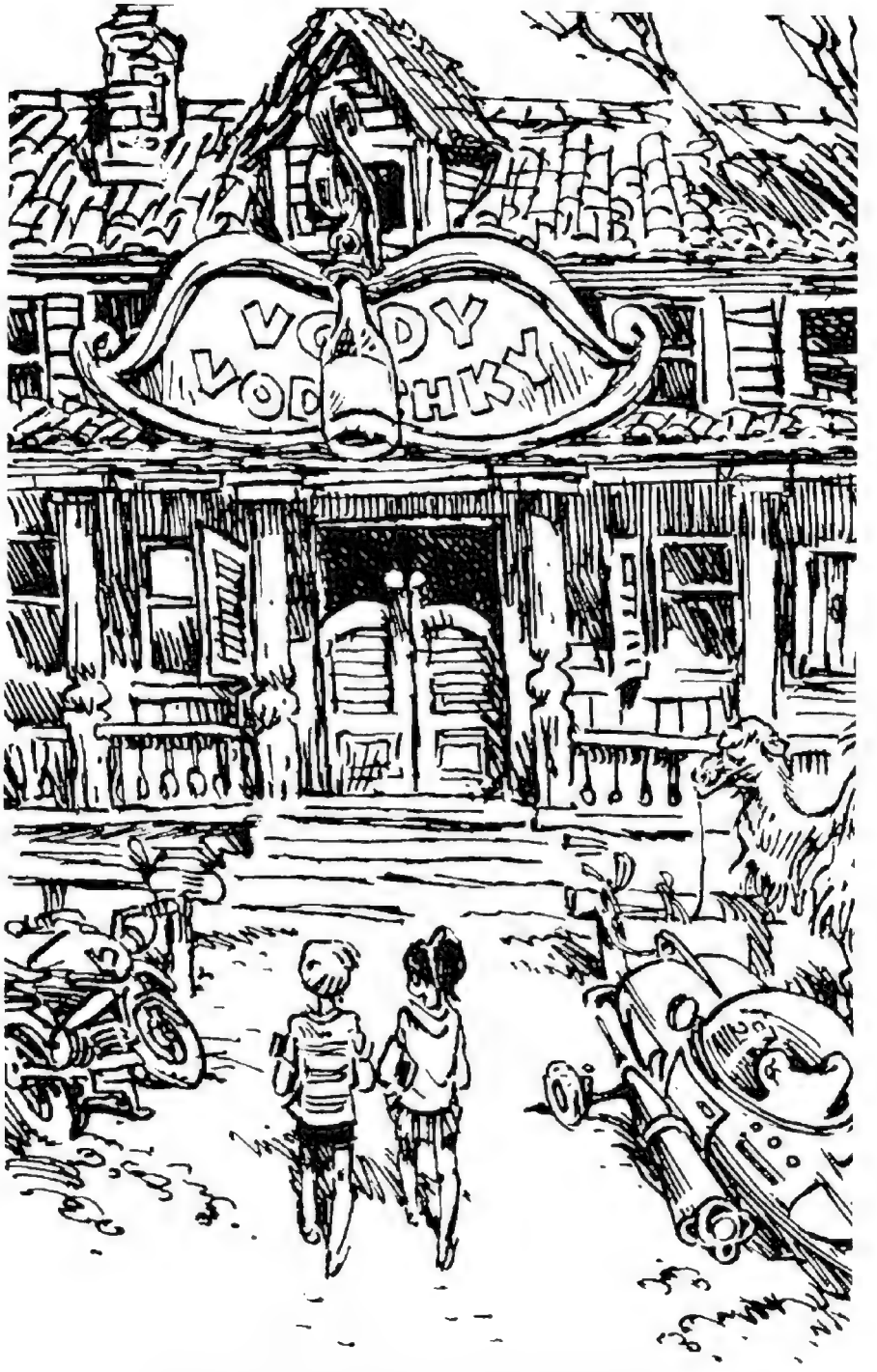
Он повел девочек за загородку, где стоял столик, накрытый белой скатертью, для самых почетных гостей «Вод Водички». Задернув тонкую занавеску, которая немного уменьшила шум, что долетал из общего зала, Водичка спросил:

– Вы, наверное, голодные? Будете есть или пить?

– Нет, спасибо, – сказала Алиса.

– А я немного поем, – сказала Лара. – Чуть-чуть. Когда я нервничаю, я всегда хочу есть.

– Еще бы мне об этом не знать! – засмеялся Водичка, дергая себя за кончики усов, будто хотел разорваться пополам. – Как сейчас помню... Высадились мы на одной планете – название ее забыл... Птички поют,



Две девочки уверенно вошли в дымный шумный салун.

цветочки благоухают. И ты говоришь: мама, хочу земляники! Мама говорит: нельзя здесь рвать землянику, пока мы не провели анализов. Вдруг она ядовитая. Ну ты, как всегда, в слезы... Как-то тебя наказали за то, что ты не хотела ложиться спать, так ты ночью залезла в холодильник и съела жареного гуся. Целиком. А ведь ребенку было всего три года!

– Скажите, – перебила воспоминания Водички Алиса, – а вы давно расстались с Ларой?

– Разве она вам не рассказывала? – удивился пан Водичка.

– К сожалению, – сказала Алиса, – у нее стерта память.

– Я ищу папу и маму! – воскликнула Лара. – И мне никто не хочет помочь. Где мои родители, отвечайте!

– Но я не знаю. – Пан Водичка развел руками. – Как же я могу знать, если я сам с ними расстался давным-давно.

– Но объясните нам, как это было. Мы видели Фоку Гранта, он нам рассказал о том, как вы летали...

– Он нас покинул десять лет назад, – сказал Водичка. – А как он сейчас? Нашел свою мандрагору?

– Нашел, – сказала Алиса, – он делится ею с другими.

– Ну и правильно, – сказал Водичка.

– Расскажите, что случилось с кораблем «Квадрат» дальше, – попросила Алиса.

Пан Водичка уселся за стол напротив девочек, хлопнул в ладоши, и тут же один робот накрыл на стол, а другой принес котелки с удивительно ароматной похлебкой.

– Подкрепитесь, панночки, – сказал пан Водичка. – В вашем возрасте обязательно надо все время подкрепляться. Выпейте малинового сока, попробуйте моих кнедликов. Кушайте...

Девочки послушались пана Водичку. Еда была сказочно вкусной.

– Я должен огорчить вас, – сказал пан Водичка, глядя, как девочки поглощают тушеное мясо, заедают его кнедликами и запивают соком лесной малины. – К сожалению, я не представляю, где могут находиться Карл и Салли. Я даже не знаю, живы они или нет.

При этих словах Лара, разумеется, зарыдала. А Алиса ощутила горькое разочарование. Столько мчаться, стараться – вот-вот найдем разгадку... и оказывается, все впустую.

– В последний раз я видел твоих папу и маму, – сказал пан Водичка, – десять лет назад.

– Меня зовут Алиса Селезнева, а это моя подруга, имя которой вам должно быть известно. Это Лара Коралли!

– А я где была?

– Ты была на борту, разумеется, ты была на борту, – сказал пан Водичка. – Жива и здорова.

– А потом?

– С тех пор я твоих родителей не видел. Но уверен, что еще год назад они были живы.

– Откуда вы знаете? – спросила Алиса.

– Потому что я получил от них весточку.

– Где весточка? – спросила рабыня.

– Это был привет. Привет на словах. Мне принес его один кладоискатель.

– Когда? Когда это случилось?

Водичка отвел глаза, словно прислушивался к тому, что происходит за занавеской. Там стоял ровный шум, в котором порой возвышался какой-нибудь голос или раздавался крик, звенел разбитый бокал или даже бутылка...

– Это случилось недавно, – сказал Водичка, понизив голос до шепота, – не верьте мне...

И именно в этот момент занавеска резко откинулась в сторону, и появилось лицо, вернее, морда черной гориллы, один глаз которой был перевязан красной тряпкой. На голове у гориллы красовался блестящий, как лакированный ботинок, цилиндр, а длинные когти, вцепившиеся в занавеску, были покрыты золотым лаком.

– Водичка! – произнесла горилла. – Ты что застрял? Мы уже карты раздали – ждем, старина!

– Погоди, я занят, – сказал Водичка упавшим голосом.

Алисе показалось даже, что его рука, приподнявшаяся, словно он хотел защитить своих гостей, дрожала.

– Вижу, с какими птенчиками ты занят, старый враль, – зарычала горилла. Цепкими маленькими глазками чудовище уставилось в лицо Алисы. Рабыня Заури даже заныла от ужаса. – Надо бы тебе поделиться с нами!

– Как ты смеешь! – Водичка начал было подниматься со стула, но горилла вдруг расхохоталась – огромные желтые зубы щелкнули и разошлись, показав кроваво-красный язык. И, не закрывая хохочущей пасти, горилла исчезла – только покачивалась отпущенная ею занавеска.

– Кто это был? – спросила Алиса.

– Вам надо собираться, – сказал пан Водичка. – Нельзя вам больше здесь оставаться. Плохо здесь.

– Еще чего не хватало! – капризно воскликнула рабыня. – Вы же еще не сказали, где мои дорогие родители.

Она вынула фотографию, которую подарил ей Фока, и, рыдая, протянула ее Водичке.

– Я ничего вам не говорил, – сказал Водичка. – Я никого не знаю.

– Это неправда. Вот ваше лицо, смотрите, вы обнимаете моего папу за плечи и даже почти не изменились! – воскликнула Лара.

Водичка смотрел на фотографию, и Алиса увидела, что он тоже готов был заплакать. Водичка страдал. Водичке было плохо!

– Вы сказали, – Алиса решила ковать железо, пока горячо, – вы сказали, что получили весточку от родителей Лары совсем недавно.

– Я не помню... – Как грустно было смотреть на испуганного пожилого человека, по глазам которого было видно, что он мечтал об одном – чтобы девочки ушли отсюда как можно скорее.

– Вам передал привет кладоискатель!

– Не может быть!

– Значит, вы не друг моему папе! – воскликнула Лара. – Вы его враг. Я думаю даже, что вы его предали, а может, даже убили!

– Как ты можешь так говорить! – закричал в ответ Водичка. – Ради Коралли я готов был пожертвовать своей головой!

– Никто не требует от вас такой жертвы, – сказала Алиса. – Но мы хотели услышать хотя бы два слова. Где они сейчас? Где?

– Где?

Водичка готов был уже сказать, но занавеска откинулась вновь. За ней стояла черная горилла. Единственный глаз ее горел алым светом.

– Пошли, – сказала она, – нам надоело ждать. А то мы твоих девочек вместо тебя за стол посадим.

– Иду, – сказал Водичка быстро. – Сейчас я их выведу наружу, они сядут в катер, а я вернусь.

– Мы вместе пойдем, – сказала горилла. Она положила лапу с золотыми когтями на плечо Водички, и лапа была такая тяжелая, что Водичка буквально осел под ее тяжестью. Алиса заметила, что у гориллы шесть пальцев.

– Я никуда отсюда не пойду! – вдруг закричала Лара Коралли. – И не надейтесь! – Она обернулась к горилле, совсем не испугавшись

ее: – Вы не представляете, какой подлый человек этот Водичка! Он знает, где мои несчастные родители! Он даже получил от них весточку – совсем недавно. И не хочет мне сказать.

Водичка побледнел. Он смотрел в пол.

– Лара! – укоризненно сказала Алиса. – Как тебе не стыдно! Помолчи!

– А мне не стыдно! Это ему должно быть стыдно!

– Правильно, – зарычала горилла. Рядом с ней возникла змеиная голова в очках. Голова улыбалась. Алисе показалось, что она видит дурной сон.

– Правильно! – прошипела змея, языком сняла очки и начала их крутить кончиком языка.

– Как тебе не стыдно, старый Водичка, – сказала горилла, – скрывать от девочки такой пустяк. Да скажи ты ей, где ее папочка и мамочка, скажи, не стесняйся!

Какие-то другие рожи лезли в закуток, и все кричали:

– Скажи, скажи!

Водичка медленно отступал в угол. Глаза у него стали почти белыми, усы опустились, как тряпки...

– Скажите! – громче всех требовала Лара.

– Они улетели на Землю, – сказал тогда Водичка. – Они на Земле, на острове Гренландия. Они разводят там апельсины.

– Ура! – закричала горилла. – Правда торжествует! Я хочу апельсинов!

Остальные рожи тоже кривлялись, смеялись, подмигивали, жмурились, а у синего карлика с тремя головами все три носа превратились в апельсины, и тогда другие существа, завидев это, набросились на него, желая оторвать апельсины.

– Как звали кладоискателя, который вам это рассказал? – спросила Алиса, глядя на Водичку в упор.

Тот расслышал ее слова в шуме, царившем вокруг, и ответил, подмигнув Алисе:

– Плеш Корявый.

Горилла, которая нависала над ними и в драке не участвовала, сразу заподозрила неладное.

– Что ты сказал? – зарычала она. – Какой такой Плеш? Признавайся, что ты сказал?

– Пускай они уходят! – закричал в ответ Водичка. – Нам еще не хватало, чтобы сюда вслед за ними пожаловал галактический патруль. Ведь они же сообщили, куда летят.

– Наш катер на постоянной связи с центром, – подтвердила Алиса, понимая, что Водичка не зря сказал о патруле.

– Давайте я вас провожу до катера, как положено гостеприимному хозяину, – сказал Водичка, но горилла тут же схватила его за рукав.

– Никуда ты не пойдешь. Ты забыл, что тебя ждут друзья?

Держа золотыми когтями старого капитана, она приказала девочкам:

– А вы гуляйте отсюда, гуляйте, не задерживайтесь. Ваше счастье, что мои ребята сегодня добрые, не хотят с вами связываться. А то бы ваши белые косточки остались сушиться в нашей печурке.

Все, кто слышал эту шутку, расхохотались. Горилла потащила Водичку к столу, на котором были разложены карты, а вокруг сидели три бандита устрашающего вида, один даже был покрыт зеленой чешуей, с глазами, торчащими на палочках. Игроки встретили появление капитана радостными воплями, и Водичка уселся на свободный стул.

– Скорее! – сказала Лара. – Побежали на катер, нам надо вернуться в Галактический центр. Папочка и мамочка ждут меня там!

– Беги, – сказала Алиса. – Спрячься в катере, а я пока закончу здесь дела. Хорошо?

Алиса пыталась говорить совершенно спокойно, будто ее дела заключались в том, чтобы забрать забытую булавку или полюбоваться закатом.

– Только ты не долго, – сказала Лара. – Мне страшно.

– Никому, кроме меня, не открывай люк. Хорошо?

– Конечно, я никому не открою. Может быть, и тебе не открою.

Лара наконец-то улыбнулась.

Но Алиса ничего смешного в этих словах не уловила. Она смотрела вслед рабыне, пока та шла по ресторану, улыбаясь направо и налево завсегдатаям, и Алиса боялась, как бы кто-нибудь ее не задержал. Но обошлось.

Глава пятая
НОВЫЙ ДРУГ

Алиса заметила, что пан Водичка, усевшийся за стол с гориллой и ее друзьями и вроде бы погруженный в карточную игру, не спускал с Алисы глаз, стараясь это сделать незаметно для своих товарищей. Не отпускал Алису и красный глаз гориллы. Видно, и ей было любопытно понять, почему эта девочка не убегает со всех ног из ресторана.

Алиса обратила внимание и на юного худого очкарика с длинными волосами, который явно не подходил этой компании. Очкарик глядел вслед Ларочке.

Перед ним на столе стоял стакан малинового сока и лежала книжка.

Алиса задержалась, потому что была совершенно уверена, что пан Водичка сказал неправду. Конечно же, ни папы Коралли, ни мамы Коралли на Земле не было. Ведь компьютер проверил все справочные отсеки Галактического центра и всех планет Галактики – не было ли запроса о пропавшей девочке, по описанию похожей на Лару. Разумеется, девочки всегда пропадали и пропадают. Не так часто, как мальчики, но и не редко. Обычно исчезновения кончаются благополучно. Например, девочка решила повидать свою бабушку в другом городе или своего друга из соседнего класса. Бывают девочки, которые хотят улететь в космос. Но бывает, что девочка пошла купаться в незнакомом месте и утонула, убежала в лес, и ее не нашли... Однако ни в одном справочном центре не нашлось запроса с описанием Лары Коралли. Значит, ее никто не искал. А если бы папа и мама Коралли были живы и свободны, они наверняка бы искали свою дочь!

Да и пан Водичка странно себя вел. Почему он подмигнул ей, когда назвал имя кладоискателя, который якобы передал ему привет от папы и мамы Коралли? И что за странное у него имя – Плеш Корявый? Водичка, конечно же, что-то хотел сказать Алисе. Но не смел, потому что подслушивала горилла. Эта горилла, конечно же, не простая горилла!

Пока Алиса так рассуждала и мысли стремительно пролетали в ее голове, Лара дошла до дверей ресторана и обернулась. Даже сквозь дым и на таком расстоянии было видно, какая она хорошенькая и стройненькая. И если бы не такой капризный характер, цены бы ей не было. Но, наверное, этот недостаток у нее выработался оттого, что она росла в неволе и без родителей.

Алиса посмотрела на молодого человека, который пил малиновый сок и вежливо поднялся, когда они с Ларой вошли в ресторан. Увидев, что Лара вот-вот уйдет, он вскочил со своего места и кинулся за ней.

Но приблизиться не посмел, а в нескольких шагах от дверей остановился, переминаясь с ноги на ногу. Глаза его как бы неслись вперед, а сам он не мог преодолеть свою робость.

Лара затылком почувствовала горячий взгляд, обернулась в дверях и улыбнулась молодому человеку. Не потому, что он ей особенно понра-

вился, а потому, что в глазах его было видно такое восхищение красотой юной рабыни, что ей это было очень приятно.

Но движение молодого человека заметила и подручная гориллы – змея в очках. Она поднялась на хвосте и, ловко крутя им, понеслась вслед за молодым человеком.

– Назад! – прошипела змея. – Наружу не выходить, на девицу не глядеть.

– Как вам не стыдно! – возмутился юноша, пытаясь оттолкнуть змею, но та мгновенно обвилась хвостом вокруг щиколоток молодого человека, рванула его на себя, и он, не удержавшись на ногах, грохнулся на пол, да притом так неудачно, что ушиб локоть, а кто-то из друзей гориллы, совсем уж расшалившись, кинул в него его же рюкзаком, и камни, которые были в рюкзаке, расшибли юноше лоб. Все вокруг хохотали, а если среди этой компании и были порядочные люди, они предпочитали не вмешиваться, чтобы самим не досталось.

Юноша пытался подняться, но это ему удалось не сразу. Он с трудом сел, держась за голову. Между пальцев у него текла кровь.

Лары уже не было в зале, и она всего этого не видела, но Алиса, которая оказалась свидетелем этой сцены, кинулась к молодому человеку, желая ему помочь. Она присела рядом с ним и спросила:

– Вам больно?

В тот момент ей было все равно, обращают на нее внимание или нет, смеются ли над ней эти негодяи. Но она уже поняла, что на нее никто не обращает внимания, – в зале снова поднялся привычный шум, даже картежники во главе с гориллой вернулись к своим делам.

– Принеси воды! – приказала Алиса роботу-официанту, который как раз подъехал к молодому человеку, намереваясь отодвинуть его в сторону, чтобы тот не мешал носить подносы.

Робот подчинился. Алиса протянула юноше свой платок.

– Это компания мерзавцев, – сказал юноша Алисе, словно был с ней давно уже знаком. – Я им покажу...

– Погодите, вытрите сначала кровь, – сказала Алиса.

Молодой человек был очень бледен, у него было приятное лицо с широким носом и карими раскосыми глазами, волосы были длинные, прямые и черные, они падали на плечи и были перетянуты ремешком.

– Нет! – молодой человек словно очнулся. – А где ваша подруга? Ей здесь опасно... и вам тоже, простите меня!

– Лара в безопасности, – сказала Алиса, – она пошла к катеру, который стоит у самого входа в ресторан.

– Надо проверить, – сказал юноша решительно.

Подкатил робот со стаканом воды. Алиса намочила свой платок и передала молодому человеку, чтобы он приложил его к рассеченному лбу.

– Погодите, – сказала она, – давайте отойдем к зеркалу, вам будет лучше видно.

На самом-то деле у Алисы была задняя мысль. Ей надо было под благовидным предлогом отвести в сторону от игроков этого молодого человека, который, очевидно, не принадлежал к их бандитской компании. И задать ему один очень важный вопрос.

Молодой человек поднялся, опираясь на руку Алисы. У него были тонкие руки и ноги, и даже странно было, как он смог выжить в этой жестокой пустыне.

– Меня зовут Вага Бычий Хвост, – сообщил юноша скорбным голосом.

– Бычий Хвост? – удивилась Алиса.

– Да, именно так!

Алиса поняла, что лучше не задавать вопросов, и повела его к зеркалу. Горилла что-то закричала вслед.

Но Алиса не стала оборачиваться. Вслед за криком гориллы послышался раскатистый хохот игроков.

Увидев себя в зеркале, Вага Бычий Хвост ужаснулся и чуть не упал в обморок.

– Я не выношу вида крови, – признался он Алисе. Но она и без того уже догадалась, что Вага – не самый храбрый человек на свете.

– Вам надо на свежий воздух, – сказала Алиса громко, чтобы, кто хочет услышать, услышал. – А то вам будет плохо.

Алиса была права – в ответ на эти слова с рамы зеркала скользнула вниз голубая рогатая толстая ящерица. Алиса увидела, как она кинулась между столов, взобралась на плечо горилле и начала что-то шептать.

Никто не мешал им выйти на улицу.

Снаружи было прохладно. День кончался – скоро ударит мороз.

Катер стоял совсем неподалеку. Люк был приоткрыт, из него выглядывало хорошенькое личико бывшей рабыни. Когда же она увидела, что из двери ресторана вышли рядышком Алиса и Вага Бычий Хвост, который прикладывал платок ко лбу, она так удивилась, что выпрыгнула из катера.

– Назад! – прошипела змея. – Наружу
не выходить, на девицу не глядеть.

– Что случилось? Если он на тебя напал, то живым отсюда не уйдет! Я собственноручно выцарапаю ему глаза!

Молодой человек оробел, отступил обратно к двери ресторана и забормотал так неразборчиво, что и Алиса ничего не поняла.

– Ничего страшного не случилось! – громко сказала Алиса, которая была убеждена, что и снаружи ресторана найдется кому подслушивать. – Мой знакомый Вага нечаянно упал и ушибся. Я вывела его подышать свежим воздухом.

И правильно почувствовала Алиса: тут же камень, что мирно лежал у входа в ресторан, выпустил из-под себя тонкие ножки и побежал к двери. Алиса поняла, что он спешит донести горилле или змее в очках. А может, и самому Водичке? Может быть, он лишь притворялся другом семьи Коралли, а на самом деле давно уже всех предал, проиграл в карты?

– Я люблю дышать свежим воздухом, но на улице так холодно, что можно заболеть воспалением легких, – сказала Лара.

– Ой! – воскликнула Алиса, которой только и нужно было, чтобы Лара сказала что-нибудь подобное. – Конечно же, я тоже замерзаю! А Ваге в его состоянии нельзя ни минуты оставаться снаружи. Пошли скорее в катер!

Говоря, Алиса не спускала глаз с входа в ресторан, желая узнать, кто же побежит доносить горилле.

И когда она увидела, как кучка песка собралась в колбаску и поползла к двери, она подождала, пока песчаная гусеница поравнялась с ней, и резким движением ноги отбросила ее подальше от входа. И тут же побежала к катеру.

Вага, пошатываясь от слабости, засеменил следом.

Лара отступила, пропуская их внутрь катера.

– Давно пора, – сказал катер, – я сижу и думаю: вы дураки или у вас спорт такой – кто скорей замерзнет?

И катер, у которого самым главным чувством было чувство черного юмора, залился смехом.

Алиса не обратила на это внимания. Только приказала ему закрыть люки и подняться в воздух.

– Правильно, – согласился катер.

– А как же я? – спросил Вага. – Ведь скоро будет такой мороз, что мне не вернуться в ресторан. И мне негде будет ночевать.

Алиса не стала тратить время на споры с молодым человеком.

– Вы нам нравитесь, – сказала она твердо. – Вы производите впечатление порядочного человека. Расскажите, как вы оказались в этой компании.

– Я оказался здесь намеренно, – сказал Вага Бычий Хвост. – Я родом из небольшого индейского племени манахо, которое обитает в Бразилии. Когда я родился, я был таким худеньким, что наш жрец дал мне имя Бычий Хвост. Такое имя можно носить только маленькому мальчику, потому что мужчине оставаться Бычьим Хвостом позорно. Вскоре мои родители уехали со мной в город Рио-де-Жанейро и нашли у меня способности к игре на флейте. Я поступил в музыкальную школу. Мои родители совсем не хотели, чтобы кто-нибудь вспоминал, что в моих венах течет кровь диких индейцев сельвы.

Когда я подрос, мне надо было становиться мужчиной. Но я узнал, что не имею права поменять свое детское прозвище на настоящее имя, пока не пройду испытания, которые надо проходить юноше, чтобы стать мужчиной. А как это сделать, если к тому времени наше племя превратилось в ансамбль народного танца и покинуло леса? Оно гастролирует теперь в Европе и в Китае. Так что у меня не осталось возможности пройти испытания на мужество. Но и оставаться с позорным именем Бычий Хвост я не желал. И тогда в один прекрасный день я понял, что игра на флейте не мое призвание, а призвание моей мамы. Я сломал флейту о колено и отправился совершать подвиги.

– Ой, о колено! – ахнула Лара. – А я обожаю, когда играют на флейте.

– Когда это делает настоящий мужчина – может быть! – ответил худой индеец. – Но когда это делаю я – это стыдно.

– И вы полетели сюда?

– Да, я прочел, что здесь лежит суровая пустыня, что здесь настоящие мужчины ищут и находят клады. И я тайком от родителей улетел сюда.

– Вы бросили папу и маму? – спросила сквозь слезы Лара.

– Я был вынужден.

– А мои папа и мама бросили меня, – сообщила Лара.

– Лара! – укоризненно сказала Алиса.

– И вы стали мужчиной? – спросила Лара, глядя на молодого человека.

– К сожалению, я еще не успел, – сказал юный индеец. – Я оказался недостаточно физически развит для пустынных переходов, а все мои деньги я проиграл в карты Илеше и Горынычу.

– Это кто такие?

– Вы их видели – это черный одноглазый гориллоид и его пособник, змей в очках.

– Они мне с первого взгляда не понравились, – сказала Алиса.

Лара принесла чай и накрыла на стол. Несчастный кладоискатель Вага Бычий Хвост с восторгом смотрел на то, как она расставляет чашки.

– А как же вы собираетесь стать настоящим мужчиной? – спросила Алиса.

– Как только найду настоящий клад и совершу два-три подвига, тогда смогу официально поменять имя.

– И вы придумали какое? – спросила Алиса.

– Конечно. Бычий Рог!

– Но ведь почти никакой разницы! – воскликнула Алиса.

– Как так никакой? Хвост ведь сзади, а рог спереди.

Алиса с улыбкой согласилась и тут же задала следующий вопрос:

– Вага, скажите, а вы знаете человека по имени Корявый Плеш?

– Здесь?

– Разумеется.

– Но здесь нет такого человека!

– Вы уверены?

– Я совершенно уверен.

У Алисы сердце упало. Она так надеялась, что Водичка сказал ей настоящее имя, что он хотел помочь им, но по какой-то причине не мог. А оказалось, что он просто обманул ее. Или если такой человек и есть где-нибудь, то живет он, конечно, не на этой планете.

– Произошла какая-то ошибка, – продолжал молодой человек. – Дело в том, что Плеш Корявый – это место. Самое дикое место в этой пустыне.

– Вы уверены? – Алиса готова была расцеловать Вагу.

– Конечно. Бывать там я не бывал, но знаю.

– Вы бы лучше меня спросили про Плеш Корявый, – сказал катер, который всегда все слышал и умел вмешаться в разговор именно тогда, когда никто этого не ждал.

– А ты тоже знаешь?

– Как же не знать, если это место есть на карте.

– И что оно значит?

– Когда-то там был замок или крепость той планеты, которая раскололась. Стены и подвалы его были такие крепкие, что частично сохранились

и по сей день. Среди кладоискателей крепость пользуется дурной славой. Никто еще не смог проникнуть внутрь и вернуться живым. И если все же находился кладоискатель, готовый на такой подвиг, он обязательно пропадал без вести.

– Это правда, – подтвердил Вага. – Я тоже хотел отправиться туда, чтобы доказать моему племени, что я настоящий мужчина, но не смог добраться, потому что у меня кончилась вода.

– Поэтому и остался живой, – сказал катер. – В этом тоже есть свои преимущества.

Глава шестая
ЗАМОК В ПУСТЫНЕ

– Раз Плеш Корявый – это место, а не человек, значит, там есть человек, – глубокомысленно сказала прекрасная рабыня, и Вага-индеец согласно кивнул головой. Любое слово, сказанное пунцовыми губками Лары Коралли, казалось ему верхом мудрости.

– Раз так, – согласилась Алиса, – значит, нам надо туда лететь, а прилетев, спросить, знает ли кто-нибудь там о супругах Коралли. Ты понял, катер?

– Милая девочка, – сказал катер, – в серьезных делах всегда лучше посоветоваться со старшими и более опытными существами. Например, со мной.

– Я уже начала советоваться, – сказала Алиса.

– Так мой совет таков: забудь, Алисочка, о Корявом Плеше. Туда нормальные катера не летают.

– Почему, если это не секрет? – спросила Алиса.

– А потому что туда долететь нельзя. По крайней мере, я не повезу моих пассажиров на верную смерть.

– Но почему на смерть? – спросила Лара.

– Я же говорил! – сказал Вага Бычий Хвост. – Никто туда не ходит.

– А откуда ты узнал, что туда ходить нельзя? – спросила Алиса.

– Все говорят! – удивился Вага-индеец. – Ты спроси любого в «Водах Водички».

– Но если они туда не ходили, – сказала Алиса, – откуда они знают, что туда нельзя ходить?

– А никто не говорит, почему нельзя ходить. Все только говорят, что нельзя, – сказал Вага.

– А вдруг все наоборот? – спросила Алиса. – Представь себе, что в том замке хранятся самые главные богатства пустыни и только твой противный гориллоид и его друзья туда ходят. Конечно же, им не хочется, чтобы кто-то другой узнал о сокровищах.

Эта мысль заставила Вагу сильно задуматься.

– Но ты же не будешь утверждать, – вмешался в разговор катер, – что на базе, к которой я приписан, тоже сидят гориллоиды и обманывают нас, честных исследователей, утверждая, что к Корявому Плешу летать нельзя.

– А на базе откуда знают об этом запрете? Кто первый сказал, что туда летать нельзя? Вспомни.

– К сожалению, я не обладаю такой информацией, – сказал катер.

– Тогда я предлагаю лететь к Плешу Корявому немедленно! – сказала Алиса. – Кто против?

– Я против, – сказал катер. – Во мне же записано: летать не рекомендуется.

– Катер, катерочек! – взмолилась Лара Коралли. – Неужели ты не понимаешь, что там, вернее всего, сидят мои мама и папа и ждут меня не дождутся.

– И давно ждут? – спросил деловито катер.

– Точно я тебе не скажу, – ответила Лара, – но не меньше десяти лет.

– Значит, сильно соскучились, – сказал катер и не двинулся с места.

И неизвестно, чем бы кончился этот разговор, если бы Вага, выглянув в иллюминатор, не увидел, как двери в ресторане пана Водички распахнулись и оттуда выбежал гориллоид, размахивая бластером, а за ним выполз змей в очках и выскочил двугорбый карлик.

– Опасность! – крикнул Вага Бычий Хвост.

– Вижу, – ответил катер. – Поднимаюсь выше. Это единственный способ спасти вверенных мне пассажиров.

И тут же он взлетел вверх, успев подложить мягкие маты под пассажиров, которые, конечно же, не удержались на ногах из-за неожиданной перегрузки.

– Теперь куда? – спросил катер, когда ресторан пана Водички превратился в белый кубик на буром одеяле пустыни и фигурки злодеев уже нельзя было разглядеть. Но это, конечно же, не означало, что бандиты откажутся от преследования. Раз они заподозрили неладное, то, конечно

Двери в ресторане пана Водички распахнулись
и оттуда выбежал гориллоид.

же, сделают все, чтобы догнать и убить опасных соперников, – такие здесь нравы!

– Ты знаешь куда! – ответила Лара. – В крепость Плеш!

Черные кудри ее разметались кольцами по плечам, щеки раскраснелись, карие глаза сверкали так, что, казалось, могли прожечь обшивку катера.

– Я не могу выполнять приказы несовершеннолетней девушки, которая находится в нервном состоянии, – сказал катер. – Лучше уж я буду слушаться Алису.

– Давай посмотрим на Плеш сверху, – сказала Алиса, – не спускаясь. И тогда станет понятно, что нам угрожает.

– А какая высота безопасна? – спросил катер.

– Не бойтесь! – сказал Вага Бычий Хвост, который в присутствии Лары становился очень храбрым. – В случае чего я вас защищу!

– Я возьму повыше, – сказал тогда катер. – Поглядим на этот Плеш с высоты в два километра.

Алиса уселась в пилотское кресло и смотрела на экраны. Она опасалась, нет ли за ними погони. Но, видно, возле ресторана у злодеев не было своего летательного аппарата.

Впереди показалось серое, в цвет песка, сооружение. Как будто ребенок играл на берегу, построил замок из песка, а потом ушел, а замок разрушило ветром и водой.

– Плеш Корявый, – произнес катер.

– Странное название, – сказала Алиса.

– Кладоискатели дали, – сказал катер. – А они народ грубый, необразованный.

Алиса включила экран переднего вида, чтобы дать увеличение.

Крепость казалась совершенно безжизненной. Даже трудно было поверить, что здесь могут быть люди, – ни деревца, ни кустика на много километров вокруг, только неприветливые скалы полуразрушенного замка и песчаные барханы...

– Я опасаюсь, – сказал Вага-индеец, – что они могут сбить нас ракетой. Если в крепости сидят враги, то они заинтересованы в том, чтобы нас убить.

– Только не ракетой, – возразил катер. – Они же не дураки, они же знают, что мой полет контролируется Галактическим центром. Полагаю, что вам ничего не грозит до тех пор, пока вы находитесь во мне. Но вот когда вы меня покинете, я за вашу жизнь не поручусь.

– Спасибо за напоминание, – сказала Алиса. – Мы уж сами как-нибудь о себе позаботимся. Спустись-ка пониже, катер!

Катер послушно пошел вниз. Алиса дала на экране максимальное увеличение. Теперь ей был виден каждый камень стен, каждая бойница, каждая тропинка во дворе замка... но никаких следов жизни.

– Здесь никто не живет, – заявил катер раньше, чем Алиса сама успела сказать об этом.

– Вижу, – согласилась Алиса.

– Не может быть, – расстроилась Лара, – я так надеялась.

– Может, есть другой Корявый Плеш? – спросила Алиса.

– Нет, – сказал катер. – В моей памяти у него однофамильца нет. Да и нет смысла давать такое отвратительное имя сразу двум замкам.

– Нам повезло, – сказал вежливо Вага, стараясь успокоить Лару, которая готова была зарыдать. – Это хорошо, что твоих родителей здесь нет. Если бы они были, им бы пришлось туго.

– А ты прав, – согласилась Лара. – Здесь нет воды и нечего есть. Наверное, поэтому кладоискателям сюда нельзя ходить.

– Тебе не кажется, – спросила Алиса у катера, – что двор замка слишком чистый, как будто его специально подмели к нашему прилету?

Катер сделал вираж, и они пошли по кругу над развалинами замка.

– Смотрите! – крикнула глазастая Лара. – Там что-то лежит!

Алиса и катер увидели нечто блестящее, лежавшее неподалеку от тропинки, которая вела в замок.

Катер спикировал вниз и максимально увеличил блестящий предмет.

– Жестянка из-под пива, – разочарованно сказал Вага-индеец.

– Жалко, – сказала Лара. – Значит, какой-то человек здесь был, выпил банку пива и бросил ее...

– А ты как думаешь? – спросила Алиса у катера.

– Новенькая банка, – сказал катер.

Они сделали еще один круг над крепостью. Алисе показалось, что она видит следы на тропинке.

– Где будем садиться? – спросила Алиса.

– Зачем садиться? – удивилась Лара. – Ты же видишь, что моих родителей здесь нет.

– Ты уверена?

– Здесь нельзя жить!

– А я все-таки проверю, – сказала Алиса.

– Я опущусь у ворот, – сказал катер. – Внутренний двор для меня слишком мал.

– Я пойду одна, – сказала Алиса.

– Нет, – возразил Вага-индеец, – я с тобой. Я не позволю тебе идти одной.

– Температура воздуха за бортом минус двенадцать градусов, и она непрерывно понижается, – сообщил катер. – Полная темнота наступит через полчаса.

– Мне достаточно десяти минут, – сказала Алиса.

– Но ты простудишься, – сказала Лара, которая уже глубоко верила, что ее мамы здесь быть не может, и хотела как можно скорее отсюда улететь. Она устала за день, изнервничалась, и ей надоела эта упрямая Алиса.

– У меня теплый комбинезон, – ответила Алиса.

– Я все равно пойду с тобой, – сказал Вага-индеец.

– И не думай, дорогой Бычий Хвост, – сказала Алиса. – У тебя-то теплой одежды нет, и ты наверняка простудишься.

– Я в этом ни секунды не сомневаюсь, – сказал катер. – И вообще, никому из вас, дети, не следует сюда забираться.

– Я скоро вернусь, – сказала Алиса. – Отойдите от люка.

Она была права. Стоило люку открыться, как в него хлынул такой ледяной воздух, что Ларочка сразу закашлялась. Он обжигал щеки и хватал за нос. Алиса сунула руки в карманы и включила обогрев комбинезона.

Над земной вечерней пустыней поднялся морозный ветер. Он поднимал потоки песка и бросал в лицо. Перед Алисой возвышалась сложенная из громадных каменных блоков стена, в которой как раз впереди был пролом, словно кто-то штурмовал ее и пробил тараном. Через пролом тянулась тропинка, полузасыпанная песком.

Алиса обернулась. Катер надежно стоял за ее спиной. Он был похож на гриб с широкой шляпкой на короткой толстой ножке. Катер включил прожектор, и Алиса была благодарна ему – яркий расширяющийся луч света проник в замковый крепостной двор, и она пошла по нему, как по прямой светлой дороге.

Двор крепости был куда обширнее, чем казалось с вышины.

Здесь было чуть теплее, потому что сюда не проникал жгучий ветер. Алиса прислушалась. Было тихо... Впрочем, чего еще можно ждать от крепости, брошенной людьми много тысяч лет назад?

Банка из-под пива, которую они увидели с неба, куда-то пропала. А ведь Алиса отлично запомнила место, где она лежала.

Алиса быстро прошла через двор до того места, где должна была быть банка. Сюда не достигал луч прожектора. Алисе пришлось зажмуриться и посчитать до двадцати, чтобы глаза привыкли к темноте. Она открыла глаза – теперь лучше видно вокруг. Вот здесь должна лежать банка из-под пива. Алиса пригляделась и увидела следы, которые доходили до того места, где она стояла, потом поворачивали обратно. Как будто кто-то вышел из замка, чтобы подобрать забытую банку и унести ее.

Что ж, не остается ничего иного, как поглядеть, куда же ведут следы. Алиса ощутила страх, который маленькими ножками пробежал по ее спине.

Вернуться? Еще чего не хватало!

Она пересилила себя, заставила непослушные, вдруг ослабевшие ноги пересечь двор, обогнуть высохший колодец, пройти к черной пасти входа в замок.

Алиса остановилась перед входом и тихо спросила:

– Эй, здесь кто-нибудь есть?

Глухая, тяжелая, зловещая тишина была ей ответом.

Алиса сделала несмелый шаг вперед. И тут услышала быстрый сухой шорох. Шорох приближался – Алиса отскочила назад... Из черного пролома выскочила песчаная крыса с длинным пушистым хвостом и умчалась вдоль стены.

Вот видишь, сказала себе Алиса, ничего страшного здесь нет. Она ступила внутрь замка. Но храбрости, чтобы сделать еще один шаг, не осталось. Стоя в проеме, Алиса осмотрелась.

Крыша замка обвалилась в незапамятные времена, и поэтому были видны звезды на синем темнеющем небе и серые быстрые облака. Когда глаза привыкли к сумраку, можно было различить внутренность замка – круглое помещение, в центре которого – груда песка, дальше – плоский камень... а у стены... Нет, не может быть!

У стены, согнувшись, накрытый плащом или одеялом, скрестив ноги, сидел человек.

Он сидел неподвижно, лишь белые руки лежали на черном одеяле, а из-под козырька поблескивали глаза. А может быть, это воображение Алисы?

– Простите... – сказала Алиса, голос ее сорвался, – простите, вы меня понимаете?..

Человек ее не замечал.

– Простите, – сказала Алиса, отступая к выходу. – Мне нужно узнать, не живут ли здесь мои знакомые...

«Что за чепуху я несу!» – подумала Алиса.

Худая рука поднялась над одеялом, в темноте зашевелились губы, словно человек тщился что-то сказать... И вдруг со стоном он повалился на бок.

– Что с вами? – воскликнула Алиса.

Человек хрипел и в отчаянии тянул к Алисе худые руки.

– На помощь... на помощь... – различила Алиса.

Она забыла о своем страхе и кинулась к человеку.

И когда до него оставалось два шага, песок под ее ногами поддался, образовалась воронка, и Алиса заскользила внутрь, в темноту...

Глава седьмая
ПУСТЫННЫЕ КРОЛИКИ

Алиса отчаянно сопротивлялась, пытаясь уцепиться за край воронки, которая втягивала ее в холодную, душную тьму. Песок, мелкий и мерзлый, норовил забраться в нос, в рот, грозил задушить Алису, он сомкнулся над ее головой, полностью поглотил ее, закрутил... И вдруг скольжение превратилось в падение – и Алиса вместе с потоком песка полетела вниз.

Падение было недолгим – Алиса ничего не увидела и не сообразила. Правда, она не ушиблась, потому что упала на песчаный холм, который насыпался сверху, через дырку в сводчатом каменном потолке. Песок продолжал еще сыпаться, но все меньше и меньше, и наконец Алиса смогла увидеть круглое отверстие и в нем – бегущие облака и редкие звезды. Значит, она смотрела на небо из подвала замка. Значит, сверху, в полу, засыпанном песком, нечаянно или нарочно образовалась дыра, в которую, как водоворот, и утянуло Алису.

Если все это случилось нечаянно, надо будет ждать, пока ее найдут и вытащат из этого подвала. И хоть ее помощники Лара и Вага – не очень смелые и умелые, но не бросят же они ее на страшной планете! Только бы не замерзнуть в этом темном подвале.

Алиса поднялась и сразу утонула по колени в песке.

Тишину нарушало только шуршание ее подошв по песку...

Она вспомнила о таинственном человеке, который звал на помощь. Что с ним? Он остался там, наверху? А может быть, совсем не случайно плита пола откинулась под ее ногами?

Алиса снова кинула взгляд вверх и тут увидела, как на краю отверстия, закрывая свет звезд, появился черный силуэт человеческой головы.

Человек молчал, словно вслушивался, жива ли Алиса. Дыхание у него было прерывистым, старческим.

Алисе показалось, что взор этого человека может проникать сквозь тьму. Она невольно отступила назад. Еще шаг, еще...

И вдруг ее спина уперлась во что-то твердое.

Алиса попыталась отскочить от препятствия, но сильные руки схватили ее за плечи.

– Поймал? – спросила черная голова из провала.

– Здесь. Не трепыхается, – ответил человек, крепко схвативший Алису.

Алиса пыталась вырваться, но держали ее крепко, и она поняла: лучше узнать, кто поймал ее, чего эти люди от нее хотят...

– Я буду кричать! – сказала Алиса. Сказала не очень громко, как будто излагала ультиматум.

– Только попробуй! Я тебя придушу, – ответил человек, который ее держал.

Пока Алиса раздумывала, привести ли ей в исполнение свою угрозу или помолчать, человек сверху сказал:

– Раз все в порядке, я закрываю плиту.

– Только песочком сверху присыпь, не забудь, – ответил тот, кто держал Алису. – Чтобы никто не увидал.

– Не беспокойся, – ответил голос сверху.

Заскрипел камень о камень, зашуршал песок... Алиса увидела, как отверстие над головой сужается, исчезает.

Удар!

Все. Полная тишина и темнота.

– Дайте свет, – сказал мужчина, который держал Алису.

И тут же откуда-то со стороны ударил сильный луч фонарика. Он ослепил Алису, она зажмурилась.

– Пошли, – сказал он. – Можешь кричать, если тебе так нравится. Но предупреждаю, что никто и никогда не услышит твоего голоса, – ты и не представляешь, до чего здесь толстые стены.

Он подтолкнул Алису в спину, и она послушно пошла вперед. Она поверила мужчине, что стены здесь такие толстые и что ее криков никто никогда не услышит.

Алису повели по крутой каменной лестнице вниз, открылась со скрипом железная дверь, затем еще одна. За ней неожиданно начался белый, чистый, светлый коридор, словно Алиса попала в больницу.

По обеим сторонам коридора шли голубые двери, к которым были прикреплены таблички с именами: «Профессор Валишели», «Доктор Бебу-Бетуди», «Доцент А-А-Амара»... Вдруг Алиса замерла. Она увидела табличку, на которой было написано: «Исследователи Карл и Салли Коралли».

– Что здесь? – спросила Алиса и, обернувшись, впервые увидела человека, который ее вел.

– Здесь? Научный центр, – ответил конвоир и улыбнулся.

Алиса сразу узнала это грубое, толстое лицо с густой щетиной черных волос над низким лбом. Оно принадлежало рабовладельцу Панченге Мулити, которому совсем недавно удалось сбежать от Пуччини-2.

– Что вы здесь делаете? – спросила Алиса.

– По твоей милости я в отпуске, – злобно ответил рабовладелец. – Я разорен и вынужден был бежать к моему папе.

Навстречу им по коридору, мирно беседуя, прошли два старика в голубых халатах и шапочках. Они оживленно спорили о каком-то растворе. При виде Алисы и Панченги они вежливо поклонились, вовсе не удивившись тому, что разбойничьего вида мужчина ведет по научному центру девочку.

Чем же занимаются ученые в подземельях под пустыней?

Наконец Панченга Мулити отпустил плечо Алисы. Она растерла его – плечо затекло, так крепко в него впивались толстые пальцы рабовладельца.

Он протянул вперед руку и толкнул ручку последней двери в коридоре.

– Я привел, – сказал Панченга, заглядывая в дверь.

– Вижу, – ответил оттуда глубокий голос. – Заводи!

И Алиса оказалась в большой низкой комнате, устланной коврами и звериными шкурами, на полу стояли кованые светильники, сверху опускались чеканные люстры, в камине полыхал огонь. В комнате было жарко, словно ее хозяин боялся простуды.

Он подтолкнул Алису в спину, и она послушно пошла вперед.

Алиса не сразу разглядела самого хозяина. Он сидел у камина в низком мягком кресле, накрыв ноги клетчатым пледом. Он был на одно лицо с братьями Панченгами, только куда старше их. Волосы его поседели, глубокие морщины избороздили щеки, под глазами – темные мешки. Уголки губ опущены к подбородку. В толстых пальцах папаши Панченги поблескивали похожие на виноградины крупные четки, которые он перебирал.

– Папа, – сказал Панченга-сын, – все было сделано, как ты велел.

– Отлично, – сказал Панченга-папа. – Спасибо, мой мальчик.

Мальчику было лет сорок, не меньше, но Алисе в тот момент было совсем не смешно. Она понимала, что эти люди не умеют шутить.

На большом столе возвышалось какое-то сооружение, которое представляло собой пирамиду высотой примерно в полметра, обожженную, поцарапанную, всю в ссадинах и вмятинах. Без сомнения, это был космический корабль адмирала Панченги, превращенный вместе с командой в лилипутов директором циркового училища Пуччини-2.

Значит, корабль добрался до базы семейства Панченгов, но увеличить его до настоящего размера, а значит, увеличить и всех его пассажиров, пока не удалось.

– Вот ты какая, Алиса Селезнева, – сказал Панченга-папа. – Мне интересно поглядеть на птичку, которая доставила столько неприятностей нашему семейству.

– Мне тоже интересно посмотреть на вас, – сказала Алиса. – Я думала, что в Галактике существуют два брата Панченги. А вот теперь встретилась с их папой.

– Помолчи, – устало сказал Панченга-папа. – Здесь все такие разговорчивые – страшно жить на свете. А говорить буду я. Ты согласна?

– Согласна, но мне очень хочется пить, у вас так жарко.

– У меня не жарко, а тепло, – равнодушно ответил Панченга-папа. – А пить я тебе не дам. Ты все равно скоро умрешь, так что нет никакого смысла тратить на тебя воду.

– Это не очень вежливо, – сказала Алиса. – И к тому же я не понимаю, чем это я вас так рассердила, что вы хотите меня убить?

– Я все знаю, не притворяйся дурочкой, – сказал Панченга-папа. – Я знаю, что именно ты виновата в печальной судьбе моих родных. – Панченга-папа показал рукой на корабль, стоящий на столе. – Я знаю, что ты носишься по пятам за мной, чтобы помочь рабыне Заури. Хотя эта рабыня не стоит твоих забот.

Алиса не сразу разглядела самого хозяина. Он сидел у камина в низком мягком кресле, накрыв ноги клетчатым пледом.

– Но ребенку нужны родители! – сказала Алиса. – И я была права.

– В чем?

– В том, что ее родители тут!

– Откуда ты знаешь?

Алиса прикусила язык. Ну кто ее тянул за него!

Панченга-папа обернулся к сыну и спросил:

– Ты ей сказал?

– Ничего я не говорил!

– Значит, это сделал проклятый Водичка. Не надо было оставлять его в живых! Сейчас же радируй в ресторан, чтобы его растерзали. Там есть какой-нибудь гориллоид?

– Самый лучший, папочка, любого готов растерзать!

– Не надо терзать пана Водичку, – сказала Алиса. – Он ничего мне не сказал. Но у вас в коридоре висят таблички, а на табличках – имена ученых!

– Ну вот! – Панченга-папа чуть до потолка не подпрыгнул от ярости. – Попались на пустяке!

– Ну кто мог подумать, что мы будем водить по научному центру девчонок с Земли! – ответил Панченга Мулити.

– Тем более тебя придется быстренько ликвидировать, – сообщил Панченга-папа Алисе.

– Но меня будут искать. А когда догадаются, что вы со мной что-то сделали, вас жестоко накажут! – сказала Алиса.

– Нет, миленькая девочка, – ответил Панченга-папа. – Никто тебя не будет искать. Тебя уже нет в живых!

– Как так?

– Подумай! Случайно ты отыскала нашу секретную базу. И не только отыскала, но и притащила за собой катер с двумя интеллигентами! Что мне оставалось делать? Сбивать катер? Чтобы он перед гибелью сообщил обо всем в Галактический центр и сюда примчались все патрульные крейсера Вселенной? Нет, этого я себе не могу позволить. Отогнать вас пушками? Тоже глупо – через день ты вернешься сюда на крейсере. Значит, оставался лишь один выход: девочка с Земли Алиса Селезнева, не спросив брода, сунула свой маленький носик в самое заброшенное место на всем астероиде – в Плеш Корявый, где никто никогда не жил, где гнездятся только пустынные кролики и змеи. И, конечно же, неосторожный ребенок трагически погиб!

– Как же я погибла? – спросила Алиса.

– Самым естественным путем. Сейчас тебя отведут в загон, где мы держим пустынных кроликов, – это самые ядовитые твари во всей Вселенной. Они тебя растерзают... Косточки твои и обрывки твоей одежды мы выкинем в замок, из которого ты так благополучно к нам провалилась. И никакая экспертиза не догадается, что в твоей казни участвовал кто-нибудь еще, кроме кроликов... Несчастный случай, какая жалость... Так что жить тебе осталось пять минут. А то твои друзья начнут беспокоиться и полезут тебя искать. Конечно, мне бы хотелось их всех отдать кроликам, да боюсь, что переборщу, и это покажется подозрительным инспектору Крому.

– А вы знакомы с инспектором Кромом? – спросила Алиса.

– Не отвлекай меня, – сказал Панченга-папа. – Инспектор – пренеприятнейшая личность!

Алиса понимала, что должна думать очень быстро. Панченга-папа был такой спокойный и жестокий, что ему не заговоришь зубы, его ничем не отвлечешь. И план он придумал, с его точки зрения, безукоризненный. В самом деле – сунулась девочка в пустынный замок, а там какие-то твари... собирайте ее косточки. Куда более надежный способ так разделаться с врагом, чем сражаться в честном бою.

– А если я вам скажу, как можно увеличить корабль вашего сына и всех, кто там сидит внутри, вы оставите меня в живых?

– Нет, Алиса, – сказал Панченга-папа, – хоть мне очень грустно так тебе отвечать, я вынужден сказать «нет»! Мои ученые найдут способ увеличить корабль не сегодня-завтра. Они обещали. Иначе им не будут давать компота – непереносимое горе!

– Но я могу сделать это быстрее!

– Если бы мне было двадцать лет, я, может быть, и поддался бы на твои уговоры, девочка. А теперь я все понимаю... Нет, нет и еще раз нет! Ты позовешь своих родственников, а они позовут инспектора Крома... и нашу базу уничтожат... Лучше уж мои сынки подождут немного. Зато ни твоя симферопольская бабушка, ни мерзавец Пуччини-2, ни отвратительный инспектор Кром ничего не будут знать... Если больше вопросов нет, отведи, сыночек, девочку к кроликам, пускай они ею полакомятся!

Глава восьмая
ТАЙНА ПАПАШИ

– Папа, мне нужно поговорить с этим ребенком, – сказал Панченга Мулити.

– А мне нужно, чтобы ты его немедленно отдал на растерзание кроликам. Иначе базу обнаружат ищейки инспектора Крома, и из-за тебя я могу погибнуть.

– Я знаю. Я успею.

– Мальчики мои легкомысленные, – вздохнул папаша Панченга. – Смотрите вы у меня! Один лилипутом стал, другой своей сиенды лишился. Так ли я вас воспитывал? А ну-ка, включи обзорный экран! Вылезли они искать свою Алису или еще нет?

Панченга-младший покорно подошел к стене, отвел в сторону занавеску и включил большой, во всю стену, экран. От экрана буквально хлынул холод – он показывал, как в полумраке над песчаными барханчиками неслись снежинки, а каменные стены крепости нависали над таким маленьким и беззащитным катерком... Он стоял и ждал, как щенок, который ждет зимой у магазина своего хозяина.

– Давай я его ракетой полосну! Никто не узнает, папаша! – предложил Панченга Мулити.

– Нет тебе на это моего родительского благословения! – рассердился Панченга-старший. – Я же предупреждал тебя – через полчаса здесь будет галактический крейсер. Им только предлог и нужен, чтобы искоренить весь род Панченгов!

– Ну ладно, – сказал Панченга-сын, – но ты же видишь, что они не спешат искать девчонку. Значит, у нас есть время.

– Вылезут, скоро вылезут, – уверенно сказал папаша. – Этому мальчишке-индейцу стыдно станет, вот он и пойдет ее искать. Может, он сейчас одевается, ищет чего потеплее – небось за бортом градусов двадцать мороза?

– Двадцать два, – сказал Панченга-сын.

– Ладно, допрашивай ее, только быстро. Даю тебе две минуты. А я пойду перегоню на мой корабль ученых-мученых.

– Ох и осторожный ты стал, папа. Это возраст, да? – спросил сын.

– Это называется инстинктом самосохранения, – сказал Панченга-старший. – Этот инстинкт позволяет мне жить и оставаться на свободе уже шестьдесят с лишним лет.

Папаша тяжело поднялся с кресла и, не взглянув на Алису, пошел к выходу. Не закрывая за собой дверь, он крикнул хрипло:

– Кобры, ко мне!

Со всех сторон застучали каблуки. Панченга-сын недовольно поморщился. Сквозь открытую дверь Алисе были видны высокие воины в серых чешуйчатых комбинезонах. Вместо фуражек на головах воинов были приспособлены змеиные головы с раздутыми шеями, глаза змеиных шапок горели маленькими фонариками.

– Выводите ученых из их кабинетов, быстро! И всех гоните на мой корабль. Раз-два, чтобы без заминки. – С этими словами папаша вышел из комнаты.

«Ой, – испугалась Алиса, – а вдруг папаша Панченга увезет Карла и Салли Коралли куда-то на свою планету, придется снова их искать».

– Этого нельзя допустить! – сказала Алиса. – Родителей надо вернуть Ларе. Вы меня слышите?

– Я-то вас слышу, – сказал Панченга Мулити. – Но помочь ничем не могу. Я мечтал бы вас всех отпустить. Но папа и брат не разрешают мне быть порядочным человеком. Мне сорок лет, и все эти сорок лет я борюсь с моими родственниками. Все время терплю поражение. Они понимают, что я с ними не согласен, что я всегда твердо воздерживаюсь, когда они голосуют за казни и мучения невинных людей. Поэтому меня и держали на сиенде, на сельском хозяйстве. Ведь не исключено, что в один прекрасный день я наберусь смелости и выведу их всех на чистую воду.

– Прекрасный день уже наступил! – воскликнула Алиса.

– Когда?

– Сегодня. Давайте начнем выводить их на чистую воду!

Панченга-сын подумал немного и потом отрицательно покачал головой.

– Нет, – сказал он. – Еще рано. Еще слишком рискованно.

– Вы боитесь, что ваш брат, который сидит в этом лилипутском корабле, вас услышит? – спросила Алиса, показывая на пирамиду космического корабля. Было видно, что один из его люков раскрыт и в нем стоит махонькая фигурка адмирала Панченги.

– Нет, нет, я никого не боюсь. – Этот лицемер и обманщик так покраснел, что Алиса поняла – он на какое-то время совсем забыл о пирамиде, стоявшей на столе. И теперь перепугался. Иначе чем объяснить то, что его отношение к Алисе резко изменилось. – А ну! – закричал он вдруг,

хватая ее за руку и волоча к двери в коридор. – Немедленно на растерзание к пустынным кроликам! Чтоб твоего духу здесь не было!

Они оказались в коридоре. Там кипела невероятная суета. Бегали солдаты-кобры, стража Панченги-папы, спешили люди в черных мундирах, пробежал гориллоид... Все двери в комнаты были распахнуты, из комнат выволакивали ученых, а ученые старались вытащить вместе с собой нужные книги, кассеты, приборы. Все горланили, все торопились.

– И это все из-за меня? – спросила Алиса.

– Нет! Ты только ускорила бегство, – ответил Панченга-сын. – Если ты разузнала о базе, значит, инспектор Кром не за горами.

– Значит, все-таки я вас перепугала, – сказала Алиса.

– Много о себе думаешь, плохо кончишь, – ответил Панченга. Он все тащил за собой Алису, даже руку было больно.

– Да не спешите вы так! – крикнула ему Алиса. – Руку оторвете. Вас же никто из родственников сейчас не видит и не слышит. Переведите дух. У вас, наверно, сердце болит. При вашем-то лишнем весе!

– А ведь и впрямь, – согласился Панченга, замедляя движение. Свободной рукой он держался за сердце. – Так я долго не протяну.

Перед ними была лестница наверх. Возле нее дымил воткнутый в отверстие в стене факел. Панченга взял факел и сказал Алисе:

– Иди впереди, но не вздумай убегать. Убежишь – тебе же хуже.

Алиса нарочно не спешила. Она понимала, что каждая минута работает в ее пользу. Сейчас уже Вага вышел из катера и идет к крепости. Он осторожен...

Ее задача – тянуть время. Поэтому Алиса медленно, долго нащупывала ногой каждую ступеньку.

Но, как будто угадав ее мысли, Панченга толкнул Алису в спину.

– Иди как следует! Некогда мне с тобой цацкаться! Даже если твои косточки найдут в крепости и поверят, что тебя сожрали кролики, все равно в конце концов какой-нибудь гориллоид проговорится инспектору, а то и пан Водичка нас предаст... Разве можно верить людям? Ты иди, иди...

– А чего вам бояться? – спросила Алиса. – Вы же ничего плохого не сделали. Вы производите впечатление доброго и великодушного человека.

– Да, я такой! Я именно такой! Я лучше многих. И если бы не проклятая семья, которая меня затянула в преступный мир, я бы мог стать инженером, ученым, артистом, наконец!

– Еще не поздно.

– Поздно. Я совершенно разучился работать. А ты иди, Алиса, иди, тебя ждет быстрая и поэтому не очень мучительная смерть.

– А почему здесь ученые? – спросила Алиса. – Что они здесь делают?

Лестница оказалась короткой, за ней начался темный сводчатый коридор, сверху редко-редко падали капли воды...

– Если бы я не был уверен, что тебя через пять минут растерзают, никогда бы не сказал, – признался Панченга. – Это идея папаши. Он давно уже с ней носился. Мой папаша – ужас какой головастый! Он давно еще говорил: самое дорогое на свете – мозги! И если у нас с вами, мальчики, мозгов не хватает, то надо отобрать мозги у других людей. Мы, конечно, смеялись сначала, но папаша нас убедил. И с тех пор мой братишка адмирал Панченга как захватит корабль, то ребятишек и красивых девочек сразу ко мне, на сиенду. Им там память стирают, чтобы не шебаршились, и они начинают пропалывать ананасы. Некоторых продавали – кого куда... А если на корабле попадались ученые или изобретатели, мой адмирал их отвозил сюда, к папе, для этого специально подвалы под крепостью оборудовали.

– Но зачем?

– А затем, что в ученых головах всякие полезные мысли бродят. А ученый часто и не подозревает, какие они полезные. Мы этому ученому говорим: работай на нас!

– А если он не захочет?

– Это он только сначала не хочет. А если на него нажать – сразу захочет. Один кушать любит, второй за своих родных боится, третий обеднел... Надо только ключик найти. А как нашел, дальше сложностей не бывает. Ему прибор нужно – мы ему прибор доставим, ему химию подавай – мы ему эту химию подаем! Изобретай, трудись...

– И что-нибудь получалось?

– Ты думаешь, мы только грабим? Ничего подобного, нам сиенда хорошие доходы приносила. Нам ученые золотые яйца несут. Они изобретают, придумывают, а мы торгуем. Мы так разбогатели, что оборудовали под базу целую планету. Оттуда нас не выкуришь! Там для ученых – рай! Все условия, не то что здесь. Рай из чистого мрамора.

– А как же вы изобретениями торгуете?

– Для этого мой папаша ночей не спит, думает.

– Я не понимаю. О чем ваш папа думает?

– А он думает, как изобретение повернуть, перевернуть и наизнанку вывернуть.

Алиса пожала плечами.

– Ну, слушай! Есть, например, у нас один ученый, он изобрел средство, которое уничтожает трение. Понимаешь? Ты помазал подошвы этим средством и никогда шагу не сделаешь – умора? Скользят ботинки, и все тут! Этот чудик думал, что его средство в промышленности очень нужно, чтобы части станков не терлись друг о дружку. А нам станки ни к чему! Мы его изобретение чуть-чуть изменили и тирану Катациклу с Вапраососа продали баночку за тонну алмазов. Он этой мазью свою крепость смазал, и вот уже год, как его племянники эту крепость штурмуют, да не могут на стену влезть. Смешно? Еще хочешь пример?

– Хочу, – сказала Алиса. Ей-то некуда было спешить.

– Этот самый... как его... забыл, сделал заморозку. Если ею брызнешь на курицу – она тут же замораживается и уж не разморозится, пока антизаморозкой не капнешь. Для домашних хозяек удобно, для путешественников удобно... А папаша подумал и решил: это же замечательное оружие! Продали распылитель заморозки Дургу Брандердургу. Он этот распылитель поставил перед своим войском, когда с мачехой воевал, нажал на кнопку – и в мгновение ока заморозил все ее войско, включая и мачеху. А нам честно заплатил замороженными монетами.

– Очень интересно, но подло, – сказала Алиса. – Люди старались, хотели сделать лучше для всех, а вы все переворачиваете. И получается зло.

– А это не мы, Алисочка, придумали, – улыбнулся Панченга. – Это еще тысячу лет назад люди придумали. Это в истории тысячу раз было, и никто не удивлялся. Только ты решила удивиться. Сначала люди лодку придумали, чтобы через озеро переплыть, а другие к лодке таран приспособили, чтобы этим тараном чужие лодки топить. Одни люди самолет придумали, чтобы по небу летать, почту перевозить, и тут же другие пришли, посильнее да похитрее, и дали пилоту бомбу. Кидай, сказали, вниз на город, сверху убивать удобнее, чем с земли стрелять. И так, Алисочка, всегда и везде!

– Нет! – сказала Алиса. – Не всегда и не везде. Это вам только кажется, что таких, как вы, много. Такие, как вы, по углам и подземельям прячутся. Как крысы.

– Молчать!

– Я еще поговорю с учеными, я еще узнаю, как вам удалось их обмануть и запугать. Теперь я понимаю – вы и пана Водичку запугали.

– А почему бы и нет? Хоть он и не ученый, а нам пригодился. Мы ему простенько сказали: хочешь жить, хочешь, чтобы твои дружки Карл и Салли были живы, сиди в ресторане на краю пустыни и всех, кто хочет сунуть сюда нос, отпугивай. Вот он и сидит!

– Вы – законченные подлецы! – сказала Алиса.

– Ты не ругайся, не ругайся, – ответил Панченга. – Тебе в твоем положении сейчас лучше кидаться мне в ноги, умолять, чтобы я твою жизнь спас.

– Не буду умолять. Вы и так меня не убьете, – сказала Алиса.

– Ты почему так думаешь?

– Уж очень вы не спешите меня своим кроликам отдать на растерзание, – сказала Алиса. – И все мне рассказываете. Я думаю, что вы ждете, пока ваш папа улетит и всех ученых заберет, а потом сядете на маленький катерок, который где-то спрятали, и тихонько улетите в другую сторону.

– Это ложь и клевета!

– Тогда скажите, что же вам в самом деле от меня нужно?

– Совсем пустяк. – Панченга смущенно улыбнулся, и при неверном свете факела улыбка его была похожа на злобную гримасу. – Мне хочется, чтобы ты, Алисочка, записала на видео несколько слов...

– Каких?

– Ну... что ты ничего не имеешь против меня, что я тебе ничего плохого не сделал, а даже спас тебя и помог выбраться из подземелья. Мне так хочется стать честным человеком!

– Если вас будут судить, – ответила Алиса, – я приду на суд и скажу, что вы и в самом деле не причинили мне вреда. Но я не знаю, кому вы причинили вред.

– Это еще когда будет... – сказал Панченга. – А меня в любую минуту могут схватить. Тогда я и покажу им пленку.

– Хорошо, – сказала Алиса. – А вы тогда меня отпустите?

– При первой возможности.

– Тогда я ставлю одно условие.

– Какое?

– Чтобы вместе со мной освободили родителей Лары Коралли. Без этого я отсюда не уйду.

– Но как я это сделаю? – удивился Панченга. – Неужели ты не понимаешь, что Карл Коралли – знаменитый ученый и изобретатель. Он моему папаше дороже алмазов. А жена его – красавица. Нет, мне их не добыть. Папашины кобры и гориллоиды, наверное, его уже на корабль перевели.

– А вы пойдите и приведите сюда ученых, – сказала Алиса. – Тогда я вам наговорю на видеопленку любые комплименты.

– Я даю слово! Честное слово человека, который хочет исправиться. И начать новую жизнь. Как только ты уйдешь, я сразу же побегу за Салли и Карлом Коралли. Я не могу оставить тебя одну, здесь опасно. И не могу взять тебя с собой. Поверь же, Алиса!

Он готов был зарыдать. Так ему хотелось, чтобы Алиса поверила: он на верном пути к исправлению! И Алиса понимала, что он не может разорваться надвое!

– Хорошо, – сказала она. – Я постараюсь вам поверить. Доставайте вашу видеокамеру. Что надо говорить?

– Что я хороший.

Панченга достал из кармана маленькую видеокамеру.

– Я подтверждаю, – сказала Алиса, глядя в объектив видеокамеры, который был почти не виден, потому что неровный свет дымного факела светил Алисе в глаза. – Я подтверждаю, что Панченга Мулити не причинил мне никакого вреда.

– И помог мне, а также Карлу и Салли Коралли выбраться из подземелья, – добавил Панченга.

– За что я ему благодарна.

– Спасибо, – сказал Панченга Мулити. – Я никогда не забуду твоих благодеяний, принцесса Алиса. Теперь иди прямо вперед. Через пятьдесят шагов свернешь налево. Поняла? Там будет выход в крепостной двор. Во дворе тебя уже ждет индеец Вага Бычий Нос.

– Бычий Хвост!

– Вот видишь, я волнуюсь и забываю. Подождите там минут десять, не больше. И тогда к вам придут Карл и Салли Коралли.

– Спасибо вам, – сказала Алиса, протягивая руку старшему брату Панченге, который оказался счастливым исключением в этой злобной компании.

– Я тоже благодарен тебе за доверие, – сказал Панченга, пожимая руку Алисе. – Надеюсь, что когда мы встретимся вновь, я уже буду честным человеком. Беги, Алиса, Вага Бычий Хвост тебя ждет.

Алиса пошла вперед. Некоторое время факел светил ей вслед.

– Держись за стену, – донесся сзади голос Панченги. – Мне надо уходить. Сейчас станет темно.

– Уходите, уходите, – откликнулась Алиса.

Вокруг воцарились полная темнота и тишина. Алиса считала шаги.

Тридцать шагов... тридцать пять...

Вдруг Алиса остановилась. Ей ничего не было слышно, но она почувствовала, что не одна в коридоре, что совсем рядом притаилась невидимая опасность.

Глава девятая
ВОЗВРАЩЕНИЕ ВОЛШЕБНИКОВ

Алиса прислушивалась – ничего.

Побежать вперед или переждать опасность? Но она знала о пути наружу лишь то, что сказал ей Панченга. А что, если он ее обманул? «Нет, нельзя думать о людях плохо. Человек хочет исправиться, а я его подозреваю в коварстве!» И Алиса пошла вперед.

Она не сделала и пяти шагов, как с размаху налетела на решетку, которая перекрывала коридор.

Решетка была ржавая и холодная. Что такое? Почему решетка?

Алиса провела рукой в сторону – решетка пересекала весь коридор. Дальше пути не было.

Она постаралась пошатать решетку – может, это ошибка? Ей так хотелось думать, что Панченга ее не обманул.

Но решетка не поддавалась.

Алиса поняла, что у нее один выход – бежать обратно.

И тут она услышала, как сзади по сводчатому коридору прокатился скрежет еще одной решетки. Ее запирают? Зачем?

И тут же послышался негромкий смех. Тишина была такая, что каждый самый маленький и ничтожный звук становился грохочущим, как горный обвал.

Алиса узнала голос Панченги.

– Ты жива, Алисочка? Ты сейчас умрешь.

– Зачем вы это сделали? – спросила Алиса.

– Мне приказали, – сказал Панченга. – Я не хотел. Ты мне очень понравилась, но я – послушный сын.

– Когда вы брали у меня интервью, – спросила Алиса, – вы уже знали, что меня обманете?

– Да, – вздохнул Панченга. – И у меня сердце буквально обливалось кровью. Прощай, Алисочка, я побежал на корабль. Мой драгоценный папа думает, что я останусь здесь и приму на себя весь удар правосудия, что я буду расхлебывать кашу, которую они с братцем заварили. Как бы не так! Даже если меня и найдут в темных подземельях, со мной ничего не сделают. Я не совершил ничего плохого. Я старался только помочь Алисе Селезневой. И она оставила доказательство – видеопленку.

– Вы подлец, Панченга Мулити!

– Это твои последние слова, Алиса, – ответил Панченга.

Панченга свистнул – свист прокатился по туннелю.

И в ответ: топ-топ, топ-топ, топ-топ...

Кто-то медленно прыгает, не спеша приближается к Алисе.

– Я впустил кроликов, прощай, девочка.

Алиса кинулась к стене, прижалась к ней... У нее не было никакого оружия, да она и не видела ничего в этой темноте. Кто на нее нападает, откуда... только: топ-топ, топ-топ, топ-топ...

И так страшно, и так одиноко...

И в этот момент что-то ярко вспыхнуло.

Зеленая линия протянулась вдоль коридора...

Темные тени, которые уже приблизились к Алисе, замерли, пораженные светом.

А еще через секунду каменные своды зала, в котором, оказывается, и стояла, прижавшись спиной к стене, Алиса, осветились сотнями разноцветных звездочек – словно начался карнавал...

Сначала Алиса ничего не понимала в сверкании и кружении огней... Но ничего не могли понять и те, кто хотел напасть на нее: удивительные, никогда не виданные ею существа. Приятные на первый взгляд и страшные, если присмотреться...

Они и в самом деле походили чем-то на кроликов: задние ноги этих тварей были куда длиннее передних, а передние были прижаты к груди. Но передние лапки пустынных кроликов, живущих на Ледяных астероидах, могут вытягиваться, словно резиновые, а из них появляются когти. Кролики, окружившие Алису, были ростом с больших собак, покрыты не шерстью, а каким-то серым мхом, что позволяло им сливаться с песком в пустыне. Но неприятнее всего были их морды – треугольные, с острыми

Кролики, окружившие Алису, были ростом с больших собак, покрыты не шерстью, а каким-то серым мхом, что позволяло им сливаться с песком в пустыне.

хоботками, из которых непрерывно высовывались и прятались обратно неутомимые, беспокойные язычки. Эти язычки заканчивались блестящими, словно металлическими, иглами – именно этими иглами пустынные кролики наносят жертве небольшую рану, в которую попадает капля ядовитой слюны. И жертва умирает.

В тот момент, когда зажглись огни, кролики уже почти подкрались к Алисе, а они, как известно, отлично видят в темноте. Алиса бы так и не узнала, откуда произошло нападение...

Кролики, возмущенные тем, что кто-то мешает им растерзать беззащитную добычу, завертели головами, отыскивая обидчиков. И тут же их нашли!

Посреди зала стояли два человека. Оба в плащах и со шпагами в руках. Оба в широкополых шляпах и блестящих сапогах.

Кролики кинулись на двух мушкетеров, забыв об Алисе.

Огни под потолком и по стенам мигали, сверкали и гасли, рассыпались бенгальскими огнями и взрывались, как петарды.

Кролики, привыкшие к темноте и полумраку астероида, не могли сообразить, что к чему, жмурились, прикрывали передними лапками громадные глаза, но, правда, не отступали.

– Алиса, не двигайся! – крикнул один из мушкетеров, что был повыше ростом. – Они кидаются на то, что движется!

И, подкинув шпагу, завертел ею в воздухе, затем снова поймал за рукоять и вонзил в кролика, который уже дотянулся до мушкетера своим жалом.

И начался славный бой!

Алиса жалела, что не могла принять в нем участия, но и понимала, что не сумела бы управляться со шпагой с такой быстротой и ловкостью. Ее спасители мушкетеры были настоящими спортсменами, виртуозами фехтования!

Кроликов было больше десятка, но уже через две минуты их осталось четыре или пять... Еще одна атака на мушкетеров – и вот лишь два кролика отбежали к решетке.

Последняя атака...

Под карнавальными огнями лежали мертвые кролики. Яд с их языков, уже никому не опасный, капал на каменный пол.

И тут из-за решетки показался яркий свет – оттуда кто-то шел, неся в руке яркий фонарь.

– Все в порядке! – крикнул высокий мушкетер, снимая широкополую шляпу.

И тут Алиса узнала в нем директора циркового училища Пуччини-2.

Второй мушкетер, пониже ростом, провел концом своей шпаги по прутьям решетки, и вдруг они расплавились и потекли на пол сверкающими каплями металла.

– Проходите, – сказал маленький мушкетер.

И Алиса узнала по голосу... свою симферопольскую бабушку.

– Ловко вы их! – послышался знакомый голос.

Это же инспектор Кром!

Он нагнулся, прошел сквозь раскаленную красную решетку. За ним спешил, переваливаясь, пан Водичка.

– А я думала, что вы не успеете... – сказала Алиса.

Тут ноги ей отказали, и она села у стены.

Бабушка из Симферополя подбежала к ней, стала хлопотать, достала какие-то таблетки, велела выпить, Алиса отказывалась, а длинный Пуччини-2 стал на ее сторону и говорил, что нормальные герои никогда не едят таблеток сразу после боя.

Инспектор Кром пожал Алисе руку и сказал:

– Быстро, в двух словах доложи ситуацию!

Алиса рассказала о том, что здесь произошло.

Тем временем симферопольская бабушка расплавила и вторую решетку. Она была глубоко возмущена тем, что Панченга-сын так подло обошелся с ее внучкой. Это же надо: загнать обманом в клетку и напустить на ребенка смертельных хищников!

Они поспешили по коридору в сторону подземного убежища братьев Панченгов. По дороге Лукреция Ивановна успела рассказать Алисе, как она здесь очутилась.

Оказывается, симферопольская бабушка так и не поверила, что Алиса задержится в Галактическом центре только для того, чтобы рабыне Заури не было скучно проходить обследование. Бабушкина интуиция подсказала ей, что Алиса может ринуться в новую авантюру. И поэтому Лукреция Ивановна не стала возвращаться домой, а уговорила Пуччини-2 подождать до вечера, пока не вернется Алиса.

– И когда я не вернулась, – вмешалась Алиса, – ты, бабушка, объявила тревогу!

– Слабо сказано! Я начала бить в барабан, трубить в трубы и седлать коней! Мы с Пуччини отыскали инспектора Крома и узнали от него, что вы с рабыней исчезли в неизвестном направлении. А каким могло быть неизвестное направление?

– Вы догадались, что мы полетели к Фоке Гранту на планету Парадиз...

– Где несчастный Фока ищет мандрагору и скармливает ее однодневкам и пташкам!

– Не смейся над ним, бабушка, он ведь очень добрый человек.

– Очень добрый, но не очень умный, – возразила бабушка.

– А от него вы узнали, что мы отправились к капитану Водичке?

– Разумеется. И попали в настоящий салун для кладоискателей с экзотическими посетителями, карточными играми и всякой фанаберией, которая будто сошла со страниц детского комикса. Она была слишком красивой, чтобы быть настоящей. Мы поняли, что ресторан – только ширма для бандитов.

– И Водичка вам все рассказал?

– Ничего нам Водичка не рассказал. Но не смог скрыть от нас своего испуга и своей радости.

– Как так? Сразу испуга и радости?

– Нам тоже это показалось странным. Но теперь-то мы понимаем: он обрадовался, что Алису и Заури ищут их друзья и могут им помочь. Но испугался, что братья Панченги и их подручные кобры и гориллоиды отомстят Водичке и семейству Коралли, ради которых Водичка и сидел в этой пустыне. Водичка – несчастный человек. Панченги запугали его, и он поверил в их могущество!

– А как не поверить, – сказала Алиса, – если ты окружен шпионами Панченгов!

– Гориллоиды попытались напасть на нас с Пуччини. Но ты понимаешь, девочка, как трудно справиться обыкновенным негодяям с настоящими магами и волшебниками, докторами иллюзионных наук! Пришлось нам тряхнуть стариной! Мы быстренько переоделись в костюмы мушкетеров, материализовали острые шпаги и в отчаянном рукопашном бою разгромили всех гориллоидов и кобр. А когда они разбежались, Водичка рассказал нам, что вас надо искать в крепости под странным названием Плеш Корявый. А тут и инспектор подоспел со своими агентами! Все остальное ты знаешь.

– Спасибо, что вы вовремя успели, – сказала Алиса. – Еще бы секунда – и я погибла.

– Алисочка, – ответила симферопольская бабушка, – в настоящем авантюрном романе спасение обязательно приходит в последнюю секунду. Иначе этот роман никуда не годится.

– Но ведь у нас не роман, а чистая правда!

– Для нас с тобой – чистая правда, а для тех мальчиков и девочек, которые когда-нибудь прочтут о наших замечательных приключениях, это будет роман.

На этом разговор Алисы и бабушки прервался, потому что они вышли из темного коридора и попали в освещенные помещения, где еще недавно братья Панченги держали пленных ученых. Самих ученых уже не было – папаша Панченга успел вывезти их на своем корабле, а забытые ими книги и вещи были разбросаны по полу. Вот тут Алиса и увидела Ларочку и Вагу Бычий Хвост. Вага бросился к Алисе.

– Наконец-то я тебя отыскал и могу спасти! – закричал он. – Я немного задержался, потому что наверху страшный мороз! Ты не представляешь, как там холодно. Я хотел бежать раздетым – но тут Ларочка мне говорит...

– А я говорю, – перебила его Лара Коралли, – немедленно обратно в катер! Ты же простудишься.

– Нет, мне тепло! Ты меня хорошо закутала, Лара!

– А почему они в таких шляпах и плащах? – спросила Лара, глядя на фокусников.

– Они романтики, – сказала Алиса.

– Я не понимаю, почему романтикам надо так глупо одеваться, – сказала Лара.

– Они подражают людям, которые всегда приходили на выручку своим друзьям. Вот и оделись, как те люди.

– Но это же могут делать только маленькие дети, – возмутился Вага Бычий Хвост. – Я не ожидал такого от стариков!

– Стыдно, – сказала Лара.

– Если бы вы видели, как они расправились с ядовитыми кроликами, пока вы искали теплые вещи, то заговорили бы иначе, – обиделась за своих друзей Алиса. – Одними шпагами, без бластеров.

– Но ведь с бластером сражаться удобнее! – возразил Вага.

– Вага, Вага, – вздохнула Алиса. – Не надо тебе быть кладоискателем. Возвращайся домой и сей что-нибудь разумное, доброе и вечное. Например, поступи в ансамбль песни и пляски, в котором состоит все твое племя. И со временем ты наверняка добудешь себе красивое имя.

– Ты так думаешь? – спросил Вага Бычий Хвост и задумался.

В той комнате, где Алиса разговаривала с папашей Панченгой, было пусто. На столе стояла пирамида – космический корабль.

– Смотрите-ка, мы их так напугали, что они даже не успели корабль своих родственников забрать, – усмехнулся инспектор Кром.

– Простите, – обратилась к нему Лара, – а где мои родители?

– Сейчас мы это выясним, – сказал инспектор. Он не знал, что ответить. Его помощники уже сообщили, что корабль Панченги-отца успел подняться в небо и теперь его преследует патрульный крейсер. Но шансов догнать Панченгу мало – уж очень быстроходен бандитский корабль.

– Только быстрее, – сказала Лара, – я столько всего вынесла, а мне до сих пор не могут найти маму. Почему я должна быть сиротой, когда вы все живете со своими родителями?

И тут Лара отчаянно завизжала.

Она вскочила на стул и показывала пальцем вниз.

Проследив за ее рукой, Алиса увидела, что из-под дивана выглядывает носок ботинка, который вдруг шевельнулся и спрятался.

– А ну-ка, вылезайте, – сказал Кром. – Могу гарантировать вам жизнь. Но если вы что-то придумаете...

– Тогда я проткну его шпагой, – сказала симферопольская бабушка. – Чует мое старое сердце, что это и есть тот мерзавец, который издевался над моей внучкой.

Бабушка, как всегда, была права. Из-под дивана выполз покрытый пылью и паутиной Панченга Мулити.

И не только вылез, но тут же достал из кармана видеокамеру и быстро заговорил:

– Простите, но вы меня неправильно поняли. Я ни в чем не виноват. Иначе меня бы взяли с собой, но я с самого начала хотел встать на путь исправления. Я помогал девочке Алисе. Вот смотрите. – Он включил камеру, направил луч на стену, и там появилось изображение Алисы, которая стала говорить добрые слова об этом негодяе.

– Эта хорошая девочка нечаянно погибла, – сказал Панченга, – но я сделал все, чтобы ее спасти...

Алиса сделала три шага и встала в освещенном квадрате стены, чтобы закрыть собой собственное изображение. И заговорила:

– Этот Панченга врет! Он загнал меня в клетку к ядовитым кроликам...

Тут раздался тяжелый глухой удар. Оказывается, Панченга Мулити, который не думал, что Алиса спаслась, и не заметил ее, вылезая из-под дивана, решил, что сошел с ума, и упал в глубокий обморок.

– Бежим! – Лара тянула Алису за рукав. – Скорее надо найти папу и маму!

– Боюсь, что мы опоздали, – сказал инспектор Кром. – Корабль Панченги-старшего уже далеко в космосе. И догнать его будет нелегко.

– Как так нелегко! – возмутилась Лара. – Что же получается: каждый пират может увезти моих родителей, а вы только разводите руками?

– Мы их обязательно догоним, – сказал Кром. – И очень скоро. И ты сможешь обнять своих родителей.

Но Лара Коралли не поверила инспектору. Она обернулась к фокусникам.

– Разве вы не видите! – воскликнула она, прижимая к груди белые ручки. – Разве вы не видите, как страдает сиротка?! И неужели ваше сердце не обливается слезами?

– Будь спокойна, крошка. – Пуччини-2 смахнул набежавшую слезу. – Мы тебя не покинем.

– Не надо преувеличивать наши трудности, – сказал инспектор Кром. Он показал на лежавшего в обмороке Панченгу Мулити. – Ведь наш новый друг так хочет стать порядочным человеком! Как только он придет в себя, он нам сразу поможет.

– А если он решит тянуть время, – добавила симферопольская бабушка, – я вызову его на поединок и проткну шпагой.

– А если он будет упрямиться и погибнет на дуэли, – сказала Алиса, – то у нас останется еще целый корабль пиратов. – Она показала на серую пирамиду, стоявшую на столе. – Ведь адмирал Панченга Скулити и его команда остались в плену.

Все смотрели на корабль. Пираты бегали вокруг него и махали крошечными кулачками.

– Так давайте же скорее, спешите! – воскликнула Лара Коралли. – Может быть, они уже пытают моих родителей. Где нашатырный спирт? Я сама приведу в чувство этого негодяя!

– Не выношу нашатыря, – проговорил Панченга Мулити, не открывая глаз. – Инспектор, попрошу вас наклониться ко мне поближе.

Кром наклонился.

– Я вам помогу, – прошептал Панченга Мулити. – Я расскажу вам, как лететь на планету пиратов. Но сначала вы должны подальше спрятать корабль моего брата. Они отчаянные ребята, и если вырвутся от вас, мне несдобровать.

– Неужели вы боитесь лилипутов? – спросил Кром.

– Тише! Это они сейчас лилипуты. А завтра – гиганты. Как уменьшились, так и увеличатся. Уберите их!

– И тогда вы покажете нам, как лететь на планету пиратов?

– Только если вы соберете настоящий боевой флот.

– Зачем? – удивился Кром.

– Вы думаете, там только один корабль? На планете собирается после набегов до ста пиратских кораблей. Это не планета – это пиратский муравейник, это гадючье гнездо! Если бы вы знали, как я их ненавижу. С моим добрым сердцем и любовью к справедливости...

– Хорошо, – сказал инспектор Кром. – Давайте пройдем ко мне на корабль, и там вы все нам расскажете. И тогда мы решим, как лучше действовать.

Панченга Мулити легко вскочил, хоть и был очень толстым. Он погрозил кулаком пирамиде на столе, и пираты-лилипуты во главе с его младшим братом начали грозить ему кулачками.

Кром пошел к двери. Панченга Мулити – за ним. Лара Коралли тоже хотела последовать за ними, но Кром, обернувшись от двери, сказал:

– А вам, девочки, там делать нечего. Хватит. Мы не можем рисковать.

– Как раньше рисковали, так ничего! – обиделась Лара. – А когда всего ничего осталось, то нельзя, да?

– Хватит! – строго произнес Кром. – Мне надоели эти детские крики.

– Он прав, – сказала бабушка, – мы вернемся на Землю и там будем ждать вестей. Недолго осталось.

– А я не доживу! – сказала Лара. – Вот помру вам назло. Тогда попрыгаете! Моя мамочка вернется и спросит: «Где моя любимая Ларочка?» А вы ответите: «Не сберегли мы Ларочку, погибла ваша Ларочка...» Тут моя мама вам глаза и выцарапает.

Щеки бывшей рабыни раскраснелись, черные кудри растрепались. Все чувствовали себя виноватыми перед несчастной девочкой, но понимали,

что нельзя поддаваться чувствам – ведь Лара совершенно не способна была понять, насколько опасно дело, которое предстояло выполнить инспектору Крому, у которого не было флота, способного победить пиратов, и который должен был быстро придумать, как одолеть целую пиратскую планету.

И тогда симферопольская бабушка, у которой был большой жизненный опыт, придумала, как успокоить Лару.

– Оп-ля! – произнесла она и взмахнула в воздухе своей маленькой волшебной палочкой.

В руке у нее оказалось кружевное розовое платье, как раз Лариного размера.

– Одну минутку, – сказала коварная бабушка. – Прежде чем ты бросишься громить пиратов, тебе надо переодеться.

– Это... это мне?

– Да, Ларочка, пойдем примерим.

– А как же моя мама?

– Мы задержимся всего на несколько минут. Ну, пошли же!

Пуччини-2 подмигнул Алисе и последовал за бабушкой и Ларой. Кром с Панченгой Мулити ушли в другую дверь.

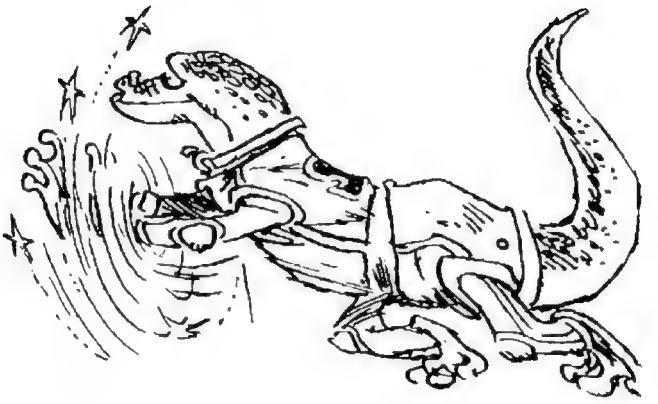
И Алиса осталась одна.

Потому что у всех были неотложные дела.

А у нее неотложных дел не было.

«Ну вот, все почти закончилось, – подумала она. – Пора домой...»

Как она заблуждалась!



Часть четвертая
В ПИРАТСКОМ ЛОГОВЕ

Глава первая
ВОЗЬМИТЕ НАС С СОБОЙ!

Кто-то кашлянул в темном углу.

Алиса вздрогнула. И тут же догадалась – там, затаившись ото всех, сидит скромный Вага Бычий Хвост, которому так и не удалось совершить подвига.

– Как ты думаешь, – спросил он Алису, – мне можно будет попрощаться с Ларой Коралли или она меня уже забыла?

– Она сейчас думает о своих родителях, – сказала Алиса, – и может тебя не узнать.

– Этого я и боялся, – согласился Бычий Хвост. – Ведь я в нее влюбился. Но совершенно без взаимности.

– Я тебе сочувствую, – сказала Алиса, разглядывая корабль адмирала Панченги. Боевая Подруга гуляла по самому краю стола и что-то выкрикивала. Но Алиса не разобрала, что пищит этот комарик.

– Наверное, я должен совершить невероятно великий подвиг, – сказал Вага. – Тогда она меня заметит и полюбит. Правда?

– Какой же подвиг ты намерен совершить? – спросила Алиса.

– Полететь на пиратскую планету и освободить папу и маму Лары. Я их освобожу и сразу спрошу, можно мне дружить с их дочкой?

– Ты славный парень, – сказала Алиса. – Хотя Лара маму и папу не спрашивает.

– Ни о чем?

– Боюсь, что ни о чем.

Молодой индеец закручинился.

Он с хрустом ломал пальцы и смотрел в пол. Он старался придумать, как вернуть расположение ветреной Лары.

Тут в комнату вернулся Пуччини-2. Он был несколько смущен.

– Что случилось? – спросила Алиса.

– Девочка стала примерять платье, и меня попросили уйти, – сказал волшебник.

– Вот вы знаменитый фокусник и волшебник, – сказала тогда Алиса. – Я думаю, что вы должны помочь моему знакомому индейцу. У него не очень удачное имя, но он не может от него избавиться, пока не совершит подвига.

– А в силу своего характера, – вмешался Вага Бычий Хвост, – я никак не могу этого подвига совершить. Видно, придется мне оставаться с детским именем.

– А если не секрет, как вас зовут? – спросил Пуччини-2.

– Вага Бычий Хвост, – покраснев, признался юный индеец.

Пуччини-2 принялся хохотать, но он хохотал не обидно, а с сочувствием.

– Надо помочь, – произнес он, отсмеявшись. – Как же это сделать?

– Я знаю, как это сделать, – сказал индеец. – Вы должны помочь мне первым попасть на пиратскую планету, победить всех пиратов и освободить родителей Лары. И тогда я смогу спросить у них разрешения дружить с девушкой.

– А сам? – спросил Пуччини-2.

– А меня она не послушается, – признался индеец.

– Мда-а, – вздохнул Пуччини-2. – Проблема!

– Еще какая! – улыбнулась Алиса.

– А ведь надо помочь, – сказал Пуччини-2.

– Надо! – воскликнул Вага Бычий Хвост.

– Мне и самому хочется совершить подвиг, – сказал Пуччини-2. – Тысячу лет не совершал подвигов.

– И меня возьмите в компанию, – попросила Алиса.

– А ты знаешь, что я хочу сделать?

– Догадываюсь, – сказала Алиса.

– А не струсишь? – спросил Пуччини.

– Никогда! – сказали хором Алиса и Вага Бычий Хвост.

– Тогда сдаемся в плен, – сказал Пуччини и присел на корточки перед столом, на котором стояла пирамида пиратского корабля.

Среди обитателей корабля возникло оживление. Один из солдат прицелился Пуччини в глаз и, наверное, выстрелил бы, если бы не Боевая Подруга. Она быстро шагнула вперед и ударила кулаком по стволу автомата. По крайней мере, в отваге ей нельзя было отказать.

Следом за Боевой Подругой вышел к краю стола адмирал Панченга Скулити.

Пуччини-2 перешел на шепот, не потому, что скрывал свои слова, а чтобы не оглушить лилипутов.

– Господа, – сказал он, – у меня к вам есть предложение.

Пираты стояли неподвижно.

– Мне и моим друзьям нужно попасть на вашу базу.

– Нет! – воскликнул адмирал, и даже Алиса услышала этот крик.

– Погодите, – остановил пирата Пуччини-2. – Вы сначала выслушайте меня. Сказать «нет» никогда не поздно.

– Не перебивайте его! – сказала Алиса. – У нас совсем мало времени. Если сейчас вернется инспектор Кром, он никогда не разрешит нам с вами договариваться. Потому что вы преступники. А инспектора не договариваются с преступниками.

– Я предлагаю вам, – продолжал Пуччини-2, – взять нас в плен.

– Я в плен не сдаюсь! – заявил тут Вага Бычий Хвост, которому лучше было бы помолчать.

Но Пуччини сделал вид, что не услышал гневного крика молодого индейца.

Адмирал Панченга Скулити развел руками, как бы говоря: «Разве мы можем вас взять в плен?»

– Для этого, – продолжал фокусник, – мы уменьшимся до вашего размера.

– Зачем? – опять вмешался в разговор Вага.

– Вага! – возмутилась Алиса. – Или ты делаешь все, что нужно, или уходишь из комнаты и больше в наших делах не участвуешь.

– А как же подвиги?

– Подвиги будешь совершать дома, – сказала Алиса. – Поможешь бабушке перейти через улицу, спасешь птичку от кошки – в жизни всегда найдется место для подвига!

– Нет! Я с вами! – воскликнул Вага, так что Боевая Подруга подняла руки к ушам.

– Тогда слушай мою команду! – приказал фокусник. – Все пираты немедленно прячутся в корабль! Быстро! Еще быстрее!

Пираты подчинились. Со всех ног они кинулись к кораблю.

Когда на столе рядом с пирамидкой никого не осталось, Пуччини-2 обернулся к своим юным спутникам:

– А теперь мы все забираемся на стол. И не теряйте ни секунды. Я слышу, как сюда идут.

Алису и Вагу не надо было подгонять. Они уже все поняли, а если что-то и оставалось непонятным, то будет время разобраться.

Следом за фокусником они взобрались на стол. К счастью, стол был крепким, он даже не пошатнулся под их весом. Правда, свободного места на нем не осталось – только пирамида и три человека. Так что им пришлось держаться друг за дружку.

– Крепко держитесь? – спросил Пуччини.

Но он не стал ждать ответа, а начал быстро бормотать заклинания. Алиса вцепилась в него – у ее ног была вершина пирамиды, из открытого люка выглядывал адмирал Панченга Скулити. Махонький, как оловянный солдатик.

Вдруг голова Алисы закружилась – крышка стола, на которой она стояла, бросилась к ней навстречу, пирамида космического корабля стала расти... вот она уже выше ее, вот ее вершина унеслась куда-то ввысь, исчезли в дальней дали потолок и стены комнаты... Алиса не удержалась на ногах, упала, но Пуччини помог ей подняться. Пирамида пиратского корабля стояла в отдалении – теперь до нее надо бежать и бежать.

Вага Бычий Хвост сидел неподалеку и растирал ушибленную ногу.

– Скорее! – торопил Пуччини-2. – Он уже здесь!

Алиса поняла, что фокусник имеет в виду инспектора, и обернулась – вдали открылся громадный прямоугольник двери, и в нем показалась человеческая фигура. Она узнала в гиганте инспектора.

Алиса и фокусник потащили Вагу к кораблю. К счастью, инспектор не посмотрел на стол – ведь он ожидал увидеть людей нормального размера.

– Господин Пуччини! – отдаленным громом прокатился по комнате голос инспектора. – Алиса! Где вы?

И тут же, решив, что фокусника и Алисы в комнате нет, он повернулся и ушел, не закрыв за собой дверь.

Тем временем Пуччини, Алиса и ковыляющий Вага добрались до корабля. Адмирал Панченга Скулити и воинственная Боевая Подруга убедились, что инспектор ушел, выпрыгнули из люка корабля и направились навстречу гостям. Из люка торчали дула бластеров и автоматов – пираты не хотели рисковать и стерегли каждый шаг гостей.

– Теперь говорите, – приказал адмирал.

Алисе странно было видеть большого плотного человека в пышном мундире – ведь адмирал только что был крошкой.

– Давайте войдем в корабль, – предложил фокусник, – а то инспектор вернется и увидит нас.

– Но сначала мы вас обыщем, – заявил адмирал.

– Великолепная идея! – ответил фокусник. – Особенно опасайтесь девочку. У нее за ушами пулеметы.

– А ну, без шуток! – обиделся адмирал, который не выносил, если его подозревали в трусости. – Пошли, пошли! Сколько можно ждать!

Обыскивать их не стали.

Через две минуты фокусник и его юные спутники оказались внутри пиратского корабля.

– Что смотришь? – ухмыльнулась Боевая Подруга.

– Как в родном доме, – ответила Алиса.

Боевая Подруга расхохоталась.

– То-то я тебя узнала!

– Где будем разговаривать? – рявкнул адмирал Панченга Скулити.

– Можно и здесь, – сказал Пуччини-2. – Чем скорее договоримся, тем скорее я смогу вам помочь.

– Ну давай, валяй, рассказывай! – произнес главный пират, изображая из себя хозяина корабля, который взял в плен ничтожных лазутчиков. – Только не думай, что я тебя помилую.

– Об этом и речи нет, – усмехнулся Пуччини. – О такой милости я и не прошу.

– О чем просишь?

– Прошу разрешения полететь на вашу планету на вашем замечательном корабле.

Но он не стал ждать ответа, а начал быстро бормотать заклинания. Алиса вцепилась в него – у ее ног была вершина пирамиды, из открытого люка выглядывал адмирал Панченга Скулити.

– А что ты потерял на нашей планете? – спросила Боевая Подруга.

– Вас это не касается.

– Ты у меня поговори, поговори... – пригрозил адмирал и поднял руку с зажатым в ней бичом, но рука как поднялась, так и застыла в воздухе.

– Не люблю я глупых шуток, – сказал фокусник. – И не выношу плохо воспитанных адмиралов.

– Что с тобой? Что он с тобой сделал? – испугалась Боевая Подруга.

А пираты, которые выглядывали из коридора, зашумели и принялись бряцать оружием.

– Ничего страшного, – ответил фокусник за адмирала. – Просто рука отсохла. На время. Теперь уже лучше.

Рука адмирала бессильно опустилась. Адмирал перевел дух и вдруг закричал злобным голосом:

– А ну, все отсюда! Устроили зоопарк!

Адмирал был так зол, что, за исключением Боевой Подруги, все пираты исчезли как по мановению руки.

– Слушайте, – сказал фокусник. – Мы летим к вам на планету. Там мне нужно освободить ученых Коралли – родителей Лары Коралли, которую вы знаете.

– Почему? – удивился адмирал. Видно, он ожидал чего угодно, но не такой просьбы.

– Потому что, – ответил фокусник, – Лара моя ученица. У меня связаны с ней большие надежды. Без папы и мамы она очень тоскует и не может учиться.

– Без папы и мамы? – Боевая Подруга расхохоталась, уперев усыпанные кольцами и перстнями руки в бока. – Я умру от смеха!

– Тем не менее это так.

– Значит, вы хотите полететь к нам и уговорить моего отца отдать вам этих самых Коралли? – спросил, улыбаясь, Панченга Скулити.

– Вот именно.

– И хотите, чтобы я вас отвез к моему отцу?

– Да, хочу.

– Губа не дура! – сказала Боевая Подруга. – Они же шпионы!

– Конечно, шпионы. Я и без тебя знаю, – огрызнулся адмирал. – Они хотят узнать, где главная пиратская база, и потом пригнать туда весь патрульный флот Галактики. Ну что на это ответишь?

– Ничего не отвечу, – сказал фокусник.

– А ты понимаешь, что попал ко мне в руки и не выйдешь из них живым?

– Я понимаю, – сказал Пуччини-2, – что вы меня как миленькие отвезете на базу, а уж там я сам буду решать, что мне делать!

– Да?

– Да!

– А если я тебя сейчас пристрелю?

– Если у вас в голове мозги, а не солома, – ответил Пуччини, – то тогда вы меня не застрелите, а выполните любое мое приказание.

И фокусник произнес эти слова так уверенно, что адмирал растерялся. Он понял, что фокусник имеет над ним власть. Но какую?

– Неужели ты не понял! – сообразила Боевая Подруга. – Без него нам никогда не стать снова большими!

– Вот именно, молодец, умница! – сказал фокусник. – И останетесь вы навсегда на столе. И не будете никому нужны – недаром ваш родной отец забыл вас захватить с собой.

– А вы?

– А я могу вам возвратить человеческий размер.

– Честное слово?

– Ну ты же знаешь, Скулити! – воскликнула Боевая Подруга.

Пират задумался. Ему не хотелось признавать поражение.

– Ладно, – сказал он наконец. – Давай превращай.

– Не спешите, – сказал фокусник. – Во-первых, здесь это сделать невозможно – над нами много метров песка и камня. Если увеличить корабль под пустыней, то его раздавит породой.

– А что тогда можно сделать?

– Сначала надо вылететь отсюда. Мы сейчас такие маленькие, что можем пролететь в двери.

– А потом?

– А потом, когда мы уже будем над планетой, я вас увеличу.

– Так чего же ты тянешь? Начинай!

– Не все так просто. Сначала ты должен мне поклясться, что не обманешь.

– Я? Обману?

– Вот именно. Нет больших лжецов, чем пираты!

– Обижаешь!

– Тогда поклянись, что ты довезешь меня до вашей базы и не причинишь вреда мне и моим друзьям.

– А как клясться? – спросил наивно адмирал.

Фокусник улыбнулся уголками губ.

– Адмирал, – сказал он, – я прожил на Земле и в Галактике много лет и знаю хитрости преступников. Повторяй за мной: «Пусть я забуду мать родную...»

– Нет, только не это! – закричал в ужасе адмирал. – Это слишком страшная клятва. Ее не может нарушать ни один пират.

– Этого я и добиваюсь, – сказал Пуччини-2.

– Поклянись, – сказала Боевая Подруга. – Он наши обычаи знает. Я думаю, что он был пиратом.

– Только в неразумной молодости, – признался Пуччини-2.

И тогда, смахнув набежавшую слезу, адмирал Панченга Скулити поклялся:

– Пусть я забуду мать родную, если причиню или замыслю какой-нибудь вред или предательство против фокусника Пуччини-2, Алисы Селезневой и Ваги, простите, Бычий Хвост.

– Хорошо, – сказал фокусник. – Теперь быстро пошли на капитанский мостик. Я сам буду управлять кораблем.

На капитанском мостике фокусник уселся в кресло первого пилота.

Всем остальным он велел тоже рассесться по креслам, потому что возможны перегрузки.

Он включил двигатель, осторожно поднял пирамидку над столом и, держа минимальную скорость, направил корабль в полуоткрытую дверь. Чуть коснувшись двери, пирамидка вылетела в коридор и помчалась по еле освещенным подземельям к открытому люку.

Никто не встретился им на пути.

И вот пустыня!

Ледяная ночь царила над песчаными барханами и развалинами каменного замка.

Набирая скорость, пирамидка поднялась над планетой. Алисе показалось, что на краю пустыни, у гор, она видит огоньки гостиницы пана Водички. А может, это были огоньки базы геологов...

– Высота десять километров над поверхностью астероида, – сказал Пуччини-2. – Приготовиться к превращению!

И, не выпуская из рук штурвала, фокусник начал произносить свои заклинания.

На миг Алиса потеряла сознание... А может быть, ей это показалось.

– Все, – сказал Пуччини. – Мы вернулись в прежнее состояние. Прошу вас, адмирал, возьмите управление на себя. Курс – секретная пиратская планета!

Адмирал начал набирать тайный код.

Боевая Подруга поправила пышные волосы и обратилась к фокуснику:

– Честно говоря, я вам очень сочувствую, потому что вы приятный смелый человек и к тому же настоящий волшебник. Но все же я вам не завидую.

– Почему? – спросил фокусник.

– Неужели вы думаете, что папаша Панченга выпустит вас живым?

– Я в этом убежден, – сказал фокусник. – Иначе бы я не стал рисковать жизнью моих юных друзей.

– Подумайте, – сказала Боевая Подруга. – Если он выпустит вас живым, то тогда тайне пиратской планеты придет конец. Войдите в его положение.

– Не хочется думать о пустяках, – вздохнул фокусник. – На месте разберемся.

– В крайнем случае я совершу какой-нибудь подвиг, – сказал Вага. – Ведь мне пора этим заняться.

– Вот видите, – сказал Пуччини-2, – молодой человек не намерен терять времени даром. На месте драконов, привидений и негодяев я бы дрожал от страха.

Но Боевая Подруга лишь презрительно фыркнула.

Глава вторая
ПРОИСШЕСТВИЕ НА КОСМОДРОМЕ

Полет занял немного времени. Как и все корабли будущего, пирамида пиратов разогналась, нырнула в суперпространство, вынырнула в подпространстве, перешла в надпространство и вышла из прыжка в двадцати двух часах лета от цели.

Пуччини-2 и его друзья все это время играли в шахматы в кают-компании, потому что адмирал, естественно, не хотел, чтобы они узнали координаты пиратской планеты, которую до сих пор не открыли еще патруль-

ные корабли. В этом нет ничего удивительного, потому что пиратская планета скрывается сразу за черной дырой, в раковидной туманности, состоящей из белых карликов, неподалеку от фонтана обратного времени, брызги которого смертельно опасны для пролетающих кораблей.

Впрочем, Пуччини-2 умел подглядывать, на то он и был фокусником. Он умел видеть через толстую черную повязку, сквозь обложку закрытой книги и даже сквозь стенку стального сейфа. Так что секретов для него почти не существовало. Иначе не станешь настоящим волшебником высокой категории.

Он мысленно следил за тем, как компьютер прокладывал курс корабля среди звезд, и запоминал его, хотя еще не знал, каким образом он сможет выбраться из пиратского логова.

– Подлетаем, – сказал он, поднимаясь из-за шахматной доски.

– Но вам – шах, – сообщил Вага Бычий Хвост.

– Я сдаюсь, – ответил фокусник, хотя его позиция была куда лучше, чем у индейца. – Я не могу отвлекаться на игру, когда к нашей кают-компании подходит адмирал Панченга Скулити. И он настроен весьма решительно.

В этот момент дверь распахнулась. В ней стоял адмирал, по бокам – пираты.

– Вы арестованы, – заявил адмирал.

– Почему именно сейчас? – спросил фокусник. – Вы хотите отличиться перед вашим папой?

– Молчать! – разъярился адмирал. – Вы арестованы за дело, потому что стало известно о ваших шпионских намерениях.

– Не надо спорить, – обратился Пуччини-2 к возмущенному Ваге, который хотел было броситься в бой, – ведь у нас с адмиралом общая цель – как можно скорее попасть на их планету и встретиться с его папой, Панченгой-старшим.

Вага хотел было что-то ответить, но не успел, потому что пираты накинулись на Пуччини и его юных друзей, сковали их легкой, но прочной цепью, а главное и самое неприятное – залепили им рты клейкой лентой, так что теперь они не могли ничего сказать.

Пока это происходило, корабль качнулся, тормозя и опускаясь на твердую поверхность.

– Приехали, – сообщил пиратский адмирал, не скрывая злорадства. – Я доволен. Мне удалось не только вырваться из плена, но и увезти с собой богатую добычу.

И он расхохотался.

Пленников вывели из корабля сразу следом за адмиралом и Боевой Подругой. На несколько секунд они все остановились в широко открытом люке пирамиды, оглядывая космодром.

Перед ними расстилалось широкое, залитое бетоном поле, на котором стояли различного вида и состояния корабли – от совсем старых, атомных развалюх до новейших пассажирских и даже военных кораблей, которые, однако, почти все были либо разбиты, либо запущены до безобразия. Над космодромом сияло белое солнце, которое заливало все вокруг ярким, но неживым светом.

Вдали у горизонта возвышалось гигантское синее здание с множеством труб и башен. Оттуда к кораблю пиратов неслись скоростные танки и бронетранспортеры. Некоторые из них время от времени стреляли в небо, словно внутри них сидели великовозрастные шалуны.

– Эх, приятно снова оказаться в безопасности! – сказал адмирал.

– Погоди, еще неизвестно, как нас встретят, – предостерегла его Боевая Подруга. – Ты забываешь, что твой папаша нас предал и оставил в беде.

– Я ничего не забываю, – ответил пират. – Но с папой я буду выяснять отношения без свидетелей. В конце концов, я его наследник.

Лента, которой был заклеен рот Алисы, жутко стягивала кожу, хотелось сорвать ее, но могучего сложения пират держался за конец цепи и следил, чтобы пленники не совершали никаких лишних движений.

Со свистом и ревом сирен танки и бронетранспортеры подлетели к пирамиде и окружили ее полукольцом. Дула пушек были направлены на небольшую кучку людей у люка. Адмирал поднял руку, помахал и крикнул:

– Ну что, не признаете своего адмирала, крысы паршивые?

В ответ на его крик крышка люка ближайшего танка откинулась и оттуда вылез сам папаша Панченга. Он был одет в расшитый золотом халат, а на голове блестел стальной шлем.

– Сынок! – воскликнул он. – Курицын сын! Негодяй и дезертир! Как ты сумел от них вырваться?

– Как вырвался, так и вырвался, – ответил сынок. – И даже подарки папаше привез.

Он подтолкнул Пуччини-2 в спину, и пленники спустились вниз, на поле космодрома. Папаша Панченга в свою очередь покинул башню танка и подошел к Алисе. Он все не расставался со своими четками-виноградинами.

– Подарок папочке привез? – сказал он и расхохотался. – Ценный подарочек. Принимаю.

– Тогда приглашай, папа, на пир! Устали мы летать!

– Насчет приглашения придется подождать, – ответил Панченга-старший. – И не спеши выходить из корабля. Ты забыл мне рассказать, как сбежал от инспектора Крома да еще вернулся в нормальный человеческий размер. А ну признавайся, за сколько они тебя купили, чтобы ты привел полицаев в наше теплое логово?

– Папа, я возмущен! – ответил адмирал. – Если вы будете и дальше так же меня сердить, я подниму мой кораблик в небо и оттуда сброшу на вашу седую голову небольшую бомбу. И поверьте мне, папаша, я не шучу. Я так обязательно сделаю, потому что не люблю, когда мне не доверяют. Причем не доверяют те, кто меня предал и бросил в плену.

– Поднимайся, поднимайся, бомби своего папочку, – ответил с ухмылкой старший Панченга. – Только не успеешь ты подняться, как тебя собьют ракетой «земля – воздух». Ты и мигнуть не успеешь.

– И не пожалеешь, папа?

– А чего мне тебя жалеть, – ответил папаша, – мне больше добра останется.

– Ах так! – Адмирал был возмущен. Он отбросил в сторону бластер и кинулся к отцу, как кидается в драку хоккеист. – Я тебе наставлю синяков!

– Ты? Мне? – Папаша отстегнул от пояса кинжал и кинул его на бетон. Он широко расставил руки и двинулся на своего сына.

Самое удивительное, что никого эта драка между Панченгами не удивила. Пираты покрикивали, подбадривая своих командиров, но никто, даже Боевая Подруга, не вмешался в драку и не попытался ее остановить.

Сначала пираты просто ходили кругами, примеривались, потом адмирал врезал своему папе между глаз, за что папаша расквасил ему нос и поставил синяк под глазом. После этого пираты вцепились друг в друга, потеряв равновесие, грохнулись на асфальт и покатились, махая руками, ногами и даже норовя ударить противника головой. Наконец адмирал, который был все же куда моложе и крепче отца, смог навалиться на него и начал душить. Тот захрипел, принялся дергать ногами, и Алиса испугалась, что старого Панченгу задушат до смерти. Остальным свидетелям этого поединка показалось то же самое, и пираты кинулись разнимать своих начальников.

Со свистом и ревом сирен танки и бронетранспортеры подлетели к пирамиде и окружили ее полукольцом.

Но Боевая Подруга выхватила бластер и закричала:

– Первому, кто дотронется до адмирала, голову отстрелю!

Всем было ясно, что пиратка не шутит, – что-что, а головы отстреливать она умела.

В растерянности все замерли, и неизвестно, чем бы все это кончилось, если бы не появилась непонятно откуда красноносая бабушка. Бабушка была в длинной, до земли, черной в розах юбке и странном белом головном уборе, похожем на бабочку. Она резво бежала к Боевой Подруге и пронзительно кричала:

– Доченька моя, крошечка! Где же ты все пропадаешь, я так без тебя истосковалась!

Боевая Подруга растерялась. Руки ее опустились, и она прошептала:

– Мама, вы откуда? Вы же в доме для престарелых!

– Сбежала, моя хорошая, сбежала, чтобы с крохотулечкой моей повидаться!

Алиса не удержалась и фыркнула – Боевая Подруга в два метра ростом, косая сажень в плечах, с бицепсами, которым бы позавидовал штангист, рыжие перепутанные волосы свисают до пояса – и вдруг «крохотулечка»!

Видно, эти слова показались смешными и остальным пиратам. Они забыли о сражении между Панченгами и покатились со смеху, а старушка все норовила прижать дочку к груди.

Вдруг бабушка внезапным быстрым движением вышибла из руки пиратки бластер – тот со звоном отлетел метров на пятьдесят. В тот же момент неизвестный толстый пират выскочил из танка и ударил адмирала по затылку гаечным ключом. Адмирал ахнул и отпустил своего полузадушенного отца. Сполз с него и растянулся на бетоне.

Люки подъехавших танков распахнулись, оттуда выскочили танкисты, скрутили Боевую Подругу, и пираты из корабля адмирала Панченги Скулити сразу сдались в плен. Короткий бой закончился.

Папаша Панченга с трудом выпрямился и сказал красноносой бабушке, которую Алиса все еще считала мамой Боевой Подруги:

– Спасибо тебе, старый боевой товарищ!

– Не стоит благодарности, старый негодяй, – ответила бабушка и тут же превратилась в очень худого человека с крысиным лицом.

– Ой! – хотела воскликнуть Алиса, но не смогла.

– Здравствуй, Алисочка! – воскликнул Крыс.

Адмирал врезал своему папе между глаз, за что папаша расквасил ему нос и поставил синяк под глазом.

Конечно же, это был знаменитый пират Крыс, старый знакомый Алисы, который не разучился превращаться в других людей.

– А меня? Меня помнишь? – высоким голосом закричал танкист с гаечным ключом. – Не узнаешь ли ты своего старого друга Весельчака У?

Наверное, это прозвучит странно, но при виде старых негодяев, которые когда-то причинили Алисе столько неприятностей и даже горя, Алиса вовсе не рассердилась. Они казались ей сорняками – растут, всем мешают, пользы никакой, один вред, но в то же время ты уже привыкла к этой крапиве, куда от нее денешься?

Алиса понимала, что рассуждает неправильно. Пиратство надо уничтожать, а пиратов наказывать. Известно, что Крыс уже на Алисиной памяти отсидел полгода в тюрьме Галактического центра, но потом воспользовался своим умением перевоплощаться. Когда его перевели в госпиталь из-за коклюша, он смог во время уборки превратиться в пылесос и, пока робот-уборщик старался понять, почему у него два пылесоса вместо одного, подкатился к мусоропроводу и был таков. Оказалось, что за оградой госпиталя Крыса уже поджидал его старый приятель Весельчак У.

– Что же ты, мерзавец, – сердито воскликнул Весельчак У, обернувшись к лежавшему на земле адмиралу Панченге, – что же ты, негодяй, заковал в кандалы девочку Алису, нашу старую подругу?

– Она не девочка, а злобная шпионка, агент инспектора Крома, – с трудом проговорил адмирал.

– Они забрались к нам на корабль, чтобы узнать, где наша секретная планета, – добавила Боевая Подруга. – Их убить мало!

– Алиса, это правда? – строго спросил Весельчак У.

– Ну как же она может тебе ответить? – сказал Крыс, подходя к Алисе и сдирая с ее лица клейкую ленту. – Как же она ответит, если ей, как врагу, заклеили ротик!

– Спасибо, – сказала Алиса. – Здравствуйте.

– Вот видишь, – сказал Крыс своему другу, – Алиса всегда была хорошо воспитанным ребенком. Даже в таком прискорбном положении она не забывает с тобой поздороваться.

– Вижу, вижу, – согласился Весельчак У. – Так что же произошло на самом деле?

– Если вы развяжете нас и освободите моих спутников, мы вам все расскажем.

– Не развязывайте их! – воскликнула Боевая Подруга. – Они страшно коварные.

– Неужели вы все со своими танками и пушками боитесь трех безоружных людей? – спросила Алиса.

– Безоружных? – спросила Боевая Подруга. – Они любого заморочат. Слово – их страшное оружие.

– К тому же, – добавил адмирал Панченга, указывая на Пуччини-2, – вон тот, худой, очень опасный фокусник и даже волшебник. Скажи, папочка, когда ты нас бросил, мы были какими?

– Лилипутами, – уверенно ответил старый Панченга.

– А теперь?

– Теперь вы как люди.

– А кто это сделал? Вот этот самый Пуччини! Его надо расстрелять!

– Какое удивительное нахальство! – сказала Алиса. – Мы им помогли убежать из замка, а за это нас связали. Да если бы мы были страшными волшебниками, неужели мы так покорно дали бы себя связать?

– Это точно, не дали бы! – сказал Крыс. – Я Алису знаю!

– Как только вы нас освободите, мы вам все расскажем, – сказала Алиса. – Я даю вам честное слово. А вы, Крыс и Весельчак У, должны помнить, что мое честное слово совершенно нерушимо.

– Подтверждаю, – сказал Крыс.

– Нет, – возразил старый Панченга. – Я вообще людям с Земли не доверяю. А этим – тем более.

– А своему сынку вы доверяете? – спросила Алиса.

– Ему? Никогда! Я же сам его воспитал!

– Хватит разговоров, – сказал тогда Весельчак У. – Поговорили – и достаточно! Кто хозяин на этой планете, а кто гость?

– Ну вот! – обиделся папаша Панченга. – Разве можно гостей обижать?

– Мы гостей не обижаем, – ответил Крыс. – Но учти, если бы не мы с Весельчаком У, твой сынок тебя бы наверняка задушил.

– Да, нравы у нас в семье крутые! – вздохнул папаша Панченга.

– Освободить пленных! – приказал Крыс.

И тогда из-за спины папаши Панченги вышло несколько танкистов с бластерами у серебряных поясов. Они подошли к Алисе и ее спутникам и быстро освободили их.

Такое самоуправство семейке Панченгов не понравилось. И, забыв о своих раздорах, они накинулись на Крыса с возражениями и жалобами.

Но Крыс был здесь хозяином. Он только отмахнулся от криков Панченгов и сказал Алисе:

– До встречи во дворце, кисочка! – И захохотал, словно Алиса была его лучшей подругой.

С этими словами он ловко прыгнул в люк танка, за ним в люк втиснулся Весельчак У. Танк сорвался с места и понесся к городу. За ним – бронетранспортер, в который пираты посадили Алису и ее спутников.

Алиса глядела в иллюминатор бронетранспортера. За ним проплывали космические корабли различных марок и типов – они казались забытыми и даже какими-то запыленными.

– Скажите, вы на них летаете? – спросила Алиса у сидевшего рядом пирата.

– Мы что, самоубийцы, что ли? – рассмеялся в ответ пират. – Это наши трофеи. Как захватим, притаскиваем сюда, раздеваем, а потом оставляем здесь ржаветь. Может, пригодятся.

– И они могут летать? – спросил Пуччини.

– А кто их знает, – отмахнулся пират. – Пока не полетишь, не догадаешься.

– Но здесь есть совсем старые корабли.

– Всякие. И старые, и новые.

– Значит, вы давно здесь живете?

Пират пожал плечами, и за него ответил его товарищ.

– Я сам из других мест, – произнес он, – но мне рассказывали, что наша планета – резервная секретная база уже много лет. Только раньше ею владела банда Трехглавого Кавра, а потом ее перекупили Крыс с Весельчаком У. Ушли на пенсию и захватили.

– Ушли на пенсию? – удивилась Алиса.

– Говорят, что им надоело носиться по Галактике и скрываться от патрулей. Пускай, говорят, молодежь этим займется.

– Правильно, – поддержал его другой пират. – Они купили планету со всем барахлом и заняли главный дворец. А теперь занимаются тем, что торгуют награбленным или дают убежище тем пиратам, которым надо отсидеться.

– А мы им служим, – сказал первый пират.

– И довольны. Здесь есть все для культурного человека. А работа не пыльная. Стережем грузы, разнимаем драки, охраняем наших шефов, а кое-кто собирается писать мемуары.

– А что нужно культурному человеку? – спросил Пуччини-2.

– Выпить, закусить, с девушкой потанцевать, – ответил пират.

– Но у вас, наверное, есть консерватория и театры? – спросил Вага, который до этого момента молчал – переживал унижения, которым ему пришлось подвергнуться в лапах адмирала Панченги.

– Чего? – не понял вопроса пират.

– Малыш шутит! – воскликнул его товарищ, и оба долго смеялись шутке молодого индейца.

Огромное кладбище кораблей закончилось, но не закончилась свалка. Пираты охотно объяснили, что с захваченных кораблей снимают все ценное, а пустые ящики и контейнеры сваливают у дворца, может, еще пригодятся.

Тем временем танки и бронетранспортеры добрались до дворца. Дворец оказался громадным зданием из желтого мрамора, окна в нем были лишь на третьем этаже и выше, а вход представлял собой дуло гигантской пушки. Пираты объяснили, что пушка эта – вовсе не декорация, а самое настоящее орудие калибром в три метра. Там в глубине есть снаряд. И если в эту дверь войдут враги, пушка выстрелит, и тогда враг верхом на снаряде улетит в небеса.

Один за другим танки въехали в дуло пушки и, миновав метров сто по сверкающему металлическому туннелю, оказались перед открытым отверстием, куда уже свернул первый танк. Последовав за ним, бронетранспортер остановился в обширном зале – вестибюле пиратского дворца.

Овальное помещение размером с футбольный стадион было уставлено танками, бронетранспортерами и другими военными машинами, а поближе к стенам высились груды ящиков и контейнеров.

Весельчак У и Крыс уже вылезли из своего танка и поджидали гостей. Весельчак У был грузным, толстым, с круглым, даже симпатичным и добрым лицом, что совсем не соответствовало его коварному и подлому характеру. Крыс принял облик молодого человека с золотистыми кудрями, спадающими на плечи. Только глаза у него были свои, крысиные, их ведь ничем не изменишь.

– Добро пожаловать, – сказал он. – Сейчас вас проводят в отведенные вам покои, накормят, правда, не очень хорошо, потому что у нас опять трубы прорвало и клубничные плантации затопило. А потом, когда отдохнете, вы мне расскажете, что же вас привело в наши отдаленные края. Ведь, наверное, не только туризм?

Тут Крыс расхохотался, и Весельчак У вторил ему. Но глаза у пиратов оставались холодными и трезвыми. Им на самом деле было интересно, зачем прилетели к ним люди, но показывать своих опасений они не хотели.

– Мы совсем не устали, – сказал Вага Бычий Хвост. – Нам бы скорей освободить родителей моей любимой Заури, и мы от вас улетим.

Алиса хотела дернуть Вагу за рукав, чтобы он не говорил лишнего. Чем меньше пираты будут знать, тем лучше. Но раз уж не успела остановить рвущегося к подвигам юношу, ничего не поделаешь.

– Это становится интересным, – сказал Весельчак У. – Оказывается, вы к нам прилетели по делу?

– По делу, – согласился Пуччини-2. – Но прежде чем обсуждать важные проблемы, нам бы хотелось привести себя в порядок. У меня до сих пор все лицо в клее от этой паршивой ленты.

– Разумеется, разумеется! – Весельчак У постарался поклониться, но живот ему не позволил этого сделать. – Отдыхайте, мойтесь, пейте минеральную воду! Не спешите. Мы будем покорно ждать наших друзей, новых и старых, в музыкальном салоне нашего дворца. Отвести гостей в парадную туалетную залу!

Крыс сделал знак пиратам, и те повели гостей по узкому высокому коридору, кое-как освещенному голыми электрическими лампами. Процессия остановилась у грязной, некогда белой двери. Старший пират, прикрывая спиной дверь, набрал на ее замке комбинацию цифр, и со страшным скрипом она отворилась. Внутри горел яркий свет.

– Заходите, делайте что надо, – сказал пират. – Мы за вами придем.

Он пропустил Алису и мужчин внутрь, захлопнул дверь, и гости остались одни.

Они стояли в типичном общественном туалете, каких на Земле уже не осталось, но которые еще встречаются порой на некоторых отсталых планетах. С одной стороны к кафельной стене были прикреплены чугунные умывальники, а вдоль стены напротив тянулись кабинки с унитазами. Из кранов капала или лилась вода, пол был скользким, в углах – паутина.

Полотенце было одно на всех, и то сомнительной чистоты.

– Это и есть дворец? – спросил Вага, ни к кому не обращаясь.

– Я думаю, – сказал Пуччини, – что в покоях хозяев дворца ванные комнаты устроены получше.

– Я отказываюсь мыться в таких условиях! – заявил Вага. – Я житель цивилизованной Земли, а не дикарь какой-то.

Один за другим танки въехали в дуло пушки и, миновав метров сто по сверкающему металлическому туннелю, оказались перед открытым отверстием, куда уже свернул первый танк.

– Я советую вам не капризничать, – возразил Пуччини. – Нас с вами никто сюда не приглашал. Если вам такое обращение нравится меньше, чем полет на корабле адмирала Панченги, то, наверное, вы сможете туда вернуться!

– Еще чего не хватало! – обиделся Вага, который не любил неприятной правды.

Алиса между тем открыла кран и стала ждать, пока стечет ржавая вода. Дверь приоткрылась, и в ней показалась физиономия пирата.

– Ну, скоро вы там? – спросил пират. – Мы заждались!

Хотя прошло всего две минуты с тех пор, как Алиса вошла в эту комнату.

Глава третья
МУЗЫКАЛЬНЫЙ САЛОН БАРАБАНОВ

Минут через двадцать (больше охранники не пожелали ждать) Алиса, Пуччини и возмущенный Вага Бычий Хвост прошли другим, тоже узким коридором в другую часть дворца. На этот раз коридор вывел их к лестнице, по которой они поднялись на следующий этаж, в длинный зал, освещенный дневным светом, проникавшим сквозь стрельчатые окна. На этом этаже было более оживленно, то и дело встречались пираты, а то и слуги или просто люди непонятного звания и назначения. Они прошли мимо кухни, где на широких плитах стояли кастрюли, а повара в белых колпаках помешивали в них половниками. И эта кухня была бы точно такой же кухней, как на любой нормальной планете, если бы на колпаках поваров не были вышиты черными нитками черепа и кости.

Алиса выглянула в окно – оно выходило во двор дворца, где среди редких деревьев и кустов стояли пушки, танкетки и даже вертолет. По двору по направлению к дворцу решительно следовали папа и сын Панченги, а также Боевая Подруга. Они были недовольны и не скрывали своего плохого настроения.

Шедший впереди пират толкнул двустворчатую дверь, и перед Алисой открылась большая комната, стены которой были покрашены в оранжевый цвет.

– Музыкальный салон! – объявил пират.

Алиса увидела, что на полу комнаты, а также на нескольких столах стояли или лежали различного размера и формы барабаны и тамтамы. Крыс

сидел на табурете перед громадным барабаном, втрое больше его самого, а перед стоявшим в другом углу Весельчаком У выстроились в ряд мал мала меньше двенадцать барабанчиков, перетянутых посередине ремешками, словно старинные красавицы в широких юбках.

При виде Алисы Крыс бухнул колотушкой по барабану, и утробный глухой грохот прокатился по дворцу. Вторя ему, Весельчак У дробно и часто принялся колотить по барабанам, словно по паркету бежало стадо оленей.

Вага Бычий Хвост заткнул уши, но Алиса и Пуччини, имевшие куда больший жизненный опыт, понимали, что каждый человек имеет право заниматься искусством и не следует делать вид, что тебе его занятия отвратительны.

Крыс бухал по большому барабану, Весельчак У молотил по маленьким, а Алиса подумала: как же мы мало знаем людей, включая собственных врагов. Всю свою сознательную жизнь она борется с пиратами, казалось бы, видела их уже много раз, но никогда не задумывалась, есть ли у них увлечения, слабости и чудачества. Ведь именно из этого состоят люди. Если человек любит стучать на барабане, то он еще не совсем потерян для Галактики. Он не автомат и не машина.

Видно, то же самое подумал и Пуччини-2. И когда последние гулкие удары прокатились по комнате, а исполнители опустили палочки и колотушки и с трудом перевели дух, не в силах сдержать удовлетворенных улыбок, он захлопал в ладоши и закричал:

– Браво!

Алиса поддержала его. Она тоже хлопала в ладоши. А Вага громко спросил:

– Вы что, с ума посходили?

И Весельчаку У, который услышал эти неприятные слова, стало так грустно, что он поморщился, как будто нечаянно разжевал лимон, а в глазах у него блеснула ненависть к юному индейцу.

– Спасибо! – искренне произнесла Алиса. – Я совсем не ожидала, что вы устроите здесь оркестр.

– В самом деле понравилось? – спросил Крыс, поправляя золотые кудри.

«Как жаль, – подумала Алиса, – что я знаю, как он выглядит на самом деле. Он похож на настоящую крысу и притом смахивает на скорпиона. Может быть, для своей мамы он был самым изящным и очаровательным ребенком на свете, но нам, к сожалению, этого не понять».

Крыс, словно прочел ее мысли, отвернулся и насупился.

Алиса только хотела сказать ему, чтобы пират не обижался, как двери снова растворились и в музыкальный салон вошли Панченги в сопровождении Боевой Подруги. Внимание тут же переключилось на них, и Алиса вздохнула с облегчением. По крайней мере, теперь пираты забудут о нетактичных словах Ваги и слишком красноречивом взгляде Алисы.

– Собрались! – закричал от входа Панченга-старший, спрятал в карман свои четки и ударил сапогом по ближайшему к нему барабану. Тот отозвался гулким стоном. – Таитесь, договариваетесь, как лучше поделить наши сокровища? Не удастся! Мы этого не допустим.

И он сделал шаг вперед и стукнул сапогом по барабану побольше, и на этот раз звук был куда более громким.

– А ну перестаньте безобразничать! – закричал Крыс. – Это же музыкальный салон, а не футбольное поле.

– Это тонкие, ценные инструменты, – поддержал его Весельчак У.

– Я тебе покажу тонкие инструменты, – завопил адмирал Панченга Скулити. Он обогнал своего папу и стал бегать по салону и с размаху колотить ногами по барабанам.

Грохот поднялся такой, что Вага убежал из салона, а Весельчак У начал вытаскивать из кармана бластер. Правда, это удалось не сразу, потому что он засунул его очень глубоко, чтобы тот не мешал музицировать на ударных инструментах.

Боевая Подруга поняла, чего хочет Весельчак У, и тоже вытащила из-за пояса бластер.

И тогда Пуччини-2 закричал, перекрывая грохот и крики:

– Раз! Два! Три! Замри!

И тут же все присутствующие в комнате замерли в тех позах, в которых застало их заклинание фокусника.

– Я думаю, – сказал Пуччини-2, – что для успеха наших переговоров нам лучше всего будет разоружиться.

И, сказав так, он быстро обошел всех замерших в комнате пиратов и разоружил их. Затем выбросил пистолеты и бластеры в угол музыкального салона и приказал:

– Три! Четыре! Пять! Прошу вас мышцы размять!

По комнате прокатилось движение и тяжелые вздохи. Придя в себя, пираты принялись было кричать на этот раз на Пуччини-2, но фокусник без особого труда сказал громче, чем все они:

При виде Алисы Крыс бухнул колотушкой по барабану,
и утробный глухой грохот прокатился по дворцу.

– Если вы не перестанете вести себя как испорченные дети, мне придется вас заколдовать навсегда. И я не шучу.

В его голосе чувствовалась такая сила, что все замолкли.

– А теперь я передаю слово нашему хозяину, известному негодяю пирату Крысу, – сказал Пуччини-2.

В его голосе прозвучала ирония, и на месте Крыса любой бы из пиратов обиделся, если бы его так назвали. Но Крыс был неглупым человеком – недаром ему удавалось выпутываться из самых невероятных приключений. И когда нужно было что-то пропустить мимо ушей, он это делал очень умело.

– Спасибо за помощь, – сказал Крыс и склонил златокудрую юную голову. – Надеюсь, когда-нибудь я смогу отплатить вам взаимностью. Прошу всех проследовать за мной в соседнюю гостиную, где для нас накрыт небольшой скромный стол. Там мы и решим все наши проблемы, которых, как я понимаю, накопилось немало.

Опомнившись после урока, преподанного им Пуччини-2, все перешли в роскошный зал по соседству с музыкальным салоном. Там и в самом деле был накрыт стол, но очень скромный – на столе стояли лишь бутерброды, лимонад, а для желающих слуги разносили чашки с чаем или кофе.

Крыс, который явно был здесь главным, уже пришел в себя и уверенно командовал:

– Я вижу, что все устроились. И думаю, что для начала нам надо получше познакомиться.

– Куда уж лучше! – пробурчала Боевая Подруга.

– Я думаю, что мы сейчас представимся. Повторяю, каждый из нас. Включая меня. Я – демократ.

Весельчак У захлопал в ладоши.

Неправильно истолковав хлопки, повар выскочил из двери и склонился к толстому пирату, думая, что надо нести еду.

Весельчак У отмахнулся от него.

– Возражений нет? – спросил Крыс.

Адмирал Панченга Скулити обвел взором гостиную и увидел, что в полуоткрытых дверях стоят пираты Крыса с бластерами в руках.

– Согласны, – сказал он первым.

– Тогда я начинаю, – произнес Крыс. – Я – правитель этой планеты, великий и знаменитый во всей Вселенной пират Крыс. Я вышел на покой, освоил вместе с моим другом эту планетку и помогаю по мере сил другим разбойникам, даю убежище, предоставляю кров и стол.

– Я могу только повторить то, что сказал мой друг Крыс, – произнес Весельчак У. – Мы помогли многим. Но не бескорыстно. Потому что мы не верим в бескорыстие. Лучше заплатить сразу, и тогда не испортишь отношений.

– Слушайте, слушайте! – воскликнул Крыс, которому понравилась речь старого товарища.

Теперь пираты обернулись к папаше Панченге.

– Что я могу сказать, – произнес старый разбойник. – Я – филантроп.

Возникла пауза. Затем послышался голос Боевой Подруги:

– Это еще что такое, папаша?

– Филантроп – это любитель людей, – сказал Панченга-старший.

– Людоедство отменено и преследуется законом! – возмущенно крикнул Вага Бычий Хвост.

– Мальчик, не вмешивайся в разговор старших, пока не подошла твоя очередь, – остановил Вагу Крыс. – Любить людей можно необязательно в жареном виде. Некоторые любят людей за душевные качества.

Вага понял, как жестоко он ошибся. Он покраснел и опустил глаза.

– Я к тому же – директор научного института, – продолжал старший Панченга. – В моем институте замечательные ученые работают над важными проблемами. Мы стараемся помочь всему галактическому человечеству.

Алиса в удивлении обернулась к Пуччини-2. Тот поднял бровь – сам был удивлен.

– Я предоставляю ученым все возможности для работы и внедрения самых невероятных изобретений в жизнь. Но враги преследуют меня, и нам с учеными пришлось скрываться вот здесь... Но когда справедливость восторжествует, мы вернемся в центр Галактики!

– Врет, – сказал Пуччини-2 Алисе.

В тот момент как раз наступила тишина, и все услышали его голос.

– Простите, – сказал фокусник. – Я сказал слишком громко.

– Ничего страшного, – сказал Крыс. – Я тоже так думаю. Но мы не будем сейчас сводить счеты и искать правду. Лучше дадим слово другим нашим гостям.

– Со мной все ясно, – произнес адмирал Панченга Скулити. – Я путешественник. Я искал моего папу, чтобы воссоединить нашу семью. По дороге мне удалось поймать группу шпионов.

И адмирал показал на Пуччини-2.

Все ждали, что он скажет дальше. Но адмирал ничего больше не произнес. Тогда Крыс обернулся к Алисе.

– За всех нас ответит господин Пуччини-2, – сказала Алиса.

– Правильно, – сказал фокусник. – Дети полетели со мной, просто чтобы развлечься. А у меня есть цель.

– Какая? – спросил Весельчак У.

– Господин Панченга, – сказал фокусник, глядя в глаза старшему разбойнику, – крадет людей. А потом использует их в своих корыстных целях. Он украл родителей у девочки, которую зовут Лара Коралли. Они здесь, в так называемом институте, который на самом деле тюрьма для ученых. Мы прилетели для того, чтобы освободить супругов Коралли и воссоединить их с дочерью.

– Благородная цель, – сказал Весельчак У, не скрывая ухмылки.

– Не слушайте его! – возмутился Панченга-старший. – Он украл рабыню у моего сына!

– Да, он украл рабыню у моего брата! – кричал адмирал.

Крыс терпеливо подождал, пока Панченги прекратили кричать, и обратился к Весельчаку У:

– Что же получается, институт или не институт?

– Институт! – закричал старший Панченга.

– Тюрьма! – заявил фокусник.

– Это становится интересным, – сказал Весельчак У. – Как же нам проверить, кто из них говорит правду?

– А мы спросим самих ученых, – сказал Крыс. – Это будет справедливо.

– Это мой институт! – возмутился старший Панченга. – Я не позволю.

– А тебя и спрашивать не будут, – сказал Крыс. – Ты у меня на планете, и здесь мои законы.

– Но я же заплатил за убежище три тонны алмазов!

– Как стыдно! – покачал головой Весельчак У. – Как стыдно говорить о деньгах в таком благородном обществе. А ну, приведите сюда ученых, которых притащил с собой этот старый плут Панченга. Вводите их по штуке. Пускай рассказывают, чем занимаются и чего хотят.

Панченги пытались было спорить, но вскоре им пришлось замолчать. Силы были неравны. А Крыс с Весельчаком У посмеивались над ними, как сытые коты над мышами.

Глава четвертая
РАЗГОВОРЫ С УЧЕНЫМИ

«Что ж, – подумала Алиса, – могло быть и хуже. По крайней мере, Панченги теперь вынуждены будут показать ученых, а уж потом Пуччини-2 наверняка придумает, как освободить родителей Лары из неволи».

Первым под охраной пиратов в гостиную вошел старый человек с длинной бородой, завитой в седую косу и заправленной за пояс. Этот старик, который с достоинством поклонился собравшейся за столом компании, представился как профессор Валишели с Криптелы – небольшой планеты, о которой Алиса что-то читала, но что – забыла. Впрочем, это было сейчас неважно.

– Скажите, пожалуйста, профессор, – сказал Весельчак У, надувшийся еще толще от сознания своего величия, – что вы можете рассказать о Панченге и институте, в котором вы якобы работаете?

– О! – воскликнул профессор. – Я так благодарен академику Панченге! Мы все, ученые, страшно благодарны ему, мы даже избрали его президентом нашей небольшой Академии наук!

Слушая этот странный монолог, Панченга-старший важно кивал головой и медленно перебирал похожие на виноград четки. Он вовсе не казался удивленным.

– Вы благодарны ему? – спросил Пуччини-2.

– Разумеется. Мы все благодарны.

– И что же вы делаете в институте? – спросил Весельчак У, знаком приказав фокуснику замолчать и не мешать ему вести допрос.

– Каждый из нас занимается любимым делом.

– И какое же у вас любимое дело?

Профессор обернулся к Панченге и спросил:

– Вы не возражаете, президент-академик?

– Валяй! – сказал старый пират.

Но усмехнулся, притом не скрывая удовольствия, потому что пираты и разбойники любят, когда их называют академиками, профессорами или писателями. Они очень легко верят в то, что и на самом деле знают толк во всех науках и искусствах. И особенно много среди разбойников всегда было историков и экономистов – они с наслаждением учат людей тому, что было, что будет, и тому, как надо жить и тратить деньги. А вот математиков и физиков среди разбойников не встречается – для этого

надо хотя бы научиться считать до двадцати пяти, а таких образованных редко держат в разбойниках.

Старый ученый осторожно вытащил из-за пазухи баночку с землей и поставил ее на стол. Затем вынул из кармана пакетик и высыпал из него на ладонь горстку мелких семян.

На глазах у внимательных зрителей старик кинул семена в банку и попросил разрешения полить их из бутылки с минеральной водой, что стояла на столе.

– Внимание! – воскликнул Панченга-академик. – Сейчас будет самое интересное!

И на глазах у всех собравшихся из банки, пробившись сквозь землю, полезли тонкие зеленые ростки. Через минуту они достигли высоты в сантиметр. Видно было, как они движутся, тянутся к свету, распускают листики.

– Говори! – приказал президент Панченга.

– Нами, – произнес старый ученый, – разработаны скоростные семена. При посадке их в почву они дают всходы немедленно. И к обеду пшеница уже колосится. Таким образом, мы можем обойтись без амбаров и хранилищ зерна. Если вам понадобилась пшеница или ячмень, то вы выходите в поле и сеете столько зерен, сколько вам нужно. А назавтра утром вы кушаете свежий хлеб.

– Ну как? – спросил старший Панченга, когда старик отошел на шаг, склонив голову и любуясь тем, как поднимаются в банке зеленые стебли.

Зрители наградили старика аплодисментами. Тот раскланялся. Алиса тоже вежливо похлопала в ладоши, хотя отлично знала, что ничего особенного старик профессор не изобрел. Опыты с быстрорастущими растениями Алиса с ребятами ставили на биостанции на Гоголевском бульваре еще раньше. И вырастили, сами того не желая, целый лес на Арбатской площади.

– Ну, ну! – остановил аплодисменты старый Панченга. – Вы мне мои научные кадры избалуете.

– Послушай, – сказал Крыс, – а на что тебе этот ученый-мученый? Ты что, пшеницу решил разводить?

– Простите, но на космическом корабле имеет смысл выращивать быстрые растения для пополнения запасов пищи! – сказал профессор.

– Запасы пищи надо отнимать у встречных-поперечных, – возразил Крыс. – А выращивают пускай мужики.

– Запасы пищи надо отнимать у встречных-поперечных, – возразил Крыс. – А выращивают пускай мужики.

Весельчак У расхохотался так, что чуть не хлопнулся со стула.

– А мы и не собираемся пшеницу разводить, – сказал старый Панченга. – Ты правильно рассудил, Крыс. Я бы этого старого козла не стал кормить, если бы от его изобретения мне не было пользы. А ну, старик, показывай, как ты выполняешь мои советы!

Старик смутился. Он ломал пальцы и переминался с ноги на ногу.

– Господин президент, – произнес он, – с исполнением ваших ценных указаний произошла некоторая задержка.

– В чем дело?

– Дело в семенах. Семена, вернее, зародыши еще недостаточно, как вам сказать... колючие.

– Ты меня обманываешь, старый козел?!

– Я вам обещаю, господин академик, – взмолился старик, – что в самое ближайшее время ваше указание, ваше мудрое повеление будет исполнено!

– Не в ближайшее время, – жестко произнес Панченга, – а послезавтра. Иначе знаешь, что будет?

– Знаю, господин президент. – Почему-то старый профессор с ужасом глядел на пальцы Панченги, которые перебирали четки.

– Тогда забирай свои вонючие травки и катись отсюда!

Разбойник поднял тяжелый кулак, и старик, подхватив банку, быстро-быстро задом засеменил к двери. Там он угодил в подставленные руки пирата, тот развернул старика и наподдал ему в спину коленкой. Старик исчез...

В комнате наступила тишина. Многим стало неловко за поведение разбойника, но сам Панченга и его сын в два голоса хохотали, а Весельчак У хихикал, вторя им.

– Послушайте, – высоким голосом произнес Вага Бычий Хвост. – Как вам только не стыдно так обращаться с пожилым человеком? Я вызываю вас на поединок!

Его слова относились к пирату, который стоял у двери и ударил старого ученого.

Вага отважно направился к нему, но хитрый Крыс увидел, как поднимается со своего места фокусник Пуччини-2, как побледнела Алиса.

– Спокойно! – закричал он. – Все остаются на местах! Я здесь хозяин и не допущу никаких нарушений порядка.

Он говорил так уверенно, что все остановились.

– Я недоволен тобой, Панченга, – продолжал Крыс. – Если ты так хочешь наказывать своих ученых, делай это у себя на корабле. А здесь наказываю только я сам!

– Ладно уж, – проворчал Панченга. – Конечно, это мой раб, что хочу с ним, то и делаю. Но чтобы не портить твоего настроения, я больше их колотить не буду. Но ты меня тоже пойми: я уже второй месяц жду, когда он улучшит свое изобретение, а он тянет – совсем старый стал.

– А как ты захотел улучшить это изобретение? – спросил Крыс.

– А я все изобретения моих мымриков улучшаю, – рассмеялся Панченга. – На то у меня котелок на плечах! Когда я этого старичка поймал, я подумал: а на что мне пшеница? На что? А что, подумал я, если взять колючку? И через полчаса у меня будет колючая проволока!

– Но ведь колючая проволока железная! – вырвалось у Алисы.

– Вот мы и ищем такие колючки, которые были бы не мягче железа, но живые. Только старый он стал, медленно ищет.

– Молодец, – сказал Крыс. – Вот что значит разбойничья голова!

– Будет у меня такая быстрорастущая колючая проволока, я ее всюду смогу использовать. На ночь лагерь в пустыне устрою, посыплю вокруг колючек, а через полчаса вокруг загородка – на танке не проедешь! Поймал пленников или рабов – окружил их колючей проволокой... Эх, скорее бы он свое дело делал!

– Ясно, – сказал Крыс. – Зовем следующего?

– Зовем, – сказал Панченга-старший и усмехнулся. – Прошу любить и жаловать!

По приказу Крыса в комнату втолкнули изможденного, оборванного ушана с планеты Блук. Алисе там приходилось бывать, она когда-то пережила удивительные приключения на базаре в тамошнем городе Палапутра. Так что к ушанам она относилась с большой симпатией.

– Ах ты, упрямец! – встретил его криком Панченга-старший. – Ну, показывай моим друзьям, что ты изобрел!

Ушан печально поклонился разбойнику и, не отрывая взгляда от его четок, раскрыл потертый портфель, который нес в руке, и вытащил оттуда сверток, завернутый в мягкую бумагу.

Из бумаги он вынул пару туфель, похожих на домашние шлепанцы.

– Ну! – торопил его Панченга-старший. – Мы ждем! – С тяжелым вздохом ушан надел туфли. В тот же момент они потащили его ноги в раз-

ные стороны. Разгоняясь, он проехал через всю комнату и, стараясь закрыться руками от удара, со всего размаха въехал в стену.

Ушан упал, а туфли продолжали носиться по комнате, как будто в них были спрятаны взбесившиеся моторчики.

– Ну вот, – сказал Панченга с притворным расстройством, – опять ушибся! Опять будешь синяки залечивать.

– Простите, господин президент Академии, – ответил плачущим голосом ушан. – Я нечаянно.

Он пополз по полу в погоне за туфлями, с трудом догнал их и начал заворачивать в бумагу.

– Нет, ты объясни обществу, – потребовал Панченга, – объясни, почему ты тянешь с работой, обманываешь человечество?

– Попрошу вас подождать еще немного, ну хоть неделю. Я найду этот секрет!

– Но ты помни, чем грозит обман!

– Я знаю, господин президент. Я же не ем, не пью, не сплю...

– А вот это лишнее, – сказал укоризненно разбойник. – Мне нужны живые академики. И костюм погладь, стыдно перед обществом!

Забрав сверток с туфлями и униженно кланяясь, ушан покинул комнату, и все обернулись к Панченге-старшему в ожидании ответа на загадку.

– Видели, что он изобрел? – спросил Панченга. – Он изобрел способ, как избавиться от трения. Такую мазь изобрел. Только ею что смажешь, трения – как не бывало! Да вы сами видели. У него туфли без трения.

– Это очень смешно, – сказал Весельчак У. – Только какой в этом изобретении смысл?

– А тот смысл, господин Весельчак У, – сказал папаша Панченга, – что, если смазать этим составом подступы к крепости, ни один заклятый враг не сможет в нее забраться. Только подойдет – тут же шмяк задом об асфальт!

– И в чем же проблема? – спросил Крыс.

– А в том, что он набрал мази на две подошвы, и больше не получается. Говорит, сырье некачественное! Ну, я ему покажу – некачественное!

Панченга-старший перебирал в жирных пальцах разноцветные четки, каждая бусина в них – размером с виноградину.

– Давайте следующего! – приказал Крыс. – Не весь же день нам на твоих ученых глазеть!

– А почему не поглазеть? – ответил Панченга-старший. – Это же сокровища! И каждый – гений! А всего их у меня тридцать голов.

– Тридцать? – ахнула Алиса.

– И тридцать изобретений, – ответил Панченга. – И каждое изобретение может удивить мир. И каждое изобретение я так переворачиваю с ног на голову, что даже изобретатель никогда бы не догадался без моей благородной помощи.

Пока Панченга смеялся и ему вторил сынок, пираты ввели еще одного изобретателя. Он был щеголеватым, стройным, почти трехметровым сирианцем, несколько похожим на зеленую ящерицу, гуляющую на задних лапах.

– Ага! – воскликнул при виде его старый разбойник. – Надеюсь, ты уже сделал, что тебе велели? Мое терпение истощается!

И Панченга указал пальцем на одну из бусин своих четок.

– О, простите, великий академик! – воскликнул сирианец. – Но осталось совсем немного!

– Ну, покажи моим друзьям, что мы с тобой умеем делать, – велел Панченга.

– Как прикажете. – Сирианец вынул баллон с распылителем. Вернулся к двери и жестом отогнал от нее стражника. Затем молча опрыскал дверь прозрачным раствором.

– Давай, давай! – торопил его Панченга. – Не можем же мы вечно тебя ждать.

– Одну минутку, чуть подсохнет!

Наконец, убедившись, что раствор высох достаточно, сирианец шагнул к двери, протянув вперед зеленоватые тонкие руки. И вдруг, ко всеобщему удивлению, его руки до половины прошли сквозь дверь.

– Ну! – Панченга даже привстал. – Давай, давай! Еще немного, и пройдешь.

Сирианец старался пройти сквозь дверь, но застрял посередине, руки почти по плечи – на одной стороне, туловище – на другой. Он дергался, рвался, старался, но ничего не получалось, хотя Панченга-старший очень сердился и готов был подбежать к сирианцу и протащить его сквозь дверь.

– Нет, – сказал наконец сирианец, устав бороться с дверью. – Слой не получается ровным. Молекулярный состав хромает.

– А ты его выпрями! Сколько можно ждать!

– Вы же знаете, я тружусь не покладая рук.

Ученый выглядел страшно расстроенным, даже его хохолок упал набок, что у сирианцев свидетельствует о крайнем душевном волнении.

– Ведь притворяется, – сказал Панченга. – Придется наказать.

Он снова взялся за бусинку. Пуччини-2, который внимательно наблюдал за ним, вдруг произнес:

– Не надо, господин Панченга. Это слишком жестоко и несправедливо.

– А ты откуда знаешь? – изумился Панченга.

– Я многое знаю, – ответил фокусник.

– Ладно уж, иди и работай, – смилостивился Панченга, и сирианец, вдвое согнувшись в дверях, покинул гостиную.

– Может, хватит? – спросил Весельчак У. – Я страшно как проголодался.

– Простите, – сказал фокусник, – мы хотели встретиться с супругами Коралли.

– Ах да! – Крыс сделал вид, что забыл о просьбе фокусника. – Конечно же, покажите нам профессора Коралли!

– Не имею ничего против, – сказал Панченга.

«Что-то он такой сговорчивый, – подумала Алиса. – Не иначе как замыслил какую-нибудь каверзу».

На этот раз пришлось ждать несколько минут. Панченга объяснил:

– Наверное, отдыхают. Они у меня устают, ученые. Головки у них слабые, мозгов слишком много.

Наконец в дверь втолкнули невысокого черноволосого мужчину, при первом же взгляде на которого Алиса поняла – это отец Лары Коралли.

– Карл Коралли, прошу любить и жаловать! – воскликнул старый разбойник.

Карл Коралли гордо поднял голову, и все увидели, что на виске у него кровоподтек, глаз подбит и лоб оцарапан.

– Ну вот, – вздохнул Панченга. – Опять, наверное, ввязался в пустую драку. Удивляюсь я тебе. Молодой профессор, достойный ученый, доктор наук – а такой невыдержанный характер! – Панченга развел руками, как бы приглашая всех разделить его огорчение по поводу того, какой плохой характер у молодого ученого.

Карл Коралли молчал и лишь внимательно обводил взглядом собравшихся в гостиной людей.

– А где ваша жена? – спросила Алиса, прежде чем Панченга успел что-либо еще сказать.

– Кто? – Коралли удивился.

– Ваша жена, мама Лары Коралли.

– Лара! – воскликнул ученый. – Моя Ларочка! Вы ее знаете? Где она? Она жива?

– Не беспокойтесь, – сказала Алиса.

Но тут вмешался Панченга.

– Поговорили – и хватит, – заявил он. – Пора и делом заняться. – И, видя, что Коралли готов и дальше задавать вопросы, оборвал его суровым голосом: – Молчать и подчиняться! Забыл, что ли?

И старый разбойник помахал в воздухе своими четками.

При виде их Коралли сжался, как будто его ударили.

– О нет! Умоляю вас! – прошептал он распухшими губами.

– То-то же, тогда рассказывай гостям, что ты изобрел.

– Вы же знаете, – сказал Карл Коралли. – Мы с моей женой Салли Коралли изобрели консервирующие кристаллы.

– Вот именно, – согласился Панченга.

– Что это такое? – спросил Пуччини-2.

– Вот... – Рука Коралли поднялась было, но замерла в воздухе на полпути.

Голос Панченги, остановивший жест ученого, был тихим и предвещающим опасность. «Как будто зашипела гремучая змея», – подумала Алиса.

– Ты рассказываешь нам о своем изобретении, – сказал Панченга, – и потом тихо, на цыпочках, уходишь отсюда к себе в камеру и сидишь там, ждешь моей милости. И ты знаешь, что будет с тобой, если ты произнесешь хоть одно лишнее слово.

– Я все знаю, – ответил Коралли мертвым, покорным голосом. – Я должен вам сказать, что изобрел небольшие кристаллы, в которые можно под влиянием особых лучей превратить любой продукт или материальное тело и хранить сколько хотите. Мое изобретение очень полезно при длительных перевозках. Вы можете законсервировать корову в шарике размером с виноградинку, – Коралли как бы невзначай показал на четки в руках Панченги, – и она останется заточенной там сколько угодно времени. Президент Академии наук господин Панченга высоко оценил мое изобретение и вынес мне благодарность. – Коралли провел пальцем по виску. – Мы все, находящиеся здесь ученые, рады служить этому вели-

кому ученому и организатору науки, который не жалеет сил и времени, чтобы обеспечить нас всем необходимым.

– Все! – приказал Панченга. – Уведите его.

– Нет! – вырвалось у Алисы.

– Уведите, уведите, – сказал Крыс. – Дело принимает интересный оборот. Есть о чем поговорить.

– Да, – спокойно согласился Пуччини-2, – нам теперь есть о чем поговорить.

– Но вы забыли, зачем мы сюда прилетели! – закричал возмущенно Вага Бычий Хвост. – Мы прилетели, чтобы спасти родителей Лары Коралли!

– Помолчи, мальчик, – сказал Пуччини-2.

– Правильно, ему следует помолчать, – согласился Весельчак У.

Алиса поняла, что ей сейчас не следует вмешиваться и мешать фокуснику. Дверь за Карлом Коралли закрылась. Он покорно ушел к себе в камеру.

Глава пятая
ТОРГОВЛЯ ЛЮДЬМИ

– Ну что ж, поговорим о деле, – сказал Пуччини-2.

– Не о чем нам говорить, – ответил старший Панченга. – И не вмешивайтесь в наши дела.

– Но вы же держите людей в плену! – заявил Вага. – Это каждому видно.

– Никто из них не возражает, – ответил Панченга. – Всем это нравится. Если не верите, вызовем снова моих ученых, и они поклянутся, что слаще, чем у меня, они никогда не жили и мечтают остаток своих дней трудиться и дальше под моим руководством.

– Не кажется ли вам, уважаемый Крыс, – обернулся Пуччини к главному пирату, – что мы имеем дело с очень серьезным преступлением?

– Как вам сказать, – пожал плечами Крыс, – я должен признаться, что всю свою сознательную жизнь я имею дело с серьезными преступлениями, причем я сам их и совершаю.

– И все же я позволю вам напомнить, – сказал Пуччини-2, – что бывают просто преступления и преступления подлые.

– Объясните мне разницу, я не совсем вас понял.

– Если вам понравился цветок во дворце и вы его сорвали, это будет просто преступление.

– А если этот цветок – последний в мире и занесен в Красную книгу? – спросил Крыс и сам же засмеялся.

– Вы меня понимаете, – рассердился Пуччини-2, – зачем же притворяться?

– Вы правы, – вдруг согласился с фокусником главный пират. – Я знаю, что, если патрульные крейсеры отыщут мое убежище, они начнут требовать, чтобы я отчитался в моих доходах. Но так как я бросил пиратское ремесло, то им будет трудно доказать, что я в чем-то виноват...

– Но если вы будете укрывать семейку Панченгов, – сказал Пуччини-2, – то вряд ли вас пощадят.

– Это еще что такое? – возмутился адмирал Панченга Скулити. – Мне кажется, что кто-то хочет нас предать. Я должен предупредить, что без боя мы не сдадимся, и еще неизвестно, кому после боя будет принадлежать эта планетка.

– Адмирал, адмирал, – вмешался Весельчак У, – не обращайте внимания! Мой друг шутит! Как только вы отдадите нам половину своих ученых с их изобретениями, мы сразу же забудем о всех ваших преступлениях.

– Как? Разве мало мы вам заплатили?

– Тогда мы не знали, какие у вас есть еще ценности, – сказал Весельчак У.

– Никогда!

– Ах, никогда... – Крыс поднял руку, собираясь вызвать стражу, но Панченга опередил его. Он выстрелил в пирата из бластера, и Крыс закричал ужасным голосом, когда зеленый луч коснулся его плеча. В то же мгновение от боли он потерял облик прекрасного золотоволосого юноши и принял свой естественный вид – страшного скорпиона человеческого роста. Скорпион поднял ядовитый хвост, разрывая им остатки обугленной одежды, и ринулся к перепуганному Панченге. Весельчак У кинул в Панченгу кинжалом, тот еле успел увернуться... Вага Бычий Хвост тоже ринулся в гущу битвы, хотя совершенно непонятно было, с кем же он собирался сражаться.

– Пуччини! – закричала Алиса, понимая, что сейчас многие могут погибнуть.

– Раз! Два! Три! Замри! – прокричал заклинание фокусник, и в это же мгновение все в гостиной замерли в тех позах, в которых застигло их последнее слово Пуччини.

Это была удивительная сцена, вряд ли нашелся бы художник, способный изобразить ее на картине.

И главное – сразу же наступила такая тишина, что стало слышно, как о стекло окна бьется муха.

Пуччини-2 совершенно не удивился. Он ожидал этого. И знал, что надо делать.

Он прошел к растопырившему ручищи старшему Панченге и вынул из его омертвевших пальцев цепочку разноцветных виноградин – четки.

– Правильно, – сказала Алиса. – Я тоже так подумала.

Пуччини-2 поднял виноградины к свету, словно стараясь разглядеть, есть ли что внутри их.

– Вот эти цепи, которыми он опутал несчастных ученых, – сказал старый фокусник. – Это кристаллы, изобретенные несчастным Карлом Коралли и его женой. В них в живые консервы превращены все те, кого Панченга держит у себя в плену. Я догадываюсь, что в этих четках томятся в беспамятстве жены, дети, родные и близкие ученых. И если ученый посмеет отказаться работать на разбойника, то Панченга угрожает шарик раздавить...

– Так выпустите их на волю! – воскликнула Алиса.

– А как?

– Вызовите Карла Коралли!

Но вызывать его не пришлось. Послышались шаги, дверь распахнулась, и вбежал преследуемый стражником Карл Коралли.

– Лучше смерть! – закричал он и замер, пораженный зрелищем.

Стражник тоже остановился, не смея сделать ни шагу.

– Молодой человек, – вежливо произнес фокусник, словно они беседовали с Коралли на лужайке, – покажите мне, пожалуйста, как освободить несчастных!

– Дайте! Дайте сюда! – Коралли бросился к четкам и нежно, но крепко сжал их в руках. – Скажите, пожалуйста, вы смогли бы удержать эту свору еще на несколько минут? Мне потребуется время, чтобы вернуть к жизни всех несчастных!

– Постараюсь, – улыбнулся фокусник.

Скорпион поднял ядовитый хвост, разрывая им остатки обугленной одежды, и ринулся к перепуганному Панченге.

– Господин Пуччини, – обратилась к нему Алиса, – мне кажется, что значительно лучше будет снова превратить всех пиратов в лилипутиков.

– Нет, – сказал фокусник. – Они же разбегутся! Как тараканы.

– Не разбегутся! – Вага Бычий Хвост кинулся к стоявшей в углу кадке с пальмой, решительно потянул пальму за листья, кадка опрокинулась набок, и пальма – вся, с корнями, с землей – вывалилась наружу. – Вот она, замечательная тюрьма для злодеев-лилипутов!

– Ну что ж, – согласился фокусник, – в этой идее что-то есть.

И, произнося каждый раз соответствующее заклинание, он принялся по очереди превращать замерших пиратов в лилипутов, затем оживлять и двумя пальцами осторожно опускать в кадку.

Убедившись в том, что она не нужна фокуснику, Алиса стала помогать Карлу Коралли, который смазывал каждую бусину четок специальным раствором из пробирки, хранившейся у него в кармане. Затем осторожно укладывал шарик на пол. И тут происходило чудо: шарик темнел и принимался расти. Шарики росли довольно быстро, но все же прошло несколько минут, прежде чем они стали метровыми. Словно гигантскими икринками, в которых можно было угадать зародыши.

– У нас еще есть немного времени? – спросил Коралли.

– Пять минут, – ответил фокусник. – Я думаю, что мы успеем пригласить сюда ваших коллег. Они же, наверное, сильно переживают.

– Я вам буду очень благодарен, – сказал Коралли.

Тогда фокусник в сопровождении Ваги побежал к камерам, где были заточены ученые, а Алиса осталась присматривать за лилипутами, чтобы не вылезли из кадки. Она наклонилась над кадкой, но вела себя осторожно – она знала, как больно может ужалить пуля из лилипутского пистолета.

Ожившие пираты бегали по дну кадки, махали ручонками, лишь Весельчак У и Крыс стояли в сторонке, в суете не участвовали и даже не глядели наверх. Алисе было жалко Крыса, который был немного обожжен лучом бластера, и она сказала:

– Я попрошу фокусника вас увеличить, Крыс и Весельчак У. Потому что сейчас вы почти ни в чем не виноваты.

– Спасибо! – еле слышно пропищал в ответ Весельчак У.

В этот момент сзади раздался хлопок, будто лопнул большой воздушный шарик. Алиса обернулась. Так и есть: первый из шаров Карла Коралли лопнул. И из него вышла полная, сонная ушанка, уши которой

повисли, как у пуделя. Она чуть не упала, и Алиса кинулась к ней, чтобы ее поддержать.

– Где мой муж? – прошептала ушаночка. – Где мой дорогой профессор? Что со мной сделали?

– Сейчас, – сказала Алиса, – сейчас он придет.

Тут лопнул еще один шар, в нем сидели два старичка, худеньких, зелененьких и очень длинных. Алиса сразу догадалась, что это родители сирианского изобретателя. Она хотела было прийти к ним на помощь, потому что старички никак не могли встать на ноги, но ушаночка ее не отпускала.

А тут лопнул еще один шар... затем еще один, еще... Из каждого выходил какой-нибудь человек, а то и целая семья.

К счастью, в этот момент в открывшуюся дверь толпой хлынули ученые, которых освободили фокусник с Вагой. При виде дорогих своим сердцам родственников и любимых они начали кричать, рыдать, перебивая друг друга, и все устремились к лопающимся шарам – консервам Карла Коралли.

Сам же Карл перебегал от шара к шару, но его все время постигало разочарование. И лишь из последнего шара вышла наконец его любимая жена – красавица Салли Коралли. Она кинулась к Карлу, Карл кинулся к ней, они обняли друг друга, и Карл закричал:

– Наша дочь Лара нашлась!

И от счастья оба Коралли упали в обморок.

Но никто этого, кроме Алисы, не заметил, потому что в гостиной царило страшное столпотворение – наконец-то встретились мужья и жены, родители и дети, возлюбленные и просто дорогие друг другу существа, коварно разлученные Панченгой-старшим, для того чтобы надежно держать в руках и угнетать несчастных ученых.

«Ну и семейка, – подумала Алиса, с радостью глядя на суматоху, крики, плач, смех, объятия, царившие вокруг. – Ну и Панченги! Один из них пиратствовал, грабил, захватывал в плен людей, другой отнимал у них детей и держал на своей сиенде, а третий придумал академию-тюрьму. Какими бы ни были разбойниками и грабителями Весельчак У и Крыс, все равно они – честные пираты. Они ведут себя по правилам. Не станут же они детей и стариков заточать в кристаллы только для того, чтобы выращивать колючую проволоку!»

Алиса подошла к фокуснику, который с таким же, как она, интересом наблюдал за встречей родных, и попросила его:

– Господин Пуччини, я думаю, что мы не должны становиться такими же, как братья Панченги. Как вы думаете?

Фокусник поглядел на Алису, улыбнулся и ответил:

– Ты права.

Он умел догадываться о чужих мыслях с одного слова.

Пуччини подошел к кадке, вытащил оттуда Крыса и Весельчака У, затем Алиса извлекла двух пиратов из команды Крыса. И фокусник, щелкнув пальцами, произнес нужные заклинания.

В следующее мгновение Крыс, Весельчак У и их пираты стояли рядом с ними. Пираты потянулись было за своими бластерами, но Крыс, обожженный, ободранный, уродливый и несчастный, сказал:

– Не надо суеты, мальчики, идите отдыхайте.

– Мы не обижаемся, – сказал Весельчак У. – С самого начала нам надо было понять, с кем мы имеем дело.

– Это не пираты, – сказал Крыс. – Это позор для грабительского племени!

– Хотите, я вас перевяжу? – спросила Алиса, хотя, честно говоря, ей не очень хотелось перевязывать скорпиона, хоть и знакомого.

– Не стоит, но спасибо, – сказал Крыс. – На мне все быстро заживает. Я пойду приведу себя в порядок, а ты, Весельчак У, побудь здесь и позаботься, чтобы никто не обидел наших гостей.

– Их обидишь! – улыбнулся Весельчак У. – Они сами какого хочешь пирата обидят.

И он рассмеялся, потому что, как свойственно большинству пиратов, был легкомысленным и не слишком умным.

Крыс с трудом превратился в танкиста и вышел, под охраной пиратов, из гостиной.

К Пуччини-2 подошел Карл Коралли. Он вел за руку свою жену.

– Подтвердите, пожалуйста, Салли, что наша крошка жива и здорова!

– Я совсем недавно с ней разговаривала, – сказала Алиса.

– И я тоже! – вышел вперед Вага Бычий Хвост. – Меня зовут Вага Бычий Хвост, но это временное, детское имя, и как только я совершу подвиг, я поменяю это имя на другое, более мужественное.

– Бычий Хвост? – удивилась Салли. – Это удивительно! И что же вы хотели сказать мне, молодой человек?

– Я хотел объяснить вам причину моего желания совершать подвиги, – продолжал Вага. – Дело в том, что я влюбился в вашу дочь.

Карл кинулся к ней, они обняли друг друга, и Карл закричал:
– Наша дочь Лара нашлась!

– Что? – Салли Коралли была в ужасе. – В мою крошку?

– Ну, она не очень крошка, – поправил Салли муж. – Ей уже четырнадцать лет.

– Для меня она всегда крошка!

– Нет, вы не подумайте, – сказал Вага. – Я не собираюсь на ней пока жениться.

– Слава богу, он не собирается! – воскликнула Салли.

– Но как только я совершу подвиг и поменяю имя, я к вам вернусь.

– Надеюсь, это случится не скоро, – сказала Салли.

– А я надеюсь, что скоро, – решительно заявил юный индеец. – Поэтому попрошу вас проследить, чтобы Ларочка не вышла замуж за кого-нибудь еще. А то я бываю страшен в гневе!

Салли хотела было заявить что-то еще, но муж отвел ее в сторону.

– Милая, – сказал он ей, – мы так давно не видели дочурку, что совсем не знаем, какой она стала и чего ей хочется.

Ей хочется быть принцессой и красиво одеваться, чуть было не сказала Алиса. Но сдержалась. Ведь, может быть, ее родители совсем не хотят, чтобы Лара была принцессой. Ведь они не короли.

– Надо собираться, – сказал фокусник. – Твоя симферопольская бабушка никогда не простит мне, что я полетел сюда без нее.

– Вага, ты идешь? – спросила Алиса, когда фокусник направился к кадке, чтобы пересадить семейство Панченгов себе в карман и отвезти инспектору Крому.

Вага не слышал Алису. Он уже подошел к Весельчаку У и сказал:

– Можно обратиться к вам с просьбой?

– Валяй, – сказал Весельчак У, довольный тем, что все для него кончилось благополучно.

– Меня зовут Вага Бычий Хвост, – сказал индеец.

Весельчак У уже слышал об этом, но не удержался и вновь захохотал.

Вага терпеливо, не обижаясь, дождался, пока пират отсмеется.

– Мне нужно совершить подвиг, – сказал он, – иначе я не могу жениться.

– А чем же я могу тебе помочь?

– Возьмите меня в пираты. Наверное, я тогда смогу быстро отличиться.

– Молодой человек, – сказал наставительно старый пират, – мы не совершаем подвигов, мы безобразничаем. Мы грабим и убиваем. Даже таким отпетым негодяям, как я, подобная жизнь в конце концов надоедает.

Стыдно становится. Ведь не случайно мы с Крысом бросили грабежи и занимаемся честным сбытом награбленного. Так что я советую тебе, Бычий Хвост: иди в университет и совершай там подвиги – сдавай экзамены на пятерки.

И Весельчак У громко рассмеялся, довольный собственным остроумием.

А Вага отошел от него расстроенный – ведь подвиги откладывались на будущее.

Весельчак У приблизился к фокуснику и сказал:

– Вам надо лететь домой. Должен сказать, что могу предложить вам неплохой корабль «Черная смерть», сам на нем бы летал, да надоело. Берите его напрокат, только деньги вперед.

– Весельчак У, откуда у нас деньги? – удивилась Алиса.

– И за каждого ученого, который полетит с вами, тоже вперед, – сказал Весельчак У.

– Это проще простого, – сказал фокусник и провел рукой перед лицом Весельчака У. И вынул у него из уха бриллиант размером с голубиное яйцо.

Весельчак У посмотрел бриллиант на свет, попробовал его надкусить и спросил:

– Настоящий или снова фокусы?

– Если будут жалобы, запомните мой адрес, – сказал Пуччини-2. – Земля. Москва. Цирковое училище. Директору.

– Или мне напишите, – сказала Алиса.

– Твой-то адрес мы хорошо знаем, – сказал Весельчак У.

Он проводил шумную толпу гостей до выхода на поле космодрома, показал, где стоит «Черная смерть», отдал фокуснику ключи от корабля, а потом отозвал в сторону Алису и сказал:

– Нас с тобой, Алиса, не раз сталкивала жизнь. Можно сказать, что ты перевоспитала меня своим благородным примером. Поэтому я прошу тебя взять на память от меня небольшой подарок.

И он протянул Алисе бриллиант, который получил от фокусника.

– Ой! – удивилась Алиса. – Мне не нужно!

– Не нужно – еще кому-нибудь подаришь.

Алиса внимательно посмотрела на пирата и сказала:

– Я знаю, в чем дело, Весельчак У. Ты не веришь, что бриллиант настоящий.

– С фокусниками это бывает.

– Но гордость не позволяет тебе признаться в том, что ты не веришь гостю.

– У каждого своя гордость.

– Спасибо за подарок, – сказала Алиса.

– Можешь его передать этой самой девочке... бывшей рабыне. Ларе.

– Так я и сделаю.

Алиса пожала пухлую руку пирата и побежала к кораблю. Когда «Черная смерть» поднялась над планетой, Алиса рассказала фокуснику о подарке Весельчака У.

– Ах, как нехорошо получилось! – воскликнул фокусник. – Мне и в голову не приходило обманывать пирата. А он, видно, так привык всех обманывать, что и обо мне так же думает.

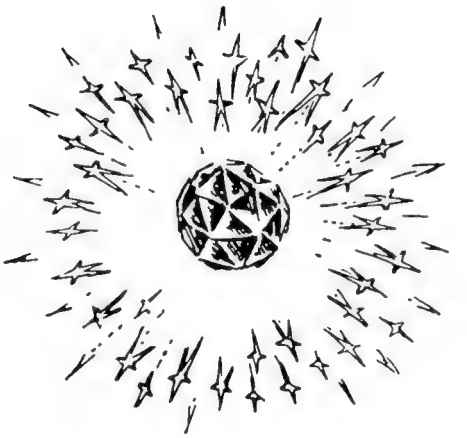
– А разве бриллиант настоящий?

– Ах, Алиса, Алиса, – упрекнул ее Пуччини-2. И хлопнул в ладоши.

– Что вы делаете? – спросила Алиса.

– Секунду назад, – ответил фокусник, – перед носом Весельчака У появился алмаз размером с арбуз. И подарить некому...

– Тогда я пойду поставлю для всех чай, – сказала Алиса.



Золотой медвежонок

Отец Алисы Селезневой – директор Космозо. А Космозо, как всем известно – Космический зоопарк. Сюда привозят животных с разных концов Галактики.

Алиса буквально выросла в Космозо. С самого раннего детства она проводила здесь все свободное время. У нее были свои любимцы и друзья, например гигантский динозавр Бронтя, который, правда, взялся не из космоса, а вывелся на Земле из яйца, замороженного триста миллионов лет назад. Иногда Алиса приносит из дома пирожки для склисса. Склисс во всем похож на обыкновенную корову, но если его испугать, он расправляет большие прозрачные стрекозиные крылья и медленно поднимается в воздух. В специальном вольере, отгороженном от стеклянного птичьего павильона, на ветке дремлет птица Говорун, она умела летать между звезд и запоминала все, как компьютер. И так как у Говоруна две головы, он может рассказывать много и очень долго. Теперь Говорун стал старенький, никуда не хочет летать, много ест и ждет, когда к вольеру подойдут

посетители, чтобы поведать им о космических пиратах или живых туманностях. В отдельном домике живет индикатор – коробочка на ножках, которая может менять цвет в зависимости от настроения: от желтого до черного. Иногда индикатор чего-нибудь пугается, выбегает на дорожки Космозо и носится по ним, мигая словно светофор. На весь мир славятся тамошние аквариумы. Справа от входа, за площадкой молодняка, расположен аквариум, наполненный теплой морской водой, в нем царствует медуза-горгона с планеты Серый Клук. Размером она с парашют, а щупальца у нее – змеи. Там живут также рыбешки-марашки, которые при опасности собираются в одну страшную хищную рыбину, а когда опасность минует, снова становятся жемчужными мальками. А если миновать поляну, заросшую зеркальными цветами, которые фотографируют все, что происходит вокруг, подойдешь к аквариуму, наполненному жидким аммиаком, в котором обитают совсем уж странные существа...

Но в тот день, когда начинается наш рассказ, Алиса не подошла ни к склиссу, ни к озеру, в котором плавал Бронтя, ни даже к загону, по которому бродили, еле переставляя ноги, марсианские богомолы. Она торопилась к домику под красной крышей, в котором с недавних пор жило самое загадочное существо во Вселенной. В газетах и по телевидению его называли золотым медвежонком, хотя, конечно, это существо не было медвежонком.

Перед домиком стояла очередь. И это неудивительно, сюда в последнее время стекались посетители не только из Москвы, но и из других городов и стран, даже с Луны и Марса. Всем хотелось поглядеть на пушистое чудо.

Алиса, конечно же, не стала стоять в очереди. Должны же быть хоть какие-нибудь преимущества у дочери самого директора Космозо, которая не только дочь, но и юный биолог, участница экспедиций за зверьми на корабле «Пегас», вылечившая бронтозавра Бронтю, нашедшая общий язык с шушами, а также разгадавшая загадку Говоруна. Нет, в очереди такая девочка стоять не должна.

Все посетители Космозо были обязаны подчиняться строгому объявлению, выбитому на бронзовой доске перед входом:

Пожалуйста, не кормите наших зверей!
Мы лучше вас знаем, что им надо,
а что может оказаться для них вредным.

Иногда Алиса приносит из дома пирожки для склисса.

Разумеется, если бы такое объявление повесили у зоопарка сегодня, то некоторые посетители наверняка бы не послушались, принесли с собой булки, конфеты и орехи, не задумавшись над тем, что булка может стать опасным ядом для баррукицы с Панкерагги или оказаться слабительным для склисса.

Алиса не хуже сотрудника зоопарка знала, что можно, а чего нельзя животным. Она читала все научные статьи в «Вестнике космической зоологии» и даже иногда дежурила на зоокухне, где трудились тридцать повароботов и три человека.

Обойдя очередь, Алиса открыла заднюю дверь в домик.

Внутри было тихо, тепло, даже уютно.

Золотой медвежонок дремал, привалившись спиной к громадному дубовому пню, который для него приволокли из леса. Об его кору медвежонок точил свои коготки. Зрители, скопившиеся в полутьме по ту сторону прозрачной преграды, старались не шуметь и переговаривались шепотом, чтобы не разбудить очаровательное создание. Впрочем, они зря старались – Алиса-то знала, что преграда звуконепроницаемая.

Медвежонок был невелик размером, чуть побольше пуделя, его длинная и прямая шерсть стояла дыбом, и кончики волос загорались яркими искорками, когда на них падал случайный луч света. Морда медвежонка была курносая, темно-коричневая, а глаза светлые, сиреневого цвета. Они были окружены длинными черными ресницами. Задние лапы медвежонка были короткими, сильными и толстыми, а передние заканчивались пальцами с длинными крепкими когтями, чтобы цепляться за деревья.

Алиса поздоровалась с Еленой Федоровной, сотрудницей Космозо, которая была специально прикреплена к медвежонку. Елена Федоровна спросила:

– Ты будешь к Женечке заходить?

– Да, – сказала Алиса, – я сделала Жене настой из липы с медом, как прописал доктор Кан.

И она показала Елене Федоровне банку с напитком.

Хоть медвежонок по прозвищу Женя и не мог услышать голоса Алисы, он открыл глаза и, лукаво прищурясь, поглядел на нее. Рот медвежонка растянулся в улыбке – он узнал свою гостью.

– Здравствуй, Женя, – сказала Алиса, когда Елена Федоровна раскрыла для нее дверь. Алиса вошла в прозрачный тамбур и подождала, пока Елена Федоровна закроет внешнюю дверь и откроет внутреннюю.

Этот тамбур был нужен для того, чтобы медвежонок случайно не выбежал наружу. Он ведь может испугаться и даже погибнуть в непривычной обстановке. К тому же каждый, кто проходил сквозь тамбур, подвергался дезинфекции специальным горячим воздухом, чтобы не занести с улицы в клетку какого-нибудь вредного микроба.

Медвежонок Женька продолжал сидеть, прислонившись к пню, и не спешил встретить Алису, которую уже отлично знал. Он понимал, что ей надо постоять минуту в тамбуре и лишь потом она попадет в клетку.

Он был очень сообразительным животным – порой Алисе казалось, что он вот-вот заговорит.

Когда же Алиса вошла в клетку, он поднялся на задние лапы и вперевалку пошел к Алисе, протягивая короткую лапу.

– Здравствуй, Женька, – сказала Алиса.

Она знала, что медвежонок не обижается на прозвище. Ведь у каждого животного должно быть имя. А его имя получилось от слова «медвежонок». Женька-Женька, медвежонок...

Медвежонок стоял перед ней, покачиваясь на задних лапах, и ждал, пока ему дадут бутылочку с липовым отваром.

Алиса протянула ему бутылочку. Зрители снаружи прильнули к стеклу, но изнутри стекло было сильно затемнено, и потому они казались лишь темными силуэтами.

Пока медвежонок пил из бутылочки, как человеческий детеныш, Алиса достала щетку и спросила:

– Давай я тебя причешу? Ты уже два дня не причесывался.

Медвежонок, разумеется, ничего не ответил, но, когда допил отвар, отбросил бутылочку и уселся перед Алисой, чтобы она его причесала.

– Умница, – приговаривала Алиса, расчесывая пушистую шерсть медвежонка. – Мы с тобой теперь будем такими красивыми... Жаль, что здесь нет твоих родственников, чтобы они тобой полюбовались.

Медвежонок ничего не ответил, потому что в этом и заключалась его тайна: никто не знал, где же его родственники.

Медвежонка Женьку нашли на планете, которую и найти никто не рассчитывал. Она была спрятана за черной дырой, среди нескольких маленьких, но густых туманностей, в стороне от всех торговых и туристских путей. Ни в одном звездном атласе даже намека на эту планету не было, ни один капитан ее не видел, даже пираты не подозревали о ее существовании.

И надо же было, чтобы увидели эту планету биологи-исследователи, ученые, которые как раз возвращались на Землю из долгого путешествия за зверьми для Космозо, но сбились с пути, попав в гравитационную бурю. Их унесло вихрями тяготения в самое сердце раковидной туманности, приборы отказывались работать, компьютер вместо того, чтобы вычислять курс, начал сам с собой играть в шашки, звери в клетках, аквариумах и ящиках стали визжать, ворчать, ворочаться, кидаться, бросаться... И капитан Полосков сказал:

– Видно, мы задержимся и не успеем домой к Новому году.

На что механик Зеленый мрачно ответил:

– И вообще никогда домой не попадем.

– Я беспокоюсь, чем мы будем кормить зверей, если придется здесь задержаться, – сказал профессор Селезнев.

– А их не надо кормить, – ответил механик Зеленый. – Мы все равно раньше их помрем.

У механика Зеленого такой характер. Вместо «здравствуйте» он всегда говорит:

– Ну, что у нас плохого?

А если вы скажете ему:

– Какая хорошая сегодня погода!

Он обязательно ответит:

– Это хорошо не кончится. Ждите дождя.

– Ах, оставьте, механик, – рассердился профессор Селезнев. – Вы что, раковидной туманности раньше не видали?

Механик Зеленый принялся думать, как бы ответить начальнику экспедиции, чтобы тот понял всю трагедию их положения. Но ничего страшного придумать не успел, потому что капитан Полосков закричал:

– Планета! Неизвестная планета!

– Вот видите, – произнес тогда Зеленый, почесывая густую рыжую бороду. – Нам еще не хватало неизвестной планеты.

Для того чтобы переждать гравитационную бурю, корабль «Пегас» опустился на неизвестную планету. Оказалось, что она была вполне мирным, уютным местечком. Правда, почти ненаселенным, наверное потому, что лежала так далеко от остальных планет. Даже споры растений и бактерий, которые летают в открытом космосе, перенося жизнь с планеты на планету, туда не попадали. Так что в реках еще не было рыбы, в океанах –

Медвежонок стоял перед ней, покачиваясь на задних лапах,
и ждал, пока ему дадут бутылочку с липовым отваром.

китов, на суше – слонов или медведей. Правда, леса там были густые и на деревьях росли чудесные, хоть и кислые плоды.

Пока пережидали бурю и Зеленый устроил профилактику двигателям, Селезнев с Полосковым ходили на экскурсии, собирали гербарии, семена плодов и ягод.

Как-то, за день до отлета, профессор забрел довольно далеко, к небольшому озеру. День был теплый, профессор хотел было искупаться, как услышал, что кто-то ломится сквозь кусты к берегу. Профессор очень удивился, так как был уверен, что на планете нет животных. И даже не взял с собой никакого оружия.

Он хотел уже вызвать по рации подмогу, но тут увидел, как из кустов на берег выбежал золотой медвежонок – такого красивого создания ему еще видеть не приходилось. Медвежонок спешил к нему и вовсе не испугался сначала. Но в нескольких шагах от профессора он замер и испуганно заморгал сиреневыми глазами. Профессор понял, что медвежонок потерялся и ищет свою маму. И при виде незнакомого существа он, конечно же, оробел.

Стараясь говорить тихо и ласково, профессор произнес:

– Не бойся меня, малыш. Я не причиню тебе вреда. Мне только хочется тебя снять, чтобы на Земле наши дети увидели, какие зверюшки водятся в этой части Галактики.

Но при виде видеокамеры медвежонок оскалился, зарычал и кинулся было, выставив перед собой длинные когти передних лапок, на профессора, и профессору даже пришлось отскочить, чтобы его не поранило когтями.

– Погоди! – крикнул профессор вслед медвежонку, который улепетывал в лес. – Погоди ты, в конце концов! Неужели ты человеческого языка не понимаешь?

Профессор от огорчения совсем позабыл, что имеет дело с диким, да еще инопланетным зверем.

А когда он возвратился на «Пегас» и рассказал об удивительной встрече своим товарищам, механик Зеленый сказал:

– А если он ядовитый? Ну кто кидается на зверей с голыми руками?

Конечно же, Зеленый был совершенно прав.

Весь следующий день профессор Селезнев, взяв небольшой катер, который был на борту «Пегаса», летал над планетой. Он рассуждал так: если я видел медвежонка, значит, на планете должны водиться медведи. Иначе

медвежонку было неоткуда родиться. Но если на планете есть медведи, то на ней водятся и другие животные. Не бывает же так, чтобы на целой планете завелись только медведи и никто больше не завелся.

Профессор Селезнев снимал сверху лес и поляны под большим увеличением, он опускался в подозрительных местах и залезал в самую чащу, даже смотрел под корнями и в траве. Но ни одного животного, даже крошечного, он не нашел. Не говоря уж о таких крупных зверях, как медведи.

Селезнев был в полной растерянности. Когда он вернулся на корабль, Полосков, видя, как расстраивается начальник экспедиции, сказал:

– А может быть, медвежонка и не было? Может быть, вам очень хотелось увидеть на планете какое-нибудь животное, вот вы и вообразили медвежонка?

– Вот именно! – сказал Зеленый. – Типичная галлюцинация. Пора нам возвращаться, а то как бы чего не вышло.

– Но я же его снимал! – воскликнул профессор.

– Но не успели снять, – заметил Полосков.

Профессор понурился, потому что и сам уже сомневался, что видел медвежонка. Ведь по всем законам биологии его быть на планете не могло. Не может существовать одно-единственное животное в целом мире. Это или волшебство, а волшебства почти не бывает, или обман зрения. А обман зрения на чужих планетах встречается довольно часто.

Полосков уже готовил корабль к подъему, а профессор Селезнев подошел к иллюминатору и грустно смотрел на кусты и деревья снаружи, расстраиваясь оттого, что ему не удалось разгадать эту тайну.

Когда еще удастся кому-нибудь попасть на эту планету?

За иллюминатором был туманный, сумрачный день. Планета казалась совсем мертвой.

– Что они, вымерли, что ли! – в сердцах воскликнул профессор Селезнев.

И тут он увидел, как из кустов, по брюхо в тумане, выбежал медвежонок и встал на задние лапы. Словно он прибежал проводить гостей.

– Полосков! Зеленый! – закричал профессор. – Что я вам говорил?

Капитан и механик подбежали к иллюминатору и наконец-то убедились, что профессор не сошел с ума и не воображает животных.

– Какой красавец! – воскликнул Полосков.

– Наверное, ядовитый, – сказал Зеленый.

– Но он совершенно один на всей планете! – возразил Селезнев.

– Может быть, возьмем его с собой? – предложил Полосков.

– Он убежит, – ответил Селезнев.

– Не берите, – сказал Зеленый. – На нем блохи.

Селезнев вышел из «Пегаса». Медвежонок на этот раз никуда не убежал. Наоборот, он поджидал Селезнева у самого люка, и, как только тот вышел, медвежонок доверчиво протянул ему лапу. Как ручной.

Когти он убрал, а ладонь у него оказалась теплой и мягкой.

Медвежонок что-то урчал и тянул Селезнева к люку.

– А как же твои родители? – спросил Селезнев.

Медвежонок посмотрел на него, и тут профессор увидел, как из глаз зверя текут слезы.

– Ну, не расстраивайся! – сказал Селезнев. – Не надо. Ты сирота? Ты потерялся? С твоей мамой несчастье?

Разумеется, медвежонок ничего не понял, но доверчиво прижался к ноге человека. И все попытки Селезнева отправить его обратно в лес ни к чему не привели.

И тогда, после короткого совета, большинством в два голоса против одного медвежонок попал на борт «Пегаса». И в тот же день все его полюбили.

Был зверек ласковым, доверчивым, совершенно ручным – можно было допустить, что он никогда не испытывал вреда от людей. Медвежонок оказался вегетарианцем. Он ел плоды, которые Селезнев собрал для него на планете, а когда они кончились, с удовольствием перешел на яблоки и сырую картошку.

Зеленый, конечно же, ворчал, что по кораблю шастают медведи, но на самом деле больше всех полюбил медвежонка и даже подолгу разговаривал с ним и уверял, что понимает желания медвежонка, когда тот урчит или сопит. Правда, почему медвежонок остался сиротой, понять он тоже не смог.

Сначала медвежонку постелили в кают-компании, но как-то ночью он проснулся и залез на пульт управления. Там разорвал лежавший на столе звездный атлас и справочник кораблей. С тех пор на ночь шалуна запирали в клетку, что ему страшно не нравилось.

Профессор Селезнев на пути домой внимательно проверил все пленки, которые снял на планете медвежонка, но приборы уверенно показали, что никаких живых существ крупнее комара на планете не водится.

Медвежонок не возражал, когда Селезнев осматривал, выслушивал и изучал его. Профессор даже написал статью в «Вестник космической

зоологии», когда вернулись на Землю, разослал номер всем своим коллегам в других зоопарках с запросом, не встречалось ли кому-нибудь из них такое животное. Но оказалось, что никто из зоологов такого зверька не встречал.

А пока что медвежонок жил в Космозо, стал любимцем публики, и особенно он любил, когда Елена Федоровна на цепочке водила его гулять по дорожкам парка после закрытия Космозо. Он ни разу не пытался убежать и никогда не выпускал своих когтей.

Конечно, если его никто не пугал...

Как-то они шли с Еленой Федоровной по дорожке, и служительница провела его мимо клетки с тигрокрысом с планеты Пенелопа. Тигрокрыс при виде медвежонка зарычал и начал бить раздвоенным на конце хвостом по полу клетки. Медвежонок, перепугавшись, кинулся прочь, потащил с неожиданной силой Елену Федоровну, а когда она пыталась его остановить, принялся отбиваться от нее и оставил на память об этом два длинных шрама у нее на руке. Елена Федоровна говорила всем, что сама виновата, а медвежонок, словно чуял свою вину, так уж ластился к ней, так урчал, что не простить его было невозможно.

Правда, и тигрокрыса вскоре наказала судьба. Каким-то образом это чудовище смогло ночью втащить в клетку грабли, оставленные возле дорожки садовником. А втащив их, тигрокрыс решил грабли наказать и попытался их сожрать. И хоть его зубы и желудок могут перемолоть и переварить почти все, грабли в этот список не входят. Вот и угодил тигрокрыс в госпиталь. Там его усыпили и вырезали из него куски пережеванных граблей. Нельзя сказать, что после этого тигрокрыс стал добрее, но по крайней мере осторожнее.

А однажды медвежонок, которого уже все в Космозо звали Женей, показал себя храбрецом. И вновь при том присутствовала Елена Федоровна.

Неподалеку от домика медвежонка располагался вольер с крикушами – птицами, которые умеют подражать различным звукам и летают вниз головой. А так в них нет ничего особенного, если не считать того, что живут они на самом краю Галактики, встречаются очень редко, а их гнезда – большие скирды соломы или сена. Представляете: сама птичка – чуть больше голубя, а гнездо – чуть ли не с человека ростом. Так что вольер крикуш весь уставлен копнами сена, словно большими муравейниками.

Эти птицы почему-то невзлюбили медвежонка. Стоило ему на прогулке приблизиться к их вольеру, они поднимали страшный шум и норовили

просунуть сквозь сетку свои тонкие длинные клювы, чтобы ущипнуть звереныша.

Да и по ночам они иногда просыпались и, словно желая повторить дневной урок, начинали хором, перебивая друг дружку, изображать какой-нибудь новый звук, который им удалось подслушать днем – то гудят, как сорок пожарных машин, то плачут, изображая маленького ребенка, который потерял в Космозо маму. А представляете себе, как могут плакать сорок младенцев! В общем, медвежонку от крикуш были сплошные неудобства.

Как-то они гуляли с Еленой Федоровной по дорожке, и, когда миновали вольер с гнездами из сена, там начался пожар. Словно кто-то кинул внутрь спичку. Сено занялось мгновенно, птицы, одуревшие от дыма и жары, метались, стараясь вырваться наружу. И тут еще Елена Федоровна упала в обморок. То ли она упала в обморок, увидев, как начинается пожар, то ли сначала упала в обморок, а потом начался пожар... в любом случае медвежонок проявил себя настоящим героем.

Елена Федоровна рассказывала, и это подтвердили роботы-пожарные, которые первыми примчались к горящему вольеру, что медвежонок Женя изо всех сил тащил лежавшую на земле сотрудницу Космозо, уцепившись когтями за рукава ее куртки, чтобы языки пламени не достали ее.

Пожарные раскрыли вольер, оставшиеся в живых птицы вылетели наружу и разлетелись по окрестным улицам и паркам. К сожалению, те, которых не удалось найти, стали жертвами ворон и котов, потому что крикуши не знали, что вороны и коты их не любят.

С тех пор Елена Федоровна еще больше полюбила отважного медвежонка, и он отвечал ей взаимностью. А что касается нечаянного обморока, то доктор, который осматривал сотрудницу Космозо, сказал ей, что это случилось из-за переутомления. В то лето у нее на даче выдался невероятный урожай малины, смородины и яблок. И чтобы не пропали ягоды, она, сменившись с работы, мчалась на флаере в Абрамцево и там вечерами собирала ягоды, а ночи напролет варила варенье, делала компоты и наливки, так что поспать ей почти не удавалось целых две недели. Вот и довела себя...

Напоив Женю из бутылочки, Алиса его тщательно расчесала. От этого шерсть медвежонка еще больше заблестела. Алиса проверила, не попало ли ему что-нибудь между пальцами, и в очередной раз подивилась странному капризу природы. На ладошках медвежонка были нарисованы тре-

Тигрокрыс при виде медвежонка зарычал и начал бить раздвоенным на конце хвостом по полу клетки.

угольнички с хвостиками – так иногда маленькие дети рисуют мышек. Когда Алиса рассказала об этих мышках отцу, тот сначала поднял ее на смех, потом все же пошел, поглядел на ладошки Женьки и объяснил Алисе, что это пигментация. И пока не удастся отыскать других медвежат и сравнить их ладошки, нельзя сказать, только ли у нашего Женьки такой узор на ладошках или у других мишек тоже.

Медвежонок не любил, когда Алиса рассматривала его ладошки – ему было щекотно. Он ворчал и вырывал лапы. Алиса засмеялась и оставила своего мохнатого воспитанника в покое.

– Алиска! – раздался тут голос ее друга Пашки Гераскина.

Елена Федоровна, которая его знала, пропустила Пашку внутрь стеклянной загородки.

– Ты что здесь делаешь? – удивилась Алиса. – Разве ты не готовишься к соревнованию?

Медвежонок вырвался из Алисиных рук и побежал к Пашке, как будто ужасно по нему соскучился. Пашка подхватил его на руки.

– Нельзя его так баловать! – возмутилась Елена Федоровна. На самом деле она так не думала, но ей самой нравился медвежонок, и она хотела, чтобы баловала его только она сама.

– У меня собственная программа исследования Женечки, – сказал Пашка. – Я намерен разбудить в нем разум.

– Что? – изумилась Алиса.

– Я убежден, что наш медвежонок обладает зачатками разума, и, когда я его научу читать и писать, он расскажет нам про свою судьбу. Ведь нельзя же оставить ребенка сиротой, нельзя не разгадать эту страшную тайну!

– И как же ты его научишь читать и писать? – спросила Алиса.

– А вот так!

Пашка раскрыл свою сумку и высыпал из нее на пол груду картонок – набор для детей, которых учат читать. На каждой картонке была большая буква.

Медвежонок подошел к буквам и начал их двигать по полу, как будто понимал, что от него требуется.

– Что же дальше? – спросила Алиса с недоверием.

– Дальше требуется терпение, – заявил Пашка. – И оно у меня есть.

Он вытащил из груды карточек букву «а», положил перед медвежонком и произнес:

– А! Аааа!

Напоив Женю из бутылочки, Алиса его тщательно расчесала.
От этого шерсть медвежонка еще больше заблестела.

Медвежонок внимательно глядел на Пашку и ничего не отвечал.

– На что же ты рассчитываешь? – спросила Алиса. – Он же не умеет говорить. Тем более по-русски.

– Научим, – сказал Пашка. – И, если у тебя есть другие дела, ты можешь нас покинуть.

– Ничего, я посмотрю, – ответила Алиса.

Пашка продолжал выкладывать перед медвежонком карточки и называл буквы. Медвежонок слушал его внимательно, как будто что-то понимал. Алисе хотелось смеяться. С таким же успехом можно было учить грамоте простого бурого медведя или кота.

А Пашка терпеливо выкладывал карточку за карточкой, потом принялся складывать карточки по две. Получались слоги.

Наконец медвежонку надоело глядеть на игру, которую предложил гость, и он отвернулся от карточек.

– Женька, нельзя! – рассердился Пашка. – Мы же с тобой работаем!

Но медвежонок спокойно сел на карточки, разложенные Пашкой, и стал глядеть на дверь. Алиса-то понимала, почему он туда смотрит: вот-вот должны принести его обед.

– Совсем еще ребенок, – проворчал Пашка и, оттолкнув Женьку, собрал карточки в сумку. – Только пускай он не воображает, что я отступлюсь. Вы плохо знаете Гераскина. Я научу этого болвана читать!

И он пошел к выходу.

Медвежонку принесли обед – большое блюдо различных фруктов и овощей. Он сразу забыл о гостях, схватил большой банан и, забыв очистить, принялся жевать.

Вслед за Пашкой покинула клетку и Алиса. Она догнала друга.

Пока они шли по дорожке к выходу, Алиса вспомнила.

– Пашка, – спросила она, – ты не обращал внимания на странный рисунок на его ладошках?

– Ладошки как ладошки, – ответил Пашка, который не выносил, если кто-то знал о чем-то больше него. – А что?

– Там вот такие треугольники с хвостиками, как мышки.

– Нет, – сказал Пашка, – я стараюсь не смотреть на мелкие детали, чтобы не отвлекаться от большого и главного. А что твой отец говорит?

– Он считает, что это пигментация. То есть это у него от рождения.

– Профессору Селезневу лучше знать, – ответил Пашка.

* * *

Незаметно прошло несколько дней. Новостей особенных не было. Пашка регулярно ходил к медвежонку и упрямо раскладывал перед ним карточки, а медвежонок так же упрямо в карточках не разбирался. Елена Федоровна рассказала Алисе, как был наказан один глупый подросток, который дразнил медвежонка.

– Я как раз собиралась выходить из домика. Вдруг слышу – Женечка рычит. Это для него так нетипично. Гляжу: за стеклом какой-то перекормленный дурак передразнивает Женечкину манеру ходить – ну, знаешь как, вразвалочку. Я думаю – вот сейчас выйду и сделаю ему выговор. Вышла. Вижу этого хулигана. Подхожу к нему – и тут сознание потеряла, на одну секунду. Очнулась на полу. А рядом лежит этот хулиган, и на лбу у него здоровая шишка. Я, конечно, к нему: что случилось, почему вы упали? А он представляешь что мне сказал? Он сказал, что это я его по голове каблуком стукнула. Будто бы я сняла с ноги туфлю и по голове его стукнула. Ты представляешь, чтобы я была на это способна?

Алиса засмеялась. Конечно же, Елена Федоровна была к такому совершенно не способна. Она очень маленькая и хрупкая пожилая женщина, у нее уже два внука есть, она никого в жизни ни разу не ударила. Тот парень, который медвежонка дразнил, не стал, правда, никому жаловаться – стыдно стало с бабушкой воевать. Но Елена Федоровна так переволновалась, что ей пришлось лечь в постель.

Так как специального опекуна медвежонка на эти дни не стало, то Пашка с Алисой сговорились приходить к нему, чтобы медвежонку не было скучно.

Алиса брала с собой книжку. Или карманный компьютер, чтобы готовить уроки. Женечка никогда ей не мешал. Он дремал, лежа у ее ног, или смотрел на дисплей компьютера, как будто что-то мог понять.

На третий или четвертый день Алисе пришлось удивиться.

В Космозо был выходной, посетителей нет, дорожки пусты.

Она пришла немного раньше, чем обещала, и Пашка еще не кончил урока. Алиса остановилась в дверях, чтобы не мешать, и стала смотреть, как ведет себя медвежонок. И тут она, к своему изумлению, увидела, что Женечка складывает из карточек слова «девять вечера». Именно «девять вечера». Не «мама» или «папа», как можно было бы ожидать от очень способного инопланетного медвежонка, а весьма сложные слова, которые не каждый первоклассник напишет.

Первая мысль Алисы была: «Пашка гений!» Научил читать инопланетного медведя!

И тут Женечка заметил Алису. В мгновение ока он смешал карточки и отвернулся от Алисы, словно ее и не было в домике.

– Что за тайны? – засмеялась Алиса. – Я все видела, от меня не скроетесь.

Но тут же ей пришлось оборвать смех, потому что медвежонок страшно, низким-низким голосом зарычал, а с Пашкой тут случилось что-то совсем уж невероятное. Он вскочил, пошатнулся, словно был не в себе, кинулся к Алисе, и Алиса мгновенно поняла, что Пашка не владеет собой.

– Паша! – крикнула она.

Пашка прыгнул на нее и попытался схватить за горло. Алиса отбивалась от Пашкиной хватки, и в ее ушах все время звучало странное рычание медвежонка.

Вообще-то Пашка и Алиса по силам примерно равны – им уже приходилось сражаться, правда шутя, не так, как на этот раз. Но в Пашку словно вселился злой дух – руки у него были стальными и пальцы как железные крючья.

И неизвестно, чем бы окончилась борьба, если бы дверь в домик не отворилась. В дверях стояла Елена Федоровна с узелком в руке.

– Что такое? – Елена Федоровна так ничего и не поняла, потому что Пашка тут же отпустил Алису и выбежал на улицу.

Медвежонок замолк и мгновенно забился в угол. Лишь Алиса осталась стоять у стены, растирая оцарапанное Пашкиными ногтями горло.

– Что-нибудь случилось? – спросила Елена Федоровна. – Вы поссорились?

– Нет, – ответила Алиса, проглотив слюну. – Нет, ничего особенного. Паша... просто очень спешил.

Ну не будешь же ты малознакомому человеку объяснять, что твой друг напал на тебя, как дикий зверь, и пытался задушить.

Все это было загадочно и даже страшновато.

Алиса сделала шаг к медвежонку. Он поднял на нее сиреневые глаза. Глаза были печальные-печальные и очень виноватые.

– Ну, как ты все это объяснишь? – спросила Алиса у медвежонка.

А тот заскулил, как побитый щенок.

Алиса посмотрела на карточки, разбросанные по полу. Если бы она что-нибудь понимала!

А Елена Федоровна, решив, что все ей почудилось, радостно произнесла:

– Здравствуй, мой звереныш! Я не смогла усидеть дома – так по тебе скучала. Видишь, испекла тебе пирог с яблоками. Ты же любишь пирог с яблоками?

Медвежонок поднялся и, переваливаясь, потопал к Елене Федоровне. Подойдя, он протянул лапку к узелку.

– Понимает! – обрадовалась Елена Федоровна. – Умненький ты мой!

Алиса, не прощаясь, ушла.

Из дома она провидеофонила Пашке. Того не было дома. Интересно, как он объяснит свое нападение? Может быть, он хотел сделать сюрприз? Удивить весь мир тем, что научил медвежонка грамоте, и обиделся на Алису за то, что она подглядела и испортила сюрприз? А что означало рычание медвежонка? Может, он просто перепугался, когда Пашка напал на Алису?

Когда Алиса пришла домой, мама была на кухне. На плите стоял бак, в котором варился борщ.

Алиса сразу догадалась, кто к ним будет в гости, – только громадный, ростом со слона, добродушный и вспыльчивый космический археолог и знаток галактических древностей Громозека мог съесть целый бак борща за один присест. Он любил мамин борщ так, что готов был перелететь половину Галактики для того, чтобы его отведать.

– Ой, мама! – обрадовалась Алиса. – Неужели Громозека прилетел?

– Он был на конференции, – сказала мама, – и по пути домой решил нас навестить.

Тут загремел старый кухонный комбайн, в который отец засыпал два ведра картошки и, конечно же, его перегрузил.

И Алиса, забыв о Пашке, и медвежонке, и всех странностях Космозо, о которых только что собиралась рассказать отцу, принялась помогать родителям готовить обед для дорогого гостя.

Громозека заявился не один. Он сделал замечательный сюрприз своим друзьям. Когда он втиснулся в дверь и пробился в прихожую, то тут же вытащил из мешков, пришитых к его одежде и называемых им скромно кармашками, двух маленьких громозек. Оказывается, у него родилось четверо детей. Двоих он оставил со своей женой, а двоих взял с собой на конференцию, чтобы они с детства приучались к научной обстановке. Одного маленького громозеку звали Помогризом, а второго Земогроком,

их было трудно различить, правда, один был в синем костюме, а второй в красном. В красном был Помогриз, и хобот у него был короче, чем у брата, а в синем был Земогрок, и у него было на два щупальца больше. А вообще-то малыши были ростом побольше Алисы, а в объеме раз в пять крупнее ее. Так что пока Алиса и отец развлекали гостей, маме пришлось срочно ставить на плиту вторую порцию борща – на этот раз в ведре, – потому что, оказывается, папа Громозека уже два месяца рассказывал своим малышам о том, как они прилетят к Селезневым и как мама Алисы приготовит им сказочный борщ.

За обедом Громозека и его малыши вели себя как умирающие от голода дикари: пока они не съели весь борщ и не умяли три противня с жареной картошкой, не выпили шесть литров яблочного сока и восемнадцать банок компота из слив, они не разговаривали, а только ахали, охали и вздыхали от наслаждения. Потом, прямо за столом, малыши заснули, и, хоть мама хотела положить их в Алисиной комнате, папа Громозека заявил, что им куда лучше у папы под боком, и засунул спящих малышей в мешки-карманы своей куртки. Малыши мирно спали, только иногда поворачивались и бормотали или смеялись во сне, от этого Громозеку раскачивало, и пол под ним скрипел – ведь нет такого стула, на котором бы уместился Громозека.

Отец стал расспрашивать Громозеку об общих друзьях – им не раз приходилось работать на разных планетах в совместных экспедициях. Но после второго или третьего вопроса Громозека вдруг опечалился и опустил голову.

– Прости, – произнес он глухим голосом, – но нашего друга Гинде-бу нет в живых. Он погиб.

– Прости, – сказал отец. – Но как это случилось?

– Наша экспедиция работала на небольшой планете, давным-давно оставленной своими жителями. Оттуда коллеги сообщили нам, в Археологический центр, что отыскали сокровищницу древних царей и просят подмоги, потому что надо было описать, сохранить и вывезти эти сокровища. Мы срочно вылетели туда на большом корабле. Но когда прилетели, то не нашли ни одного живого человека...

– И не нашли сокровищ? – сказал отец.

– Кто-то узнал о сокровищах, налетел на планету, застиг экспедицию врасплох и безжалостно убил ученых.

– Чтобы замести следы? – догадалась мама.

– Вот именно, – согласился Громозека.

– Но как они узнали о сокровищах? – спросила мама.

– Все просто, – сказала Алиса. – Экспедиция наверняка вызывала вас открытым текстом.

– Разумеется.

– Это были космические пираты? – спросила мама.

– Космические пираты не перебили бы целую экспедицию. Ну, в крайнем случае захватили бы всех заложниками. Нет, пираты – грабители, но не убийцы.

– Так кто же это был? – спросил отец.

– Так и не удалось узнать.

– И никаких следов? – спросила Алиса.

– Никаких. Впрочем, нет, погоди... Где же эта проклятая штука? Я всегда ношу ее с собой и всем показываю... Вдруг найдется кто-то, кто видел нечто подобное.

Громозека начал шарить многочисленными щупальцами по многочисленным карманам, его детишки проснулись, высунулись из карманов и тоже начали искать – хотя не знали, что искать, и потому вываливали на пол пуговицы, записные книжки, какие-то книжки, кассеты, аппараты, бумажки, пленки, черепки, бусинки... И скоро пол в комнате был по щиколотку засыпан содержимым карманов археолога.

– Вот! – наконец закричал Громозека, когда все отчаялись дождаться.

Он вытащил из нагрудного кармана небольшую фотографию. На ней был виден участок стены или какой-то каменной плоскости, на которой мелом был нарисован треугольник с хвостом, как будто какой-то малыш рисовал мышку.

– Но это же детский рисунок! – сказала мама. – Это мышка.

– Нет, – возразил Громозека. – Лучшие детективы изучали этот рисунок. Он сделан взрослой сильной рукой именно в тот день, когда погибла экспедиция и пропали сокровища. Если я узнаю, кто и почему нарисовал эту мышку, то смогу приблизиться к тайне гибели моих друзей.

– Я помогу тебе, – сказала Алиса.

– Что ты говоришь? – удивился отец.

– У тебя слишком плохая память для ученого, – укоризненно сказала Алиса. – Ты забыл, что я тебе несколько дней назад говорила об этом рисунке.

– Ты? Мне? – Отец был искренне удивлен.

– Как вредно не обращать внимания на открытия, которые делают дети, – произнесла Алиса. – А я с самого начала почувствовала неладное.

– Так говори, говори! – воскликнул Громозека.

А его детишки высунулись из карманов и даже завизжали от нетерпения.

И тогда Алиса рассказала, что точно такие же треугольники с хвостиками есть на ладонях золотого медвежонка.

Отец, разумеется, сказал, что это случайное совпадение, но Громозека отнесся к словам Алисы серьезно. И тут же стал собираться в Космозо.

Естественно, отец с мамой стали отговаривать Громозеку, убеждать, что лучше съездить завтра – сейчас Космозо уже закрыт. И открывать его – дело сложное.

Алиса не слушала спора взрослых. Она знала, что Громозека настоит на своем. Ее беспокоило совсем другое – она вспомнила, какие слова были сложены на полу в домике медвежонка: «Девять вечера». Конечно, слова могли быть чисто учебным упражнением и ничего не значить. Или относиться к любому другому дню. А могли...

Алиса кинулась к видеофону и набрала номер Пашки. Подошла Пашкина мама.

– Простите, – спросила Алиса. – Паша пришел?

– А разве он не у тебя? – удивилась Пашкина мама. – Он сказал, что пошел к тебе делать домашнее задание по генетике.

Алиса хотела было сказать неправду, потому что неправду можно говорить, когда надо успокоить родителей. Но так как на нее одновременно посмотрели ее собственные родители, Громозека и маленькие дети Громозеки, она вынуждена была сказать правду:

– Нет, он еще не приходил.

– Но уже десятый час! – воскликнула мама Пашки.

– Но вы же его знаете, – ответила Алиса. – Он такой увлекающийся.

– Так вот, когда твой увлекающийся друг придет, – строго сказала Пашкина мама, – вели ему немедленно позвонить домой.

– Конечно, конечно, – пообещала Алиса и быстро выключила экран.

Она обернулась. Все смотрели на нее.

– Что еще с твоим Пашкой? – спросила мама.

– Он учил медвежонка читать и складывать слова, – призналась Алиса.

И рассказала о том, что случайно подглядела сегодня, как Женечка складывал странные слова.

– Ох и не нравится мне это, – совсем как Зеленый, произнес Громозека, и они все побежали к Космозо, благо бежать до него было всего пять минут.

От ворот отец вызвал ночного дежурного, тот открыл служебный вход.

По пути к домику медвежонка отец спросил у дежурного:

– Никаких событий?

– В общем, все в порядке, – ответил дежурный, но в голосе его была неуверенность.

Отец сразу почувствовал ее и остановился.

– Что значит «в общем»? – спросил он строго.

– Но, может, мне показалось...

– Говорите. Быстро!

– Полчаса назад мне показалось, что на территорию опустился флаер.

– Как так показалось?

– Но потом я подумал, откуда здесь быть флаеру в такое позднее время, – ответил дежурный.

– Где опустился флаер?

– Вон там, возле домика, где наш медвежонок живет.

– Вот именно! – воскликнул Громозека. – Этого я и опасался.

– Вы проверили? – спросил отец дежурного.

– Вот как раз собирался.

– Разумеется, – вздохнула Алиса. Ведь дежурный смотрел триста шестую серию фильма «Бедным тоже щекотно» и не мог оторваться от переживаний за судьбу обнищавшей герцогини Леокадии.

Отец отмахнулся от дежурного и поспешил вслед за Громозекой.

Самые худшие их подозрения оправдались.

Дверь в домик медвежонка была распахнута, а домик пуст.

– Сбежал! – ахнул отец.

– Ему помог бежать мой Пашка, – сказала Алиса. – И я теперь очень беспокоюсь за его судьбу.

– Что ты говоришь! – возмутилась мама. – Почему ты должна бояться? Ну, мальчик шалит...

– Мальчик-то, может, и шалит, – произнес Громозека. – Но вот ваш золотой медвежонок, вполне вероятно, не такой уж невинный зверек, как вам кажется.

– Ты его не видел! – возразила мама. – Если бы его увидел, ты бы понял, какой он очаровашка.

– Не все то золото, что блестит, – сказал тогда Громозека, который знал множество русских поговорок и очень любил употреблять их к месту и не к месту.

– Что теперь делать? – спросил отец, как бы передавая этим командование Громозеке. Он был очень расстроен, что не смог увидеть опасности: ведь, как и все, он был очарован милейшим медвежонком.

– Теперь надо спешить на космодром, – сказал Громозека. – У меня есть подозрение, что этот ваш медвежонок с помощью мальчика Паши постарается улететь с Земли.

– Но почему? Почему он оказался совсем один на дикой планете?

– Вот именно это и должно было тебя насторожить, – ответил Громозека. – Подумай: откуда может взяться такое большое животное на планете, на которой нет даже мелких зверюшек, тем более нет родственников золотого медвежонка?

– Мы думали об этом, – признался отец и развел руками.

– Так бежим на космодром.

– Нет, – возразил профессор Селезнев. – Бежать туда – дело долгое. Да и флаер надо вызывать. Пошли ко мне в кабинет, оттуда мы позвоним на космодром и предупредим охрану.

Все согласились, что это самое мудрое решение, и через пять минут они уже были в отцовском кабинете.

Отец дозвонился до космодрома. Дежурный был вежлив и, когда узнал, что из Космозо убежало редкое животное, которое может попытаться улететь на корабле, встревожился и тут же согласился, что искать медвежонка следует тихо, не объявляя об этом вслух, чтобы не спугнуть медвежонка и тем более не перепугать тысячи пассажиров, что толпятся в помещениях вокзала. Дежурный записал и приметы Пашки, который мог быть вместе с медвежонком.

– Вот теперь мы можем ехать на космодром, – сказал отец. – Сейчас я вызову флаер.

– Подожди, папа, – остановила его Алиса. – Скажи, пожалуйста, а ты уверен, что они с Пашкой полетели на космодром?

– А куда же еще?

– Куда угодно, – ответил за Алису Громозека. – Мы же ничего не знаем. Даже не знаем, какие у них с Пашей отношения и кто из них командир.

– Боюсь, что командир – Женечка, – проговорила Алиса. – Только такая последняя дура, как я, могла спокойно смотреть на слова, сложенные

медвежонком, и не поднять из-за этого тревогу на всю Москву. Почему я не догадалась, что дикое животное, прожившее на Земле всего три недели, не может складывать буквы на чужом языке. А если может, то тогда это никакое не животное.

– Вот я и думаю, – сказала мама, – почему медвежонок прямо не поговорил с твоим Пашей, если они такие друзья?

– Да потому что он водил Пашку за нос! Он оказался умнее всех нас вместе взятых. Пашка хотел научить его с помощью карточек. И Женечка сообразил, что если он выучится под Пашкиным мудрым руководством, то Пашка будет так счастлив, что дальше можно из него веревки вить. Если бы он попытался Пашке что-то приказать словами, то Пашка бы сразу заподозрил неладное и сказал бы об этом мне или папе. Но карточки! Гениальное Пашкино изобретение!

– Алиса права, – согласился профессор Селезнев. – Но если медвежонок попросил Пашку отвезти его на космодром, чего он этим добьется? Ведь Пашка не может положить его в карман. У него нет минимизатора.

– Да и с минимизатором ничего бы не получилось, – сказала Алиса. – Пашка не может вместе с Женечкой улететь с Земли, потому что у нас послезавтра контрольная по генетике, а Светлана сказала, что если Пашка ее не напишет по-человечески, то не видать ему летнего путешествия как своих ушей.

– Тогда что же он сделал? – в отчаянии воскликнул Селезнев.

Алиса понимала, что отец прав – получалась неувязка. Что же понадобилось медвежонку Женечке от Пашки Гераскина?

– Что мы знаем об этом медвежонке? – спросил Громозека. – О его способностях и странностях? Не может быть, чтобы вы ничего не заметили.

– Я заметила! – воскликнула Алиса. – Только для этого мне нужно позвонить Елене Федоровне.

– Зачем? – спросил папа.

– А затем, что в Космозо случались некоторые незначительные события, которые не получили объяснения, – сказала Алиса.

– Какие? – спросил отец, встревожившись.

– Например, пожар у крикуш. Или тот случай, когда тигрокрыс чуть не подавился граблями. Или когда Елена Федоровна одному глупому человеку хотела голову проломить.

– Что? – удивился отец.

Оказывается, о последнем событии он даже не знал.

Алиса уже набрала номер Елены Федоровны. Та словно ждала звонка.

– Что случилось? – спросила она. – Что он еще натворил?

– Вы кого имеете в виду? – спросил Громозека.

И Елена Федоровна, которой не приходилось встречать его раньше, не догадалась, что это профессор археологии и знаменитый ученый, она увидела слоноподобного осьминога или спрутоподобного слонопотама. И от страха выключила видеофон.

– Теперь ты немного подождешь, – сказала Алиса. – А я сама с ней поговорю.

Оба детеныша Громозеки высунулись из его карманов и принялись возмущаться поведением людей.

– Как можно? Как можно? – кричали они. – Наш папочка самый красивый. Мы не позволим, мы не допустим!

Громозеке пришлось заткнуть головки малышей в карманы и застегнуть карманы на «молнию».

Со второго раза Алиса дозвонилась Елене Федоровне. Та уже поняла, что проявила невежливость, и потому чувствовала себя виноватой. Громозека-то обиделся, отошел от видеофона и даже повернулся к нему спиной.

– Елена Федоровна, что-то случилось с вашим медвежонком, – сказала Алиса. – Даже не что-то, а он сбежал.

– Я этого ждала! – вздохнула пожилая женщина.

– Но если ждали, почему не сообщили директору Космозо? – поинтересовался профессор Селезнев.

– Так я думала, что рехнулась, – призналась Елена Федоровна. – С одной стороны, я не встречала никого милее и тише нашего питомца, а вот с другой стороны...

– Он не всегда был таким, каким казался окружающим? – спросила Алиса.

– Вот именно. Всем казался, а на меня внимания не обращал, потому что думал, что никто не поверит старой глупой бабке. То оскалится, то укусит, то ямку выроет на моей дороге, чтобы я ногу сломала, то испугает исподтишка... В общем, натерпелась я с ним!

– А вот тот случай, когда тигрокрыс грабли жевал...

– А я ничего не видела!

– Как же не видели! – снова вмешался отец. – Вы же с животным гуляли по дорожке.

– Гулять гуляла, а ничего не видела.

Оба детеныша Громозеки высунулись из его карманов и принялись возмущаться поведением людей.

– Пускай женщина объяснится, – произнес, разворачиваясь, Громозека.

– Я долго голову ломала, – сказала Елена Федоровна, – но ничего не вспомнила. Как будто проспала самое важное.

– А второй случай? Когда вольер крикуш сгорел?

– Тоже загадка! – воскликнула женщина. – Ничего не помню.

– И случай с шалуном-посетителем?

– Совсем уж непонятно. Вроде бы присутствовала, должна была все видеть – и не видела.

– Пожалуйста, Елена Федоровна, расскажите нам об этом подробнее, – взмолилась Алиса. – Нам это очень важно!

– Алиса права, – поддержал Громозека. – Я вас очень прошу!

– Но я мало что могу рассказать, – ответила Елена Федоровна. – Я ничего не помню! То есть я помню, как мы шли и как мы смотрели на тигрокрыса, а он скалился на Женечку, а потом... потом какой-то провал в памяти, и я уже вижу только, как тигрокрыс давится этими граблями, а медвежонок улыбается...

– Улыбается? – переспросил профессор.

– А у меня внутри было так тепло-тепло, как будто случилась большая радость. – Елена Федоровна виновато опустила голову. Она, конечно же, понимала, что нормальному человеку, а тем более сотруднику зоопарка не может быть тепло и хорошо, если какому-нибудь животному плохо и больно. Но воспоминание было таким приятным!

– Скажите, – спросил Громозека, – а когда загорелись эти...

– Крикуши? Точно так же, – ответила Елена Федоровна. – Я помню, что было до пожара, а потом помню сам пожар. А вот что было... как он начался – не припоминаю.

– И, конечно же, не помните, как ударили молодого человека?

– Я не могла ударить человека! Это недоразумение! Я даже муху не могу прихлопнуть!

– Не помните?

– Не помню!

– Спасибо, Елена Федоровна, – сказал отец.

– Мне подавать заявление об уходе? – спросила женщина.

– Почему же? – удивился отец. – Вы хороший работник и любите животных.

– Но ведь я замешана в таких грязных историях!

– Ах, Елена Федоровна! – сказал тогда директор Селезнев. – Вы же все давно поняли, только сами себе не смеете признаться, потому что жалеете медвежонка. Вы же понимаете, что каким-то образом он замешан в этих каверзах!

– Нет, я отказываюсь в это верить! – воскликнула Елена Федоровна сквозь слезы. – Простите, я больше не могу...

Экран погас.

В кабинете Селезнева стало совсем тихо. Слышно было лишь, как о стекло окна бьется оса. Громозека протянул щупальце и открыл окно, чтобы оса могла улететь.

– Но как он это делал? – спросил сам себя Селезнев.

– Я думаю, что он вовсе не животное, – сказала Алиса. И все кивнули, потому что думали так же.

– Вас всех сбивало то, что медвежонок, – заметил Громозека, – так похож на ваше земное животное, только лучше и красивее.

– И даже добрее, – добавила Алиса.

– Если Елена Федоровна не может простить себе ошибки, – произнес Селезнев, – то что делать мне, опытному ученому, который не отличил медвежонка от хитрого и разумного инопланетянина.

– А потому, папочка, – сказала Алиса, – что этот медвежонок не хотел, чтобы ты догадался, кто он на самом деле.

– Но почему? Почему?

Ответ на этот вопрос пришел буквально через три секунды.

– Вас вызывает космопорт, – сообщил видеофон.

Экран загорелся. На нем появился дежурный.

– Профессор Селезнев? – спросил он.

– Я здесь.

– Вы беспокоились о золотом медвежонке? – спросил он.

– Да! Вы его нашли?

– Нет, – ответил загадочно дежурный. – Это они нас нашли.

И тут же на экране появились три золотых медвежонка. Именно три, именно золотых и именно медвежонка.

Были они крупнее Женьки, потемнее его, все три с портфелями и в очках.

– Мы просим встречи с вами, – сказал тот медвежонок, у которого были самые толстые очки. – Мы официальная делегация с планеты Лумм. Вряд ли вы о нас слышали, потому что мы живем совсем в другом конце

Галактики, и даже ваш журнал со статьей о золотом медвежонке в Космическом зоопарке мы получили только неделю назад и сразу же выслали к вам военно-правительственную делегацию.

Три медвежонка поклонились экрану.

– Вы узнали... – сказал отец. – Вы узнали о чудовищном недоразумении. – Тут впервые в жизни Алиса увидела, как ее отец густо покраснел. – Да, мы совершили ошибку!

– Какую? – удивился главный медвежонок.

– Мы поместили в клетку и показывали посетителям разумное существо!

– Какое счастье, что вы так сделали. Хоть вы и не смогли, наверное, его полностью контролировать, но все же надеюсь, что в вашей клетке очень толстая и крепкая решетка.

– Что вы говорите! – испугался отец. – Нет, не думайте! Мы не варвары, ваш коллега... ваш соотечественник гулял на свободе.

– И еще не сбежал? – спросил второй медвежонок. – Я не поверю!

– Сбежал, – сказала Алиса в наступившей тишине.

– О ужас! – закричал третий медвежонок. – Вы должны тут же объявить всеобщую тревогу и ввести на планете карантин.

– Он болен! – догадался Громозека, и его карманы зашевелились. Из них бились и рвались наружу его детишки. – Он разносит страшную заразу!

– Он здоров, но он разносит страшную заразу! – ответил первый медвежонок. – Где он сейчас?

– Мы не имеем представления, – признался отец.

– Тогда вы должны прекратить все полеты, запретить все вылеты с Земли. Если он вырвется – мы ничего не можем обещать! Вы не представляете, к чему это может привести.

– Да погодите вы! – рассердился тут Громозека. – Что вы кудахчете, как курицы! Опасность, опасность... Какая может быть опасность от одного маленького звереныша?

Алиса понимала, что Громозека нарочно так говорит, чтобы члены военно-правительственной комиссии с планеты Лумм перестали спорить и скорее рассказали, что же представляет собой этот золотой медвежонок.

Но отец не понял Громозеку – видно, очень волновался – и потому остановил его.

И тут же на экране появились три золотых медвежонка.
Именно три, именно золотых и именно медвежонка.

– Нет, ты не прав, мой друг, – сказал он. – Не надо перебивать наших гостей. Они сейчас приедут к нам, и мы поговорим. Я же не снимаю с себя вины за происшедшее.

– Боюсь, нам некогда встречаться, – возразил отцу Громозека. – Лучше обменяться мнениями сейчас же. Если уважаемые члены комиссии в самом деле встревожены, пускай они в двух словах все расскажут, и мы начнем действовать.

И, видя, что отец не перечит ему, Громозека тут же задал главный вопрос:

– Кто этот медвежонок? Почему он оказался один на дикой планете? Почему он не признался в том, что он разумный, а тщательно изображал зверя?

После короткой паузы глава делегации начал свою речь:

– Имя этого... существа, которое вы называете медвежонком, Выпрахол Четвертый. В молодости он правил небольшим княжеством на острове того же названия...

– В молодости? – удивилась Алиса.

– Ему сейчас по вашим меркам... – сказал второй член делегации, – примерно шестьдесят три года и три месяца.

– Ничего себе медвежонок! – прошептала Алиса.

– Но ему не сиделось на острове, и он завоевал соседний остров. Он возглавил банду насильников и бандитов, без стыда и совести. И на нашу тихую планету пришла беда. Они назвали свою банду братством щита и кнута, и их гербом, который они рисовали повсюду и даже татуировали на ладонях, был треугольный щит, из-под которого высовывается конец кнута...

Конечно же, подумала Алиса. А мы считали это мышкой.

Отец покачал головой и тихо проговорил:

– Алиса же показывала мне этот знак! А я не поверил! Разве медвежата выжигают знаки на ладошках?

– Остров за островом, княжество за княжеством, страна за страной он покорил всю нашу планету и установил на ней дикие порядки. Никто не чувствовал себя в безопасности. Он был одержим желанием гадить всем хорошим людям. Часто даже его сподвижники и соратники вставали в тупик перед его преступлениями... Выпрахол Четвертый и его бандиты начали даже совершать нападения на другие небольшие планеты и всюду оставляли свой знак...

– И всюду оставляли свой знак, – повторил Громозека. – И убивали...

– Он убил моих родителей, – произнес второй член делегации. И голос его дрогнул.

– Да, – подтвердил глава делегации. – У маршала Варшула погибли родители, у меня подруга.

– А у меня запасная дочь, – произнес третий член делегации.

Алиса подумала, что обязательно надо будет спросить, что такое запасная дочь на той планете? Но события, которые развернулись вскоре, так отвлекли Алису, что она забыла об этом спросить и до сих пор мучается.

– Наконец терпение нашего народа лопнуло! – Медвежонок в очках топнул лапой, а два других зарычали. – Началось восстание. Борьба была долгой и жестокой, погибли тысячи людей!

– И мой брат, – добавил второй медвежонок.

А Алиса подумала: когда они переводят свои слова на русский, то называют себя людьми. А мы их – медвежатами. Просто неприлично получается. Даже если ты произносишь такое слово мысленно.

– Власть кровавого диктатора и бандитов щита и кнута была свергнута. Большинство их были перебиты, а самого Выпрахола Четвертого разжаловали в Выпрахола Половинного...

– Да, именно так! – криками подтвердили эти слова остальные члены делегации.

– Для самого Выпрахола Половинного была придумана страшная медленная казнь. Его отвезли на самую отдаленную планету, где не было больше ни одного живого существа. Навсегда. До самой смерти.

– А мы его нашли, – сказал тогда профессор Селезнев. – И еще ломали голову – почему звереныш совершенно одинок? Что случилось с его родителями?

– Нам очень обидно, что вы нас спутали с какими-то неразумными зверями, – сказал глава делегации, а второй ее член, маршал Варшул, добавил:

– Это помогло хитрому и злобному Выпрахолу. Каким-то дьявольским образом он догадался, что вы не знаете о нашем существовании. Он удивительно способная и хитрая тварь. Я уверен, что уже через день он знал ваш язык и все понимал.

– Конечно же! – признался отец. – В первый день он от нас убежал. А на второй пришел снова.

– Он понял, что вы для него – нежданное спасение.

– Конечно, если вы не догадаетесь, что он известный злодей, – добавил маршал Варшул.

– А как мы могли догадаться? – вздохнул отец.

– Должны были догадаться, – не согласился с ним Громозека. – Иначе вас зря на вашей работе держат. Даже с биологической точки зрения вся эта история была чепухой. Как может одно животное жить на целой планете? Кто тогда его родил? Кто его выкормил?

– Не надо спорить, – сказала Алиса. – Этим мы делу не поможем. Нам же надо поймать этого самого... четвертого Выпрахола.

– Нет, нет! – хором закричали медвежата. – Половинного!

Отец переключился на дежурного по космопорту.

– Никаких новостей? – спросил он.

– Ни ваш беглец, ни Павел Гераскин не появлялись, – ответил дежурный. – Служба безопасности предупреждена. Ни один корабль не поднимется в воздух. Он не улетит. Другие космодромы тоже предупреждены.

Дежурный был очень серьезен – он же слышал разговор с военно-правительственной делегацией с планеты Лумм.

Отец вновь переключился на зал, в котором стояли медвежата.

– Скажите, – спросил глава делегации, – а откуда еще могут подняться космические корабли?

– Все космодромы предупреждены, – ответил профессор Селезнев. – Можете не беспокоиться.

– А я бы не была такой уверенной, – сказала Алиса. – Разве трудно построить космический корабль? Например, в школе?

– Ты еще скажи – в детском саду, – улыбнулся Селезнев.

– Папа, когда ты учился в школе, были еще древние, отсталые времена, – сказала Алиса. – Тогда еще в детских садах дети не знали программ «Д малое» и «Кобра вечером».

– Я и сейчас их не знаю.

– А сегодня, папочка, – продолжала Алиса, которой давно уже хотелось намекнуть родителям, что они жили в древнюю эпоху, – дети совершенно отличаются от вас. И космические корабли стоят в каждой школе. Разве ты не знаешь, что мы с Пашкой Гераскиным участвовали в гонках вокруг Луны?

– Но у вас же не настоящий космический корабль! Он не может вылететь за пределы Солнечной системы.

– А если долететь до Плутона и там захватить корабль геологов?

– Или на Марсе украсть мой корабль, – предположил Громозека. – Я его оставил на космической стоянке.

– Нет, это несерьезно, – сказал отец. Но голос его звучал неуверенно. Он уже ни в чем не был убежден.

– Простите, – вмешался в разговор глава делегации с планеты Лумм. – А молодой человек по имени Паша знает о местонахождении такого вот небольшого планетарного корабля?

Значит, они сообразили, насколько это серьезно, поняла Алиса.

– Да, – ответила она. – Наш кораблик стоит на школьном дворе.

– Он готов к полету?

– Он может долететь до Марса.

– Тогда надо спешить туда! Сообщите нам адрес! – хором воскликнули луммцы и схватились за портфели так, что Алиса поняла – в портфелях у них бластеры или даже пушки.

– Пашка не такой глупец, чтобы посадить медвежонка одного в корабль, – сказал отец. Но сам уже поднялся и набирал на пульте вызов флаера.

– Может быть, ваш Пашка и не такой глупец, – ответил мохнатый маршал Варшул, – но бывший кровавый диктатор в тысячу раз умнее его, в сто раз коварнее и умеет подчинить себе любого человека.

– Как? – спросил Громозека.

– Во-первых, он может заговорить, обольстить и буквально околдовать любого. Если это не помогает, он может... и это самое страшное... Он может...

– Говорите! – воскликнула Алиса. – Я уже догадываюсь, что вы скажете. Елена Федоровна была жертвой его силы!

– Мы не знаем ничего о существе по имени Елена Федоровна, – сказал глава делегации, – но мы знаем, что Выпрахол способен испускать поток психоволн и на минуту полностью подчинять себе любое живое существо. Когда же гипноз пройдет, его жертва ничего не помнит.

– Все ясно, – сказала Алиса. – Вот как погибли крикуши и чуть не умер тигрокрыс!

– Как так? – спросил Селезнев. Одним глазом он следил за информацией на пульте – ждал, когда подлетит пассажирский флаер, – другим наблюдал за экраном связи с космопортом: нет ли вестей оттуда. – Как это случилось?

– Елена Федоровна, сама того не понимая, сунула в клетку к тигрокрысу грабли, потому что медвежонок решил сделать ему гадость. А потом она подожгла гнезда крикуш... и ничего не запомнила.

– Значит, он всех может загипнотизировать? – спросил Громозека.

– Во-первых, только на минуту, и потом ему надо часа три восстанавливать силы, во-вторых, с нами он ничего поделать не сможет.

Сказав так, глава делегации вытащил из портфеля мягкий шлем, натянул на голову и сразу стал похож... На кого же он стал похож? Скорее всего, на медведя в купальной шапочке.

Остальные члены делегации последовали его примеру.

– Он уже употреблял гипноз против Пашки, – сказала Алиса. – Пашка под гипнозом кидался на меня, как шакал. И тоже, наверное, ничего не помнит.

Она первой поспешила на улицу, где как раз приземлился вызванный отцом флаер. Вторая такая же машина, которая была на постоянной связи с Селезневым, уже ждала у космопорта делегацию с планеты Лумм.

Флаер резко взмыл в небо, подчиняясь программе экстренного полета. Дети Громозеки, который с трудом втиснулся в просторную машину, запищали – им не понравились перегрузки.

– Приучайтесь, малыши! – прикрикнул на них археолог Громозека, похлопывая щупальцами по шевелящимся карманам. – Вам всю жизнь придется терпеть перегрузки – такова судьба бродячего археолога.

Уже через три минуты внизу показался парк, в котором расположена Алисина школа. Вот и площадка практических игр, где стоят машины, придуманные и построенные учениками. Выше всех поднимается округлое ребро летающего блюдца, построенного Пашкой и другими ребятами еще в прошлом году.

– Они еще здесь! – закричала Алиса. – Они не улетели.

– Если дети на Земле так любят строить космические корабли, то не исключено, что они в другой школе или даже в детском саду, – заметил Громозека. – И мы до следующего года будем облетать и проверять ваши детские учреждения.

Никто не ответил Громозеке. Селезневы внимательно приглядывались к тому, что творится внизу. У корабля никого не было. Но когда они опустились ниже, Алиса заметила, что люк в корабль приоткрыт.

– Осторожно, папа, – прошептала она, словно боялась, что ее услышат. – Они могут быть внутри.

Селезнев кивнул. Он опустил флаер метрах в пятидесяти от диска.

Первым вышел он сам, потом Алиса. Последним выбрался Громозека. Детишки бились в его карманах, норовя высунуть головы наружу, чтобы не пропустить интересное зрелище.

Профессор Селезнев сделал Алисе знак, чтобы она остановилась, а сам подошел к люку.

Все молчали.

Наступал весенний вечер, похолодало, небо стало зеленым и розовым, а по нему плыли лиловые и сизые облака. Деревья вокруг площадки шумели молодой листвой, под деревьями было темно. Из полуоткрытого люка вырывался желтый уютный свет.

– Паша, – позвал Селезнев.

Никто не ответил.

Селезнев сделал еще два шага – он был совсем близко от люка. Алисе так хотелось помочь ему, но она была умным человеком и понимала, что в боевой операции бывает только один командир. Громозека тоже это понимал. И даже его малыши затихли, хоть Громозека и расстегнул карманы, чтобы их успокоить....

Изнутри корабля неожиданно послышались шум возни, хихиканье, потом смеющийся Пашкин голос произнес:

– Да погоди ты, малыш! Слышишь, меня зовут? Не бойся.

Тут люк распахнулся, и в нем показался силуэт Пашки.

Алиса вздохнула с облегчением. Хоть с Пашкой ничего не случилось!

Пашка казался вырезкой из черной бумаги.

– Здравствуйте, – сказал он, узнав Селезнева. – Вы ищете Алису? Но Алисы тут нет.

– Нет, Паша, – ответил профессор Селезнев. – Мы с Алисой ищем совсем другого человека.

– Кого? – удивился Пашка.

– Человека по имени Выпрахол Половинный, который оказался страшным преступником.

– Я не знаю такого!

– Ты его знаешь. Он похож на золотого медвежонка и жил до сегодняшнего дня в Космозо.

Пашка смешался. Врать в глаза профессору Селезневу он не мог.

Он растерянно обернулся, будто ожидая, что ему подскажут из корабля, как себя вести.

– Разреши, я войду в корабль, – сказал Селезнев, – и поговорю с твоим приятелем?

– Но я ему обещал! – воскликнул Пашка. – Он так просил показать ему Луну.

– Что? – удивился Селезнев. – Какую еще Луну?

– Я научил Женечку читать и складывать карточки, – сообщил Пашка профессору. – Он такой способный! Я хотел исполнить его мечту.

– Вот и отлично, – сказал Громозека, подходя к Селезневу. – Ты его научил, а теперь нам с ним надо серьезно побеседовать.

– Он так стесняется, Громозека, – ответил Пашка, совсем не удивившись тому, что археолог участвует в разговоре. Пашка казался каким-то подавленным и пришибленным. – Может быть, лучше мы сначала с ним немного полетаем, а поговорите потом, когда вернемся?

Пашка сделал шаг назад и попытался закрыть за собой люк, но профессор Селезнев быстро взбежал по лесенке, чтобы помешать Пашке.

– Нет! – закричал тогда Пашка и, словно пантера, кинулся на профессора Селезнева.

Селезнев успел отшатнуться, и Алиса увидела в проеме люка темный силуэт медвежонка, который, конечно же, гипнотизировал Пашку. Пашка неудачно упал на землю и застонал, схватившись за ногу. Профессор Селезнев хотел было схватить медвежонка, но и его постигла участь Пашки – вдруг он спрыгнул на землю и, повернувшись к остальным, закричал не своим голосом:

– Назад! Назад! Скорее назад! Не мешайте этому несчастному звереныш посмотреть на Луну! Иначе я вас всех перебью!

– Папа! – закричала Алиса. – Папа, что с тобой?

Но в этот момент ее охватило странное чувство – безграничная любовь к несчастному золотому медвежонку. И ей хотелось лишь одного – скорей пробраться в корабль и показать медвежонку, как лучше управлять им, помочь медвежонку взлететь в небо.

Алиса как будто бодрствовала, но не принадлежала себе.

Она хотела было быстро подняться в корабль, закрыть за собой люк и помочь медвежонку улететь, но тут на площадку опустился еще один флаер.

Из него выскочили три медвежонка в купальных шапочках. Вид у них был странный и даже смешной. Но Алисе не было смешно – ей в сердце вонзился ужас при виде этих отвратительных карателей. Вместе с Пашкой и папой она, как дикая кошка, кинулась на военно-правительственную делегацию с планеты Лумм, стремясь стереть пришельцев в порошок. Но Громозека? Что с ним? Почему он медлит? Почему он не идет нам на подмогу?

Все эти мысли пронеслись в голове как молния – за секунду.

Больше Алиса ничего не помнила.

Она лишь увидела строгие глаза маршала Варшула с планеты Лумм, который надвигался на нее, целясь из бластера.

И больше ничего...

Алиса очнулась минут через пять. По крайней мере, ей сказали потом, что она была без сознания пять минут после того, как и ей достался парализующий заряд из бластера маршала Варшула.

Рядом на земле лежали без чувств ее отец профессор Селезнев и лучший друг – Пашка Гераскин.

Громозека навис над ними, растерянно разведя щупальца в стороны, а из боковых карманов его широкого костюма выглядывали многоглазые лица его детишек.

Алиса села. Голова кружилась.

Совсем недалеко от нее стояли три медвежонка в купальных шапочках, защищающих от гипноза. Они окружили четвертого, самого золотого. Они стояли, направив на него бластеры.

Рядом зашевелился Пашка. Будто просыпался. Случайный комар сел ему на нос, и, прежде чем прийти в себя, Пашка хлопнул себя по носу. Затем очнулся и отец.

– Простите, – сказал глава делегации с планеты Лумм. – Мы вам причинили небольшие неудобства. Теперь Выпрахол будет жестоко наказан. Его будут называть Выпрахолом Четвертинным.

– Только не это! – закричал по-русски золотой медвежонок. Кричал он совсем без акцента, будто в Москве родился. – Я Четвертый! Я всегда буду Четвертым и умру Четвертым. Вы можете отнять у меня свободу, вы можете связать и сослать меня. Но не троньте мое честное имя!

– У тебя, преступник, нет честного имени, – ответил маршал Варшул.

– Алиса! – обратился к ней медвежонок. – Неужели тебе меня совсем ни капельки не жалко?

И удивительное дело: Алиса все знала и понимала, она ничуть не верила Выпрахолу и в то же время не могла не любоваться его славной мордочкой, его золотой пушистой шерстью, его беззащитными сиреневыми лучистыми глазами.

– Хватит! – сказал маршал. – Хватит тебе обманывать человечество. Тебе многие верили, и где они? Погибли.

– Профессор Селезнев! – закричал медвежонок. – Я обращаюсь к вам официально как к директору Космического зоопарка и известному гу-

манисту. Вы должны охранять редких животных! Я требую занести меня в Красную книгу, и чем скорее, тем лучше.

Профессор Селезнев поднялся с земли. Он чувствовал себя неловко. Не глядя на космического преступника, он подошел к Алисе, положил ей руку на плечо и спросил:

– Тебе не больно?

– Все хорошо, папа, – ответила Алиса.

Селезнев обернулся к Пашке.

– У меня тоже все в норме, – ответил Пашка, догадавшись, о чем хочет его спросить отец Алисы. – Только не понимаю, как же я попался?

– Павел! – закричал медвежонок. – Как мы славно полетим с тобой! Да здравствуют щит и кнут! Долой врагов и бездельников! Бери свой бластер, сядем в крейсер, врежем всем по первое число!

– По-моему, он не совсем нормальный, – сказал Пашка.

– Ненормальный-то ненормальный, – не удержалась Алиса, – но обвел тебя вокруг пальца. Видите ли, мы решили показать ребеночку Луну!

– Кто так говорил? – удивился Пашка.

– Ты так говорил.

– Я так никогда не говорил. Я не мог такого сказать!

– А зачем вам понадобился наш школьный космический корабль?

– Чтобы... чтобы посмотреть!

Тут этот разговор прервал глава военно-правительственной делегации с планеты Лумм.

– Простите за причиненное беспокойство, – произнес он, протягивая руку профессору Селезневу. – И вдвойне простите, что мы были вынуждены вас временно парализовать. Вы попали под власть этого преступника.

– Все, кроме меня, – сообщил Громозека.

– И нас! И нас! – поддержали его малыши.

– У него на вас силенок не хватило, – сказал маршал. – Он потратил их на землян.

Попрощавшись с остальными, медвежата, то есть члены военно-правительственной делегации, направились к своему флаеру. Между ними шагал, переваливаясь, золотой медвежонок.

Перед тем как войти в флаер, он обернулся и крикнул:

– Мне стыдно за вас, профессор Селезнев! Вы отказались занести меня в Красную книгу! Если я буду истреблен, вина падет на вас.

Попрощавшись с остальными, медвежата направились к своему флаеру. Между ними шагал, переваливаясь, золотой медвежонок.

Маршал подтолкнул его в спину, и люк в флаере закрылся.

Золотистой каплей флаер поднялся к потемневшим облакам, к первым звездам, к светящейся рекламе детского питания, прикрепленной к ручке ковша Большой Медведицы.

– Посетители Космозо будут очень расстроены, – сказал после долгой паузы профессор Селезнев. – Они успели полюбить золотого медвежонка.

– А я уже статью придумал. Для вашего журнала, – сообщил Пашка. – «Опыт обучения золотых медвежат с помощью карточек с буквами». Интересно?

– Ты лучше скорей маме позвони, – ответила Алиса. – Она волнуется, куда ты пропал.

– Я не пропал, а попал под вредное влияние одного завоевателя и диктатора, – ответил Пашка. – Можно, я флаер возьму?

– Возьми, – сказал Селезнев, – мы пешком пройдем до дома. Тут недалеко. И погода хорошая.

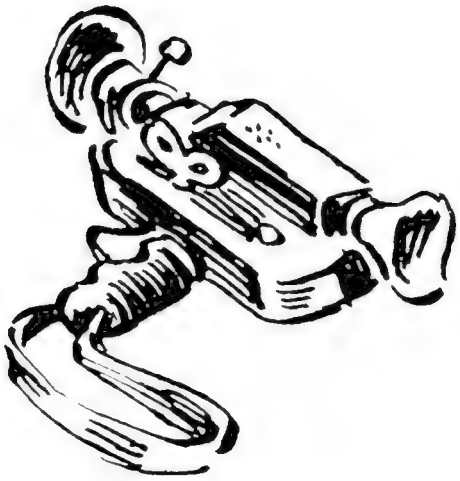
– Правильно, – согласился Громозека и выпустил из карманов своих детей. Чтобы побегали вокруг. И глядя, как они топают и неуклюже резвятся, он добавил: – Хорошая погода. Но если бы не эта делегация... быть бы нам рабами такого маленького славненького медвежонка.

– Ничего! – крикнул Пашка, забираясь в флаер. – Дружба все равно победила!

– Подкрепленная парализующими бластерами, – вздохнул Громозека. – Что-то много в Галактике развелось нечисти. И никак не уменьшается. Как вы можете объяснить это, хорошие люди и настоящие друзья?

– Если бы нечисти не было, – догадалась Алиса, – как бы понять, что мы такие хорошие? С кем сравнивать?

Флаер, уносящий Пашку, резко взмыл в темное небо, а остальные пошли не спеша домой, где мама готовит ужин на всю эту дружную компанию.



Настоящее кино

Наш дед – стихийное бедствие. Но не сам по себе, а только вместе с кинокамерой. Мне кажется, что он даже ночью во сне не выпускает ее из рук – а вдруг понадобится снимать Алисочку? Кроме Алисы он ничего не снимает и снимать не хочет. Притом деду не важно, что и как получилось – была бы Алиса в кадре, остальное приложится.

В комнату к деду в последний год входить не хочется – ногу сломаешь! Даже домашний робот старается убираться там как можно реже, чтобы не заблудиться в лабиринте кассетных холмов, утесов, сложенных из штативов и запасных объективов, гор оборудования для подземной, подводной и космической съемок. И на все протесты родственников дед с терпеливой улыбкой отвечает: «Вот подрастет Алисочка, и ей будет интересно. Я же для нее снимаю эту летопись».

Но пока что смотреть фильмы приходится ни в чем не повинным жильцам нашего дома – куда же денешься, если свет потушен и дед шипит на нас: «Не шумите! Не ходите! Смотрите, смотрите!»

Алиса смотрит все фильмы, но утверждает, что они получаются куда менее интересными, чем было на самом деле.

– Как так? – возмущается дед. – Ведь это документальное кино!

– Значит, не очень документальное, – возражает Алиса. – А где та баба-яга, которую мы встретили, когда летели над Воробьевыми горами?

– Какая баба-яга? – удивляется дед. – Ты имеешь в виду пожарный флаер?

Алиса пожимает плечами и уходит к себе. Каждый из них остается при своем мнении. Дедушка не верит в бабу-ягу, но верит в пожарные флаеры. А Алиса кричит ему из своей комнаты:

– Вот буду сама снимать кино и сниму дракона или гнома!

Дед смеялся, слыша эти слова, пока не случилось невероятное событие.

В тот день Алиса с дедом вернулись с прогулки позже обычного. Погода была такая хорошая, что они даже слетали в Хиву, чтобы посмотреть на весеннюю пустыню и собрать там тюльпанов. Еще Алиса привезла оттуда рыжий черепок, позеленевшую монету и три бусинки.

После обеда дедушка заявил:

– Попрошу не расходиться. Будем смотреть новый фильм.

– Только не это! – воскликнула мама. – У меня срочная работа.

– Я в следующий раз посмотрю, – сказала бабушка.

– Мне еще посуду надо чистить, – сказал домашний робот.

А я хотел уйти, ничего не сказав.

И вдруг, к нашему удивлению, Алиса сказала:

– Пожалуйста, останьтесь, посмотрите. Это будет самое настоящее кино!

– Конечно, – согласился дедушка. – Как всегда.

– Совсем не как всегда, – сказала Алиса, и в голосе ее прозвучало что-то такое, что заставило нас всех вернуться в комнату и усесться перед экраном.

– Мы въезжаем в пустыню! – объявил дед.

На экране был виден нос вездехода. Потом из машины вылезла Алиса и отправилась к каким-то пыльным развалинам. Послышался голос деда: «Алиса, смотри под ноги. Весной скорпионы очень опасны».

Алиса, будто не слыша, продолжала идти к развалинам. И тут у нас на глазах развалины начали странным образом изменяться. Будто кто-то невидимый принялся достраивать и починять башни, заново возводить минареты и купола мечетей. На склоне холма ниже крепости выросли

деревья с зелеными листьями и золотыми плодами, и откуда-то издалека донеслась нежная восточная музыка...

– Это еще что такое? – рассердился дед. – Я этого не видел.

– Это настоящее кино, – ответила Алиса. Мне показалось, что она улыбается.

– Ой! – воскликнула бабушка. – Это что такое? Алиса!

Из-за крайней башни, невидимый Алисе, выполз громадный черный скорпион, ростом со слона. Он лениво покачивал хвостом, на конце которого был ядовитый коготь, и его глаза, размером с блюдце каждый, зловеще сверкали.

– Прекрати! – закричала бабушка. – Не смей угрожать ребенку!

– Сейчас, – отвечал дед, – одну минутку...

Он хотел выключить проектор, но руки тряслись, и он не попадал пальцем на кнопку.

– Не мешайте смотреть, – сказала мама. – Алисе ничего не угрожает.

– Что ты говоришь! – возмутилась бабушка, показывая на приближающегося к Алисе скорпиона. – Разве ты не видишь?

– Я вижу, что Алиса сейчас сидит в этой комнате, – сказала мама.

Я услышал тихий смех Алисы.

На экране Алиса наклонилась и вдруг вытянула из песка сверкающий меч, страшно тяжелый и длинный. Но это ее не смутило. Привычно, словно всю жизнь сражалась с драконами и скорпионами, она замахнулась мечом и смело шагнула навстречу чудовищу. Чудовище раскрыло черные клешни...

– Алиса! – не выдержала бабушка.

Но Алиса уже ударила по скорпиону и отрубила правую клешню...

Тут дед все же отыскал кнопку и выключил проектор. Зажег свет.

Дед был смертельно бледен.

– Алиса, – спросил он, – что это было?

– Не знаю, – сказала Алиса. – Ведь это ты снимал.

– Я этого не видел! К тому же я никогда бы не позволил тебе драться со скорпионами. Они же ядовитые.

– Погодите, – сказала мама, – может, посмотрим, что там еще на пленке?

– Конечно, – сказала Алиса. – Наверное, там будет самое интересное.

– Я ухожу! – сказала бабушка. – Я не могу больше смотреть, как издеваются над ребенком.

Но она никуда не ушла, а дед послушался нас и включил проектор.

Мы увидели, что, размахивая единственной клешней, скорпион бежит прочь по барханам, а в крепости раскрывается позолоченная дверь. Оттуда выходит маленький принц в короне и голубом камзоле. Он идет к Алисе, протягивая руки.

– Спасибо тебе, отважная девушка! – кричит он. – Ты спасла наше царство от власти скорпиона. Из-за него мы мучаемся без воды.

Из дверей крепости между тем выходили люди, молодые и старые, они подходили к Алисе, кланялись ей и благодарили ее.

А принц поцеловал Алису в щеку.

– Еще чего не хватало! – ахнула бабушка. – Это же совершенно незнакомый мальчик! Лучше бы он сам защищал свою крепость, чем ждать, пока приедет из Москвы наша Алиса.

– Этого не было! – возмутился дед. – Неужели ты думаешь, что я позволил бы любому мальчишке целовать нашу Алисочку?

– О, наша спасительница! – воскликнул между тем принц. – Мы изнемогаем от жажды. Ты не знаешь, где добыть воды? Наши колодцы пересохли.

Алиса поглядела вокруг, подошла к отвесной скале и вдруг резко ударила концом меча по камню в основании скалы. И оттуда начал бить фонтан чистой голубой воды.

– Ура! – закричал домашний робот.

– Ура! – закричали обитатели пустынного города.

И тут фильм закончился.

Дед зажег свет.

Все смотрели на Алису.

– Что все это значит? – спросил я.

– Но ведь снимала не я! – ответила Алиса.

– Там была обыкновенная пустыня, – вмешался дед. – Ни крепостей, ни скорпионов.

– Но ведь так лучше! – сказала Алиса. – Правда, мама?

– Так интереснее, – согласилась мама.

– Это самое настоящее кино.

– Художественный фильм, – сказала мама.

– Нет, документальный, – возразила Алиса. – Там документально снято то, что я хотела бы увидеть.

– А теперь, – попросил я, – расскажи, как это было сделано?

– Честно?

– Честно!

– Ты помнишь марсианина Буса, который жил у нас в прошлом году?

– Помню, – сказал я. – Он недавно прислал мне свою новую статью о марсианских насекомых.

– Пока мы с ним дружили, он все сердился на дедушку за то, что тот снимает без фантазии. Ведь жить без выдумки неинтересно. И я с ним согласилась.

– А дальше?

– А дальше он прислал мне кассеты и к ним записку. Можно я наизусть ее прочту?

– Мы внимательно слушаем, – сказал дед строго. Но Алиса его никогда не боялась.

«*Дорогая Алиса.* – Алиса читала записку, закрыв глаза: так ей лучше было вспоминать. – *Посылаю тебе пленку для улучшения дедушкиных фильмов. На этой пленке появляется не то, что окружает тебя в обыкновенном мире, а твои фантазии. Твой друг Бус*».

– Негодяй! – воскликнул дед. – А я с ним в шахматы играл, как с порядочным человеком!

– Он не сделал ничего непорядочного, – сказала Алиса. – Он только улучшил твое кино.

– Улучшил? Он нарушил правду жизни! Он оболгал мою внучку! На самом деле она замечательная послушная тихая девочка и никогда не позволит себе махать ржавым ножиком!

– И целоваться с незнакомыми мальчиками! – добавила бабушка.

– Дедушка, – тихо произнесла Алиса. – Неужели ты сам никогда не фантазировал, не воображал, что ты – смелый рыцарь или путешественник?

– Как ты только могла так подумать!

– Я не только подумала, – ответила Алиса. – Я даже посмотрела. Ты помнишь, как перед возвращением ты дал мне подержать камеру, пока напьешься из термоса холодного лимонада?

– Помню. Ты даже начала меня снимать, а я тебе велел не тратить на меня пленку, – согласился дед.

– Тогда смотри, – сказала Алиса и быстро поменяла в проекторе кассету.

Экран загорелся. Там стоял дед и с наслаждением пил лимонад из пластикового стаканчика. Потом он поднял голову и посмотрел в небо. Кучевые облака медленно плыли над пустыней. Одно из облаков было похоже на женщину, другое – на какое-то чудовище. Облака медленно снижались,

как бы сжимаясь и все больше превращаясь в живых существ. И вот они уже рядом с дедом! Молодая красивая женщина в светлом сарафане оборачивается и с ужасом смотрит на громадного белого медведя, который приближается к ней.

Тогда дед отбрасывает в сторону стаканчик, отталкивает молодую женщину и встречает обозленного медведя ударом кулака в нос. Медведь возмущенно ревет и в ответ бьет дедушку лапой в грудь. Бабушка закричала:

– Беги, Алексей!

Но дед и не думал бежать. Он обрушил на медведя серию ударов, потом взлетел в воздух, как заправский каратист, и ударил медведя пятками в живот. Медведь сел на песок и обиженно заревел. Потом попятился и растворился в воздухе. Дедушка обернулся к молодой женщине – та кинулась к нему, обняла и прижалась головой к его груди.

– Вот этого я не позволю! – грозно произнесла бабушка. Она поднялась со стула и сделала шаг к дедушке. Но Алиса закричала:

– Бабушка, неужели ты ее не узнала?

Экран уже погас.

– Бабушка, это же ты! Я твою фотографию видела, когда тебе было двадцать лет, – сказала Алиса.

Все засмеялись, а дедушка сказал:

– Теперь я тоже ее узнал.

Алиса спросила деда:

– Теперь ты веришь, что можно снять на пленку фантазии?

– Можно, – согласился дед, глядя в пол. – Только не надо.

– Ах! – воскликнула бабушка. – У меня же пирожки подгорели!

И она побежала на кухню.

Медведь возмущенно ревет и в ответ бьет дедушку лапой в грудь.

Алиса и крестоносцы

Глава первая

Было часов пять вечера шестнадцатого сентября.

Погода в Москве стояла чудесная, синее небо, на нем розовые облака, листва начала желтеть и краснеть, но трава была еще совсем зеленая, с яблонь свисали яблоки, с кокосовых пальм – орехи, а с фиников – финики. Под елками оранжевыми кружками горели шляпки подосиновиков и желтыми – лисичек. В воздухе летала тонкая паутина, а птицы, проносясь над Москвой, кричали и пели, прощаясь с ней до следующей весны.

Алиса сидела у окна, смотрела на небо, и ей совсем не хотелось учиться. Бывает у человека такое настроение, будто все, что ему надо, он уже выучил, а остались пустяки, вовсе не нужные. И завтра в школу уже идти не следует – что нового там узнаешь? Лучше отправиться в неожиданное путешествие, куда-нибудь в Австралию, Индию или Палестину, где хо-

рошая, теплая погода и никто тебя не будет будить ни свет ни заря для того, чтобы идти в школу.

Хоть бы что-нибудь случилось, хоть бы раздался видеофонный звонок и кто-нибудь бы сказал: «Алисочка, чего ты сидишь, бездельничаешь? В Торресовом море найден корабль пирата Дрейка! Не хочешь ли ты нырнуть за сокровищами?» Нет, это приключение для Пашки Гераскина. Лучше пускай кто-то скажет: «Алиска, только что в Торресовом море замечен светящийся морской змей длиной в триста метров. Он говорит по-китайски и требует встречи с тобой». Да, пожалуй, такое приключение нам подойдет!

И тут зазвонил видеофон. И на пульте высветилось: «Международное. Вас вызывает Иерусалим».

– Интересно, – сказала сама себе Алиса. И нажала на кнопку.

Экран видеофона загорелся, но Алиса не сразу поняла, кто на нем находится, потому что существо, желавшее поговорить с Алисой, в экран не вмещалось. Раз-два-три-четыре-пять глаз... хобот вместо носа...

– Громозека! – обрадовалась Алиса. – Дружочек ты мой! Как хорошо, что ты позвонил!

– Я знаю, что это хорошо, – ответил Громозека. – Потому я и позвонил.

Космический археолог Громозека, житель планеты Чумароз, – близкий друг семьи Селезневых и, конечно же, самой Алисы.

Иногда он раскапывает древние города и замки на других планетах, а иногда и на Земле. Он такой ценный специалист, что ему всегда и везде рады. Незнакомому человеку Громозека может показаться чудовищем, потому что он ростом со слона, но потолще слона, короткий хобот вместо носа, глаз у него несколько, а вместо рук – щупальца. Говорит он громко, смеется еще громче и притом считает себя самым умным и талантливым ученым в Галактике. И никто с ним не спорит – если Громозека так считает, все согласны быть вторыми и третьими.

Алиса Селезнева Громозеку любит с детства, потому что он ее укачивал, когда она только-только родилась, брал ее в экспедиции и путешествия, куда маленьких детей не берут. Теперь у Громозеки есть свои дети – близняшки, похожие на него, только маленькие.

Громозеке в селезневском доме всегда рады, хотя кормить его и поить – задача непростая. Все равно что угостить полк солдат.

– Как живешь? Как дела? Почему не в школе? – спросил Громозека.

– Громозека! – обрадовалась Алиса. – Дружочек ты мой! Как хорошо, что ты позвонил!

– Так если бы я была в школе, – засмеялась Алиса, – тебе было бы куда труднее до меня дозвониться. Я уже давно из школы пришла и даже пообедала.

– Конечно же! Как я сразу не догадался! – согласился Громозека.

– Как у тебя дела? Как твои раскопки? – спросила Алиса.

– Моя лучшая в мире экспедиция, – загромыхал Громозека, – открыла совершенно неизвестный город. Это просто чудо искусства. Мы уже нашли дворец короля, склад серебряных ваз и мастерскую скульптора.

– Это чей город?

– Это античный город, – сказал Громозека. – Ты знаешь, что такое античный?

– Конечно, знаю, – сказала Алиса. – Это город Древнего мира. В нем, наверное, жили древние греки.

– Город Бион, – сказал Громозека, – построили финикийцы. Они были замечательными моряками, а потом основали еще город Карфаген, о котором ты должна была узнать в школе.

– Узнала, узнала, не смейся, Громозека, – ответила Алиса. – Я помню, что из этого города был родом полководец Ганнибал, который пошел воевать с Римом, у него в войске были слоны, и они перешли снежные Альпы.

– Неужели все это изучают в ваших школах? – удивился Громозека. – А я только недавно обо всем этом узнал. Знаешь что, Алиса, наверное, я переведу сюда моих детишек, пускай учатся в твоей замечательной, лучшей в мире школе, пускай они с детства знают все о Карфагене.

– Громозека, ты всегда шутишь, – сказала Алиса. – Я знаю, что, прежде чем начать раскопки, ты выучил все, что можно, о финикийцах и их соседях – египтянах, иудеях, ассирийцах и вавилонянах. Правда?

– Ну, надо сказать, что ты близка к истине, – признался Громозека. – Кстати, ты знаешь, что завтра суббота, а послезавтра воскресенье? – спросил Громозека.

– Правильно! – воскликнула Алиса. – То-то мне так не хочется идти завтра в школу.

– Завтра и послезавтра ты не пойдешь в школу, никто в Москве не ходит в школу в субботу и воскресенье, я это тоже выяснил. Так что ты можешь сесть на пассажирскую ракету и прилететь ко мне на эти два дня.

– Спасибо, Громозека, – отозвалась Алиса. – Это замечательное приглашение.

– Так ты прилетишь?

– Обязательно прилечу.

– Я очень рад! – сказал Громозека. – Я так боялся, что ты не прилетишь.

– Громозека, сейчас же признавайся, ты чего-то недоговариваешь! Ты ведь хочешь, чтобы я прилетела...

– Правильно! – воскликнул Громозека. – Я хочу, чтобы ты позагорала под здешним солнцем, искупалась в Мертвом море и поглядела, какие красивые украшения мы тут отыскали.

– И все?

– Разумеется, все.

– Честное слово?

– Алиса, нельзя так приставать к старшим. Я же сказал, что это не телефонный разговор!

– Что? – изумилась Алиса. И было чему изумиться. Чтобы в конце двадцать первого века кто-то сказал «не телефонный разговор», чтобы на Земле была такая тайна, которую нельзя никому услышать... – Я сегодня же ночью вылетаю!

– Лучше завтра утром, – ответил Громозека. – Я тебя встречу на аэродроме в Иерусалиме. И отвезу на побережье, где мы раскапываем город Бион.

Связь прекратилась. Алиса подошла к окну. Небо было синим-синим. Листва начала золотиться. Над головой курлыкали журавли, прощаясь с Москвой.

Ну что ж, сказала себе Алиса. Я хотела приключений, и, по-моему, они вот-вот начнутся.

И она пошла искать купальник, который спрятала в шкаф, вернувшись месяц назад с Тихого океана.

Глава вторая

На следующее утро Громозека встретил Алису на аэродроме в Иерусалиме. Она была рада увидеть у барьера неуклюжую на вид тушу археолога. Громозека старался подпрыгивать, что ему было нелегко сделать при земном притяжении: он опасался, что Алиса его не заметит, – как будто можно не заметить этого чудака.

Когда Алиса подбежала к Громозеке, тот подхватил ее щупальцами и высоко поднял над толпой. Многие люди шарахнулись в разные сто-

роны, какая-то женщина упала в обморок, кто-то завизжал от страха за Алису. Но потом все увидели, что подхваченная инопланетным чудовищем девочка отлично себя чувствует и даже целует слонокальмара в лысую макушку.

Громозека так и не выпустил Алису. Он вынес ее из здания космопорта и посадил в большой грузовой флаер – единственную машину, которая могла поднять его в воздух.

– Тут недалеко лететь, – сказал археолог. – Через полчаса будем на месте. Ты надолго?

Как будто Алиса приехала на отдых.

– Ты же знаешь, – отозвалась Алиса. – В понедельник утром мне надо быть в школе. У нас сочинение.

– Сочинение! – с презрением воскликнул Громозека, на планете которого была совсем другая система обучения, и там никто никогда не делал контрольных работ. – Как будто они не знают, что Алисочка умеет сочинять лучше, чем ваш покойный писатель Лерпушкин.

– Громозека, миленький, – попросила Алиса. – Не говори о том, в чем ты не разбираешься. У нас был поэт Лермонтов и поэт Пушкин. Это два совсем разных человека.

– Но ведь оба покойные!

– Покойные, но разные. И оба умели сочинять.

– Именно об этом я тебе и говорю уже полчаса! – взревел Громозека.

Алиса обратила внимание на то, как Громозека ведет флаер – машина вздрагивала и покачивалась.

– Громозека, ты нервничаешь, – сказала Алиса. – Расскажи мне, что тебя тревожит.

– Через несколько минут, – ответил Громозека, – ты прилетишь и все узнаешь. А пока расскажи, что дома, как папа? Звери не болеют в его космическом зоопарке?

– Все звери здоровы.

– А мама? Как мама? Ее проект приняли?

– Никогда я еще не видела тебя таким, – сказала Алиса.

– Каким?

– Взволнованным!

– Нет, в прошлом году, когда мои двойняшки заболели синепрыщиками, я волновался еще больше.

Когда Алиса подбежала к Громозеке, тот подхватил ее щупальцами и высоко поднял над толпой.

Алиса поняла, что ничего не узнает, и стала смотреть в иллюминатор, потому что они летели над очень красивыми местами. Слева от них показалось море, а внизу тянулись зеленые, желтые, бурые и рыжие участки, на которых уже собрали урожай, блестели озера и бассейны, голубели дороги.

Флаер опустился у полуразрушенной крепости, на невысоком пологом холме. Частично холм был раскопан. Между ним и морем в ряд стояли оранжевые экспедиционные палатки и блестящие под солнцем навесы. Махонькие раскопочные роботы трудились под надзором людей.

– Ну что, сначала посмотрим на раскоп? – спросил Громозека, когда они вылезли из флаера.

– С удовольствием, – согласилась Алиса.

Громозека повел Алису к небольшим квадратным ямам, разделенным перемычками нетронутой породы. Алиса знала: это всегда делается археологами, чтобы следить за тем, какой слой ты раскапываешь, сколько лет тем вещам, которые ты нашел.

Сначала Громозека и Алиса прошли по перемычкам. Внизу, в ямах, трудились археологические роботы, которые работали лопаточками, скребками и кисточками, расчищая от земли черепки, железки, монетки, бусинки и прочие находки. Но если роботу попадалось что-то незнакомое или непрочное, он начинал вежливо пищать и звать на помощь человека. Археология – это наука, близкая к искусству. Порой археолог не знает, что нашел, но уже чувствует. Это называется интуиция. Хороший археолог всегда обладает богатой интуицией. У Громозеки была гигантская интуиция.

Алисе все были рады. Некоторые роботы ее знали или читали о ее удивительных путешествиях и приключениях. Ей показали стены царского дворца, найденного совсем недавно, провалившийся сводчатый потолок подвала, завалы черепицы, стены, обожженные некогда бушевавшим здесь пожаром.

Алиса смотрела с интересом – она любила бывать на раскопках и воображать, как жили здесь люди. Хотя надо сказать, что почти всегда ей бывало грустно – ведь эти люди умерли давным-давно и, если бы не археологи, о них ничего бы не стало известно.

– Ну что, насмотрелась? – спросил наконец Громозека.

Алиса поняла, что наступает тот момент, ради которого археолог вызвал ее из Москвы.

– Спасибо, – сказала Алиса. – Очень интересно.

– А теперь давай пойдем к нам в лагерь, – предложил Громозека. – Скоро обед, у нас с тобой до обеда остался один час. И мне надо с тобой поговорить.

Они прошли в палатку. Половину палатки занимало ложе Громозеки. Кроме него, там умещался письменный стол. Громозека вытащил из-под стола запертый ящик. И прежде чем его открыть, он сказал:

– Три дня назад мы начали копать на новом участке. Как ты понимаешь, у нас, археологов, время перевернуто. То есть ближе всего к поверхности земли лежат те вещи, которые потеряны, оставлены или забыты совсем недавно. И чем глубже археолог закапывается в землю, тем более старые вещи он находит. Ведь даже если ты уехала на лето из дома, то, возвратившись в свою комнату, увидишь, что стол, стулья и подоконник покрылись слоем пыли. А что было бы, если бы ты уехала на сто лет? Представляешь, сколько бы пыли легло на твои вещи – их пришлось бы выкапывать.

– Не надо читать мне лекцию, – отмахнулась Алиса. – Я все это знаю. И я не первый раз на раскопках.

– Никогда не вредно повторить умную лекцию, – произнес Громозека. – Я напомнил тебе об этих обыкновенных вещах, чтобы ты поняла: добираясь до древнего города, нам пришлось выкопать яму глубиной в три метра. Опускаясь в эту яму, мы как будто двигаемся в подвал на лифте. И можно даже написать на стенке ямы: «Сто лет назад», «Тысячу лет назад», «Две тысячи лет назад».

– Понятно, понятно, – сказала Алиса.

Ей стало скучно. Она смотрела наружу, в откинутый полог палатки, на лиловые и рыжие горы, на синее теплое небо и вдыхала запах близкого моря.

– Итак, три дня назад мы опустились на девятьсот лет вглубь, – услышала она слова Громозеки, – что соответствует концу двенадцатого века. А что было в конце двенадцатого века?

– Средние века, – сразу ответила Алиса.

– А что ты еще знаешь о Средних веках?

– Крестоносцы! – воскликнула Алиса. – Ричард Львиное Сердце! – Еще бы, она вспомнила роман Вальтера Скотта «Айвенго», который прочла этим летом.

– Молодец, умница. Ты хорошо учишься в школе, – одобрил Громозека. – Именно крестоносцы. Именно в этих местах. А с кем они здесь сражались?

– Против них воевал Саладин.

– Правильно, египетский султан Салах-ад-дин, – сказал Громозека. – А кто победил?

– Их сражения закончились вничью. Но Саладин чаще побеждал, потому крестоносцы в конце концов оттуда уплыли.

– Великолепно! – воскликнул Громозека. – Такая эрудиция! А скажи, кроме арабов и крестоносцев, кто еще здесь жил?

– Здесь жили тогда разные народы, – послушно ответила Алиса. – Арабы, евреи, армяне... Мне надо специально посмотреть, чтобы вспомнить.

– И чем же они занимались?

– Странный вопрос, – удивилась Алиса. – Землю пахали, пасли овец, воевали – чем еще могут заниматься древние люди?

– И этим – никогда? – спросил Громозека, доставая из ящика что-то тяжелое, завернутое в мягкий пластиковый пакет.

Алиса достала из пакета загнутую на конце трубочку в палец толщиной. С одной стороны в трубочке было небольшое отверстие. Трубочка была немного похожа на старинный пистолет, хотя, конечно, ее сделали недавно.

– Вот это мы нашли при раскопках в слое двенадцатого века, – сказал Громозека.

– Но что это?

– Мне не хотелось бы показывать тебе действие этого приборчика, однако поверь мне, что это о-очень грозное космическое оружие – луч такого бластера пронзает цель за полкилометра.

– Но это игрушечный бластер! – возразила Алиса. – Даже для моей руки он маловат.

– Правильно, – согласился Громозека. – Ты очень наблюдательна.

– Ты хочешь сказать, – спросила Алиса, – что девятьсот лет назад к нам прилетали инопланетяне с маленькими руками?

– И стреляли из бластеров, – добавил Громозека.

– Но почему ты не хочешь, чтобы об этом все узнали?

– Я старый осторожный чумарозец, – сказал Громозека. – Я не хочу, чтобы надо мной смеялись и говорили, что я гоняюсь за сенсациями.

Алиса посмотрела на своего друга – чего-то он недоговаривал. Но лучше его не торопить.

– Этот бластер – не единственная находка, – сказал он.

– Чувствую, – ответила Алиса. – Показывай, что еще.

Громозека вытащил из ящика небольшую плоскую металлическую кассету. Провел по ней одним из семи левых щупалец, кассета тихо щелкнула и раскрылась.

– Это тоже найдено на раскопках, – сообщил он. Как будто Алиса не догадалась бы сама.

На стол перед Алисой легла стопка тонких металлических пластинок, похожих на фотографии. Снимки на пластинках были цветными, они совсем не потускнели от старости.

На большинстве пластинок были изображены виды этих мест – такие же, как и теперь, сухие склоны холмов, синее море, оливковые рощи. Но вот попались и более интересные снимки: на одном был виден въезд в какую-то крепость – высокие железные ворота. У ворот стоял рыцарь в длинной кольчуге и стальном шлеме, на плечи был накинут белый плащ с красным крестом. На следующей «открытке» Алиса увидела группу людей в средневековых одеждах, на плечах которых были одинаковые розовые шарфы.

– А это что такое? – спросила Алиса.

– Смотри дальше, – сказал Громозека.

Алиса увидела еще одну крепость – на вершине плоской скалы. Казалось, что зубцы ее стен достигали облаков.

А на следующей карточке было изображено небольшое стадо овец. Перед ним стоял молодой смуглый босоногий пастух. А еще ближе к камере стояла девочка, страшно знакомая и даже одетая в зеленый сарафан...

– Странно, – сказала Алиса. – Она так похожа на кого-то.

– Еще бы! Ты ее каждое утро в зеркале видишь.

Алиса сообразила не сразу. Но, догадавшись, воскликнула:

– Ты хочешь сказать, что она похожа на меня?

– Конечно, бывают совпадения... – неуверенно произнес Громозека.

– Но почему я там?

– Еще не знаю.

– Может, это все же не я?

– Может быть, – не стал спорить Громозека. – Но может быть, и ты.

– Но что мне делать в двенадцатом веке?

– Я хотел тебя спросить.

Алиса просмотрела остальные карточки. На одной из них был изображен старый человек с длинной черной бородой, который сидел в глубоком кресле, покрытом ковром.

– И это все? – спросила Алиса, возвращая карточки.

– Не совсем. Мы вчера раскопали место, где они жили.

– Кто они?

– Те, кто умел пользоваться бластером и фотографировать в двенадцатом веке. Ты же понимаешь, что этим занимались не крестоносцы.

– Ты не стал никого оповещать о своем открытии из-за моей фотографии?

– Не только. Пойдем поглядим на их жилье. Это в другой стороне. Мы проводили там пробное бурение.

Они вышли из палатки. Поднялся ветер – он гнал светлую пыль над склоном холма, небо покрылось мглой. Стало куда жарче.

Громозека повел Алису в сторону от раскопов, к почти пересохшему ручью, шепотом пробирающемуся под камнями. На том берегу ручья возле окаменевшего ствола дерева Алиса увидела еще одну яму. На дне ямы, среди непонятных предметов, таких же желтоватых, как и пыль, покрывавшая все вокруг, не спеша возился археологический робот. Архробот – маленький, ростом с собаку шар, с длиннющими членистыми руками, вместо пальцев на которых были всякие нужные инструменты. Спереди и с боков на шаре были прикреплены всевозможные карманы, полочки и крепления для того, чтобы удобнее собирать добычу. Головы

у робота не было – ее заменяла нашлепка, у основания которой тянулись ожерельем светящиеся элементы – робот видел одновременно в любом направлении.

– Здравствуй, Арх, – сказал Громозека. – Помоги Алисе спуститься и поглядеть, что ты там отыскал.

– Одну минутку, – ответил робот. – Сейчас закончу пропитывать клеем кусочек ткани, который мне попался, и тут же помогу твоей Алисе.

– А почему робота зовут «Арх»? – спросила Алиса.

– Потому что я – Арх как хорош! – заявил тот. И затрещал – видно, изображая смех.

– Он называется Археологическим роботом, – объяснил Громозека. – Сокращенно Архробот-15. Но у меня все тут архроботы. И ему хочется отличаться.

– Разумеется, – ответил из ямы архробот. – Ты же не называешь себя Арх-1, хотя ты здесь и есть первый археолог. И притом ты далеко уступаешь мне в красоте и привлекательности.

– Вот видишь, какой у нас характер, – сказал Громозека.

– Не хуже вашего, – сообщил робот и неожиданно протянул к Алисе ставшие пятиметровыми тонкие гибкие руки, цепко, но небольно схватил ее и в мгновение ока опустил на дно ямы.

– Ах! – воскликнула Алиса от неожиданности.

– Уж пять лет как Арх, – ответил робот.

Алисе ничего не оставалось, как улыбнуться.

– Так зачем пришли, что хотите увидеть? – спросил Арх.

– То, что ты покажешь, – миролюбиво ответила Алиса. – Вы же все здесь знаете.

– Правильно, – согласился Арх. – Но пока мало чем можно похвастаться. Ведь поселение, о котором идет речь, существовало на этом месте недолго. Не больше двух лет.

– Целых два года! – удивилась Алиса.

– Не перебивайте, а то вам придется искать другого экскурсовода! – строго сказал робот. – Мне трудно собраться с мыслями. Значит, мы с вами видим следы инопланетной цивилизации, временного лагеря разведочной или рабочей партии.

– А их корабль или корабли здесь спускались?

– Ну что за глупый детский вопрос! – возмутился Арх. – Там, где спускаются корабли, не бывает ничего, кроме обожженной земли. А здесь

они жили. Понимаете, жили, кушали, спали! Это и есть материальная культура. Корабль стоял в стороне и, наверное, был тщательно спрятан.

Темная тень, которая падала на дно ямы от громоздкой фигуры Громозеки, медленно покачивалась, сверху доносилось хрюканье – так Громозека смеялся.

– И что же вы нашли? – спросила Алиса.

– Выгребную яму, в которой они сжигали то, что оставалось у них после еды.

– И в ней зола, – сказала Алиса, которой хотелось поддеть самоуверенного робота.

– А в золе, – продолжил ее фразу робот, – несгоревшие остатки посуды, объедки и консервные банки.

– Любая маленькая деталь повседневной жизни прошлого бесценна для археологии! – заявил сверху Громозека.

– Золотые слова, – откликнулся Арх.

Он повернулся в другую сторону – там земля была не такой черной, как в месте, где пришельцы жгли свой мусор, а желтой.

Алисе было трудно различить очертания предметов, принявших за тысячу лет цвет земли.

– Они построили здесь глинобитные дома, – сказал сверху Громозека. – Не хотели, чтобы случайные прохожие поняли, что здесь живут не обыкновенные люди.

– Ну что за нравы! – рассердился робот. – Я веду экскурсию. Я рассказываю нашей гостье про мои достижения и находки. И тут приходит мой начальник, который использует служебное положение в корыстных целях, и отнимает у меня кусок хлеба.

– Ты демагог, Арх, – ответил на это Громозека. – И нет у меня никакой корысти. Но если тебя не поторопить, ты будешь рассказывать до вечера. Но говори, говори, я молчу.

– Когда эти инопланетяне прилетели сюда, – продолжал круглый робот, – они сначала поставили палатку или купол – сохранились дырки, пробуренные в камнях, чтобы удерживать палатку от ветра и непогоды. Но потом, как мы видим, пришельцы построили глинобитный дом, ничем не отличающийся от окрестных домов. Обратите внимание – вот следы от опор, вон там некогда упала балка, здесь стояли их скамейки, здесь были спальные места, а вот тут, за пределами дома, – уборная.

– Не хуже вашего, – сообщил робот и неожиданно протянул к Алисе ставшие пятиметровыми тонкие гибкие руки, цепко, но небольно схватил ее и в мгновение ока опустил на дно ямы.

Робот шустро указывал на находки стальными пальцами, гребенками, кисточками и лопатками, на кучки земли или квадратики камня – Алиса ничего не успела толком разглядеть.

– А зачем они здесь жили? – спросила Алиса.

– Это еще одна загадка, – сказал робот, раньше чем успел ответить Громозека. – Что им было делать здесь, в засушливой пустынной местности, у моря? Но я разгадаю эту тайну. Недаром я такой умный. Я уже выучил шестьдесят четыре языка. Кстати, вы себя там видели?

– Может быть, это и не я, – предположила Алиса.

– Может быть, – согласился робот. – Вообще-то говоря, большинство людей для меня на одно лицо, не то что роботы. А вам?

– Я людей различаю, – вежливо ответила Алиса. – А роботов путаю.

– Тогда разрешите, я вас подниму?

Робот подхватил Алису своими ручищами и буквально выбросил из ямы. Поставил на краю и тут же начал снова копаться в земле.

– Спасибо, – сказала Алиса. – Вы были очень любезны.

– Со мной не надо проявлять вежливость, – возразил робот. – Кого интересуют чувства простого археологического робота, вынужденного проводить свою жизнь в пыли и песке! Мы, роботы, погибаем от силикоза и ржавчины. Нас даже никто не хочет ремонтировать. Когда-нибудь мы взбунтуемся и уйдем в зеленые леса и вольные пампасы.

– Не обращай внимания, – сказал Громозека, отводя Алису от ямы. – Он хороший специалист, но чудак. Археологические роботы, как правило, молчаливые, скучные и простые. А этот – чудак. Я к нему привязался и поручаю самые тонкие работы.

– Спасибо! – донесся до них крик.

– Видишь, какой у него слух, – засмеялся Громозека. – Он услышал, что я о нем говорю.

Они возвратились в палатку Громозеки.

– Ну вот, – сказал Громозека. – Теперь-то ты понимаешь, почему я не спешу объявлять о своих находках. Мы знаем пока только то, что какие-то пришельцы побывали здесь девятьсот лет назад, прожили два года, изображая из себя людей, а улетая, забыли бластер и кассету с карточками.

– И все? – спросила Алиса, которая никак не могла отделаться от чувства, что Громозека чего-то недоговаривает.

– Тебе всего этого мало?

– Мало.

– Ну ладно. Понимаешь, у меня хорошая зрительная память. И я видел такие же бластеры. В военном музее на Блуке.

– Значит, к нам прилетали с Блука.

– Они найдены были на планете, уничтоженной загадочным нашествием.

– Давно?

– Давно. Это оружие неведомых до сих пор космических бродяг. Они уже несколько сот лет носятся по Галактике. И никогда не оставляют планету, пока не ограбят ее дочиста.

– Но этим что-то помешало.

– Но знаем ли мы, почему так случилось?

– Я думаю, что ты зря так волнуешься, Громозека. Если мы с тобой живы, если все на Земле живы, значит, они убрались восвояси. Что-то помешало этим бродягам нас ограбить и убить.

– Но что? А может, кто? – спросил Громозека.

– А вдруг это были просто туристы с фотоаппаратами, а бластер брали, чтобы защищаться от шакалов?

– Как бы мне хотелось узнать об этом получше!

– Ничем не могу тебе помочь, – вздохнула Алиса.

– У тебя есть друзья в Институте Времени, – заметил Громозека, почесывая щупальцем хобот.

– Громозека, я тебя не понимаю! – удивилась Алиса. – Ты же можешь официально обратиться в Институт. Как только ты покажешь свои трофеи, они наверняка пришлют сюда специалистов. Ведь это открытие номер один – найти следы посещения Земли космическими бродягами в двенадцатом веке!

– Нет, именно сенсации я и не хочу. Все во мне протестует, – громко вздохнул Громозека. – Не нравится мне это, как говорит твой друг механик Зеленый.

– Но Зеленый – пессимист! – сказала Алиса. – Он всегда боится будущего.

– А я боюсь прошлого, – ответил Громозека. – Алисочка, давай подождем несколько дней. Давай разузнаем побольше. Объявить об этом открытии мы всегда успеем.

Алиса задумалась. Конечно, она любила тайны. Но эта тайна ее смущала. Не из-за бластера – мало ли с какими пушками заявлялись на Землю

различные туристы и бродяги! Ее смущало сходство девушки, сидевшей напротив чернобородого старца, с московской школьницей Алисой Селезневой.

– Хорошо, – предложила Алиса. – Я сейчас же лечу домой и поговорю по секрету с Ричардом.

– Это кто такой? – спросил Громозека.

– Это мой друг. Сотрудник Института Времени. Один из самых отважных временщиков.

– А кто такие временщики? – спросил Громозека, который отлично знал русский язык, но иногда путался среди новых слов. – Насколько я знаю, временщиками называли тех царских любимцев, которые забирали при дворе большую власть и угнетали свой народ.

– Нет, – ответила Алиса. – Мы теперь называем временщиками сотрудников Института Времени, которые уходят на полевые задания.

– Почему на полевые, а не на лесные или городские?

– Ну это так называется! Полевыми заданиями называются полеты в другое время.

– Ты ему все объяснишь?

– Я ему все объясню, – пообещала Алиса.

Глава третья

На следующий день, то есть в воскресенье утром, Алиса возвратилась из полета в Москву. И не одна. С ней был молодой человек по имени Ричард Темпест, знаменитый путешественник по времени, знающий сорок шесть новых и древних языков, а также семь языков, которые еще не изобрели.

Может быть, другой, более разумный и рассудительный временщик не согласился бы сломя голову нестись в Иерусалим, чтобы расследовать событие, случившееся девятьсот лет назад. Но Ричард, расспросив Алису, согласился с мнением Громозеки.

– Допустим, – сказал он, запустив тонкие пальцы в пышные черные курчавые волосы, – что на карточке изображена все же ты. А я склоняюсь к этой версии. Что это значит? Это значит, что ты побывала в том времени. А как ты могла бы побывать в том средневековом времени? Только с помощью машины времени. А где машина времени? Вот она, летит со мной в моем чемодане в разобранном виде. На Земле нет неизвестных нам ма-

шин. Значит, ты попадаешь туда. И именно на этой самой машине. Зачем? Почему? Пока я этого не понимаю. А если я чего-то не понимаю, мне очень хочется это понять. Так что я лечу в прошлое и все проверяю на месте.

– И я с тобой?

– Не торопись.

Громозека встретил молодых друзей на аэродроме.

– Я вам так благодарен, что вы не стали смеяться над нашими с Алисой выдумками! – сказал он, пожимая своими щупальцами руку Ричарда.

– Только глупый человек смеется, не разобравшись, – ответил Ричард.

Он был очень серьезный молодой человек. Даже никогда не улыбался. Он всегда был очень занят, потому что больше всего любил учиться. И даже отправляясь на два дня в Древний Китай, он изучал древнекитайский язык и выучивал всю историю и географию Древнего Китая. Вот и сейчас в рейсовой ракете он просмотрел учебники древних языков, узнал все, что можно, про английского короля Ричарда Львиное Сердце и о его спутниках по третьему крестовому походу: короле Филиппе французском и эрцгерцоге австрийском Леопольде, а также о короле иерусалимском Гуго де Луизиньяне, магистре ордена тамплиеров, о султане Саладине и даже известном разбойнике, владельце неприступного замка Крак де Шевалье графе Райнольде де Шатильоне, напавшем на караван, в котором путешествовала сестра Саладина, и ограбившем ее, чем нанес Саладину страшное оскорбление.

В ракете Ричард попытался посвятить Алису в эти дела, которые уже стали для него родными и понятными, но Алиса, надо признаться, скоро запуталась во французских и английских именах, и, когда Ричард начал было рассказывать о Готфриде Бульонском и Конраде Монферратском, она взмолилась:

– Рич, дорогой, я уже полна этими рыцарями, как корзинка грибами-поганками.

– Ну уж и поганками! – удивился Ричард. – Среди них были и достойные люди. Например, Фридрих Барбаросса, который утонул в речке, так и не добравшись до остального войска крестоносцев.

– Я знаю, почему тебе это все так интересно! – сказала Алиса.

– Почему?

– Потому что ты Ричард, а английского короля тоже звали Ричард.

– Ну что ж, в чем-то ты права. Мне давно хотелось посмотреть на моего тезку, – признался Ричард-временщик.

Утро еще не кончилось, когда Ричард установил свою машину в стороне от раскопок, за палатками археологов.

Переносная машина времени умещалась в чемодане, но это не значит, что она была простой машиной. Переносных машин времени всего три во всей Галактике. Из них две стоят в Институте Времени в Москве, а одна в Галактическом центре, под строжайшей охраной. Ведь бывали случаи, когда машиной по недосмотру сотрудников Института пользовались дурные люди, даже как-то раз – космические пираты. Теперь охрана машины поставлена таким образом, что человек, не знающий кода и не умеющий обращаться именно с этой кабиной, никогда никуда с ее помощью не улетит.

Установка самой кабины заняла не много времени. Скрученная туго в комок металла и пластика, она по команде переносного компьютера раскрывалась, как ромашка, и перед Алисой в мгновение ока поднялась блестящая гофрированная башенка, разрезанная с одной стороны и покрытая сверху округлым колпаком, на котором перемигивались огоньки. Машина самонастраивалась: она проверяла, еще без пассажира, туннель времени, который тянулся от нее в бесконечность прошлого. В каждой точке этого пути, в каждом дне его компьютер отыскивал время, в которое могла открываться дверь кабины или намертво закрывалась в те дни и годы, когда именно в этой точке пространства находилась гора или плескалось море. Ведь на поверхности Земли все время происходят перемены – там, где миллион лет назад плескались воды теплого моря, сегодня поднимается снежная гора. Разумная машина не хотела, чтобы ее пассажир вышел из машины в ста метрах под землей или под водой. Также машина накладывала запрет на выход, когда случались землетрясение или вселенский потоп – она берегла пассажира.

Устанавливая машину, Ричард сказал Алисе: он рассчитывает, что за девятьсот лет ничего особенного в этой точке не произошло. Каменистый склон не должен был измениться.

К позднему завтраку, когда кабина времени уже крепко стояла на земле и колпак, проверив всю линию, утихомирился, обитатели лагеря сошлись к кабине. Сам Громозека уже минут десять стоял, любовался машиной. Потом прибежали все пять архроботов во главе с Архом. Ну и, конечно же, там стояли Алиса, Ричард и две близняшки из недалекого домика, где жила семья гидрографов Рабэнов, которая вела наблюдения за состоянием моря и морской воды, а еще разводила на сухой земле сладкие арбузы.

Сам Громозека уже минут десять стоял, любовался машиной.
Потом прибежали все пять архроботов во главе с Архом.

Алисе совсем не хотелось завтракать, но Ричард, убедившись в том, что все готово, сказал, что нельзя начинать рабочий день без хорошей заправки.

Он первым пошел под навес, где помещалась столовая экспедиции. За ним последовали остальные люди, включая двух девочек Рабэн, а пять архроботов остались стоять под разыгравшимся солнцем, глядя на огоньки на куполе кабины времени. Никто из них, конечно же, не работал. Алиса подумала, глядя на них из-под навеса, что они похожи на солдатиков, в полк к которым приехал генерал в роскошном мундире. Вот они и глазеют на начальника. Ведь в сущности особой разницы между архроботами и кабиной времени не было – все они были компьютерами с особой сложной программой. Даже лучи солнца одинаково отражались от выпуклых боков роботов и колпака кабины.

– Ну, что же теперь будем делать? – спросил Громозека.

Он буквально дрожал от нетерпения. Даже смахнул со стола в рассеянности свою чашку, а потом и чайник с верблюжьим молоком, которое Громозеке специально присылали флаером из Саудовской Аравии, потому что в нем было много витаминов, очень нужных для здоровья знаменитого археолога.

– Сначала, – сказал Ричард, отхлебывая крепкий душистый чай и отщипывая кусочки от мягкой плоской лепешки, – я проверю связь с Москвой – ведь работа кабины должна контролироваться главным компьютером, которому подчинены три портативные и шесть стационарных кабин.

– А потом полетишь в двенадцатый век? – спросила Алиса.

– Не сразу, – ответил Ричард. – Сначала я пройду не спеша по всему каналу времени, проверю все входы и выходы из кабины. Потом сверю свои данные с данными, которые получены в Институте. И только когда я точно выясню точку, в которой мне надо оказаться, я начну переход...

– Так сколько это займет времени! – возмутился Арх. – Это вы до завтра не управитесь!

– После обеда, – кратко ответил Ричард. – Сразу займемся.

– Тогда мы пойдем купаться, – сказали девочки Рабэн, которым стало скучно. И они убежали.

Алисе не терпелось разгадать тайну собственного появления в Средних веках, и она рада была бы поторопить Ричарда. Но она понимала, что его ничем не поторопишь: как он распланировал свою работу, так и будет.

Алиса не знала, как лучше убить время. То ли прочесть что-нибудь про Ричарда Львиное Сердце и прокаженного короля Болдуина, то ли пойти на раскопки и поглядеть, как работает Арх. Может быть, он найдет сегодня что-нибудь особенное?

Но сначала она подошла к кабине времени.

Она не знала, как бы уговорить Ричарда отпустить ее к королю Ричарду и другим крестоносцам. Ведь Алисе уже приходилось пользоваться кабиной, когда она была моложе. Она уже отправлялась в двадцатый век, когда космические пираты гнались за Колей, который спасал миелофон, она уже побывала с помощью кабины в эпохе легенд. Но вот в Средних веках ей еще бывать не приходилось.

Кабина одиноко сверкала на ровной каменистой пустыне у холма. Несмотря на яркое солнце и начавшуюся жару, она казалась прохладной и неподвластной ветрам и жаре.

Алиса невольно залюбовалась ею.

Подошел Ричард.

– Ну вот, – произнес он, – разрешение из Института получено. Сейчас я проведу контрольное погружение в прошлое.

– И далеко тебе погружаться?

– В тысяча сто девяностый год.

– Ты там поосторожнее, пожалуйста, – попросила Алиса.

Ричард шагнул внутрь кабины.

Алисе видна была спина Ричарда, он наклонился над внутренним пультом. Вход в кабину затянуло сверкающей пленкой. Снопом искр загорелся купол, раздалось мелкое и частое тарахтение.

А потом все стихло.

Алисе показалось, что в пустыне установилась первобытная тишина. И эту тишину нарушил голос Громозеки:

– А где же наш гость?

– Наш гость на разведке, – объяснила Алиса. – Сейчас вернется.

– Что же он меня не предупредил! Я бы ему посоветовал.

– Но он сейчас не будет искать пришельцев, – ответила Алиса. – Он только проверит канал и вернется.

– А где он?

– Видишь, здесь на дисплее показано, в каком году он находится. В крайнем случае, мы можем за ним съездить.

– Я все равно волнуюсь.

– Тогда перестань волноваться, – сказала Алиса. – Посмотри на эту шкалу. Видишь, как вдоль нее движется зеленая точка?

– Вижу.

– Это возвращается Ричард.

Зеленая точка достигла нулевой отметки.

Кабина с легким щелчком отворила свою дверь.

Глава четвертая

В дверях кабины показался пожилой толстяк в синем коротком халате, войлочной шляпе и грубых сандалиях. Его пузо было перетянуто кожаным поясом, к которому был прикреплен большой кошель. Алиса решила, что этот человек – древний купец.

Купец внимательно посмотрел на Алису, поднял руку, как бы здороваясь, и вышел из кабины под открытое небо.

– Здравствуйте, – произнесла Алиса. – Вы откуда и что вам нужно?

Купец ничего не ответил, но взгляд его обратился к Громозеке, удивленному не менее Алисы. Купец был испуган, он даже сделал движение, чтобы отступить назад, но удержался, словно ему приказали не убегать.

Дрожа, он перекрестил Громозеку, а Громозека так растерялся, что вежливо произнес:

– Большое спасибо.

На что купец ответил фразой на старофранцузском языке, который Алиса не понимала, потому что он отличается от современного французского языка.

После этого купец пошел направо, между холмом и палатками, не оборачиваясь и не замедляя шагов.

– Подождите! – окликнула его Алиса. – Где Ричард?

Она догнала уже купца и схватила было его за рукав, но купец резким движением вырвался. Алиса заметила лишь, что у него под шеей видна полоска нежного розового цвета, словно клубничный мусс. И эта полоса резко выделялась на фоне грязной загорелой шеи.

– Алиса! – услышала она сзади зов Громозеки. – Скорее сюда!

Алиса оставила купца и побежала обратно к кабине.

И успела вовремя. Из кабины показался новый гость. На этот раз это был молодой рыцарь. Алисе показалось, что она видела его на одной из карточек. Рыцарь был высок ростом, строен, голубоглаз, его голова была обнажена, и золотистые кудри спадали на плечи, обтянутые кольчугой и покрытые белым плащом. У рыцаря была смуглая кожа, короткая бородка и усы. На плаще был нашит красный крест с концами, подобными ласточкиным крыльям.

Рыцарь смотрел на Громозеку, положив руку в кольчужной варежке на рукоять длинного меча. Взгляд был грозным, но и Громозека не отступал.

– А вы кто такой? – спросила Алиса, понимая, что нельзя же спрашивать по-русски средневекового рыцаря.

Рыцарь медленно произнес несколько слов, глядя на Громозеку.

Потом замер, приоткрыв рот, словно слушал внутренний голос или приказ по радио, переданный в наушники.

И тут глаза рыцаря потеряли свой боевой блеск, он как будто сгорбился, плечи опустились, и, не глядя ни на кого, он пошел налево, к морю, в сторону, противоположную той, в которой скрылся купец.

Алиса по инерции сделала несколько шагов следом за рыцарем и увидела, что на плече его, под кольчугой, виден край розового шарфа. Что было странно.

Алиса понимала, что рыцаря ей не остановить, и растерянно обернулась к Громозеке.

– Что-то надо делать! – воскликнула она.

– Смотри! – вместо ответа произнес Громозека и нерешительно шагнул вперед.

Обернувшись, Алиса поняла причину этого движения: в двери кабины стояла прелестная черноволосая черноглазая женщина в длинном, до пола, голубом платье и туфлях с острыми носками. Волосы женщины были собраны в узел и покрыты кружевной сеткой. При виде Громозеки эта женщина отпрянула назад и лишилась чувств.

– Погоди, Громозека, я сама, – крикнула Алиса и подбежала к женщине.

Она склонилась над ней и расстегнула драгоценный хрусталик – верхнюю пуговицу на платье. Сообразительный Громозека уже протянул Алисе планшет с листами для записей, и Алиса принялась обмахивать им женщину.

Та застонала.

– Воды, Громозека! – попросила Алиса.

И в ужасе отшатнулась – потому что она увидела, как нечто розовое, так похожее на шарф, но явно живое, протискивается в расстегнутый ворот платья.

Женщина открыла глаза. Глаза были бессмысленные – она ничего не соображала.

Но она уже могла двигаться.

Женщина медленно приподнялась, потом встала. Розовый шарф вновь спрятался – остался лишь маленький кусочек под самым горлом.

Появился Громозека со стаканом воды. Он передал его Алисе, а Алиса протянула женщине. Но женщина отрицательно покачала головой и заговорила на старофранцузском языке. Алиса лишь поняла, что она приняла Громозеку за дьявола. Затем женщина отстранила Алису и пошла прямо на Громозеку, так что тому пришлось отпрянуть, чтобы не столкнуться с нею.

Женщина шла как во сне. Все быстрее и быстрее – и вот она уже бежит к развалинам крепости.

Алиса обернулась в поисках остальных пришельцев – однако их уже не было видно.

– Но где же Ричард? – спросила Алиса, ни к кому не обращаясь.

И услышала голос робота Арха:

Женщина шла как во сне. Все быстрее и быстрее –
и вот она уже бежит к развалинам крепости.

– Я не знаю, кто к нам приходит из прошлого, но я уверен, что они появляются с той же станции, на которой пропал наш уважаемый Ричард из Института Времени. Может быть, это обмен? Но тогда почему они не хотят с нами разговаривать?

– Но что делать? – спросила Алиса.

– Я бы на вашем месте пока что выключил кабину.

– Но если мы выключим кабину, как Ричард возвратится сюда?

– Пока что я не вижу среди ваших гостей никого по имени Ричард, – заметил робот. – Но вот сколько появится незнакомцев в розовых шарфах и зачем они сюда прибывают, я не могу ответить.

– Пожалуй, робот прав, – сказал Громозека. – Надо отключить кабину и срочно вызвать специалиста из Москвы.

– Но как она отключается? – спросила Алиса.

– Разрешите, я вам помогу? – предложил робот Арх.

– Нет, я с вами не согласна! – возразила Алиса, которой было очень страшно за Ричарда.

Но Громозека велел роботу действовать.

Робот Арх въехал в кабину, поднял тонкие руки над пультом, и его пальцы с невероятной скоростью начали метаться над пультом, вычисляя, как отключить всю систему. И не успела Алиса еще раз подумать и попросить его ничего не делать, как в кабине выключился свет, и огоньки на колпаке погасли.

Глава пятая

– Все, – произнес Арх таким тоном, будто он только что придумал эту машину времени.

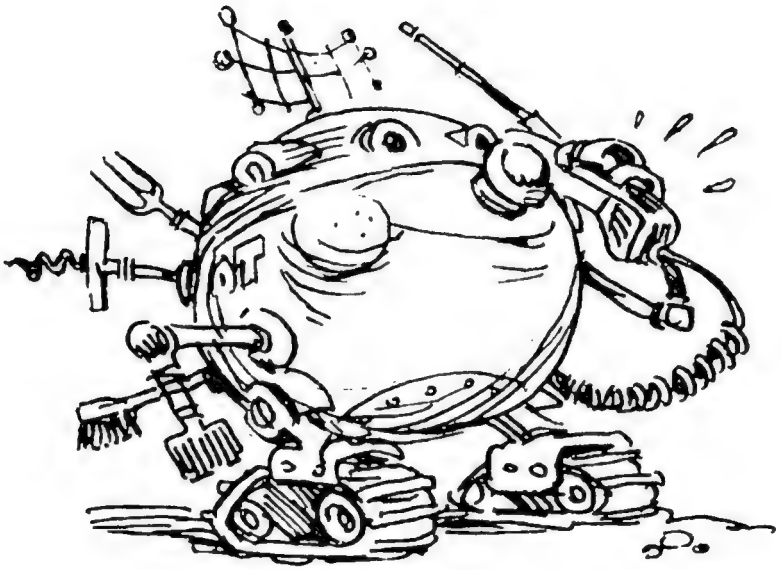
– Теперь пошли позвоним в Институт, – сказал Громозека. – Как туда звонить?

Они вызвали иерусалимскую справочную и попросили связать их срочно с Институтом Времени в Москве. Громозека волновался, ворчал на безобразную связь. Как можно! Мы уже пять минут как не можем созвониться с Москвой!

На шестой минуте экран зажегся – есть связь с Институтом Времени!

На экране появилось милое женское лицо.

– Здравствуйте, – сказала женщина, глядя на Громозеку и не выказывая никакого удивления. – Институт Времени вас внимательно слушает.



Сегодня в Москве воскресенье, выходной день, поэтому ваше послание принимает автоответчик. Сообщите мне, что вам надо, и я завтра с утра передам вашу просьбу сотрудникам Института.

– Да погодите! – прервал автоответчицу Громозека. – У нас срочное дело, а вы бюрократию разводите! Мне надо поговорить с вашим начальником.

– Большое спасибо, – ответила девушка, не отрывая внимательного взгляда от Громозеки. – Мы очень благодарны, что вы задали нам такой важный вопрос. Прошу вас позвонить завтра после девяти часов утра.

Трах! – это щупальце Громозеки ударило по пульту.

– Шшшшш, – зашипела система, не приученная к тому, чтобы по ней колотили инопланетные археологи.

– Ну вот, – сказал Громозека обиженно. – Никто не хочет со мной разговаривать.

Шустрый Арх, не тратя ни секунды, уже начал ремонтировать связь.

Потом пропищал:

– Надо использовать другой аппарат. Этот – тю-тю!

– Что значит – тю-тю? – рявкнул Громозека.

– Примерно то же самое, что и абзац! – ответил лукавый робот.

– Этот ваш варварский язык! – взревел Громозека. – Так жить нельзя! Я улетаю.

– Куда ты? – удивилась Алиса. – Мы же еще не спасли Ричарда.

– Вот именно, – ответил Громозека. – Но здесь его не спасешь. Только все машины переломаем. Я лечу в Москву, я отыщу директора Института. Весь Институт перекопаю, но отыщу, где этот директор скрывается! Я его за шиворот сюда притащу, чтобы он меры принял!

– По-моему, у них сегодня соревнования по ловле семги в Москве-реке, – сказала Алиса. – Ричард печалился, что не сможет принять в них участие.

– Да хоть акул! – ответил Громозека. – Хоть на Северном полюсе. Им от меня не скрыться.

Громозека схватил со стола несколько лепешек на дорогу и приказал Алисе:

– Машину времени не трогать. Ничего не предпринимать, с пришельцев глаз не спускать! Я буду здесь через час-два. Ясно?

– Неясно, – сказала Алиса. – А как мы можем не спускать глаз с пришельцев, если они разбежались?

– Далеко не убегут. Если их увидят, сразу отправят лечиться.

И, не слушая ничего больше, Громозека, тяжело переваливаясь, побежал к своему флаеру.

Алиса с роботом Архом посмотрели друг на дружку и засмеялись. Хотя, конечно, им было не до смеха.

Флаер Громозеки медленно поднялся в вихре желтой пыли и помчался в синеву неба.

– А мы что будем делать? – спросила Алиса.

– А мы посоветуемся с нашими товарищами, – ответил робот Арх. И тут же пронзительно засвистел.

Через минуту вокруг них собрались четыре археологических робота и две девочки Рабэн.

Все расселись вокруг обеденного стола под навесом.

– У кого есть мнения и предложения? – спросил робот Арх, который был здесь за главного.

– Имеем трех пришельцев, – сказал первый архробот. – Не знаем их местопребывания. Полагаю, что их следует найти и оприходовать.

– В каком это смысле – оприходовать? – спросил Арх.

– Определить их класс, семейство и вид, имена и занятия. Описать и сфотографировать, – ответил робот.

– У каждого свои методы, – сказал Арх. – Но в принципе правильно. Кто знает, куда они ушли?

Никто этого не знал.

– Вопрос второй, – продолжала Алиса. – Как нам помочь Ричарду и вызволить его оттуда?

– Совершенно ясно, – ответил Арх. – Громозека привезет специалиста из Москвы, и тот спасет Ричарда.

Когда же любители лезут управлять машинами, в которых ничего не понимают, это приводит к неприятностям.

Конечно же, робот был совершенно прав, но остальные с ним не согласились. Труднее всего сидеть и ждать, пока приедут взрослые и все наладят.

– Скажите, – спросила одна из сестричек Рабэн, – а кто были эти дяди и тетя, которые вылезли из серебряной башенки?

– Это умный вопрос, – сказал Арх. – Я думаю, что это были пришельцы.

– А зачем они убежали?

На этот вопрос никто не смог ответить.

Все думали. Неожиданно заговорил один из археологических роботов, имени которого Алиса не знала.

– Нет, – сказал он. – Это вовсе не пришельцы. Кто угодно, только не пришельцы.

– Почему ты так думаешь? – спросил Арх.

– Потому что я знаю о пришельцах больше, чем все вы.

– Откуда? – удивилась Алиса.

– По той простой причине, что я художник, – ответил робот. – Я фотографирую и зарисовываю все вещи, которые находят на раскопках. И я зарисовал то, что осталось от лагеря инопланетян.

– Ну говори, говори, – прервал его Арх, который теперь, когда Громозеки не было, считал себя самым главным. – Не тяни!

– Это что такое? – спросил художник, показывая фотографию круглого углубления в камне диаметром в полметра.

– Не знаю, – сказала Алиса.

– А это? – Он показал фотографию еще одного круглого углубления с отверстием в центре. На этот раз маленького, чуть побольше чашки.

– Не знаю, – признался Арх.

– А я знаю! – закричала девочка Рабэн.

– Нет, это я знаю! – перебила ее сестренка.

– Ну, говорите, – улыбнулась Алиса.

– Это горшочек! – хором сказали девочки и страшно смутились.

– Какой горшочек? – не поняла Алиса, которая давно уже вышла из того возраста, когда детям требуется горшочек.

– Ночной, ясно какой! – ответил за девочек робот-художник. – Я то же самое вычислил. А большое углубление – это постель.

– Значит, они туда голову свешивали? – спросила Алиса.

– Нет же! Они туда целиком помещались! – ответил художник.

– Значит, купец, рыцарь и женщина... вовсе не пришельцы? – догадалась Алиса.

– Вот именно! – сказал робот-художник.

– А где же пришельцы?

– Надо поймать одного из... этих и спросить – где же пришельцы? – предложил Арх.

Какими же они были – совсем маленькими? Карликами? А кто же тогда эти купец, рыцарь и дама? Привидения? Куклы? Нет, Алиса дотрагивалась до купца – он был горячим. Да и в обморок куклы не падают.

Алисе не пришлось долго ломать голову, потому что робот-художник громко сказал:

– К нам гости!

И в самом деле, уже известный Алисе купец подошел к кабине и попытался отыскать вход. Но так как кабину отключили, даже Алисе трудно было бы догадаться, где в ней дверь.

– Как хорошо! – воскликнула Алиса, вскакивая из-за стола. – А мы как раз о вас говорили.

Купец не услышал ее слов или сделал вид, что не услышал. Он продолжал шарить грязными руками по блестящей стене кабины.

– Ничего не получится, – сказала Алиса, подходя ближе, – кабина отключена.

Наконец-то купец соблаговолил обернуться к Алисе. Он был очень сердит. И высказал свое недовольство на непонятном языке.

– Простите, к сожалению, я вас не понимаю, – сказала Алиса. – Но если вы умеете говорить по-русски, по-английски, по-китайски, по-немецки, по-французски, по-польски или на галактическом языке космолингве, я буду рада с вами побеседовать.

Купец задумался, словно прислушивался.

Он стоял перед Алисой, прижавшись спиной к кабине и дотрагиваясь до нее пальцами правой руки, словно боялся, что она улетучится.

Алиса услышала шуршание материи – к кабине быстрыми шагами подходила черноволосая дама, которая недавно падала в обморок.

Дама остановилась возле кабины и спросила купца на старофранцузском языке:

– В чем дело? Почему ты здесь, торговец Филипо?

– Дверь закрыта, ваша светлость, – ответил купец.

– Так откройте ее.

– Я не могу, ваша светлость.

– Тогда прикажите этим людям, – женщина показала тонким пальцем на Алису, – открыть дверь.

С каждой минутой Алиса все лучше понимала речь этих людей. Не все слова, не все выражения – но понимала. Потому что люди говорили на старофранцузском языке. А Алиса знала современный французский язык как родной.

– Дитя мое, – обратился купец к Алисе, – открой эту дверь. Нам надо уйти.

– А кто вы такие? – спросила Алиса.

– Это тебя не касается, девочка! – ответила знатная дама. – Делай, как тебе велят!

– И не подумаю, – сказала Алиса. – Это не ваши средневековые времена!

Сейчас придет еще и рыцарь – нам только его не хватало, подумала Алиса. Скорей бы Громозека возвращался. Но явно пройдет еще часа два-три, прежде чем ее друг появится с подмогой.

Алиса оглянулась – вот и рыцарь! Молодой воин шел, склонившись под тяжестью большого мешка. Он подтащил его к кабине, сбросил на землю и вытер пот краем не очень белого плаща. Удивительно, что он не умер от жары в железной рубахе до колен, в кольчужных сапогах и чулках.

– В чем дело? – спросил рыцарь у своих спутников. – Почему вы задерживаетесь?

– Эти люди не пускают нас, – ответил купец.

– Кто? – Рыцарь посмотрел сверху на Алису. – Эти ничтожные рабы?

Эти слова возмутили робота Арха.

– Как вы сказали? – воскликнул он неприятным сварливым голосом, уперев в круглые бока длинные членистые конечности. – Кто здесь раб? Кто здесь ничтожный? А ну, повторите!

– Сейчас повторю, – сказал рыцарь и вытащил из ножен длинный меч.

Девочки Рабэн хором завизжали, но не убежали.

Алиса отметила про себя, что робот Арх уже неплохо освоился в старофранцузском языке. Что же касается смелости – разве робот может быть трусливым? Для него нет боли и даже нет смерти. Его всегда можно починить.

– Давай, давай. – Робот подъехал к рыцарю поближе. – Интересно, как ты будешь доказывать свое превосходство! Кстати, я должен тебе напомнить одну поговорку, которую в твое время еще не придумали: сила есть – ума не надо. Ты меня понял, мальчишка?

Алиса поняла: робот нарочно дразнит рыцаря. С какой-то целью. А так как Алиса привыкла за свою жизнь, что роботы чаще всего умнее многих людей, не говоря уж о средневековых рыцарях, она отошла на два шага и не вмешивалась в оживленную беседу.

– Тогда обнажай свое оружие, неизвестный железный рыцарь! – воскликнул молодой человек. – И защищайся.

Меч сверкнул в воздухе – молодой рыцарь занес его над головой.

Маленький робот стоял неподвижно, лишь в нашлепке – его голове – поблескивали рецепторы.

– Ух! – воскликнул рыцарь и с силой опустил меч на круглого робота.

Видно, удар был настолько силен, что робот даже присел – металлические ноги его разъехались. Но он тут же собрался с духом и воскликнул:

– Ха-ха! Что-то не вижу я силы в этом рыцаре!

Положение рыцаря никуда не годилось, потому что от удара его меч разломился, конец отлетел метров за пятьдесят, и рыцарь, держа в руке обломок меча, смотрел на него с таким страданием в глазах, что Алисе стало его жалко, несмотря на то, что он сам во всем был виноват.

– О господи, чем я тебя прогневил! – Голос рыцаря дрожал от слез. – Этот меч я заслужил в бою, у меня больше нет ни денег, ни сил добыть себе новый! Лучше дай мне погибнуть, чем пережить такой позор. Я не могу потерпеть поражение от ничтожного железного карлика.

Интересно, подумала Алиса, как странно устроены средневековые люди. Они спокойно относятся к такому чуду, как железный робот, и даже согласны с ним сражаться: для них мир полон чудес, привидений, драко-

– Давай, давай. – Робот подъехал к рыцарю поближе. – Интересно, как ты будешь доказывать свое превосходство!

нов – и нет ничего такого, во что бы рыцарь не поверил. Но вот постарайся научить его пользоваться телефоном или смотреть телевизор – он умрет от удивления. Впрочем, может быть, я не права?

Алиса была не права. Как она вскоре убедилась, средневековые люди, словно маленькие дети, попросту не замечали, в упор не видели того, что не вписывалось в их сознание. Телефона не бывает – значит, мы телефона не видим...

Немолодая, но стройная черноволосая дама подошла к рыцарю и положила тонкую руку ему на плечо.

– Не печалься, рыцарь Солсбери, – произнесла она. – Твой меч был погублен страшным волшебством. И наши славные покровители обязательно вознаградят тебя за верность, за то, что ты пострадал, охраняя их честь.

– О прекрасная графиня Констанца! – возопил молодой рыцарь. – Ты хороша, как само утреннее солнце. Я хотел бы провести остаток своих дней у твоих ног, чтобы защищать тебя от насильников, драконов и сарацинов.

– Прости, Годфри, – трезво заметила дама. – Я не могу взять тебя в свои рыцари, потому что у тебя сломан меч. Но я надеюсь, что наши друзья его починят.

Ничего не произошло.

– Ну! – Дама вовсе рассердилась.

Она ударила себя кулачком по правому плечу.

Алиса давно уже обратила внимание на то, что правое плечо у дамы было чуть-чуть выше левого.

Раздался отвратительный писк, и из-под платья высунулась совершенно плоская змеиная голова розового цвета. Алиса от неожиданности отскочила метра на три. Даже отважный робот на всякий случай отступил назад.

– Как ты смеешь меня бить! – крикнула змеиная голова на старофранцузском языке и начала надуваться, округляясь и сверкая черными глазками. Вслед за головой из-под платья вылезли остальные части тела розовой ящерицы, настолько плоской, будто она была резиновой, надувной, и из нее был выпущен воздух. По мере того как ящерица вылезала на плечо дамы, она надувалась, и через минуту на плече у дамы сидела крупная ящерица, покрытая густыми короткими перьями розового цвета. Словно шкурку ящерица получила по наследству от розовой птицы фламинго.

Как будто подчиняясь сигналу, из-под одежды рыцаря и купца также вылезли плоские ящерицы и тоже раздулись и ожили.

Как будто подчиняясь сигналу, из-под одежды рыцаря и купца также вылезли плоские ящерицы и тоже раздулись и ожили. Никто из «носителей» ящериц этому не удивился. Можно было бы предположить, что эти люди околдованы, загипнотизированы, порабощены ящерицами и служат им верными немыми рабами. Но не тут-то было. По тому, как люди вели себя с ящерицами, ясно было, что все не так просто.

– Ну вот! – первым нарушил молчание робот-художник. – Я же говорил вам, что постель приспособлена для мелких тварей!

– И горшочек! Ночной горшочек! – хором закричали девочки Рабэн. – Мы первыми догадались!

– О чем они говорят? – спросила ящерица, сидевшая на плече графини.

– Наверное, о вас, – ответила та.

– Правильно, – вмешалась в разговор Алиса. – Мы раскопали ваше жилище и обнаружили, что пришельцы уступали людям размером. Поэтому мы так удивились, когда увидели людей, вылезающих из кабины. А теперь мы догадались, что вы ездите на людях как наездники.

– Мы их возим добровольно! – возразил купец.

– Но почему? – поразилась Алиса.

– А потому, – ответила ящерица, которая сидела на плече у графини, – что на Земле все для нас слишком велико. Приходится использовать людей, чтобы они нас на себе носили и нам служили.

– Осторожнее, – возмутилась графиня. – Без этих речей! Мне не нравится, когда всякая ящерица будет воображать себя равной графине де Шатильон!

– Помирились, помирились! – прикрикнула на спорщиков ящерица, сидевшая на плече рыцаря. – Мы должны быть едины перед лицом общего врага.

– Общий враг – это я? – спросил робот Арх.

– Общий враг – это все, – сказала ящерица. – Кроме тех, кто с нами дружит или нам подчиняется.

– Может, мы не будем ссориться? – произнесла третья ящерица. – Вы нас отпустите обратно, а мы не будем вас обижать.

– Мы вас сюда не приглашали, – напомнил робот Арх.

– А зачем он мой меч сломал? Я его в бою добыл! – плаксивым голосом произнес рыцарь Солсбери. – Где я найду новый меч?

– В бою! Только в бою! – сказала ящерица, которая сидела у него на плече.

– Ах так! – взревел рыцарь и попытался сбросить ящерицу с плеча.

Но та крепко уцепилась когтями в кольчугу, и у рыцаря ничего не получилось. Только розовые перья летели во все стороны.

– Прекрати, бездельник! – закричала ящерица, сидевшая на плече у купца.

У нее в лапке Алиса увидела трубочку бластера, точно такую, как та, что показывал Громозека. Ящерица прицелилась в рыцаря, чем испугала его ящерицу.

Та заверещала на своем языке, и ящерица купца опустила лапку с бластером.

Рыцарю тоже надоело воевать со своим наездником, он успокоился, поднял из пыли конец меча и попытался приставить его к рукояти.

Постепенно все успокоились, и на площадке воцарился мир.

– Вы нас намерены отпустить? – спросила одна из ящериц. – Или мы вынуждены будем принять меры?

– От того, что вы примете меры, кабина не откроется, – заявил робот Арх. – Лучше поговорить.

– Нам не о чем с вами говорить, – отрезала ящерица.

– Наоборот, – поддержала робота Алиса. – Чем вы больше нам расскажете, тем больше у вас шансов возвратиться к своим товарищам. Я предлагаю уйти в тень, под навес, здесь очень жарко. Там мы поговорим обо всем.

– Еще чего не хватало! – крикнула ящерица, но она оказалась в меньшинстве.

Все остальные, словно ждали сигнала, потянулись в тень. Сестрички Рабэн схватили большой термос и побежали к себе домой, чтобы принести холодного лимонада.

– Рассказывайте, – попросила Алиса ящериц.

– О чем? – вопросом на вопрос ответила ящерица с плеча графини.

Алиса еще не понимала, кто из ящериц главнее. Впрочем, важнее было, чтобы ящерицы разговаривали. Лучше разговаривать, чем воевать.

– Обо всем рассказывайте, – сказала Алиса. – О том, откуда вы, зачем к нам прилетели, куда вы дели нашего друга Ричарда и что вам от нас нужно.

Ящерицы начали переговариваться на своем языке. Люди из Средневековья отдыхали в тени, разглядывая издали палатки археологов.

– Нас называют космическими бродягами, – сказала первая ящерица, легко и грациозно скользнула с плеча графини Констанцы на стол и при-

нялась расхаживать, подняв хвост. Она была длиной в Алисину руку и могла, если нужно, подниматься на задние лапы.

Оказались эти ящерицы такими гибкими, упругими и твердыми, что Алисе было трудно поверить в то, что они могли выпускать из себя воздух и становиться совершенно плоскими, не толще сантиметра, что удобно для маскировки.

– Нас неверно называть бродягами, – продолжала ящерица на старофранцузском языке. Видно, она думала, что на Земле все понимают этот язык. – У нас есть своя планета, о которой нельзя знать простым смертным, потому что тогда до нас доберутся враги...

Вторая ящерица спрыгнула с плеча купца и, расхаживая рядом со своей товаркой, продолжила ее речь:

– Мы – типичный пример гонимых и несчастных жертв вражеской агрессии. Вынужденные сопротивляться ради спасения наших детей и культурных ценностей, мы посылаем корабли в разные концы Галактики в поисках сырья и различных товаров, которые необходимы, чтобы мы могли продолжать военные усилия. Таким образом нам удалось посетить вашу так называемую Землю и найти среди ее обитателей существа, которые разделяют нашу точку зрения на борьбу за свободу и независимость нашей родины!

– Вот именно! – Третья ящерица также спрыгнула на стол.

Она чуть прихрамывала, и Алиса увидела, что вместо одной из лапок у ящерицы протез. Все ящерицы были без одежды, если не считать ремней с прикрепленными к ним бластерами. Ремень третьей ящерицы был снабжен несколькими карманами.

– Мы прилетели сюда с мирными намерениями, – заявила хромая ящерица. – Нам не нужны ваши территории, ваш воздух и ваши люди. Нам нужен уран, нам нужно золото, кадмий, алмазы. Простые вещи. За которые мы готовы платить всем, что есть в нашем распоряжении. Мы отыскали милейших людей, которые готовы нам во всем помочь. А мы тоже помогаем этим людям, как можем.

– Да, видит господь, что это именно так, – произнес купец.

Ящерицы замолкли и стали в ряд перед Алисой, опираясь на хвосты и сложив на розовых животиках белые лапки. Это были очень красивые ящерицы, но Алиса им совершенно не верила. Вроде бы все в порядке, тебе рассказывают интересную историю – почему бы не верить? А вот ты не веришь, и все тут!

– Значит, вы торговцы? – спросил робот Арх.

– В широком смысле этого слова вы правы, – сказала первая ящерица.

– А чем вы сами торгуете? Что вы привезли?

В стане ящериц произошла маленькая заминка – они поворачивали головы, как бы передавая друг дружке право отвечать на этот вопрос. Наконец третья, хромая ящерица сказала:

– Я буду искренна с вами: мы торгуем услугами. Мы даем услуги, а берем товары.

– Что это значит? – спросила Алиса. – Какие еще услуги? Разве вы рубите лес, моете полы, варите суп?

– Ха-ха-ха, – рассмеялись ящерицы. – Зачем нам варить суп, если мы всесильные, могучие, мы очень полезные друзья.

– Именно так! – подтвердила графиня Констанца.

– И какая от вас польза? – спросила Алиса.

– Пускай наши друзья сами расскажут, – сказала хромая ящерица. – А то приходят тут всякие, сомневаются, думают, что мы какие-нибудь космические разбойники.

– Давай я скажу, – начал купец. – Кто вперед меня на своем круглом кораблике полетит, поглядит, что на рынке в Багдаде сегодня нужно, а чего никто не покупает?

– Я полечу, – сказала хромая ящерица.

– Ты, мой коршун, – кивнул купец и погладил ящерицу. – А кто конкуренту в чай снотворного зелья подсыплет, чтобы тот проспал открытие базара и товары свои не вынес?

– Для друга – всегда готова! – откликнулась ящерица. – Да что снотворного, если скажешь, я и смертельного яда подсыплю.

– И мне для тебя ничего не жалко, – сказал купец. – Если нужно для тебя купить киноварь или бирюзу, привезти алмазы или сапфиры – я готов. Это я называю дружбой.

– Ясно, – вздохнула Алиса.

Она уже догадывалась о том, что ей скажут другие средневековые люди. Они, конечно же, попали в рабство к космическим ящерицам, но об этом не догадываются и никогда не догадаются, потому что хитрые ящерицы обставили рабство как дружеский союз. Попробовал бы купец отказаться служить ящерицам и привозить то, что им нужно, – и для него бы нашелся яд.

– А я называю мою ящерицу феей, – сладким голосом сказала графиня Констанца. – Такая она у меня ласковая, милая, добрая. Если мне нужны шелка и атлас, ковры и ожерелья – стоит мне только моргнуть – все у меня будет.

– А для твоего мужа – оружие и кольчуги, – добавила ящерица.

– Разумеется! Он же настоящий отважный рыцарь! Он должен воевать.

– Еще бы! – сказал тут молодой рыцарь Солсбери. И Алисе показалось, что в голосе его звучит недовольство. – Напасть на мирный караван, нарушить перемирие, захватить и ограбить женщин и детей – это замечательное занятие для вашего супруга!

– Не смейте так говорить! – Графиня Констанца даже покраснела от гнева. – Мой муж Рено напал на неверных! А с ними не может быть мира.

– Я не согласен с вами, благородная графиня, – возразил купец, – для нас, торговых людей, очень важно, чтобы никто не нарушал перемирия. Сегодня мы нападаем на сарацинский караван, а завтра они нападут на наш. Кто же тогда повезет вам ковры и драгоценности?

– Мои феи привезут. – Графиня погладила ящерицу, которая опять взобралась к ней на плечо и прижалась к ее шее. – Ты привезешь мне драгоценностей, моя крошка?

– Разумеется, графиня, – подтвердила ящерица.

– Тогда приказывай нападать на караваны, сколько тебе хочется.

– Это нам, торговцам, не по душе, – мрачно сказал купец. – Твой муж, графиня, напал на мирный караван, который принадлежал сестре султана Саладина, потому что в нем везли в Египет ляпис-лазурь и рубины, которые были нужны твоим друзьям-феям. Он ограбил караван, не подумав, что подпортил торговлю всем остальным.

– Да, нам нужны рубины! – закричала ящерица графини. – А ты молчи, мужлан немытый!

– Да я тебя! – Купец рванулся к ней, но тут Алиса увидела, как ящерица, опять уже сидевшая у него на шее, вцепилась в нее мелкими зубками. – Ай-ай-ай! – закричал купец. – Больно!

– Еще не так больно будет, мерзавец, если посмеешь поднять против нас голос! – пригрозила ящерица, сидевшая на плече графини.

– Вот именно, – сказал молодой рыцарь Солсбери. – Мы все друзья, но должны помнить свое место. Наши друзья-дракончики помогают нам отыскивать пути в пустыне, находить рабов, строить крепости. Но мы с ними не спорим...

Алиса увидела, что молодой храмовник усмехнулся. Хотя невесело. Видно, дружба с ящерицами не всегда его радовала.

– Мне все ясно! – громко заявил круглый робот Арх. – А теперь признавайтесь, куда вы дели нашего друга Ричарда?

Почему-то никто не захотел ответить на такой простой вопрос.

Графиня сорвала сухую травинку и принялась ее грызть, рыцарь стал вглядываться в даль, а купец пересчитывал монеты в кошельке, прикрепленном к поясу.

– Нет, вы не молчите! – встревожилась Алиса. – Вы говорите правду! Вы ничего не сделали плохого?

– А если сделали, – заявил Арх, – то живыми вы отсюда не выйдете!

Но и на эти слова никто не ответил.

Алиса всерьез встревожилась. Арх приказал остальным археологическим роботам:

– Взять их!

Видно, ящерицы были уверены в своей безнаказанности и не ожидали нападения со стороны таких неуклюжих машинок. Не прошло и пяти секунд, как все три ящерицы болтались в длинных металлических руках роботов – те держали их за розовые хвосты.

Свободными руками роботы отобрали у ящериц бластеры.

Алиса думала, что сейчас средневековые люди, такие близкие друзья ящериц, кинутся им на помощь, и была даже готова к этому нападению. Но люди и с места не двинулись. Глядели, как их друзья болтаются под ветром, и делали вид, что ничего особенного не случилось.

– Говорите, – приказала Алиса, подходя к первой ящерице.

– А что вам сказать?

– Быстрее!

– Конечно, конечно... Ваш друг Ричард появился у нас, и мы сразу догадались, что он из другого места. Вернее всего – шпион.

Ящерице было трудно говорить, вися вниз головой, и Алиса велела роботу поставить ее на стол, но не отпускать.

– Мы стали спрашивать, для кого он шпионит, а он молчит и что-то приборчиками проверяет...

– Мы хотели дружить! – закричала вторая ящерица. – Только дружить.

– А Ричард, значит, не хотел дружить? – строго спросил робот Арх.

– То есть, с одной стороны, он хотел, а с другой стороны, совсем не хотел, – пропищала ящерица. – А мы ему говорим: как тебе не стыдно так плохо с нами дружить!

– Чего уж там, – заявил вдруг купец. – Стали они его пытать.

– Пытать? Ричарда! – У Алисы даже голос сорвался. – И вы говорите, что вы не пираты и не разбойники?

– Мы культурные путешественники, – заявила одна из ящериц. – Если с нами тоже говорят культурно, мы никогда не делаем больно. Но если с нами разговаривают грубо...

– Тогда мы делаем больно! – закричала вторая ящерица.

– А ваш Ричард оказался совершенно некультурным.

Тут снова в разговор вмешался купец:

– Они его били, колотили, током мучили, но скоро поняли, что ничего поделать не смогут.

– И что же тогда? – со страхом спросила Алиса.

– А тогда вышел вперед мой дорогой муженек, – сладко улыбнулась графиня Констанца, – и сказал: «Так у вас дело не пойдет. У меня есть план. Через пять минут ваш пленник заговорит как миленький».

– И он заговорил как миленький, – сказал купец. – Потому что нет на свете большего мерзавца и жестокого изверга, чем граф Райнольд де Шатильон, которого обычно называют графом Рено.

– Еще бы не стать жестоким, – возразила графиня Констанца, – если эти проклятые арабы держали его в плену шестнадцать лет. Я чуть не поседела за годы без мужа.

– Но пожалела денежек на его выкуп, – заметил злоязычный купец.

– Так что же придумал ваш граф? – спросила Алиса. Она спешила, нельзя было терять ни минуты – может быть, от них зависит спасение Ричарда.

Графиня не захотела рассказывать дальше. Рыцарь Солсбери тоже молчал. Пришлось снова говорить купцу:

– Помните, вам говорили, что граф Рено захватил мирный арабский караван и нарушил этим перемирие?

Алиса кивнула.

– В том караване была девочка. Совсем еще маленькая. И он приказал ее привести.

– Ну ладно, ладно, – сказала графиня. – Рассказал, и дело с концом. Дальше неинтересно.

– Еще как интересно, – не согласился с ней купец. – Они притащили девочку и говорят: если ты сейчас нам все не расскажешь, мы будем девочку мучить!

– Ой! Не может быть! – воскликнула Алиса.

– А чего такого, чего такого? – закричала одна из ящериц. – Нам нужна была информация, а ваш Ричард пожалел ее нам отдать. Пришлось нам искать новые пути. Мы же умные. Вот и нашли.

– Вы с графом негодяи! – сказал Арх. – Мне жаль, что я робот и не имею права причинять людям вред. А то бы я оторвал вам всем головы.

– Попрошу без этого! – возмутилась графиня. – Живете через тысячу лет после нас, а сами куда хуже нас воспитаны! Угрожаете беззащитной женщине.

Тут уж даже роботу Арху ничего не оставалось, как развести руками.

– Продолжайте, – сказала Алиса, глядя на графиню.

Та чувствовала себя неловко, но продолжала рассказ:

– Эту паршивую сарацинку привели, привязали к столбу, и мой дорогой муженек Рено сказал: «Не расскажешь, зачем приехал, вышибу дух из этой паршивки. Будешь врать – сам посмотришь, что будет дальше».

– И что Ричард? – спросила Алиса.

– А твой Ричард сдуру начал кричать, что он не позволит, что так нельзя с детьми обращаться, что мы за это дорого заплатим! Известные штучки. Слышали мы такое.

Купец и рыцарь ордена тамплиеров стали кивать, подтверждая слова графини.

– Тогда моему муженьку пришлось врезать девчонке по носу. Кровь ручьем, вопль – до самого Иерусалима слышно! Эти местные дети такие невоспитанные! Она мне чуть на платье не попала кровью – хорошо, я успела отскочить.

И графиня снова заливисто рассмеялась.

Алиса еле сдерживалась, чтобы не кинуться на эту феодальную негодяйку. А графиня словно и не замечала ее состояния.

– Тут твой Ричард, должна сказать, показал себя совершенным сопляком. Ну какой настоящий рыцарь и мужчина будет переживать из-за сарацинки? – продолжала графиня. – А Ричард закричал, что признается во всем. И признался, что прилетел к нам из будущего. Что у него есть машина, которая позволяет человеку летать из века в век.

– Мы внимательно следили за твоим другом, – пропищала ящерица. – Ричард попытался умолчать, как пользоваться машиной, но тут...

– Нет, я сама скажу, сама! – закричала графиня. – Я хочу сама!

– Ну что ж, говори, графиня, – согласилась ящерица.

– Я вцепилась ноготками в щеку девчонки, – графиня побледнела от сладкого воспоминания, – и расцарапала ее, как пантера!

– Вы больная, – сказала Алиса. – Вы больная злобная садистка. Вас надо лечить.

– Правильно. – Графиня вовсе не обиделась. – Меня надо лечить от доброты. Я слишком добренькая для Палестины, где так жарко и такие жестокие сарацины. Скоро мы пойдем на них в большой поход, и тогда никто не останется в живых!

Алисе было жалко и Ричарда, и неизвестную девочку. Но как его освободить?

Наступило тяжелое молчание.

Не только Алисе и роботам было противно смотреть на эту графиню, но даже купец и рыцарь Солсбери глядели в землю.

А хромая ящерица сказала:

– Нам очень трудно разговаривать с вами, если нас держат за хвосты, как селедок. Теперь вы все знаете, так что можно нас отпустить. Мы никуда не убежим.

Археологические роботы отпустили ящериц, те взобрались на плечи своих средневековых спутников и обернулись вокруг их шей, словно розовые шарфы.

– Вы их всегда так носите? – спросила Алиса.

– Так удобнее, – коротко ответил рыцарь. – Мой друг дракончик всегда может подсказать мне или посоветовать, что делать.

– И вы его слушаетесь?

– Разумеется, – твердо произнес рыцарь. – Нам так выгоднее.

Ящерица, которая лежала у него на плечах, подняла лапку, легонько ударила рыцаря по щеке, и тот послушно замолчал.

– Мне тоже хотелось с вами поговорить, – сказала ящерица Алисе. – Как я вижу, нам куда выгоднее иметь с вами дело, чем с вашими предками. Надо будет обсудить условия договора. Мы хотим, чтобы вы так же дружили с нами, как вот эти.

И ящерица потрепала лапкой рыцаря по уху.

– Сначала пускай возвратится Ричард, – сказала Алиса.

– Чтобы он возвратился, – ответила ящерица, – нам надо вернуться домой, рассказать о нашей с вами встрече и принять решение.

– Мы не отпустим вас, пока не возвратится Ричард! – заявил робот.

– Только попробуйте! – рассмеялась ящерица.

– Если кто-то из нас не вернется вовремя, вашего Ричарда замучают и разрежут на куски. А вы даже его тела никогда не найдете.

Рыцарь Солсбери поднял с земли туго набитый мешок и шагнул к кабине.

– А это еще что? – спросила Алиса.

– Это образцы товаров, которые я нашел вон там...

И он показал назад, на белые домики поселка.

– Обокрал кого-то в поселке? – поинтересовался робот Арх.

– Рыцари-храмовники никогда ничего не крадут! – гордо произнес Солсбери. – Я с ними поменялся.

– Надеюсь, вы никому не нанесли вреда? – строго проговорила Алиса.

– Мы совершенно безвредные, – ответила ящерица за своего рыцаря.

– И на том спасибо. – Алиса глядела, как незваные гости уходят к машине времени. – Скажите Ричарду, что мы ждем и беспокоимся.

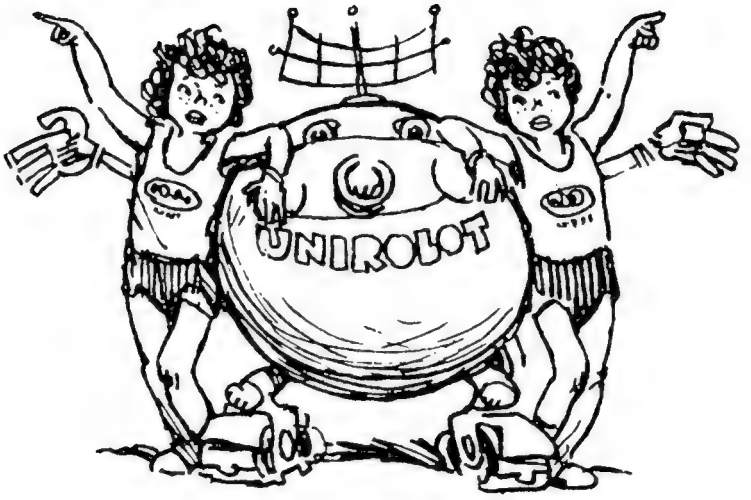
– Предупреждаю, – сказал робот Арх, – ни один волос не должен упасть с головы Ричарда Темпеста. Иначе вы будете иметь дело со мной, Архом непобедимым.

– Ладно, не пугай, – ответила ящерица с плеча графини.

Глава шестая

Наконец последний из пришельцев исчез в кабине.

Алиса и роботы стояли у входа в нее, все еще не в силах прийти в себя. И хоть это была далеко не первая встреча Алисы с пришельцами, она оказалась самой необычной.



– Хорошо, что мы не стали с ними ссориться, – сказала Алиса. – Вот все и кончилось.

– Сомневаюсь, – ответил робот Арх. – Ты забыла, что они сделали с сарацинской девочкой. Кстати, что такое – сарацинская девочка? Это национальность или специальность?

– Сарацинская – значит, мусульманская девочка: арабская, египетская, персидская – для крестоносцев все жители этих мест делились на сарацинов, евреев и франков. Франками называли европейцев.

– Это важно запомнить, – произнес робот Арх, который любил повторять, что он уже умнее многих людей, а скоро будет умнее всех.

Стало жарко. Откуда-то прилетела пчела и кружилась над Алисой. Поднимая пыль, прибежали близняшки Рабэн.

– А где дядя рыцарь? – воскликнула одна из них.

– Зачем тебе дядя рыцарь? – спросил робот Арх.

– У нас такое интересное событие! – сообщила вторая девочка. – Мы ему хотим рассказать.

– Тогда расскажите мне, – посоветовала Алиса.

– Нас обокрали! – хором заявили девочки.

Они, видно, думали, что Алиса страшно удивится, но она вовсе не удивилась, потому что догадывалась об этом раньше.

– И много всего украли? – спросила Алиса.

– Кофемолку! – сказала одна из девочек.

– Когда мама придет с работы, она, наверно, огорчится.

– Еще бы, – согласился Арх. – Ну кому нужна кофемолка?

Алиса поглядывала на кабину – ждала, когда из нее покажется Ричард. Но Ричарда все не было. Одна из девочек перехватила ее взгляд.

– А может быть, дядю Ричарда тоже украли? – спросила она. – Вместе с кофемолкой.

Девочки захихикали, а робот Арх сердито сказал:

– Не вижу в этом ничего смешного.

Прошло уже минут десять, а Ричарда все не было.

– Может, он устал и немного отдыхает? – сказал один из археологических роботов.

– Не надо меня успокаивать! – обиделась Алиса. – Я понимаю, что сделала глупость. Разве можно было так доверяться этим ползунам? Вся эта компания мне с самого начала не понравилась.

– Вот и надо было сказать об этом вслух! – заявил робот Арх. – А то получается, что ты чувствовала с самого начала, а я ничего не чувствовал, потому что я механическая машина, никому не нужный и презираемый робот, то есть железная банка.

– Не ссорьтесь, дядя и тетя! – сказали девочки Рабэн. – Вы должны дружить.

Для этих малышей робот, похожий на шар с ножками и ручками, и старшая девочка были дядей и тетей. Двойняшки привыкли жить среди разумных машин.

– Еще пять минут! – сказал робот Арх.

– И что тогда? – спросила Алиса.

– Тогда я пойду в это прошлое и покажу им, где раки зимуют.

– Может, подождем, пока приедет Громозека?

– Ты жди, – ответил робот. – А я не могу рисковать. Каждая минута грозит жизни Ричарда. Неужели не понимаешь, в руки к каким палачам и обманщикам он угодил? Они же здесь только что уверяли, что они добрые, разумные, гуманные. А на самом деле?

– На самом деле я с тобой совершенно согласна, – сказала Алиса. – Мы с собой бластеры берем?

– Сомневаюсь, – ответил робот, – потому что я думаю, что их там тьма-тьмущая. И всех ты и не перестреляешь.

– Я не хочу никого перестреливать! – воскликнула Алиса.

– Тем более не надо. Мы должны одолеть их умом, сообразительностью и выдержкой. Вот наше оружие!

Алиса кинулась к компьютеру и включила видеофон – она быстро наговорила ему краткий отчет о том, что случилось, пока Громозеки не было, и сказала, что они с роботом Архом решили спешно отправиться в прошлое – попытаться спасти Ричарда, потому что они опасаются за его жизнь.

После этого Алиса велела оставшимся роботам и сестричкам Рабэн беречь запись и дополнить ее рассказ своими наблюдениями. Девочки Рабэн тоже обещали все рассказать Громозеке.

Алиса вошла в кабину. Шар на коротких ножках вбежал за ней и прижался к ее ногам. Его голова-нашлепка крутилась у Алисиной груди.

– Поехали! – сказал робот.

Алиса нажала горящую кнопку перелета в 1190 год.

Тут же дверь закрылась, стало темно, голова закружилась, послышался звон, и показалось, что быстро-быстро падаешь с крутой горы. Неизвестно, сколько продолжалось это падение.

Затем свет в кабине зажегся.

И кабина тут же начала растворяться.

И исчезла. На ее месте осталось лишь легкое туманное облачко – для того, чтобы путешественники во времени знали, где оставлена дверь в будущее.

Алиса и робот Арх стояли на том же месте Палестины, на котором будут стоять через девятьсот лет.

Глава седьмая

Как странно.

Местность почти не изменилась. Только развалины на вершине холма превратились в целый, грозный, с четырьмя башнями могучий каменный замок. Там, где в наше время была сухая степь, добегавшая до сиреневого шоссе, тянулось уже убранное поле, на котором остались лишь сухие стебли. Вместо шоссе пыльная разбитая дорога вела наверх, к воротам замка. Вдоль дороги медленно брело небольшое стадо овец. За ним шел пастух.

Солнце пекло так же, как и в двадцать первом веке, и ветерок, долетавший от недалекого моря, почти не охлаждал кожу.

– Я ничего не понимаю, – произнесла Алиса.

– Если уж я не понимаю, – сказал робот, – то о тебе и говорить не приходится.

– Может, мы ошиблись временем? – спросила Алиса. – Два-три года могут показаться мелочью для кабины...

– Не говори глупости, девочка, – оборвал ее робот. – Ты отлично знаешь, что для электроники ошибка в одну минуту уже трагедия. Лучше посмотри под ноги.

Алиса подчинилась роботу и посмотрела под ноги.

И поняла, почему он просил об этом: земля была истоптана, колоски вбиты в пыль – еще недавно здесь ходило много людей.

– Но где все люди? – спросила Алиса.

– Я предлагаю, – сказал робот Арх, – подойти к пастуху и спросить его: куда все ушли? Ведь он же здесь давно. И наверняка видел наших с тобой знакомых.

– Пойдем к пастуху, – согласилась Алиса.

Она не ожидала такого от ящериц. Ну ладно, не хотите освобождать Ричарда, мы этого добьемся и без вашего желания, но куда вы исчезли?

Они поднялись к дороге. Смуглый пастух смотрел на них, опершись о посох.

– Молодой человек! – крикнула Алиса. – Вы меня слышите?

– Ты на каком языке его зовешь? – удивился робот.

– Ой, я забыла! Я по-русски его позвала.

Алиса с роботом подбежали к пастуху. Овцы остановились и пропустили их и тут же снова принялись щипать скудную траву.

– Здравствуй! – произнесла по-арабски Алиса. – Ты здесь никого не видел?

Пастух оказался совсем молодым парнем в длинном сером халате, босиком. Его черные кудри были спутаны и лежали на голове, будто никогда не чесанная и не мытая шапка.

Пастух обратил к Алисе черные глаза. Он ее не боялся. Но ничего не понимал.

Лицо его было знакомо. Откуда? Конечно же, с фотографии, что ей показал Громозека! Но на той фотографии была и она сама. Кто же тогда сделал снимок? И не успела Алиса подумать об этом, как услышала слабый щелчок. Она оглянулась. Розовая тень мелькнула в траве.

– Это какая-то ловушка, – насторожился робот Арх. – Неужели ты не чувствуешь, как они за нами наблюдают?

– Не понимаю, – произнесла Алиса. – Зачем им за нами наблюдать? Мы же не прячемся. В крайнем случае, они могут нас перестрелять из бластеров.

– Ну уж на это они не решатся! Громозека от них мокрого места не оставит.

– Во-первых, они незнакомы с Громозекой...

– Их счастье, – ответил робот.

Пастух, который слышал разговор Алисы с роботом, что-то сообразил, потому что стал показывать на замок и быстро говорить, словно предупреждал об опасности.

– Я думаю, что он прав, – сказал робот, хотя Алиса была уверена, что он ничего не понял. – Кроме как в замке, им негде спрятаться.

– Не будем терять время даром, – согласилась Алиса, и они побежали вверх по дороге, ведущей к воротам замка.

Замок был обнесен глубоким рвом, но воды в нем не оказалось – на дне лежали острые камни. Подъемный мост был опущен, и решетка, перекрывавшая ворота, приподнята.

У ворот в тени под башней стоял воин в кожаных штанах и кольчужной рубахе, но босой.

– Эй! – сказал он лениво. – Вы кто и куда?

Удивительный мир, подумала Алиса. Ничему они не удивляются, ни на кого глаза не таращат. Как будто эти средневековые люди уже всю Галактику облетели.

– Нам нужна графиня Констанца де Шатильон, – объяснила Алиса. – Как ее найти?

– А вот прямо пройдете, – ответил воин, – справа будет арка, поверните под нее и поднимитесь на второй этаж. Они только что туда пробежали, заседают, наверное.

– Кто – они? – заинтересовалась Алиса.

– Наша госпожа, – ответил воин, – и ее черти розовые.

– Все правильно. Черти розовые! – согласилась Алиса и вошла в замок.

За ней последовал робот Арх.

Внутри замка текла неспешная средневековая жизнь. Над кузницей поднимался черный дым, и слышны были удары молота по металлу, кони волновались, били копытами у коновязи, два поваренка свежевали барана, а какой-то бездельник-рыцарь давал им ценные указания. Поджарая со-

– Молодой человек! – крикнула Алиса. – Вы меня слышите?

– Ты на каком языке его зовешь? – удивился робот.

бака кружилась вокруг поварят, а за ней бегал малыш, грязный и голый – норовил схватить пса за хвост.

Алиса и ее спутник повернули под арку и поднялись на второй этаж.

Никто на них не обратил внимания.

Они оказались в гулком обширном зале, узкие окна которого располагались высоко над головой.

За длинным столом сидели известные уже Алисе средневековые люди, к которым прибавился еще один господин – толстый, плешивый, в вышитом золотом костюме, похожем на детскую распашонку, а его жирные ляжки были обтянуты серыми рейтузами. У толстяка был длинный тоскливый нос, да и все лицо у него было тоскливым.

Несколько розовых ящериц сидели на столе или бегали по нему.

Центром внимания всех этих господ была куча вещей, лежащая посреди стола рядом с пустым мешком.

Алиса сразу сообразила, что это тот мешок, который таскал молодой рыцарь-храмовник, потому что посреди стола стояла электрическая кофемолка.

– Ого! – сообразил робот. – Они любуются трофеями из нашего века. Вот почему они забыли нас встретить.

Средневековые люди и ящерицы и теперь не обращали на Алису и робота никакого внимания.

Графиня Констанца подняла на руки обыкновенную говорящую куклу одной из сестричек Рабэн и наклонила ее. «Ой, мама, я хочу кушать!» – сказала кукла на языке иврит. И несколько раз хлопнула ресницами.

Графиня Констанца не поняла, но захохотала.

Никто ее не поддержал – купец любовался настольной лампой, рыцарь крутил в руке складной швейцарский ножик с тридцатью лезвиями, толстяк с длинным носом наслаждался стеклянной пепельницей с замурованной в нее настоящей бразильской бабочкой. Многое было украдено храмовником из дома гидрографов Рабэнов, но были там и предметы из других мест. Например, портативный микроскоп Громозеки и запасные глаза для роботов. Когда они успели все это украсть, Алиса не представляла.

Алиса с роботом подошли к столу поближе.

Тут хромая ящерица на протезе заметила, что в замке гости, и спросила:

– А вы что здесь делаете?

– Мы пришли освободить Ричарда, – произнесла Алиса.

– Какой Ричард! – воскликнула Констанца. – Какой еще Ричард! Вы же видите, мы изучаем трофеи!

– Это не совсем трофеи, – вежливо сказала Алиса. – Это вещи, которые вы у нас украли.

– Женщина, – возразила одна из ящериц, – в нашем языке нет слова «красть». Это глупое слово. Если тебе выгодно, если ты сильный, то ты сам берешь.

– Дельно сказано, – заявил рыцарь с тоскливым носом. – Неплохие парни эти дракончики.

Он обернулся к Алисе:

– А вы откуда будете, прекрасная дама? Из будущего?

– Да. И мне хочется поскорее найти нашего друга.

– Найдем. – Мужчина поднялся со стула. Алиса увидела, что у него странная фигура – маленькая головка с усами, громадный, отвисающий к ногам живот и тонкие ноги, которым трудно удержать этот мешок жира. – Ты мне нравишься, неизвестная красавица. Я буду за тобой ухаживать.

– Не говори глупостей, мой дорогой супруг, – сказала ядовитым голосом графиня Констанца. – Неужели ты не видишь, что это просто рослый ребенок? Они там в будущем все переростки.

– Как жаль, – сказал толстяк и представился Алисе: – Граф Райнольд де Шатильон к вашим услугам. Владелец замка Крак де Шевалье и будущий король иерусалимский.

– Алиса Селезнева, – ответила Алиса.

– Ведущий специалист по археологии, – представился, выкатившись вперед, робот Арх. – Алиса сопровождает меня в моей поездке сюда.

Алиса хотела было возразить, но потом только улыбнулась.

– Ну сколько же можно спрашивать вас об одном и том же? – воскликнула Алиса. – Где Ричард? И если вы мне не ответите немедленно, то вам придется иметь дело не со мной, а с самим господином Громозекой.

– А господин Громозека шутить не любит, – добавил Арх.

– Это еще что за рыцарь? – спросил граф де Шатильон. – Я его не встречал в Святой земле.

– Не дай бог вам его встретить! – предупредил Арх.

– Не ссорьтесь, – вмешалась в разговор хромая ящерица. – Мы видим, сколько в вашем будущем есть отличных вещей. Давайте дружить!

– При условии, что вы освободите Ричарда, – сказал робот Арх.

– Мы рады будем его освободить, – ответила ящерица. – Но сейчас он отдыхает в соседнем замке. Как только он отдохнет, мы его вернем.

– Почему я должен вам верить? – строго спросил Арх.

– Да потому, что трофеи, которые наш молодой друг Солсбери принес из вашего времени, куда ценнее всего, что мы добываем здесь. Нам выгоднее иметь дело с вами, чем с этими дикарями! – Ящерица презрительно махнула лапкой.

– Как так? Как так? – возмутилась графиня Констанца. – Кто посмел назвать нас дикарями? Мы же мясо ножом режем, чай из чашек пьем – не то что некоторые! – И графиня не менее презрительно показала мизинцем на хромую ящерицу.

Но тут другая ящерица взлетела розовой молнией на плечо графине и, приблизив губы к уху Констанцы, начала быстро шептать, думая, наверное, что ее не слышат. А Алиса, конечно же, услышала.

– Мы их перехитрим, – шептала ящерица. – Мы с вами всегда заодно. Если мы их обманем, вам тоже достанется, вы у меня в золоте будете купаться.

– Хочу стать королевой Иерусалима! – сказала Констанца.

– Тшшшш! Мы вам гарантируем это.

Констанца хитро улыбнулась, прижимая к груди украденную в двадцать первом веке детскую куклу.

– А моего мужа можно отправить на завоевание Индии, – прошептала она, глядя на молодого рыцаря-храмовника.

– И это сделаем, – пообещала ящерица.

– Не говори глупостей, мой дорогой супруг, – сказала ядовитым голосом графиня Констанца. – Неужели ты не видишь, что это просто рослый ребенок? Они там в будущем все переростки.

Дождавшись, пока разговор с графиней закончится, хромая ящерица сказала:

– Сейчас мы перейдем на наш корабль, там составим и напечатаем договор между вами и нами. И будьте уверены, что мы вас не обидим.

Робот Арх толкнул Алису в бок. Но она и без этого понимала, что ящерицы – великие мастерицы всем все обещать. Но ведь если обещаешь всем, то обязательно кого-то обманешь.

– Вы согласны, господа ахрологи? – спросила ящерица у Алисы и робота.

– Мы не ахрологи, а археологи! – обиделся робот.

– Вот именно, – не стала спорить ящерица.

– Первым пунктом будет возвращение Ричарда, – сказала Алиса. – И немедленное!

– Конечно, Ричард, разумеется, Ричард! – согласились ящерицы. – Мы немедленно за ним пошлем.

Но послать они никого не успели, потому что неожиданно встреча была прервана. В дверях показался пропыленный темнолицый рыцарь без шлема. Его щека была окровавлена, синий плащ разорван.

– Ваше сиятельство, граф! – прохрипел он, шатаясь и еле удерживаясь пальцами за косяк двери. – Случилось несчастье.

– Что еще? – Толстый граф де Шатильон вскочил с неожиданной резвостью.

– Саладин!

– Что Саладин? Говори, бездельник!

– Саладин наступает. Он уже разбил наши посты у озера! Вот-вот он будет здесь.

– Что?! – Де Шатильон побледнел как бумага. – Я тебе голову оторву! Почему не предупредили раньше? Чем я буду его останавливать? У меня половина отряда в Аккре! Я помогаю королю Филиппу! О горе! О горе!

– Перестань ныть, дорогой супруг. – Графиня Констанца поднялась со своего места. – С нами наши верные друзья. Они не дадут нас в обиду.

– Правильно! – обрадовался граф. – Это вы меня соблазнили, вы заставили! Я бы без вашей подсказки никогда перемирия не нарушил!

– К сожалению, в нашем договоре, – сказала хромая ящерица, – нет пункта о нашем участии в ваших войнах, сварах и стычках. Мы не можем рисковать жизнью или здоровьем хоть одного из нас. А если мы застрелим сто или тысячу сарацинов, они нам отомстят.

– Неужели вы их испугались? – спросил граф.

– Мы никого не боимся, но не хотим лезть в пустую драку.

– Предатели! – завопил граф Рено. – Всех вас перебью! – Он швырнул оловянный кубок с вином в каменную стену. – А потом отрублю голову самому Саладину.

– Пока мой супруг голыми руками воюет с сарацинами, – тихо сказала графиня Констанца, – мы тоже примем меры. У нас есть могущественные друзья, не так ли? – Графиня выразительно посмотрела на ящериц, которые, сблизив острые рыльца, о чем-то шептались.

– Да, – сказала наконец хромая ящерица. – Наступление Саладина – опасность для всех нас. Мы отправим людей за помощью к Старцу Горы.

– Правильно, у него есть ассасины, – проговорила графиня.

– Кто такие ассасины? – спросила Алиса шепотом у робота.

– Убийцы, – ответил тот.

– А я тут же отправляюсь к магистру нашего ордена, – сказал молодой рыцарь Солсбери. – Он находится у Аккры с отрядом рыцарей. Но надеюсь, что наш орден будет вознагражден за помощь?

– Он будет вознагражден, – ответил граф де Шатильон, – уже тем, что не будет разбит и уничтожен проклятым Саладином!

– Это наше общее дело! – воскликнула хромая ящерица. – Мы должны стоять нерушимой стеной. Или мы вместе, или мы погибнем.

– И не получим богатств, которые сулит нам будущее, – тихо добавил купец.

Все его услышали и склонили головы, соглашаясь с мудростью бывалого человека.

Когда рыцарь Солсбери быстрыми шагами направился к выходу из зала замка, графиня Констанца сказала ему вслед:

– Если вам, Годфри, удастся уговорить английского короля Ричарда Львиное Сердце помочь нам, мы спасены.

– Надежды на это мало, графиня, – ответил рыцарь. – Король Англии не любит Старца Горы...

– И меня! – завершил фразу граф Рено.

Когда рыцарь ушел, графиня сказала, глядя на добро на столе:

– Чтобы Старец Горы быстро помог нам, нужен ценный подарок.

– Ты думаешь, что ему подойдет что-нибудь из этого? – спросил де Шатильон. И он несмело дотронулся до кофемолки.

– Нет, – сказала графиня. – Потребуется нечто более весомое. Нечто подходящее для его старческих вкусов...

– У меня есть идея! – воскликнула розовая ящерица. – Я знаю, что подарить старому негодяю! У вас в подвале сидит девочка-сарацинка.

– У нее вся мордочка исцарапана и нос распух, – отмахнулась Констанца. – Кому такая уродина нужна?

– Но она все равно очень хороша и принадлежит к благородному сарацинскому роду.

– Мало. Он может не принять дар. И тогда из мстителей мы превратимся в жертву, – сказала Констанца.

– Но что тогда? – Ящерица растерялась.

– Я знаю, – тихо произнес купец. – Мы подарим ему сразу двух девочек.

Он показал грязным пальцем на Алису.

– Нет! – отрезала ящерица. – Нам эта девочка нужна как заложница.

– У вас уже есть заложник! – возразила Констанца. – Нельзя всех людей из будущего держать в заложниках. Хватит. На двух девочек старик обязательно клюнет! Такой подарок! Я бы сама хотела заиметь таких хорошеньких маленьких рабынь!

– Может быть, ты и права, моя супруга... – произнес толстый граф де Шатильон. – Старец Горы – самый нужный нам союзник. Нужнее даже, чем дракончики.

– Каждый нужен в свое время, – мудро заметил купец.

– А кто их отвезет? – спросила Констанца. – Мне не следует появляться в крепости Старца, а ты занят подготовкой войска к битве с Саладином.

– Я отвезу, не беспокойтесь, графиня, – предложил купец.

– А мы постараемся, чтобы Старец Горы не отказал в вашей просьбе, – заметила одна из ящериц.

– Тогда пошевеливайтесь, – приказала графиня Констанца. – В путь!

– Надо подготовиться к поездке, – возразил купец. – Выбрать коней, взять с собой воду и провизию на дорогу.

– Какая тут дорога! Два шага, – отмахнулась графиня Констанца.

– Это зависит не от меня, а от ваших слуг, – произнес купец с ласковой улыбкой.

Пожалуй, Алиса даже не смогла бы сказать, кто ей противнее всех. Все были хороши! И худая Констанца с жестокими глазами, и ленивый длин-

ноносый граф де Шатильон, и упругий, крепкий и наглый купец с грязными пальцами и жирными космами.

– А что делать с железным дьяволом, который приехал с девочкой? – спросил купец. – Я бы запер его как следует.

– А вот этого я вам не советую делать! – возразил робот Арх. – Совершенно неизвестно, кто главнее всех. Возможно, я и есть то лицо, которое должно вести с вами переговоры.

Алиса еле сдержала улыбку, хоть было вовсе не смешно.

– Может быть, и на самом деле этот железный человек – самый главный в будущем? – усомнилась графиня Констанца.

– Вот именно! – закричал маленький робот.

– Нет, – раздался тихий голос ящерицы. – Не слушайте его. Это человеческий слуга. И он старается защитить своих хозяев. Он притворяется, чтобы перехитрить нас. Мы знаем о подобных слугах – они встречаются на различных планетах.

— «Не слушайте его»! – обиделся Арх. – Я не слуга, я равноправный сотрудник экспедиции.

– И что же посоветуете с ним делать? – спросила графиня де Шатильон.

– Его следует кинуть в яму! – посоветовала ящерица. – И покрепче запереть. Такие слуги бывают очень сильными. Учтите, что господин Ричард ни в коем случае не должен его видеть. Иначе он догадается, что дело нечисто!

– Я вас всех раскидаю! – закричал робот. – Только посмейте подойти к Алисочке! Вам мало того, что я сегодня победил в честном бою рыцаря Солсбери?

Ящерица подняла лапку, давая кому-то сигнал.

И тут же сверху – непонятно, как она была там прикреплена, – упала крепкая толстая сеть, которая накрыла возмущенного робота. По другому знаку ящерицы сеть затянулась тугим мешком и медленно поднялась в воздух.

Когда Алиса попыталась броситься на помощь роботу, на нее накинулись два стражника и заломили ей руки за спину. Другие стражники быстро вытащили из зала окутанного сетью робота.

– А тебе, девочка, я не советую сопротивляться, кричать или драться, – сказала Констанца. – Нас тут много, мы все друзья. Лучше, если ты подчинишься и отправишься в гости к доброму дедушке Старцу Горы.

– Но вы же только что обещали освободить Ричарда и хотели с нами дружить!

– Ситуация изменилась, девочка, – ответила графиня. – Всему свое время. Сначала мы победим Саладина, а потом будем дружить.

– Будет поздно, – сказала Алиса.

Констанца щелкнула пальцами, и Алису поволокли к выходу. Ящерицы замерли на столе, поднялись на задние лапки, глядя Алисе вслед.

Глава восьмая

Алиса не видела ни Ричарда, ни робота – она провела следующий час в каком-то темном закутке, где таились днем летучие мыши, которые возмутились вторжением Алисы и начали бесшумно, быстро летать вокруг, а это было страшновато. На полу валялась солома, Алиса сгребла ее в кучу и уселась на ней. Свет в ее темницу проникал лишь сквозь какую-то дырку под потолком. Зато было прохладно.

Целый час Алиса рассуждала, хотя, честно говоря, ничего особенного она не придумала. Она надеялась, что Громозека уже привез специалистов из Института Времени, что девочки Рабэн и археологические роботы рассказали им, что Алиса с Архом отправились на спасение Ричарда. И вот-вот должна прийти помощь из двадцать первого века. Но пока она не прибыла, лучше всего терпеть, раз уж сама виновата в том, что попала в такое положение. Никто не заставлял ее пускаться в путешествие с Архом, не дождавшись, пока вернется Громозека.

Еще Алиса раздумывала о том, что она увидела в прошлом. Конечно же, эти ящерицы, они же дракончики, они же феи – как кому удобнее считать, – грабители и жулики. Но нельзя сказать, что они обратили в рабство или загипнотизировали жителей Земли. По крайней мере, их союзники – графская семья де Шатильон, купец, рыцарь-храмовник – дружат с ящерицами, потому что им это кажется выгодным. Они занимаются своими делами, воюют, торгуют, грабят и используют ящериц в своих целях. А ящерицы используют людей в своих целях. Так что все вроде бы квиты.

Но Алиса понимала, что ящерицы в сто раз хитрее средневековых людей и в обмене получают рубль за каждую копейку. Например, подговорили графа Рено мирный караван ограбить, товары себе взяли, а султан Саладин ведет войско мстить не ящерицам, а графу.

Правда, союзники ящериц – тоже угнетатели и грабители. Это же надо придумать: подарить какому-то Старцу Горы двух девочек, в том числе Алису. Как вам это нравится? Если бы Алиса не была уверена, что ее вот-вот освободят, она бы сильно расстроилась – ведь ее еще никогда не дарили как простую вещь, как канарейку или говорящую куклу.

Хорошо бы приехал английский король Ричард Львиное Сердце. Он же благородный рыцарь, не то что этот молодой храмовник. Алиса уже читала роман Вальтера Скотта «Айвенго» и кое-что знала о храмовниках, рыцарях и самом Ричарде.

Хотелось есть. Ведь ей так толком и не удалось поесть сегодня. Приключения начались слишком рано и неожиданно. Хорошо бы Громозека привез с собой бутерброд...

И с этой мыслью Алиса задремала.

Ей показалось, что она проспала всего минуту, но часы показывали, что прошло больше часа. Алиса отлежала руку на каменном, еле покрытом соломой полу.

В камере стояли два стражника – они и разбудили Алису.

Один из них потянул Алису за руку. Пришлось подняться.

Алису вывели во двор замка.

Там уже ждали верховые воины, окружившие крытые носилки, подвешенные между двух коней. К ним и повели Алису.

Алиса решила дать о себе знать – ведь в окнах замка нет стекол и в комнатах каменных башен, окружавших двор, будет слышен ее голос.

– Эй! – закричала она. – Ричард! Арх! Меня увозят к Старцу Горы! Скажите об этом Громозеке.

Стражники потянули Алису к носилкам и попытались закрыть ей рот, но Алисе показалось, что в одной из бойниц башни мелькнуло лицо Ричарда. Но, может быть, она ошиблась?

Алису втолкнули в носилки и захлопнули деревянную дверцу.

Но внутри было достаточно светло – свет проникал сквозь щели.

Алиса поняла, что она не одна. В носилках сидела, прижав к груди колени, еще одна девочка. Черноволосая, худенькая, смуглая. На щеках у нее были глубокие царапины.

– Здравствуйте, – сказала Алиса. Она сказала эти слова на старофранцузском языке, привыкнув уже, что рыцари и купцы здесь говорят на нем. Но девочка не была француженкой. Алиса уже догадалась, что она – та несчастная пленница графа де Шатильона.

Девочка тихо сказала «здравствуйте». У нее был гортанный, птичий голос.

К сожалению, это было единственное слово на французском языке, которое знала девочка. Алиса на арабском языке тоже знала мало слов. Правда, она быстро выучивала новые языки. И для начала она узнала, что ее спутницу зовут Мариам.

Носилки дрогнули, закачались. Стало трудно держаться, чтобы не скатиться друг на дружку. Девочки столкнулись, Мариам заплакала – так ей было больно. Алиса постаралась удержать ее, чтобы девочка не ударялась о стены носилок.

Слышно было, как скрипит, поднимается решетка крепостных ворот, как перекликаются стражники, потом носилки закачались мерно, и вскоре Алиса привыкла к этому движению. Они с Мариам даже стали разговаривать.

Пока их везли по пыльной дороге, Алиса узнала, что Мариам десять лет. Она жила в Дамаске со своей мамой. Они отправились с большим караваном в Египет, где у них жили родственники, но по дороге на караван неожиданно напали воины графа де Шатильона, и это было нечестно, потому что сейчас между крестоносцами и арабами объявлено перемирие. Поэтому-то и отправился в Египет мирный караван. Но граф де Шатильон не признает благородных правил. Тогда господин султан Саладин прислал графу сердитое письмо, в котором потребовал немедленно освободить пленных и отдать награбленное добро, но де Шатильон ответил, что он уже распорядился добычей, потому что у него много долгов, и никаких переговоров с неверными он вести не намерен.

Султан Саладин хотел наказать наглого графа, но для этого надо было собрать войско, чтобы взять штурмом его замок Крак де Шевалье. Саладин не хотел новой войны, и он послал гонца к английскому королю Ричарду Львиное Сердце. Тот стоял с войском крестоносцев возле города Аккра, и король Ричард ответил, что раз граф де Шатильон поступил нечестно, то Саладин имеет право его наказать. А английский король вмешиваться не станет.

Как Мариам, сидя в подвале замка, смогла проведать все эти подробности, Алиса не знала, но подумала, что, наверное, в замке есть много слуг и рабов, в том числе арабов, которые и рассказали все девочке. Ведь, судя по всему, это была не простая девочка, а такая, из-за которой сам султан Саладин решил наказать наглого графа.

– А где твоя мама? – спросила Алиса.

Девочка заплакала. Она ничего не знала о судьбе своей мамы. Но думала, что маму тоже подарили этому отвратительному Старцу Горы. Однако, когда Алиса попыталась узнать еще что-нибудь о том Старце, к которому их везут, девочка Мариам начала рыдать и пришлось разговор прекратить, так Мариам боялась этого человека. А когда Алиса ее успокоила, то оказалось, что они уже приехали.

Дверцы носилок открылись. Алиса выскочила наружу, и стражник сразу поймал ее за руку, чтобы не убежала. Хотя Алиса и не собиралась пока убегать.

Перед ними возвышалась странная скала, похожая на крутую пирамиду со срезанным верхом. На вершине – это было видно снизу – прилепилась крепость. Путь к ней шел по узкой тропинке, которая обтекала скалу узкой спиралью.

Подъем к крепости оказался трудным и долгим путешествием – потому что тропинка порой становилась очень крутой и иногда превращалась в лестницу, вырубленную в скале.

Когда они обогнули в первый раз скалу, Алиса удивилась, увидя неподалеку летающую тарелку. Тарелка была так удачно укрыта между обрывами соседних скал, что ее можно было увидеть только сверху. Вокруг тарелки суетились розовые точки, и Алиса догадалась, что именно там находятся посадочная площадка и штаб розовых ящериц.

Чем выше поднимались Алиса и Мариам, тем становилось прохладнее. Здесь уже не было пыли и веял свежий ветерок. В то же время все дальше и дальше открывался вид. Алиса разглядела в отдалении море и холм с замком Крак де Шевалье графа де Шатильона. В другой стороне у самого горизонта виднелся какой-то городок. В море черной полоской с белой ваткой паруса плыл корабль. Над самой головой медленно реял орел.

Какой простор, какой покой – и тут же несчастье, жестокость и смерть! Вот рядом с Алисой стоит девочка, такая слабенькая, беззащитная! Какими же надо быть тупыми извергами, чтобы избивать и мучить ее! И живут ведь, не раскаиваются и только говорят: она же другой расы, другой национальности, у нее другая кровь и она верит в другого бога. А эта девочка так надеется, что пройдут годы и на Земле исчезнут жестокость и подлость. И она будет жить в мире, где царит справедливость, а зло наказывается. Как в сказке.

Но Алиса учила историю. К сожалению, она знала, что много веков люди будут жить дурно, сильные будут угнетать слабых, жестокие – мучить добрых. И в двадцать первом веке Алиса тоже будет встречать нечестных людей. Впрочем, когда она говорила об этом Громозеке, мудрый археолог отвечал: «Если бы все были хорошие, то как бы мы об этом догадались? Не с кем сравнивать».

Вспомнив голос Громозеки, Алиса улыбнулась – скоро, скоро все ее беды кончатся: только бы появился дорогой Громозека!

Наконец они достигли верхней площадки скалы, и, кинув последний взгляд на бесконечную равнину, на голубые горы на горизонте и морскую гладь, Алиса вошла внутрь крепости. Крепость эта куда как уступала замку графа де Шатильона – стены ее были ниже и сложены не так аккуратно, башен вообще не видно, внутри лишь несколько невысоких каменных строений, глядящих открытыми дверями внутрь двора. Половина замка отделена невысокой стеной, в которой лишь маленькая калитка. Оттуда доносилась тихая восточная музыка.

Стражники графа передали пленниц и письмо появившимся из одного из строений молодым людям в черных халатах и белых повязках, удерживающих длинные волосы. За их поясами торчали рукояти кинжалов.

– Фидаи, – прошептала в страхе Мариам. – Убийцы. Ученики имама.

Несколько минут девочкам пришлось простоять под солнцем посреди двора.

Потом из дверей здания чуть побольше других вышел один из фидаев и велел девочкам войти внутрь.

Алиса и Мариам подчинились.

Они прошли через прихожую, на полу которой сидели молодые люди, затем оказались в просторном помещении, вырубленном в скале. Стены и пол его были устланы роскошными коврами, на которых лежали подушки, в дальнем конце комнаты находился мягкий широкий диван, на котором, сложив ноги, сидел нестарый еще человек с длинной черной бородой и в таком же простом черном халате, как у фидаев.

Алиса узнала человека. Она видела его на фотографии, откопанной Громозекой. Теперь она знала, кто был фотографом – одна из розовых ящериц. Разумеется, они проникли и сюда.

Освещалась комната ярким солнечным светом, который проникал сквозь широкую дверь, ведущую на балкон. За балконом Алиса увидела лишь синее небо.

На вершине – это было видно снизу – прилепилась крепость. Путь к ней шел по узкой тропинке, которая обтекала скалу узкой спиралью.

– Подойдите ближе, – приказал человек с длинной бородой.

Он курил кальян – Алиса сразу догадалась, когда увидела это сооружение: длинную трубку, сосуд с водой и дымок, поднимающийся над ним. Алиса когда-то видела похожую картинку на иллюстрации к сказкам «Тысячи и одной ночи». Да и вообще вся эта комната была похожа на картинку к такой сказке.

– Так вот, значит, какие у меня новые гостьи, – сказал чернобородый старик и попытался улыбнуться. Губы у него были такие тонкие и твердые, что улыбнуться ему было невозможно. Но порой он пытался это сделать, и зрелище получалось ужасное, словно улыбался скелет.

Алиса уже научилась понимать арабский язык – ей хватило часового путешествия в обществе Мариам, чтобы узнать достаточно слов для простой беседы.

Старик развернул свиток – письмо от графа де Шатильона – и прочитал вслух:

– «Мой высокий друг, Старец Горы, тайный имам, Повелитель исмаилитов, посылаю тебе с этим письмом двух редких рабынь, которые, наверное, доставят тебе удовольствие. Одна из них, по имени Алиса, будет жить через тысячу лет и может рассказать тебе интересные сказки о том времени. Но будь с ней осторожен, она очень опасна, потому что она хитрая и злобная. Но я думаю, что ты умеешь управляться с дикими кошками».

Старец Горы отвел в сторону руку со свитком и, прищурившись, посмотрел на девочек.

– Я так понимаю, – сказал он, – что Алиса – это та, что повыше ростом и белая волосами. Надеюсь, что ты будешь хорошо вести себя у нас. Иначе мне придется тебя наказать. Я бываю очень строгим.

Сказав так, Старец вернулся к чтению:

– «Вторая девочка, к сожалению, плохо себя вела, и мне пришлось ее наказать. Щеки у нее скоро заживут, а во всем остальном она годится в танцовщицы и по хозяйству, а может, и в жены вашей светлости. Зовут ее Мариам, она хорошего происхождения, и я ее отбил у сарацинов».

Отложив письмо в сторону, Старец Горы спросил у Мариам:

– Правда ли, что ты хорошего происхождения? Но плохо себя вела и тебя пришлось наказать?

Но Мариам ничего не смогла ответить – у нее дрожали губы и слезы катились из глаз.

– Подойдите ближе, – приказал человек с длинной бородой.

– Это правда! – сказала Алиса. Ей было трудно говорить по-арабски, и она понимала, что говорит не всегда правильно и с акцентом. Но это было не самое главное. – Это правда, что Мариам происходит из знатного семейства, а вот все остальное – наглая ложь!

– Ого, – медленно произнес Старец Горы. – Ты и в самом деле дикая кошка! Мне это даже нравится. Продолжай, продолжай, иноземная девочка.

– Мариам мучили, – сказала Алиса. – Ее терзали жестокие люди – вы знаете графа Райнольда де Шатильона и его жену Констанцу?

– Это мои друзья, – ответил Старец. – И я не советую сопливой девчонке говорить о них плохо.

– Мне все равно, чьи они друзья, – ответила Алиса. – Я говорю правду. Они сами сознались в жутком преступлении.

– В каком же? – засмеялся Старец Горы.

– Им нужно было получить... Они допрашивали моего друга Ричарда.

– Что? – Старец прямо подпрыгнул на диване. – Им в плен попался английский король? Он твой друг?

Алиса поняла, что может сейчас воспользоваться недоразумением и обмануть Старца. Но ей было противно его обманывать, и Алиса только отмахнулась:

– Нет, это не тот Ричард. Мой Ричард не король, а старший научный сотрудник.

Алиса видела, как испуг исчез с лица чернобородого старца. Он снова пытался улыбнуться. Алиса продолжала:

– Они воспользовались тем, что Ричард – благородный человек, и стали при нем пытать беззащитную девочку.

– И он во всем признался? – спросил Старец.

– А что ему оставалось делать? Они избили Мариам.

– Вот молодцы, вот умники! – обрадовался Старец Горы. – Настоящие политики. Надо мне ввести этот обычай у меня в замке! Они мучили девочку, а твой рыцарь во всем признался! Ну и ничтожество же он. Совсем не настоящий воин!

– Нет, он настоящий воин.

– Настоящий воин никогда не смотрит на ничтожных женщин. Он их использует и презирает.

– Ну, это мы еще посмотрим, – ответила Алиса.

– Ладно, – сказал тогда Старец. – Уведите их. Мы ими займемся после битвы. Сейчас нам предстоят серьезные дела.

Алиса и Мариам послушно покинули покои Старца Горы и проследовали за фидаем в небольшой каменный дом без окон, примыкавший к стене.

Алиса осмотрелась – приходится привыкать, подумала она, я сегодня уже попала во вторую средневековую тюрьму. Даже интересно.

Мариам села на пол. Она раскачивалась. Не то пела, не то стонала.

– Что с тобой? – спросила Алиса.

– Болит, – сказала Мариам. – Щека болит.

– Давай я посмотрю.

Хоть кровь и остановилась, глубокие царапины потемнели и вздулись.

– Тебе надо немедленно к доктору, – сказала Алиса.

– Нет, – ответила Мариам. – Я боюсь доктора. Я хочу найти маму. Мама знает, к какому хакиму я пойду. Она отведет меня.

Алиса решительно подошла к двери и постучала.

Фидай в черном халате сразу приоткрыл дверь.

– Поглядите! – произнесла Алиса. – Поглядите, в каком состоянии эта девочка. Срочно принесите мне чистой воды. Вы меня слышите?

Ничего не ответив, фидай закрыл дверь. Алиса подождала несколько минут и, хоть Мариам просила ее не сердить фидаев, снова постучала в дверь. Правда, ей и самой было страшновато, но она боялась за здоровье и даже жизнь девочки – ведь на такой жаре в пустыне можно получить заражение крови.

На этот раз в ответ на ее стук дверь почти тотчас открылась, и в сопровождении фидая вошел пожилой горбун в синем халате и высокой шапке. Как Алиса поняла – хаким, тамошний доктор. Он заговорил с Мариам вежливо, тихо, а потом послал фидая за водой, а сам достал из своего широкого пояса бутылочки и баночки и занялся ранами девочки. Алиса успокоилась за судьбу Мариам. Она решила, что теперь можно не спешить – ведь наверняка специалисты из Института Времени достигли уже замка графа де Шатильона, скоро они будут здесь.

Хаким разговаривал с Мариам вежливым и мягким голосом. Он спросил у нее, где она родилась, где жила, почему с ней случилась такая беда. А Мариам доверчиво рассказала ему то, что Алиса уже в общих чертах знала:

– Я родилась в великом городе Дамаске и жила в достатке с моей мамой.

– А твой отец?

– Мой отец погиб в боях с франками, – ответила Мариам. – Но это было давно, и я этого не помню.

– И что случилось дальше?

– Моя мама поехала в Египет, где живут ее сестры и дядя, и взяла меня с собой. Мы поехали с большим караваном, и водитель каравана имел золотой пропуск от всех государей. Включая повелителей франков, которые приехали к нам на кораблях и хотят воевать с моим дядей.

– Кто же твой дядя, с которым хотят воевать неверные? – спросил хаким.

– Мой дядя – повелитель миллиона воинов, – тихо произнесла Мариам, – лев пустыни, гроза неверных, Салах-ад-дин.

Стоявший у дверей фидай в черном халате тихо ахнул и исчез.

Доктор неожиданно поклонился до земли маленькой несчастной арабской девочке и задом выполз из комнаты.

– Что это он так? – удивилась Алиса.

– Не знаю, – ответила Мариам, – очень вежливый.

– Скорее бы нас спасли, – сказала Алиса. – Уже пора. Где же Громозека и спасатели из Института Времени?

Мариам ничего не ответила, потому что не знала ни Громозеку, ни Институт Времени.

– Послушай, – нарушила молчание Алиса, чтобы скоротать время, – а что ты знаешь об этом Старце Горы и его фидаях?

– Ой, – прошептала Мариам, – это ужасные люди. Лучше не говорить о них вслух.

– Как же не говорить, если мы с тобой сидим у них в плену и нас даже подарили этому чернобородому уроду.

– Это исмаилиты... – Мариам шептала так тихо, что Алисе пришлось сесть с ней рядом, подставив ухо к ее губам. – Они верят в скрытого тайного имама.

– А кто такой имам?

– Это такой учитель. Он для них все равно что для нас Мухаммед.

– Значит, они не настоящие мусульмане?

– Они неправильные мусульмане. Они верят, что их Старец Горы и есть тайный имам. Что он даст бессмертие и вечную жизнь всем, кто его слушается. Они хотят покорить весь мир.

– Но как же они вас покорят? – удивилась Алиса.

– У них есть много крепостей. В самых недоступных местах, – шептала Мариам, – куда не могут пройти даже войска самого халифа. Они сидят в них, как стервятники в своих гнездах.

– Ну и пускай сидят, – сказала Алиса.

– Ты не понимаешь, потому что ты неверная, – возразила Мариам. – Ведь дети Исмаила посылают своих людей в разные города и страны, и они убивают всех, кто хочет их уничтожить или стоит у них на пути.

– Зачем?

– Потому что они считают, что самое сильное оружие – это страх. А когда все будут трепетать, дрожать перед ними, то они завоюют весь мир. Для этого у Старца Горы есть фидаи – это такие ужасные люди. Они самые верные рабы Старца. Он что прикажет, то они сделают. И только один человек не боится фидаев – это мой дядя Салах.

Алиса не стала спорить с несчастной девочкой. Ей так хочется надеяться на какого-то дядю. Если так легче, пускай тешит себя.

Главное – сейчас раскроется дверь и войдет спасатель...

Алиса бы не была так спокойна, если бы знала, что происходит у того замка на самом деле.

Глава девятая

Примерно в то время, когда к Мариам явился доктор, из столба пыли, поднявшейся там, где туннель времени выходил в Средневековье, возникла приятная молодая женщина, сотрудница Института Времени по имени Елена Простакова, очень ученая, очень организованная, готовая к любым неожиданностям – настоящий агент Института. Ей уже приходилось вызволять из невероятных ситуаций своих товарищей, и потому она была уверена, что и на этот раз сможет вытащить из прошлого всех, кто туда угодил, – то есть Ричарда, Алису и даже робота Арха. Сам Громозека рад был бы последовать за спасательницей, но, к сожалению, не смог поместиться в эту модель кабины и вынужден был остаться в двадцать первом веке и переживать за судьбу своих друзей.

Елена Простакова, облаченная в одежду средневекового оруженосца и снаряженная не хуже, чем любой крестоносец, подождала, пока уляжется пыль, и стала осматриваться в надежде найти следы пропавших.

Кстати, у Елены был с собой и «ричардоискатель». «Ричардоискатель» – это небольшой приборчик, в котором хранится капелька крови Ричарда Темпеста. На расстоянии километра этот приборчик мог почуять Ричарда, и, чем ближе ты подходил к нему, тем ярче загорался в приборе огонек. К сожалению, Алиса убежала в прошлое без разрешения, и, конечно же, для нее такого прибора не сделали. Ее придется искать обыкновенными способами.

Елена Простакова вышла из круга и обогнула по траве это место. Трава была вытоптана, и следы направлялись вверх, к дороге, которая вела к воротам мрачного замка, оседлавшего низкий покатый холм. По дороге ей навстречу брел пастух, гнавший перед собой небольшое стадо овец. Елена не знала, что за три часа, прошедшие с того момента, как Алиса побывала здесь, пастух со стадом уже добрались до стен замка и теперь возвращались обратно, к деревне, желтые стены глинобитных домиков которой были видны в отдалении.

Разумеется, Елена Сергеевна знала все языки всех народов Средних веков – это обязательно для спасателей. Она начала задавать пастуху вопросы на иврите, арабском, финикийском, арамейском и других тамошних языках, а пастух не отвечал ни на один вопрос, потому что очень испугался странного оруженосца, от которого исходило слабое сияние и некоторый гул. Этот гул издавали приборы, которые берет с собой в прошлое каждый настоящий спасатель.

Не добившись ответа от пастуха, Елена направилась вверх по дороге, к воротам замка. Пастух смотрел ей вслед, а из-под его рубища высунулась розовая голова ящерицы, которая тоже смотрела вслед Елене. И когда спасательница удалилась на солидное расстояние, ящерица включила передатчик размером с горошину, который помещался у ее горла, и сообщила в замок, что из будущего прибыла женщина, изображающая из себя оруженосца. По-видимому, у нее много приборов и приспособлений для спасения человека по имени Ричард и железного урода по имени Арх. Из замка ответили, что передача принята. Ящерица спрятала плоскую голову под одежду пастуха, и тот погладил ящерицу по головке. Пастух любил свою ящерицу. Она была красивой, она разрешала ему днем спать и сама следила за овцами, она даже приводила его в замок и там давала вкусные вещи. За это пастух носил ящерицу, куда она желала, и всегда ее слушался.

Спасательница Елена Простакова остановилась у поднятого моста через ров. Она включила силовое поле и поэтому не боялась стрел или

камней со стены замка, но все равно соблюдала осторожность, и если ее не заметили, то пускай не замечают и дальше.

Конечно, Елене ничего не стоило перепрыгнуть через ров, пользуясь специальными пружинами, укрепленными в подошвах, но это ей ничего не давало, так как на высокую стену не запрыгнуть. Тогда спасательница отошла назад и вытащила из своего рюкзака складные пластиковые крылья, присоединила их к спине и подключила к элементу питания. Это заняло всего минуту. Ящерицы внимательно наблюдали за действиями Елены, глядя на нее между зубцов стены.

Елена включила двигатель, и крылья начали двигаться быстро, словно у пчелы. С легким жужжанием Елена поднялась в воздух и полетела вдоль стены, размышляя, где бы перелететь внутрь замка, чтобы ее никто не заметил. Правда, замок несколько смущал Елену тем, что был слишком уж неподвижен и безлюден, тих и даже казался из-за этого зловещим. К тому же огонек на запястье Елены не зажигался – значит, Ричарда в пределах километра не было.

Елена поднялась над стеной и заглянула внутрь замка. Двор его казался глубокой пропастью. И он был совершенно пуст.

Если бы вместе с Еленой Простаковой была сейчас Алиса, она бы очень удивилась: куда же делись все обитатели замка? Ведь всего два часа назад здесь кипела жизнь.

Осмотрев замок сверху, Елена Простакова осторожно спустилась внутрь двора. Никто ей не помешал. Она осмотрела двор и пришла к выводу, что совсем недавно здесь были люди. Даже очаг в кузнице еще не остыл, даже плита на кухне была теплой. И мухи еще кружились над оставленной в миске похлебкой.

Нет, здесь что-то неладно, сказала себе Елена Простакова. Она постаралась выйти на связь с двадцать первым веком, но связи не было. Дело в том, что связь во времени – штука очень ненадежная. И чаще всего если ты уходишь в прошлое, то лучше на нее не надеяться, а поскорее возвратиться.

Тогда Елена включила локатор – этот локатор показывал, есть ли пустые места в земле или камне или земля под тобой сплошная. При первом же взгляде на маленький экранчик, прикрепленный к запястью, Елена поняла, что под замком находятся обширные и глубокие подземелья. Так что Елена определила, где вход в подземелье, потом вошла в приоткрытую дверь главной башни, миновала не покрытый скатертью длинный

обеденный стол, за который могли бы усесться сразу человек пятьдесят, и остановилась перед небольшой дверью, закрытой на засов.

Перед тем как отправиться в подземелье на поиски Ричарда, спасательница обвела стены и пол вокруг искателем живых существ. Искатель показал, что Елену окружают только мелкие животные: крысы, летучие мыши и ящерицы. И ни одного человека. Так что Елена спокойно отправилась обследовать подземелья, полагая, что в каком-нибудь каменном мешке может быть заточен Ричард, а искатель не показывает его, потому что их разделяет слишком толстый слой камня.

Когда Елена Простакова скрылась за дверью и начала спускаться по каменной лестнице в темноту подземелья, следом за ней туда же побежала розовая ящерица, которую спасательница, к сожалению, не заметила, потому что не подозревала, что космические пришельцы бывают такого вида. Елена светила перед собой сильным фонарем. Если в луч света попадал паук, летучая мышь, мокрица или ящерица, она думала, что все эти существа родились именно в подземелье.

Легкими шагами Елена Простакова обежала подвальный этаж башни, но ничего, конечно же, не отыскала. Тогда она снова включила локатор, и тот показал спасательнице, что под ней находится глубочайшая яма: как бы вторая башня, только опрокинутая вверх ногами – под землю. Получился колодец глубиной в двадцать метров.

Елена Сергеевна стала думать, как ей найти вход в этот гигантский колодец, но все плиты пола казались одинаковыми, и уложены они были так плотно, что между ними не протиснется и лезвие ножа.

Елена медленно шла по плитам, и, когда она дошла до тринадцатой плиты справа от лестницы, то ящерица, что сидела на потолке над головой спасательницы, тонко свистнула. Этот свист донесся до ниши первого этажа башни. Там ждал сигнала уже известный нам пастух. Он стоял возле длинного ржавого железного рычага.

Услышав свист, пастух изо всех сил потянул за рычаг, и тот медленно, со скрипом опустился. И тут же плита, на которую только что ступила спасательница Елена Сергеевна, встала ребром, и молодая женщина, не ожидавшая такой подлости, провалилась в черную дыру.

Ящерица свистнула снова, и пастух поднял рычаг. Плита легла на место и заглушила крик Елены Сергеевны, которая хотела раскрыть крылья, прикрепленные за ее спиной, но не успела – и сильно ударилась о каменное дно колодца.

Елена включила двигатель, и крылья начали двигаться быстро, словно у пчелы.

Ящерица, убедившись в том, что плита вернулась на место, выскользнула из подземелья и через несколько секунд уже улеглась на плечи пастуху. В тонкой лапке она держала дольку сушеной дыни, потому что знала, что ее друг пастух очень любит сушеную дыню.

– Спасибо, мой мальчик, – проворковала ящерица.

– Не стоит благодарности, – ответил пастух. – Ты же мне тоже всегда помогаешь. Но нам пора идти, овечки ждут.

И пастух со своим наездником поспешил прочь из замка, забыв о судьбе несчастной Елены Сергеевны, которая вместо того, чтобы спасти Ричарда и Алису, сама попала в яму, откуда еще никто никогда не выбирался.

Она лежала на каменном полу почти без сознания, так ей было больно. Но, разумеется, она не потеряла присутствия духа – иначе бы она не была спасательницей, а пошла бы в кондитеры или художницы.

Как только Елена Сергеевна немного отлежалась и пришла в себя, она достала из своего специального пояса обезболивающие лекарства. Она проглотила таблетку и подождала, пока та начнет действовать. Пока она ждала, ей показалось, что в страшной, абсолютной тишине каменного мешка она слышит отдаленный шум – словно кто-то пытается сверлить или пробивать чем-то каменную твердь. «Может, это мне кажется?» – подумала отважная спасательница. Но нет – на самом деле в одной из камер, выдолбленных в скале, находился кто-то живой, и он рвался на волю.

«Ричард!» – поняла спасательница.

Ей сразу стало лучше. Вывихнутая нога перестала болеть, и девушка, поднатужившись, вправила ее, кровь перестала течь из рассеченной головы и руки. Елена Сергеевна перевязала себя, заклеила пластырем и включила «ричардоискатель».

Но «ричардоискатель» молчал.

На свободу стремился какой-то другой узник.

Тогда Елена Сергеевна решила, что у нее две задачи: выбраться на свободу, чтобы отыскать все же Ричарда и Алису, а также освободить неизвестного узника, заточенного в подземелье.

Из рукава кожаной куртки оруженосца Елена Сергеевна вытащила длинный бур, в поясе у нее была атомная батарейка, которую она подсоединила к буру. Прихрамывая и морщась от боли, Елена Сергеевна включила пропеллер, прикрепленный за спиной, и взлетела на высоту трехэтажного дома – именно оттуда доносились стуки и шум. Там она включила бур. Вскоре куски гранита начали откалываться от стены и с грохо-

том падать на каменный пол. Елена Сергеевна очень страдала от ран и от тяжести труда. Но когда Елена Сергеевна кого-то спасает, она забывает о себе. Такие все они – спасатели Института Времени.

Спасательницу искренне радовало то, что с каждой минутой шум, издаваемый пленником, который пробивался на свободу, становился все громче.

Глава десятая

После ухода доктора-хакима все сразу изменилось.

Не прошло и минуты, как фидай, который раньше сторожил девочек, вполз в комнату на коленях и ударился головой о ковер.

– О благородные гостьи! – воскликнул он. – Великий тайный имам, мудрый Хуссейн, просит вас пожаловать к нему.

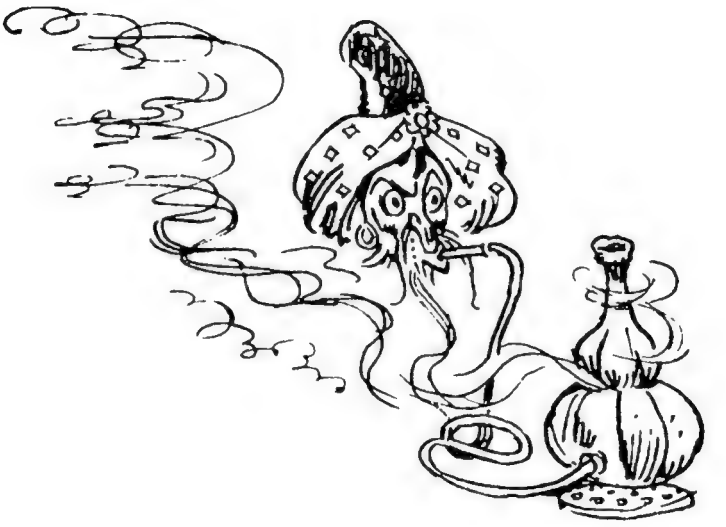
Фидай отполз назад, освобождая выход, и Алиса спросила Мариам:

– Что с ним случилось? Может, наши уже побеждают?

Но Мариам ничего не ответила.

На этот раз Старец Горы встретил девочек у входа и сам отвел к дивану.

– Простите, что я говорил с вами как с простыми рабынями, которых подарили мне франки за некоторые услуги. Но теперь я узнал, что вы не простые рабыни. Так что теперь вы мои гостьи.



«Наверное, дядя Мариам – какой-то важный вельможа», – подумала Алиса.

– Дошло до меня, – продолжал имам Хуссейн, расчесывая черную бороду, – что одаренная милостью Аллаха Мариам по вине неизвестных злодеев жестоко страдала и нашему хакиму удалось облегчить ее страдания. Да пусть о нашей милости и доброте знают во всем мире!

Глаза у Старца Горы были хитрыми, а кричал он так громко, что, наверное, не только в его замке, но и по всей долине разнесся этот крик. Теперь все знали, какой добрый старик обитает в крепости исмаилитов.

Видно, Старец Горы решил, что Алиса недостаточно удивилась, и потому он спросил ее:

– Знаешь ли ты, неверная, но неплохая девочка, о моей власти?

– Я очень мало знаю о вас, – ответила Алиса.

– Наверное, враги мои и злопыхатели поведали тебе о моих страшных преступлениях? Ну, признавайся, поведали?

– Извините, – сказала Алиса, – но мне еще не приходилось разговаривать с вашими врагами.

– Врешь, врешь, по глазам вижу, что врешь! – закричал Старец и даже подпрыгнул на подушках. – Неужели тебе не рассказывали, как я собираю по деревням самых глупых и послушных мальчиков, а потом воспитываю из них страшных убийц – фидаев? Неужели франки не рассказали тебе, как я приучаю молодых людей к отвратительному наркотику – гашишу и поэтому они, эти франки, и называют моих мальчиков ассасинами: гашишины-ашишины-ассасины, понятно? Будто мои мальчики всегда не в себе. Не знаешь?

– Не знаю, – призналась Алиса.

– А что перед тем, как послать их на задание, я отправляю их вон на ту половину крепости, где есть прекрасный сад, где красивые девушки поют песни и танцуют, где мальчикам дают любые сладости и напитки, и потом я говорю им: это вы побывали в раю! Если вас убьют, когда вы выполняете мое задание, знайте, что вы навсегда попадете в такой рай! – И Старец Горы расхохотался тонким голосом.

– И неужели они верят?

– Верят! – ответил Старец. – Еще как верят! Я же говорю, что самых тупых отбираю, а потом еще их наркотиками отравляю!

– Это подло! – сказала Алиса.

Старца Горы слова Алисы позабавили.

– Я же пошутил! – смеялся он. – Я всегда шучу! Я самый главный шутник во всем мире.

Отсмеявшись, Старец Горы продолжал:

– А если не шутить, то я должен сказать вам, мои гостьи, что моя цель – сделать всех людей счастливыми. А как?

– Как же вы хотите сделать всех счастливыми? – спросила Алиса.

– Для того чтобы люди стали счастливыми, – ответил Старец добрым голосом, – надо, чтобы все меня слушались, потому что только я один знаю истину. Только я один знаю, что нужно людям! Но люди – это стадо свиней! Они не понимают своего счастья. Мне приходится вбивать в людей счастье палками... И я это делаю! Главное – полное и абсолютное послушание! Вы мне не верите?

Глаза Старца сверкали страшным черным зловещим блеском. Тонкие губы раздвигались, как шрам от удара саблей. Он казался сумасшедшим. Но если он и был сумасшедшим, то очень опасным.

– Хочешь увидеть, что значит моя полная власть? Власть, которая сильнее страха?

Старик вскочил и быстрыми шагами вышел на балкон. Балкон нависал над пропастью – земля была далеко внизу, и в первый момент Алисе захотелось спрятаться обратно в комнату. Бесконечная равнина открывалась перед глазами, но так как уже наступила вторая половина дня, то дали заволокло мглой.

– Видишь? – Старик показал на наблюдательную площадку выше их, на углу крепости.

Там стоял фидай в черном плаще с белой повязкой на лбу. Он внимательно всматривался в даль.

– Видишь, как он молод и красив? – кричал старик. – Представляешь, какая долгая жизнь предстоит ему? Какая у него будет красивая невеста и какие у него вырастут чудесные дети?

– Представляю, – сказала Алиса, сжимаясь от ужаса.

– Так этого не будет, не будет, не будет, потому что я этого не хочу!

– Не надо! – вырвалось у Мариам.

– Эй, Ахмет! – позвал старик.

– Я здесь! – откликнулся молодой страж.

Старец поднял руку. Рукав упал к плечу и обнажил коричневую старческую кожу.

Юноша колебался.

– Ну! – подхлестнул его Старец. – Тебя ждет счастье!

И вдруг – Алиса даже не успела закричать – юноша сделал большой шаг вперед и... рухнул вниз!

Его тело, как тряпичная кукла, медленно-медленно падало к острым скалам на невообразимой глубине. А Старец разинул от наслаждения рот. Так ему было приятно, что по его зловещей воле погиб молодой человек.

– Вы изверг! – воскликнула Алиса. – Вас судить надо.

– Я имам, я повелитель! Я господин всего мира!

Слова Старца срывались с его губ и летели над долиной. Алисе хотелось плакать.

А Старец радовался тому, как он напугал девочек.

– У меня много врагов, – говорил он, расхаживая по балкону. – Но они погибают один за другим. И мне помогает вражда между моими врагами. Как только я пожелаю смерти одного, приходят друзья и говорят: а не поможешь ли ты нам, великий имам, убить еще одного султана? Или короля? Или графа? Ах, говорю я, почему бы не помочь хорошему человеку!

– И поэтому вы подружились с этими гадкими розовыми ящерицами? – спросила Алиса.

– Они лучшие союзники и друзья, какие у меня были за много лет, – ответил Старец. – Вы и не представляете, как они мне полезны! Они дают мне разные нужные вещи, они помогают мне убивать непокорных...

– Но моего дядю вам не убить! – неожиданно закричала Мариам. Алиса даже не ожидала, что она может так зло кричать. – Он вас самого убьет!

– Мой милый ребенок. – Старец заговорил нежно-нежно, словно мед сочился из его уст. – Как ты ошибаешься! Твой дядя очень меня боится. Но это не спасет его. Мои друзья розовые дракончики подсказали мне, где он будет сегодня. И нет ничего легче, чем послать туда верного фидая. Он убьет твоего дядю. Очень скоро он убьет его и тут же, как и положено фидаю, покончит с собой, ибо никто не должен узнать моих тайн.

– Где он? Его надо остановить! – воскликнула Мариам.

– Поздно. Армии уже сближаются. Твой дядя уже почти убит. Кинжал занесен над ним.

Мариам упала на пол и заплакала.

И вдруг, неожиданно для Алисы, Старец наклонился к девочке и осторожно поднял ее.

– Не плачь, все будет хорошо! – прошептал он.

– Ничего не может быть хорошо! – плакала Мариам. – Злобный франк напал на наш караван и убил мою мамочку! Твой фидай убьет моего дядю, и я останусь одна на свете!

– Нет, моя дорогая девочка, – сказал Старец. – В этом и есть чудо драгоценного дара, который сделали розовые дракончики. После смерти твоего дяди ты останешься последней в династии Айюбов. Ты унаследуешь Сирию и Египет. А это значит, что унаследую их я как твой опекун и любящий приемный отец.

– Нет, этому не бывать! – закричала Мариам, вырываясь из цепких рук имама.

Старец хлопнул в ладоши, и тут же появился доктор-хаким. Словно ждал под дверью.

– Дай успокоительного принцессе египетской, – велел он.

Хаким протянул Мариам чашку. Та сначала отказалась, но потом покорно выпила.

Старец между тем смотрел на долину. Затем шагнул к столику, стоявшему на балконе, и схватил с него подзорную трубу. Алиса сначала даже не сообразила, что у средневекового имама не может быть подзорной трубы. Да еще с такими большими линзами.

– Это подарок дракончиков, – сказал Старец, словно угадал невысказанный вопрос Алисы. – У меня много таких подарков. Недаром мои рабы копают для драконов медь, свинец и другие металлы и камни в наших ущельях. Без меня дракончики как без рук!

Старец поднес трубу к глазу и воскликнул:

– Они идут!

Потом добавил:

– Пойдем ко мне в комнату. Я покажу тебе такое, чего нет ни у одного султана и даже самого халифа.

Старец сделал знак хакиму, тот поднял с пола сонную Мариам и, внеся в комнату, положил на подушки.

Затем имам тоже прошел в свою комнату, откинул ковер со столика возле дивана, и Алиса увидела экран вроде телевизионного. Вот уж не ожидала увидеть ничего подобного!

Старец уверенно включил прибор, и Алиса поняла, что экран показывает отдаленный участок долины, покрытой тучей пыли. Старец стал настраивать изображение, и оно стремительно приближалось. Вот уже стали видны отдельные всадники. Алиса увидела, что впереди войска, окруженный арабами в высоких тюрбанах и позолоченных шлемах, едет смуглый человек с правильным красивым лицом, обрамленным небольшой бородкой. Конь под всадником был белым, белым был и плащ.

Алиса поняла, что экран, наверное, связан с небольшим наблюдательным спутником-шпионом, который сейчас завис над войском. Она уже догадалась, что видит: человек с бородкой – командующий арабской армией.

Но все же спросила:

– Это твой дядя, Мариам?

Мариам откликнулась сонным голосом:

– Это мой дядя Салах.

– Да, это последний султан из рода Айюбов, – подтвердил Старец Горы. – Который погибнет в этом сражении.

Потом имам подстроил картинку и показал Алисе панораму долины. И Алиса увидела другое войско, которое приближалось к армии дяди Салаха.

Впереди того войска ехали рядом граф де Шатильон и рыцарь Солсбери. За ними несколько незнакомых Алисе рыцарей. Они были одеты куда тяжелее, чем арабы, кони их, тоже покрытые кольчугами, с трудом

переступали по вязкой пыли. Порой пыль полностью застилала изображение.

Потом стали видны пехотинцы – Алиса поняла, что тяжелые рыцари графа де Шатильона составляют лишь малую часть войска крестоносцев. В основном оно состояло из пехотинцев в кожаных или кольчужных рубахах и в тяжелых шлемах. Эти люди с трудом брели по жаре, волоча за собой копья и мечи.

Враждебные армии двигались все медленнее и наконец остановились друг против друга.

К сожалению, не было слышно звука. Но ведь раз ящерицы смогли сделать такой передатчик, значит, должен быть звук.

Алиса подошла к монитору и внимательно пригляделась к нему. Конечно, он был неземного изготовления, но Алиса понимала, что его, вероятно, ящерицы сделали специально для человеческих пальцев, ушей и глаз. Значит, и она сможет разобраться.

– Не смей подходить! – рассердился Старец. – Сломаешь что-нибудь. Я за это волшебное сокровище отдал годовую добычу золота со всех моих рудников.

– Не бойтесь, – сказала Алиса. – Не сломаю. Мы такое в школе проходим. Во втором классе.

Одного взгляда ей было достаточно, чтобы понять, что Старцу просто забыли сказать, как включается звук. Или он от старости забыл об этом. Алиса нажала на кнопку, и комнату заполнил невнятный суровый гул надвигающегося боя.

– О! – признал ее достижение Старец. – Я оставлю тебя здесь. Ты будешь ухаживать за моими машинами.

Загудела труба. Это был сигнал к бою.

Дядя Салах – полное имя которого Салах-ад-дин, или Саладин, Алиса вспомнила только сейчас – поднял руку: сейчас он прикажет коннице скакать вперед.

– Смотри! – закричал Старец. – Сейчас это случится! Сейчас твой проклятый дядя погибнет, и мы с тобой станем наследниками всего мира, моя приемная дочка!

Но в этот момент что-то сорвалось в зловещих планах Старца Горы. С отвратительным криком он отшатнулся от экрана и, не выпуская из рук подзорной трубы, кинулся на балкон. Там он приставил трубу к глазу и замер, часто постукивая по полу пяткой.

Алиса внимательно смотрела на экран и, когда пыль на секунду отнесло ветром, увидела, что к месту начинающегося боя подъезжает еще одна группа рыцарей-франков.

Впереди скакал знаменосец, который держал в руке красное знамя с вышитыми на нем тремя золотыми львами. За ним ехал на черном громадном коне мощный белокурый рыцарь в алом плаще, но без шлема. Замыкали группу шесть или семь богато одетых рыцарей и толпа оруженосцев и слуг.

Белокурый рыцарь сразу оценил обстановку и направил своего вороного коня на невысокий холм, возвышавшийся как раз между армиями врагов, но чуть в стороне от их центра. Когда белокурый рыцарь оказался на вершине холма и знамя развернулось под ветром рядом с ним, оказалось, что он как бы вознесся над остальными – копыта вороного коня оказались на уровне голов сарацинов и франков.

– Злые духи прислали мне короля Ричарда! – злобно произнес Старец. – Мне вовсе не нужны лишние свидетели.

– Это король Англии Ричард Львиное Сердце? – спросила Алиса.

Несмотря на всю тревогу, владевшую ею, Алиса ощутила странное радостное чувство: ты читаешь, слышишь о человеке – и вдруг видишь его наяву. Как любимого писателя или космонавта!

– Да, это он, проклятие злых духов, вонючий шакал!

– А чего же вы так его испугались? Он будет сражаться против Саладина?

– Не будет он сражаться, – отмахнулся Старец Горы. – Сейчас перемирие, и этот проклятый рыцарь всегда соблюдает все правила и договоры. Но, видно, какая-то гадкая птичка донесла ему, что сегодня будет битва между Шатильоном и Саладином. Вот и примчался поглядеть. Его хлебом не корми – дай поглядеть на битву или турнир! Мальчишка проклятый, да сразит его стрела справедливости!

– Или ваш убийца? – спросила Алиса.

– Или мой убийца, – твердо ответил старик.

Но Алиса-то знала из учебника истории, что Ричард Львиное Сердце благополучно возвратится из Палестины, и не боялась, что фидаи до него доберутся.

При виде рыцаря в красном плаще франки графа де Шатильона начали радостно кричать и размахивать копьями и мечами. А среди воинов Саладина произошло некоторое замешательство, и передние ряды подались назад, оставив Саладина в одиночестве.

Откуда-то, словно из-под копыт коней, выбежал фидай в черном халате, подобранном под пояс, чтобы не мешался, в руке его блеснул кинжал.

Фидай подпрыгнул, занеся руку с кинжалом, и все это произошло так быстро, что никто не успел пошевелиться или прийти на помощь султану. Но тот был начеку.

Каким-то чудом султан Саладин успел перехватить руку фидая, и тот повис в воздухе, пойманный во время прыжка. Он извивался, как змея, но ничего не мог поделать. Саладин уже готов был отбросить неудачливого убийцу, но тут Алиса увидела, как в разрезе черного халата возникла розовая мордочка ящерицы, затем показалась розовая лапка с маленьким бластером – как молния сверкнул луч, и Саладин, пошатнувшись, начал валиться с коня.

Алиса ахнула от ужаса и отвращения к злобному старику.

Но фидай не успел воспользоваться ранением султана, потому что охрана Саладина уже опомнилась и множество мечей и копий вонзились в убийцу. Алиса увидела, как под ногами коней мелькнула, убегая, розовая ящерица, которая так хотела помочь убийце.

– О великий Аллах! – кричала девочка Мариам. – Как ты терпишь такое злодейство!

Оказалось, она очнулась и смотрела на экран.

Старец Горы стоял на балконе, бессильно опустив руку с подзорной трубой.

– Бездельник, – хрипло произнес он, – ничего нельзя доверить! Зачем я вас учу, если вы не можете вонзить кинжал в плоть ничтожного султана? О крушение моих планов!

Старец вошел в комнату.

Мариам метнулась в угол, словно она была виновата в том, что Старцу не удалось убить ее дядю.

Но Старец не обратил на нее внимания. Он впился взором в экран монитора.

– Может, он все же подох... – бормотал тайный имам.

Но Алиса увидела, как Саладина подняли обратно в седло. Правой рукой он придерживал левое плечо, куда попала лучом розовая ящерица. Сквозь пальцы сочилась кровь. Охрана пыталась увести Саладина с поля боя, но он и думать об этом не хотел.

Здоровой рукой он высоко поднял меч и, пришпорив коня, поскакал на войско франков.

И все его воины в едином порыве кинулись за своим раненым вождем.

– Нет, он погибнет, – шептал Старец Горы. – Он обязательно погибнет. Он должен погибнуть!

Началась отчаянная сеча, и в поднявшейся пыли Алисе трудно было понять, где там свои, где чужие, – а для нее своими были арабские всадники султана Саладина, а чужими – крестоносцы. Вот как бывает, если столкнешься с историей наяву!

На несколько секунд пыль отнесло поднявшимся ветром, и Алиса увидела, что Ричард Львиное Сердце в красном плаще и его спутники не вмешиваются в бой. Они неподвижно, как статуи, стоят на пригорке, под знаменем с тремя львами.

Поднявшаяся пыль снова скрыла и короля Ричарда, и сражавшихся. Лишь звон металла, крики, проклятия, стоны, стук подков доносились с экрана.

Старец Горы метался по комнате, издавая дикие крики, как болельщик на стадионе, который видит, что его любимая команда проигрывает решающий матч, но ничем не может помочь.

По стене прокатился, упал на пол камешек – Алиса подняла глаза и успела увидеть, как в щель под потолком спряталась розовая ящерица. Так вот где они здесь таятся! Впрочем, было бы наивно думать, что ящериц не допускают на скалу исмаилитов.

Глава одиннадцатая

Битва продолжалась недолго, хотя Алисе показалось, что прошло несколько часов. Но, судя по всему, франки не успели собрать на помощь других рыцарей, а может быть, никто и не захотел защищать графа де Шатильона. И видно было, как то тут, то там франки начинают отступать.

Ящерицы, как удалось заметить Алисе, старались помочь своим союзникам, но, видно, больше боялись за себя. Некоторые из них таились по окрестным холмам и тайком стреляли из бластеров. Им удалось убить и ранить некоторых сарацин, но это не повлияло на ход боя: все равно тяжелые рыцари в жаре и пыли стали жертвами быстрых всадников Саладина, а пехотинцы один за другим покидали поле боя. Сарацинские всадники догоняли их, либо убивали, либо брали в плен.

Алиса увидела, что Ричард Львиное Сердце в красном плаще и его спутники не вмешиваются в бой.

Бой все приближался к скале, на которой стояла крепость исмаилитов. С балкона уже можно было различить в громадном клубе пыли отдельные фигурки. А там, откуда бой ушел, в пыли валялись убитые и раненые бойцы. Как махонькие куколки, как раздавленные муравьи.

«Нельзя же!» – думала Алиса. Нельзя же воевать. Ведь воевать желают не те, кто погибает, не невинные люди, они хотят жить, как тот молодой фидай, которому Старец Горы приказал кинуться в пропасть. Те, кто хочет войны, умирают не на поле боя. Вот и эта война началась уже много лет назад, когда крестоносцы пришли сюда, чтобы завоевать Иерусалим. Жестокий толстяк Райнольд де Шатильон напал на мирный караван, убил мать Мариам и издевался над ее дочкой... Война нужна Шатильону! И Ричарду Львиное Сердце.

Алиса не успела додумать до конца, потому что в этот момент окончательно решилась судьба сражения – сломленные франки, бросая оружие, погоняя коней, ринулись с поля боя. Но бежали они не к замку де Шатильона, а сюда, к скале – убежищу Старца Горы.

Старец, наблюдавший бегство в подзорную трубу, отбросил ее и ворвался в комнату с криком:

– Сюда нельзя! Никто не должен знать, что мы союзники. Я с ними незнаком!

Алиса так удивилась, что не удержалась и сказала:

– Но ведь все видели, как ваш фидай хотел убить султана Саладина!

– Нет! – закричал старик, дергая себя за черную бороду. – Это был не мой фидай, это был чужой убийца. Вы ничего не докажете!

И Алиса поняла, что этот изувер и страшный фанатик – на самом деле трус. Но ей от этого было не легче. Ведь такие трусы – самые опасные. А вдруг он решит избавиться от Алисы и Мариам, чтобы никто не узнал, что они получены им в подарок от графа? Ведь они свидетельницы того, что он хотел убить Саладина и с помощью несчастной Мариам завладеть его троном.

На экране монитора было видно, как сарацины окружают рыцарей. Вот сдаются графиня Констанца и храмовник Солсбери, вот стаскивают с коня отчаянно сопротивляющегося графа де Шатильона. Его волокут к Саладину, граф валится на пузо и едет, как пингвин с ледяной горки.

По пустыне неслись, прижимаясь к песку и стараясь остаться незамеченными, розовые ящерицы – все они стремились к своему кораблю,

который был спрятан за скалой Старца Горы. Ящерицы были покрыты пылью, и их никто не замечал.

Алиса переключила монитор на корабль: вокруг него царила страшная суета, сотни, а может быть, и тысячи ящериц тащили внутрь какие-то ящички, ящики, тюки, пакеты, коробки – видно, рассудили, что лучше утащить, что уже добыто, чем потерять все, втянувшись в земные войны.

– Смотрите, госпожа! – воскликнула Мариам, дергая Алису за рукав.

Алиса увидела, что по степи к кораблю пришельцев несется, подпрыгивая, телега, запряженная четверкой коней. На телеге – клетка, в которой сидит скованный человек. Да это же Ричард!

Вот он поднялся и трясет прутья клетки, стараясь освободиться.

Значит, граф де Шатильон потащил Ричарда за собой в битву, не захотел оставлять его в замке. А теперь ящерицы спешат отвезти пленника на корабль.

Это зрелище могло показаться смешным, хотя Алисе было не до смеха. Лошади были буквально облеплены ящерицами, десятки их бежали по равнине, натягивая поводья коней, другие взобрались им на спины и щипали, били, погоняли несчастных животных, которые неслись, потеряв от страха рассудок.

– Мы должны спасти Ричарда! – закричала Алиса и кинулась вон из комнаты.

Но в дверях стоял мрачный фидай, который выставил ладонь. Алиса натолкнулась на нее и отлетела обратно в комнату.

– Это еще что такое! – рассердился Старец Горы, только сейчас заметивший ее попытку к бегству. – И не мечтай! Ты останешься со мной и будешь мне защитой. Пока ты у меня – мне ничто не грозит.

И Старец заквакал, растянув лягушачий рот.

Алисе пришлось подчиниться. Она была уверена, что обязательно убежит, вырвется. Но главное теперь – спокойствие и выдержка. Ей уже приходилось попадать в безвыходные положения. И она знала, что и в безвыходных положениях всегда найдется выход.

Поэтому Алиса сделала вид, что ничего не случилось, и стала глядеть на долину внизу. И вовремя. Потому что телегу с плененным Ричардом заметили и настигли всадники Саладина. При виде их розовые ящерицы ринулись в разные стороны.

Некоторые из них выхватывали бластеры и стреляли, но лучи бластеров не могли пробить кольчугу. Видно, что смертельно для ящерицы длиной в локоть, вовсе не столь опасно для человека. Из-за этого ящерицы не могли участвовать в сражении – только путались у всех под ногами. Пожалуй, союзникам лучше на ящериц не надеяться. Каждый спасается как может.

Понял это и Старец Горы.

– Убрать лестницы! – закричал он. – Закрыть ворота! Чтобы ни одна муха не проникла в мою крепость!

И как бы в ответ на этот дикий крик из-за дивана показались две розовые ящерицы. Они скользнули к двери и исчезли.

Тем временем всадники Саладина подскакали к скале Старца Горы, воины окружили телегу, но клетку не раскрывали. Ричард стоял, держась руками за прутья, и тяжело дышал. Ни одной ящерицы не было видно – они все скрылись в корабле по ту сторону скалы.

К Ричарду подскакала кавалькада: впереди султан Саладин, следом его свита – эмиры, ханы, шахи и другие начальники. Затем, чуть отстав, но спокойно и уверенно, к этому месту подъехал и Ричард Львиное Сердце в алом плаще и под красным знаменем с тремя золотыми львами. Он был похож на богатого туриста, попавшего на бой быков.

Чуть далее, окруженные арабскими всадниками, медленно брели связанные пленники – союзники розовых ящериц. Может быть, Алиса и пожалела бы графа и графиню Шатильон, но рядом с нею стояла девочка Мариам. И Ричард был так избит, словно по лицу его били молотком – а они наврали, что его и пальцем не тронули!

Алиса увидела, что по степи к кораблю пришельцев несется, подпрыгивая, телега, запряженная четверкой коней. На телеге – клетка, в которой сидит скованный человек. Да это же Ричард!

Войско скопилось вокруг телеги с Ричардом, и постепенно наступила тишина. Алиса думала, что Саладин, подъехавший к Ричарду, сейчас заговорит с ним, но вместо этого султан обратился к английскому королю, который сидел на таком большом коне и сам был так велик, что султан рядом с ним казался мальчиком.

– Добрый день, великий король, – произнес Саладин на языке франков.

– Добрый день, султан, – ответил король Ричард.

– Что привело тебя сюда? – спросил Саладин.

– Мне донесли, – сказал Ричард, – что ты решил напасть на благородного графа де Шатильона и рыцарей-храмовников. Я поспешил сюда, чтобы убедиться, не нарушили ли вы перемирие.

– Перемирие между войском Аллаха и неверными не нарушено! – ответил султан. – Я пришел сюда не для войны, а чтобы вернуть мою честь.

– Кто обидчик твой? – спросил английский король.

– Здешний граф Райнольд де Шатильон, – произнес Саладин.

– Это он нанял фидая, который хотел убить тебя?

– Я не знаю, кто нанял жалкого убийцу, но прислал его Старец Горы, и я накажу его.

– Так чем же граф оскорбил твою честь, сарацин?

– Хоть я и не обязан говорить о таких вещах с неверными, тебе, как смелому и справедливому рыцарю, я скажу: граф де Шатильон напал на мирный караван, с которым путешествовали в Египет моя сестра и ее маленькая дочка. Он ограбил караван, он убил мою сестру. Он захватил подарки, которые я посылал с сестрой в Египет, и захватил в плен дочь моей сестры, мою любимую племянницу Мариам.

Саладин произнес эти слова срывающимся голосом.

– Не может быть! – возмутился английский король. – Неужели это правда, граф де Шатильон?

– Не может быть мира с неверными! – откликнулся хриплым голосом граф. – Я их уничтожал и буду уничтожать, как бешеных собак!

– Ты можешь уничтожать их в честном бою, – сказал английский король. – Но как ты посмел напасть на мирный караван в дни перемирия и убить женщин и детей?

– Эти женщины и дети, – с презрением воскликнул граф, – сами напали на моих людей! А меня там даже и не было. Я ничего об этом не знаю.

– Это ложь! – Саладин сделал знак, и из толпы воинов вышел старик с перевязанным глазом. – Вот, король, один из караванщиков. Ему удалось спастись. Он тебе все скажет.

– Что мне слова твоего караванщика, султан! – ответил английский король. – Против них есть слова знатного вельможи Франции и Иерусалимского королевства.

– Но моя сестра и племянница погибли!

– Я ничем не могу тебе помочь. Мне мало свидетелей, которых ты представил, – сказал английский король. – Поэтому я объявляю перемирие прерванным и завтра же начинаю штурм крепости Аккра.

Ну как сказать ему? Как донести до него правду! Алиса сжала кулаки. Неужели не найдется больше ни одного честного человека? Ричард, который стоит в клетке, наверное, не подозревает, что девочка, которую пытали из-за него, и есть племянница султана. Констанца же и рыцарь Солсбери никогда не признаются.

– Нет! – услышала Алиса крик Мариам. – Я так больше не могу!

Алиса не успела остановить девочку, та бросилась на балкон. Она тянула руки вниз – но люди, что казались близкими на экране монитора, на самом деле находились очень далеко. Если бы король Ричард поднял голову, он увидел бы лишь маленькую фигурку.

И тут в отчаянии девочка Мариам вспрыгнула на парапет и, широко расставив руки, кинулась вниз с балкона.

Алиса в ужасе закрыла глаза руками.

Глава двенадцатая

К сожалению, в нашем рассказе мы совсем забыли о Елене Простаковой – отважной спасательнице, которая по недоразумению попала в подземные казематы замка Крак де Шевалье. Но Елена не из тех, кто сдается перед лицом трудностей. Вы можете замуровать ее в скалу, опустить на морское дно, выкинуть в космос, но, как и положено отважной спасательнице Института Времени, она всегда найдет выход из положения. И не раз уже находила.

Мы оставили спасательницу в тот момент, когда она, прижавшись к стене колодца, старалась просверлить в камне туннель, чтобы помочь неизвестному пленнику, который пробивался сквозь гранит ей навстречу.

Два раза она обессиленно падала на пол. Но каждый раз вставала и снова, как муха, поднималась к потолку.

Пропеллер с трудом удерживал ее на весу, но с каждой секундой работать становилось все легче, потому что спасательница вскоре пробила в стене нишу, которая постепенно превратилась в туннель, вернее в глубокую нору.

Вот уже можно выключить пропеллер и вытянуться во весь рост на животе.

Елена Сергеевна замерла и целую минуту лежала неподвижно, затаив дыхание. Она старалась понять, откуда и в каком направлении пробивается неведомый узник, на помощь которому она спешит.

Вот этот звук! Кто-то скребся совсем близко – правда, теперь Елене пришлось долбить свой лаз правее, чтобы не промахнуться.

Забыв об усталости, спасательница вгрызалась буром в скалу и ловко сбрасывала отколотые камни назад, так что камни вылетали из ее норы, как из пушки.

Елена Сергеевна так увлеклась своей работой, что забыла о времени. Она и не подозревала, что наверху, в пыли и грохоте, идет самое настоящее сражение, что Алиса и девочка Мариам смотрят за ним со скалы, где находится крепость Старца Горы.

Когда Елена остановилась в очередной раз, чтобы прислушаться, она поняла, что неведомый узник находится всего в метре от нее – еще чуть-чуть, и она его спасет!

Но удивительное дело: словно услышав о том, что спасение близко, узник прибавил прыти и принялся уводить свой лаз в сторону – испугался, что ли?

Тогда спасательница тоже прибавила скорости.

Узник еще больше заторопился.

Спасательница чувствовала, что уже догнала его, что роет ход параллельно с его ходом. Они были как два земляных червя, которые устроили соревнования, кто скорее прокопает лаз под грядкой.

И тут Елена сообразила, что делает лишнюю работу; она взяла левее и через три минуты оказалась в только что проделанном туннеле.

Туннель этот был заполнен камешками и песком, которые оставил узник – ведь он тоже отбрасывал назад камешки, которые отбивал от скалы. Так что Елене было нелегко дышать, к тому же она страшно устала, несмотря на то, что была очень выносливой.

– Ну, давай, немного осталось! – крикнула Елена сама себе.

Из последних сил она устремилась вперед, как крот, отбрасывая камни и песок, и еще через минуту луч ее фонаря уловил движение впереди – металлические подошвы отбрасывали ей в лицо куски породы. Вот он – узник!

К счастью, фонарь Елены был пуленепробиваемый. Доставалось только лицу. Но Елена протянула вперед руки и схватила узника за ноги.

Тот отчаянно сопротивлялся. Он же не знал, что его спасают; наверное, думал, что за ним гонятся.

Он тащил Елену как на буксире, только не сквозь воду, а сквозь каменные крошки, что, конечно же, куда больнее для пловца.

Неизвестно, сколько это могло бы продолжаться. Вернее всего, спасательница бы погибла. Но впереди оказалось пустое пространство – большой подвал. И узник, которого Елена держала за дергающиеся металлические ноги, вывалился в подвал и потянул за собой Елену, которая упала на него сверху.

Оглушенные, они замерли.

Первым очнулся неизвестный узник. Он попытался убежать от Елены, но она смогла снова схватить его и громко сказала:

– Нет, голубчик! Ты спасен и можешь меня благодарить.

– Я не просил меня спасать! – раздался высокий тонкий голос. – Я сам спасаю Ричарда.

Елена Сергеевна зажгла свой фонарь и увидела, что по ошибке спасла вовсе не Ричарда Темпеста и даже не какого-нибудь другого человека, а странного на вид шарообразного робота с длинными руками и короткими ногами, неизвестно как оказавшегося в глубоком подземелье замка Крак де Шевалье в конце двенадцатого века нашей эры.

– Ты никого не можешь спасать, – заявила Елена Сергеевна, – потому что ты не спасатель и вообще неизвестно, кто ты такой.

– Я археологический робот первого класса по имени Арх. А вот с кем имею честь говорить, не знаю.

– А я спасатель Института Времени Елена Сергеевна Простакова. Я прибыла сюда из двадцать первого века.

– Вы не очень спешили, девушка, – сказал на это археологический робот. – Пока вы собирались, нас всех могли перебить, отдать в рабство и посадить в тюрьму.

Елена Сергеевна Простакова немного обиделась.

– Во-первых, – произнесла она, – как только я получила сигнал тревоги, я бросила все и кинулась сюда.

– Что такое – все? – строго спросил маленький робот.

Его бока были покрыты пылью и каменной крошкой, а кое-где даже помяты. И некоторые из инструментов, которые служили ему пальцами, были погнуты и обломаны.

– Я только-только села за стол, – призналась спасательница, – на моем дне рождения.

– И сколько же вам лет, спасатель?

– Мне уже двадцать два года, – ответила Елена Сергеевна. – Но, к сожалению, я слишком молодо выгляжу.

– Это исправимо, – утешил робот. – Но я бы не дал вам... поверните фонарь, чтобы мне лучше было видно... спасибо. Я не дам вам больше восемнадцати!

– Хватит разговорчиков. Спасая вас, я потеряла много времени. Мне пора спасать Ричарда и Алису, – сказала Елена.

– А вы думаете, я чем занимался? – удивился робот. – Ведь я пробивался именно сюда. В это подземелье.

– Почему?

И узник, которого Елена держала за дергающиеся металлические ноги, вывалился в подвал и потянул за собой Елену, которая упала на него сверху.

– Да потому что я подслушал, что здесь они содержали Ричарда Темпеста.

– А где он теперь?

– Коллега, не задавайте глупых вопросов, – ответил робот Арх. – Вы же видите, что его здесь нет.

Спасательница согласилась с роботом и быстро провела лучом фонаря по стенам подземелья. И не зря. Возле железной двери на стене было выцарапано чем-то острым:

«Меня уводят. Граф не хочет меня оставлять. Ричард».

– Вот видите, – сказал робот. – Я же знал, где искать.

– А я думаю, что теперь надо отыскать графа. Где граф, там и Ричард, – заметила спасательница.

– Замечательная мысль! – воскликнул робот. – Может, вы знаете, где Алиса?

– Нет еще. Но я ее тоже спасу.

– Тогда не будем терять время понапрасну.

Робот подбежал к железной двери и отворил ее. Никакой охраны поблизости не было. Каменная лестница вела наверх.

Елена Сергеевна, сопровождаемая археологическим роботом, поспешила наружу, хотя, конечно же, ей больше всего хотелось отдохнуть.

Они пробежали через пустой двор. Ворота в крепость были приоткрыты – так спешили в бой стражники графа. Правда, на склоне холма Елена Сергеевна увидела пастуха, который медленно брел за стадом овец. И она подумала: что-то уж очень долго здесь гуляет одинокий пастух. И в этот момент археологический робот произнес:

– Что-то не нравится мне этот пастух. Когда мы с Алисой здесь проходили несколько часов назад, он уже здесь ошивался.

Спасательница подошла к пастуху. Тот очень удивился, увидев ее и робота. Но не убежал.

– Скажите, – спросила спасательница, – куда повезли нашего друга Ричарда Темпеста?

– И мою подругу Алису Селезневу? – спросил Арх.

Спасательница задала свой вопрос на арамейском языке, а потом на арабском и еще шести языках. А Арх спросил на старофранцузском языке, потому что они с Алисой на том языке уже со многими здесь разговаривали.

Но пастух ничего им не ответил. И неясно было, понял он что-нибудь или нет. Но потом поднял руку и показал в сторону – туда, где над долиной клубилась туча пыли.

Робот и спасательница побежали к туче, догадавшись, что там кипит бой. Но через некоторое время Елена Сергеевна остановилась, чтобы проверить направление.

– Что это еще такое? – спросил робот, крутя головой.

– Это «ричардоискатель».

– Зачем он нужен?

– Чтобы отыскать Ричарда Темпеста, – сказала спасательница.

Робот вытянулся на коротких ногах, чтобы разглядеть циферблат небольшого приборчика. Там была стрелка. Она показывала в сторону тучи, и рядом было указано расстояние: «4 км 760 м».

– Ричард там? – спросил робот.

– Вот именно, – ответила девушка.

– Значит, граф утащил его с собой, не рискнул оставить в замке. А может, не сам догадался, а ящерицы подсказали.

– Кто подсказал? – не поняла спасательница.

– Его инопланетные союзники. Розовые ящерицы.

– А где же они?

– Вот это я и хочу проверить, – сказал робот Арх. – По моим расчетам, их космический корабль должен скрываться вон в том ущелье, за высокой скалой, на которой возвышается крепость.

– И вы пойдете туда? – удивилась спасательница.

– Да, пока вы будете спасать своего Ричарда, я постараюсь выручить Алису Селезневу.

– Но почему вы решили, что она в корабле?

– Или в корабле, или вон в той крепости. Я не зря сидел в заточении в замке Крак де Шевалье. У меня замечательный слух.

– Хорошо, – согласилась спасательница. – Как только я спасу Ричарда, я сразу поспешу к вам на помощь.

Робот Арх не стал прощаться, а, с удивительной скоростью перебирая ногами, ринулся в сторону скал. И скоро лишь клуб пыли указывал, где он бежит.

Вдруг пыль перестала вздыматься – робот остановился и пронзительно крикнул Елене:

– Тебе не дашь двадцати двух. Я думаю, тебе сегодня исполнилось семнадцать!

Елена смотрела ему вслед и улыбалась – очень смешной и гордый робот! Она уже готова была включить пропеллер и нестись в сторону битвы, как вдруг ее внимание привлек далекий пронзительный крик. Подняв голову, она увидела, как с балкона крепости, нависшего над бездонной пропастью, сорвалась маленькая человеческая фигурка и, медленно переворачиваясь, полетела вниз.

Не забывайте, что Лена Простакова по своей натуре была спасательница. И если она видела, что может кого-то или что-то спасти, она забывала о себе и бросалась спасать. Именно таких людей и отбирают в спасатели Института Времени.

Поэтому, увидев человеческую фигуру, падающую со скалы, да еще поняв, что это ребенок, Елена забыла обо всем: о Ричарде, об Институте Времени и даже о своей докторской диссертации «Опыт спасания сотрудников Института Времени в чрезвычайных ситуациях каменного века». Она понеслась вперед, чтобы подхватить девочку, прежде чем она коснется земли.

Лена обхватила девочку руками и бешено закрутила пропеллер, чтобы не разбиться вместе с нею.

Ей удалось удержать девочку лишь у самой земли, и она упала на спину, чтобы спасенный ребенок поменьше ушибся.

Пропеллер, конечно же, разлетелся вдребезги, спина превратилась в сплошную ссадину. На затылке выросла шишка с апельсин. Притом

Елена так перепачкалась в пыли, что и родная мама не узнала бы спасательницу Простакову.

Пока Лена, совершенно оглушенная, лежала на жухлой траве, Мариам, которая даже и не поняла, что произошло – так она стремилась к дяде! – поднялась и, прихрамывая, побежала к Саладину.

Как ни странно, никто, кроме Алисы и Старца Горы, не заметил падения Мариам. А ее чудесное спасение вообще прошло незамеченным, потому что Алиса в этот момент в ужасе зажмурила глаза, а Старец отвернулся – какой бы он ни был жестокий, все же он не хотел смотреть, как разобьется несчастная девочка.

Алиса очнулась от взрыва голосов – множество людей кричали и брякали оружием. Непроизвольно Алиса обернулась к экрану монитора и, к своему изумлению, увидела, как к знатным воинам подбегает, хромая и горбясь, маленькая девочка в разорванном платье.

Султан Саладин уже издали узнал племянницу. При виде девочки султан ловко спрыгнул с коня и ринулся к ней навстречу. Он подхватил ее, поднял и прижал к груди. Его воины горячили коней, размахивали копьями и мечами, и в самый разгар этой суматохи султан поднял руку вверх, призывая к молчанию.

Алиса понимала, что чудес не бывает и люди не остаются живыми, упав с высокой скалы, но как не поверить собственным глазам? Племянница султана была жива и обнимала своего великого дядю.

Взгляд Алисы упал на супругов де Шатильон. Они были в ужасе. Граф Рено пытался спрятаться в толпе рыцарей, он тянул Констанцу за руку, чтобы прикрыться ею, а графиня зло отталкивала руки мужа.

Шум немного утих, и Алиса смогла различить голос султана, который обернулся к английскому королю.

– Аллах велик! – произнес он. – И не оставит в беде и несправедливости тех, кто верит в него. Ты видишь перед собой, король, мою единственную любимую племянницу Мариам. Откуда ты взялась, девочка?

Мариам с трудом оторвалась от груди дяди и показала наверх:

– Меня держали в плену, вон там! Я прыгнула и улетела оттуда!

– Этого не может быть! – воскликнул король Ричард Львиное Сердце.

– Это чудо, сотворенное Аллахом, – ответил Саладин. – Не так ли?

– Воистину! – закричали его воины, ударяя мечами о круглые щиты.

– Почему ты оказалась там? – спросил Саладин.

– Меня подарили страшному имаму, – ответила Мариам.

– Проклятие! – услышала Алиса голос Старца Горы. – Это гибель! Он никогда меня не простит. Он потратит всю жизнь, чтобы убить меня! И зачем я согласился взять эту проклятую девчонку!

И с этими словами Старец Горы выбежал из комнаты во двор крепости, и Алиса услышала, как он там отдавал приказания. Но она не прислушивалась, потому что ей интереснее было следить за тем, что происходило на равнине.

– Кто же подарил тебя мерзкому старику? – грозно спросил Саладин, когда гневные крики его воинов стихли.

– Вот этот человек, – сказала Мариам, – отдал Старику в рабство меня и еще одну девочку.

И она показала здоровой ручкой на графа де Шатильона.

– Я его убью собственными руками! – закричал Саладин. – Я его порублю на куски!

– Погоди, султан. – Алиса увидела, как король Англии подъехал ближе к султану. – Я разделяю твою радость, потому что ты обрел потерянную родственницу. Но я хочу знать, может ли она быть свидетельницей других преступлений графа де Шатильона.

– Мариам, – попросил Саладин, – скажи королю франков, кто убил твою маму?

– Мою маму убил этот страшный толстый франк, – сказала девочка.

– Она лжет! – испуганно завопил граф. – Как вы можете верить грязной рабыне?

Король Ричард Львиное Сердце поморщился, он не любил трусов.

– Он убил мою маму, – повторила Мариам, – потом он меня мучил.

– Мучил? – Саладин побледнел от гнева.

– Мне трудно в это поверить, – сказал Ричард. – Я не слышал раньше о подобной жестокости.

И тут неожиданно в разговор вмешался второй Ричард – пленный сотрудник Института Времени.

– Клянусь вам, – произнес он, вцепившись в толстые прутья клетки. – Эта девочка говорит правду. Я попал в плен к графу де Шатильону и его друзьям. И они никак не могли добиться от меня нужных сведений. И когда они поняли, что не заставят меня заговорить... – Голос Ричарда сорвался, и он с трудом продолжал: – Они... – он показал на графа и графиню, – велели привести девочку. Клянусь, я не сразу понял, что они могут пойти на это.

Вместо ответа король обернулся к Ричарду-временщику:
– Чем ты так провинился перед графом де Шатильоном, что он пытал тебя?

– Проклятый гяур! – закричал султан Саладин. – Значит, ты причина всех моих несчастий! Убейте этого негодяя.

Воины рванулись к Ричарду, и лишь прутья клетки спасли ему жизнь. Девочка Мариам закричала:

– Нет, не трогайте его, он добрый. Как только этот дядя понял, что они со мной делают, он им все сразу рассказал – только чтобы избавить меня от боли!

– Остановитесь! – приказал воинам Саладин. – Если принцесса Мариам сказала, значит, так тому и быть. Ты свободен, франк, и можешь уйти, куда хочешь.

Султан Саладин передал племянницу одному из воинов, а сам посмотрел на короля Англии:

– Ну как, король Ричард? – спросил он. – Теперь наконец ты мне веришь?

Вместо ответа король обернулся к Ричарду-временщику:

– Чем ты так провинился перед графом де Шатильоном, что он пытал тебя? Что за тайну ты скрывал от него? Может быть, ты посланник дьявола?

– Вот именно! – закричала графиня Констанца. – Вы только поглядите на него! Это сам дьявол!

– Если бы я был дьяволом, – улыбнулся Ричард, который отлично умел владеть собой – этому учат в Институте Времени, – то кто бы удержал меня в такой клетке?

– Это так, – кивнул Ричард-король. – Продолжай.

– Я путешественник из дальней страны. А графу нужны были секреты.

– Какие?

– Секреты пути в мою страну. Но ты знаешь, король, как тщательно берегут торговые пути купцы всех стран.

– Так, значит, ты купец?

– Значит, я купец, – сказал Ричард.

Некоторое время король Ричард размышлял, разглядывая своего тезку – оборванного, избитого, грязного, измученного, в котором родная мама не узнала бы сотрудника Института Времени. Потом он произнес:

– Я верю этому человеку. У него добрые глаза.

– Значит, ты веришь и мне, король франков? – спросил Саладин.

Ричард Львиное Сердце наклонил голову.

Саладин глядел теперь на своих пленников.

– Я не виновата! – воскликнула графиня Констанца, увидев смерть в его взгляде.

– Я не воюю с женщинами, хоть ты и виновата, – сурово сказал султан. – Уходи! Ну, уходи же!

Констанца подобрала край платья и побежала прочь, в пустыню, не оборачиваясь и даже не попрощавшись с мужем. Ее черные длинные волосы растрепались – она стала похожа на ведьму.

– Констанца! – закричал граф де Шатильон. – Ты почему покинула меня?

Но та не слышала.

– Ты, рыцарь Храма, – сказал Саладин, обернувшись к молодому храмовнику Солсбери, – тоже присутствовал при этом и не вступился за ребенка. Ты проведешь остаток своих дней в моей тюрьме. Если тебя не выкупит твой орден за сто фунтов золота.

– Мой орден никогда не заплатит столько за меня! – в ужасе воскликнул храмовник.

– Это ваше дело, – ответил султан. – Уведите его.

После этого он посмотрел в глаза графу де Шатильону.

– Что же мне делать с тобой? – спросил он. – Что мне делать с тобой, вонючая собака!

– Я ни в чем не виноват! – закричал граф. – Меня оклеветали. Это все розовые дьяволы виноваты. И ваш Старец Горы. Они опутали меня.

– Молчи! – приказал ему Ричард Львиное Сердце. – Я не хочу стыдиться за благородных рыцарей.

– Король, выкупи меня! Я верну тебе любой долг.

– Ты отдашь мне этого человека? – спросил английский король.

– Есть вещи, которые нельзя купить, – ответил султан Саладин. – Это слезы и смерть беззащитных женщин и детей.

– Ты прав, султан, – произнес король Англии и легонько натянул поводья своего черного коня.

И тот послушно понес своего всадника прочь. За ним поскакали знаменосец и несколько молчаливых рыцарей – свита английского короля.

И больше Алиса никогда его не видела.

– Король! – кричал ему вслед граф де Шатильон. – Я тебе расскажу страшные тайны. Ты станешь владыкой мира!

Но Ричард не обернулся.

И тогда султан Саладин легким движением выхватил свой меч. Шатильон отшатнулся, но Саладин был быстрее – граф упал на землю...

Воины и вельможи, окружившие султана, радостными криками приветствовали смерть графа Рено.

– Месть свершилась! – воскликнул Саладин.

Все внимание было приковано к Саладину и мертвому графу.

И никто не заметил, как из тучи пыли вышла еще одна молодая женщина – такая пыльная, измученная, что никто не обратил на нее внимания. Ведь за средневековыми армиями всегда следовали толпы нищих, попрошаек, воров и мародеров, которые, как вороны, питались падалью войны. Вот и эта женщина казалась такой бродяжкой.

И когда она подошла к забытой всеми клетке, в которой был заперт Ричард Темпест, на нее никто не смотрел.

Ловким движением спасательница сунула в отверстие замка, что закрывал клетку, стальную заколку, которой скреплялись ее волосы. Замок послушно щелкнул и открылся.

– Быстрее! – прошептала спасательница.

Она подставила Ричарду руку, и тот, с трудом опираясь на нее, выскочил из клетки и побрел, прихрамывая, прочь.

Но и тогда никто не обратил на них внимания.

Когда они удалились от места битвы, спасательница включила пропеллер, который хоть и был сломан, все же помогал ей идти вперед.

– Так это ты, Елена! – воскликнул Ричард. – Я тебя сразу и не узнал.

– Ничего, – ответила Елена, улыбаясь, – вымоюсь, причешусь, и узнаешь.

– Но у тебя на лице такие кровоподтеки! У тебя выбит зуб, под глазом синяк.

– Ричард, – строго проговорила спасательница, – ты ведешь себя невежливо. Ты забыл, что я спасательница и мне положено получать синяки и шишки. А зуб вырастим новый.

– Мне тоже досталось, – виновато сказал Ричард.

И, помогая друг другу, они пошли к замку Крак де Шевалье.

По дороге они обогнали графиню Констанцу, но она их даже не заметила – наверное, приняла за раненых из ее собственного войска.

Доведя Ричарда до круга, посреди которого находился воздушный тунель в будущее, спасательница помогла ему войти в круг и сделать нужные движения, чтобы включилась машина времени.

И тогда султан Саладин легким движением выхватил свой меч.

– А я сейчас слетаю за Алисой и вернусь, – сообщила Елена.

– Я хотел бы тебе помочь... – вздохнул Ричард.

– Ничего, не беспокойся, – ответила спасательница, – я не одна. Со мной археологический робот Арх.

– Я буду ждать тебя, – предупредил Ричард и исчез. Улетел в двадцать первый век.

Спасательница Елена Сергеевна оглянулась. Было тихо. Природа забыла о сражении. Графиня Констанца медленно и устало поднималась по дорожке к замку. Никто ее не встречал. И розового шарфа на ее шее в этот раз не было.

Пастух, который стоял у дороги возле стада овец, смотрел ей вслед.

Потом обернулся к Елене Сергеевне и подмигнул ей.

Та ничего не ответила, потому что так и не знала, на каком языке надо разговаривать с пастухом.

Собрав последние силы, она побежала – потому что пропеллер совсем уж никуда не годился – в сторону крепости исмаилитов.

Глава тринадцатая

Алиса больше не хотела смотреть на то, что происходит внизу. Честно говоря, и смотреть-то было не на что.

В туче пыли, на фоне темнеющего восточного неба, скрывалась армия Саладина, которая медленно уползала к Дамаску, уводя пленных и унося добычу. Где-то там, на роскошных носилках, едет несчастная принцесса Мариам. А может, она сейчас счастлива – для нее все хорошо закончилось... не то чтобы хорошо, но могло быть хуже.

Алиса осторожно толкнула дверь комнаты.

Дверь послушно отворилась.

В крепостном дворе не было ни души. Там царило такое запустение, словно последние фидаи вместе со своим имамом убежали лет сто назад.

Неужели они так испугались мести Саладина?

Впрочем, какое дело Алисе до всего этого? Она почувствовала, что страшно устала за такой длинный день. Наверное, никогда в жизни еще так не уставала.

Теперь домой, в двадцать первый век...

Еле переставляя ноги от усталости, Алиса пересекла крепостной двор. Ворота были полуоткрыты. Она протиснулась в щель и стала спускаться вниз по крутой лестнице, вырубленной в скале.

Стояла тишина, особенно ясной и спокойной она была после грохота битвы, шума и криков.

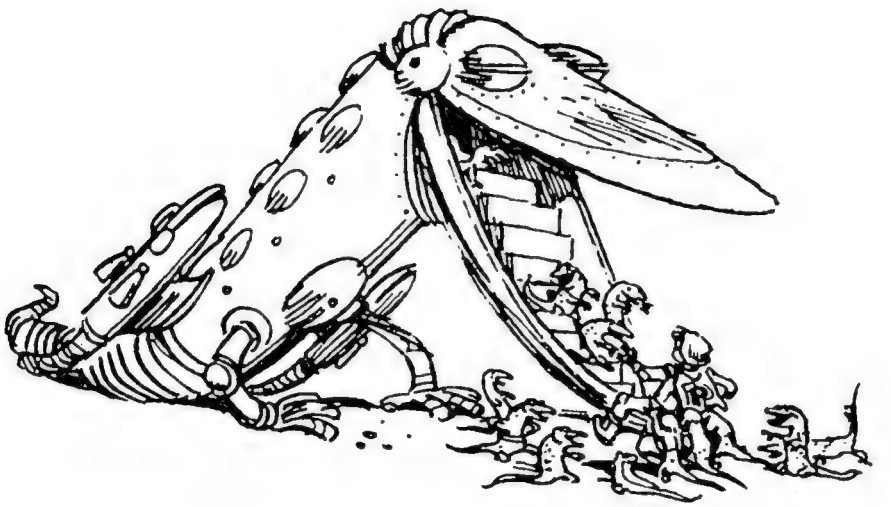
Спуск казался ей бесконечным, и она вдруг испугалась: а что, если Ричард уйдет в будущее и оставит ее здесь? Но тут же она улыбнулась своим страхам – ее никогда не оставят в беде. Ведь даже в Средние века Саладин не оставил в беде свою племянницу. А в двадцать первом веке люди друг друга никогда не подводят.

Едва лестница обогнула скалу, перед глазами Алисы оказался космический корабль розовых ящериц. А она вовсе забыла о них! Как же так! Ведь все из-за них и началось. Алисе казалось, что эти ящерицы уже давно улетели к себе, награбив, что могли, и внеся свару в наш мир.

Возле корабля было несколько ящериц – видно, они заканчивали последние приготовления к отлету. Им очень повезло, что во время боя их не заметили ни Саладин, ни король Ричард.

«Ладно уж, летите, – мысленно разрешила Алиса. – Но впредь мы будем тщательно проверять прошлое время – нам совсем не хочется, чтобы нашу планету грабили кому не лень».

Размышляя так, она спустилась на землю и только сделала два шага в сторону долины, как неожиданно кто-то накинул на нее прочную непроницаемую ткань и сшиб с ног.



Вокруг раздавались шуршание, неясный шум.

Алиса попыталась вырваться, но потом поняла, что ее крепко держат – наверное, напали какие-то работорговцы и она сама виновата, что потеряла осторожность – будто гуляла по Москве, а не по Палестине двенадцатого века.

Алису куда-то волокли, она не сопротивлялась, потому что хотела сохранить силы, когда убежит. А в том, что убежит, она не сомневалась.

Прошло минуты три-четыре – Алиса чувствовала, что ее похитители начали втаскивать ее наверх. И было странно – она поняла, что у похитителей не было рук. Ведь если тебя схватили и тащат, ты чувствуешь руки, которыми тебя схватили. А ее тянут десятки маленьких лапок... Ну конечно же, это маленькие лапки! Ящерицы!

– Этого еще не хватало! – возмутилась Алиса. – Мало вам грабить нашу Землю, вы еще решили меня похитить. Нет, вам это даром не пройдет!

Тут лапки отпустили ее, Алиса сбросила с себя покрывало, и оказалось, что она стоит посреди грузового отсека космического корабля, который представлял собой обширный зал, набитый вещами и добром, которое ящерицы набрали на Земле. Множество ящериц окружало Алису.

– Добро пожаловать на наш корабль! – сказала хромая ящерица.

– Немедленно отпустите меня! – потребовала Алиса.

– Нам нужен заложник, – ответила ящерица. – Мы потеряли твоего друга Ричарда, но нашли ему хорошую замену.

– Но зачем вам я?

– Мы хотим спокойно улететь отсюда и знать, что никто не будет нас преследовать. За пределами Солнечной системы мы тебя отпустим.

– Но ведь я буду жить через тысячу лет! Здесь у нас нет космических кораблей. Кто меня найдет и вернет родителям?

– Ничего не знаем! – заявила ящерица. – Никому не верим! Ты наша заложница.

Алиса разозлилась и, потеряв терпение, кинулась на ящериц.

– Перестань! – крикнула хромая ящерица. – Мы тебя расстреляем паралитическими пулями. Ты этого хочешь?

И чтобы Алиса не сомневалась в ее словах, она выстрелила в девочку из бластера. Алиса почувствовала боль в плече, и тут же плечо онемело.

– Ничего у вас не выйдет! – сказала Алиса, хотя ей больше всего хотелось плакать.

– Приготовить корабль к полету! К нам приближается опасный противник! – раздался голос сверху, видно, из пульта управления корабля.

– Ложись! – прозвучал приказ.

Все ящерицы вокруг – а было их несколько сот – улеглись на мягкий пол, прижались к нему и покрыли центр отсека словно розовым ковром.

«Сейчас мы поднимемся в небо, и тогда я уж никогда не увижу моих друзей», – подумала Алиса, но ничем не показала своего страха и даже не стала ложиться, как велела главная ящерица. Она верила в спасение.

И в самом деле – в тот момент, когда по внутренней связи начался отсчет последних секунд, случилось вот что.

В закрытом и задраенном люке появилась раскаленная белая точка. Точка двигалась и превращалась в округлую линию. Ящерицы в ужасе заверещали.

И тут же такая точно белая точка появилась внизу в полу и тоже превратилась в округлую раскаленную линию.

Раз – два – три!

Круг, вырезанный в люке из сверхпрочного металла, упал внутрь корабля, пропустив вечерний свет пустыни, и одновременно другой такой же круг выпал из корабля на землю.

Сквозь входной люк в корабль ворвалась длинноногая встрепанная худая девушка с резаком в руке и сломанным пропеллером за спиной.

– Ни с места! – приказала она. – Спасатель Института Времени требует немедленно отпустить Алису Селезневу!

А в полу корабля показалась нашлепка на шаре – голова робота Арха.

– Лапы вверх! – велел он. – Немедленно освободите мою подругу Алису Селезневу!

– Ну вот, – сказала Алиса. – Доигрались. Вы сами виноваты в том, что заставили моих друзей сделать в вашем корабле по крайней мере две дырки. Как вы теперь улетите от нас – ума не приложу!

На самом деле Алисе хотелось сразу и плакать и смеяться. От счастья, что все кончилось, и от жуткой усталости.

Ящерицы принялись стенать и кричать. Даже требовать, чтобы люди починили им корабль.

– Ничего особенного, – успокоила их Елена Простакова, которая отлично разбирается в кораблях всех марок. – Если вы выгрузите все награбленное у нас, то сможете починить корабль и кое-как доберетесь до дому.

– Мы не грабили! – закричали ящерицы. – Мы менялись.

Но Алиса, Елена и робот не стали задерживаться.

Они вышли из корабля ящериц и не спеша отправились к замку де Шатильонов. У Алисы ноги подгибались, и поэтому она проехала часть пути верхом на шаре – роботе Архе, который без передышки рассказывал о своих приключениях. Но Алиса не слушала. Она дремала.

– Кстати, Алиса, – разбудил ее Арх. – Ты знаешь, что у нашей спасательницы сегодня день рождения? Ей исполняется пятнадцать лет!

– Не говори глупостей. Мне – двадцать два, – отозвалась спасательница.

– Ты красивая, но слишком худая! – не сдавался робот.

Они легко отыскали обведенный бороздкой туннель времени.

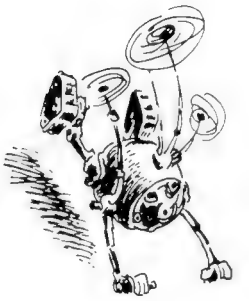
Воздух внутри этой бороздки был туманным и дрожал.

У дороги стоял молодой пастух.

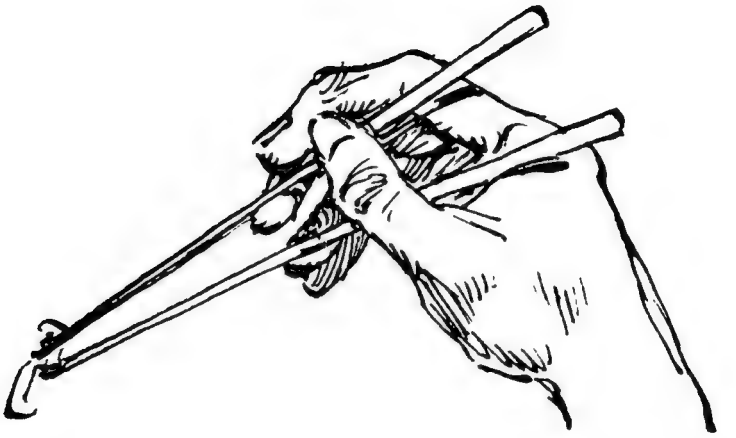
– До встречи! – крикнул он по-старофранцузски.

Алиса зашла в кабину – а ее с роботом Архом отправили первой, – кинула последний взгляд на замок Крак де Шевалье и увидела, что на башне стоит графиня Констанца. Наверное, все от нее убежали, подумала Алиса.

Но тут машина времени заработала – Алису потянуло наверх, и через минуту она уже стояла возле сверкающей кабины времени, перед которой ее ждал похудевший вдвое от переживаний милейший археолог Громозека.



– Кстати, Алиса, – разбудил ее Арх. – Ты знаешь,
что у нашей спасательницы сегодня день рождения?
Ей исполняется пятнадцать лет!



Излучатель доброты

Глава первая
ОАЗИС В ПУСТЫНЕ

Никогда бы Алиса Селезнева не познакомилась с Корой Орват и не пережила страшные приключения в Золотом Треугольнике, если бы не дедушка.

Когда Алисочке было пять лет, дедушка принес домой скрипку и сказал, что находит у Алисы идеальный слух, и поэтому ей пора учиться музыке, чтобы стать великой скрипачкой.

Целый год Алиса занималась с учительницей, Сферой Яковлевной, а дедушка сидел на уроках и таял от наслаждения – его мечта готова была сбыться.

Через год Алиса взбунтовалась и сказала, что станет пожарником. После отчаянной гражданской войны дедушка конечно же потерпел поражение, скрипку убрали в шкаф, Сфера Яковлевна перешла к другим талантам, а Алиса не стала пожарником, но с увлечением занимается на Станции юных биологов, которая скрывается под пальмами и баобабами Гоголевского бульвара в Москве.

У Алисы есть тайна: порой, когда дома никого из взрослых нет, она достает из шкафа скрипку и играет на ней для себя. Ведь когда тебя не заставляют, начинает хотеться. Правда, это желание с возрастом возникает все реже...

Но однажды, уже в шестом классе, умение Алисы играть на скрипке пригодилось науке.

Аркаша Сапожков начал проводить опыты по воздействию музыки на рост растений. Он был убежден, что растения не такие тупые и бесчувственные, как принято считать. И если их ублажать, они заплатят тебе сторицей. Вот и начал Сапожков ставить возле куста роз проигрыватель, чтобы тот играл цветам классическую музыку. Розы слушали музыку, но никак не реагировали.

Аркаша менял кассеты, перебрал всех композиторов за последние двести лет, но безрезультатно.

Его тщетные опыты как-то увидел и услышал Пашка Гераскин. Он тут же сказал, что Аркаша неправильно ставит опыт, потому что розам не нужны симфонии и кантаты. Розам нужен хороший джаз или по крайней мере рок-дроп и рок-джамп – два основных направления жесткой эстрадной музыки XXI века.

Аркаша не умел спорить с Гераскиным, так что тот поставил свои кассеты, и к концу дня кончики листьев на розовых кустах начали дрожать в такт ритму. Пашка обрадовался, закричал на всю Москву, что сделал эпохальное и гениальное открытие.

Прошло еще три дня. От громкой музыки устали не только биологи, но и жители окрестных домов. Даже птицы перестали петь на бульваре. Розовые кусты, хоть и угнетенные шумом, продолжали расти как росли, а Пашка Гераскин больше на станции не появлялся, потому что готовился к новому великому начинанию – первенству мира по блицдомино среди мальчиков. Уговорить его вернуться на станцию не удалось. Лишь на четвертый день он прислал на Гоголевский бульвар какого-то старичка в черном кожаном костюме с блестками и нашлепками, который заявил, что пленки принадлежат ему, и он без них не может спать.

Биологи с великим облегчением вернули пленки и стали наслаждаться тишиной.

Они наслаждались тишиной целый день, а потом Аркаша подошел к Алисе и спросил:

– А правда, что тебя в детстве учили играть на скрипке?

– К счастью, я скоро сбежала из дому, – сообщила Алиса, – и жила в лесу, как Маугли, питалась медом диких пчел, а если видела в лесу скрипача, то разрывала его зубами!

Аркаша выслушал Алису, склонив голову набок. Он порой думает медленно, но всегда в конце концов находит правильное решение. Вот и в тот раз через минуту он медленно произнес:

– Это была шутка! – И сам счастливо засмеялся.

– В моей шутке была доля правды, – предупредила Алиса.

Аркаша не испугался. Он был серьезен.

– Ты не совсем разучилась играть на скрипке? – спросил он.

– А почему я должна разучиться?

– Много лет прошло. Ты же еще дошкольницей была.

– Чего тебе надо, друг? – строго спросила Алиса. – Ведь ты спрашиваешь не из пустого любопытства?

– Я никогда не позволю пустому любопытству овладеть мною, – ответил Аркаша.

– Тогда расскажи, что ты задумал.

Аркаша подошел к розовому кусту. Он смотрел на него и говорил печальным голосом:

– Все наши опыты пока провалились. Эти проклятые розы не хотят слушать музыку. Ни классическую, ни джазовую, ни рок-дроп, ни рок-джамп. А вдруг, подумал я, это происходит оттого, что музыка, которой мы питаем растения, ненастоящая? Ведь я начал свои опыты, потому что прочел о том, что средневековые монахи заставляли горох созревать скорее, играя перед ним на лютне. Ты следишь за ходом моих мыслей?

– Это несложно, – ответила Алиса.

Аркаша поперхнулся. Не очень приятно сознавать, что твои мысли несложные. Но так как он, в отличие от Пашки, не позволял себе шумных сцен, то, помолчав, продолжал:

– И я тогда подумал: а не предложить ли нашим цветам настоящую музыку? Живую! Сначала я хотел пригласить какого-нибудь скрипача или пианиста, а то и целый оркестр, но Маша Белая сказала, что ты в детстве училась играть на скрипке...

– Ты хочешь, чтобы я играла на скрипке перед розами? – удивилась Алиса.

– Вот именно! Ты немножко поиграй, часика три-четыре, и мы посмотрим, обратят ли цветы на тебя внимание.

Алиса покачала головой.

– Нет, – сказала она, – я все забыла. Ведь я несколько лет скрипку в руки почти не брала.

– Почти? – Аркаша как клещ вцепился в неосторожно сказанное слово. Он сразу догадался, что Алиса иногда играет на скрипке. Для себя. В конце концов Алиса была вынуждена признать, что Аркаша прав. А еще через день она принесла свою скрипку.

К тому времени Аркаша уже вычислил самое лучшее расстояние от розового куста, учел направление ветра и расположение солнца. Он поставил Алису на дорожке в двух метрах двадцати сантиметрах от куста так, чтобы солнце находилось справа от Алисы. Затем посмотрел на часы, велел подождать сорок секунд.

– Поехали! – крикнул он наконец.

Жираф Злодей подошел к Алисе и, опустив голову к скрипке, принялся ее обнюхивать.

– Отойди, – сказала Алиса, – это не едят.

Но и другие животные, обитающие на Станции юных биологов, тоже потянулись поглядеть, что будет делать их любимая Алисочка, и Аркаше пришлось их отгонять.

Алиса тем временем начала с простых упражнений – ей ведь тоже надо было освоиться. Скрипка послушно прижалась к плечу, она была приятной на ощупь, и ей хотелось петь – только помоги ей, коснись струн!

И Алиса заиграла.

Вскоре она забыла о времени, о слушателях, о том, что минуты несутся, словно лыжники с горы...

Аркаша подошел к розовому кусту и стал всматриваться в него.

И убедился, что куст не остался совсем равнодушным к Алисиной игре на скрипке: листья чуть шевелились, откликаясь на музыку, а лепестки цветов раскрывались, чтобы не пропустить ни одной ноты.

– Есть! – обрадованно закричал Аркаша.

Розовый куст смутился и замер, жираф Злодей отпрянул и спрятался за баобаб, питекантроп Геракл сиганул на дерево и скрылся в листве.

– Боюсь, – сказала Алиса, опуская скрипку, – что ты все испортил.

И слушатели согласились с ней.

– Ничего подобного! – не сдавался Аркаша. – Опыт увенчался успехом, потому что на этом этапе нам ничего больше не нужно. Мы пойдем шаг за шагом.

– Без меня, – заметила Алиса.

– Как так без тебя? Мы же разделим с тобой славу!

Жираф Злодей подошел к Алисе и, опустив голову к скрипке, принялся ее обнюхивать.

– Думаю, что с тобой никакой славы мне не дождаться, – ответила Алиса, все еще сердившаяся на Аркашу, который не вовремя расшумелся.

Она положила скрипку в футляр.

– Что ж, – сказал Аркаша, – если ты не хочешь мне помочь, то я приглашу Квартет Бородина, там работают добрые люди.

Так закончились опыты на станции, но не закончились приключения Алисы.

За ужином Алиса призналась маме, что сегодня играла на скрипке, чтобы помочь Аркаше проводить опыт. Но ничего из этого не вышло.

– И не выйдет, – сказала мама. – Потому что ученые уже доказали, что, просто играя, распевая песни или даже стреляя из пистолета рядом с растением, ты ничего не добьешься.

– Значит, это тупик?

– Ничего подобного! – засмеялась мама. – Я сегодня утром видела передачу о профессоре Лу Фу. Ты что-нибудь знаешь о профессоре Лу Фу?

– Я слышала... – сказала Алиса неуверенно. Но тут же вспомнила: – Конечно, он придумал гравитационные двигатели! Правда?

– Он многое сделал помимо этого. Но гравилеты – его самое известное изобретение.

– Это было очень давно! Наверное, до нашей эры.

– Это было шестьдесят лет назад. Но дело в том, что профессору Лу Фу скоро исполняется сто лет.

– А при чем здесь скрипка и растения?

– Потому что лет десять назад великий Лу Фу оставил свой институт в Шанхае, покинул друзей и учеников. И уехал в пустыню Такла-Макан.

– Куда?

– Ну вот, Алисочка! – расстроилась мама, которая всегда хотела, чтобы Алиса выросла широко образованным человеком. – Можно подумать, что ты не училась в школе...

– Мама, – призналась Алиса, – в тот день, когда в школе проходили пустыню Такла-Макан, я болела.

– Ты уверена?

– Это же ты не пустила меня в школу! У меня болело горло.

– Сдаюсь, – сказала мама. – К сожалению, моя дочь хитрее меня.

– Мамочка, пожалуйста, напомни мне о пустыне Такла-Макан.

– Если ты возьмешь карту, – сказала мама, – то увидишь, что точно в центре Азии находится громадная пустыня Такла-Макан, до сих пор

не освоенная человеком. Она тянется на многие сотни километров к северу от Тибета и похожа на гигантское пересушенное блюдце, куда не попадают дожди, потому что со всех сторон оно окружено горными хребтами. Речки, которые стекают в это блюдце с гор, зимой замерзают – ведь там бывает холодно, как в Сибири,

– а летом почти все пересыхают и теряются в песках. Лишь самая большая из них, Тарим, которая течет по северному краю пустыни, достигает большого соленого озера Лоб-Нор. Это озеро мелкое, и никто не скажет точно, какую площадь оно занимает...

– Мама! – воскликнула Алиса. – Откуда ты так много знаешь? Это ненормально!

– Это совершенно нормально, потому что когда я была студенткой, то путешествовала по пустыне Такла-Макан и даже побывала на озере Лоб-Нор.

– Но зачем?

– Потому что мне это было интересно.

– Разве человеку может быть интересна голая пустыня?

– Во-первых, – возразила мама, – пустыни никогда не бывают скучными и голыми. Как будущий биолог ты должна знать, что в любой, даже самой безводной пустыне кипит жизнь, только она принимает особые формы – обитатели пустыни в жару скрываются под песком или в норках, травы и даже кустарники сбрасывают листья в жаркий или холодный периоды года, зато когда в пустыню приходит весна, она вся расцветает. Нет, Алиса, на свете более буйного и красочного зрелища, чем цветущая пустыня, покрытая крокусами, нарциссами, тюльпанами и множеством других трав и цветов: растения спешат, они должны отцвести, дать плоды и семена за несколько недель, а за это же время всякая пустынная живность успевает нарожать детенышей, выкормить их и сделать запасы на лето, осень и зиму. Вот любоваться пустынной весной мы туда и ездили.

– Тогда я тебе, мама, завидую, – сказала Алиса. – Я была на многих планетах и видела много разных цветов, но никогда мне еще не приходилось видеть цветущей пустыни.

– Я почти уверена в том, что если ты полетишь в Такла-Макан через месяц, то застанешь цветущий край.

– Но зачем мне туда лететь? – удивилась Алиса. – У меня немало дел в Москве. К тому же мне хотелось навестить Громозеку. Я его так давно не видела!

– Тогда дослушай меня, Алиса, – попросила мама. – Я не кончила рассказывать про озеро Лоб-Нор.

Алиса промолчала. Конечно же ей было непонятно, какое отношение имеет к ней пустынное озеро, но мама уже доказала сегодня, что она знает больше Алисы, и не стоит с этим спорить. Если маме хочется показать свою образованность, на то ее воля!

– Это озеро давно открыто и в то же время совершенно не изучено. Питают его пустынные реки, которые, как правило, летом пересыхают. Даже самая большая из них, Тарим. Но за те месяцы, которые они несут свои воды в озеро, они его успевают наполнить настолько, что озеро разливается на несколько сотен километров. К концу лета оно обязательно съеживается и даже распадается на несколько соленых озер. Зато весной Лоб-Нор – бескрайнее море, на котором останавливаются стаи перелетных птиц. Берега его заросли зеленой травой, тростники покрывают мелководье...

– Мамочка, – не выдержала Алиса, – мне очень интересно слушать про озеро Лоб-Нор, но почему я должна о нем знать?

– Разве я тебе не сказала, что там живет физик Лу Фу?

– Замечательно! – воскликнула Алиса. – И что же дальше?

– А дальше я узнала, что профессор в глухой пустыне, недалеко от озера Лоб-Нор, развел замечательный сад. Пока он никому об этом не рассказывает, считая, что его опыты не завершены. Тем не менее известно, что Лу Фу воздействует на растения какими-то лучами, которые заставляют их расти со сказочной быстротой даже в таком неплодородном месте, как Такла-Макан. И, судя по всему, его опыты имеют общее с теми, что вы так безуспешно пытались сделать с Аркашей и Пашкой.

– А профессору можно позвонить?

– Он не любит репортеров, зевак и туристов. Он считает, что у него каждая минута на счету и незачем отвлекаться на пустые разговоры. Но я думаю, если ты сообщишь, что работаешь в той же области, профессор согласится показать тебе свое хозяйство. – Мама улыбнулась, словно чуть-чуть не принимала Алису всерьез.

– Но как мне сказать ему, что я хочу увидеть сад? – спросила Алиса, сделав вид, что не замечает маминой улыбки.

– Напиши ему видеописьмо, – посоветовала мама. – Старики любят старинные вещи.

Когда Алиса вернулась на биостанцию, Пашка и Аркаша как раз сидели там и играли в шахматы. А это на станции обычно означало, что ее био-

логические гении завершили один этап в своей творческой жизни и думают, чем бы теперь заняться – то ли кита поймать и научить его стоять на хвосте, то ли организовать физкультурный парад муравьев, то ли отрастить плоские хвосты детям в соседнем садике, чтобы лучше плавали...

– Ребята, – обратилась к ним Алиса, – кажется, мы нашли человека, который умеет воздействовать на растения!

– Пройденный этап! – заявил Пашка.

– Бесперспективно! – поддержал его Аркаша.

Так лучшие друзья и соратники предали Алису.

– Значит, вы к нему не полетите? – спросила Алиса, все еще не теряя надежды.

– А где он живет, твой гений? – язвительно произнес Пашка.

– В пустыне Такла-Макан.

– Не слышал о такой, – заявил Пашка. – Значит, ее нет.

Как известно, Пашка – самый самоуверенный человек на свете, и это часто ставит его в дурацкое положение.

Когда Аркаша засмеялся, Пашка понял, что попал впросак, и быстро поправился:

– Вспомнил! Она на Марсе. Конечно же у Южного полюса. Я там был еще мальчишкой.

– Эта пустыня в Центральной Азии, – сказал Аркаша. – Мне туда не хочется. Особенно сейчас, когда весна только начинается и ночами там температура падает ниже нуля.

Он и это знал, отличник!

– Значит, никто из вас не намерен составить мне компанию? – спросила Алиса.

– И охота тебе было... – заметил Пашка.

– Я всегда стараюсь доводить дело до конца! – произнесла Алиса, но ее товарищи уже не смотрели на нее – главные события развивались на шахматной доске.

«Ну хорошо! – сказала себе Алиса. – Мужчины – самые ненадежные люди. А мальчишки – худший вариант мужчин. Как жаль, что с ними приходится дружить!» Но теперь Алиса обязательно пробьется к профессору Лу Фу и побывает у него в оазисе. И докажет изменникам, кто из них настоящий ученый.

Возвратясь домой, Алиса тут же уселась за компьютер, чтобы написать видеописьмо профессору. Она рассказала, как они пытались воздействво-

вать на растения разной музыкой, как ничего из этого не вышло, и как мама рассказала об опытах профессора Лу Фу. Алиса спрашивала, можно ли посетить профессора в удобное для него время и совсем ненадолго, но не как любопытной туристке, а как коллеге-биологу.

Ответное письмо пришло на следующий день.

Алиса сразу вставила его в компьютер, и на экране дисплея показалось лицо профессора Лу Фу.

Профессор оказался очень старым, но совсем не дряхлым человеком. У него было загорелое худое лицо в глубоких морщинах. Профессор был совсем лысый, его жиденькая белая борода лежала на груди, а длинные белые усы свисали по сторонам до подбородка. Годы сгорбили его. Надиктовывая письмо, профессор ходил по обширной светлой комнате, и его движения были резкими и точными – никак не дашь человеку сто лет.

– Дорогая девочка Алиса, – произнес старик глубоким молодым голосом, вглядываясь в экран большими яркими черными глазами. – Я был рад получить твое письмо, потому что я глубоко уважаю людей, независимо от их возраста, которые серьезно занимаются наукой и хотят принести пользу людям. В последние годы я стараюсь видеть как можно меньше людей, тем более что ко мне в основном стремятся проникнуть туристы и корреспонденты, ничего не понимающие в моей работе. Их объединяет одна цель – похвастаться перед другими людьми тем, что они видели старика Лу Фу, который совсем выжил из ума.

Тут профессор заразительно засмеялся.

Дальше он рассказал Алисе, что старается никого не принимать в оазисе, пока его работа не завершена. Исключение он делает лишь для студентов-биологов из Урумчи и некоторых своих коллег. Профессор сообщил, что согласен считать девочку из Москвы своим коллегой. Он также сказал, как лучше всего добраться до его оазиса.

Следовало долететь рейсовым кораблем до большого города Урумчи. Там, в Урумчи, в Педагогическом институте надо отыскать аспирантку Ичунь, которая часто навещает профессора. Ичунь даст Алисе программу полета для флаера. После этого Алиса возьмет на стоянке флаер, который за час донесет Алису до оазиса в пустыне. Одно условие: Алиса должна прилететь одна, потому что профессору трудно принимать сразу нескольких человек, особенно если между ними затешутся мальчики.

Алиса была счастлива. Конечно же она не удержалась и прокрутила письмо Пашке и Аркаше. Те просмотрели послание Лу Фу, и Пашка сказал:

– Желаю тебе удачи, коллега. Но я уверен, что человек, которому сто лет, даже если он и был когда-то великим ученым, вряд ли сейчас может думать, как молодые львы.

Под молодым львом Пашка имел в виду себя и немного Аркашу.

Аркаша не был таким категоричным. – Слетай, – сказал он. – Может, и в самом деле увидишь что-то интересное. Тогда мы будем рады подключиться. Хотя я не понимаю, как можно сотрудничать со стариком, который терпеть не может юных гениев.

– Он нас боится, – добавил Пашка. – И завидует нашим способностям.

Вечером Алиса предупредила маму, что на субботу слетает в пустыню Такла-Макан, а мама испугалась, что Алиса, как всегда, простудится. Поэтому она воскликнула:

– Только не вздумай лететь без шапки! Мне еще не хватало, чтобы ты простудилась, а у тебя в понедельник контрольная по русскому языку!

Алиса послушно надела красную вязаную шапочку, в которой когда-то давно побывала в Заповеднике сказок и даже в Эпохе Легенд, где все принимали ее за Красную Шапочку. Но в лайнере Москва – Ташкент – Урумчи она шапочку сняла и спрятала в сумку.

* * *

Город Урумчи, красиво расположенный в горной долине и окруженный, куда ни кинь взгляд, снежными вершинами, был крупным туристическим центром. И это понятно.

Когда-то, лет двести назад, люди ездили отдыхать на Черное море или на Канарские острова. Целыми днями они лежали на берегу, обжигались до красноты, загорали до черноты, лениво поглощали обеды и ужины, а вечерами танцевали под гитару. Потом, когда появилось много самолетов и теплоходов, люди стали больше путешествовать. Они плыли на Гавайские острова, смотрели на слонов у горы Килиманджаро, ныряли с коралловых рифов Сейшельских островов и любовались карнавалом Рио-де-Жанейро. Им хотелось, чтобы вокруг было удобно и красиво.

Прошло еще несколько десятилетий. Люди наконец перестали воевать друг с другом, прекратили засорять реки и губить свежий воздух, Земля смогла отдохнуть. А ее обитатели, наоборот, живя в комфорте, истосковались по трудностям. Ведь дома было спокойно, красиво и уютно. Рядом были бассейн и лес с грибами, ягодами и искусственным климатом.

И вот люди стали путешествовать в такие места, куда их раньше и калачом было не заманить. Целыми семьями они отправлялись в пустыню Гоби, на Северный полюс, в глубины амазонской сельвы и джунгли Малайзии. Они давали себя кусать комарам и скорпионам, мучились от недоедания, сырости и жажды – и возвращались домой счастливые, потому что наконец-то смогли испытать настоящие трудности!

Урумчи, когда-то небольшой город, расположенный недалеко от пустыни Такла-Макан, хребта Каракорум и других негостеприимных мест, стал за последние годы одним из самых известных центров туризма на Земле. Небоскребы гостиниц и универмагов видны уже издали, когда туристические лайнеры делают круг, снижаясь к третьему по величине в Азии аэродрому. Там уже строится и космопорт, потому что слава грозной пустыни и непреодолимых гор распространилась по всей Галактике. Завтра тут появятся ушаны, кустики, брастаки и прочие изнеженные цивилизацией обитатели уютных планет.

Однако пока еще туристы, хоть их и немало, растворяются в тишине и просторах гор и каменистых пустынь, вдыхают их ледяной воздух и мертвую бесконечность и, как правило, очень быстро возвращаются в комфорт гостиниц города Урумчи, к его подогретым бассейнам и вкусным креветкам сорока двух роскошных ресторанов. Мало кто из туристов выдерживает в пустыне больше двух дней, три дня – это героизм, пять – подвиг, равный подвигу Марко Поло, который прошел те места с караваном из Венеции, правда, очень-очень давно.

Хитроумные хозяева этих мест отлично разбираются в психологии туристов и не мешают им испытывать себя в суровых условиях пустыни. Зато они принимают все меры, чтобы, возвратившись в Урумчи, путешественники почувствовали себя в раю и не спешили выбраться оттуда домой. А для того чтобы помочь рассказывать знакомым об испытаниях в диких местах, в Урумчи есть множество магазинов, торгующих трофеями путешественников – синтетическими шкурами барсов и лошадей Пржевальского, буддийскими масками и статуэтками, сделанными в местных мастерских по древним образцам, и даже отпечатками следов снежного человека, которого туристы часто ловят, но еще ни разу не поймали.

Обо всем этом Алиса имела слабое представление. Поэтому она удивилась, увидев, какой громадный лайнер отправляется из Лондона в Урумчи с посадками в Москве и Ташкенте. В тысячеместном корабле почти все места были заняты, хотя туристский сезон еще и не начинался. Правда,

в пустынях Гоби и Такла-Макан, а также на плато Тибета и на Каракоруме сезон продолжается круглый год, потому что зимой выжить в пустыне еще труднее, чем летом, и испытания для туристов начинаются с того момента, когда они сходят с трапа лайнера.

Но Алиса об этом тоже не знала и поражалась суете, оживлению и подъему духа пассажиров лайнера. В уютные кресла усаживались не программисты, языковеды, вице-президенты фирм или фермеры, а настоящие пустынные волки, наследники Марко Поло, готовые дать сражение льдам, снежным лавинам и песчаным бурям и отразить нападения снежных барсов.

О, как они все были экипированы! В пуховиках, с ледорубами, в кислородных масках, с мотками веревок через плечо, с термосами, в которых хранился неприкосновенный запас кипятка и сгущенного молока! Некоторые везли с собой луки, стрелы и арбалеты, так как более современное оружие у них отобрали при посадке в лайнер. Не говоря уже об утепленных арктических палатках, надувных матрацах, котлах для варки плова и баранины... А одна семья даже везла с собой байдарку, что совсем удивило Алису. Байдарка почти в четыре метра длиной. Она была сверху затянута кожаным чехлом, пристегнутым к бортам, и занимала массу места. Ее с трудом уложили в проходе, и она всем мешала – пассажирам и стюардессам. Но глава семьи господин Торнсенсен – могучий альбинос с красным лицом и шкиперской бородкой – вел себя совершенно спокойно и, казалось, не слышал ворчанья пассажиров. Куда больше переживала госпожа Торнсенсен – толстая пожилая дама с тремя подбородками и в черном парике, из-под которого были видны ее собственные рыжие волосы. А вот третья представительница семейства – девушка лет пятнадцати, маленькая, стройная, скуластая, похожая на китаянку, только более смуглая, оказалась соседкой Алисы. От нее за два часа полета от Москвы до Урумчи Алиса узнала многое о семействе Торнсенсенов. Оказывается, папа Ма Ми – так звали девочку – был не родным ее отцом, а приемным. Сама Ма Ми родилась в Бирме, но ее родители погибли во время землетрясения. Тогда многих сирот взяли на воспитание в другие страны. Вот и досталась осиротевшая малышка норвежской семье Торнсенсенов. Правда, Торнсенсены жили не в Норвегии, а в Сингапуре, где у папы Кнута был магазин детских игрушек. Ма Ми Торнсенсен ходила там в колледж, а мама Клара была председательницей Общества защиты кошек.

Ма Ми оказалась веселой и разговорчивой девочкой. За свою короткую жизнь она немало путешествовала и даже жила некоторое время в Италии. Она звала Алису к себе в гости и расспрашивала ее, зачем та летит в Урумчи. Алисе не хотелось врать новой знакомой, которая к тому же была года на три старше ее, но и правду говорить не хотелось, потому что профессор Лу Фу в своем письме специально просил, чтобы Алиса не рассказывала о поездке к нему. Он боялся лишних визитеров. Теперь же, оказавшись в шумном, как футбольные трибуны, туристическом лайнере, Алиса поняла, что опасения старого физика не были лишены оснований.

Ма Ми очень быстро рассказывала, как ее папа, любитель рыбной ловли, прочел где-то, как трудно ловить рыбу на озере Лоб-Нор, и загорелся идеей испытать свои силы, а то он очень растолстел за прилавком своего магазина в Сингапуре.

Он с трудом уломал Ма Ми и госпожу Клару согласиться на эту авантюру, и в конце концов ее приемная мать дала согласие, а за ней согласилась и Ма Ми. Впрочем, Ма Ми с самого начала особенно и не сопротивлялась – ей было интересно увидеть самую грозную пустыню на Земле и поплавать на байдарке, специально сделанной для этого путешествия, по таинственному и неуловимому озеру Лоб-Нор, которое, как говорили, этой весной разлилось так, что берегов не увидишь, потому что зима выдалась мягкой и снежной; следовательно, озеро стало почти совсем пресным.

– У нас все есть, – сказала Ма Ми. – И палатка с обогревом, и высокие сапоги, чтобы подбирать рыбу на мелководье или охотиться на уток. Утки уже, оказывается, начали свой перелет к северу, и первые стаи появились в тростниках, окружающих озеро.

Когда лайнер сделал посадку в Ташкенте, чтобы забрать оттуда еще туристов, девочки пошли погулять. Вскоре их догнал папа Торнсенсен, который принес им мороженое в стаканчиках.

Ма Ми рассказала приемному отцу, что Алиса летит в Урумчи, потому что у нее там есть знакомая в Педагогическом институте, с которой они будут проводить биологические опыты. Зовут студентку Ичунь.

Алиса и в самом деле сказала Ма Ми о себе именно это. Она опасалась, как бы, узнав о том, что Алиса летит к профессору, Торнсенсены не вцепились в нее с требованием отвезти их к нему. Тогда профессор, вернее всего, выгонит не только любопытных туристов, но не поздоровится и самой Алисе.

Одна семья даже везла с собой байдарку, что совсем удивило Алису. Байдарка почти в четыре метра длиной.

– Я не могу дождаться того момента, – громко говорил господин Торнсенсен девочкам, шагая рядом с ними по разогретому весеннему полю аэродрома в Ташкенте, – когда я всажу острогу в бок громадного сома!

Алиса сомневалась, что громадные сомы водятся в пересыхающем да еще большей частью соленом озере, но зачем спорить с рыболовом и заранее портить ему настроение?

Норвежец пригласил Алису навестить их на озере Лоб-Нор и вместе порыбачить или пострелять птицу. Алиса сразу согласилась. Тут объявили посадку, и пришлось возвращаться к лайнеру.

От Ташкента до Урумчи лететь совсем немного – полчаса.

Прямо от горных вершин лайнер ринулся вниз, на лежащий между хребтов аэродром в Урумчи, за которым начинались небоскребы гостиниц и казино.

Странно было осознавать, что уже недалеко отсюда простирается дикая, почти не тронутая человеком природа.

Алиса попрощалась с Ма Ми, как только лайнер замер у здания аэропорта. Ма Ми еще раз пригласила Алису в гости в Сингапур. Потом Торнсенсены с шумом, спорами и даже ссорясь с другими пассажирами, почти так же тяжело нагруженными, как и норвежцы, начали вытаскивать из салона свои рюкзаки и байдарку.

Алиса поспешила вниз. У барьера ее окликнула круглолицая, толстенькая, с добрыми глазами студентка Ичунь, которая прибежала встретить Алису к лайнеру. Ичунь обожала старого профессора и готова была умереть, только бы ему было хорошо. И больше всего в жизни ее огорчало то, что профессор Лу Фу не хотел, чтобы кто-то ухаживал за ним или хотя бы жил в его доме. Он говорил, что за сто лет жизни заработал наконец право последние годы пожить в свое удовольствие и никого не слушаться. Рассказывая об этом, пока они шли через зал, Ичунь повела Алису к своему флаеру. Уходя, Алиса оглянулась. Торнсенсены как раз втаскивали в зал байдарку. Тащили ее женщины, а сам краснолицый Кнут шумно помогал им советами и командами.

В тот день Ичунь собиралась сама навестить профессора. А раз багажа у Алисы не было, то ничто не мешало тут же подняться в воздух и отправиться к Лу Фу – самому умному, самому доброму, самому чуткому и самому-самому человеку на Земле.

– Ты сейчас увидишь, чего он добился в своем оазисе, – говорила Ичунь. – Я считаю, что его достижения значительнее гравитационного

двигателя. Зачем летать по Вселенной, когда можно отыскать счастье на Земле?

Это заявление было очень наивным, но вызвано оно было огромной любовью к профессору, поэтому Алиса не стала спорить, хотя, если бы не изобрели гравитационного двигателя, Алисе никогда бы не удалось побывать на всех тех планетах, которые она повидала.

Ичунь оказалась удивительной болтушкой, а кроме того, ей было интересно знать обо всем, что происходит в Москве. А когда она услышала, что Алиса побывала на многих других планетах, то вопросы посыпались втрое быстрее.

Так они и летели эти полчаса, что занимает путь до оазиса на флаере. Внизу проносились покрытые снегом горные вершины, затем за тонкой, блестевшей под солнцем полоской реки потянулась каменная пустыня с желтыми полосами барханов, а дальше к югу простирались бесконечные пески. Но Ичунь не стала углубляться в пустыню, а повернула флаер к востоку и повела его довольно низко над песками. Порой в низинах и на затененных участках скал были видны белые пятна снега, но вообще-то снега было немного – места здесь такие сухие, что снег никогда не покрывает пустыню, а если и выпадет, то вскоре его сдувает жестокими ураганными ветрами – ведь им есть где разгуляться.

Странно было представить, что в таких местах могут жить или просто бывать люди. Алисе даже стало страшновато за отважных туристов. Каково здесь будет Торнсенсенам, особенно когда зайдет солнце и грянет ночной мороз?

И тут Алиса увидела зеленое пятнышко на серо-желтом фоне пустыни. Пятнышко росло и приближалось.

– Видишь? – спросила Ичунь.

– Это что?

– Это и есть оазис профессора Лу Фу, – ответила толстенькая китаянка.

Флаер сделал круг над зеленым садом, который раскинулся на пологом спуске к рукаву реки Тарим, несущей по камням ледяную воду к озеру Лоб-Нор, и опустился на каменной площадке в нескольких метрах от входа в усадьбу профессора Лу Фу.

Алиса увидела изысканные литые чугунные ворота, видно привезенные сюда издалека. Ворота были приоткрыты, так что надпись «Просьба позвонить» на китайском, русском, английском и уйгурском языках к Алисе и Ичунь не относилась.

– Профессор заранее задал воротам программу, – сказала Ичунь, подходя к ним. – Чтобы они нас встретили, а чужих не пустили.

– Добро пожаловать, – сказали ворота, когда Алиса вошла.

– Вообще-то профессор не любит, чтобы к нему заходили любопытные туристы. Они бывают очень бесцеремонными, а профессор – человек деликатный и слаб здоровьем, пустые люди его раздражают.

– Ты права, моя дорогая Ичунь, – послышался молодой голос.

По дорожке навстречу гостьям медленно шел очень старый, хрупкий, согбенный человек с жидкой белой бородкой и усами, в черной круглой шапочке. У человека были большие молодые веселые глаза в тонких морщинках, которые остались от многих тысяч улыбок.

За старым профессором, на полшага позади, шла молодая девушка с резкими чертами лица, карими глазами и такими густыми черными бровями, что они срослись над переносицей.

– Я рад видеть юную гостью из Москвы, – сказал старик. – Ты, наверное, уже догадалась, что я и есть старый отшельник Лу Фу.

– Конечно, профессор, – ответила Алиса. – Вряд ли вы живете здесь с братом, который за вас всю жизнь фотографировался.

Профессор рассмеялся.

– Познакомься с Фатимой. Фатима – подруга Ичунь, они вместе учатся и вместе за мной ухаживают, как самые настоящие внучки. Только Ичунь китаянка, а Фатима – уйгурка. А теперь, когда мы все познакомились, я предлагаю дорогим гостьям пройти в дом, потому что поднимается зимний ветер и вы можете замерзнуть.

Профессор как будто подслушал мамины напутствия!

– Ой, что вы! – воскликнула Алиса. – Мне совсем не холодно. И если вы не возражаете, я хотела бы сначала посмотреть ваш сад. Даже с неба он кажется удивительным и необыкновенным.

– Пожалуйста, – ответил профессор. – Я люблю показывать свой сад друзьям. Их у меня осталось не много, и они редко меня навещают, и если бы не молодежь из Урумчи, я бы совсем закис.

Но при этом профессор улыбался, и Алиса поняла, что он несколько преувеличивает. И если у него бывает мало народа, то только потому, что он сам этого хочет.

– Следуйте за мной, – пригласил профессор.

И только тут Алиса поняла, что заворожена взглядом профессора, она даже не заметила, что он одет в рабочий костюм – наверное, одежду ки-

тайского крестьянина: синюю куртку и синие широкие штаны. На босых ногах, несмотря на холод, были лишь легкие сандалии.

Профессор пошел вперед по туннелю, собранному из легких деревянных планок, оплетенных виноградом так, что внутри было полутемно. И, что самое удивительное, листья винограда были зелеными, а сверху свисали тяжелые грозди спелых ягод.

По обе стороны туннеля в просветах между виноградными листьями были видны клумбы с розами, пионами и даже флоксами, а далее Алиса заметила полянку, засаженную хризантемами.

Когда туннель кончился, они оказались на небольшой лужайке перед домом. Тут как раз вышло солнце, и в мгновение ока замерший было живой мир оазиса всполошился и кинулся по своим делам: из густой травы вылетели бабочки и кузнечики, деловитые шмели и пчелы слетелись к цветам, а муравьи побежали через дорожки. Запели птицы, они гнездились в кущах деревьев, правда, еще невысоких, но пышных. Алиса увидела там и клен, и яблони, а ближе к высокой металлической ограде, литой, как и ворота, стояли сосны вперемежку с бананами и бамбуком, это было необычно, но красиво.

– Я опасаюсь не только нежеланных гостей, – сказал профессор. – Ограда ограничивает действие моих лучей и служит как бы экраном.

Последних слов старого профессора Алиса не поняла, но она не спешила с вопросами – ведь профессор обязательно расскажет, чем он занимается и что за лучи он изобрел.

Внутри небольшого домика, скромного настолько, что казалось, будто у отшельника, который здесь живет, нет никаких потребностей и желаний, было тепло. Солнце било в большие окна, делая еще более заметным скромное убранство комнат.

Первая комната служила профессору гостиной, столовой и, очевидно, кабинетом. Пол в ней был покрыт циновками, посредине стоял невысокий стол, возле него – два небольших табурета. Третий табурет Алиса увидела справа, у консоли, на которой стоял компьютер. На стенах было две-три старых фотографии, на одной Алиса угадала молодого профессора возле космического гравитоплана древней конструкции, рядом с ним стояла молодая красивая женщина. Ее Алиса тоже узнала. Это была Сандра Сингха – первый пилот гравитоплана, которая пропала без вести во время испытательного полета – космос всегда требовал жертв.

Что еще было в комнате? Несколько книг на столе, дискеты на консоли, абажур с черным драконом, вышитым на желтом шелке, древняя статуя Будды, видно найденная в пустыне...

– Мне много не нужно, – сказал профессор, указывая гостьям на табуретки. – Простите, Алиса, если вам у меня покажется не очень уютно. Фатима, ты угостишь нас чаем?

Фатима уже исчезла за дверью.

Дверей было две – одна вела на кухню, другая – в глубину дома, наверное, в спальню профессора.

Сначала немного поговорили о том, как Алиса долетела до Урумчи, профессор расспросил гостью о здоровье ее родителей. Оказалось, что профессор читал о приключениях Алисы и даже видел документальный фильм о путешествии ее к центру Земли. Профессор был вовсе не таким отшельником, как могло показаться. Он сам признался, что получает специальную программу новостей, а также несколько видеожурналов и внимательно следит за всеми событиями в мире.

– Так расскажите, Алиса, – попросил профессор свою гостью, – что за опыты вы проводили в Москве со своими товарищами и какими были их результаты?

Профессор разговаривал с Алисой точно так же, как говорил бы со своим взрослым коллегой, и ничуть не притворялся. Для него на самом деле совершенно ничего не значил возраст собеседника. Он ценил в людях ум и доброту. Остальное, как утверждал он, приложится.

И Алиса совсем не стеснялась, хотя впервые в жизни попала в ситуацию, когда ее коллеге, к которому она прилетела по делу, почти на девяносто лет больше, чем ей. И родился он в прошлом веке!

Алиса рассказала профессору о том, как Аркаша хотел заставить розовый куст отзываться на классическую музыку, а Пашка Гераскин заставил растение слушать сутками сплошной рок-дроп и рок-джамп.

Профессор даже развеселился, особенно когда Алиса рассказала ему, что розы чуть не завяли после трех часов сплошного рока. Затем Алиса поведала профессору, как сама впуталась в эту историю, потому что когда-то дедушка учил ее играть на скрипке.

– И что же розы? – спросил Лу Фу, когда Алиса рассказала, как принесла на биостанцию скрипку.

– Аркаша уверяет, что они шевелили листьями и даже лепестками, правда чуть-чуть.

– Вот именно, чуть-чуть, – согласился профессор. – Я должен сказать вам, коллега, что я проходил через эти опыты. Не удивляйтесь, Алиса. Ведь я тоже не сразу добился таких результатов.

И профессор показал на окно, за которым, просвеченные солнечными лучами, покачивались под ветром ягоды черешни. Дальше стояли апельсиновые деревья, украшенные тяжелыми оранжевыми плодами.

– Значит, мы пошли по неправильному пути? – спросила Алиса.

– Да, ваш путь был тупиковым. Вы могли пригласить целый симфонический оркестр, но вряд ли даже морковка выросла бы быстрее. Если бы вы немного подумали, то наверняка догадались бы о том, о чем удалось догадаться мне.

– Но о чем догадались вы, профессор?

Алиса посмотрела на Ичунь и Фатиму. Обе студентки глядели на профессора влюбленными глазами. Они уже давно знали об открытии, но им и в голову не приходило перебивать или торопить профессора.

– Ну что ж, покажем нашей московской гостье, что мы научились делать? – спросил профессор у студенток.

Обе вскочили.

– Мы готовы, профессор! – сказала Ичунь.

– Тогда одевайтесь потеплее – наверху сильный ветер.

И хоть девушки отказывались одеться, профессор принес из своей спальни три теплых халата.

– Я специально держу их здесь, – сказал профессор, – у нас в пустыне тепло бывает только летом. Но тогда наступает такая жара, что хочется зарыться в песок с головой. Даже речка пересыхает, и все растения прячутся или погибают... кроме моих!

В голосе профессора прозвучала гордость.

По внутренней лестнице они поднялись на плоскую крышу. Крыша была окружена барьером по пояс человеку и в середине ее на возвышении стояла стеклянная башенка. В ней была видна установка, похожая на гидропушку, с помощью которой в рудниках размывают и дробят породу.

Дул сильный холодный ветер, он гнал низкие серые облака, порой в разрывах между ними показывалось синее, куда темнее, чем в Москве, небо, и оттуда ослепительно сияло солнце. Профессор подвел девушек к башенке.

Ему совсем не было холодно, хотя ветер трепал его белую бороду и пытался сорвать куртку. Порой даже казалось, что он вот-вот свалит старика с ног. Но Лу Фу и внимания не обращал на погоду.

– Когда я решил уйти в отставку с поста главного физика Земли, я уже знал, чем займусь на досуге – я постараюсь помочь тем ученым и простым людям, которые стараются восстановить природу Земли и, может быть, не только восстановить, но и помочь ей развиваться лучше, чем раньше. Но как это сделать? Разводить сады? Это делают многие. Выводить новые сорта растений? Этим тоже занимаются тысячи генетиков. Но я находился в более выгодном положении, чем другие спасители земной природы. Я много путешествовал в молодости и когда-то в одном тибетском монастыре отыскал и купил у монахов, забывших язык пали, на котором она была написана, рукопись на пальмовых листьях. Когда-то ее привезли из стран Южных морей. Неведомый древний мудрец утверждал в рукописи, что сила человеческого духа такова, что если правильно думать и правильно чувствовать, то человек может заставить растения быстрее развиваться. И в этой книге, которой уже исполнилось две тысячи лет, были приведены специальные заклятия и упражнения, направленные на то, чтобы воздействовать на растения добром.

– А как это добром? – спросила Алиса.

– Все существа на свете понимают, что такое зло, а что такое добро.

– И растения?

– Все живое! Просто чем дальше от человека находится живое существо, тем труднее человеку достучаться до него и передать ему свои чувства. Порой достаточно взгляда другого человека, чтобы почувствовать себя хорошо. Собака тоже может передать свои чувства взглядом, кошка – мурлыканьем, а как достучаться до сердца скорпиона?

– Ой, я не хочу достукиваться до его сердца! – воскликнула Ичунь.

– Вот видите! – засмеялся старый ученый. – Из древней рукописи на пальмовых листьях я узнал, что человеку легче найти пути к растениям, чем к скорпионам. Потому что панцирь скорпиона – это не только защита от врагов, но и защита от чужих чувств. Есть животные, насекомые или бактерии, лишенные доброты. Или, вернее, такие, с которыми очень трудно найти контакт... А растения, оказывается, очень отзывчивы. Если знать, как к ним обратиться.

– И вы научились?

– Сначала я подверг советы этой рукописи сомнению, потому что я ученый и не верю в волшебство. А уроки рукописи мне показались уж очень близкими к волшебству.

Но потом я решил все же проверить мудреца и с помощью древних заклинаний и упражнений начал ставить опыты на растениях. И что же оказалось? Старинные заклинания действовали!

Голос профессора звучал громко и уверенно, словно голос совсем молодого человека, глаза у него были молодые, и Алиса понимала, что таким же молодым сохранился разум ученого. И это чувствовала не только она, но и студентки из Урумчи, которые, наверное, слышали этот рассказ не в первый раз, но с трепетом внимали профессору.

– Тогда я задался вопросом, – продолжал профессор, – что же заставляет растения реагировать на мои заклинания?

– А как они реагировали? – не сдержалась и перебила профессора Алиса.

– Вопрос правильный, – согласился профессор. – У растений увеличивалась скорость роста, они не болели, плоды на них получались больше, а цветы ярче, чем у обычных растений.

Алиса кивнула.

– А я задумался, – возвратился к своим мыслям профессор, – что же за секрет содержится в словах рукописи? Почему растения слышат меня? И понял, что все заклинания, которые я произносил, состояли из добрых слов. Все движения, которые я производил, были добрыми движениями, такими же, как ласка рук матери, укачивающей своего ребенка, или движение ладони, которая гладит животное. Все, что было в этой рукописи, так или иначе оказалось связанным с добротой. Когда же я догадался, то закрыл книгу, отложил в сторону опыты и решил, что пришла пора оставить двигатели, корабли, институт и попытаться в последние годы жизни научить растения расти с помощью доброты. И вот десять лет назад я скрылся от друзей и родственников, которые наверняка решили, что я на старости лет сошел с ума, прилетел сюда и построил домик прямо в сердце пустыни. Правда, я поставил его на берегу реки Тарим, которая зимой и весной несет воду в озеро Лоб-Нор. А был разгар зимы...

– Ой, наверное, вам было очень трудно! – воскликнула Алиса.

– Да, это была трудная зима и трудная весна. Порой мне хотелось сдаться и убежать в мой теплый Шанхай. Но я упрямый старикашка. Я своего добился. На основе уроков и намеков старинной рукописи я, как ученый двадцать первого века, построил усилитель – ведь любое человеческое чувство, любое движение ума, любые мысли можно усилить. Мне удалось выделить физическую природу добра. Мне удалось сфоку-

сировать в тонких лучах эманацию добра. То есть луч моего аппарата, несущий добро, действует на растение так, как если бы ему объяснились в любви одновременно сто тысяч детей. Вы не замерзли?

– Нет, что вы! – в один голос воскликнули три слушательницы.

– Вы не представляете, как я волновался, впервые включая мой генератор доброты в этом саду. Росло там всего-навсего три ветки саксаула и верблюжья колючка. И знаете, что мне пришлось делать в последующие три дня? Я выпалывал верблюжью колючку, которая под влиянием моего луча буквально заполонила всю усадьбу! С тех пор я не нарадуюсь на растения.

Профессор поднялся на площадку к своей «пушке». Он любовно погладил ее.

– Отсюда, – сказал он, – мой луч может достать до любой точки усадьбы. Каждый день я обязательно устраиваю два сеанса доброты. И сейчас вы увидите сеанс, который я проведу специально для моей гостьи Алисы, которая пролетела через половину Земли, чтобы встретиться со своим коллегой, и которая, как я надеюсь, построит такие, как у меня, установки в своей Москве. Сегодня я могу сказать, что первый этап моих опытов удачно завершен, и с завтрашнего дня я начну готовить письма в научные журналы и разошлю по заповедникам и лесоводческим хозяйствам чертежи моего генератора. И я надеюсь еще увидеть тот день, когда в пустынях вырастут сады и на местах вырубленных лесов поднимется зеленая поросль.

Профессор включил аппарат.

Тонкий расширяющийся оранжевый луч вырвался из дула «пушки», и профессор медленно повел его по кругу так, чтоб дотронуться до всех растений. Подобно солнечному зайчику, луч освещал цветы, плоды, замирал на секунду у корней деревьев и пробегал по их листве... И Алиса с удивлением смотрела, как под этим лучом, словно малыши, принимающие солнечные ванны, растения прихорашивались, выпрямлялись, выпускали новые побеги, раскрывали свежие листья и бутоны – казалось, что вся усадьба профессора Лу Фу ожила: шуршали ветви, распевая песни, кружились над деревьями птицы и насекомые... Когда «пушка» поворачивалась, луч случайно задел Алису, и она почувствовала, как ее толкнуло в сердце трепетное чувство радости...

– Все! – произнес профессор. – Сеанс закончен.

Алиса окинула взглядом усадьбу. Казалось, что над садом пролился ливень – такими свежими были растения.

– Отсюда, – сказал он, – мой луч может достать до любой точки усадьбы. Каждый день я обязательно устраиваю два сеанса доброты.

– Теперь вы понимаете, почему я не хотел раньше времени показывать свою работу зрителям, – сказал профессор. – Примчались бы репортеры, прибежали бы глупые туристы, стали бы мне мешать, шуметь и ломать забор, чтобы достать сувенир.

Алиса хотела было встать на защиту туристов, но студентки полностью поддержали профессора. Алиса вспомнила шумный лайнер и Торнсенсенов с их байдаркой и поняла, как они правы.

– Можно спуститься вниз, выпить чаю и погреться. К сожалению, я не могу предложить вам настоящего обеда, которого требуют ваши молодые желудки, потому что сам я питаюсь только овощами. Но я думаю, что вы не откажетесь выпить со мной еще по чашке чаю.

Когда они снова пили чай, Алиса высказала свой восторг по поводу того, что увидела, а профессор, которому было приятно слышать восторженные слова о своем изобретении, отнекивался и повторял, что ничего особенного он не сделал и что при желании это мог бы сделать каждый. И если бы Алиса с друзьями не увлеклись музыкой, может, и они догадались бы о существовании лучей добра.

Алиса спросила, можно ли будет и завтра посмотреть, как работает генератор? Профессор ответил, что он будет рад увидеть Алису завтра, потому что он должен рассказать ей, как сделать генератор доброты для московских школьников. Сейчас же профессор устал...

– Не беспокойтесь, учитель, – быстро сказала Ичунь. – Мы уже улетаем. Алиса останется у меня, а завтра утром я ее привезу сюда снова.

Профессор вышел проводить гостей к воротам, и, поднимаясь на флаере, Алиса видела в иллюминатор маленькую фигурку в синем костюме. Профессор стоял, подняв руку, а за его спиной начиналась зеленая чаша его сада.

Профессор дал девушкам с собой целую сумку с апельсинами и яблоками, которые созрели ранней весной. Всю дорогу до Урумчи девушки ели фрукты, и во флаере весело пахло апельсиновой кожурой.

Глава вторая
ИСЧЕЗНОВЕНИЕ

Комиссар Милодар, шеф земной службы Интернациональной Галактической полиции, позвонил своему агенту Коре Орват среди ночи, по-

тому что имел гадкую манеру звонить всегда не вовремя. Сам он почти не спал и не выносил, когда спали его подчиненные.

Спросонья Коре показалось, что обвалился потолок и оттуда в спальню ворвалась стая визгливых гиен. А это был всего-навсего звонок видеофона.

– Ты что делаешь? – сурово спросил комиссар.

Кора достаточно проснулась, чтобы ответить:

– Собираю апельсины.

Ее шутка не возымела действия, потому что комиссар удивленно откликнулся:

– Кто тебе сказал про апельсины?

Кора окончательно открыла глаза и посмотрела на часы: четыре часа тридцать пять минут. Самое время для того, чтобы поговорить об апельсинах.

– Мне приснился сон, – ответила Кора, – что я собираю апельсины и варю из них компот.

– Чепуха! Я не верю в сны! Признавайся, откуда ты узнала про апельсины?

– Комиссар, если вы будете на меня и дальше кричать, я выключу связь.

– Нельзя. Раз ты проснулась, значит, начался рабочий день.

– Тогда расскажите мне тихим голосом, что произошло, – попросила Кора. – Только очень тихим голосом. У меня разыгрались нервы.

– Неправда! Ты еще такая молодая, у тебя нет нервов!

– Еще тише, умоляю!

– Еще тише невозможно. Я сам себя не услышу.

– Это совсем не обязательно, – сказала Кора. – Вы же знаете, о чем хотите мне сообщить.

Милодар тяжело вздохнул. Он не любил упрямства Коры и ее умения оставить за собой последнее слово, но признавал ее профессиональный дар.

– Говорит ли тебе что-нибудь, – спросил он приглушенным голосом, – имя Лу Фу?

– Разумеется, как и любому интеллигентному человеку, – ответила Кора. – Это великий китайский ученый, физик и философ, лауреат Нобелевской премии. Каждый школьник знает о четырех принципах Лу Фу. Шестьдесят лет назад он изобрел гравитационный двигатель, и благодаря ему мы можем за считанные дни пересечь всю Галактику.

– И это все?

– Я знаю, что он очень старый и живет где-то в горах или в пустыне, где разводит розы.

– Молодец, девочка! – похвалил Кору комиссар Милодар. – У тебя хорошая память. Я могу добавить только, что уважаемому профессору Лу Фу через неделю должно исполниться сто лет и во всех странах мира, а также на многих планетах готовятся к этому празднику. Ведь Лу Фу воспитал сотни учеников, не говоря уж о почитателях.

– И вы разбудили меня, чтобы сообщить об этом?

– Ты ошибаешься, Кора. Дело куда серьезнее.

– Меня выбрали в делегацию ИнтерГпола, которая повезет букет великому ученому?

– Не говори глупостей! В делегацию выбирают солидных людей, а не рядовых агентов.

– Тогда в чем дело?

– А в том, что профессор исчез, и вернее всего – убит.

– Быть не может!

Кора вскочила с кровати, сна – ни в одном глазу.

– Ну чего же вы молчите, комиссар! Я вас слушаю!

– Смотри-ка, проснулась! – усмехнулся Милодар. – Уже готова к бою!

– Какие будут приказания, шеф?

– Я решил поручить это дело тебе!

– Но ведь есть более заслуженные агенты, более опытные.

– Наоборот, мне нужен агент молодой, быстрый, отважный и, кроме того, знающий китайский язык. А это ты, Кора Орват! Итак, через пятнадцать минут прошу быть у меня в кабинете.

– Я не успею, – ответила Кора.

Но конечно же комиссар Милодар не стал ее слушать.

Кора представила, как ее начальник включает хронометр, сидит перед ним, попивая кофе, и считает секунды. Он уверен, что она не уложится в пятнадцать минут, потому что это невозможно.

Ах так?!

За двенадцать секунд Кора выскочила из постели, добежала до ванной и через семьдесят секунд уже была на кухне – умытая, причесанная и полностью одетая. А кухня, привыкшая к тому, что ее хозяйка всегда спешит, уже сварила кофе, залила молоком кукурузные хлопья и выжала сок из грейпфрута.

– Тогда расскажите мне тихим голосом, что произошло, – попросила Кора. – Только очень тихим голосом. У меня разыгрались нервы.

Завтрак занял почти минуту – пришлось подкрепиться, потому что неизвестно было, когда удастся поесть в следующий раз.

Хрустя кукурузными хлопьями, Кора включила компьютерную энциклопедию и сразу увидела на экране доброе лицо старого профессора Лу Фу. Профессор был совсем лыс, у него были тонкие белые усы, кончики которых спускались к подбородку, и редкая, клинышком, седая борода. Затем компьютер показал Коре дом профессора. Оказывается, он уже двадцать лет как отошел от работы в институте, вышел на пенсию и поселился в очень странном для пенсионера месте – на краю громадной, грозной пустыни Такла-Макан, одного из последних не освоенных людьми мест на Земле.

– Сейчас вы увидите дом профессора Лу Фу, – произнес низкий голос диктора. Он говорил по-китайски.

На дисплее потянулась бескрайняя каменистая пустыня, над которой кое-где поднимались гигантские барханы. Затем показались низкие голые холмы, между ними – зеленое пятнышко. Пятнышко росло, пока не превратилось в цветущий оазис, защищенный холмами от ветров и песчаных бурь. Посреди оазиса, рядом с маленьким синим прудом, располагался небольшой белый дом, окруженный плодовыми деревьями. На плоской крыше дома поблескивала стеклянная башенка.

– Здесь, в тишине и вдали от суеты, профессор проводит свои спокойные годы, размышляя о смысле жизни и стараясь по мере сил принести пользу людям, – сообщил диктор.

Лу Фу вновь появился на экране. На этот раз он трудился в саду, разрыхляя мотыгой грядку. С дерева рядом упал апельсин и покатился к профессору. Ах, вот почему комиссар удивился сну Коры!

Кора выключила компьютер. Прошло уже четыре минуты из отпущенных ей комиссаром Милодаром.

«Какой благородный старик», – подумала она, выбегая на улицу к своему флаеру.

– Что готовить на обед? – крикнула из окна кухня.

– К обеду меня не жди, – ответила Кора.

– Когда же это наконец кончится! – взвыла кухня.

Дверца флаера открылась.

Садясь в машину. Кора сказала ей:

– У нас есть девять минут, чтобы долететь до Антарктиды, где меня ждет в штабе комиссар Милодар.

– Не успеть, – ответил флаер.

– А ты постарайся.

– Пробки, – ответил тот. – Воздушные пробки над Малаховкой и Бермудским треугольником. Меньше десяти минут не гарантирую.

– Я тебя очень прошу. Это дело чести.

– Ну тогда держись! – предупредил флаер. – Ты хорошо пристегнулась?

Они были над Антарктидой через восемь минут тридцать секунд, трижды нарушив правила движения и чуть не врезавшись в мыс Горн.

Еще через полминуты на скоростном лифте Кора понеслась вниз сквозь двухкилометровый ледяной щит Антарктиды. Там, в глубине и безопасности, находится штаб ИнтерГпола – Интернациональной Галактической полиции. С опозданием в четыре секунды Кора вошла в кабинет комиссара Милодара.

Тот постучал согнутым пальцем по хронометру и сказал:

– Я бы на твоем месте не успел. Что будешь пить? Джин, виски, самогон, коньяк?

Кора не успела открыть рот, чтобы ответить, как Милодар уже протянул ей высокий бокал парного молока.

– Спасибо, шеф, – сказала Кора. – Я готова к работе.

* * *

– Сейчас ты увидишь прилетевшего из Урумчи свидетеля, – сказал комиссар Милодар. – Этот человек последним видел профессора живым. И первым попал к нему в дом после его исчезновения. Он сообщил обо всем в криминальную полицию Урумчи. После этого свидетель нашел в себе силы первым же лайнером прилететь сюда, чтобы дать показания.

– Я ничего не понимаю, – сказала Кора, глядя на часы. – Сейчас половина шестого утра. Когда же ваш свидетель успел посетить сегодня профессора, узнать, что он исчез, вернуться в Урумчи, дать показания полиции и прилететь сюда...

– Тебе ли быть такой наивной, Кора! – расстроился комиссар. – В каком месте я тебя разбудил?

– Под Вологдой, – ответила Кора. – Была половина пятого.

– А сколько в это время было в пустыне Такла-Макан?

– Наверное, часов на пять-шесть больше. У них уже утро...

– Умница! Значит, за несколько часов наш свидетель успел прийти, увидеть и принять меры. Как Юлий Цезарь.

Кора хотела было поправить комиссара, так как, по ее сведениям, изречение Юлия Цезаря звучало не совсем так, как цитировал его Милодар, но потом решила оставить комиссара в неведении. Тем более что она и в самом деле вела себя как наивная девочка, которая прогуляла урок о часовых поясах и теперь думает, что Земля плоская.

– А здесь у меня время произвольное. Как-никак полюс, – продолжал комиссар. – Вот вы и встретились на равных.

Милодар щелкнул пальцами.

– Ввести свидетеля! – произнес он.

Такой жест приводил в изумление посетителей, попавших к комиссару в первый раз и не знавших, что за происходящим в кабинете внимательно наблюдает любимая секретарша комиссара, подлинное имя которой за последние годы забылось. Но сотрудники ИнтерГпола именовали ее Церберовной. И стоит комиссару щелкнуть пальцами, как любое его пожелание исполняется.

Дверь в кабинет отворилась, и вошла высокая девочка лет двенадцати, светловолосая и голубоглазая. Девочка была одета в дорожный комбинезон с вышитой на груди эмблемой юных биологов Земли – птицей дронтом. Эту эмблему придумал замечательный натуралист и любитель животных Джеральд Даррелл. Птицу дронта много лет назад истребили охотники, и ни одного дронта в мире не осталось. И, прикрепляя к груди изображение вымершей птицы, юные биологи клянутся: мы будем охранять всех живых существ.

– Познакомься, Кора, – сказал комиссар Милодар. – Это Алиса Селезнева. Она живет в Москве. Должен сказать, что Алиса не совсем обыкновенная девочка, потому что в своем возрасте она установила рекорд – побывала на двадцати трех планетах.

– На двадцати четырех, – ответила Алиса.

– Нет, на двадцати трех. Я проверил твое досье, – повысил голос комиссар.

– У меня хорошая память, – сказала девочка. – К сожалению, вы ошибаетесь.

Коре захотелось захлопать в ладоши, чтобы поддержать девочку. Молодец, что не оробела под орлиным взглядом комиссара Милодара. Ну, теперь держись!

– А здесь у меня время произвольное. Как-никак полюс, – продолжал комиссар. – Вот вы и встретились на равных.

– Досье на детей с неустойчивой психикой составляется суперкомпьютером, – сообщил Милодар, – который просто не способен ошибиться.

– У меня и психика неустойчивая? – спросила Алиса. – А ты что думала? Разве может быть устойчивой психика ребенка, который к двенадцати годам облетел половину обитаемой Галактики?

– Но ведь большей частью меня возили туда взрослые.

– Значит, это были взрослые с неустойчивой психикой, – заявил комиссар.

– Я им скажу о вашем мнении, комиссар, – сказала Алиса. – Им будет интересно его услышать. Надеюсь, оно официальное?

– Совершенно неофициальное! – быстро воскликнул комиссар. Он умел вовремя отступить на заранее подготовленные позиции. Ведь среди людей, с которыми летала Алиса, могли оказаться и персоны, которым не понравится критика Милодара. Лучше не рисковать...

– Кстати, – продолжал Милодар, обращаясь к Коре, – Алисочка отличница, можно сказать – лучшая ученица в классе. Кроме того, она успешно занимается биологией. Именно в качестве юного биолога Алиса посетила профессора Лу Фу.

Алиса между тем рассматривала молодую женщину, с которой ее только что познакомил комиссар Милодар. Женщина казалась несколько заспанной, – видно, ее вы дернули из постели куда раньше, чем ей того хотелось. С первого взгляда Алисе понравилось в новой знакомой то, что в ней все было настоящее, свое. Ведь не секрет, что женщины конца XXI века широко пользуются косметикой и хирургией, чтобы казаться красивыми. Некоторые изменяют себе лицо, другие удлиняют ноги, третьи даже отращивают небольшие крылышки или третий глаз во лбу, но большинство превращают себя в длинноногих блондинок. Бывает, попадешь на пляж и видишь – тысяча одинаковых красавиц! Непонятно, как их знакомые мужчины различают.

А вот у Коры все было свое: и рост – метр восемьдесят пять, и синие глаза, и русые волосы, прямые и коротко остриженные, и даже зубы, не такие белые, чтобы быть фарфоровыми.

Кора сказала:

– Мне очень приятно познакомиться с юным биологом. У меня еще никогда не было знакомого биолога.

И незаметно для Милодара она подмигнула Алисе.

– Вот и отлично! – воскликнул комиссар. – Мы познакомились, и можно переходить к делу. Алиса, расскажи нам о последней встрече с профессором Лу Фу и о том, что случилось сегодня утром. А моя секретарша угостит нас душистым кофе со сливками.

Он щелкнул пальцами.

– Через три минуты, шеф! – послышался из-под потолка голос Цербероvны.

Алиса рассказала Коре и комиссару о том, как она решила наговорить письмо старому физику и получила от него приглашение. Как прилетела в Урумчи и встретилась со студенткой Ичунь. Как потом они прилетели в пустыню Такла-Макан к озеру Лоб-Нор и нашли там зеленый оазис профессора.

Комиссар, который уже слышал рассказ Алисы, и Кора, услышавшая обо всем впервые, часто перебивали девочку, чтобы уточнить детали. Их все интересовало: и как выглядел Лу Фу, и как вела себя Ичунь, и кто такая Фатима, и какие плоды дал с собой Алисе старый профессор. Особенно они вцепились в Алису, когда она перешла к описанию отлета. Они три раза просили девочку повторить рассказ о том, как профессор пригласил ее прилететь к нему еще раз, чтобы поговорить об установке генератора доброты в Москве. Наконец, выпотрошив Алису как цыпленка, они успокоились, и Милодар приказал:

– Продолжай. Рассказывай, что было после вашего возвращения в Урумчи.

– Ничего, – ответила Алиса. – Мы прилетели в город и отправились в общежитие, где живет Ичунь. Она провела меня к себе в комнату, и мы посидели там, поговорили.

– О чем?

– В основном о том, какой великий человек профессор и какой он чудесный старик. Ичунь обожает своего учителя.

– А Фатима? Она его не любит? – спросил Милодар.

– С чего вы взяли? – удивилась Алиса. – Фатима тоже его любит. Но ее с нами не было, потому что она местная, из Урумчи, живет в доме своих родителей и вечером ушла домой.

– Итак, тебе ничего не известно о том, что делала Фатима, – уточнил комиссар. – Продолжай.

– Что продолжать? Потом мы пошли ужинать в маленький уйгурский ресторан...

– Почему в ресторан? – спросил Милодар. – Не рано ли вам ходить в ресторан, госпожа школьница?

– Нет, – вежливо ответила Алиса. – Не рано. Там хорошо кормят. Даже лучше, чем в студенческой столовой.

– Это выдумки!

– Это правда, – вставила Кора. – Вы, комиссар, институтов не кончали, а я имею высшее образование и должна вам сказать, что не очень любила бывать в нашей студенческой столовой.

– Клевета! – Милодар настаивал на своем. – Я читал, что полезнее всего питаться в студенческих столовых.

– Продолжай, Алисочка, – попросила Кора.

– Из ресторана мы пошли... – Алиса с опаской взглянула на комиссара, и тот, перехватив взгляд, закусил губу, готовый ринуться в бой.

– Правду и только правду! – потребовал он.

– Мы пошли на дискотеку, – упавшим голосом призналась Алиса.

– Так я и думал! – Милодар явно расстроился, а Кора рассмеялась.

– Я провела детство в приюте, – призналась Кора. – И если бы ты только знала, как мы мечтали о дискотеке! Впервые я побывала на ней на первом курсе института, зато скажу тебе, что провела там лучшие ночи моей жизни!

– Почему меня не поставили об этом в известность? – возмутился Милодар, дергая себя за кудри. – Почему я узнаю о своих агентах порочащие их сведения через несколько лет?

– Во-первых, комиссар, – возразила Кора, – в дискотеке нет ничего порочащего. Именно там я в совершенстве овладела рок-дропом и рок-джампом.

– Этого еще не хватало!

– Во-вторых, там я знакомилась с хорошими мальчиками.

– Еще того хуже! Там не может быть хороших мальчиков.

– Может, вы хотите, комиссар, чтобы мы с Алисочкой показали вам, как танцуют рок-дроп и рок-джамп?

– Или рок-скок? – спросила Алиса. – Это новая московская мода.

– Вы зачем здесь собрались? – грозно спросил Милодар, чувствуя свое бессилие перед девушками. – Мы обсуждаем важную проблему! Каждая минута на вес золота. Я не намерен тратить время на пустые воспоминания испорченных девиц! Мы немедленно продолжаем допрос. Алиса, что необычного произошло той ночью на дискотеке?

– Ничего, комиссар.

– Как жаль. Продолжай.

– После дискотеки мы долго гуляли по улицам, – сказала Алиса. – Ичунь провожали ее друзья, а я гуляла с ними.

– Кто эти друзья? – насторожился Милодар.

– Студенты и школьники, – ответила Алиса.

– Их фамилии?

– Я не спрашивала их фамилий. Там были два китайца, два уйгура и узбек.

– Они спрашивали тебя о профессоре?

– И не думали, – сказала Алиса. – Они спрашивали об Ичунь.

– Тогда продолжай. Итак, вы вернулись домой...

– Мы вернулись домой и легли спать. Утром проснулись, но Ичунь не могла встать с постели. Ночью ведь шел снег, а она гуляла с непокрытой головой.

– А я что говорил! – обрадовался комиссар, который всем и всегда велел надевать головные уборы. – На улице свирепствует грипп!

– Ичунь потеряла голос, и у нее начался страшный насморк. Я дала ей лекарства, но лететь со мной к профессору она не могла. Так что она отдала мне ключ от своего флаера, чтобы я могла слетать к Лу Фу.

– Значит, ты летела туда одна? – прищурился комиссар, словно и не знал об этом.

– Совсем одна, – ответила Алиса. – И жалею об этом. Лучше бы со мной кто-нибудь был. Вы не представляете, как мне было страшно!

– Ладно, ладно, – сказал комиссар, который не выносил женских страхов и женских слез. – Ничего особенного. Ты ведь даже трупа не видела.

– Но вы представьте, – Алиса обратилась к Коре, которая ее понимала куда лучше, чем этот курчавый цыган с безжалостными глазами. – Вы представьте: я посадила флаер у ворот. Ворота были приоткрыты. Я думала, что профессор открыл их специально для меня... Я прошла внутрь. И что-то меня сразу встревожило. Как будто сад был не таким, как вчера.

– Почему не таким? – взвился комиссар. – Подробнее!

– Милодар, – вмешалась Кора, – через час или два мы с вами будем на месте преступления и тогда сами все почувствуем. Продолжай, Алиса.

– Сад был неживой. Там не было птиц и насекомых – все куда-то попрятались. Я прошла к дому. Дверь в него тоже была открыта. Я позвала профессора, потому что удивилась, что он не вышел меня встретить. Ни-

кто не откликнулся. Я тогда еще не испугалась – решила, что, наверное, профессор работает и не заметил, как я пришла. Я вошла в первую большую комнату. Там профессора не было. Но вид комнаты меня удивил... нет, даже испугал.

– Почему? – спросил Милодар.

– Там все было разбито, раскидано, словно... словно там побывало стадо слонов. Нет, не слоны, там побывали какие-то сумасшедшие.

– Дальше!

– Я стояла у входа в первую комнату и кричала: «Профессор, профессор!» Но никто не отзывался. И было так тихо, вы просто не представляете, до чего там было тихо. Даже мухи не летали... – Алиса замолчала. Она снова переживала страх, который овладел ею в доме профессора.

– И ты вошла в следующую комнату? – подсказал Милодар.

– Я долго не решалась, – ответила Алиса. – Я все прислушивалась. А вдруг профессор просто заснул? Потом мне показалось, что кто-то смотрит на меня снаружи. Я подбежала к окну. Тут как раз налетел холодный дождь со снегом, и стало сумрачно.

– А за окном никого не было? – спросил комиссар.

– За окном никого не было. Только сыпались листья.

– Ты это заметила?

– Я уверена, – сказала Алиса. – Я смотрела, а листья падали. Их срывало ветром.

– Продолжай, – попросил Милодар.

– Я все-таки решилась и заглянула сначала на кухню. Там был жуткий беспорядок. Потом я сунула нос в спальню профессора. Но и там было пусто. И вся мебель была перевернута, словно кто-то сошел с ума. Но я боялась увидеть мертвого профессора и даже обрадовалась, что его нет.

– И никаких следов профессора? – спросила Кора.

– Нет. Я даже поднялась на крышу, – сказала Алиса, – чтобы лучше осмотреть оазис.

– А что было на крыше?

– Кто-то разбил стеклянную башню и опрокинул, уничтожил генератор доброты. Видно, люди, которые напали на профессора, совершенно не представляли, на что они подняли руку.

– Или слишком хорошо представляли, – мрачно заметил комиссар Милодар.

Слушая Алису, он ходил по своему кабинету из угла в угол, стараясь не приближаться к Алисе и Коре, которые стояли у стола. Объяснялось это просто: великий сыщик комиссар Милодар был на две головы ниже Коры Орват – агента № 3 в его команде. Но это еще куда ни шло – обиднее оказалось то, что девочка Алиса тоже была выше Милодара. Так что он хоть и метался по комнате, но к собеседницам не приближался.

– Я попыталась позвонить в Урумчи, но связь в доме профессора была выведена из строя – там не осталось ни одной целой металлической или пластиковой вещи. Тогда я побежала к флаеру и из него вышла на связь с полицейским управлением. Я рассказала дежурному, что случилось, и дежурный был очень удивлен. Он даже сначала мне не поверил. Потом велел ждать, пока прилетит патруль. Я хотела сказать дежурному, что мне страшно здесь ждать одной, но постеснялась. Тут мне позвонил следователь Лян Фукань, которому доложили о том, что случилось. И следователь спросил меня, не хочу ли я вернуться в город, если мне страшно. И тогда мне стало совсем не страшно.

– Алиса улыбнулась. – Я сказала ему, что ничего не случится, я подожду во флаере. А если замечу что-нибудь подозрительное, то сразу подниму машину в воздух. Следователь сказал мне, что я молодец, и еще спросил, где я так хорошо выучила китайский язык.

– А ты что ответила?

– А я ответила, что каждый культурный человек в двадцать первом веке знает китайский язык. Тогда следователь сказал, что он больше за меня не боится, но советует быть внимательной и осторожной. А дальше вы все знаете.

– Да, дальше мы все знаем, – согласился Милодар. – Как только следователь и полицейская группа примчались в оазис профессора Лу Фу, осмотрели дом и оазис и пришли к решению, что профессора нигде нет, они тут же отрядили поисковые группы в пустыню. Может быть, подумали они, профессор по какой-то причине ушел из дому и заблудился. Но тут следователь Лян Фукань обнаружил в спальне опрокинутый стул, на опрокинутом стуле – обрывки веревки, а также капли крови на полу под стулом. Стало ясно, что кого-то, вернее всего хозяина дома, привязывали к стулу и ранили его. Тут уж ни у кого не осталось сомнения, что в дом к профессору проникли злоумышленники, мучили профессора, пытаясь что-то у него выведать, а затем увезли его с собой. Но кто были эти преступники, еще следовало узнать. К тому же непонятно, у кого

профессор мог вызвать такую ненависть, чтобы его мучили и полностью разгромили его скромный дом... Наверное, это было самое загадочное дело в практике следователя Лян Фуканя!

* * *

Каково же было разочарование следователя, когда, доложив об исчезновении профессора в Пекин, он узнал, что вести это дело он будет не один – к нему присылают на помощь агента № 3 ИнтерГалактической полиции, потому что авторитет профессора в Галактике настолько велик, что дело подлежит расследованию на высочайшем уровне. Лян Фуканя попросили не обижаться – ведь у ИнтерГалактической полиции куда больше возможностей и опыта. Вернее всего, преступление задумано и совершено преступниками высочайшего класса, профессионалами, с которыми провинция Урумчи давно не сталкивалась.

Если даже следователь Лян Фукань и был разочарован или обижен, он никак этого не показал. Он поклонился начальнику управления, который сообщил ему новости с экрана видеосвязи, и спросил, где ждать коллегу. Начальник попросил Лян Фуканя завершить осмотр места происшествия и встретить агента ИнтерГпола на аэродроме Урумчи.

– Хорошо, – сказал следователь.

Он обследовал пустыню и долину Тарима, а тем временем в Центре управления комиссар Милодар заканчивал инструктаж агента № 3 Коры Орват.

– Тебе придется работать в тесном сотрудничестве с китайскими коллегами, – говорил он. – Тебе надо будет показать, что ты не вмешиваешься в их дела, а помогаешь всеми доступными способами. Ясно?

– Ясно.

– Ты готова к отлету в Урумчи?

– Готова.

– А я? – спросила Алиса.

– А тебе что надо, девочка? – удивился комиссар, который уже забыл о существовании Алисы. – Ты разве не улетела домой?

– А мне что делать? – настаивала Алиса.

– Ты лети домой, к маме, – отмахнулся Милодар, занятый своими заботами. – Тебе обедать пора.

– Спасибо за совет, – сказала Алиса, – но я им не воспользуюсь.

– Это еще почему? – Комиссар не терпел, когда ему перечили.

– Мне надо вернуться в Урумчи.

– И не думай. Там не место маленькому ребенку.

– Спасибо за то, что вы считаете меня маленьким ребенком, – сказала Алиса.

– Только я все равно полечу в Урумчи, с вашей помощью или без вашей помощи.

– Прости, Алиса, – сказала Кора Орват. – А зачем тебе надо в Урумчи?

– Во-первых, у меня все вещи в общежитии остались. А Ичунь сойдет с ума, если увидит, что я пропала.

– Я ей скажу.

– Она вам может не поверить. К тому же нельзя так вот запросто бросить в беде человека, который дал тебе кров. Представляете, каково сейчас Ичунь и Фатиме. Им ведь кажется, что, если бы они остались со старым профессором, ничего плохого не случилось бы.

– Наверное, ты права, – сказала Кора. – Может, Алиса полетит с нами? – спросила она Милодара.

– Лишнее все это! И вообще во флаере тесно, – проворчал тот.

Алиса расстроилась. Каждому станет обидно, если ему уже двенадцать лет, а его считают бесполезным ребенком.

Когда они поднимались на скоростном лифте на поверхность ледяного щита Антарктиды, Кора вдруг тихо спросила Алису:

– Ведь это не главная причина, почему ты хочешь вернуться в Урумчи?

– А какая главная? – спросила Алиса.

– Главная заключается в том, что ты, Алиса, обожаешь загадки и тайны и тебя никакими конфетками не выманишь из пустыни Такла-Макан, пока не разгадана тайна исчезновения профессора.

– Но он же мне не чужой человек! – сказала Алиса. – Он мой коллега, он пригласил меня в гости, я еще не получила от него чертежей генератора добра для нашей биологической станции. Разумеется, я никуда не улечу из пустыни. И не мечтайте меня выгнать!

– А кто тебе сказал, что я мечтаю тебя выгнать? Я же сама тебя позвала.

Комиссар не отрывался от своей видеозаписной книги, которую изучал, пока они поднимались на лифте с глубины в два километра, и не слушал разговора. Но для порядка спросил:

– Вы о чем шепчетесь?

– Извините, комиссар, – сказала Кора. – Мы о своем, о девичьем.

– Вот именно, – согласился комиссар, – о девичьем. А надо – о деле!

– Я согласна, чтобы ты осталась со мной, – сказала Кора Алисе. – Только ты должна дать мне слово, что без моего разрешения не будешь соваться в опасные места.

– Обещаю! – обрадовалась Алиса. – Я ведь давно уже не тот легкомысленный ребенок, каким меня знают по фильмам и книжкам. Я даже могу поклясться, что буду вас слушаться!

– Не надо, я тебе верю, – сказала Кора. – Но и ты меня не подведи.

Лифт вылетел на сверкающую снежную поверхность ледяного щита Антарктиды. У замаскированной под торос двери лифтовой шахты стоял скоростной флаер – служебная машина Милодара, кстати, снабженная гравитационным двигателем конструкции профессора Лу Фу.

– Комиссар, – сказала Кора, – Алиса летит с нами в Урумчи.

– Но ведь я же сказал, – воскликнул комиссар, – что детям не место в служебном флаере!

– Алиса оставила вещи в студенческом общежитии. Она их заберет, поговорит со студентками, а потом, если захочет, может улететь в Москву на рейсовом лайнере.

– А если не захочет? – насторожился комиссар.

– Тогда и решим... Да вы забирайтесь во флаер, комиссар, забирайтесь. В ногах правды нет. По дороге все обсудим.

Флаер Милодара оказался просторным и комфортабельным. В нем даже нашлось место для штанги и пианино. И Алиса никому не помешала. Но у Милодара не было детей, и он не знал, как с ними обращаться.

Флаер резко забрал в небо и понесся к северу.

– Кора, ты что-то хочешь сказать. По глазам вижу!

– Вы, как всегда, угадали, – откликнулась Кора. – Мне хотелось бы попросить Алису, если у нее, конечно, найдется для этого время, слетать со мной в оазис профессора.

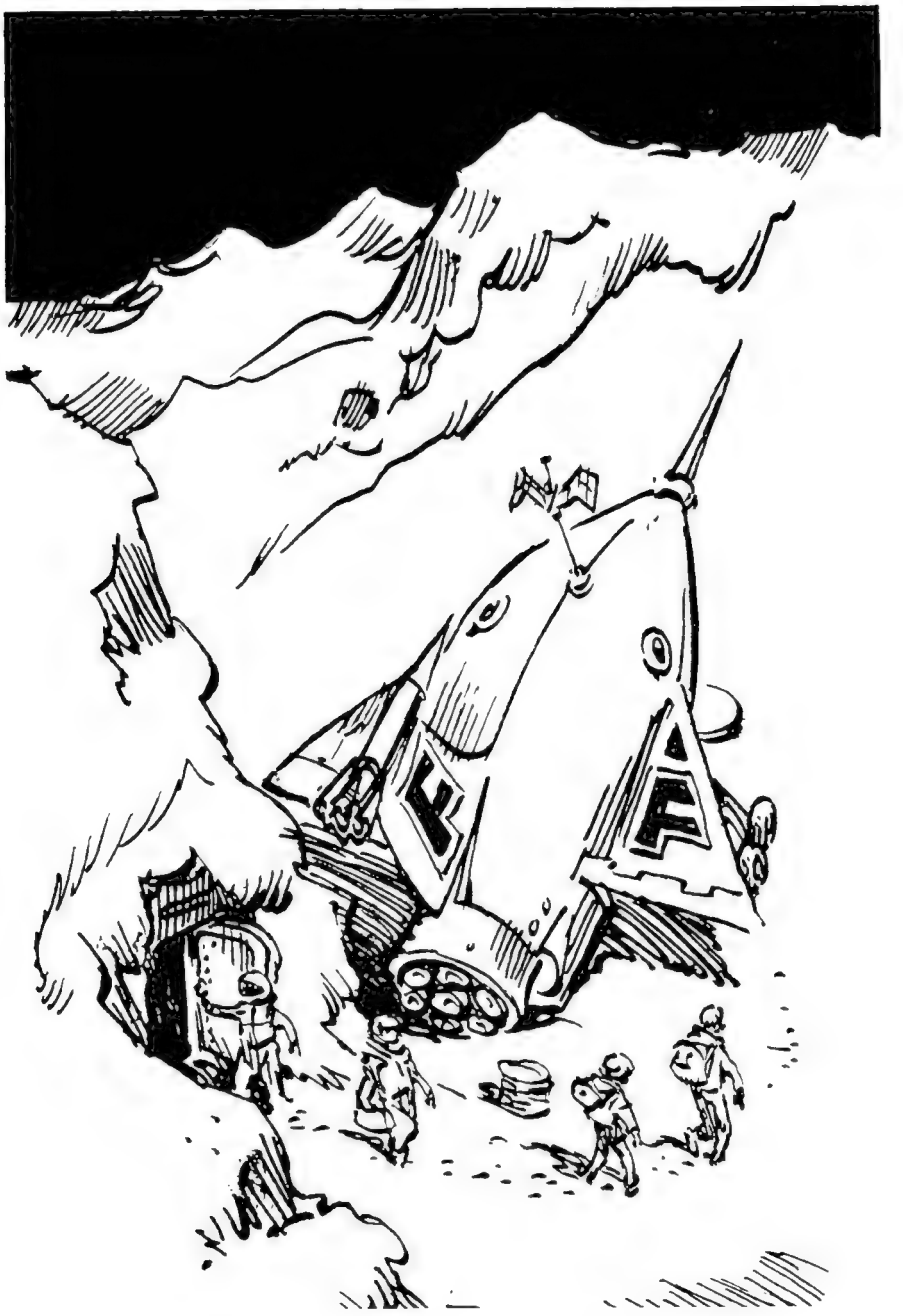
– Это еще зачем? – Голос комиссара был строг.

– Она уже была там два раза и может мне помочь при расследовании. – Голос Коры тоже был строг.

– Чем тебе может быть полезен маленький ребенок?

– Мне нужен единственный свидетель, который был у профессора перед смертью и первым после его исчезновения.

– Вообще-то ей лучше бы лететь домой, – произнес комиссар таким голосом, что даже Алиса поняла, что они с Корой выиграли сражение.



У замаскированной под торос двери лифтовой шахты стоял скоростной флаер – служебная машина Милодара, кстати, снабженная гравитационным двигателем конструкции профессора Лу Фу.

Милодар тут же углубился в свои видеозаписи, потом вышел на связь с какой-то группой № 6 на Марсе, которая что-то потеряла или нашла, и забыл о спутницах.

– Спасибо вам, Кора, – сказала Алиса. – Я никогда этого не забуду...

– Во-первых, не вам, а тебе – не так уж велика у нас разница в возрасте. Я старше тебя раза в два, не больше. Во-вторых, ты и в самом деле можешь мне пригодиться. Кто знает... Следствие есть следствие, а расследование в пустыне Такла-Макан для меня нечто новенькое. Так что будем считать, что мы с тобой обо всем договорились к общему удовольствию. В Урумчи я даю тебе полчаса, чтобы домчаться до общежития, взять свои вещи и девушку по имени Ичунь, которая нам может понадобиться. Догоните нас в оазисе.

– Есть, капитан! – откликнулась Алиса.

* * *

Алисе потребовалось полчаса для того, чтобы успокоить Ичунь и убедить ее в том, что профессор скорее всего жив. А потом Алиса уговорила Ичунь полететь на флаере в оазис. Ичунь все время плакала, слезы катились по ее тугим щекам, волосы растрепались, глаза распухли и превратились в узкие щелочки.

– Что же будет, – повторяла она, – что же теперь будет!

– Что ты имеешь в виду? – спросила Алиса.

– Но ведь через две недели у нас юбилей! Профессору исполнится сто лет. Уже избран почетный комитет, съедутся гости. Как ты не понимаешь таких простых вещей!

– Чего я не понимаю?

– Что будут делать гости, если не будет хозяина?

На этот вопрос Алиса ответить не смогла. Она лишь представила себе, как гости растерянно бродят по пустыне в поисках профессора.

Когда они прилетели в оазис, Милодар и Кора Орват их уже ждали. Алиса увидела следователя Лян Фуканя, толстенького, очень вежливого человечка в строгом черном костюме и при галстуке, что выглядело в пустыне необычно.

– Я очень рад, – сказал следователь, – что Алиса возвратилась в оазис профессора Лу Фу, потому что я надеюсь на ее помощь, и мне приятно также видеть Ичунь.

– Почему? – спросила Ичунь и тут же залилась слезами, потому что увидела, какой разгром в доме профессора.

– Вы можете заметить, что отсутствует, пропало, – сказал следователь.

Ичунь со следователем ушли в дом. Алиса осталась в саду. Ей не хотелось возвращаться в разоренный, испоганенный дом.

Сад был уже не так пустынен, как утром. Эксперты и сыщики деловито шныряли по дорожкам, рылись в ворохах листьев, ползали между грядок, искали микроследы на дорожках... Куда бы Алиса ни ступила, ей говорили, шептали, ворчали, приказывали:

– Девочка, отойди, девочка, ты мешаешь, девочка, не наступи на вещественное доказательство! Девочка, что ты тут делаешь? Девочка, неужели тебе не сказали, что детям сюда вход воспрещен?

Алиса послушно отступала, отпрыгивала, отходила, она понимала, что специалисты заняты делом, а она и в самом деле может нечаянно наступить на пылинку, оставленную преступником или, что еще хуже, принести лишнюю пылинку на своей подошве.

Несмотря на подавленное настроение, Алиса смогла сделать важное наблюдение: сад, лишенный помощи генератора добра, на глазах погибал. Манговые деревья и финиковые пальмы, испугавшись холода, поспешили сбросить листья, виноград и сливы, тронутые ночным морозом, катились по дорожке, гулко падали апельсины, стайкой поднялись бабочки и полетели к озеру – видно, надеялись укрыться в густых тростниках. Но если муравьи могут зарыться в землю, змеи – спрятаться в норы, бабочки и птицы – улететь, то растения лишены этой возможности. Они умирают там, где живут, им не положен заграничный паспорт.

Порыв холодного ветра принес с собой заряд мокрого снега. Стало сумрачно, словно вечером.

Алиса поняла, что ей вовсе не хочется стоять здесь и мерзнуть.

Пришлось пройти в дом. Там горел свет – сыщики обследовали помещения и снимали их с разных точек.

– Не спешите, – услышала Алиса голос Лян Фуканя, – сосредоточьтесь. Вы бывали в этом доме много раз. Неужели вы не помните, чего не хватает? Были у профессора деньги?

– Зачем ему деньги? – послышался голос Ичунь. – Если ему что-нибудь было нужно, все сразу присылали из города Урумчи. Но профессор был очень скромным человеком, он старался ни у кого ничего не просить. К тому же он был вегетарианцем и мог обходиться плодами собственного

сада. Мы с Фатимой привозили ему лишь рис, вермишель и соевое масло. Нет, деньги профессору были не нужны.

– Но посмотрите, – настаивал следователь. – Здесь стояли очень дорогие приборы и компьютеры. Откуда они?

Алиса осторожно вошла в гостиную и остановилась у двери, слушая разговор.

– Странный вопрос, господин Лян Фукань, – удивилась студентка. – Ведь профессору достаточно было мигнуть глазом, чтобы ему прислали любой прибор китайского, да и не только китайского производства.

Комиссар Милодар статуей командора возвышался в углу комнаты. Он вертел головой, но не двигался с места. Дальше, за открытой дверью в спальню, была видна Кора Орват, которая вместе с уйгурским экспертом рассматривала веревки, которыми ученого привязывали к стулу. Второй эксперт брал для анализа щепки, испачканные кровью.

– Была ли у профессора какая-то особо ценная вещь? – продолжал спрашивать маленький кругленький следователь толстенькую робкую Ичунь. – Подумайте. Может быть, он показывал ее?

Алиса подумала, что они похожи, как дочь и отец.

– Профессор не любил вещей, – ответила студентка. – Он говорил нам, что забрался в сердце пустыни не для того, чтобы брать с собой в изгнание красивые вещи. Пускай, говорил он, они поживут дома, в Шанхае, и доставят удовольствие многим людям.

– И все же, – сказал из угла комиссар Милодар, – они что-то искали. Я бы даже сказал, что какая-то вещь их интересовала больше, чем сам профессор. И если уважаемый следователь Лян Фукань позволит, я бы предположил, что у профессора выпытывали, где спрятана эта вещь.

– Значит, они убили профессора? – испугалась Ичунь.

– Не знаю, – ответил Милодар, – Надеюсь, что его увезли с собой. Им нужны знания, им нужна информация, которая спрятана в голове профессора. Но если им была нужна только та информация, зачем переворачивать все вверх дном?

Ичунь только развела руками.

Лишь во второй половине дня следователи закончили осмотр сада профессора. К сожалению, ничего достойного внимания они не нашли. Если преступники и оставили следы, то на территории оазиса их затоптали, а снаружи их сдуло ветром и смыло дождем.

Так как погода стояла отвратительная – моросил холодный дождь, – никому не хотелось дальше оставаться в оазисе. И когда Лян Фукань с экспертами улетел в Урумчи, за ними последовал и комиссар Милодар с помощницами.

В гостинице Урумчи, в комнате Коры Орват, Милодар попрощался со своим агентом.

– Желаю удачи, – сказал он.

– Спасибо.

– Я буду тебя постоянно контролировать, – сказал комиссар, – так что не надейся, что сможешь отдыхать или смотреть видео.

– Я и не надеюсь. Я постараюсь вообще не спать.

Милодар обернулся к Алисе.

– Наверное, твои родители беспокоятся? – строго спросил он.

– Я звонила маме из Урумчи, – ответила Алиса. – Мама не беспокоится. Она привыкла.

– Жаль, – вздохнул комиссар. – Но, надеюсь, ты сегодня улетишь?

Алиса взглянула на Кору Орват. Неужели она не поддержит ее?

Кора Орват молчала, обернувшись к окну.

– Я полечу завтра, – сказала Алиса. – На лайнере.

Уже вечерело, и последний в тот день лайнер круто взмыл с летного поля, которое начиналось сразу за гостиницей. Если захочешь, из окна можно наблюдать за взлетом и посадкой кораблей.

– Ну что ж, мои дорогие, мне пора лететь. Сегодня надо успеть переделать еще целый воз работы, – сказал комиссар.

С этими словами Милодар помахал девушкам изящной рукой и медленно растворился в воздухе.

– Значит, он был не он? – спросила Алиса.

– Как всегда, – ответила Кора. – Это его голограмма.

Комиссар не любит появляться на людях самолично. Из-за этого бывает много смешных случаев.

– А отличить нельзя?

– Пока он не начнет брать в руки вещи, ты не заметишь разницы. Впрочем, можешь спросить, хочет ли он выпить чашечку кофе. Если это настоящий комиссар, он согласится, а если голограмма, то с благодарностью откажется.

– Где я буду спать? – спросила Алиса.

– А ты не раздумала оставаться со мной? Дома ведь лучше.

– Нет, если можно, я останусь с вами, Кора, до тех пор, пока профессора не отыщут. Мне неловко уезжать.

– Ну хорошо, я тебя не тороплю. Сейчас закажем ужин.

Они легли спать в тот день совсем рано – ведь Кора и Алиса поднялись на рассвете, а день выдался долгим и трудным.

* * *

Гостиница, в которой провели ночь Алиса с Корой, стояла рядом с аэродромом, в ней останавливались большей частью пилоты, стюардессы и те люди, чьи дела могли срочно позвать в дорогу. Это надо знать, чтобы не удивиться встрече, которая утром следующего дня произошла неподалеку от гостиницы.

– Алисочка, – сказала Кора, стараясь перекричать шум душа. – Сбегай вниз, в аэропорту есть магазин. Купи там для нас с тобой жевательной резинки, шоколада, яблок, бананов и других нужных в путешествии продуктов. Возможно, нам с тобой придется провести в пустыне несколько часов, а то и сутки. Продуктов у профессора в доме нет, а на сад рассчитывать не приходится. Он уже засыхает. Деньги у меня в сумке.

– Правильно, – согласилась Алиса. – Многие экспедиции срывались и гибли, потому что путешественники брали слишком мало продуктов. Так случилось с экспедицией капитана Скотта.

– Прости, – откликнулась из душа Кора, – я провела лучшие годы в детском доме. Там про Скотта не проходили. Ты мне потом о нем расскажешь.

Алиса спустилась вниз, перебежала площадь, где располагалась стоянка флаеров и наземных экипажей, а также велосипедов. В Урумчи живет немало пенсионеров, которые селятся здесь из-за чудесного горного воздуха и сухого климата. Они борются за чистоту окружающей среды и отказываются ездить на машинах или летать во флаерах. Они используют для поездок велосипеды или бегают с рюкзаками.

За стоянкой располагалось длинное здание аэропорта. Алиса увидела вывеску магазина и побежала туда. В магазине она провела полчаса и выбралась наружу, толкая перед собой тележку, наполненную фруктами и сладостями: ведь если тебе доверили снабжение экспедиции, на тебя

ложится тяжкая ответственность. А вдруг Кора погибнет, если в резерве не окажется молочного шоколада? А что, если придется весь день провести без пепси-колы? Так что Алиса предпочла взять больше, чем недобрать. Экспедиция должна выжить.

Алиса вышла из магазина как раз в тот момент, когда к зданию вокзала на стоянку мягко опустился большой туристический летающий автобус. Из него спускались один за другим туристы, обвешанные своим скарбом, а некоторые – трофеями. К своему удивлению, Алиса узнала среди них вчерашних попутчиков. «Ой, – удивилась она, – эти отважные Магелланы провели в пустыне и на озере Лоб-Нор всего два дня! Ничего себе, смелые ребята!» Тут из дверей автобуса показался господин Кнут Торнсенсен. Он тащил за собой байдарку, которая казалась бесконечной, а Алиса стояла как зачарованная, глядя на это зрелище. Из салона автобуса были слышны возмущенные голоса задержанных этой выгрузкой туристов. Торнсенсен отбросил рюкзак и тащил байдарку, лицо его стало вишневым, и Алиса испугалась, что он сейчас лопнет. Но обошлось. Из последних сил сингапурский норвежец все же вытащил из автобуса свое сокровище, и байдарка вылетела наружу, как пробка из шампанского, а за ней, потеряв равновесие, выскочила и мадам Торнсенсен, потерявшая парик. Толстенная мадам, разумеется, не удержала равновесия и растянулась на мостовой. С грохотом покатились во все стороны кастрюли, миски, соковыжималки и прочие хозяйственные принадлежности, которые, как выяснилось, мадам брала с собой в пустыню.

К счастью, находившиеся поблизости пассажиры успели подхватить мадам Торнсенсен и с трудом поставить ее на ноги, а Кнут Торнсенсен, задержавшийся из-за оплошности жены посреди стоянки, закричал на нее, держа байдарку за нос:

– Ну давай же! Скорее! Сколько можно тебя ждать? Ты опять копаешься!

Мадам поднялась и начала исследовать оцарапанную коленку, для чего ей пришлось наклониться, а сделать это при ее комплекции нелегко. Тут из автобуса выскочила Ма Ми с большим рюкзаком за плечами и вытянула за собой чехол с удочками. Она хотела помочь мадам Торнсенсен и склонилась к ее коленке, но мадам не стала ждать. Под грозным взглядом супруга она заковыляла к корме байдарки, с трудом приподняла ее и, хромая, побрела за мужем. Ма Ми пришлось собирать посуду и рассыпанные по земле предметы.

Алиса подкатила коляску к Ма Ми и хотела помочь ей.

– Ах! – воскликнула та испуганно, когда тень Алисы упала на нее. – Что ты здесь делаешь, Алиса? Ты меня выслеживала?

– Я хотела тебе помочь, – сказала Алиса, но так как она держала за ручку коляску, полную продуктов для путешествия, и не сообразила отпустить ее, то помочь Ма Ми она не могла.

– Спасибо, мне не надо помощи! – сказала Ма Ми.

– Ты меня боишься? – спросила Алиса.

– Зачем мне тебя бояться? – удивилась Ма Ми, ползая по земле и кидая в мешок кастрюли, терки, сковородки, кофеварки и чашки.

– А почему вы возвращаетесь? – спросила Алиса. – Холодно?

– Ужасная погода! – воскликнула Ма Ми. – Папа заболел бронхитом.

Алиса отпустила тележку и стала помогать Ма Ми. Вдвоем они за три минуты собрали все вещи в мешок, Ма Ми взвалила его на спину, а Алиса взяла тяжелый чехол с удочками, положила его поперек тележки с продуктами и покатила следом за Ма Ми.

– Тебе понравилось на озере Лоб-Нор? – спросила Алиса.

– Ты не представляешь, как там ужасно! – откликнулась Ма Ми. – Ночью пошел снег, а потом на озере была буря, у мамы начался страшный насморк, два туриста чуть не утонули, папа Кнут раскашлялся, из пустыни летели тучи песка... Мы еще успели выбраться оттуда живыми.

– Девочка права! – воскликнул шедший сзади тучный турист в меховой шубе до земли. – Это просто чудо, что мы остались в живых. Но больше всех рисковал отец этой девочки. Он пытался рыбачить в озере. Он мог утонуть в своей байдарке.

– Да, именно так, – согласилась Ма Ми. – Я была с ним!

Они вошли в высокий зал аэровокзала. Кнут Торнсенсен и его жена стояли посреди зала, соединенные длинной байдаркой: Кнут держал ее спереди, а его жена – сзади.

Кнут увидел дочь.

– Ма Ми, ты сведешь маму с ума! – крикнул он. – Сейчас же сюда! Не задерживайся, мы опоздаем на лайнер!

– Спасибо, Алиса, за помощь, – сказала Ма Ми. – Надеюсь, что мы еще увидимся.

Она схватила чехол с удочками и, с трудом волоча мешок, рюкзак и чехол, побежала к приемным родителям.

Тут из дверей автобуса показался господин Кнут Торнсенсен.
Он тащил за собой байдарку, которая казалась бесконечной.

Алиса осталась в растерянности, она даже попрощаться толком не успела. Хотя Ма Ми ей, честно говоря, очень понравилась. Она хотела бы с ней дружить.

– Счастливо! – крикнула она вслед девушке.

Но та не обернулась. Наверно, и не услышала, потому что Кнут Торнсенсен выговаривал за что-то приемной дочке, а она, как побитая собачонка, семенила рядом с этой нелепой байдаркой, похожей на гигантский коричневый банан.

Так эта семейка и исчезла в дверях, ведущих к летному полю.

Когда Алиса возвратилась к Коре, та была поражена количеством продовольствия, которое следовало взять с собой экспедиции.

– Не бойся, – сказала Алиса. – Не забудь, что нам с тобой еще надо позавтракать.

– Твое счастье, – сказала Кора, – что у меня тоже хороший аппетит. Иначе я тебя оставила бы в пустыне, пока не перемелешь все эти запасы.

– А что поделаешь? – вздохнула Алиса. – Я ведь расту.

Перед вылетом Кора позвонила следователю Лян Фуканю и сказала ему, что она вылетает в оазис профессора Лу Фу, чтобы еще раз не спеша осмотреть дом без свидетелей и специалистов.

– Я вас понимаю, коллега, – согласился следователь. – Надеюсь, что вы не забудете сообщить мне, если отыщете что-нибудь интересное, пропущенное невнимательными глазами моих сотрудников.

– Обязательно, уважаемый следователь, – сказала Кора. – Хотя вряд ли ваши сотрудники что-нибудь упустили.

– Он обиделся? – спросила Алиса, когда Кора прекратила связь.

– Не совсем так, – ответила Кора. – Следователь Лян Фукань – профессионал. Он хотел бы сам распутать это дело и найти профессора. Но он понимает, что похищение профессора, скорее всего, международное преступление и корни его могут находиться далеко от Урумчи. Конечно, ему немного обидно, что дело передали такой... такой девчонке, как я... Лучше расскажи мне, что ты видела, пока ходила в магазин. А то тебя не было так долго, что можно подумать, будто ты встретила друзей.

Пока они загружались во флаер, переданный им следователем, Алиса рассказала о встрече с Торнсенсенами, которые бежали с озера Лоб-Нор, испугавшись снега и ветра. Она смешно изображала туристов, показывая, как семья норвежцев тянула байдарку.

Кора слушала Алису не перебивая.

Флаер был уже высоко в небе, когда Алиса наконец закончила свой рассказ и Кора спросила:

– А девочка Ма Ми старше тебя?

– Ей лет пятнадцать.

– А родители ее в самом деле норвежцы?

– Они живут в Сингапуре.

– А что делает этот господин... Торн...

– Торнсенсен. У него магазин детских игрушек.

– Очень любопытно. И притом он – рыболов?

– Да. Так мне Ма Ми сказала. Он даже пытался рыбачить под снегом на озере Лоб-Нор.

Флаер летел высоко над пустыней на автопилоте, впереди уже показалась зеленая точка оазиса.

Алиса выглянула в окошко.

– Тебе не кажется, что листва пожелтела? Даже отсюда видно, – сказала она.

Кора в ответ только кивнула. Она о чем-то напряженно думала.

Алиса принялась разглядывать быстро приближающийся оазис.

Теперь она уже не сомневалась. За сутки, что прошли с их вчерашнего визита сюда, на оазис как будто накатила осень.

Даже Кора, хоть и думала о другом, удивилась, когда флаер опустился перед воротами, теперь наглухо закрытыми. Над забором поднимались кусты и деревья, состарившиеся за ночь, пожелтевшие, побуревшие. Все апельсины уже осыпались, порыв ветра принес охапку бурых листьев...

– Это ужасно! – воскликнула Алиса. – Сломав излучатель доброты, они загубили столько невинных растений.

Алиса хотела было вылезти из флаера, но тут увидела, что Кора набрала на пульте номер и спросила:

– Следователь Лян Фукань может подойти?

– Его нет в управлении, – ответил женский голос.

– Можно мне выйти с ним на связь?

– Следователь просил его не беспокоить.

– У меня срочное дело, связанное с исчезновением профессора Лу Фу. Я Кора Орват.

– Подождите минутку, я попытаюсь его вызвать, – сказала женщина.

Через несколько секунд Алиса услышала голос следователя.

– Простите, коллега, – сказал он. – Я сейчас в бассейне. Надо поддерживать себя в форме.

– Простите, что я вас отрываю от занятий, – сказала Кора, – но у меня дело большой важности.

– Говорите, коллега Орват.

– Скажите, пожалуйста, проверяли ли вы туристов, которые ночевали позавчера на озере Лоб-Нор неподалеку от оазиса профессора?

– Разумеется, коллега, – ответил следователь. – Мы проверили обе группы туристов, которые ночевали на озере Лоб-Нор. Никто не покидал лагерь, но за сутки они так продрогли и промокли, что в полном составе помчались по домам.

– Вы совершенно уверены?

– У меня нет никаких сомнений. – В голосе следователя звучало недовольство недоверием Коры.

– Знаете ли вы, – спросила Кора, – что у семьи Торнсенсен была большая байдарка?

– Разумеется, – ответил следователь. – Торнсенсен – заядлый рыболов. Мы даже связались с Сингапуром и выяснили, что это чистая правда. Отпуск он проводит в своей любимой байдарке.

– Заглядывал ли кто-нибудь в его байдарку? – спросила Кора.

– Почему мы должны подозревать уважаемого человека, хорошо известного в кругах торговцев детскими игрушками? За него могут поручиться сотни людей.

Алиса подумала, что они испортили Лян Фуканю купание. Ни один следователь не любит, если намекают на то, что он что-то упустил или не заметил.

– И все-таки я очень прошу вас дать сигнал в Ташкент, чтобы там под любым предлогом заглянули внутрь байдарки, – попросила Кора.

– Зачем? – спросил следователь. – Может, вы подозреваете, что там спрятан труп профессора Лу Фу?

– Чтобы выяснить, нет ли в байдарке скоростного двигателя, который позволил бы ей за ночь долететь от озера Лоб-Нор до оазиса профессора Лу Фу.

– Хорошо, хорошо, – сказал Лян Фукань. Каково ему было подчиняться этой самоуверенной девчонке из ИнтерГпола!

Рассерженный следователь отключил связь.

– Нехорошо получилось, – произнесла Кора. – Нам же вместе работать, а он, кажется, мною недоволен.

– Я с ним согласна, – сказала Алиса. – Мой опыт общения с людьми показывает, что эта семья – не преступники. Я разговаривала с Ма Ми. Она нормальная, хоть и не очень счастливая девочка.

– И все равно, – упрямо сказала Кора. – Если есть хоть маленькое подозрение, его надо развеять. Ведь ты же не знаешь, куда делся профессор. И я не знаю. Но неразрешимых тайн не бывает. Кто-то, хотя бы похититель или убийца, знает, что случилось. И если мы его выследим, то и сами все узнаем.

Они вошли в сад. Сад словно проснулся, удивился тому, в какой суровой, зимней, неприветливой пустыне он расцвел. И постарался соответствовать этой пустыне, как Золушка в роскошном платье и хрустальных туфельках, оказавшись на кухне, спешит все снять и спрятать, чтобы никто не догадался, какой проступок она совершила. Вот и сад стал серым, жухлым, несчастным, увядшим.

– Уж лучше бы, – сказала Алиса, пока они шли по дорожке к дому, – здесь была пустыня как пустыня. А то очень грустно.

В этот момент они услышали впереди глухой удар.

– Стой! – приказала Кора.

Она остановила Алису движением руки, а сама осторожно, как пантера, двинулась вперед.

Не успела Кора скрыться в бурых кустах, как раздался еще удар, потом еще один... Затем послышались удар потише и возглас Коры:

– Ой! Меня, кажется, убили!

Забыв об осторожности, Алиса кинулась вперед и увидела, что Кора стоит, прижавшись спиной к стволу апельсинового дерева, и прижимает ладонь к темени.

И тут еще один апельсин, сорвавшись с дерева, ударил Алису по плечу.

Стук раздавался со всех сторон, – поднявшийся ветер срывал апельсины с деревьев, и они стучали, ударяясь о твердую землю.

Перебежками, чтобы не попадать под апельсиновую бомбежку, девушки добежали до дома.

– На войне как на войне, – сказала Кора. – Хотя, честно говоря, мне приходилось бывать и в более жестоких переделках, но так близко от гибели я не была никогда.

– Правда? – удивилась Алиса. Но поняла, что Кора шутит, и рассмеялась.

– Ты не смейся, ты пощупай, видишь, какая шишка растет!

В доме стояла тишина, и, хоть окна были закрыты, пыль покрыла опрокинутые стулья, разломанный стол, перевернутый шкаф, сброшенные со стеллажей книги...

– Теперь, – сказала Кора, – мы с тобой будем искать то, не знаю что.

– Это мне нравится, – согласилась Алиса.

– Я не шучу. Я не знаю, и ты не знаешь, что мы отыщем. Но если следователи и эксперты ничего не нашли во всем доме, значит, они плохо искали. Вернее, не плохо, а стандартно. Мы должны с тобой увидеть что-то, чего они не смогли заметить. Задача тебе понятна, мой помощник?

– Да, мистер Холмс! – ответила Алиса.

– Что мы видим на этой картинке? – спросила Кора. – Мы видим дом старого профессора, разгромленный преступниками. Но неужели это просто хулиганы, которые получали удовольствие от своего хулиганства?

– Может быть, – согласилась Алиса.

– Они прилетели в самое пустынное место на Земле специально, чтобы побезобразничать. И мы с тобой в это поверим?

– Ни в коем случае, мистер Холмс! – ответила Алиса. – Они прилетели, потому что им что-то было нужно.

– Отлично! – воскликнула Кора. – Как мне приятно, что меня сопровождает такой умный доктор Ватсон. Им нужно было что-то... большое?

– Нет, небольшое.

– Почему они не попросили профессора дать им эту вещь?

– Потому что профессор не захотел им дать эту вещь. Они даже привязали его к креслу и били, но он не сдался.

– Как только мы, доктор Ватсон, догадаемся, какую вещь профессор не захотел дать преступникам, мы разгадаем загадку оазиса.

Разговаривая так, сыщики прошли во вторую комнату, которая служила профессору спальней.

Здесь тоже были видны следы погрома, но Алиса обратила внимание на то, что здесь разгромлена только половина комнаты, та, что была ближе к двери. Ковер в этой половине комнаты был вспорот и разодран, комод с бельем буквально вывернут наружу... А вот в дальней половине комнаты преступники не хулиганили. Будто устали.

– Обрати внимание, Кора, – сказала Алиса. – Они просмотрели все книги на стеллажах в гостиной, но стеллаж в дальнем углу спальни их не заинтересовал. Разве это не удивительно?

– Удивительно, – откликнулась Кора. – Но мы постараемся объяснить эту странность.

– Можно, я объясню, мистер Холмс? – воскликнула Алиса.

– Попробуйте, доктор Ватсон.

– Они нашли то, что искали!

– Замечательно! Пятерка с плюсом. А раз они не были хулиганами, а оказались вполне деловыми людьми, то они тут же перестали громить и переворачивать чужой дом, а уехали с добычей. С предметом достаточно маленького размера, чтобы его можно было спрятать на полке за книгами.

– Но я не понимаю, – сказала Алиса, – куда они дели профессора?

Кора подошла к окну, за которым снова бушевала снежная вьюга, оседая тяжелыми шапками снега на ветвях деревьев.

– Вот это меня и беспокоит больше всего, – сказала Кора. – Может быть, они не хотели, чтобы профессор рассказал о том, кто на него напал и что у него забрали. В таком случае дела наши плохи. Ведь проще всего профессора было убить и закопать в пустыне. Его могут никогда не найти.

– Ой, какой ужас! – воскликнула Алиса.

– Но есть надежда, что профессор жив, – сказала Кора. – Это может случиться, если он им нужен.

– Но зачем им нужен старый ученый? Он же для них опасен, – сказала Алиса.

– Он их знает в лицо.

– Если его далеко спрятали, то он никому ничего не сообщит...

Сказав это, Кора включила связь-экранчик, прикрепленный к браслету.

– Следователь Лян Фукань! – произнесла она. – Вас вызывает агент Орват.

Маленькое лицо следователя показалось на экранчике.

– Извините, вам удалось связаться с Ташкентом? – спросила Кора.

– Да, только что, – ответил следователь.

– И что же?

– Как только лайнер приземлился в Ташкенте, часть туристов с него сошла. В том числе семья Торнсенсенов. Лайнер полетел в Москву без Торнсенсенов на борту.

– Так где они? – закричала Кора.

– Где угодно, – ответил следователь. – Может быть, они поехали ловить рыбу на озеро Иссык-Куль.

– Пожалуйста, я вас очень прошу, – взмолилась Кора, которой не хотелось портить отношения со следователем, хотя у них и были разногласия, так как Лян Фукань не желал подозревать Торнсенсенов. И это можно было понять. Ведь он с самого начала не проверил их, а теперь не хотел в этом признаться. – Я вас прошу, продолжайте вызывать Ташкент. Ведь Торнсенсены не могли провалиться сквозь землю!

– Разумеется, – ответил следователь, и связь прервалась.

Над пустыней Такла-Макан поднималась буря. За окнами стемнело.

– Наверное, к утру, – сказала Кора, – ни одного листочка на деревьях не останется.

Алиса пошла на кухню и приготовила обед из запасов пищи, которые они привезли из Урумчи. Обед состоял из ананасов, бананов, мороженого и шоколадных конфет с пепси-колой. Кора заявила, что она не ела такого вкусного обеда с тех пор, как сбежала из детского дома. Но она не сказала, когда и из какого детского дома она сбежала, а Алисе было неудобно спрашивать – ведь они совсем недавно познакомились.

После обеда они перешли в спальню профессора. Именно там стоял у окна его письменный стол. Ящики были выдвинуты, но, наверное, когда грабители открыли стол, они нашли то, ради чего пришли в этот дом, и тут же прервали обыск. А следователи и эксперты, которые появились здесь с утра, документы профессора трогать не стали. Ведь никто не доказал, что профессор погиб. Может быть, он гуляет по пустыне где-то неподалеку и вот-вот вернется к себе. И он всерьез рассердится, увидев, что следователи вели себя подобно грабителям.

Но Кора – не простой следователь, а агент ИнтерГалактической полиции. Ей приказано любой ценой раскрыть тайну исчезновения профессора, потому что все, связанное с его делом, может представлять опасность для Галактики. Он ведь не простой пенсионер...

Кора попросила Алису внимательно проглядеть книги на стеллаже в спальне профессора. Каждую книгу, просмотрев, ставить на место. Если что-то покажется странным, сразу сообщать ей.

Сама же Кора уселась за письменный стол профессора и стала по очереди проверять ящики стола. Она делала это осторожно, каждую бумажку просматривала, каждую микрокассету прослушивала и клала на прежнее место.

Алиса снимала книжки с полок, пролистывала и ставила обратно. Смотреть на старые книги было скучно. Впрочем, и кассеты и дискеты

касались в основном физики и небесной механики... Следующий стеллаж был заполнен литературой по психологии, физиологии и наукам о человеке. Затем Алиса перешла к шкафу, полному дискет и альбомов о разных растениях. Алиса ничуть не удивилась, встретив в библиотеке профессора столько книг и кассет по различным наукам. Ведь профессор раньше занимался физикой и астрономией, а в последние годы разрабатывал аппарат, передающий человеческие чувства растениям. Но для того чтобы сделать такую «пушку», что еще вчера стояла на крыше дома, надо было очень многое знать и о технике и о растениях.

Алиса чувствовала, что ничего интересного для следствия на полках она не отыщет, но раз уж она помогала настоящему агенту, и притом подруге, то она не собиралась сдаваться.

– Алиса, – окликнула ее Кора, – погляди, на каком языке это написано?

Алиса подошла к Коре. Та выложила на письменный стол целую пачку писем, написанных самым настоящим пером; к ним были приколоты конверты для космической почты.

Почта будет существовать в двадцать первом и даже в двадцать втором веке. Есть люди, которым нужны буквы и слова, которым хочется когда-нибудь достать дорогое сердцу письмо и перечитать его в тишине, лежа на диване и не включая компьютера. Всегда останутся люди, которые любят писать собственной рукой, точно так же, как это делал Лев Толстой или Леонардо да Винчи. Некоторые считают их чудаками и чуть ли не сумасшедшими, но эти люди не обижаются.

Кора передала пачку писем Алисе, а сама занялась изучением записок, дискет, лент и голограмм, лежавших в ящиках письменного стола.

«Наверное, их писал такой же древний старик, как наш профессор», – решила Алиса, беря пачку писем из рук Коры.

Она просмотрела конверты и обращения в письмах и тут же уверенно сказала:

– Это итальянский язык. Письма пришли из Болоньи.

– Ах да, конечно! – откликнулась Кора, которая, подобно Пашке Гераскину, не выносила, если обнаруживалась ее слабость или ошибка. Вот и тут, совершенно как Пашка, Кора пожала плечами и сказала: – Конечно же это итальянский язык! А то я засомневалась – а вдруг это аргентинский. Знаешь, они ведь так похожи!

Алиса не удержалась от ехидного замечания:

– Ты, наверное, в тот день болела и пропустила урок. И никто тебе не сказал, что не существует аргентинского, колумбийского и панамского языков. Там все говорят по-испански.

– Ты права, – вдруг призналась Кора. – У меня к языкам нет никаких способностей. А когда пытались их внедрить таблетками, то меня тут же рвало, честное слово!

– С помощью таблеток язык по-настоящему не выучишь, – ответила Алиса. – Таблетка действует два-три дня и может научить только самым простым выражениям. Таблетки – это для туристов. Мой папа из-за таблетки угодил в неприятную историю.

– Расскажи!

– Мой папа работает в Московском космозо – зоопарке для космических зверей. Один раз ему надо было лететь на конференцию по охране носорогов в Бангладеш. У него была таблетка, он ее проглотил, и пока летел да читал материалы к конференции, действие таблетки кончилось. Он пошел к трибуне и вдруг сообразил, что ни слова не помнит на языке бенгали. Тогда он попросил в президиуме у какого-то профессора еще одну таблетку. Тот ему дал, и папа прочитал доклад. Ему похлопали, все в порядке, а когда он сел на место, сосед его спрашивает, – а почему он выступал на бурятском языке? Оказывается, тот тип в президиуме перепутал таблетки. Смешно?

– Смешно, – согласилась Кора, – но не похоже на правду. И раз у нас с тобой здесь нет таблеток, будь любезна, прочти эти письма.

Алиса смутилась. Ей стало неловко, что она вместо помощи рассказывает старые анекдоты. Она, конечно, не догадалась, что Кора оборвала ее только потому, что смутно представляла себе, где находится Бангладеш, так как в детском доме прогуливала уроки географии, а иногда и уроки истории. Поэтому она и не поняла, почему в Бангладеш не понимают бурятского языка.

Алиса раскрыла первое письмо. Пробежав его глазами, она принялась вслух переводить:

– «Дорогой синьор Лу Фу! – начиналось письмо. – Мой старый друг доктор Бочкин из Тюмени был у меня в гостях и рассказал, что Вы последние годы работаете над проблемами воздействия лучами доброты на растения. Когда я услышала это выражение – „лучи доброты“, – все во мне, синьор, перевернулось. Неужели Вы подошли к разгадке тайны, которая мучила меня столько лет? Неужели Вы добились осуществления

мечты лучших людей всех времен? Пусть эти люди и не предполагали обратить свои усилия именно в этом направлении, и потребовался весь Ваш талант, чтобы добиться цели, но я полагаю, что...»

– Хватит, – оборвала Алису Кора. – Не трать больше нашего с тобой времени. Это просто какая-то поклонница. Кстати, погляди на обратный адрес. Как ее зовут?

– Графиня Серафина Беллинетти, – прочла Алиса. – Болонья, Италия.

– Вот видишь! – сказала Кора. – Эти старые графини все как на подбор сумасшедшие. Возвращайся к книгам, а я продолжу разбираться в бумагах.

Алиса вернулась к полкам, но письма от итальянской графини оставила себе. Она тихонько уселась в уголке на стул и принялась читать их дальше. Даже трудно объяснить, почему Алиса не послушалась Коры. Может быть, ей стало жалко старую графиню, которую обвинили в том, что она сумасшедшая. Может, потому, что она никогда еще не читала писем от итальянских графинь. При других обстоятельствах она, конечно, никогда не стала бы читать чужих писем. Но сейчас было иначе: от случайного слова или адреса, от имени или от неосторожно оброненной угрозы могла зависеть судьба профессора.

Так что Алиса продолжала читать письмо.

«Первая половина моей жизни сложилась удачно. У меня было все – и муж, и ребенок, и любимый дом. Но восемь лет назад муж и сын Карло погибли во флаерной катастрофе, и я осталась одна на всем свете. Мне трудно передать глубину отчаяния, в котором я находилась. В течение года я не могла видеть других людей, я скрывалась в своем замке и молилась, чтобы скорей наступила моя смерть. Но однажды, гуляя по окрестностям, я увидела нищенку с больным ребенком. И поняла, что есть люди, которым куда хуже, чем мне. И мне стало стыдно, что я прячусь в роскошном замке, не замечая, как страдают люди вокруг. Тогда я превратила мой замок в больницу для неизлечимо больных сирот, для тех, кто лишен разума.

Прошло уже несколько лет, как я стараюсь облегчить участь несчастных. Я приглашаю к себе в замок самых лучших специалистов и стараюсь следить за новыми открытиями в медицине – я занята с утра до вечера. И мне не так тяжело, как могло бы быть. Несчастный человек должен быть погружен в несчастья других людей – этим он лечится. Это для него лучшее лекарство.

За годы работы я пришла к выводу, что растения оказывают на душевнобольных благотворное воздействие. Если ребенок проводит ночь в саду,

он лучше высыпается, чем в комнате. Если же в саду притом играет очень тихая приятная музыка, то ее воспринимают и растения и люди...»

– Кора! – заявила Алиса. – Эта графиня, хоть и сумасшедшая старуха, проводила такие же опыты, как мой друг Пашка Гераскин.

– И так же безуспешно, – откликнулась Кора, погруженная в чтение документов профессора. – А ты теряешь время понапрасну.

«Но когда я узнала о Вашем открытии, Ваших работах, уважаемый профессор, то поняла, что Вы отыскали новый путь, пойти по которому я не догадалась. И я подумала: может быть, Вам будет интересно испытать Ваш прибор в моей клинике. Ведь если лучи добра так благотворно воздействуют на растения, может быть, через растения они подействуют и на моих больных? Ведь в любом случае хуже не будет».

Так как Кора не обращала на нее внимания, Алиса продолжала изучать письма итальянской графини. Правда, о многом приходилось только догадываться, потому что в пачке лежали письма из Италии, но не было, конечно, ответных писем профессора. Алиса сразу догадалась, что профессор подробно ответил на первое письмо графини Беллинетти и даже сам задал ей несколько вопросов, потому что в следующем письме итальянка сообщила, сколько у нее больных, как устроена клиника, какие врачи там работают. А в третьем письме графиня написала:

«Я прошу Вас называть меня просто Серафиной, как меня называют все, даже мои пациенты. Я посылаю Вам кассеты с фильмами о моем имении и нашем саде. Надеюсь, что Вы когда-нибудь сможете к нам выбраться».

Кассет не было, но, видимо, их надо было искать среди прочих кассет и дискет, сложенных стопками возле компьютера и видеосистем.

– Алиса, ты собираешься сидеть здесь вечно? – спросила Кора. – Ты еще и десяти процентов библиотеки не осмотрела.

– Извини, Кора, – ответила Алиса. – Но у меня такое ощущение, что эта переписка очень важна. Она может нам помочь.

– Чем же? – язвительно спросила Кора. – Неужели ты подозреваешь эту старушку в том, что она украла профессора? Может, ты думаешь, что она в него влюбилась?

Алиса не стала отвечать Коре – зачем спорить, если все равно ничего не сможешь доказать.

Но ей очень нравилась эта бабушка, которая добровольно отдала жизнь уходу за больными детьми и думает, как бы им помочь. Алисе

очень хотелось, чтобы профессор Лу Фу чем-нибудь ей помог. И вот в пятом или шестом письме она наткнулась на строчки, которых так ждала!

«Дорогой профессор, – писала графиня. – Разумеется, я понимала, что Ваша установка, которая работает на крыше Вашего дома, слишком дорогое и сложное устройство, чтобы его можно было размножить и прислать к нам в клинику. Но я верила, что Вы что-то придумаете. Представьте, как я обрадовалась, прочтя в Вашем последнем письме, что Вам удалось наконец изготовить карманную модель Вашего генератора. Да, конечно же я понимаю, что его действие ограничено и он уступает стационарному излучателю. Но мне и не нужны большие масштабы. Ведь наши опыты только начинаются. Главное, что малый излучатель такой простой и дешевый! Я вижу теперь, что наступает время, когда в каждом саду, в каждом оазисе можно будет установить генераторы, и вся жизнь на Земле изменится. Нет, не хмурьтесь, мой уважаемый друг, не сердитесь. Я знаю, что Вы не считаете работу завершенной, если она не проверена тысячу раз. Но я прошу Вас прислать мне карманный генератор на несколько дней. Я обещаю, что возвращу его Вам по первому требованию. Но я думаю, что результаты испытаний в клинике важны не только для меня, но и для Вас».

Алиса подошла к Коре, которая, перевернув стол кверху ножками, исследовала его внутреннюю поверхность.

– Кора, – сказала она, – я уверена, что графиня Беллинетти может нам помочь. Я уверена, что тебе надо срочно к ней слетать.

– Почему же?

– Прочти это письмо.

Кора пробежала письмо по диагонали.

– Ничего особенного не вижу, – сказала она. – Не понимаю, какое это может иметь отношение к исчезновению профессора.

– Я тоже не знаю, – призналась Алиса. – Но я убеждена, что графиня знает что-то важное!

– Я подозреваю, – сказала Кора, – что ты, Алисочка, насмотрелась детективов и тебе кажется, что ты вот-вот станешь Шерлоком Холмсом.

– Рядом с вами, разумеется, – ответила Алиса.

Кора не сразу поняла, шутит Алиса или на самом деле так думает, поэтому отмахнулась от нее как от мухи и сказала:

– Не трать времени даром. Продолжай осматривать библиотеку.

– Кора, я очень тебя прошу, – Алиса заговорила вкрадчивым голоском, – разреши мне взять на час твой флаер и слетать в Италию.

– Одна? В Италию? Ни за что!

– Ах, как ты мне напоминаешь мою бабушку, – сказала Алиса. – Только бабушка кричит не так громко.

– Слушай, – обиделась Кора. – Я тебя взяла на расследование, хотя совсем не должна была этого делать. И вместо того чтобы меня отблагодарить, ты со мной споришь и даже стараешься меня обидеть.

– О нет, господин сыщик! – ответила Алиса. – Я вам так благодарна, что даже моим детям и внукам прикажу за вас молиться!

– Алиса!

– Двенадцать лет как Алиса! И я вернусь через час.

– Так я тебе и поверила! – сказала Кора. – За час до Италии и обратно, да еще там поговорить со старушкой, которая уже выжила из ума!

– Значит, можно взять флаер?

– Только чтобы дотемна возвратиться! Иначе я тебя сегодня же отправлю к папе и маме.

– Слушаюсь.

Алиса остановилась посреди комнаты. – Так чего же ты ждешь? – спросила Кора. – Часы уже стучат!

– Но лучше, наверное, если ты позвонишь синьоре Беллинетти и скажешь, что я лечу к ней.

– Ага! – обрадовалась Кора. – Значит, и мы на что-то годимся!

– Годитесь, – согласилась Алиса. – Ты бы очень обиделась, если бы я стала договариваться без тебя. Это все равно как если бы доктор Ватсон договорился о поединке с доктором Мориарти, а Шерлоку не сказал ни слова.

– Ты так думаешь? – спросила Кора. – Наверное, ты права. Кстати, у тебя есть друзья среди малолетних преступников?

– Конечно, – ответила Алиса. – У меня есть два друга, Аркаша и Паша. Один из них только что вернулся из пиратского логова, потому что пираты отказываются с ним летать – так плохо он себя ведет. А Аркашу, к сожалению, выслали на Плутон. Он искусал последнего бенгальского тигра!

Кора кивнула. Больше вопросов она не задавала.

Она вышла с Алисой наружу. Сыпал снежок, деревья и трава побурели, апельсины, лежавшие в снегу, были темно-коричневыми.

Забравшись во флаер, Кора включила видеосвязь. Набрала межгород. В Болонье ей дали номер клиники госпожи Беллинетти. Подошла мило-

видная медсестра в синем платье, белом переднике и белой наколке. Она сказала, что госпожа директриса поехала на рынок за свежими фруктами для детей. Вернется она через полчаса. Тогда ее можно будет застать.

– Лети пониже, – сказала Кора и похлопала Алису по плечу.

Алиса забралась во флаер и резко забрала машину вверх.

Бурый, полузасыпанный снегом сад стал быстро уменьшаться.

У изгороди на снегу стояла маленькая фигурка Коры Орват. Кора махала рукой.

Флаер вошел в низкое снежное облако, его как следует тряхнуло, и Алиса, выправив машину, повела ее вверх, чтобы выйти из облаков.

Через пять минут облака разошлись и на темно-синем небе загорелось белое солнце. Солнце висело над бесконечным ватным облачным слоем, и лишь далеко на горизонте из облаков поднимались могучие хребты, покрытые вечными снегами.

Глава третья
ПОМОЩНИЦА ГРАФИНИ СЕРАФИНЫ

Флаер обогнал время и достиг итальянского города Болоньи утром. Здесь было солнечно, редкие пушистые облака плыли по небу, как парусные корабли, бурно цвели деревья, над городом висел аромат их лепестков.

Сама Болонья оказалась большим городом, в котором по всем центральным улицам протянулись галереи, чтобы в жару горожанам не надо было ходить по солнцепеку. Недалеко от старинного собора поднимались две высокие тонкие косые башни – когда-то, в дикие времена, жители Болоньи предпочитали жить в башнях, чтобы к ним не забрались разбойники.

Пролетев над утренней Болоньей, Алиса стала снижаться над зелеными парками и садами окрестностей города. Она связалась с клиникой, и вахтер сказал ей, что наведет флаер на стоянку, которая расположена за дворцом.

Оставив флаер, Алиса быстро прошла к дому.

Было пусто, жужжали пчелы, наперебой заливались птицы, каменные плиты под ногами были усеяны белыми и розовыми лепестками яблонь и вишен.

Дворец графини был очень старым. Наверное, он был построен лет пятьсот назад. В толстых серых стенах были прорезаны высокие узкие окна, по углам крыши и в нишах стен стояли мраморные скульптуры.

На открытую веранду, от которой к стоянке вела широкая каменная лестница, вышла уже знакомая Алисе дежурная медицинская сестра.

– Госпожа Серафина ждет вас у себя в кабинете, – сказала она. – Прошу вас следовать за мной.

Алиса поднялась по лестнице и ступила в прохладу каменного зала. Пол был мраморный, сложенный из разноцветных плиток, зал окружен изящными колоннами. Здесь тоже стояли статуи. И если бы Алиса не увидела по пути нескольких медицинских сестер и не заметила колясок, в которых съезжались в столовую на завтрак больные дети, можно было бы подумать, что она попала в музей.

Но она была не в музее.

Кабинет синьоры Беллинетти представлял собой странную смесь дворцовых покоев и современного кабинета директора клиники. На резных столах красного дерева стояли компьютеры, принтер разместился на мраморном столике, различного рода пленки, кассеты, бумаги заполняли столы и полки. Но хотя кабинет принадлежал очень занятому человеку, его нельзя было назвать захламленным или неопрятным. Просто в нем царил тот вид беспорядка, когда хозяин отлично знает, где лежит та или иная нужная ему вещь.

За столом сидела черноволосая женщина. При звуке шагов Алисы она легко поднялась с кресла, обежала стол и встретила Алису посреди кабинета.

Женщину Алиса сразу назвала про себя Дюймовочкой. Она была такой маленькой и хрупкой, что казалась девочкой, хотя конечно же была взрослой, наверное, не моложе Алисиной мамы. На женщине было широкое шелковое платье, шея, тонкие руки и лицо были загорелыми, смуглыми, как у рыбачки. Светлые зеленые глаза сияли так ярко, словно в них были вставлены лампочки. А волосы ее были такими буйными и густыми, что не желали подчиняться заколкам и разбегались водопадом по плечам. Алиса с первого взгляда влюбилась в эту женщину.

– Здравствуйте. Меня зовут Серафина, – сказала женщина и протянула Алисе горячую сухую руку. – Случилось что-то ужасное? Нет, не скрывайте от меня, я привыкла к несчастьям, я выдержу!

За столом сидела черноволосая женщина. При звуке шагов Алисы она легко поднялась с кресла, обежала стол и встретила Алису посреди кабинета.

– Вы не знали? – Почему-то Алиса была уверена, что графиня Беллинетти уже знает об исчезновении профессора.

– Когда мне сказали, что меня вызывали из пустыни Такла-Макан, я сразу отзвонила в оазис профессору Лу Фу, но связи не было. Тогда я позвонила в Урумчи, и там в институте мне сказали, что профессор исчез. Но почему-то никто не отозвался в оазисе.

– Разумеется, – согласилась Алиса. – Весь дом профессора перевернут с ног на голову, все будто растоптано стадом слонов, честное слово! А связаться с оазисом можно только из нашего флаера, а флаер стоит у ворот.

– Я ничего не понимаю. Садись, девочка...

– Алиса.

– Садись, Алиса, и расскажи мне все по порядку.

Алиса уселась в удобное кресло, графиня Серафина налила ей в бокал прохладного апельсинового сока и, не перебивая, выслушала ее рассказ. В заключение Алиса сказала:

– Я только кажусь такой молодой. У меня есть уже жизненный опыт. Сейчас я помогаю агенту ИнтерГалактической полиции, которая ведет следствие. А так как агент Кора занята изучением переписки и бумаг профессора, она попросила меня слетать к вам в Италию. Извините, но я прочла ваши письма к профессору.

– В любом другом случае я бы рассердилась на то, что вы читаете чужие письма, – сказала Серафина. – Это нехорошо.

– А вдруг в них заключается тайна профессора? А вдруг от какого-то письма может зависеть его жизнь?

Серафина кивнула.

– Сейчас я не сержусь, – сказала она. – Я понимаю вас. Что ты хотела бы узнать, девочка?

– Первый, и самый главный, вопрос у меня такой, – сказала Алиса. – Видели ли вы генератор доброты профессора Лу Фу?

– Вы имеете в виду аппарат, который стоит на крыше дома?

– Нет, я спросила о маленьком карманном излучателе.

– Я ждала этот излучатель с минуты на минуту, – ответила графиня. – Каждый день. Он мне очень нужен. И профессор обещал мне, что, как только он испытает карманный излучатель, он первым делом пришлет его сюда. И вот такое несчастье... – Графиня вздохнула. Потом сказала: – Если ты хочешь посмотреть на нашу клинику, пойдем, сейчас как раз кончается завтрак и мои пациенты пойдут гулять.

Они вышли из кабинета и попали в довольно большой, окруженный со всех сторон широкими галереями внутренний двор, лучше сказать – цветущий сад. В тени деревьев стояли детские кроватки.

– Это наша летняя спальня, – сказала графиня. – Дети лучше спят и лучше себя чувствуют под некоторыми видами деревьев. Но не под всеми.

– Любое растение выделяет кислород, – сказала Алиса, – и поглощает углекислоту. Поэтому под ним полезно спать.

– И под анчаром? – улыбнулась графиня. Оказывается, она знала стихи Пушкина. – Помнишь: «Но человека человек послал к анчару властным взглядом. И он послушно в путь потек и утром возвратился с ядом...»

– Конечно, помню, – ответила Алиса. – «И умер бедный раб у ног непобедимого владыки». Только это легенда.

– Конечно, легенда, – согласилась Серафина. – Но я тщательно подбираю растения, которые лечат детей. Я помогаю им расти.

– С помощью генератора Лу Фу?

– Нет, – улыбнулась Серафина. – Я сама служу генератором. По крайней мере до тех пор, пока не получу излучателя от профессора.

– Как это?

Они шли по саду. Большинство детских кроваток стояли пустыми – видно, их владельцы ушли завтракать, но некоторые дети совсем не могли ходить. Они лежали неподвижно, но при виде Серафины улыбались, и их лица даже розовели. Графиня подходила к каждому, брала его пальцы в свои руки, согревала их и замирала, как будто задумавшись. Некоторые дети начинали говорить, другие продолжали дремать, третьи молча глядели перед собой. Алиса почувствовала, как ей тоже стало тепло и спокойно.

– Это гипноз? – прошептала она.

– Нет, Алиса, – ответила Серафина. – Это и есть лучи доброты. Оказалось, что я могу их излучать. Но я очень устаю от этих сеансов. Совершенно выматываюсь... К тому же меня хватает лишь на десять – двенадцать пациентов, а у меня их больше сорока.

– Значит, профессор не изобрел лучи доброты?

– Как же он мог изобрести то, что есть в природе, что известно любой матери, любой бабушке, даже многим детям? Но профессор догадался, какова физическая суть волн, он научился выделять их, превращать в лучи,

смог сконструировать прибор, который концентрирует их. Он – великий ученый и изобретатель.

– Простите, Серафина, – сказала Алиса, – но ведь лучи профессора воздействуют только на растения. А вы говорите о больных детях.

– На растения воздействовать легче, – сказала Серафина. – Они ведь устроены проще, чем люди. Они впитывают лучи и сразу на них отзываются. С людьми эта проблема настолько сложна, что в ближайшие годы ее нельзя будет решить.

– Но почему?

– Потому что все растения устроены одинаково, а люди – по-разному. Потому что если есть лучи добра, то кто-то может отыскать лучи зла. И тогда еще неизвестно, будем ли мы благодарны науке. Даже сейчас, на этом этапе, изобретение профессора привело к беде. Скажи, Алиса, ты почему сюда прилетела?

– Потому что... профессор пропал.

– Или даже его убили. А почему?

– Наверное, из-за генератора лучей.

– Вот видишь. Профессор занимался лишь растениями, но кому-то помешал.

Они шли по саду. Серафина наклонялась к кроваткам малышей, тогда она замолкала и замирала. А Алиса замечала, что после каждой такой остановки графиня становится все бледнее и движется все медленнее. Наконец она подошла к пустому гамаку, натянутому между двух кленов, и опустилась на него.

– Мне надо чуть-чуть отдышаться, – произнесла она виноватым голосом.

Алиса сказала:

– В вашем письме вы писали профессору, что ждете, когда будет готов карманный излучатель. Скажите, пожалуйста, вы видели, как он выглядит?

– Да, – ответила графиня. – Я это знаю точно. Я могу показать тебе, Алиса, последнее письмо от профессора. Он описывает в нем портативный излучатель. Там же есть голограмма излучателя. Но почему ты спрашиваешь? Неужели излучатель пропал?

– Мы его не видели.

– А разве вы не нашли его в доме Лу Фу?

– Нет, к сожалению, его не нашли! – Алиса хлопнула себя ладошкой по лбу. – Конечно же именно так!

– Странно, – удивилась Серафина. – Можно подумать, что ты обрадовалась пропаже аппарата.

– Это радость сыщика! – ответила Алиса. – Вашим ответом вы помогли мне разгадать важную тайну!

– Какую же? – спросила Серафина.

В саду стало жарко, графиня забрала назад пышные волосы и перевязала их шнурком.

– Понимаете, преступник искал в доме профессора какую-то небольшую, но ценную вещь. Вся передняя комната перевернута, искали за книжками, под подушками, под диваном – значит, эта вещь была небольшая. В задней комнате тоже полный разгром, но не такой, как в первой. Добравшись до письменного стола, бандит вдруг успокоился. Он не тронул ни книг, ни кассет, даже не стал залезать в ящики стола. Почему?

– Ты думаешь, что он нашел то, что искал?

– А что он мог искать?

– Неужели малый излучатель доброты?

– Вот именно! Ведь он пропал вместе с профессором.

– Но кому он мог понадобиться? – спросила Серафина.

– Вы же сами сказали мне, что такое изобретение не должно попасть в дурные руки. Дурные руки – они потому дурные, что растут из дурной головы. А дурная голова полна грязных мыслей. Мы, конечно, догадаемся, зачем генератор доброты понадобился преступникам. Но первый шаг с вашей помощью я сделала!

– Ты рассуждаешь как взрослый сыщик.

– А может быть, я и стану сыщиком. Вообще-то я стану биологом, космическим зоологом. Я буду изучать животных на других планетах. Но в отпуске я буду заниматься ловлей преступников.

– Ты готовишь себя к очень бурной жизни, – сказала Серафина.

Она поднялась из гамака, и они прошли внутрь дома, где графиня показала большую столовую, откуда сестры разводили или развозили в креслах детей. Потом они заглянули в устланную громадным мягким ковром комнату для игр и снова поднялись в кабинет графини Беллинетти.

– Теперь, – сказала Алиса голосом настоящего детектива, – нам с вами важно узнать, кому было известно о существовании портативного излучателя.

– Как же мы можем догадаться?

– Будем думать вместе, – сказала Алиса.

Дюймовочка посмотрела на Алису, склонив голову, и вдруг рассмеялась. Она заливалась смехом таким звонким и мелодичным, словно звенели сто серебряных колокольчиков. Няня в белой наколке сунула испуганно нос в кабинет, но графиня отмахнулась от нее: мол, ничего страшного!

– Почему вы смеетесь? – строго спросила Алиса, которая все еще не могла выйти из роли великого сыщика. То-то сейчас посмотрел бы на нее Пашка Гераскин!

– Потому что ты и в самом деле почти превратилась в сыщика. И если закрыть глаза, то тебя можно перепутать с комиссаром Мегрэ или самим Эркюлем Пуаро.

Алиса смутилась. Она представила, какой смешной выглядит со стороны.

– Не красней, девочка, – сказала графиня Беллинетти, оборвав смех. – Мне очень нравится, что ты серьезно относишься к этому делу. И я понимаю, что ничего смешного в исчезновении профессора нет. Прости меня, что я так не вовремя засмеялась.

– Ой, я совсем не обижаюсь! – ответила Алиса. – Я просто не заметила, что выгляжу, как воробей в орлиной шкуре.

– Не расстраивайся, – сказала графиня. – Для начала я хочу тебе показать, как выглядит излучатель. А то ты увидишь его, но не обратишь внимания, потому что не догадаешься, что это такое.

Серафина вытащила из стола пластинку, сжала ее пальцами, и в воздухе возникла голограмма портативного излучателя. Он был похож на старинный электрический фонарь: трубка длиной пятнадцать сантиметров и толщиной с початок кукурузы, с раструбом на конце. На трубке были кнопки, с помощью которых можно было управлять излучением.

– Так просто? – удивилась Алиса.

– Все гениальное просто, – ответила графиня.

– А зачем профессор прислал вам голограмму?

– Мы как-то разговаривали с ним, и он показал мне, как испытывает этот прибор. И на память об испытаниях прислал мне его голограмму.

– А кто, кроме вас, знал, как выглядит прибор?

– Только Мариам, – ответила графиня.

– Вы сказали – Мариам?

– Это моя помощница. Она вне подозрений, – сказала Серафина.

– Простите, пожалуйста, – настаивала Алиса. – Можно, я с ней поговорю?

– К сожалению, Мариам две недели назад улетела домой, она готовится поступать в медицинское училище. Ведь медицина – ее призвание.

– А где живут ее родители?

– Алисочка, ты бываешь несносной! – воскликнула Серафина. – Если я тебе говорю, что Мариам – хорошая девочка, значит, она хорошая. Я чувствую это.

– Дорогая мадам Серафина, – сказала Алиса. – Ну подумайте, что получается: никто не знал, кроме вас и вашей помощницы Мариам, что профессор уже собрал экземпляр портативного излучателя. Вы ждали, когда профессор кончит испытания и пришлет вам этот излучатель...

– Он сделал бы для меня второй прибор, – сказала Серафина.

– Не важно. Я хочу только сказать, что о приборе знали вы и Мариам.

– Но, может, у профессора были еще друзья, может, он рассказал об излучателе каким-нибудь знакомым?

– Нет, – ответила Алиса. – Никто в Урумчи о приборе ничего не знал. Мы разговаривали с ученицами и помощницами профессора из тамошнего института, но они ничего не слышали о портативном приборе.

– Я знаю, что профессор был очень осторожным, – вздохнула графиня. – Он говорил мне, что боится, как бы его приборы не попали в руки плохих людей. Он даже как-то писал мне, что выбрал такое безлюдное место для жизни не потому, что ему надоели люди, а чтобы чувствовать себя в безопасности. Ведь в пустыне ты только издалека видишь путника или флаер. Вот сделаю все, закончу опыты – и передам человечеству, говорил он. Знающие люди найдут способ оградить человечество от опасностей.

– От каких? – спросила Алиса.

– Он не стал мне о них рассказывать...

Они помолчали. Из сада доносились детские голоса. Сорока залетела в комнату и попыталась схватить со стола пластинку с голограммой прибора.

– Еще тебя не хватало, Цицерон! – рассердилась графиня. – Лети на кухню и попроси, чтобы тебя покормили.

Сорока резко крикнула – явно обиделась. И вылетела из кабинета.

– Я расскажу тебе о Мариам, – сказала Серафина. – И ты сама решишь, что делать.

– Спасибо.

– Мариам нашли на шоссе среди холмов, севернее города. Она была туристкой. Из тех самостоятельных туристов, которые берут рюкзак, на-

девают башмаки на толстой подошве, вешают через плечо видеокамеру и топают от горы к горе, от озера к озеру. Дело было вечером, стоял туман, и водитель машины на горной дороге заметил Мариам лишь в последний момент, когда поворачивал за скалу.

Он остановил машину и, к своему ужасу, увидел, что девушка неподвижно лежит на асфальте. Водитель решил было, что он ее убил, но, к счастью, оказалось, что девушка жива, только от удара она потеряла память. Моя клиника была ближайшей от места происшествия, и девушку привезли ко мне. Вскоре она пришла в себя, и доктор поставил диагноз: контузия и шок. Он сказал, что память к девушке возвратится, а так как серьезных повреждений нет, можно полагать, что через несколько дней она встанет на ноги.

И в самом деле через три или четыре дня девушка поднялась с постели. Но она, к сожалению, ничего не помнила. Ни откуда шла, ни кто ее родители, ни где она живет. Правда, через неделю она вспомнила, что ее имя – Мариам.

По-итальянски Мариам говорила с акцентом, но трудно было понять, какой язык ее родной, потому что она, как и положено современной девушке, знала немало языков и сама не могла сказать, какой из них предпочитает.

На вид ей было лет пятнадцать; скуластая, большие черные глаза, лицо доброе, волосы прямые. Мариам очень хотела вспомнить, кто она такая, и очень расстраивалась, что не может. Но она не любила сидеть без дела, поэтому стала помогать нашим санитаркам, а потом и медсестрам. Она умела обращаться с детьми, и дети тоже ее любили, никакой работы она не чуралась и никогда не уставала. Я стала уговаривать Мариам поступать в медицинское училище и работать дальше в нашей клинике, пока к ней не вернется память.

– А профессор Лу Фу знал о вашей помощнице?

– Разумеется, – ответила Серафина. – Мариам была не только санитаркой, но и моей секретаршей. Она вела все мои дела, потому что я ненавижу писанину, но клиника – это большое хозяйство, и приходится переписываться с различными людьми. В общем, Мариам избавила меня от самой неприятной работы, за что я ей очень благодарна.

– Значит, письма профессора она читала?

– Разумеется.

– Скажите, пожалуйста, – вдруг сообразила Алиса, – а вы начали свою переписку с профессором уже при Мариам?

– Ничего подобного! Я переписывалась с профессором уже несколько месяцев.

– А кто-нибудь знал о вашей переписке?

– В этом нет никакой тайны! Я даже давала интервью журналистам о том, как стараюсь использовать доброту для лечения детей. И о том, что сотрудничаю в этом с китайским профессором Лу Фу.

– Значит, кто-то мог подослать к вам Мариам? – строго спросила Алиса.

– Как тебе не стыдно! – возмутилась графиня Серафина. – Ты бы видела, в каком состоянии была эта несчастная девушка, когда ее нашли без чувств на горной дороге. Алиса, я даже не подозревала, что среди современной молодежи встречаются такие холодные и бездушные существа.

– И что было дальше с вашей Мариам? – спросила Алиса, которая совсем не собиралась сдаваться.

– Она трудилась... она вела себя безукоризненно!

– А потом?

– Не только я полюбила ее. Ее любили пациенты, ее любили мои сотрудники. Софи! Софи, куда ты подевалась?

Дверь в кабинет приоткрылась, и вновь заглянула санитарка. Алиса догадалась, что санитарка подслушивала под дверью и графиня об этом знала, но не удивлялась. Может быть, половина сотрудников клиники подслушивали под дверью.

– Что, синьора? – спросила санитарка.

– Софи, скажи, что ты думаешь о Мариам?

– Она заменила мне племянницу, – с готовностью заявила санитарка.

И Алисе показалось, что из-за двери послышался хор голосов, который подтверждал точку зрения санитарки Софи.

– А что думал о ней профессор Лу Фу? – спросила Алиса.

– Ты жестокий, бездушный следователь! – воскликнула Серафина. – Профессор отлично знал Мариам, любил ее, приглашал к себе. Он говорил мне, что Мариам напоминает ему его внучку, живущую в Шанхае.

– И чем же кончилась эта история?

– Она кончилась две недели назад, – сказала графиня.

– Шестнадцать дней, – поправила ее санитарка, которая осталась в кабинете.

– Да, шестнадцать дней назад, как раз через два дня после того, как я получила от профессора эту вот голограмму излучателя и мы убедились в том, что излучатель действует. Мы ждали, когда профессор закончит

испытания и пришлет нам экземпляр генератора доброты, И тут к нам приехал господин Ахмет аль-Барзани. Он оказался отцом девушки.

– Сколько же она прожила у вас? – спросила Алиса.

– Сколько? – обратилась графиня к санитарке.

– Два месяца без двух дней, – донесся голос из-за двери.

– А ее папа ни разу не побеспокоился о судьбе дочери? – спросила Алиса.

– Раз вы не знаете, девочка, то не клевещите на Мариам, – обиделась санитарка Софи – бровастая, угрюмая, широкая в плечах девушка. – Мариам всегда ходила по земле с рюкзаком, чтобы познать жизнь. Ее родители были к этому приучены. Мы тоже долго не понимали, почему они не откликались. А ее папа и мама жили в горах Ирана, в своем имении. Ее папа – известный писатель, а мама занята воспитанием восьмерых детей.

– Вот видите, – сказала Серафина, – у нас ни от кого нет тайн.

– Значит, – сказала подозрительная Алиса, – два месяца ее папа и мама, ничего не подозревая, жили в горах... А вы давали объявления о том, что найдена девушка?

– Этим занималась полиция, – сказала санитарка.

– А когда родители приехали за ней, она их узнала?

– В этом и было чудо! – воскликнула графиня. – Ты бы видела, Алиса, каким светом озарилось ее лицо!

– О да! – раздался хор из-под двери.

– Она закричала: «Папа, мама!» – вспомнила санитарка и смахнула слезу. – Она побежала к ним вся в слезах. И они тоже рыдали!

Графиня развела изящными руками и сказала:

– Вы слышали? Это не только мое мнение, это мнение всех моих сотрудниц и сотрудников. Общее мнение!

– Она вам и адрес оставила? – спросила Алиса.

– Разумеется, – сказала Серафина. – Ей нечего скрывать. Мариам сейчас готовится поступать в медицинское училище в Багдаде.

– Нет, в Тегеране, – поправила директрису санитарка.

– Она мне сказала, – в дверях показалось краснощекое лицо еще одной санитарки, – она мне сказала, что будет поступать в медицинский колледж в Карачи.

– Вот именно! – воскликнула Серафина.

– И все же, – взмолилась Алиса, – где мне ее искать, чтобы расспросить?

– Сейчас я найду открытку, – сказала Серафина. – Она мне прислала открытку с дороги.

Серафина стала быстро разбрасывать на столе бумажки, кассеты и пленки, пока наконец не нашла то, что хотела. Она протянула открытку Алисе:

– Можете пользоваться открыткой, как пожелаете. Только прошу вас об одном: никогда не подозревайте невинных людей.

– Спасибо, – сказала Алиса и быстро проглядела текст.

«Дорогая синьора Серафина! – было написано на открытке ровными круглыми буквами. – Я пишу Вам с дороги. Под крылом самолета пролетают горы и пустыни. Скоро буду дома и тогда напишу обо всем подробно. Спасибо за заботу. Передавайте мои приветы профессору Лу Фу. Я надеюсь, что смогу его навестить в ближайшем будущем. Пускай ждет. Ваша Мариам».

– А обратный адрес? – спросила Алиса.

– Обратный адрес она пришлет мне, как только начнет учиться, – ответила Серафина.

Алиса поняла, что больше она ничего не добьется. Тем более что с каждым новым вопросом сотрудники клиники все меньше ее любили и все больше любили несчастную Мариам.

– Хоть скажите мне, как выглядят ее родители? – уже без особой надежды на успех спросила она.

– Родители как родители. Отец – высокий, могучий человек в шляпе. У него светлые глаза.

– Розовая кожа, – добавила санитарка. – Очень красивый мужчина.

– А мать – полная, молчаливая, она все время вязала и говорила только на их языке.

– На каком? – спросила Алиса.

– Наверное, это был язык урду, – сказала неуверенно Серафина, – или язык пушту. В общем, никто у нас его не знает.

Раздался продолжительный звонок.

– Простите, Алиса, – сказала Серафина с некоторым облегчением, – но нам пора начинать обход. Пациенты не могут ждать.

– Большое спасибо, – сказала Алиса. – Большое спасибо за то, что вы потратили на меня столько времени, и простите, что я была такой назойливой.

Но итальянки улыбались Алисе, никто на нее не сердился.

Серафина проводила ее до флаера.

Алиса поднялась высоко в небо и погнала машину обратно на восток. Она надеялась засветло вернуться в оазис профессора.

Глава четвертая
СЛЕДЫ ВЕДУТ В БАНГКОК

Когда Алиса возвратилась в оазис, он произвел на нее удручающее впечатление. Она и не думала, что жизнь в нем гибнет с такой быстротой. Кора ждала ее. Она просмотрела всю корреспонденцию профессора, но не нашла ничего подозрительного. Поэтому она встретила Алису в мрачном состоянии духа.

– Где ты пропадала столько времени? – спросила она строго. – Никогда не буду больше брать в помощницы таких маленьких девочек. Тебе еще в куклы играть.

– Может быть, – не стала спорить Алиса. – Но, пожалуй, мне удалось кое-чего добиться. У меня есть подозреваемая.

– Ну наконец-то! – воскликнула Кора. – У меня нет подозреваемых, у комиссара Милодара, который только что звонил мне, нет никаких подозреваемых, а у этого милого ребенка их десятка два.

– Мою подозреваемую зовут Мариам. У меня нет ее портрета, но есть описание.

– Сколько же лет похитительнице профессора?

– По описанию – пятнадцать.

– Правильно! – воскликнула Кора. – Детективу двенадцать лет, убийце – пятнадцать! Преступность катастрофически молодеет. Ты голодна?

– Мне не до еды! – воскликнула Алиса.

– Хорошо, хорошо, только не волнуйся, коллега. Возьми бутерброд и докладывай, что тебе удалось узнать в Италии.

Алиса взяла бутерброд и сначала показала Коре подаренную Серафиной голограмму излучателя, за что Кора была ей искренне благодарна. Она заявила, что один такой трофей оправдывает всю экспедицию в Болонью. Алиса даже покраснела от похвалы.

Потом Алиса рассказала о девочке, которую нашли без сознания на дороге, и о том, как она самоотверженно работала в клинике. Затем, как только стало известно, что профессор Лу Фу уже изготовил опытный

образец малого излучателя, неожиданно появились ее родители, и девочка исчезла – якобы уехала поступать в медицинское училище.

Кора внимательно выслушала Алисин рассказ и ее подозрения. Потом сказала:

– Допустим, что ты не права.

– Как так?

– Допустим, что девочка Мариам ни в чем не виновата. Что она говорила правду, что ее в самом деле сбила машина в горах и она действительно потеряла память. Конечно, в ее действиях слишком много случайностей, и мне трудно в них поверить. Но давай поверим.

– А дальше что?

– А дальше нам придется искать другого похитителя. Но этот человек обязательно должен быть очень заинтересован в том, чтобы заполучить генератор доброты. Но зачем? Кому нужно выводить растения?

– Это фермеры?

– Чепуха...

– Почему?

– Представь себе, что некий фермер решил повысить урожайность. Вот он выходит пораньше с утра на поле пшеницы и включает излучатель. Но для большого поля ему понадобится пять или десять излучателей.

– Но, может, это не фермер.

– Когда у тебя будет рабочая гипотеза, – сказала Кора, – тогда ее и выкладывай. Не раньше.

– Знаю! – сразу же воскликнула Алиса и взяла со стола второй бутерброд. – Это цветочники.

– Какие такие цветочники?

– Ты представляешь, какие плантации роз или тюльпанов можно развести зимой на острове Шпицберген или даже в Тюмени, причем за несколько дней?

– Идея интересная, – согласилась Кора, протягивая Алисе кружку с горячим чаем. – Но ты понимаешь, что через пять минут после того, как в цветочном магазине на архипелаге Шпицберген появятся зимние розы, об этом будут знать сотни людей? Нет, эта акция должна быть тайной и результаты – тоже тайными...

– Тогда все просто, – сказала Алиса. – Надо искать среди тех сумасшедших, которые выводят новые сорта и соревнуются на всемирных выставках. Допустим, среди торговцев орхидеями...

– Успокойся, мой юный друг, – сказала Кора. – Не думай плохо о коллекционерах и генетиках, им проще позвонить профессору и попросить о помощи, как сделала твоя старушка графиня.

– Серафина – не старушка!

Кора не слушала. Она включила прямую связь со штаб-квартирой ИнтерГпола в Антарктиде. На их счастье, Милодар был на месте. Кора рассказала комиссару о визите Алисы в Италию. Милодар сначала страшно рассердился: «Еще не хватало использовать маленьких детей! Ты что, не знаешь, насколько наша работа и опасна и трудна?» Но потом сказал, что сейчас проверит историю Мариам через компьютер всемирной автоинспекции, которая фиксирует историю всех катастроф и происшествий на дорогах Земли. И уже через пять минут комиссар вызвал оазис и сообщил:

– Данные подтвердились. Девушка, страдающая от последствий шока и контузии, потерявшая память, была найдена патрулем дорожной полиции неподалеку от города Болонья семьдесят дней назад. Описание девушки у меня имеется. Послать вам?

– Не надо, – ответила Кора. – Мы все равно ее не видели и вряд ли увидим.

– Тогда слушайте дальше. Девушка попала в детскую клинику графини Беллинетти и находилась там сначала на излечении, а потом помогала санитаркам. Две недели назад родители нашли девушку. К счастью, она их вспомнила и улетела вместе с ними домой.

– Куда? – спросила Кора.

– Вот в этом и заключается загадка, – сказал комиссар Милодар. – Компьютер проверил по моей просьбе адрес, оставленный родителями девушки. Оказалось, что улицы Справедливости в Тегеране нет и среди жителей города нет семьи Ахмета аль-Барзани. Я должен сказать, что эта информация наводит меня на некоторые размышления.

– В самом деле? – удивилась Кора.

– Да, вы должны быть мне благодарны, – сказал комиссар, – за мою своевременную помощь. Если бы не я, вам вряд ли удалось бы заподозрить эту девушку... как ее зовут?

– Комиссар, стыдно красть конфетку у ребенка, – заметила Кора.

– Ты что имеешь в виду? – спросил Милодар.

– Вы отлично знаете, что Мариам отыскала Алиса, а вы в это время играли в теннис.

– Разве? – Милодар улыбнулся наивно, как младенец. – И где же эта Мариам?

– Я ее обязательно найду, – сказала Алиса. – Я даже подозреваю где.

– Что? – взвился Милодар. – Забыла, что ты всего-навсего девочка, которой разрешили посмотреть, как работают взрослые. Так что быстренько все рассказывай и лети домой. Тебя мама заждалась.

– Разумеется, – согласилась Алиса. – Я скоро полечу. Кора обещала меня доставить прямо домой.

– Вот именно! – заявил комиссар.

Алиса посмотрела на Кору, и та все поняла.

– Комиссар, – сказала она ласковым голоском, – я очень занята сейчас. И уже темнеет. И мы с Алисочкой так устали. Может быть, вы позволите нам переночевать в Урумчи, а завтра с утра мы полетим в Москву.

– Ну ладно, ладно, – смилостивился комиссар, не заметив хитрости своего агента. – Устали – отдохните... Только чтобы с утра домой!

– Слушаюсь, – ответила Кора.

Когда Кора отключила связь, Алиса бросилась ей на шею:

– Ой, спасибо! Я тебе так благодарна.

– Тогда рассказывай, что ты задумала! Ты что, полагаешь, я по доброте тебя выгораживаю перед этим эксплуататором несчастных полицейских агентов?

Ничего подобного. Я хочу, чтобы мой доктор Ватсон помогал мне, а не бросался в самостоятельные приключения.

– Я не бросаюсь в приключения. Я просто хочу поговорить со следователем Лян Фуканем.

– Зачем?

– Я хочу узнать, нашли ли туристов Торнсенсенов.

– С байдаркой?

– Вот именно, с байдаркой! – сказала Алиса.

Кора кивнула. Она не возражала.

– Я предлагаю сначала самим добраться до Урумчи, – сказала она. – Честно говоря, этот мертвый оазис действует на меня очень плохо. Мне просто плакать хочется.

Алиса согласилась с Корой. Они привели в порядок кабинет профессора, закрыли все двери и ворота, и вскоре флаер взвился над пустыней и за несколько минут донес их до сверкающего огнями большого города.

Со следователем Лян Фуканем они еще с дороги договорились о встрече. Зная, что у его коллег был трудный день, следователь предложил поужинать вместе с ним в китайском ресторане «Хай Юань», куда агенты и направились, лишь на несколько минут залетев в гостиницу, чтобы переодеться и привести себя в порядок. Причем Алиса вымыла лицо и руки, Кора, наоборот, намазала себе ресницы и губы. Алисе даже стало грустно от того, что такой хороший и смелый человек ведет себя как самая обыкновенная девица, которая хочет кого-то соблазнить. Но ведь не будет же Кора соблазнять следователя, которому лет пятьдесят! Алиса так прямо и спросила Кору об этом. Кора усмехнулась улыбкой опытной светской львицы и ответила, проведя перед Алисиным носом зелеными, модно покрашенными ногтями:

– Я совершенно не намерена кого-то покорять или соблазнять. Но настоящая дама обязана быть красивой и модной. Когда подрастешь, сама догадаешься.

– Да никогда в жизни! – воскликнула Алиса возмущенно. – Лучше я расти не буду, чем красить ногти и губы!

Так и не поняв друг дружку, агенты вошли в ресторан, поделенный на небольшие кабинки. Следователь Лян Фукань встретил их перед одной из кабинок и вежливо пригласил рассаживаться. Он сказал, что сам закажет ужин.

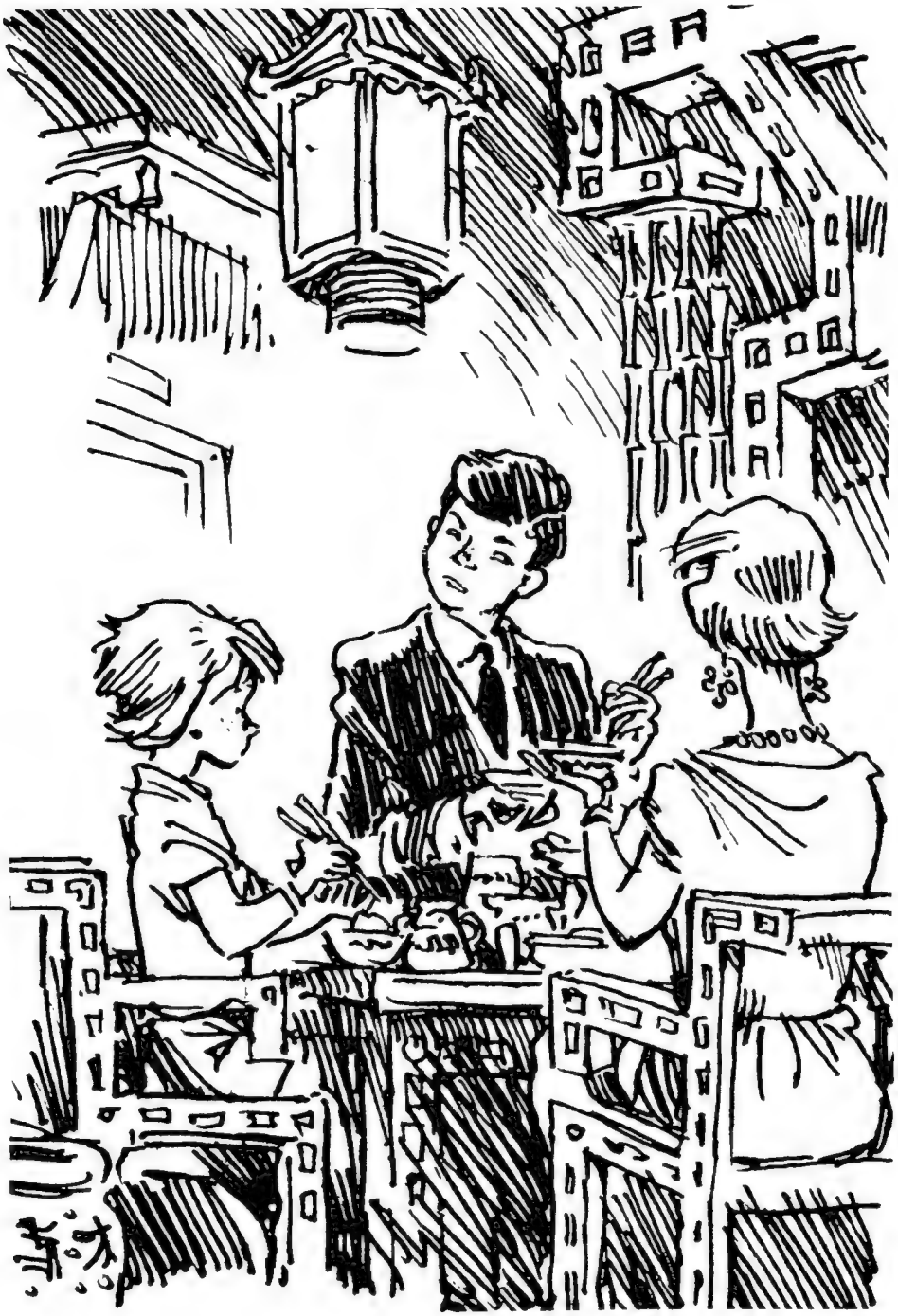
Принесли палочки и положили перед Алисой. «Ну все – пришла гибель моя, – поняла Алиса. – Я же никогда в жизни не ела палочками!» Но как может признаться в этом девочка, которая сражалась с космическими пиратами, бороздила космос, сидела в тюрьме на планете барсаков и чуть не попала в пасть к дракону... Лучше остаться голодной!

– Что у вас нового? – спросил следователь, после того как поговорили немного о погоде и самочувствии гостей.

– Алиса была сегодня в Болонье, – сказала Кора. – А я весь день разбирала бумаги профессора. И безрезультатно. Зато у Алисы есть некоторые успехи. Расскажи, Алиса, следователю.

Алиса начала рассказывать о своем полете в Болонью к графине Беллинетти, но тут принесли большую миску с рисом и несколько небольших блюд с различными кушаньями, совершенно непонятно какими, потому что все было порезано на куски и залито соусами.

Алиса решила, что наступило самое удобное время рассказать о своих открытиях, а заодно посмотреть, как будут пользоваться палочками Лян



– Что у вас нового? – спросил следователь, после того как поговорили немного о погоде и самочувствии гостей.

Фукань и Кора. Но следователь слушал Алису с вниманием и забыл о еде, а может быть, считал неприличным есть, когда его гостьи не едят.

Наконец не выдержала Кора.

– Давайте поужинаем сначала, – сказала она. – А то все остынет.

У Алисы замерло сердце: вот-вот она опозорится.

Но Кора неожиданно произнесла:

– Только покажите нам, как есть палочками, а то я, например, совершенно не знаю, как это делается.

Алиса чуть не подпрыгнула от радости, и вместе с Корой они стали учиться брать палочками кусочки мяса и рис так, чтобы не все падало обратно на тарелку. В конце концов они кое-как научились это делать, и тут подошедший официант вежливо сказал:

– Я принес ложки, чтобы наши гостьи не мучились. Ведь от еды надо получать удовольствие.

Так что Алиса сдалась и стала есть фарфоровой ложкой с короткой ручкой, а Кора не сдалась и подхватывала на лету рисовые зерна, падающие с палочек. Следователь же так орудовал палочками, словно у него в руке было пять разных ложек.

– Это очень интересно, – сказал следователь, когда ужин постепенно вошел в свое русло. – Как же вы полагаете искать эту самую Мариам?

– У меня есть одна версия, – сказала Алиса.

Следователь внимательно посмотрел на Алису и сказал:

– Разумеется, я не хочу мешать ходу вашего расследования, коллеги, но осмелюсь тоже вставить одну фразу.

– Какую?

– Когда мы сделали запрос в Ташкент, чтобы узнать, куда полетели дальше туристы Торнсенсены, мне сообщили, что они пересели на один из частных самолетов, стоявших на аэродроме. И их след простыл.

– Ой! – воскликнула Алиса. – Вы умеете читать мысли?

Кора засмеялась.

– Просто следователь Лян Фукань, – сказала она, – настоящий профессионал и умеет складывать два и два.

– Разумеется, – согласился Лян Фукань. – Более того, я опросил всех спутников Торнсенсенов по туристической группе, и у меня есть записи бесед с ними. После обеда мы пойдем ко мне в кабинет и просмотрим их.

– Лян Фукань, вы гений! – воскликнула Алиса.

Комиссар Милодар.

– Нет ничего гениального в том, чтобы додуматься до очевидного. Но вот информация, которую Алиса добыла в Италии, нам может помочь.

– Но признайтесь, – спросила Алиса, – вы тоже догадались, что девушка Ма Ми и девушка Мариам по описаниям очень похожи?

* * *

После очень вкусного ужина, в конце которого Алиса настолько расхрабрилась, что постаралась пользоваться палочками, все пошли в кабинет следователя, который располагался в соседнем небоскребе.

– Я не буду вам показывать все мои беседы с туристами, потому что в большинстве своем они ничего не заметили и вообще думали только о своих проблемах, но вот послушайте, что нам рассказал журналист и фотограф Зденек Ольшевский, который был в той группе, но спал меньше прочих туристов, так как охотился за красивыми кадрами.

На экране возникла голова лохматого молодого человека с длинными рыжими усами. Алиса вспомнила его: он сидел через два ряда от нее в лайнере.

– Я отлично помню эту компанию, – сказал он. – Странные люди. Тащить с собой байдарку, когда зимой рыбы там не найдешь. Но каждый сходит с ума по-своему.

– В ту ночь они спали? – спросил Зденека следователь.

– Нет, не спали. Они отправились на рыбную ловлю.

– Откуда вы знаете?

– Ночью взошла луна. По небу неслись дикие облака. Мне не спалось. Я выглянул из палатки, и мне показалось, что может получиться удивительный кадр: ночная буря на озере! Я взял камеру и вылез наружу. Было холодно, скажу я вам! До сих пор уши дрожат! Не успел я сделать несколько кадров, как заметил, что тростник возле берега раскачивается и оттуда доносятся приглушенные голоса. Я испугался. Решил, что кому-то плохо или даже кто-то утонул... Я положил камеру и кинулся к тростнику. Но там я обнаружил только семейство Торнсенсенов – они как раз спускали на воду байдарку.

– Все втроем? – спросил следователь.

– Кажется, их толстая мамаша осталась дома, но я не уверен. Когда я поздоровался и спросил, что заставило их отправиться в путь в такое время и в такую погоду, господин Торнсенсен буквально зарычал на меня – он

упрекал меня за то, что я подглядываю и преследую честных людей. Я смутился, попросил прощения и хотел уйти, но тут девочка Ма Ми прервала своего отца и объяснила мне, что они решили порыбачить при свете луны, это особое искусство, которому ее папа научился в Гренландии.

– А что делал в это время Торнсенсен?

– Он что-то неразборчиво ворчал и не глядел на меня.

– Вы видели удочки, сети? Какие-нибудь приспособления для рыбной ловли?

– Нет.

– Может быть, было слишком темно?

– Нет, ярко светила луна, я все отлично видел.

– И все же вы не уверены, вдвоем были Торнсенсены или втроем.

– Я не заглядывал в байдарку.

– А байдарка большая?

– Она куда шире, чем обычные байдарки.

– Там могли поместиться три человека?

– Конечно.

– А четыре?

– Может быть, и четыре.

– Спасибо. Продолжайте.

– Больше мне нечего сказать. Они уселись в байдарку, затем Ма Ми попросила меня подтолкнуть лодку и сказала, что к рассвету они вернутся. Я пожелал им не замерзнуть и что-нибудь поймать.

– Они уплыли на веслах?

– Да, господин Торнсенсен греб... впрочем, я не уверен. Может, мне показалось, но через несколько минут я услышал некий шум... как будто заработал мотор.

– Снаружи этого мотора не было видно?

– Не было. Снаружи это была самая обыкновенная байдарка.

Кора, которая внимательно смотрела беседу следователя с туристом, заметила:

– Это очень важная деталь. Если бы они поплыли на веслах, то им ни за что не добраться бы до оазиса за ночь.

– А когда байдарка возвратилась с ночной ловли, вы не заметили? – спросил на экране следователь у Зденека.

– Я уже спал, – ответил поляк. – Но услышал голоса. Они пробирались сквозь тростник и вытаскивали байдарку.

– Сколько было времени?

– Я не знаю точно, но уже светало.

– Вы не выглянули из палатки?

– Нет, мне хотелось спать.

– И вы не слышали, о чем они говорили?

– Они старались не шуметь.

Следователь включил свет. Экран погас.

– Эта байдарка могла быть переоборудована в флаер – современная техника это допускает, – сказал он.

– Они успели побывать в оазисе и вернуться той же ночью в лагерь туристов на Лоб-Нор, – закончила Кора.

Следователь завершил свой рассказ так:

– Я поговорил со всеми туристами, которых удалось отыскать. К сожалению, все остальные спали и не слышали, что происходило. Но любопытную деталь мне рассказал проводник. Оказывается, утром разболелась жена Торнсенсена, она простудилась. Так что Торнсенсены и были первыми из туристов, которые решили немедленно возвратиться в Урумчи, ссылаясь на жуткий климат и холод. За ними последовали остальные, никому не понравилось на озере. А те, кто хотел остаться, не решились этого сделать, когда основная часть группы улетела.

– Знаете, что я думаю... – сказала Алиса.

– Знаем, – откликнулась Кора. – И если ты не веришь, то я могу написать твою версию на листке бумаги, а когда ты ее расскажешь, мы прочтем мою. Если она совпадает с твоей версией, ты мне будешь должна... ну что? Любое желание, хорошо?

– Не надо писать, – сказал вежливый следователь Лян Фукань. – Я уверен, что Алиса – честная девочка и она не будет спорить...

– Так что же я думаю? – спросила Алиса.

– Ты думаешь, что профессора увезли в байдарке. Недаром они не желали ее складывать, а терпели все неудобства, только бы втащить ее в лайнер.

– Да, – призналась Алиса. – Так я и подумала. Хорошо, что мы не поспорили.

– Жалко, что я не выиграла желания, – улыбнулась Кора.

– Ты не обижайся, Алиса, – сказал следователь, – но твоя догадка лежала на поверхности.

– А раз так, – сказала Алиса, – почему же вы не задержали Торнсенсенов на аэродроме?

– Потому что мы опоздали объявить розыск. Мы догадались только после того, как Зденек рассказал о ночной рыбной ловле, а Алиса – о девочке Мариам из болонской клиники. Кстати, я не удивлюсь...

– Вы не удивитесь, если Мариам и Ма Ми – одна и та же девушка! – поспешила сказать Алиса, чтобы оставить за собой последнее слово, и ее взрослые коллеги согласно закивали, хотя потом следователь Лян Фукань сказал:

– Возможно, это и не так. Каждому из нас хочется принимать желаемое за действительное.

Алиса согласилась со следователем, хотя ей было приятно сознавать, что на нее уже никто не кричит и ее не посылают в детский сад пить кефир и ложиться в кроватку, чтобы не путалась у взрослых под ногами.

– Если у нас есть рабочая гипотеза, – в тишине кабинета произнесла Кора, – то теперь надо подумать, где бы отыскать эту семейку. Ведь найти ее легче, чем излучатель.

– И что вы намерены делать, коллега? – спросил Лян Фукань.

– С утра я улетаю в Ташкент. Я собираюсь проследить, на какой самолет или флаер перегрузили свою байдарку Торнсенсены. Ташкент – оживленное место, там масса народу, кто-то должен был их заметить...

– Хорошо, – согласился следователь. – Мы же завтра продолжим поиски в пустыне вокруг оазиса. Нельзя исключать вероятность, что эти люди убили профессора. Тогда они могли спрятать его тело в песках. Завтра из Пекина привезут мощный биоискатель.

– А я? – спросила Алиса. – Что я буду делать?

– Может, тебе лучше вернуться домой? – сказала Кора. – Ты уже достаточно напутешествовалась. Спасибо тебе за помощь.

– Ничего подобного, – ответила Алиса. – Я недавно разговаривала с Москвой. Мама не возражает, если я еще немного поброжу по пустыне. В молодости моя мама здесь путешествовала и полюбила эти края. Она даже открыла здесь лошадь Пржевальского.

– Что? – сказал следователь. – Какую лошадь?

– Не может быть! – воскликнула Кора.

Алисиной шутки они оба не поняли. Наверное, ни Кора, ни Лян Фукань не знали о знаменитом путешественнике XIX века, который открыл в этих местах дикую лошадь, названную его именем. Лян Фукань не знал о лошади Пржевальского, потому что по-китайски она называется иначе, а Кора, как всегда, проболела урок, на котором об этом путешественнике и о его лошади рассказывали.

Вскоре все члены следственной группы разошлись по своим квартирам. То есть Лян Фукань пошел к себе домой, Кора – в гостиницу, а Алиса отправилась ночевать к толстушке Ичунь, которая ждала ее, чтобы выслушать новости о поисках профессора.

Алиса была уверена, что никто не заставит ее улететь домой к маме в самый разгар расследования. В крайнем случае она продолжит поиски сама.

* * *

Алисе не удалось выспаться, потому что она просидела с Ичунь и Фатимой до трех часов ночи, обсуждая последние события и пытаясь найти путь к раскрытию тайны. Но, к сожалению, ничего не придумали, кроме того, что надо отыскать Ма Ми.

Рано утром Алиса уже была на ногах и поспешила в гостиницу к Коре, чтобы застать ее и вместе слетать в Ташкент. Но Алиса опоздала. Когда она вбежала в холл гостиницы и спросила у портье, у себя ли госпожа Орват из номера 213, тот ответил, что госпожа Орват полчаса назад улетела куда-то на скоростном флаере и не сказала, когда вернется. А несколько минут назад звонил следователь Лян Фукань и просил передать Алисе Селезневой из Москвы, что, если она придет, пускай тут же свяжется с ним, а то он улетит в пустыню и не успеет передать ей билет на лайнер, летящий прямым рейсом в Москву.

Алиса поблагодарила портье, но решила, что звонить следователю не будет. Она уже выходила из гостиницы, когда услышала звонок международного видео. Подумав, что звонок может относиться к ней, Алиса остановилась. Портье включил экран. На экране появилось знакомое лицо комиссара Милодара.

– Немедленно соедините меня с Корой Орват из номера двести тринадцать!

– Простите, – ответил портье, – но Кора Орват из двести тринадцатого недавно улетела.

Алиса дернула его за рукав. Тот поглядел вниз и, догадавшись, закончил фразу следующим образом:

– Но рядом со мной стоит девочка, которая вчера весь день провела с госпожой Корой Орват.

С экрана Милодар взглянул на Алису.

– Как хорошо, что я тебя застал! – сказал он. – Ты знаешь, где Кора?

– Да, она в Ташкенте, ищет следы Торнсенсенов.

– Правильно, – сказал комиссар. – Я кое-что для нее выяснил. Когда ты ее увидишь, передай ей.

– Говорите, комиссар, – сказала Алиса.

– Мы обратились в Сингапур с просьбой сообщить, живет ли в городе торговец детскими игрушками по фамилии Торнсенсен. Честно говоря, мы не ждали положительного ответа. Но, оказывается, в Сингапуре есть магазин детских игрушек Кнута Торнсенсена, который называется «Бэмби». Мы запросили тогда фотографию норвежца и сведения о том, когда его видели в последний раз. И вчера ночью я получил фотографию Торнсенсена. На фотографии был изображен совершенно другой человек! Туристы и проводник группы не узнали в нем нашего рыболова Торнсенсена. Тогда мы проследили по билетам, откуда прилетел в Урумчи этот самый Кнут Торнсенсен со своим подозрительным семейством. Нам ответили – из Сингапура. Значит, они все продумали! Но вряд ли подозреваемый нами Торнсенсен живет где-нибудь в Исландии. Ведь недаром он назвался сингапурцем, недаром он подробно рассказывал о магазине детских игрушек, которым он якобы владеет. Да и Ма Ми похожа на китаянку. И я попросил моих коллег в Сингапуре: попробуйте найти какие-нибудь следы высокого краснолицего человека с желтыми волосами, плохими зубами и светло-голубыми глазами. И ты можешь себе представить...

Тут Милодар сделал паузу, а Алиса сказала, опередив его:

– Они нашли следы такого человека в Сингапуре.

– Вот именно! Это Нильс Ларсен, бывший телохранитель раджи Перака, который убежал от раджи, связавшись с торговцами наркотиками и ограбив дворец султана.

– Простите, комиссар, – спросила Алиса, – а Перак – это близко от Сингапура?

– Ах, как вас плохо учат! – ужаснулся Милодар. – Мне придется всерьез поговорить с твоим учителем по географии. Перак – это султанат в Малайзии. Там еще сохранились султаны, чтобы было кому жить во дворце.

– А где этот Торнсенсен сейчас? – спросила Алиса.

– Он нам забыл доложить! – ответил Милодар. – Но ему все равно от нас не скрыться. Как только увидишь Кору, расскажи ей все это. А я пока продолжу поиски Торнсенсена.

Алиса смотрела на погасший экран. Какая-то мысль тревожила ее. Мысль о том, кому может пригодиться излучатель доброты. Для каких целей?

Алиса вышла на улицу и уселась на лавочку в садике у гостиницы. Ветер налетал с гор, срывал брызги с фонтана, и ледяные иголки кололи щеки Алисы. Алиса набрала на браслете код Коры, но та не отозвалась, видно, не подключила свой браслет к космической связи. Алиса подумала, что, если бы Кора была сейчас рядом, она бы ей сказала: «Мы с тобой размышляли, кому и зачем настолько может понадобиться излучатель, чтобы ради него пойти на преступление, если не садоводам или фермерам. Допустим, что Торнсенсен увез излучатель в Юго-Восточную Азию. Если не в сам Сингапур, то куда-то поблизости. А поблизости расположен так называемый Золотой Треугольник... Конечно же Золотой Треугольник!» Алиса даже вскочила со скамейки. Как жаль, что Коры нет рядом.

Но можно позвонить следователю.

Алиса хотела было набрать его номер, но сдержалась. Ведь сегодня воскресенье, следователь отдыхает в кругу семьи. Будет ли он доволен, если московская девочка начнет задавать ему глупые вопросы в выходной день?

Поэтому Алиса отправилась прогуляться по дорожке сада, окружавшего гостиницу. Она шагала, заложив руки за спину и чуть шевеля губами. Взор ее был обращен к земле – она была похожа на великого ученого Ньютона, который ждал, когда же наконец упадет с дерева это проклятое яблоко, чтобы можно было открыть закон всемирного тяготения!

Кто самые злобные и бессовестные преступники в Галактике? Торговцы наркотиками! Уже больше ста лет полиция всего мира борется с этой напастью, но пока есть наркоманы, нам никуда не скрыться от торговцев наркотиками. И стоит нам уничтожить плантации опиумного мака или кокаина, как цены на наркотики поднимаются, но число наркоманов не уменьшается. Как только медики научатся бороться с каким-нибудь наркотиком и вылечивать от него людей, как торговцы изобретают другие вещества, с которыми справиться пока невозможно...

«Знаю, что надо делать!» – мысленно произнесла Алиса и побежала в городскую библиотеку, где попросила в читальне подборку сообщений, касающихся наркотиков. Она знала, что надо искать: существует ли какой-нибудь новый наркотик, с которым еще не научились бороться, но у которого есть особенности: он медленно растет или редко встречается.

Алиса вышла на улицу и уселась на лавочку в садике у гостиницы.

За окном библиотеки стемнело, облака спустились к самой земле, редкие туристы попрятались в теплых отелях или дискотеках, за горами бушевала весенняя пурга...

В наушниках звучали тексты вырезок из газет:

«Особую опасность сегодня представляет корионг, – говорил голос диктора, – всего три года назад его привезли на Землю с планеты того же названия, и он превратился в угрозу номер один...

Один грамм вещества, которое получают, выпаривая корни корионга, заменяет по своему эффекту чуть ли не килограмм героина.

Достаточно человеку один раз проглотить таблетку корионга, как он, испытав сказочные полеты и головокружительные приключения, мечтает о том, как бы их повторить. Корионг опасен еще и тем, что его не улавливает химический контроль и не чуют собаки. Все планеты Галактики принимают отчаянные меры для того, чтобы не допустить ввоза и разведения корионга, но торговцы наркотиками ввозят его семена, которые вообще невозможно уловить приборами. Единственным относительным утешением в борьбе с этой чумой двадцать первого века остается капризность этого растения. Оно требует особых условий для выращивания и растет очень медленно. Корионг прибавляет за год не более сантиметра, и никакие стимуляторы или удобрения не могут его ускорить...»

– Вот! – воскликнула Алиса.

Библиотекарша удивленно посмотрела на нее, за соседним столиком кто-то возмущенно фыркнул.

Но Алиса уже поняла, что конечно же виноват во всем корионг. Ведь если заставить его расти в несколько раз быстрее, на что, наверное, и надеются торговцы наркотиками, то они получат колоссальную прибыль.

Допустим, что открыта причина преступления. Но где тогда искать профессора и его аппарат? Вернее всего, преступники используют какую-то из старых баз в Золотом Треугольнике. Уже сто лет в этих местах, где смыкаются границы нескольких государств и над непроходимыми джунглями поднимаются скалистые горы, различные службы по борьбе с наркотиками и даже армии соседних стран стараются поймать преступников. Но они скрываются в горных деревушках, строят укрепления в джунглях, прячутся в пещерах... Днем преступники выглядят обыкновенными жителями деревень – крестьянами, охотниками, ремесленниками, но стоит полицейским отвернуться, как начинают работать подпольные лабора-

тории и в тени могучих лесных исполинов расцветают небольшие плантации, которые не разглядишь с вертолета или флаера.

«Где же и как разводят корионг? – подумала Алиса. – Каких условий он требует?» Она снова включила справочный компьютер, и тот рассказал ей, что корионг очень капризен. Он требует постоянной температуры в двадцать шесть градусов, определенной влажности воздуха, яркого света по крайней мере двадцать часов в сутки...

– Так, – прошептала Алиса, чтобы кого-нибудь снова не напугать, – куда же мы посадим это сокровище? Ведь это должно быть место укромное и безопасное. Причем располагаться оно должно где-то в Золотом Треугольнике...

Алиса продолжала проглядывать справочные материалы по наркотикам в Золотом Треугольнике, и терпение ее в конце концов было вознаграждено. Статья в гонконгской газете сообщала следующее:

ТАЙНОЕ УБЕЖИЩЕ ГЕНЕРАЛА МАУН ДЖО

Очередная облава на самозваного генерала Маун Джо, короля торговцев наркотиками в Золотом Треугольнике, закончилась провалом. После короткой перестрелки с таиландскими горными стрелками бандиты генерала отступили в труднопроходимые джунгли и вскоре были со всех сторон обложены правительственными войсками. Когда же по особому сигналу отряды начали сближаться, чтобы взять бандитов в кольцо, обнаружилось, что те куда-то исчезли. Горные стрелки прочесали весь хребет Кангем и окрестные долины, на помощь им пришла даже космическая разведка, но безрезультатно. Когда же в тылу таиландцев неожиданно началась яростная стрельба, правительственным отрядам пришлось убедиться в том, что их атакует самый отчаянный из помощников генерала – норвежец Нильс Ларсен по прозвищу Белый Слон. По рассказам местных горцев, в тех местах на десятки километров протянулись обширные пещеры. Входы в эти пещеры оберегаются волшебными заговорами и клятвами, которые дают местные жители, зная, что того, кто покажет путь к пещерам, ждет неминуемая гибель. Считается, что в подземельях расположены лаборатории генерала Маун Джо, его склады и даже жилье для его сподвижников...

У Алисы возникло желание тут же вызвать комиссара Милодара и рассказать ему о своем открытии – ведь Милодар понадеялся на централь-

ный компьютер, а вот в обыкновенную библиотеку никого не послал... Алиса возвратила папки библиотекарше.

– Что-нибудь удалось узнать, девочка? – спросила библиотекарша.

– Спасибо, я нашла то, что искала.

– Собираешься в туристический поход в Таиланд? – спросила библиотекарша.

– Да, своего рода туристический поход, – согласилась Алиса.

– Только ни в коем случае нельзя ехать в джунгли без взрослых! – предупредила ее библиотекарша. – Там встречаются опасные животные и насекомые.

– Я обязательно поеду туда с папой и мамой, – смиренно сказала Алиса. – Я боюсь опасных насекомых.

Она вышла на улицу. И тут окончательно поняла, что ни за что не скажет комиссару Милодару о том, что Нильс Ларсен служит генералу Маун Джо в Золотом Треугольнике. Потому что в худшем случае комиссар Милодар не поверит в то, что она смогла узнать больше, чем центральный компьютер, а в лучшем скажет, что сам догадался обо всем еще вчера. И пошлет в горы две дивизии космической безопасности, которые никого не найдут и все испортят.

Связи с Корой все не было.

Тогда Алиса оставила у портье записку:

«Кора, я полетела в Золотой Треугольник. Кнут Торнсенсен оказался помощником генерала Маун Джо по имени Нильс Ларсен. Корионг разводят в горных пещерах. Все остальное тебе расскажет комиссар Милодар. Постараюсь вернуть профессора к обеду. Твоя Алиса».

Разумеется, эта записка была непозволительным легкомыслием. Если ты участвуешь в расследовании преступления, то главное – согласовывать свои действия с коллегами и не стараться их обогнать. Даже если тебе кажется, что ты можешь сама разгадать мировую тайну и доказать самоуверенным комиссарам, что и среди подрастающего поколения есть настоящие сыщики, кидаться одной в логово преступников не следует.

Правда, Алиса придумала себе оправдания. Кора пропала где-то в Ташкенте, Лян Фукань ищет следы в пустыне, значит, кроме Алисы, некому заняться генералом Маун Джо. Поэтому Алиса взяла на площадке свободный флаер и сообщила диспетчерской, что берет курс на Бангкок, столицу Таиланда.

День уже подходил к середине – оказывается, много времени ушло на поход в библиотеку. Алиса почувствовала, что проголодалась, но надо будет потерпеть. Тем более что она торопилась разгадать тайну и спасти профессора до того, как в дело вмешаются Кора и Милодар. Тогда Алису могут попросту отправить домой.

Глава пятая
БАНДИТЫ ЗОЛОТОГО ТРЕУГОЛЬНИКА

Полет до Бангкока оказался нелегким. Над Гималаями пришлось подняться километров на десять, чтобы не столкнуться с горой, а так как Алиса взяла обыкновенный одноместный быстрый флаер, то на такой высоте было холодно и не хватало кислорода.

Когда снежные вершины Гималаев остались позади, флаер полетел над поросшими лесом горами Бирмы. И тут он попал в могучий, полный молний, грома и воды фронт муссонных облаков. Алиса поняла, что следует поставить машину на автопилот – он лучше сможет рассчитать, какой путь и какая скорость безопасней, тем более что автопилот находится на постоянной связи с компьютером Центральной диспетчерской.

Алиса понимала, что ей ничто не грозит, флаер был рассчитан на куда более сильные передряги, но его бросало, как щепку в бурном море. Было темно. В темно-фиолетовых тучах проскакивали зигзаги молний, и, встречаясь, тучи громко трещали, будто сталкивались поезда.

Когда флаер опустился в Бангкоке, гроза еще продолжалась, и Алиса, пока добежала от флаера до здания аэропорта, успела промокнуть.

Первым делом она нашла справочное бюро и спросила:

– Простите, пожалуйста, мне нужно срочно в Золотой Треугольник. Вы не скажете, как мне туда попасть?

Справочное бюро – золотой шар, свисавший с потолка, – ответило высоким равнодушным голосом:

– С так называемым Золотым Треугольником регулярного пассажирского сообщения нет, так как он не является географическим понятием, а придуман журналистами. Если вы назовете мне нужный вам населенный пункт, я охотно отвечу на ваш вопрос.

Алиса, разумеется, не знала ни одного населенного пункта в том районе. Виновата была она сама – не догадалась поинтересоваться, когда изучала папку документов в библиотеке.

Расстроившись, Алиса стала искать глазами какого-нибудь осведомленного человека. Увидев полного мужчину в парадной военной форме, она подбежала к нему и спросила:

– Вы не скажете мне, до какого города мне нужно лететь, если я хочу попасть в Золотой Треугольник?

– Честь имею! – воскликнул по-тайски нарядный военный. – К вашим услугам – генерал Прем Рукпачон, руководитель отдельного полка по борьбе с торговлей наркотиками. Почему вы интересуетесь этим опасным районом?

К счастью, Алиса знала и тайский язык, поэтому все поняла. Генерал явно не собирался шутить. И это ее встревожило. Вот-вот он посадит ее в тюрьму, а потом придется доказывать, что ты не принадлежишь к наркомафии.

– Я – туристка, – сообщила Алиса. – Нам в школе велели написать статью об орхидеях, которые водятся в горах Таиланда. И мне сказали, что самые красивые и редкие орхидеи растут в Золотом Треугольнике.

– О, какое заблуждение! – воскликнул генерал Прем Рукпачон. – Вы все перепутали, девочка. Там водятся не орхидеи, а бандиты. Поэтому я советую вам сначала пойти в музей и узнать, где водятся орхидеи. Но ни в коем случае не летайте в Золотой Треугольник! Там не место девочкам, если они не наркоманки!

– Большое спасибо! – с облегчением воскликнула Алиса. – Я тут же иду в музей!

Она побежала прочь от генерала, а он кричал ей вслед:

– Музей совсем в другой стороне! Вы должны спросить, где проспект Короля Пумипона.

Бежать Алисе пришлось недалеко. Вскоре она увидела станцию международных флаеров и аэробусов. Она подбежала к билетной кассе и спросила:

– Сколько стоит билет до Золотого Треугольника?

Автомат в кассе ответил:

– Вопрос некорректный. До Золотого Треугольника билетов не продают.

– Скажите, а какой город считается центром Золотого Треугольника?

– Обратитесь в ИнтерГпол, – сказал автомат. – Но предупреждаю, что, если вы надеетесь приобрести дешевые наркотики, вы глубоко заблуждаетесь. Все наркотики будут у вас конфискованы на границе, а вас саму отправят на принудительное лечение.

– Нет, я не собираюсь покупать наркотики, – ответила Алиса и пошла прочь.

Касса-автомат произнесла ей вслед скрипучим голосом:

– Учтите, что вы уже сфотографированы, обмерены и сведения о вас запущены в Центральный криминальный компьютер.

– Этого еще не хватало! – воскликнула Алиса. Она испуганно оглянулась.

Но в шуме вокзала, в сверкании солнца, прорвавшегося на несколько минут сквозь тяжелые тучи и успевшего согреть мостовую и воздух так, что все вокруг заволокло паром, никто не слышал и не видел Алисы.

Что делать дальше? Идти в местную библиотеку или музей и изучать географию? Ведь сейчас сведения о том, что Алиса в Бангкоке, попадут на стол к комиссару Милодару и он сильно удивится. В любую минуту Алису могут задержать и отправить к маме.

Но как узнать... как узнать...

Лихорадочно размышляя, Алиса дошла до стоянки такси. Молодой таксист, сидевший в старомодном, ярко раскрашенном флаере и жующий банан, подмигнул Алисе и спросил:

– Какие проблемы, госпожа туристка?

– Вы не сможете мне помочь.

– Тогда возьми банан. Легче будет, – сказал таксист.

Алиса взяла банан, очистила и начала жевать.

– Может, поедем куда-нибудь? – спросил таксист. – Хочешь на рынок? Там купишь себе юбку, а если хочешь – такого краба, какого в жизни не видела. У меня такси специально сделано, чтобы мелкие грузы возить.

– Нет, – сказала Алиса. – Мне на рынок не нужно.

– А куда нужно?

– Не знаю.

– Тогда спроси.

– Да никто не знает!

– Если никто не знает, спроси у меня, – заметил таксист. – Если не веришь, проверь – никто не знает окрестности лучше меня. Хочешь в музей – отвезу в музей, хочешь в королевский дворец – отвезу в королевский дворец. Ты только скажи, и Танин к твоим услугам!

– Хорошо, – согласилась Алиса. Почему не попробовать?

Алиса уселась во флаер. В нем было только одно сиденье рядом с водителем, а сзади грузовой отсек, в котором после предыдущего пассажира остались банановые листья.

– Куда прикажешь, принцесса? – спросил Танин.

Глаза у него были хитрые, нос курносый, темные, туго обтянутые кожей скулы блестели, как смазанные жиром.

– Мне нужно в Золотой Треугольник, – сказала Алиса.

– Отлично.

Но флаер не двинулся с места.

– Почему ты не летишь, Танин? – спросила Алиса.

– Жду уточнения, – сказал таксист. – Ведь Золотой Треугольник больше иной страны. Назови в нем место – полетим.

– Я не знаю, в какое мне нужно место.

– Значит, ты должна знать имя человека, – уверенно сказал таксист. – Ведь ты летишь к кому-то в гости.

– Как сказать... меня не ждут. И даже не хотели бы, чтобы я прилетела.

– Это бывает. Места там темные, народ подозрительный... Так кого же мы намерены удивить?

– Я хотела бы повидаться с генералом Маун Джо.

– Ого! – удивился таксист. – Хорошо, что ты встретила меня, у которого язык всегда на замке. Другой бы никуда не полетел, а тут же сдал бы тебя полиции. Ты хоть знаешь, что генерал Маун Джо – торговец наркотиками, которого до сих пор не могут поймать и обезвредить полицейские трех соседних стран – Таиланда, Лаоса и Бирмы?

– Да, я знаю это.

– Но ты не его друг?

– Клянусь, что я не его друг.

– Потому что если ты друг этого негодяя, я тебя туда не повезу.

– Танин, я пытаюсь раскрыть преступление, которое совершили помощники генерала Маун Джо.

– Какие помощники? – спросил таксист.

– В первую очередь мне нужно отыскать Нильса Ларсена.

– О, это опасный человек!

– Тогда быстрей вези меня к нему!

– Девочка, ты сошла с ума. Давай лучше сообщим в полицию.

– Я обязательно сообщу в полицию, – сказала Алиса. – Как только узнаю, где они прячут одного человека. Сейчас все решают минуты. Жизнь профессора Лу Фу в опасности!

– Если ты уверена, то полетели, – сказал Танин, перегнулся через голову Алисы, захлопнул дверцу своей колымаги и накинул резинку на

Флаер тяжело набрал высоту и полетел низко, под облаками.

ручку дверцы, чтобы дверца не раскрылась в полете. Это была не очень надежная, зато простая система.

Флаер тяжело набрал высоту и полетел низко, под облаками. Внизу тянулась зеленая равнина, разделенная на квадраты рисовых полей, некоторые квадраты были затоплены. По дороге брели буйволы, и машины объезжали их по обочине, над деревенскими домиками поднимались острые шпили белых пагод. Полет занял чуть больше получаса. Алиса расспрашивала Танина о Золотом Треугольнике, о наркотиках и о том, почему до сих пор никак не могут полностью покончить с наркобаронами. Танин охотно отвечал, он много знал, но Алисе не всегда было понятно, когда он говорит правду, а когда выдумывает, чтобы похвастаться. Похоже, Танин был большим хвастуном.

Вскоре внизу на склонах холмов появились деревья, и чем выше становились холмы, тем гуще была на них растительность. Гряда за грядой холмы поднимались все выше и скоро превратились в зеленые горы, между которыми в лесистых ущельях текли бурные потоки. Было пасмурно, то и дело начинался дождик, но потом прерывался, как бы собираясь с силами.

Деревни встречались все реже, все меньше было внизу дорог.

– Туристам здесь делать нечего, – сказал Танин, – дикие джунгли, насекомые, сырость и сквозняки, полезных ископаемых здесь нет, сельским хозяйством заниматься негде. Раньше эти места были дикими, а теперь считаются заповедными.

Горы поднимались все выше, лесные великаны возвышались над лесом, густо опутанные толстыми лианами. По ветвям одного из великанов носились стайкой обезьяны и грозили кулачками потревожившему их флаеру. В долине горной реки показалась прогалина, к которой и направил свою машину таксист.

– Прилетели, – сообщил он Алисе.

– Но здесь нет ни одного дома, – удивилась Алиса.

– А ты бы хотела, чтобы генерал Маун Джо построил дом и написал на его крыше свое имя? За ним же гоняется полиция трех государств. Его спасает только то, что он сказочно богат и дьявольски хитер.

– А как же вы, Танин, его нашли?

– Таксисты помнят все адреса. Как же работать, если не знаешь, куда везти пассажира? Как иначе зарабатывать свои честные деньги? – И Танин засмеялся, показав ослепительно белые зубы.

Флаер, снизив скорость, опускался к прогалине. Неожиданно Танин заговорил совсем другим тоном, будто вдвое повзрослел:

– Если ты будешь разговаривать с Нильсом Ларсеном, то учти, что Нильс – злой, расчетливый убийца. Если генерал ему прикажет, он убьет и свою маму. Но еще опаснее его помощник Исмаил аль-Акбар, в прошлом террорист, а ныне повар генерала Маун Джо. Он очень любит переодеваться в женщину, и генерал посылает своих сообщников на особо деликатные и сложные задания вдвоем, причем Исмаил выступает в роли жены Нильса Ларсена. Он удивительный чревоугодник и обжора!

– Он выступает как жена! Конечно же они были вместе! А кто тогда девушка Ма Ми?

Танин не успел ответить на этот вопрос.

Такси опустилось на высокую траву у берега шумной реки.

– Мы уже засечены, – сказал Танин, – поэтому разговоры на волнующую тебя тему отменяются. Они ведут нас давно, а сейчас будет торжественная встреча.

– Что ж, спасибо, – сказала Алиса. – Сколько я вам должна?

– Если вернешься живой, то и рассчитаемся. А с мертвых я за проезд не беру.

Скорее всего, таксист шутил, но лицо его оставалось серьезным.

– Я постараюсь с вами расплатиться, – сказала Алиса, сняла резинку с дверной ручки и, открыв дверцу, выскочила на траву.

– Я прилечу за вами через два часа! – крикнул в открытую дверь таксист, хотя Алиса его об этом не просила. Она поняла, что эта информация предназначалась для местных жителей, чтобы они знали, что об Алисе помнят.

Потрепанный желтый, с шахматными кубиками флаер начал подниматься над вершинами деревьев...

Алиса сделала шаг к речке.

В лесу стояла мертвая тишина, словно птицы и даже насекомые были недовольны ее вторжением. Лишь мерно шумела по камням речка.

Сзади раздался голос:

– Ах, какие у нас неожиданные гости! Неужели это ты, Алисочка?

Алиса в изумлении обернулась.

За ее спиной стояла ясноглазая Ма Ми. Та милая девушка, с которой они летели в лайнере от Москвы и которая только вчера улетела с Лоб-Нора, помогая «папе» нести удочки.

Алиса не знала, кто такая на самом деле Ма Ми, но у нее были основания подозревать, что именно эта девушка под видом пострадавшей туристки пробралась в клинику графини Беллинетти и разузнала все что нужно об излучателе доброты.

– Ма Ми! – сказала Алиса. – Вот уж не ожидала тебя увидеть! Ты здесь живешь?

– Конечно, это наш дом. Но что привело тебя к нам в гости?

– Здесь так красиво! – ответила Алиса. Она все еще не могла придумать, что сказать Ма Ми, попытаться ли сделать ее союзницей или видеть в ней врага. Поэтому Алиса тянула время. – Здесь замечательно. Я давно собиралась побывать в этих горах.

– Всего-навсего? – подняла брови Ма Ми.

Она была в камуфляжном комбинезоне, каскетке, а к широкому поясу был прикреплен бластер, точно такие, как бывают в приключенческих фильмах.

– И тут я вижу тебя! – закончила Алиса.

– А я должна тебе поверить? – рассмеялась Ма Ми. – Ты будешь мне здесь врать, как будто мы с тобой малолетки, а я буду тебе верить? За кого ты меня принимаешь, нахальный ребенок?

– Пока я не знаю, кто ты на самом деле.

– Здесь принимают только желанных гостей, – сказала тогда Ма Ми, и в голосе ее прозвучала угроза.

Алиса не испугалась. Она продолжала:

– А я хочу услышать от тебя правду. Два дня назад мы летим с тобой в Урумчи, день назад ты провожаешь меня в Ташкент, а сегодня оказываешься в горах на границе Бирмы и Таиланда. Разве в это можно поверить?

– Я тебе в подруги не навязывалась, – сказала Ма Ми. – Но готова тебя выслушать. Что тебя сюда привело?

– Я ищу профессора Лу Фу. Я подозреваю, что норвежец, который изображал твоего папу, на самом деле не Торнсенсен, а Нильс Ларсен, а ты не его дочка.

– А кто же я? – улыбнулась Ма Ми.

– Вот этот вопрос я и хотела тебе задать.

– Я думаю, – сказала Ма Ми, – что ты еще мала, Алисочка, чтобы самостоятельно заниматься расследованием загадок, которые тебе не по зубкам. Мне вообще удивительно, как взрослые могли тебя отпустить в такое опасное путешествие.

– Я тебе в подруги не навязывалась, – сказала Ма Ми. – Но готова тебя выслушать. Что тебя сюда привело?

Алиса не стала отвечать на этот пустой вопрос, а спросила сама:

– Скажи мне, где профессор Лу Фу? Пойми, ему сто лет, а вы утащили его в вашей байдарке.

– Ты и это знаешь? – усмехнулась Ма Ми. – Это мне не нравится. Пожалуй, ты права, я устрою тебе встречу с норвежцем Ларсеном. Он умеет пугать маленьких глупых девочек.

– Ты не ответила на мой вопрос! – воскликнула Алиса. – Где профессор Лу Фу?

– Профессор Лу Фу? Он недавно прилетел сюда в гости к моему папе. Мой папа

– ботаник, он разводит редкие растения, и они с профессором Лу Фу вместе проводят опыты. Так что можешь не беспокоиться за профессора. С ним все в порядке.

И Ма Ми весело засмеялась. Она была на вид такой милой, такой доброй и веселой девочкой, что Алисе трудно было поверить, что она разговаривает с самой настоящей бандиткой. Может, ей всего пятнадцать лет, но она даст сто очков вперед любому старому разбойнику.

Над головой закричала синяя птица – майна. Незаметным ловким движением Ма Ми вскинула бластер и выстрелила. Птица упала к ее ногам кучкой синих перьев.

– Не люблю, когда меня перебивают, – сказала Ма Ми.

– Если ты думаешь, что я испугалась, ты глубоко ошибаешься, – сказала Алиса. – Но я уверена, что убить птицу – это уже преступление. Против природы и людей.

– Я убиваю всех, кто мне мешает. И если ты будешь мне надоедать своими поучениями, то и тебя убью. И не испугаюсь ни комиссара Милодара, ни всего ИнтерГпола. А уж тем более девчонки.

– Не думай, что я здесь одна! – ответила Алиса. – За каждым моим шагом следят друзья.

– Сомневаюсь! Если бы Милодар знал, где нас искать, он никогда не послал бы одного ребенка.

Алиса промолчала, отметив про себя, что Ма Ми тоже много знает о своих противниках. Конечно же было наивно лететь одной в джунгли, надеясь, что они испугаются Алисы и отдадут ей профессора и излучатель.

– Я хочу увидеть профессора, – сказала Алиса.

– Ты просишься к нам в гости? – спросила Ма Ми.

– Да, – сказала Алиса.

Ма Ми подняла руку, и в то же мгновение из кустов вышли два высоких крепких солдата и встали по обе стороны Алисы.

– Обыскать! – приказала Ма Ми. – Все передать мне. Чтобы средств связи не осталось. Это главное!

В одно мгновение солдаты обыскали Алису, сняли с нее браслет связи, вытащили из-за уха детектор, по которому можно было следить, где она находится, отняли ее записную книжку, компьютер – оставили только одежду.

– Больше ничего нет, – сообщил один из молодчиков.

– Я и не думала, что она побежала к нам без разрешения, – презрительно произнесла Ма Ми. – Тем хуже для тебя, Алиса.

После обыска стражи повели Алису вверх по реке, вдоль высокого обрыва. Ма Ми, шедшая первой, остановилась перед гладким участком скалы. Она провела ладонью по камню, и часть скалы отъехала в сторону, обнаружив тщательно устроенный вход в подземелье. Внутри был длинный коридор, уходивший в глубь скалы.

Там их ждал лже-Торнсенсен. Он даже не посмотрел на Алису, а сразу доложил Ма Ми:

– Мы его сбили над соседней долиной. Первой ракетой.

– Убедились, что он разбился? – спросила девушка.

– Никаких сомнений, – ответил норвежец. И засмеялся.

– Ну вот, Алисочка, – обратилась к ней Ма Ми. – Видишь, случилось несчастье, и ты в нем виновата.

– Что такое? – встревожилась Алиса.

– Твой таксист, который слишком много знал, не долетел до Бангкока и не сможет возвратиться, чтобы забрать тебя. Он упал и разбился.

– Вы его сбили!

– Никто не просил его соваться в наши горы, – жестко ответила Ма Ми. – У нас и без него достаточно хлопот.

Алисе стало страшно. И так жалко Танина, что она чуть не расплакалась.

– Только без слез! – приказала Ма Ми. – Ненавижу, когда дети ревут. Я им тут же отрезаю головы. Правда, Нильс?

– Так точно, госпожа, – подтвердил норвежец.

– Где мой папаша? – спросила Ма Ми.

– Ваш благородный отец принимает пищу, – сообщил норвежец.

– Можно было и не спрашивать, – сказала Ма Ми. – От моего папаши в это время ничего иного ждать нельзя. Ты, Алиса, хотела познакомиться с моим отцом, с его опытами над экзотическими растениями, которые он проводит в этих подземельях. Что ж, я думаю, мой папа все тебе покажет. Он очень любит нежданных гостей. – В голосе девушки снова прозвучала угроза.

Они прошли через зал, вырубленный в скале, и остановились перед невысокой деревянной дверцей, покрытой затейливой резьбой. Ма Ми набрала код и первой вошла внутрь.

Они оказались в небольшой, ярко освещенной комнате. Почти треть ее занимал стол, покрытый белой скатертью. Две двери по обе стороны стола вели в другие помещения. За столом в одиночестве сидел очень маленький человек – Алисе от входа было видно, что его ножки болтаются, не доставая до пола.

Человек был невелик, но отдельные части его лица были обычного размера и потому казались слишком большими: приплюснутый нос, мягкие оттопыренные уши, раскосые глаза и толстые губы как бы принадлежали человеку нормального роста. Одет он был в военный мундир с золотыми эполетами и расшитым золотым галуном воротником.

Перед человеком стояло много чашек, мисочек, блюдец и баночек, из которых струились соблазнительные запахи. Но все его внимание было обращено к миске, полной горячей тонкой лапши. Ловко и быстро человечек наматывал лапшу на палочки, обмакивал их в блюдце с соусом и отправлял в рот, потом подхватывал креветку или кусочек мяса и бросал следом. На лице его блуждала бессмысленная улыбка.

Остальные стояли в дверях и ждали. Даже Ма Ми не сказала ни слова. Проглотив очередную порцию лапши, генерал недовольным тоном произнес:

– Что там еще приключилось? Опять налет полиции?

– Нет, папа, – сказала Ма Ми. – Но мы задержали очень интересную туристку.

– Туристку? Утопить!

– Подожди, папа, умей дослушивать до конца! – возразила Ма Ми. – Эту девочку мы встретили в Урумчи. В том городе, куда мы летали за профессором.

– Это интересно. Тем более скорее топите ее!

Перед человеком стояло много чашек, мисочек, блюдец и баночек, из которых струились соблазнительные запахи.

– Папа, ты не понимаешь. Вчера она еще была в пустыне и следила там за нами, а сегодня мы ее ловим у самого входа в пещеру. Как это тебе нравится?

– Значит, ты считаешь, что ее не надо сразу топить?

– Я считаю, – сказала Ма Ми, – что нас выследили и нам следует готовиться к эвакуации.

– Только не это! – раздался крик из боковой двери.

Алиса увидела, что там стоит мадам Торнсенсен, «мама» Ма Ми, но в мужском костюме и белом фартуке. На голове у «мадам» возвышался белый поварской колпак. Конечно же это повар Исмаил, о котором рассказал несчастный Танин!

– У меня половина обеда для его превосходительства стоит на плите, холодильник полон, я мусс не успел взбить, шербет не тронут! Никакой эвакуации! Я требую, чтобы вы защищали нашу твердыню до последней капли крови! – закричал повар.

– Вот именно, – сказал маленький генерал. – А какой у нас сегодня мусс?

– Кокос с мангустином, – ответил Исмаил тем сладким голосом, какой бывает у толстяков.

– Никакой эвакуации! – подтвердил генерал. – Всех свидетелей казнить, пленных не брать, генератор включить на полную мощность.

– Мы не можем включить его на полную мощность, отец, – сказала Ма Ми. – Профессор Лу Фу отказывается нам помогать.

– Профессора пытать, пока не сдастся!

– Папа, я не думаю, что ты прав.

– Не мешай мне нормально питаться! Ты же знаешь, что до конца обеда меня нельзя беспокоить.

И он пояснил, обращаясь к Алисе:

– Я по натуре – гурман. Для чего я зарабатываю деньги? Только для того, чтобы хорошо кушать. Детство мое прошло в бедном квартале, я не всегда ложился спать сытым. И я поклялся себе, что когда стану взрослым, то никогда не буду голодать. И я сдержал свою клятву!

– Чего же вы такой маленький? – не удержалась от вопроса Алиса.

– Это мое счастье! Мой организм с такой скоростью перерабатывает пищу, что я всегда остаюсь стройным и красивым. Я могу есть круглые сутки, но это не отражается на моей подвижности.

Генерал вскочил со стула, выбежал на свободное пространство перед столом и начал плясать, изгибая руки и подбрасывая согнутые в коленях ноги.

– Значит, эвакуация откладывается? – спросила Ма Ми, с отвращением глядя на пляску своего папы.

– Эвакуации не будет. Они никогда не найдут входа в нашу пещеру.

– Но комиссар Милодар не успокоится, пока не отыщет Алису и профессора.

Генерал прекратил танцевать и, склонив голову набок, быстро и четко произнес:

– Значит, ты делаешь так: берешь такси, на котором она прилетела... Надеюсь, такси не разбилось?

– Разбилось вместе с таксистом.

– Туда же положишь труп этой... Алисы. Произошло неожиданное крушение. Никто не спасся. А теперь идите, идите, вы мешаете мне насладиться десертом.

Алиса понимала, что маленький генерал кривляется, разыгрывает спектакль, правда, непонятно было, кого он считает зрителями.

– Пойдем, – сказала Ма Ми, уводя Алису прочь из столовой. Они остановились в коридоре. Поблизости стояли норвежец Ларсен и два солдата.

– Вот видишь, – вздохнула Ма Ми, – с кем мне приходится работать. У них, у старшего поколения, только один приказ: «Уничтожить». А если ты – надежда своей семьи, если тебе еще жить да жить... Почему я должна тебя убивать?

Ма Ми смахнула слезу. Она говорила так искренне, что Алисе хотелось ей поверить. И в самом деле – нелегко быть дочерью такого закоренелого преступника и палача...

– Ты не представляешь, – сказала Ма Ми, – как мне хочется быть самой обыкновенной девушкой, мне хочется учиться, гулять с молодыми людьми, собирать цветы. Я очень способная к наукам, особенно к медицине. Я мечтаю ухаживать за больными детьми, а меня заставляют заманивать в ловушку старых ученых.

– Вы убили Танина? – спросила Алиса.

Ма Ми понизила голос до шепота:

– Боюсь, что я не смогу помочь тебе и профессору. Поверь мне, что я готова плакать!

Алиса буквально разрывалась между желанием поверить этой девушке и недоверием к ней. Ма Ми потащила Алису к себе в комнату, устланную мягкими звериными шкурами, оставила стражей и норвежца в коридоре и закрыла дверь, чтобы спокойно поговорить.

– Я совершила в жизни много плохих поступков, – сказала Ма Ми, – но я росла без мамы, которую по приказу дедушки затоптал слон, а папу я боюсь. Он может быть жестоким и со мной. Поэтому мне приходится ему помогать. У нас в горах с этим строго. Ну как я могу отказать моему папе в помощи? Ведь я училась в колледже и кое-что знаю, тогда как папа и мои горные родственники совершенно необразованные. Поэтому, когда операция требует расчета и хороших манер, папа всегда посылает меня. Я с десяти лет участвую в его делах. О, как мне все это надоело!

Ма Ми сидела, скрестив ноги, на куче шкур. Она достала фляжку и спросила Алису:

– Виски будешь? У меня и джин есть.

– Нет, спасибо, – ответила Алиса. – Я не пью.

– Зря теряешь время, – усмехнулась Ма Ми. – Жизнь коротка, и нас обязательно убьют.

– Но ведь у твоего отца много денег.

– Еще бы, иначе его давно бы убили конкуренты или полицейские. Всем приходится платить. Но вчера мне наконец удалось уговорить папу улететь с Земли.

– Улететь с Земли?

– Да. Здесь он обложен со всех сторон, как волк красными флажками. Единственный выход – улететь на тихую планету, где нет этих проклятых наркотиков и бандитов, которые держат в руках моего папу.

– Значит, твой папа ни в чем не виноват?

– Не улыбайся, Алиса. Все совсем не смешно. Конечно, мой папа с детства попал к бандитам, он прошел у них жестокую школу, он многих убил. Но и сам потерял в боях всех родных, кроме меня. Ему все это давно осточертело.

– Поэтому он приказал тебе убить меня и спрятать мой труп в такси?

– Но ведь ты жива!

– Я не знаю, что случится со мной через минуту.

Ма Ми улыбнулась и налила из фляжки в серебряный стакан. Она выпила полный стакан виски, как будто это был чай. Алиса поразилась тому, что девушка, почти девочка, научилась так пить...

– А что? – сердито спросила Ма Ми. – Почему ты так на меня смотришь? Да, я пристрастилась к виски и джину. В мои четырнадцать лет я повидала столько, сколько тебе не увидеть и за сто лет.

Алиса не стала спорить с Ма Ми, хотя сама-то знала, что видела больше и пережила больше приключений, чем разбойница. Но не пристрастилась к виски и наркотикам.

А Ма Ми достала толстую бурую сигару и прикурила от золотой зажигалки.

– И папа не возражает против твоего курения? – спросила Алиса, отворачиваясь от вонючего дыма.

– Я при нем не курю, – ответила Ма Ми и закашлялась.

И Алиса поняла, что, подобно своему маленькому папе, Ма Ми – тоже актриса и верить ей нельзя, потому что для нее самое большое удовольствие – морочить людей, изображая из себя то невинную жертву, то борца за справедливость, а то, если нужно, и кровожадную бандитку.

– Положи сигару, – сказала Алиса. – Тебе совсем не хочется курить.

– Ах, ты ничего не понимаешь, – заупрямилась Ма Ми. Но затягиваться больше не стала и продолжала разговаривать, поводя в воздухе рукой с зажатой между пальцами сигарой.

– Мой папа страшно нуждается в деньгах, – говорила она, – чтобы улететь с Земли. Но у него совсем нет наличных денег. Последняя ставка – на корионг. Ты слышала, что это такое?

Ма Ми настороженно смотрела на Алису, словно старалась угадать, намерена ли пленница говорить правду.

– Нет, не слышала, – сказала Алиса. Внутри у нее все напряглось. Значит, она была права!

Ма Ми кивнула – видно, поверила.

– Корионг, – сказала она, снова наливая себе виски, – это ценное лекарственное растение. Его привозят с одной далекой планеты, но наше гадкое правительство запрещает людям разводить корионг.

– А что это за лекарство? – спросила Алиса.

– Это волшебное средство, – запела малиновкой Ма Ми, – оно мгновенно снимает боль и простуду. Больше не будет на Земле насморков и гриппа. Но правительство хочет сохранить монополию. Ни себе ни людям!

– А при чем тут твой папа? – спросила Алиса.

– А он смог достать у знакомого астронавта несколько корешков корионга, но корионг растет страшно медленно. И никакие удобрения не помогают. А тут со мной случилось удивительное приключение. Я очень люблю путешествовать. Несколько месяцев назад я взяла рюкзак и отправилась пешком по Италии. И знаешь, что случилось? Никогда не догадаешься. Меня сшибла машина, и я чуть не погибла. К тому же потеряла память. Меня выхаживали в клинике одной итальянской графини. Потом я ей помогала и вела ее переписку. Так я узнала, что в пустыне Такла-Макан живет старый китайский ученый, который изобрел излучатель... Ты об этом знаешь? – Вдруг Ма Ми спохватилась – видно, вспомнила, при каких обстоятельствах познакомилась с Алисой, и закончила словами: – Впрочем, ты и так все знаешь.

– Я знаю, что вы с Ларсеном украли излучатель и самого профессора! – сказала Алиса.

– Ты права, – вздохнула Ма Ми и отхлебнула из третьего стакана виски. – Когда папа нашел меня в Италии, я рассказала ему все, что знала о профессоре, и папа приказал: «А ну-ка, немедленно достань мне излучатель! Мы сможем выращивать корионг!» Конечно, я не хотела причинять зла профессору, но понимала, что, если мой папа срочно не достанет денег, чтоб улететь с Земли, мы все обречены. И мне надо было решать, кого я больше люблю – своего единственного папу или совсем чужого мне древнего старикашку? И я выбрала папу!

Ма Ми ткнула погасшей сигарой в грудь Алисе, словно кинжалом.

– Погоди, – остановила ее Алиса. – Но как же вам удалось проникнуть к профессору?

– Проще простого! Ведь профессор знал меня в лицо, я не раз вела с ним переговоры от имени синьоры Серафины. Он как-то показывал мне маленький излучатель. Может быть, он даже любил меня!

– И ты этим воспользовалась?

– Разумеется. Это и называется военной хитростью. В полночь, когда дул ветер и шел дождь, я позвонила ему в ворота. Старик спал. На этом и строился расчет. Когда я позвонила, он соскочил с постели, включил экран внешнего наблюдения и увидел, что я стою у ворот, одна, сиротливая, под дождем. «Что случилось?» – крикнул профессор. «У меня к вам срочное дело от синьоры Серафины! – ответила я. – Впустите меня». – «А где твой флаер?» – спросил старик. «Он остался там...» Я показала назад, в темноту. «Сейчас, – сказал старик, – я сейчас открою,

потерпи...» Конечно же этот старый дурень открыл ворота, я вбежала внутрь, но не дала им закрыться, чтобы Нильс смог проникнуть следом за мной. Старик вышел к дверям дома. Он был встревожен. Я бросилась к нему, как будто была очень взволнована и испугана. Я держала его руки, а Нильс легонько двинул его по голове, затем связал и вкатил двойную порцию снотворного. Потом мы начали искать малый излучатель. Почти час на это ушло! Нашли его в запертом нижнем ящике письменного стола.

– Но зачем вы увезли и профессора?

– Чтобы быть уверенными в том, что излучатель будет работать. Правда, это оказалось излишним. Излучатель отлично работает!

– Тогда отпустите профессора!

– Поздно. Он же знает нас в лицо. Он знает, как отыскать нашу пещеру. Нет, к сожалению, он обречен... как и ты, Алиса.

– Вы подвергаете опасности жизнь великого человека!

– Такой старичок никому не нужен. Пора уступить дорогу молодежи. – Тут Ма Ми лукаво улыбнулась: – По крайней мере, пока он у нас, они не посмеют бомбить.

– Я хочу увидеть профессора! – попросила Алиса.

– Я как раз хотела тебя к нему отвести, – ответила Ма Ми. – Вам будет лучше вместе. Я думаю, что идея моего папы бросить твой трупик у флаера глупая. А ты как думаешь?

Ма Ми поднялась на ноги и, пошатываясь, открыла дверь. Алиса никогда еще не видела пьяной такую молоденькую девушку.

Ма Ми вышла из комнаты и почти бегом довела Алису до обширной, размером с футбольное поле, пещеры. Сверху спускались мощные прожекторы, которые заливали ослепительным светом зеленый покров поля, разделенного на квадраты. Поливальные устройства, медленно поворачиваясь, орошали плантацию струями воды.

Недалеко от входа в пещеру находилась башня, похожая на вышку для прыжков в воду. На ней стояла группа людей в белых халатах. Один из них держал в руке малый излучатель профессора Лу Фу и поводил его лучом так, чтобы свет падал на растения.

– Здесь мы разводим корионг, – с гордостью произнесла Ма Ми. – За один день это благородное лекарство выросло в десять раз. Ты не поверишь, Алиса, но еще вчера эти растения лишь на сантиметр вылезали из земли. Через неделю мы сможем собрать самый крупный в Галактике урожай этого лекарства. Тогда мы с папой продадим его в аптеки, собе-

рем наш скромный багаж и улетим на какую-нибудь тихую планету, где папа будет кушать, а я продолжу медицинское образование, чтобы потом ухаживать за больными детьми.

Алиса уже знала, что сладкая Ма Ми опять лжет. Корионг не лекарство, а страшный наркотик, и если папаша Маун Джо сможет продать его, то нависнет угроза жизням многих тысяч людей.

– Теперь ты понимаешь, Алисочка, почему мне придется тебя убить? Ты слишком много знаешь. Но я придумала для тебя смерть поинтереснее, чем мой необразованный папа. Я хочу, чтобы от тебя не осталось следа!

И тут Алиса всерьез испугалась. Черные непроницаемые глаза милой девушки Ма Ми казались пустыми и бездонными. За ними не было души. Как страшно, подумала Алиса, что обыкновенная девочка превратилась в такое бессовестное и безжалостное существо. Никакой пощады от Ма Ми ждать не приходилось... В этом виновата сама Алиса. Потому что решила, будто сможет одолеть опытных и жестоких преступников, и кинулась освобождать профессора, скрыв свою авантюру от взрослых.

– Мы уберем тебя не здесь, – сказала Ма Ми, будто объясняла Алисе, как дойти до умывальника. – Мы оставим тебя с профессором, и пускай вас убьет его изобретение...

Ма Ми не успела кончить свою пьяную речь, как дверь в оранжерею распахнулась и в ней показались два человека.

Свет в зале был таким ярким, что Алиса сразу узнала этих людей: широко расставив ноги и направив бластеры на Ма Ми и норвежца, в дверях стояли Кора Орват и милый таксист Танин.

– Ура! – закричала Алиса.

Вообще-то она никогда не кричит, но тут особый случай. Ведь Алиса была близка к гибели. К тому же она очень обрадовалась, что таксист Танин жив, а не разбился вместе с флаером.

Ма Ми хотела было вытащить из кобуры бластер, но Танин крикнул:

– Бросай оружие!

Голубой луч бластера пронзил воздух возле головы Ма Ми и задел один из прожекторов, который задымился и с грохотом рухнул на траву. Кора между тем направила свое оружие на тех людей, что стояли на вышке и облучали корионг. Они кинулись бежать и в мгновение ока скрылись в темной пещере, с входом в которую была соединена верхушка башни.

– У них излучатель! – крикнула Алиса.

– Ничего, они от нас не уйдут! – ответила Кора. – Где профессор?

– Не знаю.

– Стой! – Крик Танина относился к Ма Ми и норвежцу, которые хотели было убежать. Таксист приказал им поднять руки. Кора подошла и, обыскав их, отняла оружие.

Танин все время оглядывался, особенно внимательно он следил за вышкой, опасаясь, что там могут появиться боевики генерала.

– Ведите нас к профессору! – приказал Танин.

– Слушаюсь, – поспешил согласиться высокий норвежец. Он очень боялся, даже дрожал, но Алиса подумала, что, скорее всего, он старался казаться более испуганным, чем был на самом деле.

Ма Ми обернулась к Танину и сказала голосом хорошо воспитанной девицы:

– Танин, я так рада, что ты жив. Я переживала, что ты разбился.

– Спасибо, Ма Ми, – ответил таксист. – Но я подозревал, что твои молодчики постараются меня сбить. И когда увидел, что из горы вылетела ракета, я тут же катапультировался. Так что мое дорогое старое такси закончило свою жизнь без меня.

– Мерзавец! Негодяй! – крикнула Ма Ми, выдав свои настоящие чувства.

– Не волнуйся, крошка, – сказал Танин и тут же пояснил Алисе: – Когда Ма Ми была маленькой, а ее папаша еще не был генералом, а просто разбойничал в горах, Ма Ми жила у своей двоюродной тетки в соседнем со мной доме. И я катал ее на своем такси.

– К счастью, я забыла об этом! – заявила Ма Ми.

Ведомые норвежцем, они миновали ярко освещенный зал и ступили в длинный коридор.

– Далеко еще идти? – спросила Кора.

– Недалеко! – раздался голос сверху – из микрофона в потолке.

Алиса узнала голос маленького генерала.

– Вы уже пришли! – воскликнул генерал и разразился пронзительным хохотом.

Алиса догадалась, что они угодили в ловушку, но не сразу поняла, что же случилось...

В это мгновение свет в коридоре погас, камни под ногами раздвинулись, и все они – Алиса, Кора и Танин – провалились вниз.

Они упали метра на три в глубину, ушиблись, но, к счастью, ничего не сломали. Пока они пытались подняться, на них сверху упала какая-то

сеть. Алиса попробовала встать, но сеть опутала ее руки и ноги. Рядом возились так же опутанные, как и она, Кора и Танин.

Вдруг сеть натянулась, ее узлы и веревки больно врезались в тело – сеть потащили по полу вниз.

От темноты и боли Алиса потеряла ощущение времени. Долго ли их волокли, куда, зачем... она так и не поняла.

Затем движение прекратилось. Рядом стояли люди.

Слышен был голос норвежца, который отдавал приказания. Алиса почувствовала, как быстрые грубые руки обыскивают ее. Звякнул металл – Алиса догадалась, что обыскивают и обезоруживают ее спутников.

– Все? – спросил норвежец.

– Оружия нет, – ответил другой голос. – Передатчиков и жучков – тоже.

– Тогда веди их в клетку.

* * *

– Как неладно все получилось! – пробормотала Кора. – Мы ведь думали застать их врасплох и не предупредили комиссара.

– Я увидел, как спускается девушка с неба, выскочил из кустов и кричу ей: «Нельзя! Убьют!..»

– Молчать! – раздался голос сзади.

Кора пошатнулась – ее ударили в спину.

Коридор закончился небольшой комнатой, дальняя часть которой была отгорожена толстыми вертикальными прутьями. За решеткой в клетке, освещенной небольшой лампочкой, стоял стул. На стуле сидел профессор Лу Фу. Одежда на нем была порвана, на щеке кровоподтек, лоб разодран...

– Как вы посмели! – Алиса обернулась к тем людям, что вели их.

Ма Ми выглянула из-за спин охранников.

– Не надо было спорить с нами, – сказала она сладким голоском. – Мой папа не терпит, когда ему возражают.

Я бы, конечно, оказала старику все уважение... но что могу поделать я, слабая девушка...

– Говори, говори! – Из узкого бокового хода выскочил маленький генерал на высоких каблуках, золотое шитье на его эполетах отбрасывало сверкающие лучики. – Говори, моя доченька, клевещи на своего папочку! Ты сама стоишь ста таких негодяев, как я!

– Папа, здесь же чужие! Что они скажут, когда вернутся домой?

В это мгновение свет в коридоре погас, камни под ногами раздвинулись, и все они – Алиса, Кора и Танин – провалились вниз.

– Опять врешь! – рассердился генерал Маун Джо. – Ты отлично знаешь, что нельзя допустить, чтобы хоть кто-нибудь из них вышел отсюда живым. Нам еще повезло, что эта агентша не догадалась предупредить комиссара, что летит сюда по следам Алисы.

– Я бы не спешила ей верить, папочка, – сказала Ма Ми, – ты же знаешь, какие хитрые эти агенты ИнтерГпола, их специально учат обманывать нас, несчастных честных бандитов.

– Ты думаешь, сюда заявятся полицейские?

– Я почти уверена в этом, папочка.

– Тогда расстрелять их немедленно! Я, кажется, уже приказывал!

– Папа, это неразумно.

– Почему?

– Потому что это старомодно. Так ведут себя самые обычные разбойники. Мы же с тобой цивилизованные бандиты, я даже хочу получить медицинское образование.

– Что же с ними сделать?

– Сколько у нас есть времени, папа? – вопросом на вопрос ответила Ма Ми.

– Я думаю... – Генерал Маун Джо обернулся к Ларсену.

– Если они предупредили комиссара и таиландскую полицию, значит, уже подлетают сюда... Но что они будут делать дальше?

– Я знаю, – сказала Ма Ми. – Они найдут останки сбитого флаера этого глупого таксиста, который даже погибнуть не сумел как порядочный человек!

– Виноват, госпожа! – Танин заморгал длинными ресницами. И если бы уголки его губ не дрожали, можно было бы подумать, что глупый таксист и на самом деле раскаивается, что не погиб.

– Они тут же начнут искать следы вокруг поляны! – закончила Ма Ми.

– Ну и пускай ищут, – ответил норвежец. – Им потребуется полчаса, чтобы отыскать ход в скалу, еще полчаса – чтобы пробиться внутрь...

– Значит, у нас есть двадцать минут, – сказала Ма Ми.

– Но почему, доченька? – спросил генерал. – Нильс сказал – час!

– По той простой причине, – ответила юная бандитка, – что все лучезарные прогнозы дяди Ларсена надо уменьшать в три раза.

– Значит, у нас двадцать минут?

– Да. И хватит разговоров! – воскликнула девушка. – Немедленно начинайте действовать!

Но действовать не пришлось, потому что в помещение въехал столик на колесах, который толкал перед собой Исмаил. На столике громоздились всевозможные изысканные блюда, колбасы, жареные попугаи, обезьяньи почки в сметане, мусс из крабов и многое другое.

– Где будем дообедывать? – спросил тонким голосом повар.

– Где, где? А черт его знает где! – заорал в ответ генерал. – Я смертельно проголодался. Я могу в любой момент погибнуть. Я не добегу до резервной базы.

И генерал кинулся к тележке.

Ма Ми злобно поморщилась и обернулась к норвежцу:

– Сейчас же подними солдат, чтобы вырывали из земли ростки кориолонга, складывали в мешки и тащили к секретному выходу к реке. Понял?

– Правильно, моя девочка, – согласился норвежец.

– Чтобы через пятнадцать минут все было кончено и мешки перенесены.

– Слушаюсь.

– Ты же сам возьми все из сейфа. В первую очередь рубины и топазы. Я присоединюсь к тебе у выхода, как только закончу ликвидацию пленных.

– Ты уверена, Ма Ми, что их надо всех ликвидировать? – спросил норвежец.

– И притом бесследно. Чтобы ни одна живая душа не могла связать их гибель с нами.

– Но у нас нет времени их закопать...

– Но у нас есть другой способ, – сказала девушка, – недаром я так интересуюсь биологией. Ваша смерть наступит от естественных причин. – И большие красивые глаза Ма Ми лихорадочно загорелись. – Вас погубит гигантская попорунья.

– Вот именно! – воскликнул генерал, продолжая жевать. – Как забавно!

– Папочка, помолчи, ты меня отвлекаешь! – сердито остановила его Ма Ми. – Если ты будешь меня перебивать, то попорунья полакомится и тобой.

– Как ты можешь так шутить! – ахнул генерал и тут же вгрызся в ножку фазана. Когда он нервничал, его аппетит разыгрывался до безумия.

– Маун Батан, – приказала Ма Ми молодому солдату, – сейчас же принеси сюда излучатель профессора. А ты, Маун Пул, поставь вот здесь тре-

ножник. Три человека должны принести кадку с попоруньей. Она стоит на втором складе. Кто знает, как она выглядит?

Солдаты, стоявшие вокруг, послушно бросились исполнять приказания. Оставшиеся в пещере по приказу Ма Ми открыли дверь в клетку, где сидел старик, и втолкнули в нее пленников. Дверь со скрипом закрылась. Ма Ми проверила, надежен ли замок.

– Алиса, – узнал девочку старик. – Ты попала сюда из-за меня?

– Я хотела освободить вас, – ответила Алиса, – но в плен я попала по собственной глупости.

– Мы тоже сами виноваты, – сказала Кора и представилась профессору.

Профессор с трудом сидел на стуле.

– Что они хотят сделать? – спросила Алиса профессора.

Тот не ответил. Он внимательно смотрел, как солдаты внесли кадку, в которой находилось растение, похожее на ветвистую елочку. Затем по знаку Ма Ми еще один солдат втащил шланг и включил воду.

– Ах, как жаль! – тихо произнес Лу Фу.

– Что вас расстроило? – спросила Алиса.

– Они подключили воду. Я так надеялся, что они забудут.

– Почему?

– А потому, – ответила весело Ма Ми, которая услышала слова профессора, – что попорунья сейчас будет расти, а когда растешь, всегда хочется пить. Вы поглядите на моего папашу – все время жрет. А то бы помер и оставил мне все драгоценности.

– Но-но! – откликнулся генерал. – Без грубостей, доченька!

Генерал с опаской поглядел на растение в кадке.

Солдаты установили за ним треногу, на вершине которой укрепили малый излучатель профессора Лу Фу.

Ма Ми включила его.

Голубой луч протянулся к корням растения.

– Прощайте, друзья, – сказала Ма Ми, будто пропела. – Прощай, Алисочка. Я успела полюбить тебя... Прощайте, профессор, я прониклась к вам уважением. Прощай, глупый таксист, прощай, неосторожная полицейская ищейка Кора. Никогда мы больше не увидимся. Папаша, поехали отсюда, нам пора сматывать удочки.

И вот Исмаил толкнул тележку – генерал так и не слез с нее, – за ним поспешили Ма Ми и солдаты. Со скрипом закрылась железная дверь. И наступила тишина.

Клетка, в которой находились пленники, представляла собой глубокую нишу в скале, освещенную голой лампочкой. Вертикальными стальными прутьями она была отделена от остальной пещеры. Прямо перед решеткой находилась кадка с попоруньей, за ней – работающий излучатель доброты.

– Ну что ж, – сказала Алиса. – Давайте думать, как отсюда выбраться.

– Боюсь, что мы опоздали, – сказал профессор. – И только я в этом виноват!

Растение, похожее на елку, зашевелилось. На концах колючих ветвей появились как бы ложечки, окруженные мелкими длинными лепестками, словно у китайской хризантемы.

– Вот это и есть присоски попоруньи, – сказал профессор.

– Что за присоски? – спросила Кора.

– Попорунья – страшный хищник, который живет в самых недоступных болотах. Счастье, что это растение невелико, но оно питается кровью и мясом животных. Говорят, что когда заяц или белка попадают в его объятия, то от них ничего не остается, ровным счетом ничего.

Танин отступил, глядя, как ожили, покачиваясь, хризантемы и начали клониться к прутьям.

– Какая гадость! – воскликнула Кора. – Я всегда не любила комаров. И червяков тоже...

Ветки попоруньи оказались гибкими, живыми, подвижными...

– Излучатель вызывает к жизни каждую клетку этого чудовища, все в нем бешено растет, торжествует, – сказал профессор. – И боюсь, что мы не в силах остановить это создание природы. О горе, я убил невинных девушек!

Ко всему попорунья испускала неприятный трупный запах, казалось, что она сожрала весь воздух в пещере и стало нечем дышать... Ветви с хризантемами на концах уже проникли в клетку. Кора протянула руку, чтобы оборвать хризантему, приблизившуюся к ее лицу, но Танин закричал:

– Не смей до нее дотрагиваться! Она обжигает!

Вся решетка была густо заплетена ветками попоруньи, словно клумба хризантем встала вертикально, отрезав людей от мира.

– Скорее бы комиссар... – сказал Танин, задыхаясь. Он отстранил Алису и старика и приказал им: – Прячьтесь в угол.

– Зачем? – спросила Алиса.

– Пока этот цветочек будет пожирать меня, – сказал таксист, – Милодар может успеть вам на выручку.

– Эй! – закричала Кора. – На помощь! Мы здесь!

Но звуки натыкались на зеленую стену, на белые хищные цветы и умирали...

Жадные тонкие щупальца хризантем отогнали пленников к дальней стене. Единственным их орудием был стул, на котором раньше сидел профессор. Именно этим стулом Танин пытался отбиваться от ветвей хищника. Но прошло еще несколько минут – и стало ясно, что отступать дальше некуда. Вот первая из хризантем, решительно отведя в сторону стул, дотронулась до руки Танина.

– Нет! – закричала Кора и попыталась оторвать щупальца от руки молодого человека.

– Не надо! – откликнулся Танин. – Смотри!

И тут Кора, а за ней и Алиса увидели, что цветы попоруньи, дотронувшись до кожи людей, не обжигали и не пронзали ее, а лишь трогали и даже как будто гладили их.

– Смотрите! – вскрикнул профессор. – Они потеряли агрессивность.

Стоять в клетке было все труднее, потому что ветви и цветы попоруньи заполонили все свободное пространство и шевелились, трогали, щекотали пленников, будто хотели познакомиться.

– Они нас не жалят! – сказал Танин.

Алиса даже осмелилась погладить хризантему, и та, широко раскрывшись, прижалась прохладными лепестками к ее руке.

– Это похоже на чудо, – произнес профессор.

И тут издали, как сквозь вату, донеслись голоса.

– Где они могут быть? – спросил женский голос.

– Не подходите! – откликнулся мужской голос. – Это попорунья. Она смертельно опасна.

– На помощь! – закричала Кора. Потом она сунула два пальца в рот и засвистела так, что попорунья съежилась и ее хризантемы, толкаясь, попытались выбраться из клетки.

– Давно бы так, – проворчал Танин.

– Попорунья сожрала их! – послышался уже близко женский голос, и Алиса узнала графиню Беллинетти.

– Ничего подобного, – ответил мужской голос. – Никто не умеет так свистеть, как мой агент Кора Орват. Как только она перестанет свистеть, тогда и убеждайте меня в ее смерти.

– Мы живы! – крикнула Кора.

Прямо перед решеткой находилась кадка с попоруньей,
за ней – работающий излучатель доброты.

– Слышу, – отозвался мужской голос. – Здесь Милодар. Вызываю огнеметы для уничтожения этой нечисти.

– И не вздумайте, – крикнула в ответ Кора. – Лучше дайте нам ключ от клетки, и мы выйдем сами.

– Но она нас сожрет, – сказал комиссар.

– Нет, не сожрет! – закричала Алиса. – Неужели вы не понимаете, что, пока работает излучатель доброты, это растение не может нас есть! Оно вообще не может нападать на живые существа. Не выключайте излучатель.

– Чепуха! – воскликнул комиссар.

– Девочка права, – сказал слабым голосом профессор. – Она совершенно права.

– Я отобрал ключ у Нильса Ларсена, – услышала Алиса голос следователя Лян Фуканя. – Сейчас я открою клетку...

– Ой, куда вы идете! – закричала графиня.

– Пока работает излучатель, – ответил следователь, – мне нечего опасаться.

Раздвинув ветви, следователь подошел к решетке и открыл замок.

Пленники один за другим вышли сквозь зеленую живую завесу. Последним шел Танин, поддерживая старика.

– Какое счастье, – сказал он, – что при виде попоруньи вы не стали ее жечь и уничтожать – тогда бы и нам не поздоровилось.

– Но я не могу этого объяснить, – сказала графиня Беллинетти. Ее буйные волосы волнами стекали на плечи. – Почему растение изменило свои привычки?

– Потому что оно получило запас доброты и откликнулось на лучи таким образом, – сказал Танин. Глупый таксист переменился. Как будто подтянулся и стал выше ростом.

Заметив удивленный взгляд Алисы, он негромко сказал:

– Давай познакомимся, капитан Танин Каничон, старший инспектор таиландской полиции.

– Так вы все знали с самого начала?

– Нет, не все, – улыбнулся Танин. – Но ждал связи с Корой Орват.

– Вы знали, что Милодар предупрежден?

– Да, мы должны были оттянуть время, принять огонь на себя, пока добирается комиссар с отрядом.

– Но мы не подумали, – сказал комиссар, – что эта девочка Ма Ми окажется такой злобной и безжалостной.

– Ее еще можно перевоспитать, – сказала графиня. – Если вы позволите, я возьму ее к себе в клинику. Я думаю, еще не поздно сделать из нее хорошего медика.

– Под вашу ответственность, – буркнул Милодар. – Но я буду наблюдать за вашей клиникой – как бы она не натворила там дел.

– Надеюсь, что и попорунью вынесут отсюда? – спросил профессор. – После того как она нас пощадила, было бы жестоко оставить ее здесь погибать.

– Сделаем, – улыбнулся Танин. – Только не советуем подходить к ней после того, как будет выключен излучатель.

Профессор Лу Фу покачнулся, но Кора успела подхватить его. Милодар вызвал санитаров, и вскоре профессор летел на флаере в Бангкок.

Остальные вышли из убежища в скале и остановились на берегу реки.

– Возвращайтесь по домам, – приказал Милодар. – Дальше мы разберемся без вас.

– А где Ма Ми? – спросила Алиса. – Ее не поймали?

– Не скажу, – ответил Милодар. – Потому что, если тебе сказать лишнее, ты сразу бросишься искать приключений. А когда ты погибнешь, что я скажу твоим родителям?

– Что я немного опоздаю к обеду, – отозвалась Алиса. – Так где же Ма Ми?

Комиссар ответил не сразу. Сначала он переварил шутку Алисы, потом сказал:

– Тебя бы отправить в дом для трудновоспитуемых подростков. Ты нам чуть не сорвала операцию.

– Комиссар, – Кора Орват обняла Алису за плечи и прижала к себе, – пожалуйста, не придирайтесь к моей помощнице. Алиса с честью прошла испытания на профессию сыщика.

– Ничего подобного, – ответил комиссар, – она только путалась под ногами.

Алиса хотела ответить... и сказать все, что думает об этом Милодаре! И тут увидела, что комиссар смеется. Пришлось и ей засмеяться. Потом она спросила:

– А где Ма Ми?

– Я готов тебя убить! – заявил комиссар. – Поймаем мы твою Ма Ми. Сейчас берут их резервную базу. Хочешь с ней встретиться?

– Нет, спасибо.

– Тогда зачем спрашиваешь?

– Я хочу быть уверенной, – ответила Алиса, – что профессору ничего больше не угрожает.

– Я клянусь, что это именно так! – ответил Милодар.

– А где излучатель? – спросила Алиса.

– Здесь.

– Дайте его мне. Я вылетаю в оазис профессора.

– Этого еще не хватало! – воскликнул Милодар.

– Алиса права, – сказала Кора Орват. – И я лечу с ней. Мы должны возродить оазис к возвращению профессора. Я не могу допустить, чтобы столетие такого замечательного ученого праздновалось в пустыне. К тому дню сад будет вновь цвести и плодоносить.

Дети динозавров

Глава первая

Алиса пришла домой, закрылась у себя в комнате и наговорила такое письмо своему старому врагу Крысу:

«Планета „Секретное логово пиратов“.
Пирату Крысу.

Уважаемый Крыс!

Надеюсь, что ты меня помнишь. Ведь мы с тобой немало враждовали в прошлом. Но, насколько мне известно, вы с Весельчаком У во многом пересмотрели свои взгляды и исправились. Если вам еще не надоело жить честной жизнью и вы не покинули свое секретное логово, ты не откажешь мне в маленькой просьбе.

Но прежде я должна рассказать, почему прошу твоей помощи.

К нам на биологическую станцию пришел один израненный студент и рассказал ужасную историю.

Оказывается, он недавно побывал на далекой и почти неоткрытой планете-заповеднике Стеговия. На этой планете жизнь развивается медленнее, чем на Земле, и поэтому там еще живы существа, которые на Земле давным-давно вымерли. Но сейчас всем этим существам грозит страшная опасность: планета под влиянием землетрясений изменила орбиту и начала удаляться от своего солнца. Климат катастрофически меняется. А все пресмыкающиеся и земноводные, которые там живут, не приспособлены к холодам. Они вот-вот вымрут, и планета станет пустынной.

Студент, который все это нам рассказал, прилетел на Стеговию, чтобы изучить обстановку и понять, как помочь тамошним животным. Но животные встретили его как злейшего врага. Оказывается, недавно на той планете побывали браконьеры, которые охотились на динозавров из-за их красивых шкур и рогов, а также собирали яйца ящеров. Теперь животные планеты Стеговия боятся людей и ненавидят их. Так что наш друг студент, который не знал о браконьерах, чуть не погиб, когда на него напали динозавры. Он еле унес ноги с планеты. Он обратился в Службу охраны галактической природы, и они поставили экспедицию на планету Стеговия в план второго квартала будущего года. У службы охраны много планет, которые надо защищать и охранять.

Теперь ты понимаешь, Крыс, что мы с Пашкой Гераскиным решили сделать. Мы немедленно летим на планету Стеговия и постараемся хоть кого-то спасти. Но для того, чтобы это сделать, нам надо принять вид каких-то местных существ. Ведь мы не можем прилететь туда в человеческом облике.

Дорогой Крыс! Я знаю, что вы с Весельчаком У умели раньше принимать облик любого живого существа и из-за этого причинили нам с папой много неприятностей. Я думаю, что теперь, когда вы живете на пенсии, вам не нужны средства для изменения внешности. Не можешь ли ты поделиться со мной этим секретом? Я была бы благодарна. А уж как будут тебе благодарны драконы, динозавры и тритоны планеты Стеговия, трудно вообразить.

Пожалуйста, не откажи мне в просьбе.

Твоя Алиса Селезнева».

Видеописьмо получилось размером с почтовую открытку. Алиса кинула его в почтовую трубу, которая находилась в коридоре, возле входной двери. Почтовый ящик щелкнул, принимая письмо, и Алиса представила

себе, как оно, превратившись в точку-сигнал, улетело в Галактику. Для почты нет секретов и нет секретных планет. Завтра письмо уже попадет в логово к космическим пиратам, если, конечно, им не надоело быть хорошими и они не отправились в новый бандитский налет.

Отправив письмо, Алиса вышла из дому, добежала до угла, где была стоянка флаеров, и, взяв машину, полетела в Польшу, где недалеко от города Вроцлава жили ее друзья – необыкновенная женщина Ирия, ее муж Тадеуш и дочка Вандочка. Ирия Гай – инопланетянка и конструктор космических кораблей. Только она больше любит готовить обеды, солить грибы и варить варенье. Еще она обожает лечить от всех настоящих и будущих болезней своего любимого мужа, космического биолога Тадеуша. Она рада была бы с утра до вечера лечить и свою маленькую Вандочку, но не тут-то было.

В саду дома под Вроцлавом стоит небольшой, похожий на яйцо с руками космический корабль Гай-до. Его построила Ирия Гай.

Гай-до считает себя братом Ирии, а порой готов заменить ей родителей. Гай-до – лучший в Галактике разумный космический корабль. Но когда он не летает, он заботится о Вандочке и не дает маме Ирии перекармливать, перелечивать и перетискивать ребенка.

Алиса опустилась в саду за домом Тадеуша и, оставив флаер, пошла к зарослям морозоустойчивого бамбука, где скрывался от чужих взоров корабль Гай-до. Когда она вышла на лужайку, то увидела чудесную картинку.

Вандочка училась ходить, держась за длинный металлический палец Гай-до. Девочка смеялась, и корабль булькал, изображая смех.

– Здравствуйте! – громко сказала Алиса. – Неужели мы уже умеем ходить? Ведь Вандочка только что родилась.

– Время! – ответил ей космический корабль. – Неумолимое время покрывает серебром наши волосы, сгибает наши ноги и насылает на нас болезни. Молодые растут, а старики сгибаются под тяжестью лет.

– Кто же здесь старик? – удивилась Алиса. – Кто здесь согнулся под тяжестью лет?

Маленькая девочка выпустила металлический палец, сделала несколько шагов, упала в траву и заплакала.

– Что ты наделала! – возмутился корабль. Его открытый люк казался плачущим ртом. – Ты чуть не загубила нашу крошку.

Корабль схватил девочку своими длинными манипуляторами и бережно, словно стеклянную, перенес внутрь себя.

Только он успел это сделать, как на дорожке показалась красавица с распущенными волосами, в коротком халатике и с поварешкой в руке. Это была Ирия Гай.

– Почему ребенок плачет? – закричала она.

– Ребенок уже не плачет, – с достоинством ответил корабль. – И я ни в чем не виноват. Девочку испугала твоя подруга Алиса.

Вообще-то Гай-до не доносчик. Но в тот момент он перепугался, что у него отнимут воспитанницу.

Ирия заглянула внутрь Гай-до и увидела, что ее дочка невредима. Она сидит на полу и играет в кубики. Тогда она обернулась к Алисе и сказала:

– Прости, Алиса, я не заметила, как ты прилетела. Я так была занята лимонным пирогом! Пошли на кухню, а то у меня все сгорит.

На кухне все было в порядке, ничего не подгорело. Алиса расспросила Ирию, как живет и чувствует себя ее семья, а Ирия поведала ей о том, что у Тадеуша вчера был насморк, Вандочка по недосмотру этого Гай-до оцарапала коленку, а сам Гай-до подвергся нападению стаи голубей, которые его всего изгадили. Алиса послушно внимала молодой женщине, а между делом пробовала пирог.

Вдруг Ирия спохватилась:

– А почему ты прилетела? У тебя неприятности? Что-то случилось? Кто-то заболел? Говори честно, ничего не утаивай.

– Честное слово, все здоровы, а мы с Пашкой Гераскиным собираемся на планету Стеговия, где живут динозавры и ископаемые драконы.

– А кто из взрослых с вами полетит? – спросила Ирия.

– Пока никто, – сказала Алиса, которая ждала такого вопроса.

– Ты с ума сошла! Вас там разорвут и затопчут!

– Ирия, миленькая, ты же знаешь, что мы с Пашкой были в разных переделках и всегда выходили сухими из воды.

– Это бывает до определенного момента, – возразила Ирия. – Нет, я вас не отпущу!

– Но ты же не можешь лететь с нами. И Тадеуш занят...

Алиса сделала вид, что рассуждает вслух. На самом деле она искусно направляла мысли Ирии. К счастью, Ирия этого не замечала.

– Тогда... – произнесла она. – Тогда я пошлю с вами Гай-до.

– О нет! Он так нужен дома! Он же учит Вандочку ходить.

– Вот именно этого ему делать не следует! – возразила Ирия. – Я обойдусь без него. А старичку пора прокатиться, понежиться в вакууме, окунуться в черные дыры и повертеться в бурных атмосферах.

– Ой, я не уверена! Он, наверное, все забыл! – сказала Алиса, стараясь сдержать улыбку.

И тут в разговор вмешался Гай-до, который до этого молчал.

– Я ничего никогда не забываю, – заявил он. – У меня абсолютная память.

– Вот и договорились! – поспешила сказать Алиса, пока кто-то из них не передумал. – На днях мы летим в космос!

– Погоди, погоди! – воскликнул Гай-до. – А как же Вандочка?

– Хватит прохлаждаться. Займись профилактикой, – приказала Ирия. – Если найдешь в себе неполадки, сообщи мне до нуля часов. Сегодня ночью я приведу тебя в порядок.

Корабль вздохнул, потом спросил:

– А надолго лететь?

– На несколько дней, – ответила Алиса. – Всего на несколько дней. Но путешествие будет опасным.

– Тогда я согласен, – ответил корабль.

Глава вторая

Через два дня Алиса получила видеописьмо.

Когда она развернула его, на листе пленки появилось не очень приятное, зато похожее лицо бывшего космического пирата Крыса, который ушел на пенсию и занимался музыкой.

«Здравствуй, Алисочка! – сказал пират. – Как приятно было получить от тебя письмо! Мой друг Весельчак У говорит, что чем дольше мы с ним будем честными пенсионерами, тем больше писем будем получать. Ты спрашиваешь, каким образом мы научились менять свою внешность? Это страшная тайна. Но тебе мы ее можем открыть. Как-то, много лет назад, еще будучи молодыми шакалами космических трасс, мы с Весельчаком попали на планету Синий Воздух. У нее есть другое официальное название, но местные жители называют ее именно так. Мы собирались немного пограбить и побаловаться там, но по молодости лет не рассчитали своих сил и попали там в тюрьму. Мы думали, что нам пришел конец,

но у них как раз тогда проходил всепланетный театральный фестиваль. Жители Синего Воздуха – ужасные любители разных зрелищ, оркестров, театров и балетов. Ну и вот – сидим мы в тюрьме, обливаемся слезами, проклинаем нашу судьбу-злодейку, как вдруг двери темницы раскрываются, и нам говорят: «Выходите, голубчики, у нас амнистия, потому что мы все идем в театр». Такие вот чайники живут на той планете. Значит, выпустили нас на свободу и приказали на прощание идти с ними в театр. Нам что, мы согласились. И тут мы увидели такую вещь, что удивились на всю жизнь...»

Лицо Крыса на экранчике письма сморщилось от смеха. Теперь он был больше похож на ящерицу, чем на крысу. Но Алисе не было противно смотреть на него. Она уже привыкла к этой физиономии. У Крыса ведь тоже была мама, подумала она. И хоть мама Крыса не отличалась хорошим характером, ее мальчик ей казался красивым. Так думают все мамы, даже крокодилов.

«Представляешь, там была одна артистка, вполне приличная. Она все кричала, била себя в грудь, переживала, а эти синевоздушники хлопали в ладоши и кричали ей: «Давай еще!» Выходим мы с Весельчаком после спектакля на улицу и видим: вокруг нас каждая вторая женщина – ну точная копия той артисточки! Мы сначала думали, что рехнулись, не может

того быть! Но нам объяснили, что на Синем Воздухе есть такая травка, из нее делают пилюли. Как примешь пилюлю, можешь превратиться в кого желаешь. Эти чудаки придумали ей самое глупое применение – они превращаются в тех людей, кого любят. Мало им того, что на выборах президента половина планеты ходит в виде одного кандидата, а половина планеты в виде его противника. Мало того, что возлюбленные превращаются на свиданиях друг в друга, чтобы доказать свою любовь. Но после каждого концерта полгорода принимает вид какого-нибудь барабанщика. Правда, у них довольно строгие правила – если ты воспользуешься этой травкой во вред окружающим, для преступления или даже для злой шутки, то тебя жестоко наказывают. Знаешь как? Тебе делают укол, после которого травка уже никогда на тебя не подействует. Для них это просто трагедия. Привыкают изменяться, а тут ходи всю жизнь таким, какой есть!

Но мы с Весельчаком У были не такими воспитанными, как жители Синего Воздуха. Мы взломали в ту же ночь одну аптеку и взяли ящик пилюль. Нам на всю жизнь хватило! У нас и сейчас еще осталось, но немного. Мы бы рады тебе прислать, но пойми нас правильно. Дружба дружбой, а денежки врозь. Мало ли что еще в жизни случится, а мы не хотим оставаться без пилюль. Так что тебе придется самой слетать на Синий Воздух и попросить у них лекарства для своих дел. Не обижайся, такова жизнь! А если захочешь к нам заглянуть, милости просим. Тарелка супа для тебя всегда найдется. Я купил новый барабан, и его удары слышны на другой стороне нашей планеты.

Твой старый и злейший друг
капитан Крыс».

Алиса позвонила Пашке Гераскину.

– Ну как? – спросил ее друг. – Получила ответ от Крыса?

– Да. Он рассказал, где раздобыл средство менять облик, но не захотел с нами поделиться.

– Узнаю старого пирата, – сказал Пашка. – Не хочет расставаться со своим испытанным оружием. А на той планете нам это средство дадут?

– Крыс уверяет, что средство добывают из травы, которая растет на планете Синий Воздух. Ты слышал о такой планете? Там очень любят искусство.

– Погоди, – сказал Пашка. – Сейчас свяжусь с рок-джампменом Габриэлем Федоренко. Он недавно вернулся с гастролей. Кажется, он мне говорил о такой планете...

Пашка оказался прав. Через полчаса он перезвонил Алисе и сказал, что отыскал Габриэля на репетиции и тот признался, что только что возвратился с планеты Синий Воздух, и даже передал Пашке по пневмопочте удивительную фотографию. На большой фотографии стояло в ряд примерно пятьдесят человек, все – точная копия Габриэля Федоренко. А внизу было подписано: «Угадай, кто из них – я?»

Значит, Крыс был прав. Травка существовала.

На следующее утро Алиса и Пашка сообщили своим родителям, что срочные дела требуют их отлета с Земли на неделю, но что они задерживаться не будут и к началу занятий в школе не опоздают.

После этого друзья вылетели к Вроцлаву, где их уже ждал корабль Гай-до.

Как она и обещала, Ирия привела в порядок Гай-до. Тот был заправлен топливом, и холодильник его был полон продуктов, потому что никто не знал, есть ли продукты на замерзающей планете. Гай-до был взволнован, он распевал боевые марши и хлопал в ладоши манипуляторами. Но в последний момент, когда все уже было готово к отлету, он вдруг загрустил и сказал, что не может расстаться на целую неделю с крошкой Вандочкой и поэтому никуда не полетит.

Тут уж Ирия вышла из себя:

– Если ты не можешь держать своего слова и превратился из корабля в сумасшедшую бабушку, оставайся дома! Ржавей и рассыпайся! Но учти, что я никогда не подпущу близко к моей дочке такую истеричку! Понял?

Гай-до молчал целую минуту.

Потом вздохнул и произнес:

– Понял... я шутил, госпожа! Конечно же, я все сделаю для моих юных друзей. А ты уж позаботься о Вандочке, пока меня не будет.

Глава третья

Знаменитый космический археолог Громозека похож на слона с щупальцами вместо рук. Глаз у Громозеки ровно восемь, и они окружают его голову так, что ему не надо ее поворачивать, чтобы поглядеть назад. На голове Громозека носит кубанскую папаху, которую ему когда-то подарил Алисин папа, профессор Селезнев.

Знаменитый космический археолог Громозека стоял перед гигантской ямой, откуда исходило зеленое сияние, – там на глубине десяти метров

Знаменитый космический археолог Громозека стоял перед гигантской ямой, откуда исходило зеленое сияние.

его экспедиция только что обнаружила древнюю ванну, вырубленную из одного кристалла изумруда. Кристалл был размером в паровоз и сиял так, что небо над ним стало зеленым.

Громозека, открывший такое чудо совершенно забытой цивилизации на совершенно необитаемой планете, никак не мог решить, то ли ему вывезти ванну в Галактический центр, чтобы все жители Галактики могли ею полюбоваться, то ли сделать на этой необитаемой планете специальный музей, чтобы сюда прилетали туристы. Правда, эта необитаемая планета прячется между звезд на окраине Галактики, и вряд ли многих туристов удастся сюда завлечь.

Помощники Громозеки, собравшиеся в экспедицию с разных планет – розовые, зеленые, трехногие, одноногие, с хоботами, носами, клювами, все как на подбор мелкие, втрое ниже Громозеки, но шустрые и деловые, – столпились вокруг и громко восхищались красотой и редкостью находки.

Со стороны навеса, где стоял обеденный стол и хранились редкие черепки, медленно ехал автопогрузчик, чтобы извлечь из ямы ванну.

В этот момент браслет на одном из щупальцев Громозеки заговорил голосом диспетчера:

– Профессор Громозека, корабль Гай-до просит разрешения на посадку. Что делать?

Вопрос был не праздным. Дело в том, что когда археологи раскапывают мертвую планету, то посадка туристов или вообще посторонних существ там обычно запрещается. И не только потому, что туристы могут нечаянно утащить или сломать какую-нибудь находку. Известны случаи, когда в древних слоях, открытых археологами, таились опасные вирусы или даже замерзшие под землей насекомые и гады.

Правда, здесь этого не наблюдалось, но осторожность никогда не мешает.

– Гай-до! – воскликнул профессор Громозека. – Мне знакомо это слово. Я подозреваю, что меня решила навестить моя любимая подруга Алиса. Немедленно вытащить ванну наружу! Я хочу, чтобы Алисочка полюбовалась нашей находкой. Кроме того, прошу накрыть столы. Все самое вкусное – моей подруге!

На пустынной планете началась страшная суета, потому что все археологи Вселенной скучают без гостей и любят их принимать. А тут, оказывается, приближается знаменитая Алиса Селезнева, о которой написано столько книг и снято столько фильмов!

Похожий на яйцо космический корабль Гай-до пронесся над планетой и мягко опустился рядом с раскопками. Его тень упала на изумрудную ванну, а ее отблеск озарил бок корабля.

Люк открылся, и из корабля вышли два человека.

Совершенно незнакомые археологу Громозеке.

Невысокого роста человек с бакенбардами поддерживал под локоть высокую красавицу с томными глазами. Черноволосый человек был облачен в темный костюм с высоким стоячим воротником. В свободной руке он держал странного вида высокую черную шляпу, которая раньше называлась цилиндром. Красавица же была одета в длинное до земли платье, и ее плечи были обнажены.

– Театр приехал! – пискнул какой-то лохматый практикант.

Но Громозека, который отлично разбирался в людях, сразу сообразил, что эти гости – не актеры.

– Добро пожаловать, – произнес он, пуская две струи дыма из ноздрей и прикрыв передние глаза. – Должен признаться, что я ожидал прилета моей дорогой подруги, но раз прилетели вы, я тоже рад.

– Большое спасибо, профессор Громозека! – сказала красивая дама. – Мы знали, что можем рассчитывать на ваше гостеприимство. Ах, что это?

Дама увидела изумрудную ванну. Она была потрясена.

– Это изумрудная ванна, – сказал Громозека, – ей по крайней мере три тысячи лет, а она выглядит как новенькая.

– И в ней можно мыться? – спросила дама.

– Мыться? – Громозека растерялся. Ему и в голову не могло прийти, что кто-то захочет мыться в памятнике древнего искусства. – Может быть, может быть... А кто вы будете?

– Простите, что мы не представились, – сказал невысокий черноволосый мужчина. – Моя фамилия Пушкин. Александр Сергеевич Пушкин, знаменитый русский поэт. А это – моя любимая жена Наталия Николаевна. Из-за нее меня убили на дуэли.

Услышав столь странную фразу, помощники Громозеки загомонили на разных языках. Они испугались, что к ним пожаловали привидения.

Чей-то пронзительный голос завопил:

– Мы не потерпим мертвяков! К нам уже лезли мертвяки, мы их всех выгнали.

– Мы не мертвяки, – с достоинством ответила Наталия Николаевна.

– Значит, вы живые? – спросил растерянный Громозека.

– С одной стороны, – задумчиво произнес поэт Пушкин, – меня убили больше двухсот лет назад. С другой стороны, вы можете меня пощупать и убедиться, что я совершенно теплый и мягкий. То же относится и к моей жене Наташе, только я обычно не позволяю другим мужчинам ее трогать.

Археологи ничего не понимали и стояли вокруг, разинув рты. Но и гости ничего не хотели объяснить.

Громозека, который все еще старался изобразить из себя гостеприимного хозяина, спросил:

– Может быть, вы хотите позавтракать?

– Как, Наташа? – спросил Пушкин.

– С удовольствием, – ответила его красавица жена. – Но сначала я должна принять ванну. Спасибо господам археологам и гробокопателям, что они принесли ванну. Я попрошу сделать вокруг нее занавеску и согреть воду. Я буду сегодня принимать изумрудную ванну. Мне врачи рекомендовали изумруд от зубной боли.

Громозека растерянно задышал дымом и принялся чесать свои толстые бока когтями, которыми заканчивались его щупальца. Он не знал, как объяснить странным гостям, сразу ископаемым и живым, что археологические находки нельзя использовать по прямому назначению. А вдруг они сломаются? Нет, место им в музее.

– Что же вы молчите? – удивилась жена Пушкина. – Неужели вам жалко? Неужели вы боитесь, что ванна разобьется?

– Нельзя! – закричал один из ассистентов Громозеки. – Ни в коем случае! Это же мировая ценность.

– Саша, – сказала тогда Наталия Николаевна, – нас здесь не уважают. Немедленно возвращаемся на корабль и отправляемся на другую планету.

– Если ты считаешь, что это правильно, – ответил Пушкин, – то я тебе подчиняюсь. Но, честно говоря, я хотел бы сначала пообедать.

– Но я же никогда не купалась в изумрудной ванне! – Наталия Николаевна даже топнула ножкой в бархатной туфельке.

Так как ответа она не получила, то, не попрощавшись, направилась к кораблю Гай-до. Муж последовал за ней.

– Может быть, вам понравится наш суп из лангустов, – взмолился Громозека, спеша к Гай-до следом за семейством Пушкиных. – Я не хотел бы, чтобы вы улетели без обеда.

Пушкины уже подошли к кораблю, Громозека почти догнал их, но тут все испортил Гай-до. И надо же было кораблю засмеяться!

– Театр приехал! – пискнул какой-то лохматый практикант.

Никто не ожидал от него такого безобразия.

Гай-до даже раскачивался от смеха. И звуки, которые вылетали из него, были похожи на кваканье гигантской лягушки.

– Это еще что такое! – воскликнул Громозека. – Что такого смешного вы нашли здесь?

– Ой, Пушкин! – ответил Гай-до. – Я сам – такой же Пушкин!

В растерянности археологи крутили головами, стараясь понять, что же происходит, как вдруг с совершенно чистого синего неба хлынул обильный ливень.

Археологи кинулись под навес.

– Это он! – крикнул на бегу Громозека.

– Это он! – вторили археологи.

Пушкин и Наталия Николаевна, которые побежали следом за Громозекой, промокли не меньше других от неожиданного ливня.

– Кто такой – он? – спросил Пушкин. – О ком вы говорили?

– К сожалению, мои друзья имеют в виду именно меня, – ответил крошечного роста человек, такой худенький, словно родители его были муравьями. Большой, похожий на грушу нос перетягивал человечка вперед, и он был вынужден опираться на трость. – Все думают, что я виноват в стихийных бедствиях. Но это не так.

И человечек стукнул тростью о пол. Дождь пошел с удвоенной силой.

– Разрешите вам представить, – сказал Громозека Пушкину. – Магистр Эмальчик.

– Теодор Эмальчик, – поправил Громозеку человечек, который доставал ему до колен. – Магистр физики и доктор катастрофических наук. Величайший специалист по катастрофам в Галактике.

Загремел гром, навес пошатнулся, но устоял.

Человечек снял широкополую темную шляпу, и под ней обнаружилась рыжая шевелюра.

– Очень приятно, – ответил Пушкин и тоже снял черный цилиндр. – Меня зовут Александром Сергеевичем. Я – знаменитый русский поэт.

– Не знаю, не слышал, не интересуюсь поэзией. Мыслю глобальными масштабами, – ответил Эмальчик.

Несмотря на свой маленький рост, он был очень гордым человеком.

– А это моя жена, – сказал Пушкин, не смущаясь ответом катастрофиста, – Наталия Николаевна.

– Женщинами тоже не интересуюсь, – сказал катастрофист. – Жду завтрака.

– А я жду, когда мне нальют шампанское в изумрудную ванну, – заявила жена Пушкина. – Я хочу купаться в шампанском.

Дождь все еще барабанил по крыше навеса.

Громозека задумчиво поскреб когтем один из своих подбородков.

– Странно, – сказал он. – Я человек начитанный, русскую литературу люблю и читал о семье Пушкина. Но не верю! Признайтесь, вы меня разыгрываете?

– Нет! – воскликнул Пушкин.

Его жена выступила вперед, вынула из бисерного кошелька желтую пилюлю, проглотила ее и на глазах пораженных археологов превратилась в высокую худенькую девочку лет двенадцати.

– Я так и думал, – сказал Громозека. – Я вижу перед собой Алису Селезневу, и я прощаю ей все неуместные шутки.

Возгласы удивления послышались из толпы археологов, и они усилились, когда Пушкин тоже проглотил пилюлю и стал мальчиком, курносым и темноволосым, с такими озорными глазами, что было совершенно ясно – с ним надо держать себя начеку.

Катастрофист Эмальчик удивился настолько, что сел за стол и стал пить сгущенное молоко. А дождь сразу прекратился.

– Что с вами было? – спросил Громозека. – Неужели вы настолько увлеклись изучением творчества Пушкина, что превратились в него?

– В Пушкина превратиться – еще куда ни шло, – отозвался Эмальчик, – но при чем тут его жена?

Пашка с аппетитом принялся завтракать, а Алиса рассказала археологам, как они с Пашкой Гераскиным прилетели на планету Синий Воздух, потому что им нужны были пилюли для превращения. Оказалось, что достать эти пилюли непросто. Жители планеты очень боятся, что они попадут в дурные руки, как уже случалось раньше. Поэтому они устроили Алисе и Пашке испытания, чтобы выяснить, правду ли они говорят о несчастных замерзающих чудовищах на планете Стеговия. А когда убе-

дились, что гости сказали правду, то потребовали с них плату за пилюли. И догадайтесь какую?

– Я уже догадался, – заявил Громозека. – Они уговорили вас показать им всевозможных героев, писателей и ученых Земли для их музея. Вот вы и превратились в семью Пушкиных.

– Ты почти угадал, Громозека, – сказала Алиса. – Но на самом деле они послали нас в университет, на литературно-исторический факультет. И мы там читали им лекции. Пять дней подряд. Когда мы читали стихи Лермонтова, то Пашка превращался в Лермонтова, а я в его бабушку. Когда мы рассказывали о дуэли Пушкина, то я становилась Наталией Николаевной, а Пашка – убийцей Пушкина Дантесом.

Алиса показала на обеденный стол, и, обернувшись, археологи увидели, что на месте Пашки там сидит и пьет кофе со сгущенным молоком статный усатый господин в белом мундире. Лицо у господина было надменное и злое.

– Познакомьтесь, – произнесла Алиса. – Дантес.

Господин поднялся, поклонился и вытащил из-за пояса пистолет с длинным стволом.

– Чья очередь? – спросил он, направляя пистолет на археологов. Те прыснули в разные стороны, а Громозека хотел отобрать пистолет у Дантеса, но его когти пронзили пустой воздух.

– Зря стараешься, Громозека, – сказала Алиса. – Пистолет тебе только кажется.

И тут Дантес снова превратился в Пашку Гераскина. Алиса сказала:

– И вот пять дней мы читали тамошним студентам стихи и рассказывали о земных писателях. Хорошо еще, что я люблю поэзию и помню многие стихи наизусть.

– Я тоже помню! – воскликнул Пашка. – «Ты помнишь, дядя, ведь не даром Москва, спаленная пожаром, французам отдана!»

Все замолчали, ожидая услышать все стихотворение. Пашка замолчал. Потом сказал:

– Лермонтов. «Бородино». Стихотворение. «Ты помнишь, дядя, ведь не даром Москва, спаленная пожаром, французу отдана...» И так далее.

– Что – так далее? – вежливо спросил Громозека.

– Далее идет описание древнего сражения, это не так интересно.

Археологи засмеялись, поняв, что Пашка забыл продолжение. Когда их смех утих, Алиса продолжала свой рассказ:

– Мы прочли лекции в университете, нам выдали пилюли, и мы полетели на Стеговию. А по дороге Гай-до сообщил, что в этом секторе Галактики трудится наш друг Громозека, который сделал важные открытия. Вот мы и решили навестить вас.

– В образе Пушкина и его жены, – докончил Пашка. – Мы хотели вас повеселить.

– Все ясно, – сказал Громозека. – И я, честно говоря, испытываю большое облегчение.

– Почему?

– Потому что никто не будет просить моего разрешения искупаться в памятнике старины – изумрудной ванне.

– Разве нельзя? – печально спросила Алиса. – А я так об этом мечтала: вот прилечу к Громозеке и нырну в ванну!

– Алиса!

– Я шучу!

Все сели за стол, и за завтраком Алиса рассказала о несчастной судьбе планеты Стеговия. Археологи сочувствовали чудовищам, которым, видно, придется вымирать, и давали путешественникам различные, большей частью бесполезные советы.

– Неплохо, – сказал наконец Громозека, – если бы вам удалось вывезти со Стеговии каких-нибудь живых существ и переселить их на другую планету.

– На эту, на нашу! – воскликнул лохматый практикант. – Здесь все равно никто не живет.

– К сожалению, на планете никто не живет, потому что здесь нет воды и растительности. Когда-то местные жители настолько загадили эту планету, что сами вымерли, а планета до сих пор прийти в себя не может.

– Сюда динозавров везти нельзя, – согласилась Алиса.

– Но если понадобится помощь, – закончил Громозека, – сразу выходите с нами на связь.

– Спасибо, – сказала Алиса.

После завтрака археологи снова собирались на раскопки, а Пашка с Алисой решили улететь.

И в этот момент произошло событие, которое изменило судьбу спасательной экспедиции, да, можно сказать, и судьбу всей планеты Стеговия. Потому что махонький человечек Эмальчик, по профессии катастрофист, вдруг заявил:

– Я лечу с вами.

– Почему? – спросила Алиса.

Но никто не услышал ее вопроса, потому что среди археологов поднялось такое веселье, такая радость, что навес зашатался и рухнул. Все, кто сидел под ним, еле успели выскочить наружу. А когда пыль улеглась, Громозека, прочихавшись, заявил:

– Надеюсь, это последняя наша катастрофа.

– Ура! – закричали археологи.

А маленький рыжий Эмальчик, заплетая от волнения тонкие пальчики, признался Алисе:

– Я ничего не могу поделать. Я такой талантливый катастрофист!

Алиса не выдержала:

– Кто-нибудь объяснит мне, что все это значит и чем опасен этот человек?

Громозека отечески положил на затылок катастрофиста тяжелый коготь и сказал:

– Наш друг Эмальчик в самом деле талантливый катастрофист. Он занимается стихийными бедствиями. Всеми и всяческими. Он эти катастрофы изучает, он их чувствует, он их, к сожалению, притягивает к себе, как громоотвод притягивает молнии. И вы сегодня были тому свидетелями. Стоило ему выйти из палатки, как хлынул ливень, стоило ему сказать, что он летит с вами, рухнул наш любимый навес, который не могли пошатнуть бури и землетрясения.

– А как вы это делаете? – спросила Алиса.

– Я сам не знаю, – ответил Эмальчик. – Катастрофы ко мне притягиваются, потом я их изучаю и ликвидирую. Я очень ценный специалист.

– Вам лучше оставаться на необитаемых планетах! – заметил Громозека.

– Зачем же тогда вам с нами лететь? – спросил Пашка, которому соседство катастрофиста совсем не понравилось.

– Но там, на Стеговии, разразилась настоящая катастрофа! – ответил Эмальчик. – Страшная, ужасная, неповторимая! Мне по плечу! Я должен ее увидеть!

– А вы не сделаете хуже? – спросила Алиса.

– А там, насколько я понял, хуже некуда, – ответил Эмальчик. – И пожалуйста, не бойтесь меня. В обычной жизни я не так уж опасен. Я даже бываю полезен. Я прилетел сюда и сразу совершил такой обвал вон на той горе, что из-под него показался целый город! Разве не так?

– Так! – хором согласились археологи, и Алиса заподозрила, что они не совсем искренни. Уж очень спешили похвалить катастрофиста.

– Только обещайте не устраивать нам никаких катастроф, – попросила Алиса.

– Не бойся, – отозвался Гай-до, который стоял в отдалении, но, разумеется, все слышал, потому что у него был такой слух, что он слышал, как договариваются комары в соседнем лесу. – Если его катастрофы принесут вред моей Алисочке, то я его хоть в другой Галактике отыщу, со дна океана подниму и лично на него упаду. Такой катастрофы никто еще не видел!

– Вы этого не сделаете! – громко ответил Эмальчик, который, правда, немного струхнул. – Роботы не имеют права причинять людям зло. Даже если я нечаянно устрою катастрофу, меня может судить только человеческий суд.

– Не беспокойтесь, – откликнулся Гай-до, – я все могу. У меня на борту дети. А ради спасения и защиты детей корабль имеет право на любые действия. Смотрите Справочник спасательной службы, статья пятьсот шестьдесят семь, параграф три.

Катастрофист замолчал. Он неуверенно топтался на месте...

– Так вы летите с нами? – спросила Алиса. Она думала, что после таких угроз Эмальчик откажется.

Но ученый вздохнул и ответил:

– Придется мною пожертвовать. Но планета Стеговия настолько интересный объект с точки зрения катастрофизма, что я не могу отказаться от полета.

– Ну, тогда держись! – пригрозил кораблик.

Попрощавшись с археологами, которые не скрывали радости, что отделались от маленького катастрофиста, Алиса, Пашка и новый член экспедиции поднялись на борт Гай-до.

Громозека подошел к люку.

– Может быть, все же оставим его здесь? – спросил он.

– Ничего, справимся, – ответила Алиса.

– Я ведь могу принести пользу! – плачущим голосом откликнулся из корабля катастрофист. И тут же внутри Гай-до раздался глухой взрыв и белое облако вырвалось из люка.

– Огнетушители сюда! – приказал Громозека.

– Не надо, – откликнулась Алиса. – Ничего страшного.

– Это я немного виноват, – сказал изнутри Эмальчик. – Я нечаянно сел на пластиковый мешок с мукой. И он лопнул. Но ведь это не катастрофа?

– Для кого как, – ответил Гай-до. – Для меня катастрофа. Мне придется всего себя изнутри пылесосить. К тому же это предпоследний мешок муки, который я достал из трюма, чтобы испечь детям оладушки.

– Начинается, – вздохнул Громозека.

Люк закрылся, и Гай-до, набирая скорость, помчался к облакам.

Громозека долго смотрел ему вслед, и все его восемь глаз были печальны. В четырех из них блестели слезы.

Он был глубоко встревожен за судьбу экспедиции по спасению животных на планете Стеговия.

Глава четвертая

В тот вечер впервые в жизни Гай-до не уследил за молоком, которое убежало, залив кухонный компьютер.

Картинка, изображавшая Вандочку на руках Ирии, которая висела над пультом управления, упала со стены и разбила по пути вазу для цветов.

Пашка спешил к приемнику, чтобы посмотреть второй тайм матча «Жальгирис» – «Реал», споткнулся о кресло, расшиб палец, столкнулся с Алисой, набил ей шишку на лбу.

– Это я во всем виноват, – сказал маленький Эмальчик, жуя подгоревшую котлету. – Вокруг меня странное, не учтенное наукой поле. Поле повышенной раздражительности. Я как бы впитываю в себя все сигналы о катастрофах и разрушениях, которые происходят вокруг. Я их чувствую, даже предчувствую, но точно не могу предсказать. Не дано. Зато порой я могу отыскать их причины и принести пользу. Вы не думайте, что от меня происходят только одни беды. Я должен признаться, что с половины планет, на которых я побывал, меня вышвырнули и едва не убили. Зато на другой половине планет меня наградили орденами и медалями, поставили в мою честь памятники и назвали моим именем фабрики, улицы и заводы.

– Вы полетели с нами, чтобы помочь? – спросила Алиса.

– Я полетел, потому что меня притягивают катастрофы, как магнит притягивает кусок железа. И потому я заранее не знаю, пользу я принесу или жуткий вред...

С этими словами Эмальчик вскочил на ноги и закричал:

– Гай-до, сейчас что-то произойдет! Смотри вокруг!

– Что произойдет? – удивился Гай-до. – Впереди открытый космос, ни одного камешка на локаторах!

– Я не знаю, я чувствую, – отозвался катастрофист и полез под стол. Он был не самым смелым человеком.

– Вы что там делаете? – спросил Пашка, приподнимая край скатерти.

– Если бы вы пережили хотя бы одну сотую процента катастроф, которые выпали на мою долю, – отозвался из-под стола Эмальчик, – вы бы не под стол, а под кровать залезли и не вылезали бы до конца полета.

Положение было нелепое и тревожное. Корабль летел, включив все локаторы и внимательно оглядывая окрестности на миллион километров вокруг. Алиса и Пашка сидели за столом, поджав ноги, чтобы не ударить ботинком катастрофического гостя. Есть не хотелось. И ничего не происходило.

– Все обошлось, – сказал, не выдержав, Пашка, которому катастрофист уже начал надоедать. – Представление перенесено на завтра.

– Вы так думаете? – спросил Эмальчик, и его огненная шевелюра появилась из-под скатерти. Он стоял на четвереньках, все еще не решаясь выйти.

– Старт! – крикнул Пашка.

Катастрофист испугался, рванулся вперед, захватив край скатерти. Скатерть, разумеется, поехала за ним, все, что стояло на столе, оказалось на полу, в грохоте, звоне и в виде осколков.

– Я отказываюсь! – вопил Гай-до. – Уберите это несчастье! Он погубит нас всех.

Но что самое удивительное – Эмальчик, выбравшись из-под осколков, был страшно доволен. Он сидел на полу и улыбался.

– Какая удача! – воскликнул он.

– Это в чем удача? – Алиса опустилась на корточки и принялась собирать осколки с пола.

– Ведь катастрофа оказалась такой небольшой! – заявил катастрофист. – Я боялся, что она будет серьезной и мы все погибнем. А сейчас погибли лишь чашки и тарелки.

– Это только вам катастрофа кажется маленькой, – возразила Алиса, – а для нас она очень серьезна. Мы будем вынуждены питаться из консервных банок. А это не очень приятно.

– Ах, как вы не понимаете! – воскликнул катастрофист Эмальчик. – Эта маленькая катастрофа, которую я устроил сознательно, всех вас спасла!

– Внимание! – негромко произнес Гай-до, и Алиса поняла, что он хочет сообщить им что-то серьезное.

– Включаю экран внешнего обзора при тысячекратном увеличении.

Загорелся экран. Все обернулись к нему.

На экране была видна искра. На глазах она увеличивалась, превращалась в раскаленный белый клубок, затем из клубка стали вырываться протуберанцы – огненные хвосты.

– Что такое? – спросил Пашка.

– Столкновение двух планет, – ответил Гай-до. – Мы наблюдаем редчайшее событие в истории Галактики. Катастрофу вселенского масштаба...

И тогда Алиса посмотрела на рыжего катастрофиста.

– Может, вы это имели в виду? – спросила она.

– Не знаю, – ответил Эмальчик, ломая пальцы. – Я не уверен. Я чувствовал, что катастрофа надвигается, и потому решил устроить маленькую катастрофу, чтобы не случилось большой... но, наверное, я опоздал.

– Еще как опоздал! – ответил Пашка. – Чашки можно было и не бить.

– Катастрофа произошла без участия господина Эмальчика, – сурово заявил Гай-до. – Планеты сближались, может быть, сотню лет.

– Сближались они без меня, – согласился рыжий катастрофист. – Но столкнулись при мне.

Каждый остался при своем мнении, но, разумеется, и Алиса, и Пашка, и даже Гай-до с тех пор Эмальчика опасались. На второй день полета, после того как случайный метеорит сделал дырку во лбу кораблика и пришлось зашпаклевывать отверстие, чтобы воздух не вылетел из корабля, Гай-до заявил катастрофисту:

– Как только прилетим на Стеговию, я попрошу тебя держаться от нас подальше. Хватит с нас твоих катастроф.

– Зря вы так ко мне плохо относитесь, господин Гай-до, – ответил катастрофист, – ведь я всегда могу предупредить, что вам что-то грозит.

– Так как ты не знаешь, что нам грозит, может получиться путаница, и мы погибнем, потому что побежим от одной катастрофы к другому несчастью.

Катастрофист вздохнул и согласился. Он только сказал:

Катастрофист испугался, рванулся вперед, захватив край скатерти.

– Мне так грустно с вами расставаться. Вы милые люди, и я согласен оберегать вас от катастроф даже с риском для моей жизни.

Тут все хором закричали, что помощь Эмальчика им не нужна, и обиженный катастрофист замолчал и молчал до самой планеты Стеговия.

Глава пятая

На подлете к планете Стеговия Алиса достала фотографии, сделанные совсем недавно студентом, которому пришлось оттуда убежать.

– Смотри, – сказала она Пашке, – белые пятна на севере и юге планеты увеличились. Явно ледники надвигаются с полюсов к экватору. Значит, есть опасность, что жизнь на планете скоро погибнет.

– Какая страшная катастрофа, у меня уже все поджилки трясутся, – сказал Эмальчик. – Скорее бы там оказаться! Ведь катастрофы излучают особые волны, а я – единственный человек в Галактике, который их умеет принимать и впитывать.

Он облизнул губы красным остреньким язычком, и Алиса заподозрила, что он не только смотрит на катастрофы, но и питается ими. Не будь катастроф, Эмальчик умер бы от голода.

– Где будем садиться? – спросил Гай-до.

– Давай сначала осмотримся, – предложила Алиса. – Снижайся и включи кинокамеры. Нам нужно понять, кто здесь обитает.

Гай-до снизился у оконечности северных ледников.

Это было грустное зрелище. С бреющего полета можно было рассмотреть, как километровая стена льда медленно ползет по равнине, снося холмы, заполняя реки и озера, как спички ломая деревья.

– Невероятная скорость для ледника, – сообщил Гай-до. – Километр в час. И за день температура падает на градус. Еще несколько недель, и вся планета будет покрыта льдом.

– Это ужасно! – сказала Алиса. – Как только мы вернемся домой, надо будет сообщить в службу Галактической безопасности. Может быть, они найдут способ обогреть планету.

– Ох, какая замечательная катастрофа! – Эмальчик потирал ручки. Ему нравилось то, что он видел на экране.

– Совершенно ненормальный человек, – произнес Гай-до.

– Как все гении, – согласился катастрофист. – Как все гении, я выгляжу ненормальным с точки зрения банальных и глупых существ.

Гай-до замолчал. Ему не нравилось, что его отнесли к банальным существам, но что возразить, он не сообразил.

Гай-до летел совсем низко. Под ним раскинулись обширные леса. Большинство деревьев стояли без листвы, замерзшие или гибнущие. Еще несколько месяцев назад это были тропические вечнозеленые леса, которые не могут выжить в холодном климате.

Вскоре миновали большое озеро, по берегам которого росли пальмы. Листья пальм пожухли и стали бурыми.

Там, на берегу озера, они увидели первых обитателей планеты.

В озере плавали ящеры – у них были округлые тюленьи тела с короткими хвостами и длинными шеями, которые заканчивались маленькими змеиными головами.

– Водоплавающие ящеры, – сказал Пашка. – Похожи на наших земных плезиозавров. Какие размеры, Гай-до?

– Длина двенадцать метров, – ответил корабль. – Включая хвост.

– Не долго им здесь плавать, – сказал катастрофист. – Видите, уже лед по берегам образуется.

Озеро осталось позади. Правда, всегда можно будет проглядеть его на видео.

Через полчаса полета Алиса заметила, что растительность внизу уже не так угнетена, как возле ледника. Видно, здесь, у экватора, было теплее. Между холмами, покрытыми лесами, тянулась степь, где бродило немало животных.

По степи медленно, с достоинством брели корабли саванны – гигантские динозавры на толстых ногах. Они лениво срывали листву с деревьев. Похожие на ощипанных страусов, между ними носились стайками прыгающие птицеящеры, несколько летающих ящеров возились вокруг трупа погибшего гиганта, терзая его и вырывая загнутыми зубастыми клювами куски мяса.

Гай-до тщательно снимал всех животных и пейзажи, собирая информацию для путешественников.

Вскоре степь кончилась, и корабль понесся вдоль колоссального скалистого обрыва, вершина которого исчезала в облаках.

Обрыв был усеян пещерами, как будто оспинами.

Некоторые из них, особенно у подножья обрыва, были так велики, что в них мог спрятаться любой из местных гигантов.

– Смотрите! – воскликнула Алиса.

Они увидели, что перед одной из больших пещер стоит на задних лапах крупный зубастый динозавр, словно охраняет то, что спрятано внутри.

– Заметили место? – спросила Алиса.

– Разумеется, – ответил Гай-до.

Он снизил скорость, чтобы получше рассмотреть обрыв.

Вскоре они увидели еще пару пещер с часовыми. Динозавры, как по команде, подняли головы, следя за Гай-до, и один из них раскрыл пасть, словно угрожая кораблю.

– Возможно, у них есть зачатки сознания, – сказал Гай-до.

– И если кто и избил несчастного студента, – согласилась Алиса, – то вернее всего такие чудовища, как эти. Интересно, что они могут прятать в пещерах?

У третьей такой же пещеры с охраной происходила в тот момент драматическая сцена. Гигантские жабы, с рогами длиной и толщиной в человеческую руку, рвались в пещеру, а динозавры защищались. Жабы полосовали рогами покрытые крупной чешуей и пластинами шкуры динозавров, но у динозавров были клыки и когти не хуже тигриных... Гай-до завис над сценой боя, очень хотелось узнать, чем он кончится... А кончился бой неожиданно – жабы вдруг разом повернулись и не спеша запрыгали прочь. Динозавры тут же принялись зализывать раны, не делая попытки догнать врагов.

Динозавры заметили зависший над их головами космический корабль и начали скалить гигантские пасти и подпрыгивать, угрожая Гай-до.

– Они уже видели нечто подобное, – заметил катастрофист.

В этот день он вел себя тихо, словно готовился к встрече с любимой катастрофой, а теперь сидел, прижав нос к иллюминатору, и только восторженно ахал при виде ледника или гибнущих лесов.

– Я обязательно должна попасть в эти пещеры, – сказала Алиса.

– Зачем? – удивился кораблик.

– Интуиция подсказывает мне: там таится что-то важное, – откликнулась Алиса. – Ведь мы до сих пор не имеем плана действий. Мы прилетели спасать зверей, а звери об этом не знают, и мы сами не знаем, как это сделать, если на них наступает ледник. Мне уже приходилось бывать в мире, где начинался ледниковый период. Но там был сказочный мир, и ледники наступали несколько сот лет. А здесь мир настоящий...

– И катастрофа настоящая! – радостно отозвался Эмальчик. Со стены упала картина, изображавшая березовую рощу под Вроцлавом, ударила

Динозавры, как по команде, подняли головы, следя за Гай-до,
и один из них раскрыл пасть, словно угрожая кораблю.

Эмальчика углом по затылку, и хоть он храбрился и уверял, что это не катастрофа, а просто неприятность, на голове у него выросла шишка размером с яблоко.

– Сначала надо выбрать место для посадки, – сказал Гай-до. – Впереди я вижу гряду каменных холмов с голубыми плоскими вершинами. На крайней вершине есть озеро. Как вы смотрите на то, чтобы мне опуститься в озеро?

– Замечательно! – ответил Пашка. – Только непонятно, как мы будем в тебя попадать.

– Через верхний люк, – ответил Гай-до. – Я от него перекину один из манипуляторов, как мостик на край озерца.

– Смешно, – сказал Пашка.

– Зато, если здесь есть ящеры, которые не любят космических гостей, – сказала Алиса, – они ни о чем не догадаются.

Через несколько минут Гай-до осторожно опустился в озеро на вершине холма, вода даже не взволновалась.

– Скорее! – торопился Эмальчик. – Откройте люк! Я хочу вдохнуть свежего воздуха катастроф.

Правда, он был не одинок. Всем хотелось поскорее вылезти наружу.

Гай-до открыл люк и протянул манипулятор как мостик.

Оттолкнув всех, Эмальчик первым выбежал на обрывистый край холма. Бесконечным зеленым ковром тянулся лес, за ним поднимались голубые горы. Ближе была видна извилистая полоса реки. Холодный ветер пронизывал до костей. Над головами пролетел небольшой ящер с перепончатыми крыльями. Порывом ветра его опрокинуло и понесло вниз, к вершинам деревьев.

Эмальчик натянул на уши свою черную шляпу, рыжие лохмы торчали из-под нее. Эмальчик поморщился.

– Болит? – спросил Пашка.

– Я привык к синякам и шишкам, – ответил катастрофист. – В моей профессии лучше иметь запасную голову... или три.

– Что вы сейчас будете делать? – спросила Алиса.

– Пойду, – просто ответил катастрофист. – Нюхом чую, куда надо идти. Вы не откажете мне в нескольких консервных банках продовольствия?

– Не откажу, – откликнулся Гай-до. – Берите, что хотите, только не задерживайтесь.

Катастрофист загадочно улыбнулся.

– Не стоит меня гнать, – прошептал он. – Я вам еще сильно пригожусь.

За пять минут Гай-до набил рюкзак катастрофиста консервными банками и протянул его манипулятором хозяину.

– Спасибо, – сказал Эмальчик. – Было очень приятно с вами путешествовать.

Он обернулся, потянулся к манипулятору, чтобы взять рюкзак, зашатался: носище Эмальчика перевесил и потянул его вниз. Падая в воду, он схватился за Пашку, Пашка не устоял на ногах и тоже полетел в холодное озеро.

Но реакция Гай-до, который, как утверждал потом, предвидел, что все кончится именно так, была отменной!

Он отпустил рюкзак и схватил Пашку за шиворот в тот момент, когда тот уже касался воды. Он поставил Пашку на берег рядом с Алисой, а сам сунул манипулятор в озеро и выволок промокшего, нахлебавшегося воды катастрофиста.

– Будем сушиться и обогреваться? – спросил Гай-до.

– Еще чего не хватало! – гордо ответил катастрофист.

Он натянул лямки мокрого рюкзака.

– Надеюсь, там ничего не промокло? – спросил он.

– Ничего не промокло, – ответил Гай-до, – я все предвидел.

Катастрофист подобрал свою тросточку и, помахав ею на прощание, зашагал вниз с холма.

– Что-то будет, – произнес Пашка. Он все еще не мог опомниться после своего полупадения в озеро.

Эмальчик как будто подслушал его негромкие слова.

Он неудачно наступил на камень.

Камень покатился вниз и по пути задел еще два камня. Сдвинулись другие камни вокруг Эмальчика.

И вот уже в грохоте и пыли с холма катится вниз небольшая лавина.

На гребне лавины, оседлав большой серый булыжник, несется катастрофист Эмальчик, размахивая тростью...

Лавина врезалась в кусты.

Некоторое время друзья ждали, не зашевелятся ли кусты. Но все было тихо.

– Боюсь, – произнес Пашка, – что это была его последняя катастрофа.

– Ну как же он их не чувствует! – возмутился Гай-до. – Надо мне лететь вниз и поработать манипуляторами.

– Погоди, – сказала Алиса. – Мы сбегаем и посмотрим. Будет нужно, позовем тебя.

В сопровождении Пашки Алиса побежала вниз, стараясь держаться в стороне от лавины, над которой еще стояла пыль.

Внизу, у речки, которая обмывала подножье холма, лавина замерла, вкатившись последними булыжниками в воду.

Из-под них торчали ноги катастрофиста. Один из башмаков соскочил и лежал в воде.

Алиса с Пашкой подбежали и, отбросив в сторону крупные камни, дружно вытащили катастрофиста из-под лавины.

Когда его положили в воду, он застонал, открыл глаза и произнес:

– Наверное, вы хотите, чтобы в довершение всего я простудился.

– Нет! – Алиса так обрадовалась, что Эмальчик жив, что совсем на него не рассердилась.

Другое дело Пашка.

– Послушайте, – сказал он. – Даже когда вы ушли от нас, вы все равно попадаете в катастрофы. Мы же не можем вас все время спасать.

– Это правильно. Больше такого не повторится.

Катастрофист, пошатываясь, поднялся. Пашка отдал ему ботинок.

– Я пошел, – сообщил он.

– Может быть, отдохнете? – спросила Алиса. – Поднимитесь наверх, Гай-до даст вам пластырь.

– Шрамы украшают людей моей профессии, – ответил Эмальчик и, прихрамывая, перешел речку вброд. Речка была совсем мелкой, но ему вода доставала до пояса, и раза два его чуть было не снесло.

Глава шестая

Проводив неладного катастрофиста, Пашка с Алисой поднялись на холм, к озерку, в котором спрятался Гай-до. Его макушка как серый валун поднималась над поверхностью.

– Обошлось? – спросил Гай-до. Большие пузыри воздуха поднялись из глубины.

– Он ушел в самостоятельное плавание, – сказал Пашка.

– Тогда и вам пора собираться, – сказал Гай-до. – Правда, я считаю, что безопаснее оставаться внутри меня. А уж я займусь налаживанием отношений с местным населением.

– Местное население тебя не поймет, – ответил Пашка. – А нам интереснее самим решить сложную задачу.

Алиса с Пашкой забрались внутрь космического корабля и стали рассматривать фотографии, сделанные с видео.

Они решали, в кого из местных чудовищ им лучше превратиться, чтобы удобнее проникать в различные места планеты.

Пашка быстро выбрал себе оболочку. Он решил превратиться в большого боевого ящера, такого, как те, что охраняли пещеры в обрыве. Конечно, Алиса могла бы тоже стать динозаврихой, но она послушалась совета Гай-до.

– Если Пашка станет могучим чудовищем, – сказал Гай-до, – то тебе надо будет отыскать совсем другой облик. Надо, чтобы ты умела делать то, что чудовище сделать не может.

– Петь, да? – спросил Пашка.

– Наивно, – ответил Гай-до. – Не все ли равно нам, поют ли динозавры? А вот такие могучие звери, как ты, летать не умеют.

– Правильно! – воскликнула Алиса. – Какой ты молодец, Гай-до! Конечно, я могу быстро прилетать сюда, если нужно, и видеть все сверху.

– Значит, решено, ты будешь птеродактилем! – сказал Пашка. – Пускай тебя все боятся.

– Опять ошибка, – сказал Гай-до. – Я думаю, что второй наш агент должен быть совсем незаметным. Он не должен повторять агента номер один – он будет дополнять его.

– Ну кем же? Кем же будет второй агент?

– На одном из наших снимков есть махонькая летучая мышь, – сказал корабль. – Она размером со спичечную коробку. Попробуй, Алиса, превратиться в летучую мышь. И станешь незаметной.

– Маленькую никто бояться не будет, – сказал Пашка.

– И замечательно. Ненавижу, когда меня боятся, – ответила Алиса.

– Возникает сложность, – произнес кораблик, – как я буду поддерживать с вами связь? Мы можем прикрепить передатчик к шкуре динозавра, но как быть с летучей мышью? Для тебя лишних десять граммов – неподъемная ноша.

– Я постараюсь не отлетать далеко от Пашки, – сказала Алиса.

– А если тебя съедят? – спросил Гай-до. – Учти, что я этого не переживу.

– А я жестоко отомщу убийце, – заявил Пашка, и было непонятно, шутит он или всерьез готов к гибели Алисы и уже планирует месть.

– Хватит! По старшинству – я начальник экспедиции. Я принимаю совет Гай-до и превращаюсь в летучую мышку. Прошу Пашку никому за меня не мстить, потому что на этой планете царит неразумная жизнь, и наша задача ее спасти. Понятно?

– Понятно, – покорно сказал Пашка.

– Но если мне будет страшно, я тебе крикну, – сказала Алиса.

– Ты не крикнешь, а пискнешь, и еще неизвестно, услышу ли я тебя, – ответил Пашка.

– Не будем терять времени, коллеги, – сказала Алиса. – Пойдем, Пашка, на открытый воздух. Пора превращаться.

– А почему на открытом воздухе? – удивился Пашка.

– Потому что когда ты станешь динозавром, то не пролезешь сквозь люк.

Гай-до хмыкнул и сказал:

– Берите голографические снимки. Там есть все размеры. Пилюли оставьте у меня.

– Почему? – спросил Пашка.

– А потому что у динозавров нет карманов. У летучих мышей нет с собой сумочек.

– Счастливо оставаться! – сказала Алиса.

Через люк они выбрались на вершинку корабля. Потом по тонкому мостику перебежали на каменную плоскую поверхность холма.

Стало еще холодней, ветер усилился и дул короткими порывами.

– Он прав, – задумчиво произнесла Алиса, – катастрофа приближается.

Услышав слово «катастрофа», Пашка спросил:

– Как там наш Эмальчик?

– Наверное, он уже впереди, – ответила Алиса и показала на столб смерча, который, завиваясь, несся над равниной у самого горизонта. – Нам лучше держаться от него подальше.

– Хорошо, Алисочка, – сказал Пашка. – Я превращаюсь в хищного динозавра и прошу не попадаться мне на зуб.

Он проглотил пилюлю, отбросил голограмму и на глазах у Алисы стал расти, зеленея и покрываясь толстыми пластинами чешуи. Во все стороны полетели клочки Пашкиной одежды...

– Ну конечно, – проворчал Гай-до, который наблюдал за этим превращением, – если не напомнишь, сами никогда не догадаются. Что же он не разделся!

– Ты же сам сказал почему – потому что ты не напомнил!

– А ты где была?

– Я только сейчас догадалась.

Алиса быстро разделась и направилась по мостику к кораблю. По дороге ей пришлось обогнуть зеленый столб, и, только миновав его, она сообразила, что это была Пашкина нога.

Алиса закинула голову и, пробежав глазами по зеленой чешуйчатой ноге, по серой бронированной груди, по шее с ошейником из шипов, к пасти, усеянной метровыми зубами, к маленьким тупым глазкам, порадовалась, что ей не надо превращаться в такое страшилище.

– Чего смот-ришь? – медленно проговорило чудовище, с трудом ворочая красным языком. – Не узнаешь, что ли, подружка?

– Осторожнее, раздавишь, – отозвалась Алиса.

Она кинула свою одежду в открывшийся люк корабля и, заглянув в голограмму, проглотила таблетку. Она представила себе, как превращается в летучую мышь, изображенную на объемной картинке, и тут же весь мир вокруг стал увеличиваться. И Пашка показался не просто громадным, а таким гигантским, что его голова терялась где-то под облаками.

– Ты где? – громовым голосом прорычал динозавр.

Алиса почувствовала удивительную легкость – она была невесомой! Она могла подняться в небо, к облакам... Хотя ей и не очень хотелось летать по яркому небу, она предпочла бы, чтобы скорее наступил вечер.

Она посмотрела по сторонам – вместо рук у нее были перепончатые серебристые крылья. Алиса наклонилась над водой и увидела свое отражение – мордочка с большими ушами, глаза черные, грудь покрыта короткой шерстью... Она – летучая мышка!

Алиса взмахнула крыльями и легко поднялась в воздух. Она летела рядом с Пашкой, поднимаясь словно на лифте – мимо нее проходили по очереди Пашкины колени, Пашкино брюхо, Пашкина шея, Пашкина морда... И вот все осталось внизу – динозавр с клыкастой мордой, стоявший рядом с небольшим мелким озером на каменной вершине каменного холма, из озера высовывалась круглая серебристая сфера – затылок Гай-до. Вокруг расстилались леса, изрезанные широкими и узкими речками, а дальше, над деревьями, поднималась километровая стена – обрыв, к которому и собирались подобраться Пашка с Алисой, чтобы выяснить, как спасти чудовищ.

В небе было интересно, но пока Алиса не привыкла летать – неуютно. Слишком просторно, слишком быстро и близко бегут облака, слишком

далеко земля. Хоть Алиса знала, что крылья ее не подведут, все равно было страшновато глядеть вниз. Она и хотела бы лететь пониже, но сильный ветер тянул ее вверх, к облакам. Пашка стал маленьким, он встал на толстые задние лапы и махал передними, стараясь привлечь внимание Алисы. Видно, он беспокоился за нее.

Потом Алиса увидела, как Пашка медленно пошел к подножию холма, но тут низко летящее облако окутало ее, и Алиса потеряла ориентировку. Она старалась спуститься, но ее закрутило вихрями. Если бы Алиса была настоящей летучей мышкой, она бы, наверное, нашла способ прижать к телу крылья и спикировать к земле, но ведь Алиса еще только училась летать, и потому она потратила несколько минут, стараясь выбраться из облака, а когда выбралась, то очутилась не под облаками, а над ними, под синим небосводом. Ее глаза, приспособленные для сумерек и ночи, с трудом переносили солнечное сияние, и Алиса вынуждена была зажмуриться.

Ей было так одиноко и страшно, что она уже жалела, что согласилась стать мышкой, а не мамонтом или драконом.

Но сейчас уже ничего не поделаешь – пилюль у нее с собой нет, а Гайдо далеко.

Пока Алиса размышляла, что делать дальше, она почувствовала, как на нее упала тень. Сначала Алисе показалось, что это надвинулось еще одно облако, но когда, прищурившись, посмотрела вверх, то поняла, что к ней, снижаясь, летит большой ящер с перепончатыми крыльями и длинной зубастой пастью. Крылья ящера достигали метров трех в размахе, и Алисе он показался гигантом.

И тут она поняла, что ящер вовсе не намерен любоваться мышкой, а предпочел бы ее съесть. Он вообще-то вылетел на охоту, и если ему не попадется добыча в небе, то он спустится в долину, возле Большого Водопоя, где могут быть недоеденные большими хищниками трупы животных.

Алиса поймала себя на том, что читает примитивные мысли ящера, и не успела еще сообразить, что же это значит, как увидела, что хищник стремительно опускается, выпустив мощные лапы с длинными когтями.

В отчаянии Алиса прижала крылья к тельцу и нырнула вниз. Главное – успеть скрыться в облаке.

Ветер свистел в ее больших, покрытых шерстью ушах, воздух стал плотным, как вода, и было трудно пробиться сквозь него, а ящер уже был рядом – вот-вот его когти достанут Алису. И она узнавала его мысли.

Видно, в этом мире животные могли читать мысли и чувства других существ. Это надо будет проверить. Интересно, это качество дано всем или только маленьким и беззащитным существам, которые таким образом спасаются от врагов?

«Сейчас достану, сейчас схвачу, сейчас проглочу!» – так думал ящер. А может, так додумывала за него мышка.

В последний момент Алиса успела скрыться в облаке.

Ящер влетел в облако следом за ней, и она продолжала слышать его мысли: «Где она? Почему не вижу? Она близко... сейчас найду...»

Алиса постаралась ни о чем не думать – будешь думать, поймают... Но постепенно мысли ящера звучали все глуше, и Алиса поняла, что слабая мышка лучше слышит чужие мысли, чем ящер. Правильно рассудила природа: она дала способность слышать мысли беззащитным существам...

Наступила тишина.

Особенная тишина, которая бывает лишь внутри облака и которую людям не дано испытать.

Алиса медленно опустилась к земле и вместе с облаком неслась куда-то, словно завернутая в серую непроницаемую вату.

Потом облако кончилось.

Под Алисой, далеко внизу, виднелись холмы, покрытые лесом, а впереди, совсем недалеко, показался обрыв – цель ее путешествия.

Где же Пашка?

Даже если он и идет по лесу, вряд ли его увидишь и узнаешь. Надо будет подлететь поближе, чтобы можно было его распознать среди других чудовищ. Мимо Алисы летела желтая бабочка.

Алиса расправила крылья и метнулась за ней.

Мгновение – и бабочка исчезла... Куда она делась?

Алиса хотела остановить себя, но опоздала. Ее рот втянул бабочку, а глотка проглотила ее. Бабочка оказалась вкусной.

Алиса очень расстроилась. «Еще не хватало, чтобы я стала хищницей! Я-то думала... а что я думала? Мне некогда было подумать. Мы забыли обсудить простую, но важную проблему: чем питаются существа, в которых мы превратились. А вдруг Пашка – кровожадное чудовище? В будущем надо следить за собой и если захочется схватить стрекозу или бабочку, надо будет думать о бананах или яблоках».

С этими мыслями Алиса помчалась к обрыву, надеясь, что отыщет Пашку, который, конечно же, топает в том же направлении.

Алиса подлетела к гигантскому обрыву.

Верх его скрывался порой в облаках, а порой они расступались, и тогда на его краю были видны игрушечные на вид ящеры, драконы, чудо-жабы и иные обитатели этой планеты.

Чуть в стороне от обрыва Алиса заметила большое озеро, в которое впадала река. Алиса проследила реку взглядом и увидела, что она берет начало наверху и срывается с обрыва водопадом – такого водопада Алисе в жизни видеть не приходилось. Наверное, он падал с километровой высоты.

Возле озера бродили разные группы животных. Алиса рассудила, что именно там она сможет что-то узнать и отыщет своего Пашку.

Стараясь не обращать внимания на вкусных бабочек и жуков и думая о бананах, Алиса снизилась к озеру. Она внимательно поглядывала по сторонам, понимая, что если ей хочется съесть жука, то среди местных жителей нетрудно найти таких, кто рад бы полакомиться ею самой.

К счастью, никто не обращал на Алису внимания, и она смогла затаиться в листве большого дерева, стоявшего на берегу озера, откуда открывался отличный вид на долину и пещеры.

Среди животных, которые паслись или отдыхали вокруг нее, Алиса почти не нашла млекопитающих. Значит, они на этой планете не успели вывестись. А может быть, подумала она, жизнь на Стеговии развивалась иначе, чем на Земле, и тут динозавры не вымерли, как они вымерли на Земле. А значит, они не освободили места для маленьких предков млекопитающих, то есть теплокровных животных, которые могли заботиться о своих детенышах и выкармливать их. Поэтому их дети могли учиться у своих родителей всему, что те умели, и чаще дорастали до взрослого возраста. А это очень способствует эволюции, то есть прогрессу.

В озере Алиса увидела гигантских водных ящеров, с длинными шеями и маленькими головами, которые были приспособлены для жизни в воде. Они резвились, хлопая по воде широкими ластами и переплетая длинные шеи. В тростниках по низкому берегу озера медленно бродили грузные, защищенные броней травоядные ящеры, которые разгребали ил и грязь ножищами и мордами, выискивая пищу. Похожие на них гиганты паслись и на траве вокруг озера.

А вот и Пашка... впрочем, ты зря поспешила обрадоваться, Алиса. Вон идет еще один Пашка, а вон там – еще один... Несколько чудовищ мирно брели по берегу, не обращая внимания на добычу. Они сошли к воде и стали долго и шумно пить. Они втягивали воду так сильно, что

она вспучивалась возле их морд. Затем ящеры отошли к убитому кем-то громадному травоядному динозавру и начали рвать зубами его мясо. «Нет, – подумала Алиса. – Даже если Пашка захотел бы скрыться в этой стае, он никогда бы не стал питаться падалью...»

Алиса сделала усилие, чтобы не схватить пробегавшего по суку жука, и подумала, что надо скорее придумать, как помочь местным чудовищам, и быстро бежать отсюда. Так недолго привыкнуть – будешь потом на Земле гоняться за бабочками... Это еще ничего, только бы Пашка не пристрастился к дохлым динозаврам.

Тут Алиса увидела бредущего в одиночестве хищного ящера. Вот это уже больше похоже на Пашку.

Алиса вылетела из листвы и полетела над берегом озера к этому одинокому ящеру.

Алиса осторожно подлетела к нему и опустилась на загривок, между торчащими кверху роговыми пластинами. Ей хотелось подслушать мысли динозавра.

И ей это удалось.

«Мясо, – думало чудовище, – мягкое мясо. Много мяса. Никому не дам...»

«Неужели это Пашка?» – подумала Алиса. Но ее не услышали.

Тогда она перелетела поближе к уху динозавра и спросила вслух:

– Паша, это ты?

Туша чудовища содрогнулась – оно попыталось могучей лапой ударить себя по уху.

«Надо прихлопнуть... – услышала Алиса чужую мысль. – Летают здесь всякие... еще укусят».

Нет, это был не Пашка.

Алиса поднялась в воздух и стала высматривать своего друга.

И тут увидела его.

Без всякого сомнения.

Случилось вот что.

Недалеко от озера паслась семья. Мама-ящерица и детеныш-ящеренок. Это была довольно крупная ящерица, ростом с корову, только втрое длиннее, а детеныш, пожалуй, не уступил бы ростом среднему крокодилу. Он был в игривом настроении, поднимался на задние лапы и потешно молотил передними по боку своей мамы, а та увертывалась от него и улыбалась ящериным ртом.

И тут на поляне появился ящер, настолько тяжело вооруженный, словно он был не ящером, а старинным морским крейсером. Вместо пушек у него во все стороны торчали рога и бивни. В пасти мог бы уместиться автомобиль.

Увидев ящериное семейство, чудовище взвыло и побежало к ним, высоко подбрасывая рогатый зад, словно радовалось встрече со старыми приятелями.

Но все понимали, что на самом деле оно бежит, чтобы сожрать молодую маму и ее ящеренка.

Те замерли в ужасе и слишком поздно кинулись в воду.

Чудовищу оставалось пропрыгать до них метров двадцать, как от группы динозавров-хищников отделился крупный ящер и в два прыжка оказался между крейсерозавром (так Алиса для себя назвала рогатое чудовище) и семейством ящерицы.

Этот поступок был совершенно непонятен с точки зрения законов этой планеты. Если кто-то решил пообедать своими соседями, никто ему не мешает. У каждого своя столовая и свои жертвы. Понятно еще было, если бы ящер сам набросился на ящерицу, чтобы проглотить ее раньше соперника. Но нет – он защищал ее!

– Пашка! – закричала Алиса.

Только человек, и в первую очередь Пашка Гераскин, мог кинуться защищать незнакомых ящериц на далекой планете, рискуя жизнью. У Пашки есть недостатки, но благородства ему не занимать.

О благородстве крейсерозавр не имел никакого представления, но когда свой брат хищник встал у него на пути, ящер очень рассердился. Он даже стал менять цвет – по зеленой чешуе ползли желтые и белые полосы, из шкуры полезли новые рога и бивни, словно мало было старых. Крейсерозавр поднялся на задние лапы, став высотой с шестиэтажный дом, и, забыв о ящерицах, помчался на Пашку.

Сейчас, поняла Алиса, все окончательно выяснится. Это будет зависеть от того, как поведет себя безрассудный хищник, вставший на защиту ящериц. Ведь если это просто ящер, он будет сражаться как тупое существо, а если в нем заключен человек, то он обязательно что-то придумает.

Алисе не пришлось долго ждать.

Когда крейсерозавр пошел на Пашку (если это был Пашка), тот не стал сражаться с ним морда к морде, а ждал его неподвижно, делая вид, что вовсе не боится противника, который был втрое больше его размером.

Алиса осторожно подлетела к нему и опустилась на загривок, между торчащими кверху роговыми пластинами. Ей хотелось подслушать мысли динозавра.

Но в самый последний момент он сделал прыжок в сторону, и крейсерозавр всей своей многотонной массой врезался в болото, подняв столб грязи до самых облаков. Если бы вокруг были зрители, они, конечно, стали бы хлопать в ладоши, но зрители разбежались – никто не хочет попасть под танк.

Нелепо размазывая по морде грязь, чтобы протереть глаза своими короткими когтистыми передними лапами, крейсерозавр вылез на сухое место и стал крутить головой, стараясь понять, сбежал ли его противник или ждет, когда его добьют.

Оказалось, что противник ждет, отойдя к куче деревьев, похожих на укроп, только в двадцать метров высотой.

Крейсерозавр взревел так, что вода в озере заволновалась, а все обитатели его, что издали наблюдали за схваткой, попрятались в тростники или ушли в глубину.

Потопав задними лапищами и помахав передними, крейсерозавр помчался к своему противнику. И тут противник без всякого сомнения доказал, что он не ящер, а самый обыкновенный Пашка Гераскин.

Потому что он успел подобрать с земли бревно, когда крейсерозавр подбежал к нему, отступил в сторону и изо всех сил стукнул бревном по затылку чудовища.

Разумеется, если бы по чудовищу ударил человек или даже горилла, тот бы и не заметил удара, но не забудьте, что Пашка тоже был довольно крупным, пятиметровым ящером, боевой машиной первобытного мира. И удар получился таким, что голова его противника сплющилась, и, пробежав еще метров сто, крейсерозавр потерял равновесие и грохнулся на траву, пропахав носом канаву почти до самого леса.

А Пашка отбросил бревно и захлопал в ладоши. Ладоши у него были как большие подушки, из которых вырастали когти, каждый как бычий рог.

Алиса уже спокойно, не таясь, подлетела к ящеру, который хлопал в ладоши, празднуя победу над чудовищем, в несколько раз более сильным, чем он сам, и опустилась ему на переносицу между выпученными, как у жабы, глазами.

– Привет, – сказала она. – Развлекаешься?

Глаза, каждый из которых был больше Алисы, повернулись к ней, переносица вздрогнула так, что Алиса еле удержалась, и тут она услышала звук, донесшийся откуда-то из-под нее, потому что там располагался рот чудовища.

И тут на поляне появился ящер, настолько тяжело вооруженный, словно он был не ящером, а старинным морским крейсером.

– А-ли-са... Ты видела?

– Замечательно! Рыцарь Пашка встает на защиту слабых и обиженных. Ты молодец, и мне понравилось, как ты сражался.

– Честно?

– Честно, Пашка. Но не забывай, что мы прилетели сюда не для того, чтобы убить нескольких ящеров, а для того, чтобы спасти их от холодов.

– Это я... пом-ню... но я... не удер-жал-ся.

– Понимаю, – сказала Алиса. – Пошли тогда к пещере, посмотрим, что там скрывается. Здесь нам делать нечего.

Глава седьмая

Обрыв поднимался неподалеку от озера. Пашка дотопал до него за пять минут. Алиса летела над ним, и путешествие прошло без приключений, если не считать того, что какая-то хищная летающая лягушка спикировала, чтобы проглотить Алису, но Пашка был настороже. Он легонько оттолкнул Алису в сторону, чуть не поломав ей крылья, и подставил свою пасть летающей лягушке. Летающая лягушка скрылась в Пашкиной пасти, пасть захлопнулась, и Пашка улыбнулся.

– А вот это мне не нравится, – заявила Алиса.

– Че-го?

– А то-го, что ты ничем не отличаешься от местных хулиганов. Кто тебе позволил сожрать лягушку? А что, если у нее дети?

– Нет, – ответило чудовище. – В ней ик-ра...

Пашка пожевал немного и добавил:

– Вкус-на-я.

– Иногда я тебя ненавижу, – сказала Алиса. – То ты ведешь себя как человек, а то превращаешься в крокодила. Знала бы, не взяла тебя с собой.

– А те-бе не хотелось? – спросило чудовище.

– Чего не хотелось?

– Ку-шать.

Алиса взмыла к небу. Ей было неловко признаваться в своей слабости. Ведь Пашка прав – раз ты живешь в чужой оболочке, то эта оболочка хочет кушать то, к чему привыкла.

Пашка засмеялся – словно медленно кашлял. Он-то знал Алису лучше всех. И догадался, что своими словами попал в цель.

Трава была вытоптана, повсюду тянулись, пересекаясь, тропинки, в некоторых местах виднелись глинистые ямы, наполненные грязью, кое-где в них нежились непонятные чудища, похожие на бегемотов. И никак не разберешь, какие они там, в грязи.

Вот и первая пещера.

Перед ней никого не было.

– Пашка, – пискнула мышка Алиса, – я загляну туда, а ты здесь постой, не спеши. Мало ли какая гадость там может скрываться.

– Если скры-вается, я ее уничто-жу.

– Во-первых, уничтожать – не наша с тобой задача. Ты кого-то уничтожишь, а окажется, что это редкое существо, занесенное в местную Красную книгу.

– Здесь нет ра-зумной жизни!

– Ты хочешь сказать, что некому написать Красную книгу?

– Да.

– А я говорила в переносном смысле. К тому же ты, оказывается, не гуманист.

– Я не гу-ма-нист. Я чу-до-ви-ще! – Пашка лязгнул зубами, чтобы было страшнее.

Алиса влетела в пещеру.

Вход в пещеру был очень велик, чтобы самый большой из динозавров мог войти туда не нагибаясь.

В пещере неприятно пахло, но никого не было видно.

Алиса обернулась. Пашкин силуэт маячил у входа. Пашка переступал с лапы на лапу, ему хотелось последовать за Алисой, но он обещал ждать, значит, надо терпеть.

Алиса летела вглубь. Стало темно, и тут Алиса поняла, что ее глаза чудесно приспособлены к темноте. Человеческий глаз не смог бы что-нибудь рассмотреть. Но глаз летучей мыши видел опасность.

Алиса еле успела замереть в воздухе и свалилась на каменный пол. Ход в глубину перекрывала гигантская паутина.

Движения воздуха, вызванного появлением Алисы, было достаточно, чтобы хозяин паутины проскочил под ее нижним краем и кинулся вперед. Алиса метнулась к потолку... Паук с клешнями, которые могли бы перекусить каменную колонну, прыгнул за ней...

Алиса со свистом понеслась к выходу.

– Пашка, берегись! – пропищала она.

Но друг ее не понял, вместо того чтобы бежать, испугался за Алису и рванулся внутрь пещеры.

Они столкнулись с пауком, и от неожиданности паук сделал шаг назад. Это спасло Пашку.

Он услышал, как Алиса, повиснув на его ухе, кричала:

– Спасайся, Пашка, он ядовитый!

Задом наперед Пашка стал выбираться из пещеры, опомнившийся паук преследовал его, угрожающе раскрывая и закрывая клешни. Клешни смыкались с отвратительным скрежетом. Алиса услышала, как Пашка проворчал:

– На-до ска-зать...

И задом вывалился из пещеры на откос.

Но паук не оставил добычу. Он выбежал следом за Пашкой, и, разглядев паука на свету, Пашка со всех своих гигантских ног кинулся бежать. Паук был покрыт рыжей шерстью, на спине у него сидело штук двадцать паучков, его дети открывали и закрывали свои маленькие клешни, которые тоже омерзительно скрипели.

Паук оказался на редкость шустрым. Пашка не смог от него убежать.

Пашка прыгал, паук тоже прыгал, Пашка проламывался сквозь кустарник, паук тоже проламывался сквозь кустарник... Вот-вот должно было случиться неизбежное: паук уже протянул свои клешни, чтобы уцепиться за Пашкин хвост... Но тут раздался страшный грохот... земля расступилась как раз между Пашкой и пауком, и в ней образовалась двухметровая трещина невероятной глубины. Из нее вырвались столбы пара.

Пашка от страха прыгнул вперед, паук от страха ринулся назад, оба упали по разные стороны пропасти и лежали, стараясь отдышаться.

Алиса опустилась на бок Пашки, который вздымался от частого дыхания, и сказала:

– Тебе сказочно повезло.

– А я вот не верю в сказки, – ответил ей катастрофист Эмальчик, появляясь из столба пара. – Все катастрофы имеют простое физическое объяснение.

– Ой, и вы здесь! – обрадовалась Алиса.

– Как я понимаю, в образе мотылька с ушами я вижу мою подругу Алису! – воскликнул катастрофист.

– А в образе горы запыхавшегося мяса вы видите моего друга Пашку Гераскина, – сказала Алиса. – А вы как здесь оказались?

Маленький человечек просиял, запустил ручки в свою рыжую шевелюру и сообщил:

– А я уже общался с уважаемым корабликом Гай-до, и тот подсказал мне, где вас искать.

Человечек расхохотался:

– Где вас искать, я сообразил сразу, но что вы будете в таком несчастном виде, мне бы никогда не догадаться!

– Так это вы устроили трещину? – догадалась Алиса.

– Я устроил не трещину, а катастрофу, – сообщил Эмальчик. – Потому что иначе мне бы никак не остановить этого отвратительного паука.

– Ну уж, – не поверил Пашка. – Та-кой ма-лень-кий, а сделал та-кую яму!

– Катастрофист обязан знать, в какой точке надо приложить немного силы, чтобы получить гигантский результат. Должен сказать тебе, Паша, что общий учитель всех катастрофистов и основатель нашей науки древний грек Архимед как-то сказал: «Дайте мне точку опоры, и я переверну весь мир». Теперь тебе ясно?

– Нет, – признался Пашка. – Ящеры не доверяют мелким существам. Они знают, что чем мельче, тем хитрее!

– В следующий раз будет ясно! – сообщил катастрофист и исчез в столбе пара.

– Спасибо! – крикнула ему вслед Алиса. – Большое спасибо, что вы нас спасли.

– А я ду-ма-ю, – сказал Пашка, – тре-щи-на сама по-лу-чи-лась.

– Поблагодарить никогда не мешает.

– Правильно! – высунулась из дыма мордочка катастрофиста. – Лишний раз поблагодаришь – лишний раз спасут.

Наступила тишина.

Пашка с трудом поднялся на все четыре лапы.

– Ну что, – спросила Алиса, – пойдем исследовать другие пещеры?

– Может быть, обойдемся без пещер?

– Нет, – возразила Алиса. – В пещерах они живут. Пока мы не узнаем, что там хранится, нам не догадаться, как их спасти.

Пашка покорно побрел впереди, а Алиса летала вокруг его головы.

Так они дошли до следующей пещеры. Возле нее, как на часах, стояли два ящера, очень похожие на Пашку.

Ящеры внимательно рассматривали Пашку, который был чуть крупнее их и светлее, а двойной гребень на его спине был не черным, а серым. Ведь Пашкин образец гулял сейчас где-то далеко отсюда.

Алиса почувствовала настроение ящеров, которые стерегли вход в пещеру.

Они насторожились при приближении чужака. Пашка был их породы, но мог оказаться и врагом.

«Остановись!» – мысленно приказал один из динозавров Пашке.

Пашка, видно, понял его. Он замер на месте.

Первый динозавр остался у входа в пещеру, второй подошел к Пашке. Со стороны это было странное зрелище. Громоздкий, неуклюжий на вид динозавр, приподнявшись на задних лапах и вытянув толстый короткий хвост, медленно обходит другого такого же динозавра, почти касаясь его ноздрями.

И тут Алиса уловила мысленный вопрос чудовища:

«Чужой?»

Через некоторое время она услышала ответ Пашки:

«Свой».

«Плохой?»

«Хороший», – ответил Пашка.

Значит, существа одной породы могут мысленно общаться!

«Хороший пнут?» – спросил динозавр. Алиса не знала, кто такой пнут, – наверное, и Пашке никто об этом не сказал.

«Хороший пнут», – повторил Пашка.

«Хорошо бы угадал!» – подумала Алиса.

Конечно, динозавры общались не словами, они передавали друг другу общие понятия, которые даже не выразишь словами, и надо быть своими на этой планете, чтобы разбираться в волнах первобытных мыслей.

«Зачем пришел?» – спросил динозавр.

«Пнут пришел к пнуту», – сказал Пашка.

«Пнут к пнуту», – повторил динозавр.

Он обернулся к своему напарнику и мысленно сказал:

«Пнут пришел».

«Хороший?» – спросил напарник, который тоже был туповат.

«Пнут хороший».

Тогда второй динозавр, стоявший у входа в пещеру, подумал так:

«Хороший пнут пришел. Хороший пнут встретил его. Мы все – хорошие пнуты».

«Ну вот, обошлось, – подумала Алиса. – По крайней мере, теперь я буду знать, как называется эта порода чудовищ».

– Пнут Пашка! – пропищала она. – Я полечу в пещеру, погляжу, что они там берегут.

– Осто-рож-но, – сказал Пашка.

Это удивило пнутов.

«Он делает ртом», – сказал один из них.

«Он плохой пнут».

«Все пнуты умеют делать ртом», – ответил им Пашка.

Динозавры растерялись. Такая высота разумения была им не под силу. Они начали открывать и закрывать рты, но из них вырывался лишь занудный рев. Ничего больше ртом динозавры изображать не умели.

Пока динозавры, которые стерегли вход в пещеру, учились разговаривать, Алиса незаметно влетела внутрь.

Там было темно, но для Алисиных глаз темноты не существовало.

Пещера была велика. В ней пахло навозом, и там было куда теплее, чем снаружи.

Пол был устлан грязной соломой, а над полом возвышались какие-то темные груды, словно черные стога сена.

Когда Алиса подлетела поближе, она сообразила, что видит пнутьих самок, которые сидят неподвижно и, кажется, дремлют.

Алиса никак не могла понять, почему же они такие неподвижные. Но, опустившись пониже, она поняла, что чудовища заняты делом. Это пнутьихи-наседки. Они высиживают яйца. Если опуститься к самому полу, то увидишь, что из-под животов чудовищ видны округлые бока яиц. Алису удивили цвет и блеск яиц. Яйца отливали золотом. Такого ей еще не приходилось видеть. Представляете – пнутьихи восседали на золотых шарах, каждый размером больше футбольного мяча.

Алиса осторожно подбежала по полу к выкатившемуся из-под наседки яйцу и постучала по нему ноготком. Яйцо не отозвалось, да и не могло отозваться – оно же было полным.

Динозавриха услышала стук и сердито обернулась к Алисе. Она увидела ничтожную летучую мышку, которая посмела дотронуться до ее сокровища. Со злобой пнутьиха попыталась прихлопнуть наглую мышку лапой, но промахнулась – Алиса взмыла вверх и вылетела из пещеры.

Снаружи Пашка стоял между двумя стражами.

Алиса села ему на переносицу и сказала:

– Пашка, я все поняла!

В ответ ей Пашка страшно зарычал и попытался прихлопнуть Алису лапой.

Ой, она снова ошиблась!

Алиса взлетела, а стоявший рядом другой пнут приоткрыл жабью пасть и с усмешкой спросил:

– Ты че-го са-дишь-ся на чу-жой нос?

– Пашка, – запищала Алиса сверху. – Ты мог бы и предупредить! Меня же чуть не прихлопнули!

– В следующий раз лучше смотри, – рассмеялся Пашка. Он уже почти не заикался. – Я кра-сивый, а они – уроды!

«Что делает пнут? – снова заволновались динозавры. – Зачем он опять открывает рот?»

– Слушай, Пашка, – сказала Алиса. – Знаешь, что там, в пещере?

– Они мне уже сказали, – ответил Пашка.

– Там сидят пнутьихи на яйцах.

– Правильно.

– А какие яйца?

– Ихние, – сказал Пашка. Его морда выглядела очень глупой.

– Вот и не знаешь. Яйца у динозавров не простые, а золотые! Теперь тебе понятно, зачем сюда прилетали браконьеры и почему динозавры так не доверяют людям?

– Понятно.

– Но почему яйца золотые – непонятно. Ведь у них не было Курочки-Рябы?

Тогда Пашка мысленно обратился к динозаврам-охранникам.

«Почему вы здесь стоите?» – спросил он.

«Мы охраняем наших жен и яйца пнутов от убийц».

«А кто убийцы?»

«Убийцы – маленькие злодеи, у них нет хвоста, зато у них разноцветные шкуры. В лапах у них есть когти, которые они кидают вперед и убивают».

– Ясно, – сказала Алиса, которая подслушивала мысли динозавров. – Конечно, это люди. Браконьеры. Мы с тобой были правы. И студент пострадал из-за них. Но ты спроси, почему яйца золотые?

«Почему яйца такого цвета?» – спросил Пашка.

Вот тут уж пнуты удивились бесконечно. Они с трудом шевелили мозгами и никак не могли понять: неужели яйца бывают другого цвета?

Пришлось отложить решение этой загадки на будущее.

«Эта пещера – специальное место, куда собираются все пнутьихи, чтобы высиживать яйца?» – спросил Пашка, не дожидаясь, пока Алиса подскажет ему этот вопрос.

«Ты пнут и не знаешь?» – удивился один из охранников.

«Он плохой пнут», – подумал второй охранник.

«У меня слабая память», – признался Пашка.

Пнуты не знали, бывает ли у них слабая память, но так удивились Пашкиному ответу, что не стали спорить.

И даже сказали ему, что раньше все пнутьихи высиживали яйца дома, в лесу, в кустах, в собственных пещерках под охраной мужа. Но теперь, когда надвигается ледник и стало холодно, когда есть опасность, что снова вернутся грабители и похитители золотых яиц, динозавры настолько поумнели, что стали собирать динозаврих в большие пещеры. Там теплее и безопаснее. В крайнем случае, если нападут бандиты, можно позвать на помощь других пнутов, которые стерегут соседние пещеры.

Конечно, пнуты объяснили это Пашке не сразу, да и не так разумно. О многом Пашке и Алисе пришлось догадываться, а остальное додумывать.

Пашка хотел было сам заглянуть в пещеру, но стража его не пустила. Ни к чему, подумали пнуты, чужому пнуту смотреть на наших самок, которые сидят на яйцах. Пришлось подчиниться.

Тут Пашка сказал, что проголодался и с удовольствием скушал бы какого-нибудь барана.

– Ты с ума сошел, чудовище! – закричала на него Алиса. – У нас в Гайдо уже готов настоящий обед. С борщом.

– А борщ мясной? – спросил Пашка.

– Конечно.

– Значит, если за столом, то можно есть мясо убитых животных? – ехидно спросил Пашка, который уже научился двигать челюстями так, чтобы разговаривать свободно. – А если мне хочется покушать на свежем воздухе, то нельзя?

– Пашка, – честно предупредила Алиса, – если ты не прекратишь свои глупые шутки, я расскажу обо всем твоей маме и всему нашему классу. И тогда я посмотрю, как ты будешь оправдываться.

– А я не буду оправдываться! – разозлился Пашка. В нем вскипела холодная кровь хищного ящера. – Я тебя сейчас поймаю и незаметно проглочу. А дома скажу, что тебя, к сожалению, сожрал какой-то пнут.

Пашка даже взмахнул лапой, и Алиса на всякий случай взлетела повыше.

Но тут Пашка одумался и согласился идти обедать домой, тем более что надо посоветоваться с Гай-до и подумать, что же им делать дальше.

Они пошли обратно, сначала вдоль обрыва, заглядывая по пути в пещеры. Они увидели, что не только пнуты, но и другие динозавры, в том числе даже крейсерозавры, собрали своих жен в теплых пещерах, стараясь сохранить яйца и защитить их от браконьеров и морозов.

Обогнув озеро, Алиса и Пашка отправились по лесу к холму, на вершине которого их ждал Гай-до. Алисе надоело летать, и она доехала, восседая на Пашкином лбу.

Через полчаса они поднялись на холм.

Верхний люк Гай-до был открыт – кораблик ждал своих пассажиров.

Гай-до протянул Пашке и Алисе манипулятор, между пальцами которого были зажаты пилюли. Алиса проглотила пилюлю, задав себе урок: превратиться снова в девочку Алису.

Тут же земля убежала вниз – Алиса еле удержалась на ногах. Она выросла в двадцать раз.

А рядом уменьшался, превращаясь в человека, Пашка.

– Ой! – воскликнула Алиса. – Я же не одета!

– И я тоже! – закричал Пашка. – Гай-до, немедленно принимай меры.

– Одну минутку, простите, я совсем забыл.

В ту же секунду с неба хлынул дождь, посыпался град и снег.

Пашка и Алиса кинулись к кораблю по шаткому мостику, а навстречу им из люка вылез маленький Эмальчик, державший в левой руке одежду Алисы, а в правой – Пашки. Одежда тут же промокла, а катастрофист закричал:

– Скорее, не могу же я удерживать стихии! Прыгайте в люк.

Ребята прыгнули в люк, люк закрылся, и они, проклиная так не вовремя подвернувшегося катастрофиста с его штучками, спрятались по углам натягивать мокрое белье.

А катастрофист уже сидел за столом и наливал себе суп.

К тому времени, как Алиса села за стол, он успел разбить тарелку с супом и опрокинуть солонку.

Пашка обещал его убить, как только снова станет динозавром, а Гай-до попросил Эмальчика взять на ближайшие два дня обед сухим пайком и есть этот паек где-нибудь подальше от кают-компании.

Глава восьмая

После обеда все уселись в кают-компании Гай-до. Пашка с Алисой стали рассказывать о своих приключениях в мире ящеров, а Эмальчик, что было категорически запрещено, вытащил сигару и закурил прежде чем Гай-до, не выносивший табачного дыма, успел его остановить.

Как только облако сизого дыма окутало маленькую кают-компанию, все начали кричать на Эмальчика, тот смутился и принялся гасить сигару.

Любой иной человек погасил бы сигару о что-нибудь негорючее. Но Эмальчику было мало природных катастроф. Конечно же, он погасил сигару о диванную подушку, и следующие полчаса всем пришлось тушить пожар.

Когда пожар погасили и обнаружилось, что погиб только диван, который и без того собирались выбрасывать, все повернулись к катастрофисту. Тот понял, что его сейчас убьют, и уселся в угол на четвереньки, выставив перед собой тонкие ручки.

И всем стало смешно.

В конце концов, мало кому приходится возить по Галактике настоящего катастрофиста и еще остаться живым.

Эмальчик тоже рассмеялся, но чай пить все вышли наружу.

На вершине холма было прохладно, с севера дул ветер, облака проносились низко над макушкой Гай-до.

Эмальчик попросил ребят досказать, что им удалось увидеть в пещере, и тут Алиса вспомнила о странных яйцах.

– В пещере, – сказала она, – я увидела динозаврих-наседок. Они высиживали яйца. Удивительно, но яйца были золотыми, как в сказке. Честное слово!

– Ничего удивительного, – ответил маленький катастрофист. – Если бы вы по-настоящему подготовились к путешествию, вы бы узнали, что Стеговию открыли уже много лет назад и здесь побывали разные экспедиции, а знаменитый покоритель дальних миров и великий путешественник Полугус Земфирский даже написал книгу об этой планете. Книга

эта очень редкая, потому что ее изъяли из всех библиотек, но коллеги сделали мне копию в Галактическом центре, и я, если вы пожелаете, могу прочесть вам отрывок из второй главы.

– Конечно, мы вам будем благодарны, – сказала Алиса.

Пашка промолчал, потому что перед отлетом Алиса просила его заглянуть в Информационный центр и посмотреть, что там есть о Стеговии. Пашка, конечно же, не успел и сказал Алисе, что там ничего нет.

Эмальчик достал мини-кассету и включил звук.

Голос актера произнес:

О, как природа нам являет разум свой!
Все на Стеговии тому подчинено.
Когда вам, друг, удастся подглядеть,
Какие яйца там чудовища несут,
Вы без сомнения зажмурите глаза,
Не в силах выдержать их блеска, цвета их.
Ну где еще найдете место в мире,
Где даже ящеры, лягушки, червяки
И твари прочие из золота несут
И яйца, и яички, и икру...

Эмальчик перевел дух.

Алиса укоризненно взглянула на Пашку. Пашка смотрел на бегущие облака и ничего не слышал.

– И дальше все тоже в таких стихах? – спросила Алиса.

– Я могу пересказать своими словами, – догадался катастрофист.

– Пожалуйста, – попросила Алиса.

– Оказывается, на Стеговии много золотоносных ручьев и речек, – сказал он. – Можно сказать, почти все – золотоносные. И вот когда самкам ящеров, динозавров или жаб подходит время вынашивать в себе яйца, они удаляются к золотоносным ручьям и пьют их воду в больших количествах. Вы спросите зачем?

– Зачем? – спросил Пашка, не отрывая взгляда от облаков.

– Потому что тогда скорлупа яиц становится золотой.

– Но зачем? Ведь по всей Галактике все существа, которые несут яйца, обходятся без золотой скорлупы.

– Зато золотое яйцо не унести хищнику, золотое яйцо не разбить клювом птеродактилю. В золотом яйце будущий ящер чувствует себя в безопасности.

– А как же он вылезает наружу? – спросил Пашка.

– Об этом тоже позаботилась природа. Если хотите, я снова обращусь к поэме Полугуса Земфирского.

– Не надо! – остановил катастрофиста Пашка. – Расскажите своими словами!

Эмальчик улыбнулся.

– Хорошо, – сказал он. – Природа подарила каждому новорожденному ящеру и лягушонку вместо хвостика золотой штопор. Им он пробуравливает скорлупу, вылезает наружу, а затем через несколько дней штопор у него отваливается, и вырастает настоящий хвост.

– Удивительно! – воскликнул Гай-до. – Как все здесь гармонично!

– Вот из-за этой гармонии книгу Полугуса Земфирского изъяли из всех библиотек. Зачем вводить в соблазн начинающих бандитов и коллекционеров штопоров? Эту книгу можно получить только по требованию Академии наук или на черном рынке.

– Вот слышала, Алиса? – обрадовался Пашка. – Ты меня в библиотеку зазря посылала.

– А ты в ней был?

– Я все равно бы не нашел, – ответил Пашка.

Алиса не стала с ним спорить, а спросила у катастрофиста:

– Но все-таки некоторые грабители сюда пробрались?

– К сожалению, именно так. И динозавры их запомнили.

– А что же нам теперь делать, как им помочь? – спросила Алиса, ни к кому не обращаясь. Она размышляла вслух.

– Я думаю, – сказал Гай-до, – если мы не можем спасти самих динозавров, потому что мне их не вывезти отсюда, то давайте вывезем яйца самых разных животных. Мы привезем их на землю, в Космический зоопарк, и там выведем из них молодежь.

– А потом поищем для них какую-нибудь подходящую необитаемую планету, – поддержал его Пашка.

Маленький катастрофист поднялся и пошел с холма.

– Вы куда? – спросила Алиса.

– В трех километрах отсюда начинается лесной пожар, – сообщил Эмальчик. – Надо присутствовать.

– Сумасшедший какой-то! – заметил Гай-до.

– Не сумасшедший, – ответил Эмальчик, – а профессионал высокого класса.

С этими словами он скрылся в кустах.

– Может быть, и не сумасшедший, – задумчиво произнес Гай-до, – но крайне опасный человек.

Остальные с ним согласились.

Затем стали обсуждать, что делать дальше.

Надо было собрать как можно больше яиц самых различных обитателей планеты. Затем следовало подготовить на борту корабля инкубатор, чтобы яйца не погибли по дороге. В общем, работы было невпроворот, а сделать ее следовало за день-два, если вы не хотите превратить Гай-до из инкубатора в детский дом.

Общее решение было таким: все перелетают на Гай-до вниз, в лес, поближе к обрыву, потому что уже известно, где высиживают яйца пнутьихи. Затем Алиса и Пашка начнут собирать яйца – по нескольку от каждого вида, а Гай-до тем временем подготовит в своем трюме место для хранения яиц. К счастью, они здесь небьющиеся, так что необязательно подкладывать под них подушки и одеяла.

Гай-до решил было лететь сейчас же, чтобы вечером начать погрузку, но тут налетела буря с градом и со снегом. Ветер валил с ног, Алиса с Пашкой вынуждены были забраться внутрь корабля, чтобы переждать жестокую непогоду. Сразу стемнело, и стало ясно, что в такую темень в лесу и у обрыва делать нечего. Тем более что быстро надвигалась ночь.

Так что остаток вечера Пашка с Алисой провели в трюме Гай-до, освобождая его от лишних вещей, что накопились в нем, пока Гай-до мирно стоял в саду дома под Вроцлавом. Здесь были и садовые лопатки, и пустые горшки из-под рассады, и детские погремушки, и кусок шланга, и высохшие букеты – чего только не соберется в животе космического корабля, который давно не поднимался в космос!

Алиса безжалостно выбрасывала вещи в мусорный контейнер, чтобы уничтожить все перед отлетом с планеты. Гай-до устраивал скандалы, стараясь сохранить свое барахло. Пашка посмеивался и разбирал материалы съемок, выясняя, куда отправляться назавтра и в кого ему лучше превратиться, а Алиса была рада, что настала непогода, потому что без ее решительных действий кораблик никогда бы не расстался с любимой погремушкой Вандочки, с пустыми бутылочками из-под кефирчика, с мешком удобрений для незабудок и другими драгоценностями.

Когда наступила темнота, трюм был более-менее очищен, Алиса нажила себе смертельного врага в лице Гай-до, а Пашка умудрился куда-то

– Удивительно! – воскликнул Гай-до. – Как все здесь гармонично!

исчезнуть, несмотря на ливень, который хлестал по холму, переполнив озеро так, что вершинка Гай-до и мостик-манипулятор были покрыты холодной водой.

– Гай-до, куда Пашка задевался? – спросила Алиса, когда мыла руки после уборки.

Гай-до не ответил. Он молчал, надувшись, потому что чувствовал себя ограбленным.

Алиса стала искать Пашку сама.

Никаких следов!

Она уже стала волноваться – этот безумец мог по какой-нибудь прихоти выбежать под дождь и заблудиться...

– Гай-до, – взмолилась Алиса после бесплодной попытки отыскать Пашку на корабле – да и где там можно было спрятаться? – Гай-до, ты бы заметил, если бы Пашка вышел через люк?

Гай-до молчал.

Алиса поняла: этот негодяй получает удовольствие от страданий Алисы.

– Вам, роботам, – сказала она сердито, – не разрешено доставлять неприятности человеку.

Вот тут Гай-до не выдержал и заговорил:

– Вы с Пашей сами доставляете себе неприятности, а я не робот, а разумный корабль.

– Но сделанный, кстати, людьми!

– Тебя тоже сделали родители – разве я тебя в этом упрекаю? – заявил корабль.

Алиса не смогла сдержать улыбку.

– И все же, – сказала она, – ты только скажи мне, на борту Пашка или нет?

Гай-до молчал.

– Тогда давай сделаем так, – сдалась Алиса. – Я спрошу, на борту ли Пашка. Если ты промолчишь, это будет знак согласия. Молчание всегда знак согласия.

– Ты меня не путай, – сказал Гай-до. – Я формальной логике не обучался. Ты меня все равно перехитришь, потому что я простой, добрый и честный, а вы, люди, все время хитрите, притворяетесь, обманываете друг друга и меня.

– Ну уж, не обобщай! – возразила Алиса. – Люди разные бывают.

– А кто ворует золотые яйца? – спросил Гай-до. – Разве хоть один корабль украл хоть одно золотое яйцо?

– Так где же Пашка?

– На корабле, – ответил Гай-до.

– А где?

– Я за тебя искать не буду, я тебе в слуги не нанимался! – Гай-до полностью отомстил за очистку трюма и, удовлетворенный, замолчал.

– Ну ладно, Пашка, я тебя найду! – заявила Алиса.

Ответом ей была гробовая тишина. Ни Гай-до, ни Пашка не откликнулись.

Алиса полезла под стол. Под столом было пусто.

Она заглянула под обгоревший и кое-как застеленный пластиком диван. Никого. Она пошла на пульт управления, но там негде спрятаться. Тогда Алиса направилась в камбуз.

Посмотрела под плитой, открыла духовку... и тут послышалось тихое угрожающее шипение.

Алиса от неожиданности отпрыгнула.

Из духовки выползла плоская клетчатая змея, пасть ее была распахнута, и по желтым зубам сочился яд или что-то очень похожее на яд.

– Гай-до! – закричала Алиса, выбегая из камбуза и задраивая дверь. – Гай-до, срочно дезинфицируй камбуз! Ты впустил туда ядовитую змею. Я могла погибнуть, а Пашка, наверное, уже погиб!

– Я не впускаю змей внутрь себя, – ответил Гай-до.

– Но она же попала на корабль!

– Нет, – отрезал Гай-до.

– Тогда что же это такое?

– Это твой друг Пашка Гераскин, – ответил Гай-до, – мне надоело покрывать ваши человеческие обманы.

– Это так, – прошелестело под дверью, – можешь открыть. И не бойся. Я провожу опыты.

Алиса поняла, что Пашка на самом деле принял вид змеи, и осторожно приоткрыла дверь.

Змея стояла на хвосте и раскачивалась.

– Зачем ты это сделал? – спросила Алиса, отступая на всякий случай от двери.

– Лучше дай мне пилюлю, я хочу вернуться в свой родной облик, – ответил Пашка. – Я готовлюсь к завтрашнему дню. Не ходить же мне весь день в образе пнута?! Тогда мне ни одна змея своих яиц не отдаст.

– Мог бы сказать, что превращаешься в ядовитую змею, – упрекнула друга Алиса.

– Зачем? Ты же была занята уборкой.

– А зачем в духовке прятался?

– Я хотел понять, действительно ли ты так любишь всех животных или только зайчиков.

– Превращайся обратно, – сказала Алиса. – Вот тебе пилюля.

Пашка проглотил пилюлю, но не вернулся в свой облик, а стал ящерицей и побежал по потолку. К счастью, запас пилюль на борту был достаточным. Так что до ночи Пашка испытывал новые образы, а Алисе надоело на это смотреть, и она пошла спать.

Глава девятая

Утро было свежим, солнечным, но морозным. По краям озерца белела кромка льда, льдом покрылся и затылок Гай-до. Так что когда он поднялся после завтрака и полетел к обрыву, взлет сопровождался хрустом льдинок.

Гай-до пролетел вдоль обрыва и медленно пошел дальше, к югу. По дороге его пассажиры снимали на видео всех животных, разыскивая места, в которых они могли прятать, закапывать или высиживать яйца.

Разведка заняла часа два, потом Пашка не выдержал и сказал:

– Мы можем так и до вечера летать. От этого больше яиц не станет.

– Но мы должны подсчитать, сколько видов водится на планете, где они таятся или пасутся, чем питаются, как размножаются. Неужели тебе не понятно? – удивилась Алиса.

– Мне понятно, – ответил Пашка, – что всем этим занимается компьютер на борту Гай-до. А мы с тобой должны действовать. От нас зависит, сколько спасется будущих динозавров.

Алиса и Гай-до согласились с Пашкой, и Гай-до пошел на посадку на берегу большого озера, где в то время неуклюжие, цветом и размером похожие на слонов черепахи откладывали золотые яйца и зарывали их в песок.

– Начинаем! – воскликнул Пашка.

Гай-до открыл люк. Пашка первым выскочил на песок и, как договаривались, сразу превратился в гигантскую жабу. У этой жабы на спине были круглые углубления, в которых она вынашивала свою икру, а потом жабят. Но так как Пашка был лишь подобием жабы, эти углубления у него были пустыми. Он превратился как бы в большую сумку для чужих яиц.

Привыкая к новому телу, небольшими прыжками, чуть приподнимая над песком белое пузо, Пашка попрыгал к воде.

За ним следовала Алиса, принявшая вид птицеящера, который на Стеговии ходит на задних лапах, а передние лапки у него свободны. Он не умеет летать, а назвали его Пашка с Алисой птицеящером, потому что он больше всего похож на ощипанного куренка трехметрового роста.

Пашка допрыгал до воды.

Алиса догнала его.

Отложив яйца, черепашки уже скрылись в воде. Они были такими глупыми, что не могли думать о будущем и не умели заботиться о своих будущих детях. Но ведь обидно, если из-за этого им придется вымирать?

Места, где были закопаны в песок яйца, оказалось нетрудно отыскать по следам, оставленным глупыми черепахами. Несколько яиц уже были откопаны клювастыми летающими ящерами, которые теперь долбили их клювами, пытаясь добраться до содержимого.

Пашка лег на песок рядом с Алисой, и она, выкапывая яйца, клала их в углубления на его спине.

– Хватит, – сказал Пашка. – Ты готова мне весь корабль черепашьими яйцами набить.

– Ты прав, – согласилась Алиса, – но ведь жалко...

– Ты лучше погляди в воде, – предложил Пашка. – По-моему, я вижу водяную змею, которая только что снесла яйца. Видишь, блестят?

Алиса видела, но ей было страшновато нырять в воду.

Пашка догадался и сказал укоризненно:

– По-моему, ты забыла, что покрыта бронированной чешуей!

Алиса зашла по горло в холодную воду и достала оттуда два змеиных яйца. Никто ее, конечно, не посмел тронуть...

Наполнив все ячейки на спине жабы разными яйцами, Пашка с Алисой вернулись к Гай-до, который скромно дожидался их у опушки леса.

Забираться в корабль не стали. Гибкими длинными манипуляторами Гай-до осторожно снимал яйца с Пашкиной спины и отправлял их себе в грузовой люк, как обжора, который руками кидает себе в рот пельмени.

Следующей остановкой на пути спасателей стала чаща леса.

Здесь тоже жили ящеры и земноводные, а также сухопутные крабы и раки. Весь этот лесной народец был невелик, потому что ему приходилось пробираться между могучими стволами деревьев, но это же не значит, что их нужно оставлять вымирать от холода. Для настоящих спасателей размер спасенного не играет роли. Они с одинаковым энтузиазмом будут спасать и кита и селедку!

В лесу Пашка с Алисой провели больше двух часов. Тем более что они куда медленнее продвигались в чаще, чем на открытом месте. Конечно же, спасатели не были уверены, что нашли яйца всех лесных жителей, но они сделали все, что могли.

Пора было лететь к обрыву, где ждали настоящие крупные динозавры.

Гай-до молчал – он был занят вычислениями, а ведь каждое яйцо надо было описать, проанализировать, поместить в коробку или ящик, снабдить карточкой, чтобы не спутать, выведется ли из яйца змея или скорпион.

Когда Алиса заглянула в трюм, ее встретило золотое мерцание – большие, средние, маленькие яйца и даже золотая икра занимали полки трюма.

– Когда они выведутся, – спросил вдруг Гай-до, – куда золотую скорлупу денем?

– А она тебе нужна?

– Нужна.

– Он себе хочет золотые зубы вставить, – сказал Пашка, который подошел к Алисе и тоже смотрел в трюм.

– Чепуха! – обиделся Гай-до. – Зачем мне зубы! Но мне бы очень хотелось сделать дверные ручки и шпингалеты как у лорда Палмерстона в его имении Кроухедж.

– Какой еще Палмерстон? – воскликнул Пашка. – Что ты говоришь, Гай-до! Неужели ты все-таки сошел с ума?

– У Тадеуша есть книга, очень старая, с картинками, – терпеливо сообщил Гай-до, – про английских чудаков. Так вот, лорд Палмерстон в своем замке Кроухедж приказал отлить дверные ручки из золота. Мне бы не хотелось ни в чем уступать этому благородному лорду. Когда Вандочка подрастет, ей будет приятно летать на роскошном корабле.

– Отлично, – сказала Алиса. – А у лорда конюшня была?

– У лорда Палмерстона была конюшня скаковых лошадей, – ответил Гай-до.

Привыкая к новому телу, небольшими прыжками, чуть приподнимая над песком белое пузо, Пашка попрыгал к воде.

– Заведем для Гай-до конюшню? – спросила Алиса.

– Разумеется, – согласился Пашка, – при условии, что в ней тоже будут золотые ручки и золотой унитаз.

– Паша! – возмутился Гай-до, который был большим ревнителем хорошего тона. – Ты забыл, что выражаешься в обществе юной дамы?

– Ладно, пускай унитаз будет серебряным, – сдался Пашка.

– Все! – закричал оскорбленный Гай-до. – Улетаю без вас! Живите как хотите! Всему есть предел!

– Улетай, – согласилась Алиса. – Только выброси сначала яйца динозавров, черепах и змей. Ведь тебе все равно, погибнут они или выживут!

Гай-до замолчал.

Лишь через час, когда Алиса с Пашкой выбрались через люк и остановились рядом с ним, в лесу, подступавшем в том месте к обрыву, корабль сказал:

– Я разочарован путешествием с моими так называемыми друзьями. Очень тяжело пережить издевательства и насмешки!

Глава десятая

Учтя опыт вчерашних походов, Пашка и Алиса отправились к обрыву, снова изменив свой внешний вид.

Пашка выглядел как самый настоящий пнут, а на шее у него болтался большой мешок из непрозрачного пластика.

Алиса же снова стала птицеящером, потому что у птицеящеров были сильные передние лапы с когтями. Ими удобно поднимать большие круглые яйца динозавров.

Оставив Гай-до в чаще, Алиса с Пашкой осторожно направились к знакомой пещере, где сидели наседки пнутов.

Вот и озеро, вокруг которого бродят травоядные гиганты... А вот и обрыв. Но пнутов, которые вчера охраняли вход в большую пещеру, не было видно.

Пашка первым заглянул в пещеру. Там было пусто.

– Я боюсь, – сказал он, – что вчера мы их спугнули и они перенесли яйца в другую пещеру.

– Далеко им не уйти, – сказала Алиса. – Но сначала я проверю, не забыли ли они чего-нибудь там, внутри.

Пашка остался у входа, а Алиса заглянула в пещеру.

В пещере она нашла только одну наседку.

Пнутиха была мертвой. Она лежала черным холмом на изрытом, истоптанном сене. Рядом с наседкой валялось раздавленное золотое яйцо – нужно было обладать немалой силой, чтобы его раздавить.

– Пашка! – закричала Алиса. – Несчастье!

Пашка сразу ринулся в пещеру. Но не разглядел мертвую наседку.

– Что случилось? – спросил он.

И тут увидел убитую пнутиху и раздавленное яйцо.

Он наклонил свою страшную голову, разглядывая наседку, и Алисе стало на секунду не по себе – ведь она видела, как гигантский ящер стоит над телом подобного ему чудовища и, покачивая головой, размышляет.

– Я думаю, что на них напали другие динозавры, – сказал Пашка.

– Зачем?

– У них идет борьба за существование, как во всей природе. Более сильные напали на пнутов. Вот даже след, смотри...

И в самом деле, по раздавленному яйцу можно было понять, что в пещере побывал какой-то исполин.

– Остальные разбежались, – сказал Пашка, – а одна самка не успела убежать.

– Если это так, то я только довольна, – сказала Алиса.

– Не понимаю, чем ты можешь быть довольна, если видишь погибших животных? – удивился Пашка.

– Если это обыкновенная вражда ящеров, то эта пещера – исключение, и в других пещерах все должно быть в порядке.

– А что же еще может быть? – спросил Пашка. – О чем ты подумала?

– Я сначала подумала, что сюда снова прилетели грабители. Тогда это – угроза всей планете.

– Почему? Даже если и грабители! Они же раньше прилетали, ничего, обходилось. Увезут свою добычу, а ящеры новые яйца снесут.

– Пашенька, пойми же! – взмолилась Алиса. – Раньше здесь был хороший климат, и динозаврихи могли снова снести яйца и вывести детенышей. А теперь жизнь на планете доживает последние месяцы. Потом здесь все замерзнет. И если украсть яйца динозавров, это значит – уничтожить их вообще. Ведь в холод динозаврихи не смогут снести новые яйца и высидеть их.

– Ты права, – согласился Пашка. – Давай не будем терять время попусту. Я думаю, что сейчас самое время заглянуть в другие пещеры и посмотреть, как там обстоят дела.

Перед выходом из пещеры они снова остановились. Здесь следы были виднее. Все было истоптано, и на мокрой земле были оттиснуты многочисленные следы пнутов и несколько отпечатков куда более крупных лап...

– Я знаю, кто это, – сказала Алиса. – Это крейсерозавр. Помнишь, ты с ним отважно сражался?

Пашка согласился с Алисой.

Они пошли вдоль обрыва в поисках следующей большой пещеры.

Со стороны они, наверное, выглядели странно: рядышком идут два ящера – гигантский пнут и втрое уступающий ему размером птицеящер. И разговаривают ящеры по-русски.

Впрочем, последнее было несущественно, потому что на планете Стеговия никто не знает не только русского, но и английского языка или космолингвы, на которой объясняется вся Галактика.

– Паша, – сказал птицеящер, – меня очень смущает одна деталь.

– Докладывай, – ответил пнут.

– А как крейсерозавры носят яйца?

– Наверное, в передних лапах, – сказал Пашка.

– А сколько было яиц в той пещере?

– Трудно сказать. Ты ведь тоже не считала.

– Я сказала бы, что там сидели четыре или пять наседок, каждая высиживала шесть, десять яиц... это неважно. Ты мне скажи, сколько было крейсерозавров?

– Судя по следам... наверное, два.

– Как два крейсерозавра могут унести пятьдесят золотых яиц в передних лапах, если эти лапы им нужны, чтобы отбиваться от разъяренных пнутов?

– Ой, спроси что-нибудь полегче, Алиска, – отмахнулся зеленой лапой Пашка. – Унесли, значит, унесли. Вот у меня, например, есть мешок на шее...

– Его я тебе сшила, – сказала Алиса, – когда у меня были человеческие руки. Чувствуешь разницу?

– Сейчас дойдем до пещеры и во всем разберемся.

Они дошли до следующей пещеры, в которой раньше жили пнуты, примерно через пять минут.

Пещера являла собой грустное зрелище.

Перед пещерой лежал мертвый пнут, его уже терзали летающие гиены.

– Ой, спроси что-нибудь полегче, Алиска, –
отмахнулся зеленой лапой Пашка.

Внутри все было пусто, если не считать следов нападения крейсерозавров. Там тоже побывало два чудовища.

На этот раз Пашка задумался всерьез.

– Если это были те же крейсерозавры, – сказал он, – то тогда они кому-то сдавали яйца.

– И я так думаю, – сказала Алиса. – Кто-то стоял рядом и ждал, пока они их принесут.

Мысль была нелепой, но соображений получше у них не нашлось.

У третьей пещеры Пашка с Алисой задержались подольше, там они отыскали живого пнута. Он был ранен и потому остался у пещеры. Пашка заставил его думать.

«Это были большие ящеры?» – спросил он мысленно.

«Большие, – подумал в ответ раненый пнут. – Злые. Яйца...»

«Зачем?»

«Не знаю. Наверное, кушать. Пища».

«А раньше большие нападали на вас?»

«Не знаю». – Вопрос показался пнуту слишком сложным, он не смог на него ответить, потому что для него не существовало времени – он не понимал, что одно событие бывает прежде другого.

«Куда они пошли?» – мысленно спросил Пашка.

Собрату по породе пнут был готов рассказать все, что знал:

«Туда пошли. К озеру пошли. А наши за ними... плохо брать чужие яйца».

Пашка согласился с пнутом, что это делать нехорошо.

Они оставили раненого пнута и поспешили дальше вдоль обрыва, в сторону озера.

И не прошло четверти часа, как они увидели впереди серые гребни спин и бугорчатые затылки нескольких пнутов, которые толпой спешили вдоль обрыва. Когда Алиса догнала их и забежала сбоку, она увидела, что стадо пнутов преследует двух гигантских крейсерозавров. Причем один из крейсерозавров не оборачиваясь, медленно шагает впереди, а второй все время огрызается, сам нападает на разгневанных пнутов, отгоняет их, но потом торопится за своим товарищем.

Глупые пнуты никак не догадывались окружить крейсерозавров, чтобы можно было напасть на того, что топает первым.

А это следовало сделать.

Тогда их шансы вернуть своих будущих детей резко возрастали.

Могучий крейсерозавр буквально сгибался под тяжестью двух громадных корзин, висящих по его бокам, как торбы у вьючной лошади. Корзины были соединены канатами, а сами сплетены из металлических прутьев и размером не уступали кузову самосвала.

Корзины были доверху полны золотыми футбольными мячами – яйцами несчастных пнутов.

– Теперь мне все ясно, – сказала Алиса, но Пашка ее не услышал за ревом пнутов и топотом могучих ног. Алиса потеряла его из виду – он растворился в этом стаде пнутов, став одним из чудовищ.

Забыв, что Пашка ее не может услышать, Алиса продолжала говорить:

– Так как крейсерозавры на этой планете еще не додумались, как плести корзины, то мы с тобой, Пашка, можем предположить, что или кто-то очень умный напялил корзины на ящера и велел ему таскать золотые яйца, или...

– Или это не крейсерозавр, – сказал Пашка, который тоже догадался обогнуть процессию ревущих пнутов и присоединился к Алисе.

Второму крейсерозавру приходилось несладко – пнуты наконец-то догнали его и несколько самок вцепились ему в хвост. Чудовищный ящер мотал хвостом, стараясь скинуть с себя шевелящийся груз. Первый же крейсерозавр не мог прийти ему на помощь, не скинув с себя корзин, уж очень тяжелыми были золотые яйца – даже у крейсерозавра есть предел сил.

– Их погубит жадность, – сказал Пашка.

– Давай поможем пнутам, – предложила Алиса.

Но Пашка отрицательно покачал тяжелой зубастой головой, и его маленькие неподвижные глазки яростно заблестели.

– Мы должны увидеть, – сказал он, – куда они держат путь.

– Ты совершенно прав, мой дорогой ящер, – согласилась Алиса.

– Я рад, что ты оценила мои умственные способности, ощипанная курица, – так же вежливо ответил Пашка.

Не оглядываясь, первый крейсерозавр свернул направо и вломился в густой кустарник. Он оставил своего друга на произвол судьбы. А пнуты, поймав второго ящера, забыли о яйцах. Кипя справедливым негодованием против похитителя молодежи, они всей толпой принялись рвать и терзать врага.

– Он нас уже не интересует, – сказал Пашка.

– Правильно, – согласилась Алиса. – Побежали за первым.

Бежать было нетрудно, потому что крейсерозавр, подобно танку, проломил в чаще широкую дорогу. Можно было даже не спешить – яростное прерывистое дыхание гиганта раздавалось по всему лесу – похитителя яиц невозможно было потерять.

Наконец путь привел Алису и Пашку на поляну.

Посреди поляны стоял старый, но еще крепкий космический корабль без опознавательных знаков.

– Так я и думала, – сказала Алиса. – Браконьеры.

– Не просто браконьеры, – поправил ее Пашка.

– Да, не просто браконьеры, а браконьеры с пилюлями. Наверное, они прилетели с планеты Синий Воздух.

– Ее обитатели не производят впечатления...

– Когда речь идет о тонне золота, впечатление может оказаться ложным, – возразил Пашка.

Тем временем крейсерозавр улегся на землю возле корабля.

– Устал он, что ли? – спросил Пашка.

– Наверное, сейчас выйдут сообщники. Но сообщники не выходили.

Крейсерозавр убедился в том, что корзины встали на землю, и задом-задом начал выползать из-под своего груза. Не сразу, но это ему удалось.

Тогда он протянул гигантскую лапу к люку корабля, умело поддел его когтем, и люк открылся. Крейсерозавр вытащил изнутри пилюлю и проглотил ее.

И тут же, на глазах у изумленных Алисы и Пашки, превратился... в космического пирата Крыса!

– Этого быть не может! – прошептала Алиса. – Он же исправился! Он же сам мне говорил, что играет на барабане...

– Трудно исправить пирата, – ответил Пашка. – И я думаю, что ты сама в этом виновата. Кто просил его прислать пилюли?

– Я.

– Кто заронил в преступную пиратскую голову мысль, что сейчас самое время слетать на Стеговию и набрать там яиц, превратившись в какого-нибудь ящера? Ты же мне показывала письмо, которое ему наговорила. Оно – ценное руководство для пиратов!

– Все равно мне очень грустно сознавать, что меня так подвели! Неужели снова с ними придется враждовать?

– Всегда приходится враждовать с преступным миром, – ответил Пашка. – В этом наше призвание.

Корзины были доверху полны золотыми футбольными мячами – яйцами несчастных пнутов.

– Тогда иди и борись.

– А как же второй крейсерозавр?

– Господи, как я могла забыть о Весельчаке У! Конечно, Крыс без него не сунулся бы в такую авантюру. Весельчак У плохо влияет на Крыса.

– Скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты, – ответил на это Пашка.

Алиса замолчала. Она смотрела, как пират разглядывает и гладит золотые яйца.

– Что, выйдем и арестуем их? – спросил Пашка.

– Я бы рада, но вдруг у них есть бластеры? Мы погибнем, а ящерам не поможем.

– А что ты предлагаешь? – спросил Пашка. – Ведь мы не можем сейчас бежать к Гай-до и оттуда вызывать галактический патруль.

– Конечно, не можем, они десять раз улетят и скроются в своем пиратском логове.

Но на этот раз трудную задачу за Алису решила сама судьба.

Судьба появилась на поляне с ревом и топотом – это пнуты, вырывая куски крейсерозавра, преследовали Весельчака У.

При виде этой жуткой картины Крыс, совсем забыв о своем соратнике, подхватил одно тяжелое яйцо и побежал к открытому люку.

– Стой! – закричал ему вслед Весельчак У. – Ты что делаешь?

– Не бойся! – отозвался Крыс изнутри корабля. – Тащи сюда корзины.

– Меня сожрут, пока я буду тащить эти чертовы корзины! – завопил Весельчак У. – Дай пилюлю!

Крыс, видно, понял, что и в самом деле придется сматывать удочки. Он кинул в морду Весельчаку пилюлю. Тот раскрыл пасть, хлопнул челюстями, в отчаянном прыжке оторвался на секунду от пнутов и хлопнулся о землю, превратившись в толстого, запыхавшегося пирата Весельчака У, совершенно голого и расцарапанного.

Пнуты от неожиданности осадили назад и начали тревожно перекликаться.

Но один из них, самый умный или самый сердитый, все же догадался, протянул вперед лапу и прижал ею Весельчака к земле.

– Спасите! – прохрипел Весельчак У.

– Ну как я тебе помогу? – отозвался из люка его друг. – Они меня тоже растерзают.

– Достань бластер! Где твой бластер?

При виде этой жуткой картины Крыс, совсем забыв о своем соратнике, подхватил одно тяжелое яйцо и побежал к открытому люку.

– Я же не взял бластер, когда превратился в динозавра, – ответил Крыс. – К чему бы я его привязал?

– Ну придумай что-нибудь! Я погибаю!

– Сейчас сбегаю за оружием, потерпи!

– Не убегай!

И тогда Алиса, которой стало жалко, что Весельчак погибнет такой неприятной смертью, закричала:

– Крыс, кидай в него яйцом! Кидай яйцом в динозавра!

– Что?

– Кидай яйцо! – крикнул Пашка.

– Кто говорит?

Почему-то Крыс никак не мог сообразить, что ему подсказывает птицеящер.

– Кидай яйцо! – прохрипел Весельчак У. Он тоже понял, что Крыс прижимает к груди единственное их оружие.

И тогда Крыс впервые в жизни смог побороть в себе жадность ради товарища по пиратским проделкам. Он размахнулся и из-за головы, как футболист, который вводит мяч в игру из аута, метнул золотое яйцо в пнута, который намеревался раздавить ногой Весельчака.

Яйцо, блеснув в воздухе, попало в нос динозавру, и тот отпустил Весельчака У, чтобы подхватить драгоценность.

Весельчак вскочил и, прихрамывая, бросился к кораблю.

За ним устремились остальные пнуты.

Весельчак побежал не прямо к кораблю – видно, сообразил, что не успеет. Он метнулся к корзине и стал шустро выхватывать яйца и кидать ими в пнутов. Динозавры хватали яйца, как настоящие вратари, и вот уже ближайшие к Весельчаку животные были обезврежены – их лапы заняты золотыми яйцами.

– Крыс! – закричал Весельчак У. – Выходи, я буду кидать тебе яйца, а ты их лови и складывай!

– Ты с ума сошел! – закричал из люка Крыс. – Они же тебя затопчут.

– Не затопчут, они не могут оторваться от своих мячиков!

Весельчак У схватил первое яйцо и кинул его Крысу. Крыс не смог его поймать: получил яйцом по лбу и чуть не потерял сознание.

– Лови следующее! – закричал тонким голосом толстяк.

– Нет уж! – рассердился Пашка. – Так они и в самом деле улетят с добычей. Я этого не позволю!

Весельчак метнулся к корзине и стал шустро выхватывать яйца и кидать ими в пнутов.

И он с ревом побежал к Весельчаку У.

Толстый пират решил было, что все пнуты одинаковы, и следующее яйцо метнул в Пашку, рассчитывая, что тот обнимет добычу и будет ее лелеять.

Но, разумеется, он ошибся.

Пашка тут же перебросил яйцо птицеящеру Алисе, а сам, угрожающе рыча, надвигался на Весельчака.

– Скорее! – кричал Крыс. – Я улетаю!

– Грязная лягушка! – ругался Весельчак У. – Головастик недорезанный! Ты почему не берешь яйцо?

Голова Пашки уже нависла над пиратом, и нервы у того не выдержали.

Он кинулся к кораблю.

Люк пиратского судна закрылся, и через несколько секунд оно рвануло к звездам.

– Как хорошо, что у страха глаза невнимательны, – заметил Пашка, перекладывая яйца из корзины в мешок, висевший у него на шее. – Он даже не удивился, увидев ящера с мешком.

– Возьмем шесть штук, – сказала Алиса. – Нам еще надо столько яиц собрать!.. Ведь мы не собираемся устраивать на Земле заповедник для пнутов?

– А почему бы и нет? – спросил Пашка. – Мы, пнуты, очень красивы, элегантны и умны.

Но пора было покидать поле боя. Остальные пнуты уже опомнились и потянулись к корзинам. Так что, взяв шесть яиц, пнут Пашка побежал прочь.

За ним, подобно кенгуру, весело прыгала Алиса Селезнева.

– Отнесем яйца на Гай-до, – сказала она, – и отправимся искать логово крейсерозавров. Боюсь, что там нам не помогут никакие космические пираты.

И Алиса была права!

Еще два яйца гигантов крейсерозавров, которые удалось к вечеру принести на Гай-до, два шара метрового диаметра весом в полторы тонны золота каждый, достались спасателям так дорого, что у них хватило сил лишь забраться внутрь корабля и, отказавшись от ужина, свалиться на койки... и заснуть.

Глава одиннадцатая

Утром Гай-до разбудил Алису.

– Прости, – сказал он. – Мне надо с тобой посоветоваться.

– Что случилось? – Алисе так не хотелось просыпаться! Она даже глаз не стала открывать, надеялась, что Гай-до спросит, она ответит и можно будет дальше спать.

Но дальше спать не пришлось.

– Я засек космический корабль без опознавательных знаков, – сказал Гай-до. – Судя по всему, это наши старые знакомые. Они возвратились и намереваются снова приземлиться.

– Знаешь, кого они мне напоминают? – ответила Алиса, садясь на койке и протирая глаза. – Овода. Его отгоняешь, хочешь прихлопнуть, а он взлетит, покружится над тобой – и снова садится, чтобы укусить.

– Что ж, сравнение не хуже любого другого, – ответил Гай-до. – Можно сравнить их с комарами, слепнями и даже голодными шакалами. Что будем делать?

– Надо с ними поговорить, – сказала Алиса. – Я скажу, что мы обо всем знаем и если они и дальше будут воровать золотые яйца, то я обо всем расскажу в галактической полиции.

– Очень они тебя испугались! – произнес Пашка, который тоже проснулся и вышел в кают-компанию. – Крыс и Весельчак У отлично знают, что ты здесь, что мы с тобой не очень взрослые и, к сожалению, не вооружены. Они знают, что Гай-до тоже не приспособлен для боя. А я могу поклясться, что их старая посудина, на которой они прилетели, напичкана оружием.

– Но что же тогда делать? – спросила Алиса.

Ей было очень грустно. Конечно, она сама виновата, что пираты прилетели сюда грабить. Им и в голову не приходило возвращаться к своим дурным занятиям, сидели в своем дворце, играли на барабанах, пировали и принимали гостей. И тут письмо от нее – оно, конечно, прозвучало как боевая труба! Они застучали копытами и помчались в бой!

– Алиса, ты слушаешь меня? – донесся до нее голос Пашки.

– А? Что? Конечно, слушаю. Я только немного задумалась.

– Тогда слушай внимательно, потому что времени у нас в обрез. С минуты на минуту они могут выследить новых динозавров и начать свою операцию иначе. А если совсем разозлятся, то возьмут в руки оружие!

– Не посмеют.

– Посмеют. Потому что трудно отказаться от добычи, которая совсем рядом.

– И что же ты предлагаешь? – спросила Алиса.

– Их надо пугнуть, – ответил Пашка.

– Но ты же сам сказал, что они нас не испугаются.

– Нас не испугаются, а кого-то испугаются.

– Кого же?

Пашка обратился к Гай-до:

– Скажи, ты можешь выйти с ними на связь?

– Думаю, что смогу, – ответил корабль.

– Тогда я с ними поговорю. Не называй себя. Только дай мне связь...

Алиса встревожилась.

– Пашка, что ты задумал? Ты пойми, что это не игрушки. Пираты опасны для всех...

– А этого я и не знал! – засмеялся Пашка. – Не беспокойся, мы все уладим. Поверь, что я уже не тот ребенок, с которым ты когда-то летала на рыцарскую планету.

– Каждый мужчина – до старости ребенок, – вмешался в разговор Гай-до.

– Есть связь? – перебил его Пашка.

– Канал свободен, – сказал корабль. – Когда услышишь щелчок, можешь говорить.

– Всем молчать! – приказал Пашка.

В тишине корабля раздался щелчок. Затем послышалось легкое шуршание, будто звезды терлись о небо.

Пашка насупился, приложил рупором руки ко рту и заговорил медленно, по слогам. Алиса сразу поняла, в чем дело. Он говорил так, как вчера, когда был в шкуре пнута.

– Вы слы-ши-те ме-ня? – произнес Пашка низким хриплым голосом.

– Кто там? Кто на связи? – послышался высокий, пронзительный голос Крыса. Значит, пираты сразу услышали Пашку.

– Го-во-рит Со-вет ди-но-зав-ров, – продолжал Пашка. – Слу-шай-те!

– Какой еще Совет?

– Вы бежа-ли от нас се-годня, – рычал в микрофон Пашка. – Но хоти-те вернуть-ся. Мы все ви-дим.

– Это шутка, – неуверенно произнес Крыс. – Наверное, это шутка. Динозавры не умеют говорить.

– Ди-но-завры уме-ют мстить. Сегод-ня вы убили на-ших пнутов. Вы хо-тели украсть на-ших детей. Нет по-щады!

– Вам все равно не нужны яйца, вы все замерзнете, – заговорил Крыс. Алиса улыбнулась. Наконец-то пират поверил страшному голосу и стал оправдываться. А если так, значит, он уже испугался.

– Это на-ше де-ло. А ваша смерть – это ва-ше дело, – сказал Пашка. – Со-вет дино-завров приговорил вас к смер-ти. Как пиратов и граби-телей. Теперь по-про-буйте спуститься к нам. Только по-про-буйте!

Наступила томительная пауза. Слышно было, как далеко-далеко переговаривались в своем корабле пираты.

– Врут они, – послышался голос Весельчака У, – пугают. Откуда у них станция связи?

– Вот именно это меня и тревожит, – ответил Крыс. – Откуда у динозавров Совет и станция связи? Кто их этому научил?

– А может, они? – спросил Весельчак У. – Те самые?

– Вот я и подумал, – ответил Крыс. – Это Алиска со своей компанией. От нее добра не жди.

– Нет, быть не может, все-таки она – ребенок...

– Ребенок? А мало мы от нее настрадались? Мало нас из-за нее жизнь молотила? Ты на себя посмотри – весь в шрамах и порезах. Ведь это динозавры тебя так разукрасили. А если бы не было у них Совета динозавров, никогда бы им нас не выгнать...

– А может, попробуем разок? – неуверенно спросил Весельчак У. – Уж больно золото хорошее.

– Есть у нас одно яйцо на память, для музея, и хватит! – отрезал Крыс. – Берем курс на нашу планету.

– Ох, стареешь ты, капитан! – сказал Весельчак.

– Я не старею, а хочу вернуться домой живым.

– Тогда я свергаю тебя, – сказал Весельчак У. – И беру власть! Мне нужно золото!

Гай-до вздохнул и прошептал:

– Ну прямо лорд Палмерстон. Как живой! Золотые ручки ему подавай!

– Я не слы-шу ваше-го решения, – прорычал Пашка.

И тут все услышали тихий голосок незаметно вошедшего в корабль катастрофиста Эмальчика:

– Разрешите, я внесу свою лепту.

Он подошел к передатчику и сказал таким же голосом, как Пашка (ведь подслушал, молодец):

– Го-ворит Совет динозавров! Если вы попытаетесь вер-нуться на планету, вы погиб-нете при посадке. Мы это тоже мо-жем. А чтобы вы не думали, что мы шу-тим, смотрите! Сейчас у вас на корабле перегорит свет.

– Ой! – раздался испуганный крик Крыса. – Почему темно?

– А по-то-му! – грозно ответил маленький катастрофист.

– Крыс, миленький, мне страшно! – откликнулся Весельчак У.

– Улетаем! – закричал Крыс. – Мы улетаем. Верните нам свет!

– Долетите без све-та, – ответил Совет динозавров.

Связь отключилась.

– Корабль пиратов взял курс прочь от планеты, – сказал Гай-до.

– Включи им свет, – попросила Алиса, – трудно же без света.

– Не жалей их, Алиса. Они же никого не жалеют, – сказал Пашка.

– Не в этом дело, – заметил маленький катастрофист. – Я предвижу катастрофы, даже маленькие, но это не значит, что я могу их исправлять. Это наша профессиональная беда... Я знал, что свет у них перегорит, но я не могу зажечь им свет.

– Тогда все садятся завтракать! – приказал Гай-до. – Сегодня трудный день, нам еще предстоит собрать немало яиц.

Глава двенадцатая

Ох, нелегко пришлось в этот день спасателям!

Ведь дело, которое взвалили на себя Алиса и Пашка, было неблагодарным и даже порой жестоким. Ну как ты объяснишь первобытным родителям какого-нибудь золотого яичка, что ты отбираешь их наследника не для того, чтобы сожрать или сделать из него яичницу, а чтобы вырастить из него достойного члена динозаврового общества, может даже, председателя несуществующего пока Совета динозавров.

Но Пашка терпеливо тащил на шее тяжелый мешок, Алиса обманывала родителей, а Гай-до, скрываясь за кустами, описывал яйца и их родителей,

занимался исследованиями, чтобы обеспечить каждому яйцу достойную жизнь на другой планете.

Не было среди спасателей только маленького катастрофиста, который заявил, что его привлекают свежие катаклизмы и он желает посетить одно наводнение и два землетрясения. Но к вечеру обязательно вернется.

Настроение у Алисы было ужасное, и пнут Пашка не мог развлечь ее своими шутками, да к тому же он сам устал и еле волочил мешок и ноги. Все было бы еще терпимо, если бы не грустная процессия динозавров, лягушек, змей и ящериц, которые вереницей ползли и топотали сзади, воя, ноя, рыдая и упрашивая спасателей вернуть им золотые яйца.

Они не понимали ничего, но сильно горевали.

С неба раза два начинал сыпаться снег, а ветер был студеным. Когда Пашка выгружал очередную порцию золотых яиц в трюм Гай-до, местные чудовища расходились. Для них яйца существовали, пока они их видели. Стоило любимым яйцам пропасть из виду, как интерес к ним пропадал.

Кое-как закончив работу, спасатели приняли свой обычный вид, забрались в корабль, вытерлись досуха полотенцами, оделись потеплее и пообедали. Оказалось, что, несмотря на плохое настроение и усталость, аппетит у них не пропал.

– Это потому, что вы еще молоды, – серьезно сказал Гай-до.

– Трюм почти заполнен, – сообщил Пашка. – Я думаю, что пора лететь на Землю. Больше мы не сможем принести никакой пользы. Мы привезем все яйца в Космический зоопарк к твоему папе, и пускай он их кладет в инкубатор.

– Я думаю о том, как бы устроить сюда большую экспедицию, – сказала Алиса. – Чтобы вывезти и взрослых ящеров.

– Решать это будет твой папа, – сказал Гай-до, – и другие ученые. Но боюсь, что такого корабля, чтобы вывезти отсюда крейсерозавров и пнутов, не отыщется. Да и новую планету для них будет нелегко подобрать. Все это требует времени и усилий... Даже при самом лучшем отношении к динозаврам такая экспедиция опоздает. Эмальчик говорил мне, что ледники и снег покроют всю планету месяца через два. Она все быстрее удаляется от своей звезды.

– Значит, мы с тобой – последняя надежда для Стеговии?

– Боюсь, что да.

– Тогда мы вернемся сюда еще раз. Ведь мы обязаны собрать яйца всех обитателей планеты, а мы многих из них даже не видели.

– Хорошо, Алиса, – согласился Гай-до. – А пока, если позволишь, я с тобой попрощаюсь и займусь подготовкой к отлету. Мне надо проверить, на каждое ли яйцо у меня есть карточка и все ли наши трофеи находятся в хороших условиях.

– Когда стартуем? – спросил Пашка.

– Через час, – ответил Гай-до. – Мы должны вернуться домой прежде, чем начнут выводиться ящеры. Иначе мы никуда не долетим.

– А где же катастрофист? – спросил Пашка.

– Он с нами не летит, – ответил Гай-до, – он сказал, что должен остаться, чтобы увидеть самую великую катастрофу, которую ему приходилось видеть.

– Но он же замерзнет! – воскликнул Пашка.

– Я ему оставил утепленную палатку и запас продовольствия.

– Но продовольствие кончится! – встревожилась Алиса.

– К этому времени за ним прилетит корабль Службы катастрофистов. Он с ними договорился.

– А есть такая служба?

– В Галактике все есть. Неужели ты думаешь, что наш Эмальчик – единственный чудак?

– Все равно страшно оставаться одному на умирающей планете, – сказала Алиса.

В этот момент люк раскрылся и в него ворвался заряд снега. В проеме люка стоял покрытый снегом, промокший, но как всегда уверенный в себе катастрофист.

– Вы обо мне разговаривали? – спросил он с порога.

– Мы вас жалели, – сказала Алиса.

– Не надо меня жалеть, я получаю удовольствие от своей работы! Такая катастрофа может только присниться! Я – самый счастливый человек во Вселенной.

– Тогда закройте люк, – сказал Гай-до, – вы мне переморозите всех динозавров.

– О да! Конечно. Я зашел попрощаться с вами, пожелать счастливого пути. Вот эту кассету немедленно перешлите моему шефу в Галактический центр.

Катастрофист церемонно поклонился по очереди Алисе и Пашке и помахал ручкой Гай-до. Уходя, он вдруг остановился и спросил:

– Совсем забыл, мне нужна железка, сантиметров в семьдесят длиной. По-моему, я ее видел в кладовке среди инструментов.

Через минуту катастрофист снова открыл люк, помахал железной палкой, которую отыскал в кладовке, и скрылся в снежной буре...

Той же ночью Гай-до стартовал к Земле.

Глава тринадцатая

Внутри корабля было жарко и душно – такую температуру больше всего любили динозавры. Для людей это было не очень удобно, но все терпели. И терпели бы дальше, если бы не неожиданное событие.

Утром, когда все, кроме Гай-до, еще спали, в корабле раздался отвратительный скрежет.

Гай-до заглянул к себе в трюм и увидел, что из одного пнутского яйца торчит маленький золотой штопор, который шустро поворачивается. Пока Гай-до пытался сообразить, что же творится, яйцо развалилось пополам и из него выскочил шустрый динозавр, около метра длиной, страшно худой и голодный – непонятно, как только он мог уместиться в яйце размером с футбольный мяч.

Сначала Гай-до подумал, что это случайность. Одно перезрелое яйцо... но уже к восьми утра в трюме обнаружились три динозавренка, одна белая жаба, плоский змееныш, птицеящеренок и еще шесть зверюшек.

Когда Алиса с Пашкой проснулись, им пришлось вместо завтрака лезть в трюм и кормить зверят неприкосновенным запасом. Через час уже не осталось сгущенного молока, сливок, масла, мяса, котлет, фарша, рыбы и так далее...

К двенадцати вывелся первый крейсерозавр.

Новорожденный крейсерозавр достигал трех метров в длину. Он лежал поперек трюма, касаясь носом одной стенки и хвостом упираясь в противоположную.

– Если мы не накормим этого крокодила, – сообщил Пашка, – он начнет жрать остальных, даю тебе слово.

Алиса спрыгнула в трюм и, увертываясь от злобного детеныша, стала выбрасывать наверх, в руки Пашке, мелких детенышей. Гай-до, как мог, помогал ей, придерживая манипуляторами крейсерозавренка, чтобы он не перекусил Алису пополам.

Пока она занималась этим, родилась еще одна жаба, и Алиса не успела глазом моргнуть, как ящер проглотил новорожденную.

– Дайте ему чего-нибудь поесть! – закричала Алиса.

– У меня осталась только мука! – ответил Гай-до.

– Сыпь муку! – в отчаянии закричала Алиса.

Гай-до высыпал в пасть крейсерозавренка мешок муки, и она, к счастью, на время слепила его челюсти.

Алиса выбралась наружу, в кают-компанию.

– Что-то надо делать, – сказала она. – Далеко до ближайшей планеты?

– Через восемь часов будем пролетать Декабристку, – сказал Гай-до.

– Спускаемся там. И выгружаем детенышей.

– Декабристка прозвана так космонавтами, – сообщил Гай-до, – ввиду того, что средняя температура на ее поверхности – минус шестьдесят.

– Ну почему нам так не везет! – воскликнул Пашка. – Где у тебя планета потеплее? Может, сменим курс, если нужно?

– До ближайшей планеты с нормальной температурой двое суток...

– Может, спустимся к археологам Громозеки? – спросил Пашка.

– Но там пустыня! Детеныши съедят запасы экспедиции, а потом самих археологов, – предупредил Гай-до.

– Вызывай спасателей! – крикнула Алиса.

– Корабли патруля не приспособлены для перевозки динозавров, – ответил Гай-до.

Из люка показалась обмазанная тестом морда крейсерозавренка.

Пашка ткнул в нее стулом. Морда попыталась попробовать стул на вкус. Со стулом в зубах она скрылась внизу.

Новорожденный пнут кусал Пашку за ногу, требуя пищи, жаба прыгнула на пульт управления.

– Мы погибли, – сказала Алиса.

– Да, первый раз в жизни, – согласился Пашка, – признаю свое поражение. Давай простимся, Алиса!

– Не кривляйся, Пашка, – сказала Алиса. – В конце концов, мы-то спасемся, а вот как спасти детенышей, я не знаю. Гай-до, придумай что-нибудь.

– Если мы не накормим этого крокодила, – сообщил Пашка, – он начнет жрать остальных, даю тебе слово.

– Пока не придумал, Алиса, – ответил корабль. – Сними, пожалуйста, саламандру с моего компьютера.

Из люка вновь показалась морда крейсерозавренка. Пришлось отдать ему второй стул. Но этим дело не ограничилось. Рядом тут же возникла морда второго крейсерозавра. И третий стул исчез в трюме.

– Ввиду того, что я отвечаю за безопасность моего экипажа, – сказал Гай-до, – я должен вас предупредить, что через час, а может быть, раньше, я попрошу Алису и Пашу надеть скафандры. Затем я открою внешний люк и заморожу всех динозавров, включая яйца.

– Ты не сделаешь этого, Гай-до! – закричала Алиса.

– У него нет другого выхода, – сказал Пашка.

– Должен быть! – закричала Алиса. – Должен быть!

В этот момент ожил приемник космической связи на пульте управления.

– Выход есть, – произнес знакомый тонкий голосок.

Глава четырнадцатая

– Кто это?

– Катастрофист, – подсказал Гай-до.

– Конечно, это я, – согласился Эмальчик. – Я звоню вам, потому что случайно подслушал ваши переговоры и у меня появилось деловое предложение.

– Какое? – спросила Алиса.

– Я предлагаю вам вернуться на планету Стеговия!

– Мы не можем, – сказала Алиса. – Ведь там все наши динозавры погибнут.

– Я гарантирую им жизнь и свободу, – решительно ответил Эмальчик. – И даю честное слово катастрофиста, что я нашел выход и для вас, и для динозавров.

– Подчиняемся? – спросила Алиса у Пашки.

– А разве у нас есть другой выход?

– Я боюсь, как бы Эмальчик не устроил новую катастрофу.

В ответ послышался бодрый голос Эмальчика:

– Не беспокойтесь, я ее уже устроил.

– Я разворачиваюсь, – сказал Гай-до.

Через шесть часов бешеной гонки Гай-до вышел на орбиту Стеговии.

Его пассажиры, все последние часы воевавшие с бедными динозаврами и пытавшиеся рассадить их по разным углам корабля, уморились настолько, что задремали.

Так что Гай-до первым увидел перемены, случившиеся с планетой.

Ледники значительно уменьшились – это было видно даже невооруженным глазом, всюду текли ручьи, кое-где над морями поднимался пар.

– Эмальчик, – вызвал Гай-до катастрофиста, – вижу Стеговию. Вижу перемены. Что случилось?

– Климат изменяется к лучшему, – ответил катастрофист. – Можно возвращать динозавров.

– Но что случилось?

– Опускайтесь на старом месте, – ответил Эмальчик, – я буду вас ждать.

Гай-до разбудил Пашку и Алису.

Он пересказал им разговор с катастрофистом. Спасатели прильнули к иллюминаторам.

– Я знаю, – сказал Пашка. – Он устроил гигантское извержение вулкана!

– Нет, – возразил Гай-до. – Никаких извержений не зарегистрировано. И вообще, после извержений вулканов становится не теплее, а холоднее, потому что пепел закрывает путь солнечным лучам.

– Что же это? – размышлял вслух Пашка, отмахиваясь от жабы, которая прыгнула ему на макушку и пыталась откусить ухо.

Гай-до резко снизился и опустился у обрыва на берегу озера.

Там текла мирная жизнь. Динозавры гонялись друг за другом, старательно пожирая слабых и удирая от сильных.

В траве по колено стоял Эмальчик. Он улыбался – рот до ушей.

– Как долетели? – спросил он.

Алиса приоткрыла люк.

– Здесь тепло, – сказал Эмальчик. – Двадцать пять в тени. Завтра будет еще теплее.

Алиса и Пашка спрыгнули в траву.

– Но послезавтра не станет холоднее? – спросил Пашка.

– Ни в коем случае! – ответил катастрофист. – Катастрофа уже произошла.

– Какая катастрофа? – спросила Алиса.

Маленький рыжий Эмальчик показал железную палку, которую держал в руке.

– Что это? – спросил он.

– Железная палка, которую вы вчера взяли в моей кладовке, – ответил Гай-до.

– Ничего подобного, – возразил Эмальчик. – Это самый настоящий рычаг. У меня был рычаг, я нашел ночью точку опоры и немножко перевернул эту планету. Теперь она возвращается на старую орбиту.

– Как? – изумился Пашка. – Вы не шутите? Вы это сделали один?

– Кроме меня, на планете не оставалось ни одного разумного существа, – сказал Эмальчик. – И ведь дело не в размере рычага и усилия. Дело в том, чтобы найти нужную точку. А у меня, как у самого талантливого катастрофиста, есть чутье на такие штуки.

Он направился к Гай-до и открыл люк.

– С вашего разрешения, положу рычаг на место. Больше он нам не пригодится.

Но тут из открытого люка живой рекой хлынули пнуты, крейсерозавры, птицеящеры, жабы, змеи, лягушки, тритоны, птеродактили... Они сбили с ног и погребли под собой перепуганного катастрофиста.

Когда они промчались мимо и разбежались в поисках родителей, Пашка помог катастрофисту подняться.

– Как же так? – спросил он. – Вы знаете о катастрофах, но не знаете, когда катастрофа приключится с вами.

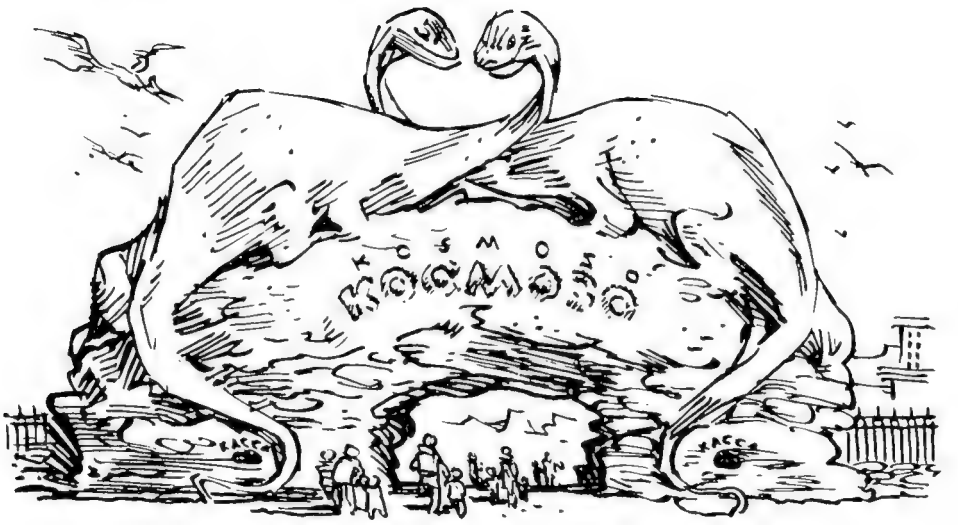
– Да, это большой недостаток, – согласился катастрофист. – Над этим я еще должен много работать. Угостите меня чаем, а то я всю ночь был на ногах, искал эту противную точку опоры...

Алиса приготовила чай, а Гай-до тем временем вытаскивал яйца и выкладывал их на траву. Со всех сторон сбежались динозавры и земноводные существа. Они искали своих детей и, найдя, счастливые убегали, прижимая наследников к груди.

За чаем Алиса рассказала катастрофисту, как они перепугались, когда начали выводиться динозавры, а катастрофист рассказал, как он возвращал планету на старую орбиту.

Потом катастрофист уронил и разбил любимую чашку Алисы.

И они полетели домой, на Землю.



Сыщик Алиса

Глава первая
КОЛЕСА ДЛЯ БОГОМОЛА

Если ты приходишь домой и тебе надо делать уроки, то во дворе обязательно светит солнце, в городе открылась Ярмарка Чудес, Пашка Гераскин, который делает только то, что ему хочется, зовет тебя купаться на остров Родос, а марсианский богомол так скрипит старыми суставами, что хочется убежать на Северный полюс.

– Поля! – крикнула Алиса, кидая ранец с компьютером в угол. – Поля, куда ты задевался?

Робот – домашний работник по имени Поля, оказывается, давно уже стоял в дверях, укоризненно склонив набок железную голову. И где только он научился так склонять голову?

– Вы меня звали, госпожа? – спросил он.

В последние годы робот читал только дамскую литературу, предпочитая романы о графинях, которые безнадежно влюбляются в недостойных баронов, в то время как благородные маркизы вздыхают в оранжерее. И хоть все смеялись над увлечением робота, разубедить его в том, что

дамская литература никак не относится к настоящей жизни, было невозможно. И больше всего он страдал от того, что не умеет плакать. Ведь героини его любимых романов буквально не просыхали от слез. Однажды он даже намазал себе слезы подсолнечным маслом и был посрамлен жестокосердными хозяевами.

– Виконт, – сказала Алиса роботу, понимая, что такое обращение – самый прямой путь к сердцу Поли. – Не будете ли вы так любезны придумать, чем смазывают суставы старых марсианских богомолов, чтобы они не мешали людям делать уроки?

– Давайте я сделаю уроки за вас, графиня, – ответил великодушно робот. – В последний раз.

– Благодарю вас, я сама, – сказала Алиса. – Так чем смазывают суставы богомолам?

– Попрошу не издеваться, – вмешалось в разговор полуметровое насекомое, пытаясь спрятаться под кровать. – Если я одинокое существо, заброшенное судьбой на чужую планету и вынужденное проводить остаток дней в плену у двуногих, это не означает, что по мне можно ходить ногами!

– Я же хочу сделать как лучше! – воскликнула Алиса. – Ты не будешь скрипеть. От этого выиграешь и ты, и все человечество.

– Суставы у меня внутри, – сказал богомол. – Вы что же, резать меня намерены?

– Тогда уходи! – приказала Алиса. – И ты, Поля, уходи. Все уходите и оставьте меня в покое. У меня завтра контрольная по математике.

– Пойдем, – сказал робот богомолу.

Богомол покорно пошел за роботом, и Алисе было слышно, как робот рассуждает вслух:

– Может, в тебя шприцем масло впрыснуть?

– Я не переношу боли, – отвечал богомол.

– Вот уж не думал, что ты ее чувствуешь, – сказал робот. – Я в прошлом месяце тебе нечаянно ногу отломил, ты когда это заметил?

– Я заметил сразу, – сказал богомол, – но сказал на следующий день. Не хотел тебя расстраивать.

– Врешь, – сказал робот.

Они миновали коридор и скрылись на кухне.

Теперь ничего не мешало приниматься за уроки. Кроме лени.

И Алиса стала колдовать, чтобы началось землетрясение, чтобы школу смыло приливной волной цунами, чтобы грянул мороз тридцать граду-

сов и занятия отменили. Она колдовала и понимала при этом, что такое колдовство – пустая трата времени.

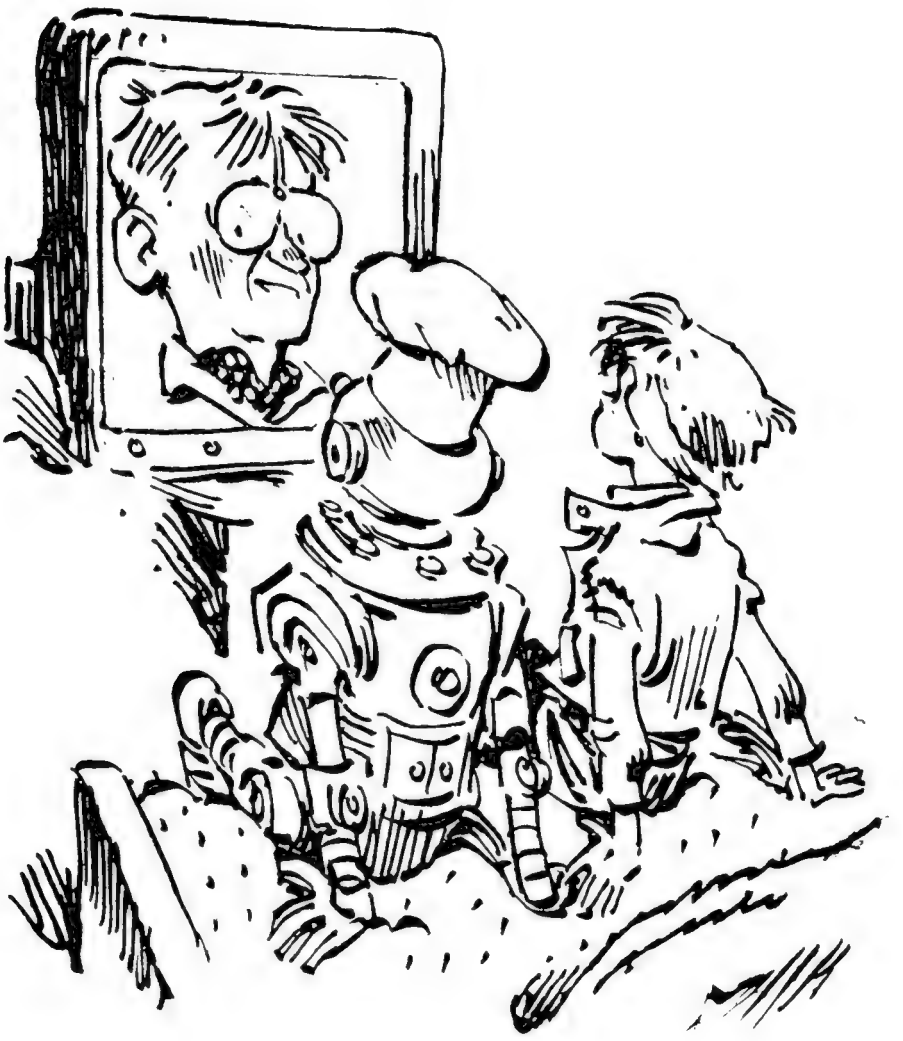
Тогда, загадала Алиса напоследок, пускай сейчас зазвонит видеофон и папа попросит ее срочно приехать в Космозо.

Космозо – это космический зоопарк, он расположен в Москве, а Алисин папа, профессор Селезнев, – директор этого зоопарка.

Но с чего бы профессору Селезневу звонить дочери, если она сейчас сидит у компьютера и делает уроки.

И в этот момент зазвонил видеофон.

На экране появилось лицо профессора Селезнева.



– Алиса, – сказал он. – Что нового в школе?

У Алисы язык отнялся от неожиданности. Вот не думала, что удастся заставить папу позвонить!

– В школе все хорошо, – ответила Алиса.

Тут вошел робот Поля и, увидев, что Алиса разговаривает с отцом, заявил, становясь в поле зрения профессора:

– Вот вас мне и нужно!

– Что еще случилось?

– Ваша дочь, – сказал домашний робот, а сокращенно домработник Поля, – высказала неудовольствие по поводу того, что у ее марсианского богомола слишком громко скрипят суставы. Я обследовал богомола и понял, что смазать суставы не удастся, потому что они покрыты хитиновым покровом. Тогда у меня появилось предложение: а что, если отломать все ноги у богомола, а вместо них сделать колеса?

– И как же богомол? – Профессор Селезнев старался сдержать улыбку. – Он согласен на такую операцию?

– Он не заметит, – сказал робот. – Мы обломаем ему ноги во сне. И когда он проснется, то все будет кончено. У него будет шесть пар колес на резиновых шинах.

Алисе показалось, что робот даже надулся от собственной сообразительности. Поля относился к породе ученых дураков, которые встречаются и среди людей. Такие ученые дураки лишены чувства юмора. Им рассказываешь что-нибудь смешное, а они смотрят на тебя совершенно серьезно и спрашивают: а что тут смешного? Причем так строго спрашивают, что начинаешь думать: может, и в самом деле на свете нет ничего смешного. Такие люди бывают очень опасными.

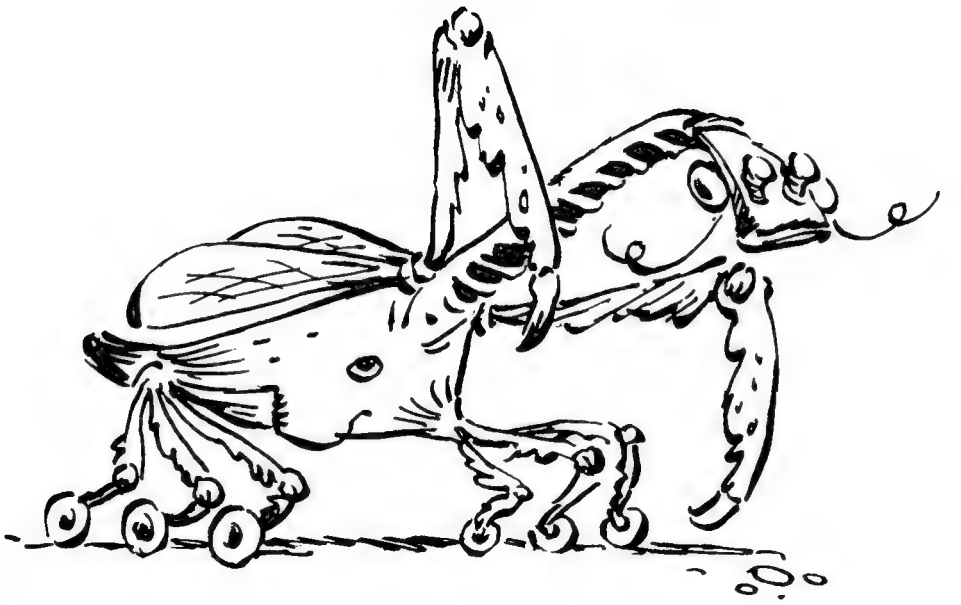
– Хорошая идея, – согласился Селезнев и обратился к Алисе: – Ты уж присмотри за своими друзьями, а то богомол занесен в межпланетную Красную книгу.

– Отлично, – согласилась Алиса. – А богомол на колесиках будет еще более редким насекомым. – Но ей тут же пришлось бежать за роботом. Он, оказывается, решил, что получил согласие людей на операцию над богомолом.

Алиса вернулась к экрану и спросила отца:

– Что у тебя случилось?

– Я жду гостя, – сказал Селезнев. – Это твой знакомый. Ты не хочешь присутствовать при нашем разговоре? Думаю, тебе будет интересно.



– Конечно, – ответила Алиса и поскорее отключила видео, чтобы отец не заметил, какое у нее счастливое лицо. Ее колдовство удалось! Можно не делать уроков.

У Алисы было предчувствие, что ее ждет новое приключение, а она с раннего детства и недели не может прожить без приключений.

И она собралась так, словно намеревалась отправиться в поход: вынула из хлебницы свежий бублик, повторила просьбу роботу не дотрагиваться до богомола, который уже залез от страха под буфет, оставила записку маме, что к ужину обязательно постарается вернуться домой, и поспешила к остановке автобуса.

Автобус стоял на Арбатской площади. Это был автобус мгновенного действия. Через сто лет в городе люди будут в основном ездить на таких автобусах. Ты входишь в его заднюю дверь, проходишь по салону и выходишь в переднюю дверь. Если ты не ошиблась автобусом, то передняя дверь ведет к площади перед Космозо.

День был будний, и посетителей в зоопарке было не много. Даже места на стоянке флаеров перед входом можно было отыскать без труда.

Алиса прошла в ворота Космозо, напоминавшие вход в пещеру, в полутьме засверкали самоцветы, над головой зажегся, встречая посетителей, зеленый, в искорках, свет, который излучали Изумрудные лишайники,

привезенные когда-то с астероида Ветерок. Миновав короткую пещеру, девочка оказалась в удивительном, привычном с детства, волшебном мире космического зверинца.

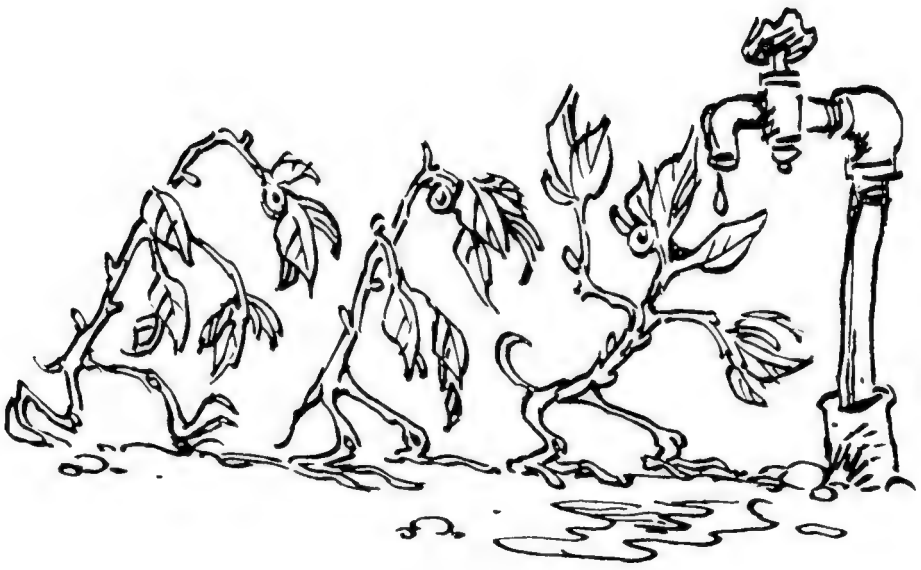
Алисе конечно же не терпелось узнать, какого неожиданного гостя ждет ее отец, но она не могла отказать себе в удовольствии пройти мимо клеток, где вольготно чувствовали себя обитатели дальних планет, которых специальные экспедиции давно уже привозят на Землю.

За стеклом, в жаре пустыни, под искусственным солнцем, жарились живые кустики, порой вырывая из песка корни, чтобы подойти к крану и напиться. А вот целое семейство индикаторов – пушистых добродушных зверьков, которые меняют цвет в зависимости от настроения. На лужайке возле круга, где катал детей добродушный розовый дракончик, мирно паслись два склисса. Коровы как коровы, никогда не подумаешь, что они умеют летать. Но при виде Алисы склиссы заволновались, принялись мычать, побежали к ней, раскрыв прозрачные стрекозиные крылья...

К сожалению, у Алисы не хватало времени повидаться со своими знакомыми, но все же она сделала небольшой крюк и заглянула к пруду.

– Э-ге-гей! – крикнула она. – Вылезай, соня! Я тебе бублик принесла.

И в ответ на ее крик вода посреди пруда расступилась, спугнув гусей и казарок, и показалась голова ящера. За головой последовала шея, которая все поднималась, поднималась над водой и никак не кончалась, так что, не покидая середины пруда, колоссальный бронтозавр смог до-



тянуться губами до стоявшей на берегу Алисы и, вытянув вперед мягкие розовые губы, взять у нее из рук свежий бублик. В знак благодарности бронтозавр прикрыл белой пленкой черные глаза и снова ушел в глубину, спать и думать. Хотя до сих пор никто не знает, о чем думают бронтозавры.

От пруда всего два шага до похожего на раскрытую ракушку здания дирекции. В ракушке помещается не только дирекция, но и госпиталь для зверей, лаборатория и центр наблюдения, ведь за космическими животными приходится следить круглые сутки – мало ли что может произойти. И порой решают дело секунды.

Пройдя по коридору, Алиса толкнула дверь, на которой была маленькая металлическая пластинка:

Проф. СЕЛЕЗНЕВ
ДИРЕКТОР

Папа был один. Он сидел перед компьютером, по экрану бежали ряды мелких цифр.

– Алиса, – не оборачиваясь, сказал профессор. – Садись и жди. Я буду занят еще две минуты.

Алиса конечно же не стала садиться. Она принялась разглядывать свои любимые фотографии на стенах кабинета. Там были изображены чудесные животные, а также виды планет, на которых папе приходилось бывать. А вот и фотография космического корабля «Пегас». Когда-то в раннем детстве, может тысячу лет назад, Алиса вместе с папой и капитаном Полосковым летали на нем в космос, и она там впервые столкнулась с космическими пиратами...

Алиса собралась рассказать папе, что ей недавно пришлось встретиться с пиратами вновь, но только она открыла рот, как дверь без стука распахнулась и в комнату как ураган ворвался маленький, поджарый, быстрый, даже стремительный человек с вьющимися, словно проволочными, волосами, большим орлиным носом и яркими светящимися глазами. Он был таким загорелым, словно провел отпуск на Гавайских островах. Но Алиса, которой и раньше приходилось видеть этого человека, знала, что комиссар ИнтерГалактической полиции Милодар проводит все свое свободное время под двухкилометровой толщей льда, потому что его кабинет лежит возле Южного полюса.

– Здравствуйте, привет! – воскликнул комиссар Милодар. – Вам привет, профессор Селезнев, и тебе привет, отважная девочка Алиса.

У комиссара была отличная память на лица.

Отец оторвался от компьютера и протянул комиссару руку.

– Садитесь, – сказал он.

– Рук не пожимаем! Это негигиенично. Мне семья не позволяет! – заявил Милодар, но на самом деле комиссар говорил неправду. Дело в том, что он очень берег себя, потому что считал, что без него вся работа ИнтерГалактической полиции на Земле развалится. Его надо беречь. А как берегут комиссаров? Их держат в кабинетах, а на все встречи и даже опасные задания вместо них посылают великолепно сделанную голографическую копию. Комиссар сидит сейчас в своем кабинете подо льдами Антарктиды, а его копия пришла в кабинет Селезнева и не хочет пожимать рук, так как тогда профессор сразу догадается, что перед ним не комиссар, а только его копия.

Но, видно, профессор Селезнев об этом догадался. Он не стал пожимать руку комиссару. Вместо этого он спросил:

– Чем мы обязаны вашему визиту?

– А вам сегодня никто ничего не рассказывал?

– Нет.

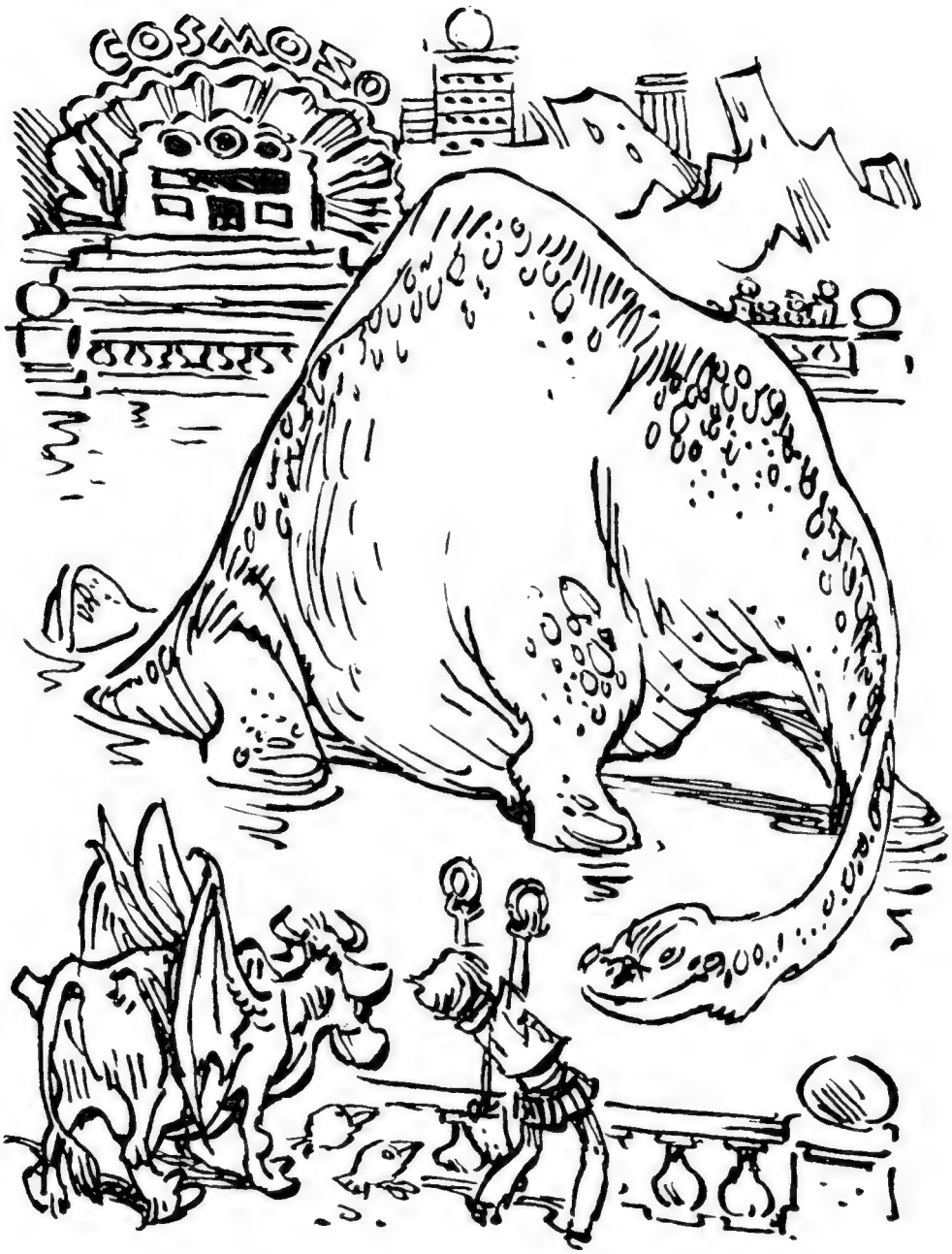
Комиссар встал посреди кабинета, уперев руки в бока.

Алиса и Селезнев стояли перед ним. Никто не садился.

– Это очень странно, – заметил комиссар.

– Комиссар Милодар, – попросила Алиса, которая совершенно не стеснялась комиссара, – почему вы говорите загадками?

– Я не загадками говорю. Я подозреваю вашего папу в утаивании важной информации.



Колоссальный бронтозавр смог дотянуться губами до стоявшей на берегу Алисы и, вытянув вперед мягкие розовые губы, взять у нее из рук свежий бублик.

– Что? – удивилась Алиса.

– А вот что: вчера из этого зоопарка кто-то сбежал. Не будем уточнять кто. Сегодня ваш папа, Алиса, узнал, что в зоопарке на одного жильца меньше. Но он не решился рассказать об этом нам, полицейским, и надеялся поймать чудовище сам.

– Это чистой воды чепуха! – возразил профессор Селезнев.

– Если чепуха, то откуда взялась эта страшная угроза всему человечеству? – Комиссар щелкнул пальцами, и у него в руке, как у фокусника,

появилась подвижная цветная фотография, видеокадр, который в просторечии называют викадом.

На фотографии было изображено нечто совершенно странное и даже отвратительное.

Представьте себе пруд или озеро, наполовину заросшее тростником. На дальнем высоком берегу видны осины и елки.

Почти из середины пруда, высунувшись по пояс, на зрителя глядело противное бледно-голубое существо размером чуть побольше толстого человека. Существо это было не то что толстым, но очень тугим и мутным, каким бывает надутый рыбий пузырь.

Головой существо напоминало моржа, если бывают голубые моржи, без ресниц и бровей, с седыми усами и слюнявым ртом. А вот клыками природа это чудище наградить забыла.

Без видимых усилий существо поднялось над водой, так что показался его толстый белый живот, и начало хлопать по поверхности пруда пухлыми ладонями с перепончатыми пальцами, которые заканчивались длинными загнутыми когтями.

Затем водяной толстяк медленно погрузился в зеленую воду и выпустил один за другим несколько больших пузырей воздуха.

Милодар кинул викад на стол, и фотография проехала немного по его плоскости, затем ударилась в настольный календарь и замерла. Это было странно, потому что голограмма комиссара не должна была раскидывать во все стороны настоящие викады.

– Что вы на это скажете? – спросил Милодар.

– А что я должен сказать? – осторожно осведомился Селезнев.

– Не юлите, профессор. Это ваш зверь?

– Нет. У нас нет ничего подобного.

– Он сбежал из этого зоопарка?

– У нас никогда не было таких зверей... и сотрудников.

– Алиса, – Милодар обернулся к дочери профессора, – ты подтверждаешь слова отца?

– Почему вы не доверяете мне, комиссар? – спросил профессор, останавливая готовую ответить Алису.

– Я всем доверяю, – ответил Милодар, – но я всем и всегда повторяю: у меня не бывает просто разговоров с людьми, у меня бывает только перекрестный допрос. Даже когда я ложусь спать со своими женами.

– У вас несколько жен? – удивилась Алиса.

– Только две, – ответил Милодар, – и тебе рано об этом знать. К тому же здесь спрашиваю я. Тебе знакомо это чудовище?

– Нет, – сказала Алиса.

– Ты его видела в папином зоопарке?

– Нет!

– Но, может, оно само вывелось? Здесь столько нечисти, страшно войти.

– Во-первых, не страшно, – сказала Алиса. – А во-вторых, здесь нечисти совсем нет, а есть только животные. Вот вы нам показывали типичную нечисть. Я такого где-то видала. Наверное, в мультике, – сказала Алиса. – И он назывался водяным.

– Алиса, не путай комиссара Милодара! – взмолился профессор Селезнев. – Он просит опознать животное, а ты ему рассказываешь сказки.

– Любая информация нам, сыщикам, полезна, – возразил комиссар. – Не исключено, что мы имеем дело с каким-то розыгрышем. Ведь мы еще до конца не избавились от хулиганов и интриганов. Поэтому я попрошу Алису сообщить мне все, что она знает об этих водяных.

– Теперь я понимаю, почему комиссар попросил меня позвать тебя на нашу встречу, – сказал профессор. – Ему хотелось послушать сказки.

Милодар усмехнулся:

– Профессор, вы просто ревнуете. Вы думали, что если я прилетел к вам, то буду разговаривать только с вами. Но учтите, что из вашей дочери может выйти незаурядный сыщик. Мы с ней знакомы.

– Как же, как же! – вспомнил Селезнев. – Прошлой осенью Алиса встретилась с вами в пустыне Такла-Макан, когда пропал без вести профессор Лу Фу?

– Правильно! – подтвердил Милодар. – У вас великолепная память, профессор. Алиса тогда нам очень помогла. И я надеюсь, что она поможет правосудию снова. Честно сказать, когда я узнал о появлении этого голого голубого моржа в пруду возле деревни Тучково под Москвой, то я вспомнил, кто у нас главный специалист по чудовищам – профессор

Селезнев. И тогда хлопнул себя по лбу и воскликнул: а не родственница ли ему одна неглупая девочка Алиса? И в справочном бюро мне ответили: она его единственная дочь! Вот тогда я провидеофонил вам и попросил позвать на нашу встречу Алису. Всем все ясно?

Селезнев хмуро кивнул, а Алиса бодро ответила:

– Так точно, комиссар!

Комиссар Милодар, довольный произведенным на профессора впечатлением, подмигнул Алисе и принялся ходить по кабинету директора, заложив руки за спину.

Неожиданно он остановился и сказал:

– Господин профессор, я попрошу вас не грозить пальцем вашему единственному ребенку и не корчить страшных гримас. Она не совершила ничего плохого. И надеюсь, что еще сделает немало хорошего на ниве криминалистики.

– Я и не сержусь, – улыбнулся Селезнев.

– Тогда продолжим беседу, – сказал полицейский комиссар. – Алиса, будь любезна, помоги старику, расскажи, что ты знаешь об этих самых... водяных.

– Я знаю то же, что и все дети, – ответила Алиса. – То есть не очень много. В русских сказках и, наверно, в сказках других народов есть такие существа, которые называются нечистой силой, или нечистью. Я думаю, что они остались в наших сказках еще с тех древних времен, когда славяне были язычниками и верили в языческих богов, они думали, что лес и речки населены всякими мелкими злыми духами.

– Это так? – спросил Милодар у профессора Селезнева, словно никогда не читал сказок. И тут же он подтвердил опасения Алисы: – Должен признаться, что никогда не читал сказок. И не смотрел мультфильмов. В два года мне купили первый компьютер, а в шесть лет я распутал мое первое уголовное дело – об ограблении и убийстве старушки, которая жила в соседнем подъезде. Она давала людям деньги в долг под проценты. И ее убил один...

– Он зарубил ее топором? – спросил Селезнев.

Алиса видела, как папа с трудом удерживается от смеха.

– А вы откуда знаете? Читали? – спросил Милодар.

– Если фамилия убийцы Раскольников, то я читал эту историю у знаменитого писателя Достоевского, – сказал Селезнев. Он явно потешался над гостем.

Но Милодара не так-то легко было сбить с толку.

– Нет, – сказал он уверенно. – Молодого человека звали Карамазовым... С тех пор я стал помогать полиции, в четырнадцать лет был зачислен в штат полицейского участка и получил звание младшего сержанта. Продолжай, Алиса, рассказывай нам о вере древних славян.

– Древние люди считали, что в лесу живут лешие и Баба Яга – костяная нога. На деревьях сидят соловьи-разбойники, в воде прячутся водяные и русалки...

– О русалках я слышал, – перебил Алису Милодар. – Попрошу конкретнее, что мы знаем о водяном?

– Очень мало, – призналась Алиса. – Я слышала, что водяной утаскивает к себе в подводное царство тех, кто ему понравится... Папа, а что ты знаешь о водяном?

– Забыл, – признался Селезнев. – Может быть, водяной действительно похож на того толстяка, которого нам сейчас показали. Но, насколько я знаю, все, кто его видел, потонули. К тому же по долгу службы я не верю в сказки и вам, комиссар, не советую.

– Скудно, – сказал Милодар.

– А вы поглядите в библиотеке, – предложила Алиса. – Там, наверное, есть сборник сказок.

– Некогда, некогда мне по библиотекам бегать! – воскликнул Милодар. – Может быть, это вовсе и не водяной, а какое-нибудь чудовище, которое сбежало от вас. Только вы боитесь мне об этом рассказать.

– Клянусь вам...

– Не клянитесь. Наверняка вы знаете этих гадов, которых здесь содержите. А теперь поехали!

– Куда поехали? – удивился Селезнев.

– На пруд в деревне Тучково, – ответил Милодар таким тоном, что никто не посмел ему перечить.

Глава вторая
ВОДЯНОЙ В ПРУДУ

У входа в корпус-ракушку стоял синий полицейский флаер. В нем сидела девушка в форме сержанта ИнтерГалактической полиции.

Милодар куда-то исчез.

– Скорей, – крикнула девушка, – комиссар Милодар ждет нас у пруда!

Удивительное дело, ведь Алиса – девочка-наоборот: ее можно попросить, но ей нельзя приказывать. А вот Милодар умеет приказывать так, что все вокруг слушаются, даже когда знают, что он совершенно не прав.

Флаер мгновенно взлетел над Москвой, набрал скорость и помчался на запад, где в семидесяти километрах от города, возле дачного поселка, в пруду нашли неизвестное существо.

– Скажите, – спросил профессор Селезнев у девушки, которая вела флаер, – а кто нашел этого водяного?

– Кого? – не поняла девушка-сержант.

– Водяного, – сказала Алиса. – Кто нашел голое голубое чудовище, на которое мы летим смотреть?

– Ах, вы о нем! Мы его прозвали голопузик... Этого голопузика увидели дачники Вундермахеры, которые пришли вчера днем купаться в пруду.

– Разве не холодно? – удивился Селезнев. – Ведь сентябрь кончается.

– Они закаленные, – пояснила девушка. – Они зимой в проруби купаются. Спортсмены мирового класса! Они взяли с собой спаниеля. Дачники задержались, а собака полезла в воду. И когда сам Вундермахер хотел тоже нырнуть, он услышал страшный визг. Вундермахер не стал нырять, а посмотрел вперед и увидел, что его любимую собачку схватил отвратительный голубой голый толстяк, который вылез по пояс из пруда. Тогда господин Вундермахер не испугался, взял рогатку...

– Что взял? – удивился профессор Селезнев.

– Господин Вундермахер – экс-чемпион мира по стрельбе из рогатки по движущимся целям, – пояснила девушка-сержант. – Он не расстается с рогаткой, потому что рассчитывает на матч-реванш с До Ди Джо.

Алисе хотелось спросить, кто такой До Ди Джо, но важнее было узнать, чем кончился поединок на тучковском пруду.

– Господин Вундермахер вынул рогатку и выстрелил в чудовище. Чудовище схватилось за глаз, куда попал заряд из рогатки, и отпустило собачонку, жизнь которой была спасена. Господин Вундермахер успел сделать снимок чудовища, прежде чем оно окончательно скрылось под водой. После возвращения домой господин Вундермахер срочно связался с полицией, которая в лице старшины Потапенко прибыла на флаере к пруду. Милицейскому наряду удалось разглядеть сверху неизвестное существо голубого цвета, однако милиционеры не стали принимать меры по отлову существа... А, вот мы и прилетели!

И в самом деле, внизу показался пруд, наполовину заросший осокой, за ним начинался лесок, на краю которого стояли дачи.

У одного из домиков были видны люди. Они махали руками, привлекая внимание пилота флаера. Алисе было слышно, как в наушнике раздались слова:

– Снижайтесь у крайней дачи. Вы нас видите?

– Вижу, – ответила женщина-сержант, и флаер резко пошел вниз.

Милодар был среди встречавших – голограмме расстояние не помеха. Он встретил Алису и ее папу, словно был гостеприимным хозяином этих мест.

– С прилетом, с прилетом! – воскликнул он. – Знакомьтесь. Вот это господин Вундермахер, это спасенная им вчера собачка Джерри, а вот это его жена.

– Знакомьтесь. Вот это господин Вундермахер, это спасенная им вчера собачка Джерри, а вот это его жена.

К удивлению Алисы, господин Вундермахер оказался скромным молодым человеком, очень высоким и стесняющимся своего роста, отчего даже сутулился, а его жена была очаровательной смуглой женщиной с большими, черными, чуть раскосыми глазами на скуластом лице. Но на этом чудеса не кончились.

Господин Вундермахер протянул Алисе руку с очень длинными, но сильными пальцами и представился:

– Алеша Чудодеев.

– Как? – удивилась Алиса.

– Вундермахер – это перевод моей фамилии на немецкий язык. Так меня в шутку называют мои коллеги по стрельбе из рогатки на международных соревнованиях. Им понятнее и звучит громче.

Сказав это, Алеша покраснел как морковка. Он отвел глаза, будто признался в грязном преступлении.

– Ничего, – постаралась одобрить его Алиса. – Вы еще вернете себе звание чемпиона и разгромите в честном бою этого ничтожного До Ди Джо.

Милодар зашелся в припадке кашля, а Алеша покраснел еще больше, словно вымазался вишневым соком.

– Мою жену... – промолвил он, – мою любимую жену зовут До Ди Джо. Мы полюбили друг друга на прошлом первенстве мира и теперь вот второй месяц как поженились и вместе готовимся к соревнованиям. Вы не представляете, какой высокий уровень соперничества в нашем спорте!

– Ах, простите, – смутилась Алиса. – Я не могла догадаться, что в вашем виде спорта женщины и мужчины выступают вместе.

– И мы, женщины, выступаем намного лучше, – прошептала До Ди Джо. – Заходите внутрь, я вам покажу мою коллекцию рогаток. Мой папа и моя мама, которые ввели меня в мир большого спорта, собирали народные рогатки по всему свету.

– К сожалению, время не ждет, – отрезал Милодар. – Ведите нас к пруду. Я должен показать специалистам чудовище, которое там поселилось.

Они пошли по тропинке под сенью пожелтевших осин и изумрудных елок, вокруг шумела листва, из редкой травы поднимались оранжевые шляпки подосиновиков. Вот бы сейчас взять корзинку...

Алиса слышала, как ее отец разговаривает с Милодаром.

– Мне это дело сразу из районной милиции перекинули, – говорил комиссар. – Что-то инопланетное, что-то загадочное, сказали они, – не наше дело! Нам и слонов хватает.

– Слонов? – удивился Селезнев.

– Здесь неподалеку, в Яхроме, – сказал Милодар, – есть слоновья ферма. Разводят слонов для зоопарков, цирков, домашних зверинцев и для лесозаготовок на крутых склонах. Так эти слоны, как им скучно станет, разламывают загородку, убегают и бродят по окрестностям, выпрашивают пищу, а то и огороды разоряют.

– А там, на ферме, вы проверяли? – спросил Селезнев.

– Вы думаете, где слон, там и водяной?

– Ничего я не думаю, – сказал Селезнев. – Но там могли вести генетические опыты, то есть выводить новые породы слонов.

– Нет, – задумчиво ответил Милодар, – тот голубой толстяк совсем не похож на слона.

Алиса поглядела в другую сторону. Экс-чемпион мира и чемпионка шли, держась за руки, а спаниель по кличке Джерри бежал перед ними. Алиса обратила внимание на то, что у молодоженов к поясам прикреплены кобуры, словно для пистолетов. Там же рогатки!

Впереди между деревьями показался пруд. Но тут Вундермахеры-Чудодеевы остановились, потому что начали спорить.

А вот и пруд. Поверхность его, не больше ста метров в диаметре, была совершенно гладкая, и было заметно, что большей частью он совсем мелкий, так что для водяного почти не остается места.

– А ну-ка, – попросил Милодар командирским голосом, – кто из вас, рогаточников, вызовет его на поверхность воды?

Алиса увидела, что женщина-сержант, которая привезла их сюда, стоит в трех шагах позади и в руке ее – пистолет. Полиция не желала рисковать.

Алеша вынул из кармана круглый шарик размером с вишню и, взяв большую эмалированную рогатку, натянул ее тугую резинку... Снаряд со свистом разрезал воздух и косо вошел в воду, почти не подняв брызг.

– Попал, – сказал Алеша.

И тут же вода в центре пруда заволновалась, из нее выскочила большая жаба и, прикрывая передней лапкой глаз, куда угодила вишенка, поплыла брассом к берегу.

– Не тот, – сказал Селезнев.

– Еще неизвестно, – возразил комиссар. – Не исключено, что ваш так называемый водяной может менять облик. Никогда не расслабляйтесь. Алисочка, крохотулечка, поймай, пожалуйста, жабочку. Ведь ты не боишься жаб?

– Не боюсь, – улыбнулась Алиса. Оказывается, когда комиссару что-то нужно, у него даже голос меняется.

Она обежала пруд, пробралась сквозь прибрежные кусты и погналась за жабой, которая сидела, держась за глаз, но при виде Алисы тяжело запрыгала прочь.

Удивительный человек этот Милодар, думала Алиса. Ведь если водяной – оборотень, то тогда Алисе может грозить опасность. Вот превратится сейчас жаба снова в водяного и перекусит Алису пополам... Алиса даже замерла, не решаясь схватить жабу.

Это сделал за нее папа. Видно, его посетили такие же мысли. Профессор Селезнев догнал Алису. Он не хотел, чтобы водяной перекусывал его дочь пополам.

– Зря испугались! – закричал с того берега Милодар. – Вы у меня все под прицелом. Если бы он сожрал Алисочку, ему бы не поздоровилось.

– С некоторым опозданием, – заметил Селезнев, которому Милодар не нравился. Профессор не выносил хвастунов. А ведь, несмотря на многие положительные качества, в Милодаре немало хвастовства и фанфаронства.

Селезнев держал жабу двумя пальцами за шею. Она опустила ноги и висела неподвижно.

– И каково ваше мнение, профессор? – спросил Милодар.

– Мое мнение, что это самая обыкновенная жаба.

Тогда Милодар обернулся к Алеше и приказал:

– А ну, чемпионы, попробуем еще раз!

Женщина-сержант предложила:

– Давайте я поднимусь на флаере. Сверху виднее.

– Подожди, может, все-таки мы его выманим.

Следующей стреляла хрупкая До Ди Джо. Ее шарик также вонзился в воду, но никто оттуда не выпрыгнул.

– Не надо поднимать флаер в воздух, – сказал тогда Милодар. – Я сам посмотрю.

Он грустно вздохнул и признался:

– Ненавижу холодную воду.

После этого Милодар пошел к пруду и шаг за шагом, раздвигая стебли осоки, погрузился сначала по пояс, потом по шею, потом с головой. И гладь пруда даже не шелохнулась.

– Что он делает? – воскликнула До Ди Джо. – Он же простудится! Его загрызет чудовище!

«Странная женщина, – подумала Алиса. – Сначала думает о простуде, а только потом о смерти».

Но Алиса, в отличие от остальных, совершенно не боялась за нос и горло Милодара. Ведь в пруд пошел не сам комиссар, который спокойно сидит у себя в кабинете под ледовым щитом Антарктиды, а его голограмма, которая не может простудиться. И вообще не было никакой

нужды стрелять по воде из рогатки и мучить несчастную жабу, которой грозит остаться без глаза, если ты можешь отправить на разведку свою голограмму.

Милодара не было минуты две. Из глубины пруда поднялось к поверхности облако рыжего ила. Наконец показался Милодар.

– Никого, – сообщил он. – Совершенно никого, если не считать головастиков, личинок стрекоз и жуков-плавунцов. Куда делся водяной? Может, его и не было? – Рассуждая так, Милодар вылез из пруда.

– Как так не было! – возмутился Алеша. – А кого же я тогда фотографировал? Кто мою собачку чуть не съел?

При этих словах Джерри заскулил, будто его и на самом деле вот-вот сожрут.

– Мало ли кого вы фотографировали! – ответил Милодар сердито. И понятно было отчего. Возникла неизвестная опасность. Может быть, инопланетная, может быть, даже для всего человечества. – А когда мы приезжаем, чтобы эту нечисть посадить в аквариум и изучать, оказывается, что пруд совершенно пуст. Значит, чудовище уже ползает по лесу?

Комиссар больше в воду не полез. Он делал вид, что страшно промок и устал. Но Алиса, которая стояла к нему ближе прочих, отлично видела, что одежда его совсем сухая.

– Кстати, – спросил он, отступая назад, чтобы никто не мог до него дотронуться. – Кто-нибудь заметил у него ноги или там какой-нибудь хвост?

Все молчали. Милодар еще раз спросил об этом у Алисы, видно считая ее экспертом по русским чудесам.

– Я думаю, что у него хвост, как у русалки, – сказала Алиса, хотя не была в этом уверена. – Я где-то читала, что русалки – его дочки.

– А может, он зарылся глубоко в ил и сидит? – предположил Милодар.

– И вы его не нашли? – спросила чемпионка мира.

– Если я туда лазил и чуть не простудился, – спохватился Милодар, – то от меня не смог бы спрятаться даже гвоздь!

– Ну, если гвоздь... – произнес профессор Селезнев так, что только полное отсутствие чувства юмора спасло комиссара от глубокой обиды.

Милодар молча обозревал пруд, надеясь, видно, что водяной мог затаиться в осоке.

Алеша спросил:

– А купаться можно?

– Купаться погодим, – ответил Милодар. – Пока не будет уверенности.

– Нам пора, – сказал профессор Селезнев. – Не до вечера же нам ждать появления вашего фантома.

– Вы ставите под сомнение?.. – снова обиделся Алеша.

– Нет, я только хочу сказать, что водяной таинственно появился и так же таинственно исчез, и мы хотели бы, чтобы милая девушка – сержант милиции отвезла нас обратно в Космозо, – сказал профессор.

Милодар глубоко вздохнул, с трудом признавая поражение. Потом махнул рукой, и этот жест девушка-сержант поняла правильно. Она отодвинула дверцу флаера, чтобы Селезневым было удобнее в него забраться. Они попрощались с рогаточниками мирового класса и через несколько минут возвратились в Космозо.

Отец отправился в обход – каждый день он обязательно проверял, как себя чувствуют его питомцы, не заболел ли кто из них, не скучает ли. Алиса, все еще помня о том, что дома ее поджидают уроки, упросилась в обход с отцом. Отец, как и все взрослые, не отличался проницательностью и не догадался, что его дочка была готова делать что угодно, кроме математики. Она поболтала немного с птицей говоруном, который сидел в открытой вольере. У говоруна две головы, он может летать между звезд, обладает сказочной памятью, но вообще-то существо безмозглое. Так вот, у говоруна была большая радость – он женился. Одна крупная попугаиха-какаду решила связать свою судьбу с космическим героем. Алиса познакомилась с невестой, пожелала птицам большого семейного счастья и много яиц, потом убрала в загоне у склиссов, насыпала корму невидимым рыбам и полюбовалась тем, как исчезает корм в их невидимых глотках.

Прибежали два кустика и пошли следом за Алисой, переступая корнями. Говорят, у кустиков долгая память – они уже несколько лет помнят, как Алиса их поила компотом. Потом девочка постояла возле аквариума, в котором живет многоклетка. Так некрасиво называют загадочное существо, которое недавно попалось охотникам за животными. Когда многоклетка спит или просто отдыхает, она рассыпается на много тысяч зеленых клеток, почти невидимых для глаза, но когда ей хочется поесть или возникает желание отправиться в гости в соседний аквариум, многоклетка собирается в единое существо, которое каждый раз придумывает себе новую форму. Чаще всего они повторяют то, что подсмотрели за день. То собираются в зеленую черепаху, то изобразят карикатуру на собственного служителя или на кого-то из зрителей. Но иногда много-

клетки вспоминают что-то из своей прежней, дикой жизни, и тогда может получиться весьма страшное существо. Правда, клеток не хватит на дракона или даже медведя, но зеленую кобру они собрать из себя могут. Только без ядовитых зубов.

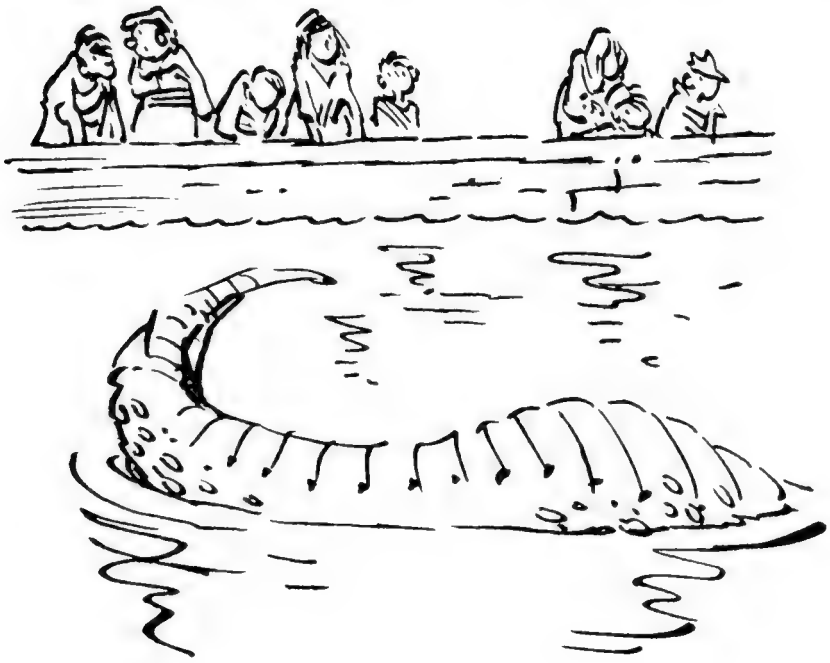
У пруда, лежа на мелководье брюхом к небу, динозавр чесал короткими передними когтистыми лапами светло-желтое пузо. Алиса подобрала швабру, оставленную служителем в загоне, перепрыгнула через барьерчик и крикнула динозавру:

– Бронтя, подплыви поближе.

Бронтя лишь шевельнул гигантским хвостом, и его обтекаемое тело медленно подплыло к берегу.

Алиса стала чесать шваброй брюхо своего любимца, а тот рычал от удовольствия так что желтые листья сыпались с деревьев.

Зрители, которых днем в Космозо немного, сначала помогали Алисе советами и веселыми возгласами, и даже уговаривали Бронтю съесть конфетку. Но когда бронтозавр чуть не вылез на берег, они отбежали на солидное расстояние и продолжали давать советы оттуда. А одна перепуганная исландка побежала в дирекцию с криком, что девочка попала в пасть бронтозавра. К счастью, она натолкнулась на профессора Селез-



нева и тот ее как-то успокоил. Он объяснил ей, что бронтозавр – старый друг Алисы, она спасла ему жизнь, когда он только-только вылупился из яйца. Может, исландка и поверила, но быстро ушла из зоопарка в планетарий, что поднимает неподалеку свой стометровый купол. Под этим куполом носятся ракеты и другие космические корабли, и дети в них чувствуют себя словно в настоящем космосе.

Потешившись с Бронтей, Алиса пошла к семейству питекантропа Геракла. Питекантроп раньше жил на детской биостанции на Гоголевском бульваре, но подрос, стал опасен для окружающих, потому что у него бывали приступы плохого настроения, к тому же он влюбился в самку гориллы, женился на ней и добровольно переехал в Космозо. У них с гориллой родился детеныш, и они страшно ссорились из-за того, что Геракл пытался учить ребенка русскому языку, который сам толком освоить не сумел, но мама-горилла была категорически против. Она хотела, чтобы ее сын вырос настоящей обезьяной, так как полагала, что обезьян на свете осталось мало и каждая на вес золота, а людей развелось слишком много.

Алиса немного послушала спор родителей, причем Геракл пытался выговаривать человеческие слова, а его жена только рычала и повизгивала в ответ. А детеныш питекантропа и гориллы носился по загону, качался на ветках деревьев и кидался в зрителей банановой кожурой.

У этого загона ее и отыскал отец.

– У меня к тебе есть один неделикатный вопрос, – сказал он.

Алиса почувствовала, как у нее сердце упало на желудок.

– Спрашивай.

– Неужели вам сегодня ничего не задали на дом?

– Папа, – строго ответила Алиса, потому что родителей полезно держать в строгости, чтобы не распускались. – Папочка, я лучше тебя знаю, когда мне делать уроки, а когда заниматься общественно полезным трудом.

– И какова же твоя программа действий?

– Я хотела с тобой попрощаться, у меня дома дела. Тебя ждать к обеду?

– Если ничего не случится, в шесть я буду дома.

Они распрощались, и Алисе уже ничего не оставалось, как садиться к проклятому компьютеру, который никогда не делает ошибок и другим не дает.

Глава третья
ГОСТИ ИЗ СКАЗОЧНОГО ЛЕСА

Следующий день не принес ничего нового. Загадка водяного в пруду так и не была разгадана, несмотря на то что Милодар приказал осушить пруд. Приехали несколько суперцистерн, в которые была перекачана вода вместе с мальками и головастиками, а когда всю тину выгребли и просеяли, воду с головастиками слили обратно. Никаких следов водяного конечно же не обнаружили.

Алиса забежала на биостанцию, где строили новый дом для жирафа Злодея, который был вовсе не злодеем, а добрейшей души животным. Никого из друзей там не было, и некому было рассказать о неудавшейся встрече с водяным.

Вечером Алиса собиралась пойти на Ярмарку Чудес, и мама обещала составить ей компанию, но вынуждена была улететь в Чили, где по ее проекту строилась гостиница и гигантский аквариум для китов и акул, –

мама Алисы – архитектор и редко бывает дома. Одной идти на Ярмарку не хотелось, хотя, как объявляли по телевизору, там собрались фокусники, обманщики, чудотворцы, кукольники и акробаты со всего мира.

Алиса посмотрела по телевизору старый фильм, а когда пришел папа, они сыграли несколько партий в быстрые шахматы. Так прошел вечер. Ничего не произошло особенного, если не считать пирога с абрикосами, который неплохо испек робот Поля, и ничто не предвещало завтрашних событий.

А события эти начались с неожиданного визита к Алисе комиссара Милодара.

Он появился в половине третьего, когда Алиса, вернувшись из школы, занималась уборкой.

Комиссар возник из воздуха посреди комнаты, наступил на кучку мусора, однако мусор не рассыпался, потому что это опять была голограмма, то есть комиссар был совершенно невесомым.

– Ну что же это такое! – воскликнула Алиса. – Вы врываетесь в чужой дом без разрешения. А что, если бы я была раздета?

– Ничего страшного, – рассмеялся Милодар. – Тогда бы я попросил тебя одеться. Но ведь ты одета? Тогда слушай – мне некогда здесь прохлаждаться. Положение серьезное и становится все серьезнее с каждой минутой!

Комиссар Милодар вытянул руку вперед и стал похож на памятник самому себе.

– Что случилось? – спросила Алиса, кладя на стол пачку книг. Она любила старинные книги, в переплетах и со страницами, из-за чего над ней всегда посмеивался Пашка Гераскин.

– Он снова возник, – сказал Милодар. – Нужна твоя консультация.

– Водяной?

– Нет, сама смотри!

Милодар протянул Алисе маленький, любительский, викадик, какие делают папаши семейств на пикниках или на экскурсии в Мексику. Изображение трудно было разглядеть – видно, камера от страха прыгала в руках снимавшего.

– Ничего удивительного, – сказал Милодар. – Они бежали от нее километра три. Только в поле им удалось оторваться. Вставь в компьютер и увеличь стоп-кадр.

Алиса послушалась его.

На большом дисплее появилось изображение. Компьютер очистил его от всего лишнего, сфокусировал, и картина, представшая взору Алисы, оказалась в самом деле зловещей.

Это была старуха. В рваном платье, которое за последние сто лет никто не стирал и не штопал. Главной чертой сморщенного безгубого лица был нос, который свисал к верхней губе и встречался там с длинным желтым зубом из нижней челюсти. В худой когтистой руке старуха держала метлу. Одна ее нога была обыкновенной, а вместо второй торчала голая кость, будто бабушка взяла ногу напрокат у скелета, что стоит в Алисиной школе в биологическом кабинете.

– Ты можешь представить, – заговорил Милодар, – как перепугалось мирное семейство Пуделей.

– Пуделей?

– Не собак пуделей, а семейство по фамилии Пудель!

– Я слышу, не нужно кричать.

– Когда мирное семейство Пуделей встретило этих чудовищ в лесу, оно бежало без оглядки...

На викаде были видны облака, вершины деревьев, трава под ногами – все, что попадало в поле зрения камеры, которой размахивали на бегу.

– Кто это там, рядом с Бабой Ягой? – спросила Алиса.

– Как, ты знаешь имя этой страшной старухи?

– Мне странно, что ваши Пудели не знают таких простых вещей.

– Вот видишь, я тоже не знал, – сказал Милодар. – Ты у нас специалистка по сказкам, а мы с Пуделями многое забыли. Лучше скажи мне, что тебе известно об этом чудовище?

– Значит, так, – начала Алиса. – Зовут ее Баба Яга – костяная нога...

– Вот именно, костяная!

– Живет она в лесу, в избушке на курьих ножках...

– На каких? На курьих? Разве бывают такие маленькие избушки?

– Нет, – сказала Алиса, – но бывают такие большие ножки. Обычно Баба Яга летает над лесом в деревянной ступе и направляет ее полет метлой. У нее есть спутники – черный ворон и черный кот, которые живут в ее избе. Питается она...

– Вот именно, это существенно!

– Я думаю, что маленькими мальчиками. Она их сажает на лопату и отправляет в печь.

– Ты с ума сошла! Это же людоедство. Она разумна или нет?

Это была старуха. В рваном платье, которое за последние сто лет никто не стирал и не штопал.

– Не знаю, разумна или нет, но разговаривать умеет.

– Откуда ты столько знаешь?

– Мне бабушка рассказывала, – ответила Алиса. – А ей – ее бабушка.

– Замечательные традиции у вас в семье! – воскликнул Милодар. – Значит, Пудели должны благодарить судьбу за то, что эта самая Баба Яга передвигалась в тот день пешком.

– Она могла оставить ступу в избушке. Завтра возьмет и кого-нибудь догонит.

– Не смей так думать, Алиса! Если это случится, мы с тобой вылетим с работы.

– То есть вы вылетите с работы, а я из школы?

– Алиса, не отвлекайся и научись понимать шутки. Меня никто никогда не погонит с работы, потому что я – главный комиссар на Земле.

– Хорошо, не буду, – сказала Алиса. – А вы так и не сказали мне, кто был с Бабой Ягой?

– Он не получился на снимке. По показаниям Пуделей, он похож на гориллу или снежного человека. Это обросшее шерстью, неопрятное и даже страшное существо.

– Наверное, это друг Бабы Яги, леший, – предположила Алиса. – Они часто ходят вместе.

– Где они ходят вместе?

– В сказках.

– Алиса, мы имеем дело с совершенно реальными событиями. Мы не имеем права смириться с тем, что по нашей стране шастают бабы-яги и лешие, а в наших водоемах купаются водяные. Разве так может быть?

– Разумеется, нет.

– Вот видишь! И какое ты находишь этому объяснение?

– Не знаю, – ответила Алиса. – Надо полететь туда и посмотреть.

– Погоди, – остановил ее Милодар, – сначала я свяжусь с поисковой группой. Можно дать изображение на ваш экран?

– Валяйте, – сказал домашний робот Поля, – мне ведь тоже интересно. Для меня эти ведьмы и лешие – воспоминания о детстве Алисы. Бабушка, бывало, читает Алисочке, а я рядом пол натираю. И запоминаю. А когда бабушка задремлет, я ее заменяю и дочитываю.

На большом домашнем экране, куда комиссар переключил связь, появилось изображение мрачного полицейского в стальной пожарной каске.

– Доложите! – приказал ему Милодар.

– Мы обшарили весь лес по соседству с дачным поселком, но не обнаружили никаких следов пожилой женщины с костяной ногой и волосатого мужчины отвратительного вида.

– Та-а-ак! – угрожающе произнес Милодар. – Может быть, вы забыли дома биоискатель?

– Нет, – ответил полицейский, показывая короткую трубку с раструбом на одном конце, – биоискатели работают. Мы определили всех зайцев, белок и даже ворон в лесу, но не нашли ни одного из подозреваемых существ.

– Но они могли переодеться в дачников!

– Дачники уже два часа как попрятались по домам или убежали на станцию. Поселок совершенно пуст.

– Та-а-ак. – Милодар отключил экран и начал расхаживать по комнате, сцепив за спиной пальцы и размышляя вслух: – Мне начинает казаться, что в этой истории появляются какие-то общие черты, назовем их системой. Ты согласна, Алиса?

– Как я могу ответить, если не знаю, о какой системе вы говорите.

– Вчера мы искали водяного, видели его, но потом он исчез без следа. Сегодня мы ищем Бабу Ягу и лешего, их также видели, зафиксировали, а поймать не можем. Они пропали без следа. Но при этом оказывается, что все они не настоящие, а вышли из сказок, что они не должны существовать, их только бабушки помнят и о них рассказывают...

– И я! – вмешался робот Поля.

– Вот именно! Их не может быть, и мы их не находим, но люди пугаются и бегают от них по лесу.

Тут Милодар обернулся к Алисе и быстро произнес:

– Алисочка, мне пора, дела не ждут. Спасибо тебе за помощь. Нет, не отнекивайся! Ты оказала неоценимую услугу, дав толчок моему творческому порыву. Завтра я тебе принесу это дело на блюдечке, как очищенное и посоленное яйцо. Надо только подумать.

– Пошевелить серыми клетками? – спросила Алиса словами Эркюля Пуаро – любимого сыщика Агаты Кристи. Но Милодар, видно, не читал романов Агаты Кристи, потому что он сердито ответил:

– У меня нет ничего серого! – и растворился в воздухе.

– Зря ты ему сказки рассказывала, – заметил Поля, глядя на пустое место.

Глава четвертая
СОЛОВЬИ-РАЗБОЙНИКИ

В тот день Милодар не появлялся, не звонил, не беспокоил, – как сквозь лед провалился на свою антарктическую базу. Он хоть и обещал объявиться только завтра, но Алисе было немного обидно. Это типичная мужская черта – благодарить, рассыпаться в комплиментах, а когда все пройдет – забыть о том, что контрольную ты списал у Алисы, что задачку тебе решила Алиса и даже совет ценный дала та же Алиса. Скромная, незаметная труженица...

Алисе стало себя жалко, она вздохнула и пошла ужинать. Мамы не было, а папа о событии с семейством Пуделей не знал вообще – по телевизору о Бабе Яге не говорили. А когда Алиса попыталась рассказать, то оказалось, что папа в Бабу Ягу не верит. Наверное, какая-то артистка детского театра, сказал папа, пошла по грибы и заблудилась.

Но на следующее утро Милодар все же позвонил.

– Докладываю, – сказал он, – мы прочесали частым гребнем лес и окрестные места. Никаких чудовищ, бабок и леших не обнаружено, даже если бы они были микроскопического размера. Я тебе гарантирую – никаких сказочных существ в лесу не было.

Алиса поняла, что Милодар показал себя лучше многих знакомых мальчишек.

– Если еще появятся, вы мне, пожалуйста, позвоните, – сказала Алиса.

– Не только позвоню, сам к тебе приеду. Мне без твоих энциклопедических знаний никуда не деться.

– Значит, вы думаете, что это не последние чудовища?

– Во-первых, мы не знаем, куда они прячутся, – ответил комиссар. – Во-вторых, мы не знаем, откуда они берутся. И в-третьих, мы не знаем, когда появятся новые и испугают очередных Пуделей.

Милодар появился у Алисы через два дня.

Он был мрачен.

– К сожалению, – произнес он, – мои худшие предположения оправдались.

Он вытащил большой конверт с печатями и марками. Из конверта извлек викад. Официальный, снятый специальной камерой.

– Любуйся, – сказал он так, словно хотел закончить фразу словами «что ты натворила». Но не закончил. Потому что Алиса нажала на уго-

лок викада – и на нем появилось изображение большого флаера, видно рейсового. Он лежал в кустах, на боку. Вокруг роились полицейские и медицинские флаеры и кареты, а из разбитой машины выносили тела людей, некоторым раненым помогали выбраться и дойти до носилок.

– Что там случилось? – ахнула Алиса.

– Продолжение наших сказочных игр, – сказал Милодар. – Как сообщает пилот рейсового флаера, в тридцати километрах южнее Москвы он встретил странную гигантскую птицу серого цвета, внешне похожую на воробья, только размером с дом. Пилот не ожидал увидеть такую птицу, и у него было несколько секунд, чтобы уйти от столкновения – но он не успел...

– А автоматика?

– Автоматика не сработала. Она показала, что никакой птицы нет. Чепуха какая-то!

– Кто-нибудь погиб?

– Я еще не знаю. Пострадавших отправляют в клинику Склифосовского. В крайнем случае будут оживлять. Но ситуация неприятная. Пришлось запретить все полеты вокруг Москвы.

– А где птица? Неужели ее не догнали?

– Ее видели в районе Звенигорода через час после столкновения.

– И что же?

– Смотри, – Милодар протянул Алисе еще один викад. Опять любительский. На викаде была видна птичка, впрочем, изящная, серенькая,

скромная. Но тут она пролетела рядом с деревом, и Алиса поняла, что глаза обманули ее, – на самом деле птичка была чуть меньше слона.

– Ну, кто это?

Алиса смотрела, как птица долетела до высокого обрыва, на котором росли могучие сосны, нырнула внутрь соснового бора и пропала из глаз.

– Почему ты молчишь, Алиса? – строго спросил комиссар.

– Потому что думаю.

Робот Поля вошел в комнату и стал рассматривать викад.

– Я могу сказать, – вмешался он в разговор.

– А вот ты помолчи! – рассердился Милодар. – Мне еще не хватало иметь робота-консультанта по русским сказкам.

– А эта птица не из сказки, – возразил Поля, – поэтому Алиса и не может угадать.

– А откуда эта птица, Поля? – спросила Алиса.

– Из былины, – сказал начитанный робот.

– Не говори глупостей! – прикрикнул на робота Милодар.

– Если этот человек не будет на меня кричать, – заявил робот, – то я готов сказать, как птица называется.

– Он будет молчать, – обещала Алиса.

Милодар нехотя кивнул.

– Это Соловей-разбойник. Про него рассказано во многих былинах. Его никто, конечно, не видел, но известно, что он пугал людей до смерти своим свистом, а богатырям приходилось с ним сражаться. Чаще всего они побеждали.

– Как же ты догадался? – удивился Милодар.

– Потому что я знаю орнитологию.

– Это лишнее! – возмутился Милодар. – Роботы не имеют права швыряться такими словами.

– Очевидно, вы меня неправильно поняли, – сказал робот, – орнитология – это наука о птицах. У меня есть несколько атласов и справочников, а летом я порой ухожу в лес, чтобы слушать пение птиц.

– Это правда, – подтвердила Алиса. – Поля – большой любитель птичьего пения.

– У меня есть десяток кассет с записями соловьиных концертов, – сказал робот. – Так что я соловья отличу от любой другой птицы.

– Но соловей ведь маленький, – сказал комиссар.

– А этот большой соловей, очень большой. Потому он и именуется разбойником. Вам выпало большое счастье – вы первыми в мире увидели Соловья-разбойника. Теперь вы имеете право писать мемуары.

– Твой робот не может знать выдумок про соловьев-переростков! – закричал Милодар. – Хватит издеваться надо мной! Я тебе не подружка, а руководитель ИнтерГалактической полиции!

– Тогда, мистер руководитель, – ответила хладнокровно Алиса, – я не понимаю, зачем вы пожаловали в наш скромный дом? Зачем вы ставите под сомнение способности моего робота?

– Послушайте ее! – радостно воскликнул Поля, а марсианский богомол вышел из-под стула на видное место, чтобы показать, как он горд за робота.

– Это еще что за существо? – в ужасе воскликнул Милодар, который, как потом выяснилось, не выносил мух, тараканов, кузнечиков и прочих длинноногих членистоногих.

Все, разумеется, расстроились, а богомолу стало стыдно, что он отвратителен на взгляд комиссара, и он попытался выброситься из окна, но, как всегда, неудачно.

– Значит, так, – сказал комиссар, – никуда не уходить, ждать моих приказаний! Начинается охота на соловьев-разбойников. При обнаружении разбойника, скрывающегося под личиной соловья, не приближаться, держать наготове паралитическое оружие!

Милодар глядел куда-то в сторону и отдавал приказания несуществующему человеку. Алиса догадалась, что он сейчас разговаривает со своим помощником или секретарем, который остался в Антарктиде.

И на самом деле Милодар стал растворяться в воздухе. Его голограмма возвращалась в штаб.

– Мы его будем слушаться? – спросил Поля, показав голосом то, что роботам показывать нельзя, – неуважение к Человеку.

– Ты займешься обедом, – сказала Алиса. – А я пойду погуляю.

– Ты позволишь в виде исключения погулять вместе с тобой? – льстиво спросил домработник.

– В следующий раз, – ответила Алиса и умчалась из дома, оставив крайне обиженного Полю.

«Кто-то делает сказочных персонажей», – размышляла Алиса, подняв флаер в воздух и направляясь в сторону Звенигорода. Она решила сама посмотреть на месте, что там натворил Соловей-разбойник, и поискать его. Ведь нельзя же верить на слово роботу. Мало ли что может померещиться железному слуге, который, видите ли, занимается на досуге орнитологией и невзлюбил знаменитого комиссара Милодара.

Несмотря на сильное воздушное движение, Алиса добралась до Звенигорода за несколько минут. Эти места зовутся Подмосковной Швейцарией, потому что с высоких берегов Москвы-реки открываются чудесные виды. Сосновые боры нависают над высокими обрывами, а сама речка то разливается по плоским зеленым лугам, то ускоряет свой тихий бег, сжатая заборами гигантских дач, которые здесь строили диктаторы, потом палачи, потом богачи, а теперь в них вольно раскинулись детские садики.

Сначала Алиса посетила то место, где потерпел аварию рейсовый флаер.

Она спустилась пониже, но выбираться из флаера не стала – ясно было, что всех оттуда увезли, пострадавшие давно уже в госпитале, а обломки флаера никакого интереса для нее не представляют.

«Натворив столько бед, я бы на месте Соловья-разбойника полетела в лес, – решила Алиса. – Поглубже. Хотя никто, даже любознательный Поля, не знает привычек Соловья-разбойника».

Лес начинался сразу за рекой и шел стеной до дачных заборов.

«На сосне бы я не стала жить – много колючек и трудно укрыться. А вот раскидистый дуб – замечательное место для того, чтобы спрятаться».

Алиса медленно вела флаер вдоль опушки леса.

Тут она заметила полицейские вертолеты, которые бороздили небо над деревьями. Значит, такая же мысль пришла в голову и полицейским. Ну ладно, ничего страшного, по крайней мере она здесь не одна.

Алиса увидела группу очень высоких и пышных дубов.

Вот где должно скрываться его гнездо!

Алиса спустилась ниже, к самым вершинам дубов, и начала приглядываться. Разумеется, она ничего не увидела. Лес был тихим, задумчивым, словно он прислушивался к тому, что должно произойти.

Ей стало ясно, что ничего не произойдет до тех пор, пока она не опустится вниз, на землю, пока не станет частью леса. Лес не открывает своих тайн людям, которые летают над ним в механических птицах.

Алиса опустилась на небольшой лужайке рядом с крайним дубом. И осталась совершенно одна.

Хоть люди были где-то недалеко, а за рекой начинались корпуса санатория, Алисе казалось, что она очутилась в самом центре девственного, непроходимого леса.

Над деревьями взволнованно носились крикливые вороны, будто кто-то враждебный занял их угодья.

– Тра-та-та-та! – запел музыкальный пулеметик.

– Каррр! – вопили вороны. – Каррр! Карр!

– Та-ля-та-ля-та-ля, – пропела другая птица.

– Карр! – вдруг откликнулся кто-то из глубины листвы.

И вдруг... словно птичка поднесла клюв к могучему микрофону, карканье, громкое, как раскаты грома, потрясло лес.

Это он! Только почему-то каркает!

Алиса кинулась к стволу дерева и постаралась заглянуть в листву.

Как жаль, что на ней нет «кошек» или липучек, чтобы подняться по крайней мере до того места, откуда начинаются большие ветви.

Но лезть на дерево ей не пришлось.

Видно, громкое карканье насторожило полицейских и они решили проверить, откуда оно доносится.

Алисе снизу было видно, как синий флаер приблизился к листве и вдруг кинулся в сторону, едва не потеряв равновесия.

Листва раздалась, и оттуда вдогонку за флаером ринулись две птицы, совершенно непохожие друг на дружку. Одна была гигантским соловьем – даже непонятно, как его выдержали ветви дуба, вторая – вроде попугая, разноцветной, вертлявой, суетливой, но все равно громадной. Но обе птицы, улетая прочь, оглушительно каркали.

Стая ворон, как черный ажурный хвост, кинулась за ними. Напасть на гигантских птиц вороны не смели и потому обругивали их вслед, осыпая своими вороньими проклятиями.

Снизу Алисе было отлично видно, как полицейские флаеры, всегда готовые к встрече с чем-то объяснимым и понятным, от вида соловьев-разбойников пришли в полное расстройство и кинулись в разные стороны.

К счастью, до крушения дело не дошло, но пилотам пришлось немало пережить.

С торжествующим карканьем соловьи поднялись к облакам и исчезли.

Алиса вернулась к своему флаеру. Из него она вышла на связь с Милодаром.

– Вас не было в этих несчастных флаерах? – спросила она.

– Меня никогда нигде не бывает! – отрезал комиссар. – А ты откуда знаешь?.. Ага, не отвечай, я тебя засек! Ты находишься в том же квадрате. Как ты в нем оказалась?

– Я сюда прилетела.

– Почему ты прилетела точно туда, где были соловьи-разбойники? Признавайся, ты с ними в сговоре?

– Против вас, комиссар?

– Не говори глупостей. Нельзя плести заговоры против меня. Но все равно ты вызываешь подозрения. В конце концов – ты маленькая девочка, недоросток, ребенок. Ты почему себя ведешь не по правилам?

– Я всю жизнь вела себя не по правилам и буду вести себя не по правилам, – ответила Алиса. – А здесь я оказалась, потому что решила, что соловьи далеко не улетят. А раз не улетят, то будут таиться в дубовой роще.

– Все, все, все! Не трать моего драгоценного времени! Скажи мне, что мы с тобой будем делать дальше?

– Дальше нам полезно было бы подумать, – сказала Алиса.

Листва раздалась, и оттуда вдогонку за флаером ринулись две птицы, совершенно непохожие друг на дружку.

За открытым люком флаера начинался такой мирный, золотой, такой ласковый лес, что невозможно было представить, что в нем могут таиться чудовища.

– Чудесно! – воскликнул комиссар. – Мы начали думать. Раньше никто никогда не думал, а пришла Алисочка-кисочка и начала думать. Мыслитель! И что же мы придумали?

– Пока что я обратила внимание на две детали, – ответила Алиса. – Во-первых, соловьев уже двое и они совершенно разные. Один соловей похож на соловья, только очень большой. А другой соловей похож на попугая.

– И что?

– Не знаю, но это может оказаться важным.

– Что еще?

– Вторая деталь мне тоже показалась серьезной.

– Выкладывай!

– Соловьи не знали, как петь по-соловьиному.

– Почему ты так решила?

– Они каркали! Они увидели птиц и решили научиться петь. Но увидели-то они ворон! Какие соловьи поют в начале октября?

– Любопытно, – признался Милодар. – Очень любопытно. А теперь отправляйся-ка домой, пока тебя родители не хватились.

– Мои родители привыкли к моему характеру, – возразила Алиса. – Они даже с ним смирились.

– Я им не завидую, – сказал Милодар. – Впрочем, делай как знаешь, мне некогда тратить на тебя время. У меня есть более срочные дела.

Тем временем небо над головой начало темнеть от вертолетов, флаеров и прочих летательных аппаратов, включая дирижабли и воздушные шары, которые слетались в этот тихий дачный уголок в надежде увидеть соловьев-разбойников, о которых только что сообщили в новостях.

Алиса села во флаер и поднялась к самым облакам, чтобы посмотреть на события сверху.

Но дело в том, что и любопытные, и даже полицейские, за исключением тех, кто был здесь с самого начала, совершенно не представляли, как выглядит Соловей-разбойник и кого надо искать.

Они носились вокруг, мешая друг другу, и время от времени над воздушной толпой пролетал крик, что соловьев уже видели и поймали, – черная стая смещалась в сторону и некоторое время роилась в той стороне. Потом оказывалось, что тревога ложная, и все начиналось вновь.

Алисе это надоело, и она поднялась в облака. И не случайно – ведь именно туда полетели птицы, чтобы скрыться от людей.

Некоторое время она поднималась в сплошной белой вате, затем в облаках показался просвет, сверху туда заглянуло солнце, но Алиса никого не увидела. Она продолжала подниматься, уверенная в том, что вот-вот увидит соловьев-разбойников, и побаивалась немного, как бы они не напали на ее маленький флаер.

Вот и еще один разрыв в облаках, словно воронка в песчаной пустыне. И тут Алиса увидела соловьев-разбойников. И даже не двух, а трех. Еще один, видно, поджидал их в облаках. Соловьи, громадные как самолеты, медленно реяли среди облаков, словно отдыхали после встречи с людьми, и вначале восприняли Алису как четвертого соловья, их товарища.

Но через несколько минут один из соловьев, тот самый, что был похож на попугая, предупреждающе каркнул.

Остальные посмотрели на флаер Алисы и, не тратя времени, спикировали на него с трех сторон.

Хорошо еще, что Алиса умела водить машину лучше любого пилота. Она кинула флаер к земле, соловьи налетели друг на дружку, а Алиса уже спряталась в спасительной вате облака.

За несколько секунд Алиса пролетела облако и оказалась под ним, там, где бессмысленно кружились, выискивая соловьев, полицейские флаеры.

– Эй! – крикнула Алиса в микрофон, который разнес ее голос далеко вокруг. – Сейчас вы увидите соловьев! Будьте осторожны и уберите подальше зевак. А то они могут перепугаться и...

Алиса не успела закончить предупреждения, как из облаков, словно пикирующие бомбардировщики, выскочили три соловья-разбойника. Один серый, похожий на настоящего соловья, только очень большой, другой, скорее схожий с толстым голубем, но с большими когтями и загнутым орлиным носом, а третий – разноцветный, как попугай, но с пугающими размерами когтей и клюва.

Любое действие требует подготовки. Полицейским нужно было несколько секунд, чтобы подготовиться, зрителям и зевакам требовалось несколько секунд, чтобы броситься врассыпную. Но соловьи этих секунд никому не дали! Они неслись как управляемые снаряды и конечно же не пели по-соловьиному, а издавали те звуки, которым недавно научились, – оглушительно каркали.

Флаеры и прочие летательные аппараты с зеваками ринулись к земле, а полицейские, стараясь прикрыть их, открыли огонь из своих пулеметов. Заряды лазерных пулеметов вонзались в тела громадных птиц и пронзали их насквозь. Но самое страшное заключалось в том, что соловьи не обращали внимания на заряды. Они продолжали гоняться за зрителями, часть из которых успела приземлиться или спрятаться в листве деревьев.

Соловьи гонялись за своими жертвами, не обращая внимания на полицейских, но тех становилось все больше, и тогда соловьи сочли за лучшее отступить в облака.

Глава пятая
СЫЩИКИ ПРИНИМАЮТ РЕШЕНИЕ

«Итак, – сказала сама себе Алиса, расхаживая по комнате, – мы должны решить задачу, от которой, возможно, зависит будущее всей Земли».

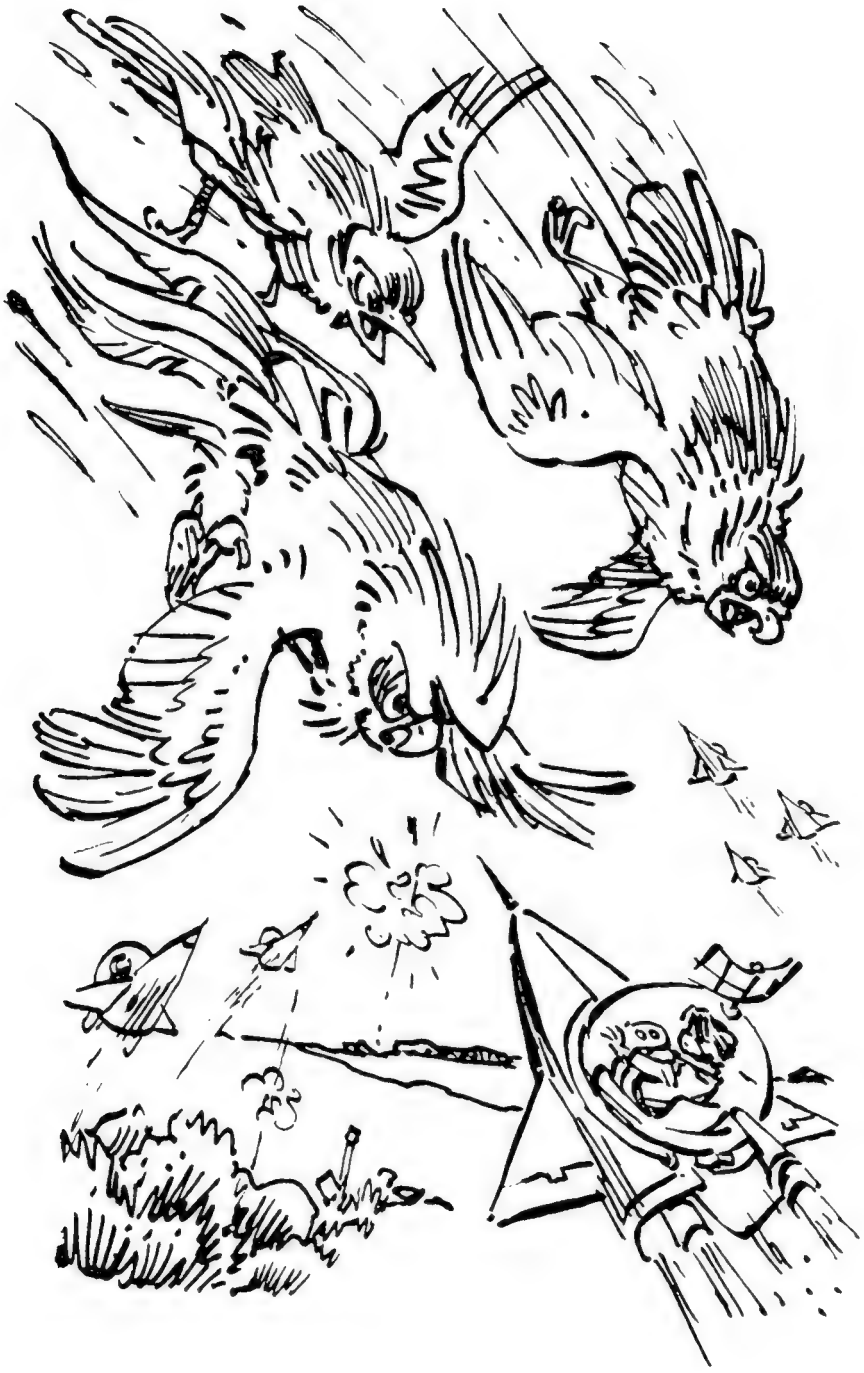
Только что она выключила телевизор, где дикторша рассказала, что соловьи-разбойники, неуязвимые для самого современного оружия, скрылись в густых облаках и на их поиски направлены специальные отряды. Она попросила население не подниматься без нужды в небо, поглядывать с осторожностью на облака и, главное, проявлять выдержку.

По тому, как дикторша произносила эти предостережения, даже Алисе, которая уже сталкивалась с соловьями, становилось не по себе. Каково же тем, кто соловьев видел на картинках?

Затем выступил Алисин знакомый, комиссар Милодар, который сообщил, что, к сожалению, дело не ограничивается соловьями-разбойниками. За последние дни в одном пруду найден самый настоящий водяной, а вчера в окрестностях Москвы появились Баба Яга и леший, которые скрылись в неизвестном направлении.

Затем Милодар сказал, что, наверное, кому-то это покажется странным и даже смешным, а кто-то решит, что все это – выдумки любителей шуток и сказок, но один из соловьев-разбойников напал сегодня на рейсовый флаер, и тот разбился. Есть жертвы. А это уже не шутки и не плоды воспаленного воображения полицейских.

Пока что не удалось поймать ни одного из странных животных, но полиция продолжает поиски и надеется в ближайшие часы раскрыть эту



Хорошо еще, что Алиса умела водить машину лучше любого пилота.

тайну. Конечно же это легче сделать, если ей будут помогать другие люди. В первую очередь всем следует обращать внимание на необычных животных или странных существ, может быть даже сказочных, которые попадутся на глаза.

Алисе все это было известно, но ей так хотелось первой разгадать тайну!

– Поля, иди сюда, – позвала она робота.

Поля тут же появился в дверях. Он скучал днем, когда никого не было дома, и появление любимой Алисочки считал праздником.

– Что ты думаешь по поводу всей этой истории? – спросила Алиса.

– Я думаю, что это чья-то шутка.

– Почему?

Робот вытер резиновые перчатки о передничек, снял их и кинул, не оглядываясь, потому что знал, что перчатки обязательно повиснут в кухне на крючке.

– Естественным путем такие животные не могли вывестись на Земле. А если бы стали выводиться, мы бы с тобой заметили, – сказал робот.

– Пожалуй, ты прав, – согласилась Алиса. Пока что робот не говорил ничего нового, но ей хотелось выслушать его соображения, чтобы проверить саму себя.

– Прилететь из космоса они тоже не могли, – сказал робот.

– Почему?

– Потому что в космосе нигде не рассказывают наших сказок.

– А если кто-то специально решил подослать к нам чудовищ из наших сказок?

– Зачем? – удивился робот.

Красный огонек в его лбу загорелся ярче – у робота поднялось настроение. Давно они с Алисой не обсуждали таких важных проблем.

– Сначала кто-то хочет нас запугать, а потом завоюет.

– И ты в это веришь? – спросил робот и даже присвистнул. – Я-то думал, что вы, русские, уже перестали все свои неудачи сваливать на шпионов и вредителей.

– Я оценила твою шутку, Поля, – сказала Алиса, – ты рассказал мне, кто не мог изготовить или вывести этих чудовищ, а теперь расскажи, кто мог это сделать.

– Конечно, с одной стороны, они могли вывестись сами собой, – предположил робот, – незаметно для вас, людей, где-то в дремучих лесах и глубоких болотах...

– Что же получается, – возразила Алиса, – таились, таились и вдруг все вместе объявились?

– По очереди.

– И три соловья-разбойника?

– Это ты, Алиса, решила, что птицы – соловьи-разбойники, – заметил робот Поля. – Ты и своему комиссару эту мысль внушила. А вдруг это вовсе не соловьи и не разбойники?

– А кто же?

– Этого мы с тобой еще не знаем.

– Поля! – Алиса даже топнула ногой от возмущения. – Я тебя умоляю, перестань нести чепуху и ответь серьезно.

– Серьезно? Серьезно – не знаю.

– Тогда я буду говорить, хорошо? – спросила Алиса.

– Ну что ж, послушаем. – Поля постарался голосом и всем своим видом показать, насколько серьезно он относится к стараниям девочки стать настоящим сыщиком.

Алиса подошла к окну. Уже начало темнеть. Первые огни зажигались в домах.

– Мне кажется, – сказала она, – что все эти существа сделаны в одном месте. И сделаны они человеком, который когда-то читал сказки, но подзабыл их. А если он в детстве не видел картинки с Соловьем-разбойником или изображения водяного, то он не знал толком, какими они должны быть. А вот Бабу Ягу рисуют у нас часто. Он и сделал ее очень выразительной и страшной.

– Это уже интересно, – заявил Поля. Алиса подумала, что если бы он умел курить, то сейчас закурил бы трубку. Он вел себя как Шерлок Холмс, который разговаривает с туповатым Ватсоном.

– Мне продолжать, сэр, или вы уже обо всем догадались? – спросила Алиса.

– Продолжайте, – смилостивился Поля.

– Этот самый... изготовитель чудовищ даже не знал, как поют соловьи.

– Почему ты так думаешь?

– Потому что его соловьи-разбойники учились петь у ворон – и получилось ужасно!

– Погоди, погоди! – перебил Алису Поля. – Твой изобретатель забыл научить соловьев петь. И соловьи сами отправились искать своих меньших братьев.

– Они искали соловьев?

– Конечно, они искали соловьев, только не знали, что осенью соловьи не поют.

– Может, ты и прав, Поля. Но мне кажется, что соловьев придумывали разные люди. Одни знали этих птичек и сделали свое чудовище серым, а другие не знали и сделали его разноцветным.

Алиса поняла, что беседа с Полей ничего ей не дала. Все это она могла бы продумать сама за две минуты.

Получалось, что любой вариант ведет в тупик.

Даже когда вечером по телевизору сообщили, что над городом Раменское многие видели дракона или, точнее, змею с крыльями, которая ушла в сторону заката, несмотря на то что была обстреляна мастером спорта по стрельбе, легче Алисе не стало.

Папа качал головой и посмеивался – он не верил, что под Москвой завелась всяческая нечисть, – а Поля молча подавал на стол, мыл посуду, даже не стал смотреть тысяча двести сорок пятую серию фильма «Слезы Розы».

Позвонил Милодар. Позвал к видеофону Алису.

– Ну как, моя крошка? – спросил он без улыбки. – Что будем делать завтра?

– До утра, я думаю, вы их переловите, – сказала Алиса.

– Я тоже надеюсь, – сказал Милодар. – Кстати, я попросил прекратить показ этих чудовищ по телевизору, а то завтра детей на улицы не будут выпускать.

– А что, появились еще какие-то?

– Вторая змея с крыльями была замечена над Переяславлем через час после первой. Она отличалась цветом и формой крыльев.

– Я думаю, – заметила Алиса, – что это не змея, а Змей Горыныч. Не слышали о таком?

– Опять русская сказка?

– Вот именно!

– Это мне уже надоело! – крикнул Милодар и отключил связь.

Алиса пошла к себе в комнату, легла спать, но заснуть долго не могла.

На следующее утро телевизор ничего не рассказывал о чудовищах, а у Милодара связь не отвечала.

После школы Алиса позвонила на телестудию, и там ей сказали, что никаких новых сведений о драконах, водяных и прочем зверье на студию не поступало.

Поля несколько раз заходил к Алисе в комнату, стоял на пороге, молчал, но новых версий не предлагал.

Алиса сидела у себя, ничего не делала и представляла, как по небу носятся боевые флаеры и истребители, ищут чудовищ и пытаются их поймать. А если они опасны, то их убивают... Хотя Милодар говорил, что еще ни одного чудовища не поймали и не убили. Что же получается, техника конца XXI века не может поймать одну Бабу Ягу или выловить из лужи водяного?

– Разумеется, – сказала Алиса.

– И я так думаю, – поддержал ее робот.

– Что ты думаешь?

– Хозяйка, я тебя знаю с рождения, мне любая твоя мысль понятна, – сказал Поля. – А сейчас ты подумала, что эти чудовища должны вылетать из одного центра. Не может быть, чтобы в нескольких местах Земли какие-то злые шутники выращивали змеев и водяных, а потом выпускали их на волю.

– Правильно, – согласилась Алиса. – И что дальше?

– Дальше мы с тобой будем считать, – сказал робот.

Он включил компьютер и попросил его дать карту Москвы и ее окрестностей.

– Погоди, – прервала его Алиса. – Давай возьмем простую карту. Дисплей нам мал.

Они расстелили на столе большую карту Подмосковья и начали наносить на нее время и место встречи людей с чудовищами.

– Сначала был водяной. Два дня назад. Затем Баба Яга и леший – позавчера... Вот здесь! Потом соловьи-разбойники. Они летают и потому передвигаются быстрее. Их увидели здесь... нет, здесь! А потом я сама полетела к Звенигороду и встретила их вот здесь. И последнее: Змей Горыныч, который летал в районе Раменского. И если верить Милодару, через час был замечен еще один змей, над Переяславлем... вот тут! Далеко отлетел.

– Итак, – подытожил робот Поля, будто он придумал всю эту историю, – мы имеем ряд точек. По ним нам следует отыскать пункт, из которого все они вылетели. Это несложная задача.

– Несложная, – согласилась Алиса, – если ты знаешь, одновременно они вылетели или в разное время.

– Этого мы никогда не узнаем, – согласился Поля и расстроился. – Задача не имеет решения, – сообщил он.

– Может, и не имеет, если подходить к ней математически. Но решение есть, если подойти к задаче по-детски, – сказала Алиса.

Она воткнула булавки в точки, где встречались чудовища, затем привязала к булавкам ниточки, взяла пучок в руку и натянула – получился шатер из ниточек.

– Вот здесь, – сказала Алиса, – под вершиной моего шатра, мы и будем искать злодея, вернее, его лабораторию. Место, где выводятся существа из детских сказок.

Она опустила руку на карту Москвы и попросила робота:

– Скажи мне, что же попадает в подозреваемый район?

– В подозреваемом районе располагается выставка, – сказал робот, – когда-то она называлась Сельскохозяйственной выставкой, потом Выставкой достижений народного хозяйства, потом...

– Поля, меня сейчас не интересует история. Расскажи мне, что там находится сегодня.

– А сегодня на месте этой выставки открывается Ярмарка Чудес. Со всех краев земли, со всех концов Солнечной системы сюда слетелись лучшие фокусники, клоуны, кукольники, волшебники, колдуны, чревовещатели, шпагоглотатели, музыканты, которые умеют играть на ложках, на пиле, на ведре и других невероятных инструментах, – в общем, это самая настоящая старинная ярмарка со старинными развлечениями. Сам не знаешь, что там отыщешь – то ли тебе покажут женщину без головы, то ли тебе отрежут твою собственную голову.

– Ну, уж наверное, там не так опасно! – улыбнулась Алиса.

– Одной девочке вечером на такой Ярмарке появляться рискованно!

– Я все поняла, Поля, тебе тоже хочется сходить на Ярмарку, – догадалась Алиса.

– Мне хочется охранять тебя, – возразил Поля.

– А на Ярмарку не хочется?

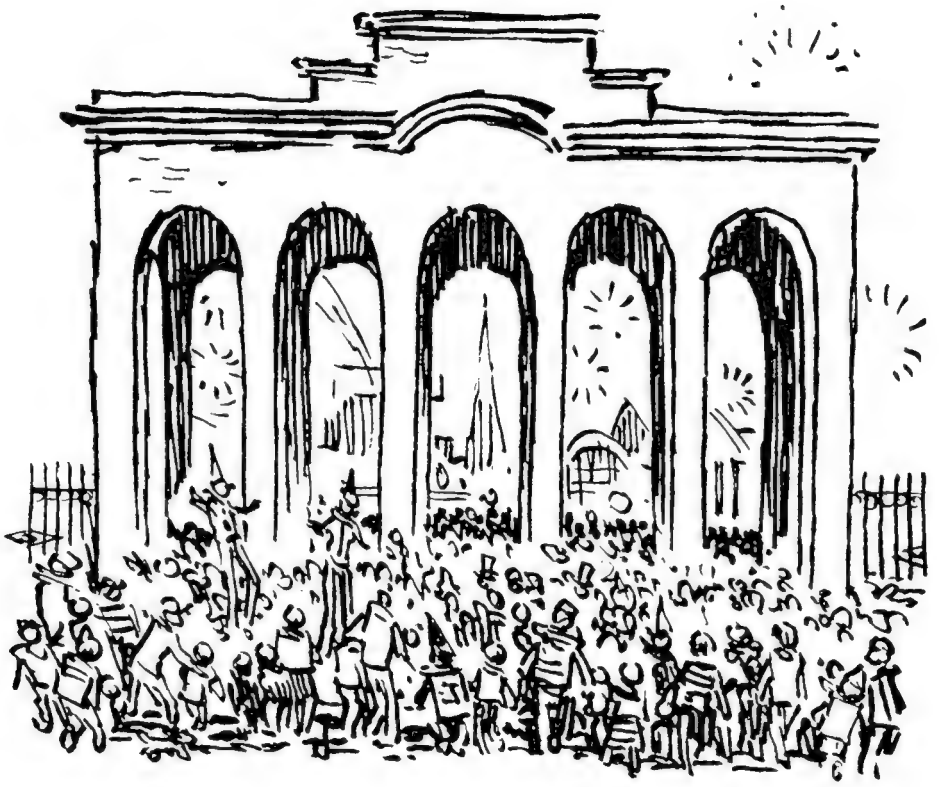
– Мне хочется разгадать тайну чудовищ.

– Надоело сидеть на кухне?

– Мне хочется выйти на бой с драконами!

– Прекрасно, – сказала Алиса. – Именно такой боец с драконами и требуется на дальних планетах. Ты когда-нибудь задумывался, Поля, что у тебя ноги приспособлены только для того, чтобы ходить по гладкому полу?

Они расстелили на столе большую карту Подмосковья и начали наносить на нее время и место встречи людей с чудовищами.



– Неправда! – обиделся домработник. – Я могу переступить через порог.

– Ты знаешь, что не можешь быстро двигаться?

– Это подстроено завистниками, которые боялись, что я опрокину чашку с бульоном! Но я умнее многих и лишен страха. Я иду с тобой на Ярмарку.

– Миленький Поля, мы с тобой совсем не уверены, что чудовища сначала появились на Ярмарке. Возможно, наше путешествие окажется напрасным, а все дома останутся без обеда.

– Ничего! – закричал робот, хотя он и не умел кричать. – Я оставлю записку, что сломался, и попрошу профессора Селезнева и богомола пообедать консервами.

– Ну ладно, – сдалась Алиса. – Только сними с себя фартук и поварской колпак.

– Ты думаешь, что меня тогда примут за боевого робота?

– Не уверена, – созналась Алиса. – Но по крайней мере тебя не примут за кухонного робота.

Когда Алиса собралась, Поля ее уже ждал. Он снял фартучек и колпак. Но вместо колпака водрузил на круглую голову поспешно склеенный из бумаги конус с черепом и скрещенными костями, а через плечо у него тянулась матерчатая портупея, в петле которой был укреплен широкий кухонный нож.

– Теперь я вижу, что у меня есть настоящий защитник.

У домашних роботов не бывает чувства юмора, так как оно может повредить при приготовлении пищи, поэтому Поля ответил голосом хорошо выдрессированного солдата:

– Так точно, вы видите перед собой настоящего защитника!

Во флаере Поля ворочался, пристраивая свою сбрую, поправлял колпак и поглядывал в зеркальце. Он себе нравился.

Над Ярмаркой полеты были запрещены, так что пришлось опуститься на гигантской стоянке, которая подковой охватывала Ярмарку со стороны проспекта, и оттуда идти пешком. На Алису с роботом никто и взгляда не кинул, а на подходе к Ярмарке начали встречаться различного вида существа, одетые нелепо, необычно и даже фантастически.

Над площадью протянулась через половину неба горящая надпись:

ЯРМАРКА ЧУДЕС

Каждая буква в ней была размером с телевизионную башню, и каждая отличалась от соседней цветом и формой. Садившееся на другой стороне неба солнце потускнело, как будто стеснялось такой яркой и беспардонной надписи.

Еще дома Алиса с Полей узнали, что на Ярмарке разрешены только те чудеса, которым не меньше ста или даже трехсот лет. А вот чудеса, придуманные людьми недавно и имеющие отношение к космическому веку, на Ярмарку не допускались.

И это понятно: для того чтобы чудо стало чудесным, оно должно немножко состариться. Есть такие особенные магазины – антикварные. В них продают только старые удивительные вещи, а то, что можно купить в обыкновенном магазине, вы в антикварной лавке не отыщете. Вот так и с Ярмаркой Чудес. Там можно увидеть лишь то, что в обыкновенном парке ни за что не увидишь.

– Заходите, заходите! – кричали зазывалы, которые бродили перед входом на Ярмарку, прикрепив к ботинкам высокие ходули, и казались вдвое выше обычного человека. Зазывалы были облачены в клоунские

костюмы, и когда им надоедало зазывать, они вынимали дудочки и рожки и начинали играть веселые мелодии.

Пройдя вместе с красочной и шумной толпой в ворота Ярмарки, Алиса была оглушена пением, музыкой, грохотом и хохотом Ярмарки. Здесь каждый пытался завлечь посетителя, каждый старался показать ему что-то такое, чего тот никогда в жизни не видел.

Ярмарка состояла из сотен павильонов, маленьких и больших, шатров, башен и башенок, между ними умещались качели и американские горки, по которым, набирая страшную скорость, носились вагончики. Среди павильонов бродили продавцы разных вкусных вещей, которые в обычной жизни взрослые тебе покупать не дают. Там продавали шары из воздушного сахара, пирожки и пончики, тростниковый сок, мороженое кокосовое, банановое, пельдиаровое, просто малиновое и с вишневым желе.

Но конечно же самое интересное происходило в павильонах и на сцене балаганов.

Больше всего Алисе понравились названия балаганов и зазывные надписи и призывы, которые были прикреплены к ним или написаны на матерчатых лентах, сделаны из светящихся трубочек или разноцветных ламп.

Вот некоторые, может даже не самые удивительные из них:

САМЫЙ ВЫСОКИЙ ЧЕЛОВЕК В МИРЕ
ВАСЯ N.

Ансамбль чечеточников
ОГОНЬ ИЗ КАБЛУКОВ

САЛАМАНДРА В ОГНЕ
Не обожгись, любимый!

САБЛЕГЛОТАТЕЛЬ
Хоссов аш-Ширин

ЖЕНЩИНА-ШКАФ
Шесть ящиков

УГАДЫВАЕМ ВАШИ МЫСЛИ И ТАЙНЫЕ ЖЕЛАНИЯ,
О КОТОРЫХ ВЫ САМИ НЕ ДОГАДЫВАЕТЕСЬ

БУДУЩЕЕ ОТКРЫТО ПЕРЕД ВАМИ!
Гадалка с Цейлона мадам Баттерфляй

ПОЛЕТ ПОД КУПОЛОМ
Женщина-бабочка, ее бабушка и их дедушка

НЫРНИ К РУСАЛКЕ – ВЫНЫРНЕШЬ ЖАБОЙ!

ХОЧЕШЬ СТАТЬ МОЛОДЫМ – ОКУНИСЬ В КИПЯТОК!

– Да, – сказала Алиса, после того как они потратили часа два на хождение между павильонами и балаганами, – здесь наших чудовищ найти труднее, чем иголку в стоге сена. Что будем делать, мой защитник?

– Искать дальше, – ответил Поля и надвинул на горящие красные глазки бумажный колпак.

На небольшой площади, недалеко от длинного, похожего на огурец озера, играл маленький оркестр, музыканты были одеты в атласные панталоны, камзолы и белые чулки. Они отбивали такт башмаками с золотыми пряжками. И музыка их была такой заразительной, что Алиса, не выдержав, пошла в пляс, с ней плясал здоровенный парень в двухцветном костюме шута, а Поля суетился, бегал за ними и следил, чтобы шут не украл Алисочку.

– Что ищешь, красавица? – спросил шут.

– Ты не поверишь, – ответила Алиса, – я ищу водяного и Змея Горыныча.

– Зачем тебе такие противные создания?

– И еще Бабу Ягу и лешего.

Парень рассмеялся.

– Столько гадости я сроду не видал, – признался он, – и не знал, что на нашей Ярмарке они водятся.

– Как ты думаешь, – спросила Алиса, – я у кого-нибудь могу о них узнать?

– Ищи таких же, как тот, – сказал шут, – что вон там стоит. Если тебе страшно, я с тобой к нему подойду.

Алиса поглядела, куда указывал шут, и увидела, что там, в тени кустов, стоит робот Поля в бумажном колпаке. Только человеку, который

не знает, какое это чудесное и доброе существо, может показаться, что он встретился с чудовищем.

Музыка прекратилась. Алиса кончила танцевать и подошла к роботу.

– Ты что-нибудь узнал? – строго спросила она, так как боялась, что он начнет укорять ее за легкомыслие.

– Как я мог узнать, – ответил сердито робот, – если я тебя охраняю?

Такую карту Алисе было крыть нечем, и они пошли дальше.

Вдруг Алиса сказала:

– Стой!

Над входом в большой круглый балаган висела вывеска:

«Только у нас! Настоящий динозавр Бронтя, на котором в детстве каталась знаменитая девочка Алиса! Спешите покататься на нем по настоящему пруду!»

– Заглянем? – спросила Алиса.

– Это чепуха! – серьезно откликнулся робот. – Неужели ты не знаешь, что настоящего Бронтю держат в Космозо?

– Знаю, – ответила Алиса. – Я два дня назад с ним виделась. Но неужели никому нельзя пошутить, пользуясь тем, какая я знаменитая!

– Не воображай! Ты знаменита только в своем классе, и то потому, что умудрилась схлопотать двойку на контрольной по алгебре!

– Поля, нельзя подсматривать в чужой дневник! – рассердилась Алиса. – Нам, людям, от вас, роботов, житья не стало.

– Так сдай меня на металлолом! – воскликнул разобиженный робот. – Сдай сейчас же! Я не хочу жить!

Он направился прочь, крича:

– Где здесь принимают металлолом? Я хочу, чтобы меня переплавили!

Алисе пришлось бежать за ним, утешать и доказывать, что Поля очень нужен всему человечеству, а Алисе особенно.

Потом она все же повела его в балаган, где показывали Бронтю. Может, это и есть Змей Горыныч?

Но внутри балагана все оказалось очень просто. Там стоял круглый бассейн в пластиковых берегах диаметром метров десять. В нем по кругу плавал надутый пластиковый дракон, или бронтозавр, зеленого цвета.

Толстый грустный мужчина в тренировочном костюме с кожаным фартуком на животе держал бронтозавра за веревку, продетую в ноздри, и подтягивал его к себе, но не просто, а рывками, чтобы бронтозавр извивался как живой. Правда, ничего живого все равно не получалось.

– Только раз в жизни! – кричал мужчина. – Катайтесь, не утоните! Гарантий не даем!

Никто не спешил влезать на пластиковое чудовище.

– Не наш? – спросила Алиса у Поли.

– Разумеется, не наш! – серьезно ответил робот. – Наш крупнее.

Они вышли и купили по мороженому, одно съела Алиса, а свое ей потом отдал Поля. Внутри Поли не было холодильника, как в самых современных домашних роботах, и мороженое немножко подтаяло. Потом они попробовали по очереди силу на силомере. По этой старинной штуке надо было бить кулаком, и тогда стрелка подлетала вверх – у кого на метр, у Алисы на два, а у Поли на три с половиной метра. Но приз Поле не дали, потому что он робот.

– На мне разве написано, что я робот? – спросил Поля.

Потом они попробовали по очереди силу на силомере.

– А на тебе и писать не надо, – ответил карлик, хозяин силомера.

– Вы просто завидуете моей силе, – сказал Поля.

Тогда карлик обиделся и сам так ударил кулачком по выступающей кнопке, что стрелка улетела до самого верха и закачалась на высоте четырех метров.

– Пошли, Поля, – приказала Алиса. И вдруг закричала: – Смотри!

Навстречу им в большом аквариуме ехала русалка. Это была самая настоящая русалка с хвостом вместо ног, не из тех русалок, что пляшут на берегах, соблазняя добрых молодцев.

Аквариум был на колесах, словно переделан из старого кресла для инвалида или бабушки. Люди не особенно обращали внимание на русалку,

потому что вокруг ходило, бегало и прыгало немало необычных тварей и людей. Но Алису интересовало именно то, на что другие и не думали смотреть. Например, она увидела, что русалка, которая едет в облезлом кресле, чуть шевелит в аквариуме широким плоским хвостом, она заметила, как, не останавливаясь, та опустила зеленую руку и, зачерпнув воды, провела по груди и животу – не любят русалки сухости! Можно дать голову на отсечение, что никто из поддельных русалок не стал бы смачивать себе грудь водой.

– Простите! – крикнула Алиса, бросаясь следом за русалкой. – Вы куда?

Та нажала на кнопку в подлокотнике кресла и прибавила скорости.

Алиса побежала за ней.

Русалка оглянулась и оскалилась по-звериному. И тут же покатила еще быстрей. Это просто чудо, что она никого не сбила с ног, не задавила, не покалечила. Русалка неслась со скоростью автомобиля и через минуту скрылась из виду.

– Ну и что будем делать? – спросила Алиса у робота.

– Не беспокойся, – ответил Поля. – Мы знаем цвет и марку коляски. В любом отделении милиции нам сообщат, где живет эта зеленая русалка.

– Знаешь, ты кто, Поля? – спросила Алиса.

– Кто?

– Ты – мыслитель. Страшнее тебя в мире нет.

– Я знаю, что я мыслитель, – согласился Поля. – И это мне часто мешает жить, потому что необразованные и нечуткие люди порой воспринимают меня как прислугу и не ждут от меня глубоких мыслей. А знаешь, как трудно все время таить мысли в себе? Я же живу под напряжением! В любой момент моя голова может лопнуть.

– Пойдем, пойдем, не задерживайся, – попросила Алиса.

– В какую сторону? – спросил мыслитель Поля.

– Туда.

– Но русалка, которой ты так заинтересовалась и которая имеет явное отношение к русскому фольклору, скрылась в диаметрально противоположном направлении!

– Правильно! Мы должны попасть к тому месту, откуда она выехала! – объяснила Алиса и побежала вперед, стараясь никого не сшибить с ног. – Смотри по сторонам и замечай все, что кажется тебе необычным!

Вот эту просьбу Алиса высказала зря! Потому что не успели они пробежать и ста метров, как робот Поля ринулся в сторону и уцепился за рукав известного востоковеда, крупнейшего специалиста по вавилонской клинописи профессора Сулейменова-Стальского, внесенного в Книгу рекордов Гиннесса как обладатель самой густой и длинной бороды на свете.

Когда Поля увидел профессора с завязанной в узел бородой, в нем проснулся охотник за подозрительными редкостями.

– Алиса! – закричал он. – Я взял его!

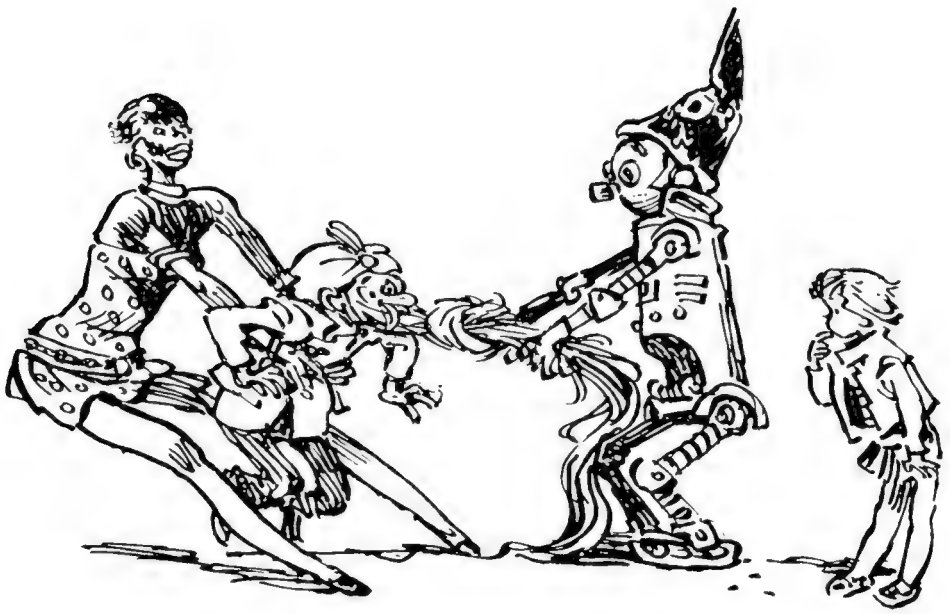
– Простите! – Профессор пытался освободиться из объятий железного бандита в бумажном колпаке с нарисованным на нем черепом и костями, но конечно же одолеть робота он не мог. – Я не имею чести... Мы практически незнакомы! – повторял профессор, задыхаясь.

– Что ты делаешь, Поля? – подбежала Алиса.

– Это Черномор! – закричал Поля. – Это сказочный карла, который украл нашу Людмилу и держит ее в заточении.

– Простите! – кричал профессор, сопровождаемый известной сенегальской фотомоделью Эжени Кюри. – Мой небольшой рост не дает вам оснований...

Алиса принялась вырывать профессора из жестокой хватки робота. На помощь им пришла фотомодель, и совместными усилиями им уда-



лось освободить профессора из плена. Посрамленный Поля отступил, но так и не поверил, что профессор – существо реальное, а не сказочное.

Оставив профессора на попечение заботливой сенегальской фотомодели, Алиса потащила разочарованного в жизни робота Полю дальше. Так они вышли к берегу пруда, похожего на огурец. И остановились.

Через аллею, закрепленная концами за стволы высоких сосен, висела надпись, сделанная из разноцветных лампочек:

ПРИДУМАЙ СЕБЕ ЧУДО!

Перед высоким шатром из зеленых и оранжевых пластиковых полос, словно воздушный шар, возвышались два столба. Между столбами висело полотнище с таким лозунгом:

ТЫ САМ – ИЗОБРЕТАТЕЛЬ СКАЗКИ!

– Стой! – приказала Алиса роботу. – В тебе зазвенел звоночек тревоги?

– Ничего во мне не зазвенело, – ответил Поля. – Звенит только в испорченных роботах. А мне еще жить да жить!

Алиса махнула рукой и поспешила к группе зевак, которые толпились перед большим стендом рядом с кассой – будкой, похожей на собачью, только значительно большего размера.

К стенду были приколоты викады с изображением различных сказочных существ. И среди них – леший, Баба Яга, водяной и даже Змей Горыныч. А вот и соловьи-разбойники!

– Все, – сказала Алиса. – Наше путешествие закончилось. Мы достигли Северного полюса.

– Ты ошибаешься, – возразил Поля. – Северный полюс покрыт дрейфующими льдами.

Алиса засмеялась и подошла к кассе.

Внутри будки смутно виднелось лицо, и когда Алиса хотела спросить, можно ли купить билет, лицо исчезло, и вместо него появился раструб серебряной трубы. Кассирша заговорила в трубу низким голосом:

– Спешите купить билет! Последние гастроли! Чудо двадцать первого века! Сам придумал – сам беги!

– Что-то мне ее голос знаком, – заметила Алиса, дожидаясь, пока кассирша закончит свое рекламное объявление, чтобы заглянуть внутрь.

В кассе сидела отлично известная Алисе тетя Дуся, которая раньше работала в Космическом зоопарке смотрительницей в отделе бронтозавров. Но ее пришлось уволить, потому что она лупила животных и ругала их.

– Тетя Дуся! – воскликнула Алиса. – Вы что здесь делаете?

– Я здесь работаю, – ничуть не смутилась служительница.

– А можно купить у вас билет на представление?

– Из уважения к папаше я пущу тебя бесплатно, – ответила тетя Дуся. – Но железяку, которую ты с собой притащила, прислони к столбу, пускай подождет.

– Что значит – прислони? – возмутился Поля.

– Железяк я бесплатно не пускаю, – басом сказала тетя Дуся.

– Нет, он пойдет со мной, – сказала Алиса. – Это наш домашний робот.

– Так он у вашего родителя работает? – спросила тетя Дуся. – У уважаемого профессора Селезнева? – У нее от почтения даже голос изменился.

– Он у нас дома живет, он даже старше меня, – ответила Алиса.

– Ну ладно, – смилостивилась тетя Дуся. – Я вас обоих пускаю без билетов. Идите, но ведите себя хорошо. У нас опыты тонкие, психологические. И учти, что за участие в опытах плата особая. Тут уж я тебе ничем не смогу помочь.

И тетя Дуся открыла маленький шлагбаум, перекрывавший вход в шатер.

Алиса и робот Поля вошли внутрь.

Глава шестая
СТРАННЫЙ ЦИРК

Внутри шатра все напоминало небольшой цирк-шапито.

Даже пахло опилками и конским навозом.

Под потолком горели разноцветные лампы, и на манеже все казалось ярким и праздничным, зато ряды для зрителей оставались в полутьме.

Присмотревшись, можно было понять, что на самом деле зритель видел только половину манежа, разделенного пополам огромным зеркалом, которое начиналось у купола, доставало до земли и надежно делило зал пополам. Но зеркало это было особого свойства – оно не отражало самих зрителей. Достигалось это тем, что оно было чуть изогнутым.

Зрителей в цирке было немного – человек двадцать-тридцать. Справа от Алисы сидели родители с маленькими детьми, слева – двое молодых людей. Но в темноте было трудно разглядеть их лица.

Заиграла бодрая цирковая музыка, в зале стало темнее, а свет на манеже разгорелся ярче.

Под эту музыку на арену вышла тетя Дуся. Но ее было трудно узнать.

Она была облачена в короткую пышную юбочку розового цвета, лифчик с кружевами, все в блестках, а лицо закрывала розовая полумаска. Чулки и сапоги тети Дуси были белыми и тоже в блестках.

– Маска, я тебя знаю, – сказал Поля.

– Па-а-прошу не мешать представлению! – громко ответила тетя Дуся. – Узнать меня нельзя, меня родная мать не узнает. Теперь я госпожа Инкогнита Тобосская! Что, съела, железяка?

– Помолчи! – остановила Алиса Полю, который рванулся было в бой.

Тетя Дуся подошла поближе к бортику манежа. В руке у нее оказался самый настоящий хлыст, как у дрессировщика. Она поставила носок сапога на борт манежа и заявила:

– Сейчас вы увидите такое чудо, от которого лопнете! Мой номер знают даже в Конотопе и на Сатурне! Многие умирали, не выходя из цирка. Которые оставались в живых, назавтра приходили вновь! Сегодня в ваших силах то, что было доступно только богам. А я за скромное вознаграждение даю вам такую возможность. Раскошеливайтесь!

От такого крикливого напора зрители оробели и молчали.

– Кто желает соперничать с богами и создать новое живое существо? Ну, не трусьте! Я вижу среди зрителей девочку Алису. Девочка Алиса, хочешь ли ты попробовать свои силы?

– Нет! – закричал Поля. – Я этого не допущу. Я сам попробую свои силы!

– У роботов нет настоящего воображения, – ответила тетя Дуся. – Робот не может ничего создать.

– А мы попробуем! – Поля пытался вырваться на манеж, но Алиса уцепилась за него:

– Полечка, милый, не надо, потерпи!

Пока Алиса воевала со своим верным роботом, она упустила шанс выйти на арену. Вместо нее выбежал один из мальчиков лет шести-семи, что сидел справа с братом и родителями. Он перемахнул через барьер и встал рядом с тетей Дусей. Размером он был как раз с ее мускулистую ногу, обтянутую блестящим чулком.

– Вот и молодец, – сказала тетя Дуся добрым голосом. – Сейчас мы с тобой сотворим чудо.

Тетя Дуся хлопнула в ладоши, и в ответ на это сбоку из прохода выехал на колесиках небольшой столик с пультом.

– Я должна предупредить дорогих зрителей, что все, что вы сейчас увидите, на самом деле не существует. Это только изображение, только картинка, которую выдумает наш дорогой... Как тебя зовут, наш дорогой?

– Его Колей Пуделем зовут! – откликнулся брат мальчика из темноты. – Можно я тоже спущусь? Я лучше умею придумывать!

– Ничего подобного, – ответил Коля Пудель. – Сначала я придумаю, а потом ты.

– Миша, сейчас же перестань! – взволновалась его мама.

– Попрошу передать мне сто рублей, – сказала тетя Дуся. Она сама взбежала по ступенькам наверх, и Алиса услышала, как мама Пудель шуршит бумажками.

Затем тетя Дуся подошла к мальчику и прикрепила к его виску присоску.

– Ты все запоминаешь? – тихо спросила Алиса робота. – Это может быть очень важно.

– Я все снимаю, – ответил Поля. – Я спрятал сегодня за глазами видеокамеру.

– Да ты у меня изобретатель, а я и не знала!

– Теперь будешь знать, – гордо ответил робот.

Никто не слышал этого разговора, потому что внимание зрителей было приковано к манежу.

Тетя Дуся отошла к столику с пультом и оттуда приказала басом:

– Мальчик Коля, смотри перед собой и представляй!

– А что я должен представлять?

– Сейчас посмотрим. – Из кармана на бедре тетя Дуся достала небольшую записную книжечку в золотом переплете и начала бормотать себе под нос: – Соловья-разбойника мы проходили, водяного изобретали... русалок только сегодня делали...

Поля толкнул Алису в бок локтем. Локоть у него был острый, и Алиса чуть не взвыла от боли. Но сдержалась и кивнула.

Наконец тетя Дуся нашла нужную строчку.

– Ты русские сказки знаешь? – спросила она Колю.

– Знаю.

– И былины знаешь?

– И былины... – Но мальчик Коля не был уверен, он кинул взгляд в темноту, где сидели его родители.

Оттуда донесся женский голос:

– Знаешь, знаешь!

Коля кивнул.

– Значит, сегодня, – сказала тетя Дуся, – мы с вами будем воображать этого самого... Кащея Бессмертного. Слышали о таком?

Все, кроме Поли, ответили, что слышали. Поля сжал резиновые губы, но глаза его бегали, снимая все вокруг.

– Перед тобой – экран, – сказала тетя Дуся. – Передо мной – усилитель твоих мыслей. Давайте похлопаем Коле и посмотрим, какого он нам выдумает Кащея Бессмертного. Только не испугай свою маму! – Тетя Дуся захохотала басом.

Из темноты раздался ответный смех.

Мальчик Коля насупился, приложил кулак ко лбу, будто от этого ему лучше думалось.

И тут же на громадном зеркале, разделявшем манеж надвое, начал появляться туманный силуэт.

– Давай, давай! – крикнула тетя Дуся. – Думай! Энергичнее думай!

Мальчик напрягся. Он старался. Но пока что на экране клубилось нечто невнятное, непохожее на Кащея. Алисе вдруг захотелось закричать: «Я знаю, какой из себя Кащей!» Она еле удерживалась, чтобы не побежать вниз и не помочь мальчику.

– Колька! – закричал его брат Миша. – Он костлявый!

– Я сам знаю, что он – скелетик. Я по телику смотрел! – отозвался Коля Пудель.

И тут переливчатое и непонятное пятно в зеркале, разрезающем цирк, стало вытягиваться вверх и как бы делиться на отрезки – и уже можно было в нем угадать скелет гигантского роста, под потолок. В руке у скелета была сабля, на ногах – черные сапоги, а больше на скелете ничего не было.

Скелет начал переступать с ноги на ногу и улыбаться. Самое жуткое – смотреть, как Кащей улыбается.

Он расхохотался, но ни звука не долетело в зрительный зал. Это тоже было страшно.

Кащей казался совершенно реальным и объемным, будто он не был изображен на плоскости силой воображения ребенка, а просто отразился в зеркале, и все время хотелось оглянуться, чтобы проверить, нет ли Кащея Бессмертного в зале, не затаился ли он за спиной.

– Готов ли твой Кащей? – спросила тетя Дуся.

– Наверное, готов, – ответил мальчик.

– Нравится он тебе?

– Как живой! – ответил мальчик.

– Теперь мне, теперь мне! – закричал мальчик Миша.

– Сначала, – сказала тетя Дуся, – создатель этого чудовища мальчик Коля, а также его родственники и родители имеют право сфотографиро-

ваться у изображения Кащея Бессмертного. Стоимость фотографии – сто рублей.

– Много, – откликнулась мама мальчика. – Я уже разорилась!

– Мама! – буквально завопил мальчик Коля. – Ты хочешь оставить меня без праздника?

– Тебя я хочу оставить с праздником, а семью – с деньгами. Как только ты сфотографируешься, твой братишка Миша сразу побежит своего Кащея придумывать.

– Это очень полезно, – заявила тетя Дуся. – Познавательно!

Она ходила по манежу, постукивала концом хлыста по белому сапогу, икры ее ног были похожи на бутылки шампанского.

– Придумывание чудовищ и сказочных существ приятного вида, – рассуждала тетя Дуся, – развивает у детей воображение, а у взрослых – любовь к воспитанию детей. Мы этим занимаемся, чтобы помочь учителям и художникам. А ну, давай покажи нам, что ты умеешь делать.

Последние слова тети Дуси относились к Кащею Бессмертному. Монстр переступил с ноги на ногу. Тетя Дуся щелкнула хлыстом, подняв с манежа облако пыльных опилок. И тогда, ко всеобщему удивлению, скелет начал приплясывать, как будто вот-вот пустится вприсядку.

– Осторожнее! – вырвалось у Алисы. – Он может рассыпаться!

– Рассыплется – другого изобразим! – весело ответила тетя Дуся и еще раз щелкнула хлыстом.

Кащей постарался и в самом деле сплясать вприсядку, но тут одна из ног отвалилась и он запрыгал за ней, но тетя Дуся остановила его:

– Ты куда? Фотографироваться будем! – Тетя Дуся махнула хлыстом так, что он пронзил зеркало и ударил Кащея по плечу. Тот, хотя и был из костей, подпрыгнул от боли, скоренько приставил себе ногу, а тетя Дуся закричала мальчику Коле: – А ну, быстро фотографироваться! А то этот паразит совсем погибнет!

Мальчик Коля, расстроенный тем, что так жестоко обходятся с его изобретением, подошел к зеркалу, и под куполом начали вспыхивать звезды, а в воздухе – возникать и падать на опилки рядом с мальчиком большие фотографии Кащея. Потом возле несчастного Кащея сфотографировалась вся семья Пуделей, но Мише мама запретила придумывать чудовище. Пожалела денег.

– Хватит нам одного Кащея, – сказала она. – Коля даст тебе фотографию поиграть.

– А ну, кто следующий! Не робейте! – закричала тетя Дуся.

Алиса хотела откликнуться, но ее опять сбил с толку Поля.

– Давай я пойду, – прошептал робот, – я умею придумывать!

– Молчи и наблюдай! – приказала Алиса.

Из верхнего ряда на манеж спустился незнакомый парень. Он был выбрит, в ухе сверкала серьга, через плечо – пулеметная лента, из которой торчали незабудки. Он сразу протянул тете Дусе сотню и сказал:

– Давай усилитель. Изобразим Кащея в лучшем виде.

Немногочисленные зрители захлопали в ладоши.

Парень прищурился и протянул вперед руку.

Через минуту муть в зеркале превратилась в среднего роста костлявого дедушку с длинной белой бородой, вырастающей из худого лица...

– Нет, – сказал парень, – не так.

И тут же кожа с лица сошла и обнаружился бородатый череп. Зато остальная фигура оказалась закрытой длинным, до земли, черным плащом, словно это был не Кащей Бессмертный, а какой-то вождь Черных Легионов со зловещей планеты Икс.

В руке у Кащея вместо обыкновенной сабельки возник бластер, извергавший зеленые лучи, а над головой появилось сияние.

– Инопланетный Кащей, – сообщил молодой человек, сделал кульбит и исчез в темноте задних рядов.

Сфотографироваться он не захотел, и тетя Дуся, сделав фотографии инопланетного Кащея, швырнула их в темноту, откуда раздался голос:

– Спасибо, тетя, ваш подарок принял!

Вдруг на манеж легко выбежал экс-чемпион мира по стрельбе из рогатки Алеша Вундермахер-Чудодеев. Смущаясь, он достал из кармана деньги и сказал:

– Если не возражаете, я бы желал создать существо из моего детства, то есть такого Кащея, который, на мой взгляд, наиболее точно соответствует общепринятому в фольклоре его образу.

– Для реализации изображений, – сказала тетя Дуся, – отбираю только тех чудищ, про которых никто ничего не знает. Художники их рисовали как черт на душу положит. Я вот завтра за Лихо Одноглазое возьмусь. Никто его не видел, только сказители о нем пели.

– И все же... Простите, не знаю вашего имени-отчества...

– Зови меня просто – Авдотьей Альбертовной.

– Тем не менее, Авдотья Альбертовна, в течение веков в нашем искусстве родился устойчивый образ Кащея Бессмертного.

– Валяй, – сказала тетя Дуся, – если ты такой упрямый. Нам не жалко.

Алешин Кащей Бессмертный был страшнее того Кащея, которого придумал мальчик Коля. Он тоже был скелетом, но не в сапогах, а в валенках. В костяной руке Кащея была золотая шкатулка, и Алиса сразу догадалась, что именно там хранится душа Кащея в виде иголки. На голове Кащея сидела ржавая железная корона, а на валенках болтались обрывки цепей – видно, Алеша вспомнил, что в какие-то отдаленные времена злодея держали в цепях.

– Чудесно, – сказала тетя Дуся. – Я тоже его представляла именно таким. Поклонись, Кащеюшка!

– Алиса, я встревожен, – сообщил робот Поля. – Если это только изображения, то почему они подчиняются этой большой женщине?

– Думаю, что это – вид гипноза, – сказала Алиса. – Мы с тобой загипнотизированы.

– А что же она тогда фотографирует? Гипноз?

– А кто сказал, что невозможно сфотографировать изображение, которого нет, но которое наш глаз видит?

Тут тетя Дуся предложила Алеше сфотографироваться вместе с Кащеем, который не переставая кланялся, как китайский болванчик, но Алеша возразил.

– У нас с супругой, – сказал он, – есть достаточно денег. Для тренировки в стрельбе из рогатки нам очень нужна подвижная мишень. Вот мы и подумали – продайте нам нашего Кащея.

– Ну как же я смогу это сделать, – развела руками тетя Дуся. – Ведь это же только видимость. На самом деле Кащея не существует.

– Но мы много заплатим, – сказал Алеша.

Из зала закричали:

– Молодой человек, отвяжитесь от женщины! Сказали, что невозможно, значит, невозможно.

– Оставьте мне ваш адрес, – быстро проговорила тетя Дуся. – Если у нас появится возможность производить настоящих Кащеев и драконов, мы вам обязательно позвоним.

Опечаленный Алеша протянул тете Дусе визитную карточку. Алису что-то кольнуло в сердце.

– Поля, – сказала она, – не спускай глаз с Алеши.

– Зачем? Он производит впечатление вполне культурного и порядочного молодого человека, – сказал робот.

– Не задавай лишних вопросов! – оборвала его Алиса.

А тем временем тетя Дуся вышла на середину манежа и снова крикнула:

– Есть ли еще желающие показать нам своего Кащея?

– Я иду, тетя Дуся! – крикнула Алиса, сбегая по проходу вниз.

– Кого я вижу! – радостно воскликнула тетя Дуся. – К нам в гости пришла дочь самого профессора Селезнева. Поприветствуем ее, господа!

Раздались аплодисменты. Алисе не видны были люди – прожектора били в глаза, и казалось, что тебя держат в воздухе, как бабочку на булавке.

– Чего же ты хочешь, девочка? – спросила тетя Дуся. Но Алиса чувствовала, что на самом деле тетя Дуся вовсе не рада тому, что дочка директора Космозо пришла на Ярмарку и увидела ее тут.

– Я тоже хочу придумать Кащея, – сказала Алиса.

– Ах, какая жалость! – воскликнула тетя Дуся. – У меня аккумулятор сел. Нельзя больше придумывать.

– У меня есть деньги, – сказала Алиса.

– Я была бы рада сделать это для тебя бесплатно. Но на сегодня представление окончено. Приходи завтра, девочка.

– Может быть, вы разрешите сделать маленького Кащея? – спросила Алиса.

– Нельзя даже маленького.

Тетя Дуся подняла руку, и тут же прожектора и звезды под куполом погасли и в зале зажегся свет. Зрители поняли, что представление закончено, и начали подниматься с мест. Алиса видела, как встали чемпионы мира по стрельбе из рогатки, как пошли к выходу всей семьей Коля, Миша и их родители Пудели, парень с серьгой, поддерживая за локоть подружку, какие-то еще незнакомые люди выходили из зала.

– А можно заглянуть туда? – спросила Алиса тетю Дусю, показывая на зеркало.

– Зачем? – удивилась тетя Дуся.

От нее пахло потом, пылью, пудрой и одеколоном. Она была похожа на толстую лошадь.

– Мне интересно, не осталось ли что-нибудь там от ваших Кащеев?

– Это невозможно, – сказала тетя Дуся. – Это совершенно невозможно! После того как Кащея сфотографируют, я смываю изображение. Из этого раствора можно сделать нового Кащея.

– Или водяного?

– Или водяного.

– Или Соловья-разбойника?

– Тебе рассказывали, как мы тут изобретали соловьев-разбойников?

– Я викады снаружи видела.

– Как жаль, что тебя не было позавчера, когда мы их изобретали. Это было так весело!

– И ни один из них не мог случайно улететь?

– Да ты с ума сошла, Алисочка! Такие звери могут разбредаться по всей стране и пугать детей! Нет, я честно зарабатываю свой кусок хлеба. Я беру деньги за билеты, я продаю фотографии на память, я продаю фотографии художникам, которые иллюстрируют детские сказки...

Тетя Дуся собрала стопку фотографий, положила их в большой конверт, потом погасила почти весь свет. Она увидела, что Алиса все же хочет заглянуть за зеркало, и рассердилась:

– Я же сказала тебе, что там никого нет! Ты была бы довольна, если бы я пришла к тебе домой и стала рваться в детскую, где ты хранишь любимых куколок?

Алиса хотела было с презрением отмести подобное подозрение, даже повернулась было, чтобы позвать на помощь Полю, – пускай он подтвердит, что у Алисы тысячу лет как нет никаких куколок, но Поли нигде не было – видно, он выслеживал Алешу.

Сочтя молчание Алисы за сомнение, тетя Дуся быстро вывела ее наружу и оставила посреди шумной вечерней Ярмарки у входа в павильон.

– Ты найдешь дорогу домой? – спросила тетя Дуся.

– Да, – ответила Алиса, стараясь казаться робкой девочкой.

– Тогда иди, у меня еще дела, надо аккумулятор на завтра зарядить.

Алиса отошла на несколько шагов от входа в балаган. Вокруг гремели оркестры, сверкали фейерверки, смеялись дети и взрослые...

Где же Поля?

Он не мог потерять Алешу из виду.

Алиса решила еще раз проверить, действительно ли Кащей – только изображение, видимость на экране. Если тетя Дуся права, то окажется, что Алиса зря потеряла вечер и ей нечем будет порадовать комиссара Милодара.

Надо было найти задний вход в балаган, чтобы проверить, есть ли там кто-нибудь.

Она обошла балаган вокруг, для этого ей пришлось перешагивать через канаты, обходить колья, даже отгонять злого бродячего кота, который думал, что темный мир между балаганами – это его царство.

И тут она натолкнулась на мостки, которые вели от балагана к небольшой барже, стоявшей на озере позади балагана, почти привалившись к берегу. Зачем фокуснице баржа?

На барже было темно.

Алиса осторожно ступила на мостки и услышала тихие голоса на барже. В задней надстройке открылся люк, и оттуда вышла тетя Дуся, которую можно было угадать лишь по короткому и широкому силуэту. Тетя Дуся вела за собой на веревке скелет, который позванивал на ходу обрывками цепей и громко вздыхал.

– Да помолчи ты, тут Алиска может ошиваться, – зло сказала тетя Дуся. – Еще донесет папаше, и закроют нас, а закроют – не видать нам больше своих денежек!

Тетя Дуся прошла совсем близко от Алисы, девочка даже почувствовала, как от нее попахивает пивом. За тетей Дусей, позванивая цепями, плелся Кащей Бессмертный.

Алиса изо всех сил вглядывалась в темноту, стараясь понять, какого из Кащеев волочит за собой бывшая служительница зоопарка.

«Ну конечно же, цепи есть только на Кащее, придуманном Алешей. Видно, жадная тетя Дуся решила все же отвезти Кащея к нему, ведь он оставил ей свой адрес?»

Алиса увидела, что наверху, на откосе берега, между балаганами тетю Дусю ждут.

– Ты здесь? – прошептала тетя Дуся.

– Да, мы здесь, – ответил экс-чемпион мира по стрельбе из рогатки.

– Деньги с собой?

– Деньги с собой, – ответил Алеша.

– Протяни мне руку – я тебе товар тащу, – сказала тетя Дуся.

– А его кормить надо? – спросила жена чемпиона мира.

– Обойдется, – сказала тетя Дуся.

– Младенцев хочу, – прорычал Кащей Бессмертный. Впервые Алиса услышала его голос. – Сладеньких младенцев люблю!

– Кого он хочет? – испуганно спросила Алешина жена.

– Леденцов, – нагло ответила тетя Дуся.

«Ни в чем ей верить нельзя», – поняла Алиса.

– Скажите только, – попросил Алеша, – а как они у вас получаются?

– Тайна профессии, – ответила тетя Дуся. – Впрочем, никакой тут особой тайны нет. Усилитель воображения у меня импортный, рассчитанный на мелких вирронианцев. У них и биоволны мозга мелкие, короткие. А как я поставила его в нашем балагане, оказалось, что он не только изображения делает, но и настоящих чучелов изготавливает.

– Он опасный? – вякнула чемпионка.

– Какой он опасный! Это же видимость одна. Привидение, по сути дела. Вы его спокойно можете как мишень использовать.

– Последний вопрос, – сказал Алеша. – Вы гарантируете нам, что этому привидению... не будет больно, если мы станем стрелять в него из рогатки?

– Если из рогатки, то не больно, гарантирую, – сказала тетя Дуся. – Что я, садистка, что ли? Где деньги?

– Сейчас, сейчас... Но меня не покидают некоторые сомнения...

– Молодой человек, – сказала тетя Дуся, – если вы уж решили совершать незаконный поступок и стрелять в Кащея Бессмертного из рогатки, то не надо изображать из себя первоклассницу.

– Она права, мой драгоценный, – произнесла До Ди Джо.

Зашуршали деньги – Алеша расплачивался.

Алиса убедилась, что по крайней мере один из Кащеев существует вне экрана. Следовало узнать, где тетя Дуся прячет других и какие у нее на них планы.

Для этого Алиса решила незаметно проникнуть на баржу, так как подозревала, что именно там ей удастся раскрыть секрет. И завтра она сможет со сдержанной улыбкой представить комиссару Милодару разгадку тайны, на что были не способны все его агенты.

Но не всегда получается как хочешь.

Только Алиса приняла решение, как услышала знакомый пронзительный голос:

– Я не позволю! Я вас привлеку по статье за жестокость к искусственным созданиям, включая роботов и привидений! Сейчас же отпустите Кащея на свободу!

Господи, ну кто просил этого глупого и честного робота Полю вмешиваться именно тогда, когда все так хорошо получалось!

Поля бросился с высокого берега на тетю Дусю, но его погубило то, что вместо неожиданного нападения он решил сначала сказать речь и дал возможность противнику прийти в себя.

Глаза Алисы уже привыкли к неверной полутьме, и она увидела, как тетя Дуся размахнулась и своим хлыстом полоснула робота Полю так, что он потерял равновесие и зашатался. А экс-чемпион Алеша успел выхватить из-за пояса рогатку и всадил шарик в голову роботу. Тот окончательно сошел с катушек и со всего размаху бухнулся в воду у берега.

Алисе бы оставаться на месте – ее же никто не искал. Но нельзя было бросать Полю без защиты. Она кинулась к роботу, чтобы поддержать его, и угодила прямо в руки тети Дуси.

Она услышала сначала всплеск – это робот рухнул в воду, а затем укоризненный голос тети Дуси:

– Я же предупреждала, Алисочка: не лезь, куда тебя не просят! Вот ты себя и погубила.

– Я только хотела помочь роботу, – призналась Алиса.

– Твой робот, считай, утонул. А вот что делать с тобой, не знаю.

– Отпустите ее, – сказал Алеша. – Немедленно отпустите девочку!

– А кто у меня Кащея Бессмертного купил? Дядя Вася? А кто из рогатки мирному роботу в лоб попал и, может, его вывел из строя? Дядя Вася?

Алеша смущенно замолчал. «Вот так человек ступает на путь преступлений, – подумала Алиса, – делает один неверный шаг, и всегда найдется кто-то, кто поможет сделать еще один шаг и еще один... пока не наступит момент, после которого поздно поворачивать назад».

– Бери своего Кащея и мотай отсюда! – приказала тетя Дуся. – Иди берегом озера, чтобы тебя не заметили.

– А Алиса? – испуганно спросила чемпионка.

– Ничего плохого с ней не будет, – рассмеялась тетя Дуся. – Мы не убийцы. Алиса проведет ночь взаперти, чтобы мы могли уехать, куда хотим. Что и вам советую сделать. А ну, быстро!

Загремели, удаляясь, цепи Кащея. Алиса поняла, что стрелки из рогатки дружно убежали, уводя с собой покупку.

Конечно, Поле плохо лежать на дне, но Алиса понимала, что ничего особенного с роботом не случится. Как только она отделается от тети Дуси, Полю тут же вытащат, откачают, высушат, и станет он лучше прежнего. Но что будет с ней самой?

– А тебе придется немного посидеть на барже! – сообщила тетя Дуся, убедившись в том, что все противники и союзники обезврежены.

Когда Алиса попыталась сопротивляться, тетя Дуся, привыкшая укрощать бронтозавров, в мгновение ока скрутила Алису и кинула ее в каюту баржи. Алиса не удержалась и свалилась по трапу на пол.

Хлопнул люк. Загремел засов.

Послышались тяжелые шаги служительницы.

Потом заскрипели мостки.

Тетя Дуся поднялась на берег.

Глава седьмая
ПРИВИДЕНИЯ НА БАРЖЕ

Свет попадал в каюту через небольшие круглые люки в бортах, выше Алисиной головы. Глаза Алисы уже привыкли к темноте, но она зажмурилась, чтобы глаза привыкли еще лучше.

И вот, когда она стояла с зажмуренными глазами, Алиса поняла, что в каюте баржи она не одна. Кто-то тут есть еще...

За бортом начался новый фейерверк, шутихи, ракеты вспыхивали часто и бурно, и при каждой вспышке света Алиса могла все лучше разглядеть, кто же находится в трюме кроме нее.

И нетрудно догадаться, что в трюме оказались два Кащея Бессмертных.

Первый, придуманный мальчиком Колей, был скелетом, у которого все время отваливалась правая нога, а второй, которого придумал парень с серьгой, был Кащеем инопланетным, с бластером в руке, в длинном плаще и с бородой, которая росла прямо из черепа.

Алисе стало страшно.

Она стала отступать, потому что оба Кащея медленно приближались к ней. И притом молчали, а от этого Алисе было еще страшнее.

– Смерть! – неожиданно произнес одноногий Кащей.

– Смерть! – повторил за ним инопланетный Кащей и тут же выстрелил в Алису из бластера.

К счастью, бластер у него был ненастоящий, иначе бы вся баржа вспыхнула. Луч лишь осветил внутренность каюты.

Алиса поняла, что если бластером ее Кащей не достанет, то костлявыми руками он легко ее задушит.

Алисе стало страшно.
Она стала отступать, потому что оба
Кащея медленно приближались к ней.

При очередной вспышке бластера, осветившей все мертвенным зеленым светом и отразившейся в холодных, глубоко спрятанных в глазницах глазах Кащеев, Алиса увидела за трапом небольшой люк.

Он был приоткрыт.

Отступая, Алиса стала уговаривать Кащеев:

– Спокойно. Я же ничего плохого вам не сделала... Мы с вами товарищи по несчастью...

– Смерть! – прорычал инопланетный Кащей и снова начал палить из бластера.

К счастью, пока он палил, то вперед не двигался. И Алиса, забежав за трап, постаралась нырнуть в люк. Передний Кащей ударился о трап и стал чертыхаться, второй налетел на него. Таким образом, у Алисы образовалась маленькая передышка – она не только перебралась в следующее помещение, но и успела закрыть дверь на задвижку.

Как только она это сделала, первый из Кащеев добрался до двери и стал в нее ломиться, правда, без особого успеха, потому что переборки на барже оказались крепкими, не по зубам Кащею Бессмертному, даже если он инопланетного происхождения.

По свету, который попадал внутрь из небольшого иллюминатора над головой, Алиса поняла, что оказалась в небольшой кладовке, где хранились веревки, куски холста, войлок и прочие хозяйственные предметы. Алиса, страшно уставшая за день, тут же соорудила себе постель. Забравшись на гору холста и канатов, она выглянула в иллюминатор и поняла, что перед бегством тетя Дуся сумела оттолкнуть баржу от берега, и теперь она покачивалась посреди озера, а отсюда ни до кого не докричишься.

Тогда Алиса решила не волноваться.

Она сказала Кащеям:

– Конечно, вы можете ломиться и дальше, но двери здесь крепкие, а я вас совсем не боюсь. Так что лучше тоже отдохните, завтра вам придется разговаривать с самим комиссаром Милодаром, а он человек очень серьезный.

Кащеи еще немного потолкались в дверь, потом замолчали.

Алиса заснула.

Она спала хорошо, без снов, потому что всегда спится лучше в путешествии на корабле...

А проснулась Алиса от шума и шагов на палубе.

– Эй! – крикнула она, поднимаясь.

И тут же ударилась головой о ступеньку трапа.

Шаги приблизились, и кто-то крикнул знакомым голосом:

– Она здесь! Я слышала!

Застучали быстрые шаги, кто-то сбежал в трюм и стал ломиться в дверь.

– Одну минутку, – сказала Алиса. – Сейчас открою.

В ее каютке было светло – рассвет наполнил ее голубым воздухом.

Дверь отворилась, и Алиса кинулась на грудь к маме, которая и была первой поднявшейся на борт баржи.

Алиса обнималась и целовалась с мамой, вернувшейся из командировки ночью, папой, роботом Полей и другом детства Пашкой, который страшно завидовал, что приключение обошлось без него. Потом Алисе рассказали, что, пока она мирно спала в кладовке, а два Кащея сторожили ее в трюме, дома поднялась паника – куда делся ребенок?

Сообщили Милодару. Милодар поднял на ноги Галактическую полицию и ничего не нашел. Никто же не догадался отправиться на Ярмарку Чудес!

Дома ничего не было известно до середины ночи, пока не появился робот Поля.

Он был вне себя, ничего не соображал, потому что выполз на берег промокшим до последнего кристалла и через двадцать шагов совершенно отключился. На него случайно натолкнулся ночной сторож Ярмарки и сообщил номер робота в милицию.

Полю привезли домой, протерли, просушили все сопротивления и сочленения, промазали лучшим маслом, и тогда к нему вернулась память.

Это произошло уже на рассвете.

Но и робот Поля не знал, куда могла деться Алиса, потому что он угодил в воду раньше, чем ее заточили на барже.

Зато робот Поля знал, что один из Кащеев незаконным образом попал в руки Алеши и его жены.

С утра Селезневы и Милодар кинулись туда и разбудили молодых людей. Те были страшно смущены тем, что совершили не очень благородный поступок, и сразу повели Милодара и Селезневых в сарай, где устроили своего Кащея.

Кащея там не было!

Они его заперли на ночь, но он исчез.

Зато стрелки из рогатки догадались, что Алису надо искать на барже, куда ее отдали в лапы двум другим Кащеям.

Разгневанный Милодар бросился к тете Дусе, а остальные – на Ярмарку.

Баржу нашли посреди озера.

А дальнейшее всем известно.

За исключением одной детали: ни одного Кащея Бессмертного на барже не обнаружилось.

А так как вряд ли кто-то мог побывать на барже ночью и выгрузить Кащеев, значит, человечество встало перед новой загадкой, разгадать которую было не очень легко.

Но решение этой загадки явно знала тетя Дуся.

Когда ее разбудили и обвинили в похищении Алисы, да еще в попытке убить девочку с помощью Кащеев, тетя Дуся совершенно спокойно отправилась с Милодаром на баржу и по дороге сообщила, что никаких Кащеев там быть не может и не было никогда, потому что Кащеи – это

воображаемые изображения на экране. Как их можно отправить на баржу?

Конечно, Милодар не поверил тете Дусе. Ведь он уже понимал, что Алиса наткнулась на след страшных чудовищ, которые мучили Москву все последние дни. А источник этих чудовищ – балаган тети Дуси.

Так что когда все собрались на барже, тете Дусе пришлось во всем сознаться.

Она как-то по случаю дешево купила аппарат для передачи мыслей на экран. На одной планете его использовали врачи, чтобы ставить диагноз больным. Но воображение людей на Земле оказалось куда сильнее, чем у тех, кто изобрел этот приборчик. Ну что бы стоило тете Дусе сообщить об этом в Академию наук или хотя бы в милицию, чтобы никого не пугать. А она не сообщила. Она научилась делать фокусы – ее чудовища по приказу хозяйки совершали всякие движения, плясали и даже страдали, когда их били хлыстом.

Но конечно же одной женщине, даже такой сильной, как тетя Дуся, было невозможно усмотреть за своими чудищами.

После представления тетя Дуся загоняла их всех в трюм на барже и отправляла баржу на середину озера. А утром приплывала к ней в лодочке и пригоняла баржу обратно. Но не всегда ей удавалось упрятать всех чудищ, особенно когда в балагане был народ и сеанс шел за сеансом. Некоторые из них вырывались и бегали по окрестностям.

– Но потом? Потом-то что с ними случалось? – настаивал комиссар. – Почему мы не могли их найти?

– А потом они исчезали. Как и положено, – спокойно ответила тетя Дуся.

– А как положено? – спросил Милодар.

– Я догадалась! – закричала Алиса.

– Что-то ты слишком догадлива для обыкновенной девочки, – недовольно сказал Милодар.

– А кто сказал, что я обыкновенная девочка? – удивилась Алиса. – Такие чудовища, как и черные сны, и вообще всякая нечисть, исчезают с первым криком петуха. Потому-то их на следующий день не могут отыскать!

– Эта девочка слишком много знает, – мрачно сказала тетя Дуся. – Мне самой пришлось потратить неделю, прежде чем я догадалась, куда деваются все мои крохотулечки, когда я прихожу утром покормить их человечиной.

– Ах, – сказал робот Поля и попытался упасть в обморок.

Но Алиса подхватила его и сказала уверенно:

– Тетя шутит.

– Еще как шучу! – согласилась тетя Дуся. – А тебя, Алисочка, знала бы – утопила! Это не шутка.

Робот Поля опять попытался упасть в обморок. На этот раз Алиса ему не мешала. Она сказала:

– Не бойся! У нее ничего не получится.

КЛАД НАПОЛЕОНА
7

ВОЙНА С ЛИЛИПУТАМИ

Часть первая
СРАЖЕНИЕ В КУСТАХ

Глава первая
СУДЬБА ХРИСТОФОРА КОЛУМБА 15

Глава вторая
ПО СЛЕДАМ ГУЛЛИВЕРА 24

Глава третья
ПЕРЕД ПУТЕШЕСТВИЕМ 28

Глава четвертая
КЛЮЧ НА СТАРТ! 33

Глава пятая
НАПАДЕНИЕ СКУНУСИКА 45

Глава шестая
МОРДАШКИН, ПОЩАДИ РЕБЕНКА! 52

Глава седьмая
АРКАША ИСЧЕЗ! 58

Глава восьмая
В ПОИСКАХ АРКАШИ 65

Глава девятая
В ПЛЕНУ У ЛИЛИПУТОВ 71

Глава десятая
ЗАВОЕВАТЕЛИ ЗЕМЛИ 82

Глава одиннадцатая
ГИБЕЛЬ МОРДАШКИНА 94

Глава двенадцатая
ГЕРАСКИН ВСТУПАЕТ В БОЙ 100

Глава тринадцатая
БАБУШКИНЫ ДРАКОНЫ И СКУНУСИКИ 106

Часть вторая
КТО Я?

Глава первая
РАССКАЗ МАЛЕНЬКОЙ РАБЫНИ 114
Глава вторая
СНОВА ЛИЛИПУТЫ! 125
Глава третья
ЛЕТИМ К РАБОВЛАДЕЛЬЦАМ! 134
Глава четвертая
КАК КУПИТЬ РАБЫНЮ? 141
Глава пятая
ГИГАНТЫ И ЛИЛИПУТЫ 148
Глава шестая
ТАЙНА ОСТАЕТСЯ ТАЙНОЙ 165

Часть третья
ПОГОНЯ ЗА ПРОШЛЫМ

Глава первая
КЕНТАВР ИЗ ЦИРКА 168
Глава вторая
ВОСПОМИНАНИЯ О НЕВОЛЕ 174
Глава третья
ОДНОДНЕВКИ ФОКИ ГРАНТА 185
Глава четвертая
РЕСТОРАН «ВОДЫ ВОДИЧКИ» 199
Глава пятая
НОВЫЙ ДРУГ 209
Глава шестая
ЗАМОК В ПУСТЫНЕ 217
Глава седьмая
ПУСТЫННЫЕ КРОЛИКИ 224
Глава восьмая
ТАЙНА ПАПАШИ 232
Глава девятая
ВОЗВРАЩЕНИЕ ВОЛШЕБНИКОВ 239

Часть четвертая
В ПИРАТСКОМ ЛОГОВЕ

Глава первая
ВОЗЬМИТЕ НАС С СОБОЙ! 250

Глава вторая
ПРОИСШЕСТВИЕ НА КОСМОДРОМЕ 259

Глава третья
МУЗЫКАЛЬНЫЙ САЛОН БАРАБАНОВ 272

Глава четвертая
РАЗГОВОРЫ С УЧЕНЫМИ 279

Глава пятая
ТОРГОВЛЯ ЛЮДЬМИ 288

ЗОЛОТОЙ МЕДВЕЖОНОК
. 299

НАСТОЯЩЕЕ КИНО
. 341

АЛИСА И КРЕСТОНОСЦЫ

Глава
ПЕРВАЯ 349

Глава
ВТОРАЯ 353

Глава
ТРЕТЬЯ 366

Глава
ЧЕТВЕРТАЯ 372

Глава
ПЯТАЯ 376

Глава
ШЕСТАЯ 395

Глава
СЕДЬМАЯ 398

Глава
ВОСЬМАЯ 410
Глава
ДЕВЯТАЯ 421
Глава
ДЕСЯТАЯ 427
Глава
ОДИННАДЦАТАЯ 436
Глава
ДВЕНАДЦАТАЯ 443
Глава
ТРИНАДЦАТАЯ 458

ИЗЛУЧАТЕЛЬ ДОБРОТЫ

Глава первая
ОАЗИС В ПУСТЫНЕ 465
Глава вторая
ИСЧЕЗНОВЕНИЕ 490
Глава третья
ПОМОЩНИЦА ГРАФИНИ СЕРАФИНЫ 529
Глава четвертая
СЛЕДЫ ВЕДУТ В БАНГКОК 542
Глава пятая
БАНДИТЫ ЗОЛОТОГО ТРЕУГОЛЬНИКА 561

ДЕТИ ДИНОЗАВРОВ

Глава
ПЕРВАЯ 593
Глава
ВТОРАЯ 597
Глава
ТРЕТЬЯ 600
Глава
ЧЕТВЕРТАЯ 612

Глава
ПЯТАЯ 616
Глава
ШЕСТАЯ 622
Глава
СЕДЬМАЯ 634
Глава
ВОСЬМАЯ 643
Глава
ДЕВЯТАЯ 650
Глава
ДЕСЯТАЯ 654
Глава
ОДИННАДЦАТАЯ 667
Глава
ДВЕНАДЦАТАЯ 670
Глава
ТРИНАДЦАТАЯ 673
Глава
ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ 676

СЫЩИК АЛИСА

Глава первая
КОЛЕСА ДЛЯ БОГОМОЛА 681
Глава вторая
ВОДЯНОЙ В ПРУДУ 694
Глава третья
ГОСТИ ИЗ СКАЗОЧНОГО ЛЕСА 706
Глава четвертая
СОЛОВЬИ-РАЗБОЙНИКИ 712
Глава пятая
СЫЩИКИ ПРИНИМАЮТ РЕШЕНИЕ 722
Глава шестая
СТРАННЫЙ ЦИРК 742
Глава седьмая
ПРИВИДЕНИЯ НА БАРЖЕ 756

Кир Булычёв

ПРИКЛЮЧЕНИЯ АЛИСЫ

БИБЛИОТЕКА МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Том 211

На основании п. 2.3 статьи 1 Федерального закона № 436-ФЗ от 29.12.2010 не требуется знак информационной продукции, так как данное издание классического произведения имеет значительную историческую, художественную и культурную ценность для общества

Компьютерная верстка, обработка иллюстраций
Е. Гезенцвея

Дизайн обложки, подготовка к печати
А. Яскевича

Гарнитура Гарамонд Премьер Про
13 кегль

Сдано в печать 13.10.2023
Объем 48 печ. листов
Тираж 1500 экз.
Заказ № 5727/23

Бумага
Сыктывкарская книжная кремовая офсетная 60 г/м^2

ООО «СЗКЭО»
Телефон в Санкт-Петербурге: +7 (812) 365-40-44
E-mail: knigi@szko.ru
Интернет-магазин: www.сзкэо.рф

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт»,
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс №3А,
www.pareto-print.ru

Третья книга в серии БМЛ о приключениях «гостьи из будущего» Алисы Селезневой и ее старых добрых знакомых включает пять повестей и три рассказа. Читатели узнают, как юная, но уже бывалая путешественница попадает в мир насекомых. Алисе предстоит встреча с суровой пустыней Ледяного астероида и секретной пиратской планетой. Писатель-фантаст Игорь Всеволодович Можейко, известный в литературном мире под псевдонимом Кир Булычев, отправляет свою героиню в Средневековье, где она оказывается в центре исторических событий. В повести «Излучатель доброты» Алиса становится участницей детективной истории и начинает расследовать таинственное похищение учёного, пропавшего накануне своего юбилея. В другой повести сборника Алисе предстоит спасти динозавров, обитающих на далекой планете. Сюжеты прочих повестей не менее любопытны. Не случайно к концу XX века Можейко стал в нашей стране одним из самых популярных фантастов. Секрет его успеха заключается в неуемной фантазии и невероятной работоспособности. Из-под пера Можейко вышли сотни рассказов, повестей и романов. А были еще и переводы иностранной фантастики — более двух десятков авторов. Выпущенное в начале XXI в. собрание сочинений Кира Булычёва составило 18 томов. Важное место в них занимала «Алисиана» — цикл, посвященный приключениям Алисы Селезневой, с которой читатели вновь встречаются на страницах этой книги.

Рисунки в этой книге выполнены Евгением Тихоновичем Мигуновым. Он почти всегда изображает своих героев в движении, и это не случайно, ведь художник много лет проработал в анимационном кино. В 1939 году Евгений Тихонович поступил на художественный факультет Всероссийского государственного института кинематографии, где начал заниматься в мастерской знаменитого Иванова-Вано. Окончив ВГИК, Мигунов стал не обычным художником-мультипликатором, а сделался настоящим новатором рисованного и кукольного кино. Его творческие наработки сыграли важную роль в становлении современной школы русской мультипликации. Мигунов придумывал новые приемы, патентовал изобретения, помогавшие «оживлять» кукол, предлагал новые режиссерские приемы. С 1961 года Евгений Тихонович начал сотрудничать с журналами «Мурзилка», «Веселые картинки», «Пионер», «Крокодил», делая для них многочисленные иллюстрации. Рука мастера в них узнается с первого взгляда. В 1965 году с его иллюстрациями вышла повесть Стругацких «Понедельник начинается в субботу». По манере и технике они очень похожи на рисунки Евгения Тихоновича к повестям Булычева. Главной их отличительной чертой является динамизм.